

СУПЕРБОЕВИК ОТ СУПЕРАВТОРА

АЛЛАН ФОЛСОМ



ДЕНЬ ИСПОВЕДИ

ВВЕРХ ПО ДОРОГЕ, ВЕДУЩЕЙ В АД

В Италии во время празднования дня рождения папы римского убит кардинал. Вскоре в Лос-Анджелесе Гарри Аддисон, преуспевающий юрист, обнаруживает на автоответчике запись отчаянного призыва о помощи от своего родного брата Дэниела, уже много лет живущего в Ватикане и принявшего сан священника. И буквально через несколько часов туристский автобус, в котором Дэниел едет в Ассизи, взрывается на дороге. Гарри Аддисон срочно приезжает в Италию и неожиданно оказывается в самом средоточии поистине кафкианской фантасмагории жестокого насилия и террора...

Аллан Фолсом
День исповеди

Посвящается Карен, Райли и Элен.

Действующие лица

Гарри Аддисон

Отец Дэниел Аддисон — младший брат Гарри, священник в Ватикане, личный секретарь кардинала Марчиано

Медицинская сестра Елена Восо

Геркулес, карлик

Ватикан

Джакомо Печчи, Папа Лев XIV

Ближайшее окружение Папы, Uomini di fiducia^[1]

Кардинал Умберто Палестрина

Кардинал Никола Марчиано

Кардинал Йозеф Матади

Монсеньор Фабио Капицци

Кардинал-викарий Рима Росарио Парма

Отец Бардони — личный помощник кардинала Марчиано

Ватиканская полиция

Яков Фарел — начальник ватиканской полиции

Итальянская полиция

Отелло Роскани — детектив по расследованию убийств

Джанни Пио — детектив по расследованию убийств

Скала — детектив по расследованию убийств

Кастеллетти — детектив по расследованию убийств

Gruppo Cardinale^[2] — специальная группа, созданная по приказу министра внутренних дел Италии для расследования убийства кардинала-викария Рима^[3]

Марчелло Талья — руководитель Gruppo Cardinale

Китайцы

Ли Вэнь — государственный инспектор по водопользованию

Янь Е — президент Народного банка Китая

Цзян Юмэй — посол Китая в Италии

Чжоу И — атташе по политическим вопросам посольства Китая

Чень Инь — торговец цветами

У Сянь — генеральный секретарь Коммунистической партии

Прочие

Томас Хосе Альварес-Риос Добряк — международный террорист

Адрианна Холл — корреспондент «Всемирной сети новостей»

Джеймс Итон — первый секретарь советника по политическим вопросам посольства

Соединенных Штатов, Рим

Пьер Вегген — швейцарский банкир-инвестор

Мигель Валера — испанский коммунист

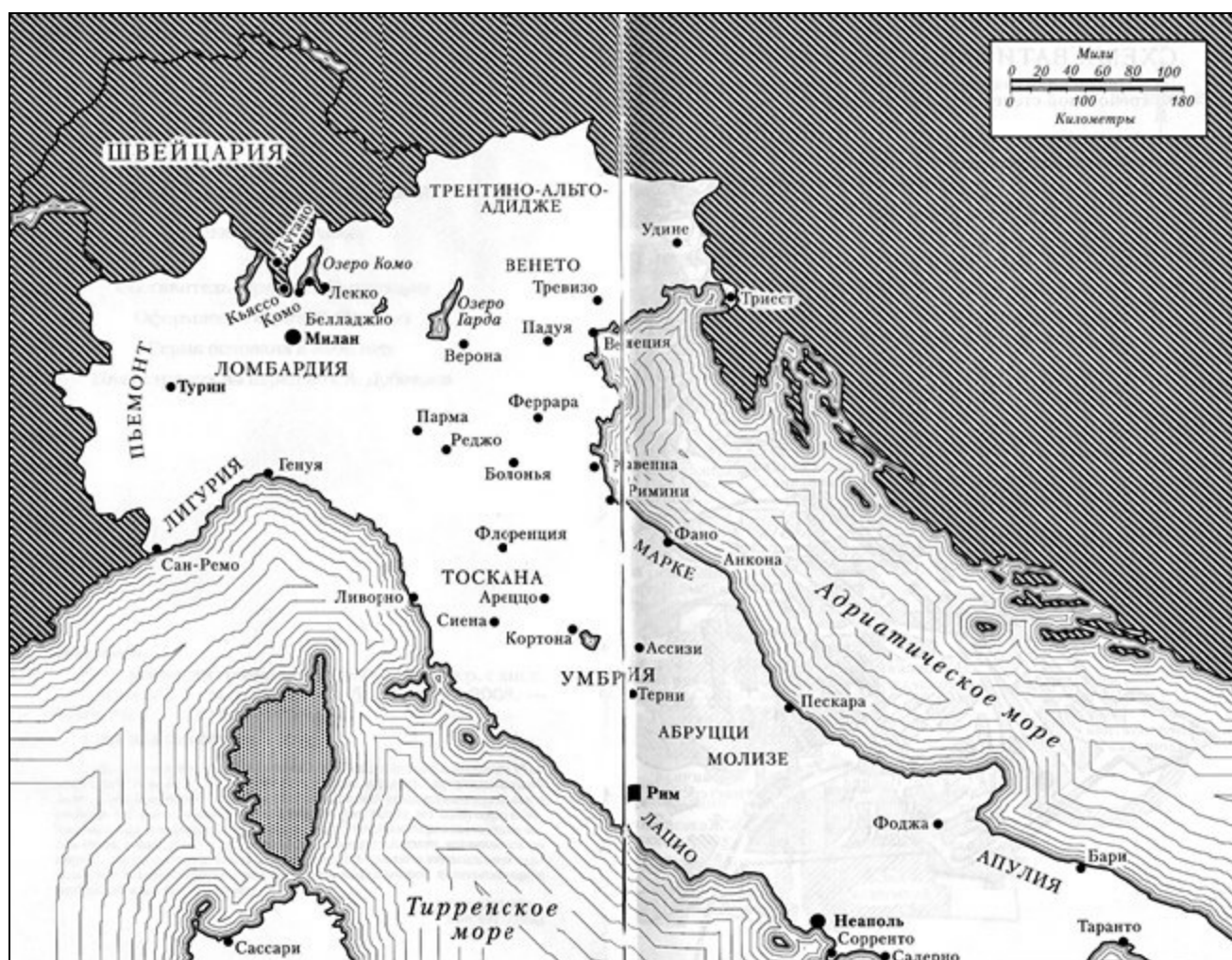
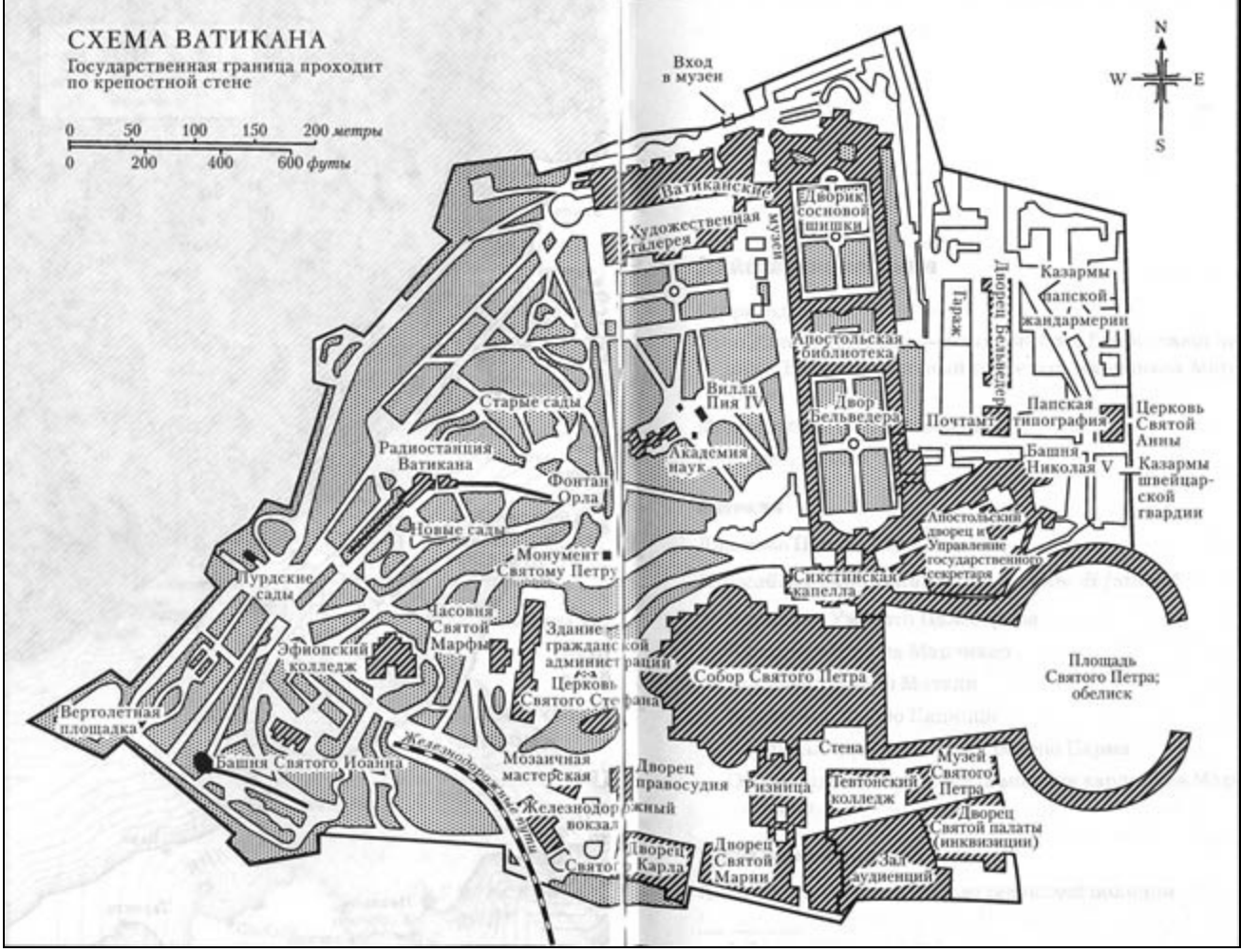
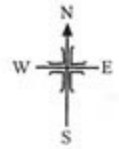


СХЕМА ВАТИКАНА

Государственная граница проходит по крепостной стене

0 50 100 150 200 метры
0 200 400 600 фудты



В этот день он называл себя С. и был поразительно похож на Мигеля Валера, тридцатисемилетнего испанца, который спал, одурманенный наркотиками, тревожным некрепким сном у противоположной стены комнаты. Квартира не представляла собой ничего особенного — две комнаты с окнами на улицу, крохотная кухонька и ванная, на пятом этаже. Дешевая обшарпанная мебель, типичная для сдаваемых на короткий срок жилищ. Самыми заметными предметами обстановки были обитая вытертым плюшем кушетка, на которой раскинулся испанец, и журнальный столик, стоявший немного в стороне от того самого окна, из которого С. глядел на улицу.

Действительно, квартирка была паршивой. Зато бесценным оказался вид из ее окон — на газоны пьядца Сан-Джованни и находящуюся на противоположной стороне средневековую базилику Сан-Джованни ин Латерано, кафедральный собор Римской епархии и «мать всех церквей», заложенную императором Константином в 313 году. А сегодня вид из окон впечатлял еще сильнее, чем обычно. Внутри базилики Джакомо Печчи, он же Папа Лев XIV, служил праздничную мессу по случаю своего семидесятипятилетия, и, судя по запрудившей площадь толпе, весь Рим праздновал вместе с ним.

С. пригладил ладонью свои выкрашенные в черный цвет волосы и оглянулся на Валера. Через десять минут тот должен открыть глаза. Через двадцать — полностью придет в себя. Отвернувшись от спящего, С. уставился на экран допотопного черно-белого телевизора, стоявшего в углу. Шла прямая трансляция мессы из базилики.

Папа в белом церемониальном облачении обращался к стоявшим перед ним молящимся, глядя в их лица; его одухотворенный взгляд находил их глаза, укрепляя их дух и вселяя надежды. Он любил этих людей, а они любили его, и это, казалось, возвращало ему молодость, вопреки преклонному возрасту и хотя и постепенному, но неизбежному ухудшению здоровья.

Но вот телекамера оторвалась от Папы и прошла по знакомым лицам политиков, знаменитостей и крупных бизнесменов, находившихся в церкви. Потом на экране мелькнули пятеро священнослужителей, сидевших за спиной понтифика. Это были его доверенные советники. Его *uomini di fiducia*. Ближний круг. Пожалуй, наиболее влиятельные люди во всей Римско-католической церкви.

Кардинал Умберто Палестрина. 62 года. Сирота, уличный мальчишка из Неаполя, достигший положения государственного секретаря Ватикана. Чрезвычайно популярный в церкви и пользующийся ничуть не меньшим уважением в международном дипломатическом сообществе. Крупный мужчина — шесть футов семь дюймов росту и двести семьдесят фунтов весу.

Росарио Парма. 67 лет. Кардинал-викарий Рима, высокого роста, суровый консервативный прелат из Флоренции. Это в его епархии и в его храме проходила праздничная месса.

Кардинал Йозеф Матади. 57 лет. Префект Конгрегации по делам епископов. Уроженец Заира. Широкоплечий, общительный, объездивший весь мир, владеющий многими языками

и наделенный пронизательностью и хитроумием, необходимыми дипломату.

Монсеньор Фабио Капици. 62 года. Генеральный директор Банка Ватикана. Уроженец Милана. Получил дипломы Оксфордского и Йельского университетов и успел, перед тем как тридцати лет от роду поступить в семинарию, создать практически из ничего миллионное состояние.

Кардинал Никола Марчиано. 60 лет. Старший сын тосканского крестьянина, получил образование в Швейцарии и Риме, президент администрации Владений апостольского престола; в этом качестве осуществляет верховный надзор за капиталовложениями, которые делаются от имени Ватикана.

ЩЕЛК!

Затянутой в перчатку рукой С. выключил телевизор и вновь подошел к столу, стоявшему возле окна. За его спиной закашлялся и дернулся на кушетке Мигель Валера. С. мельком оглянулся на него и вновь уставился в окно. Полиция успела образовать барьер, чтобы отгородить толпу от площадки перед входом в базилику, а теперь на этой площадке перед высокими бронзовыми дверьми храма выстроились две шеренги конных полицейских. Слева С. разглядел дюжину темно-синих микроавтобусов, полускрытых фигурами конников от взглядов собравшихся на площади людей. А рядом с автобусами расположился внушительный отряд полицейского спецназа, тоже почти невидимый, но готовый при необходимости вступить в действие. Внезапно к подножию лестницы, спускавшейся от дверей базилики, подъехали четыре темные «ланчии» без номерных знаков, принадлежавшие Polizia di Stato — государственной полиции Италии, которая обеспечивала охрану Папы и кардиналов за пределами Ватикана. В этих машинах Папа Римский и его советники должны были вернуться в Ватикан.

Бронзовые створки резко распахнулись. Толпа зашумела. И в ту же секунду во всех римских церквях зазвонили колокола. Некоторое время больше ничего не происходило. Затем С. услышал, как к колокольному звону вновь присоединился рев тысяч восторженных голосов — собравшиеся увидели фигуру в белом, ясно выделяющуюся среди красных одеяний приближенных. Эту группу, в свою очередь, плотно окружали охранники в строгих черных костюмах и темных очках.

Валера несколько раз моргнул, громко застонал и попытался повернуться. С. опять перевел на него взгляд, но лишь на одно мгновение, а затем наклонился и взял какой-то предмет, лежавший на полу в простенке между окнами и завернутый в самое прозаическое банное полотенце. Положив сверток на стол, он развернул полотенце. Внутри оказалась снайперская винтовка финского производства с оптическим прицелом. Через него площадка перед дверями храма была видна как на ладони. Первым в поле зрения прицела попал кардинал Палестрина — перекрестье замерло как раз на его губах, расплывшихся в широкой улыбке. С. глубоко вдохнул, выдохнул и заставил палец, лежавший на спусковом крючке, расслабиться.

В следующую секунду Палестрина шагнул в сторону, и в прицеле показалась грудь кардинала Марчиано. За спиной С. захрипел Валера. Не обращая на звук никакого внимания, С. повел прицелом влево. В окуляре появилась белая сутана Льва XIV. На долю секунды перекрестие замерло между глазами Папы Римского, точно на переносице.

Валера что-то громко выкрикнул. И снова С. никак не отреагировал. Его палец замер на спусковом крючке. Папа Римский, улыбающийся и махавший рукой собравшимся, сделал шаг и исчез за спиной охранника. А С. вновь повел дулом винтовки, на сей раз направо.

Перекрестье остановилось над наперсным крестом Росарио Пармы, кардинала-викария Рима. Нисколько не изменившись в лице, С. нажал на спусковой крючок три раза подряд, в комнате оглушительно прогремели выстрелы, а находившегося в двухстах ярдах от окна Льва XIV, в прошлом Джакомо Печчи, и всех, кто стоял рядом с ним, с ног до головы обрызгало кровью приближенного советника Папы Римского.

Лос-Анджелес. Четверг, 2 июля, 21 час 00 минут

Голос, записанный автоответчиком, дрожал от страха.

«Гарри, это Дэнни, твой брат... Мне... я не хотел звонить тебе вот так... через столько времени... Но я... у меня просто нет больше никого, с кем можно было бы об этом говорить... Гарри, я боюсь... Я не знаю, что делать... не знаю, чего ждать. Да поможет мне Бог. Если ты дома, пожалуйста, возьми трубку. Гарри, ты дома?.. Наверное, нет... Гарри, я постараюсь тебе перезвонить».

— Проклятье!

Гарри Аддисон нажал на «отбой» своего автомобильного телефона и сразу же на повторный набор номера. В трубке послышалось характерное попискивание, потом тишина, а затем мерные гудки итальянской телефонной сети.

— Ну же, Дэнни, отвечай...

После двенадцатого гудка Гарри положил трубку и посмотрел в окно. Огни встречных и попутных автомобилей, плясавшие перед глазами, действовали на него гипнотически, словно пытались стереть из памяти, где он — а он находился в лимузине со своим постоянным шофером и ехал в аэропорт, чтобы успеть на десятичасовой рейс до Нью-Йорка.

В Лос-Анджелесе девять вечера, значит, в Риме шесть утра. Где может быть священник в такую рань? На утренней службе? Возможно, так и есть, и потому он не отвечает.

«Гарри, это Дэнни, твой брат... Я боюсь... Я не знаю, что делать... Да поможет мне Бог».

— Господи Иисусе...

Гарри ощущал полнейшую беспомощность и чувствовал, что и сам близок к панике. Ни слова, ни единого письма на протяжении нескольких лет, и вдруг на автоответчике оказывается запись голоса Дэнни, говорящего странными обрывками фраз. Причем не просто голоса, а голоса смертельно напуганного человека.

Гарри отчетливо слышал звук, с которым Дэнни прикоснулся трубкой к рычагу, почти положил ее, но сразу же голос зазвучал вновь — брат назвал номер своего телефона и попросил Гарри позвонить, чем скорее, тем лучше. Для Гарри это «скорее» измерялось секундами — он позвонил сразу же, как только сел в машину и проверил записи своего домашнего автоответчика. Но Дэнни оставил сообщение двумя часами раньше, в семь с минутами по калифорнийскому времени и в четыре с небольшим ночи по римскому, так что же, черт возьми, могло означать «скорее» для него, тем более в это время суток?

Снова подняв телефонную трубку, Гарри набрал номер своей юридической фирмы в Беверли-Хиллз. Сегодня там проходила важная встреча партнеров, и можно было кого-нибудь застать.

— Джойс, это Гарри. А Байрон там?

— Он недавно ушел, мистер Аддисон. Если хотите, я переключу вас на его автомобиль.

— Будьте так любезны.

Некоторое время, пока секретарша Байрона Уиллиса безуспешно пыталась соединиться с автомобильным телефоном своего босса, Гарри слышал в трубке лишь шелест статических разрядов, потом опять раздался женский голос:

— К сожалению, он не берет трубку. Он говорил, что собирается куда-то на обед. Может быть, вы передадите сообщение и я продиктую на его домашний автоответчик?

Огни замелькали чаще, и Гарри почувствовал, как автомобиль накренился, съезжая по лепестку развязки с автострады Вентура, чтобы влиться в поток машин, стремящихся по шоссе на Сан-Диего в направлении лос-анджелесского аэропорта. Успокойся, одернул он себя. Дэнни может быть на мессе, или на своей канцелярской службе, или просто на прогулке. Не стоит заводиться самому и дергать других, когда ты даже понятия не имеешь, что происходит.

— Нет, не важно. Я сейчас отправляюсь в Нью-Йорк. Свяжусь с ним утром. Спасибо.

Дав отбой, Гарри на секунду-другую задумался, а потом в очередной раз набрал римский номер. Те же обычные звуки цифровой связи, то же молчание, те же знакомые гудки. И опять никто не снял трубку.

Сидя у окна в конце салона междугороднего автобуса, мчавшегося по автостраде на север, в направлении к Ассизи, отец Дэниел Аддисон задремал с открытыми глазами под ровный гул дизеля и шуршание шин по асфальту.

Дэниел был одет в джинсы, рубашку с короткими рукавами и нейлоновую ветровку, а свое одеяние священнослужителя и минимум необходимых вещей вез в небольшой сумке, которая лежала на полке. Очки и документы он сунул во внутренний карман ветровки. Отцу Дэниелу недавно исполнилось тридцать три года, его можно было принять за студента-старшекурсника, путешествующего в одиночку по Европе. Именно такое впечатление он и желал произвести.

Священник-американец, состоящий на службе в аппарате Ватикана, жил в Риме уже девять лет и за это время не раз бывал в Ассизи. На родине прославленного монаха, ставшего святым, — в древнем городе, лежащем среди холмов Умбрии, — он всегда испытывал чувство просветления и благодати, соприкасавшееся с его собственным духовным опытом значительно теснее, чем бывало в иных местах, какие ему доводилось посещать. Но нынешнюю поездку он осуществлял в состоянии полнейшей растерянности, от которого было рукой подать до сомнения в вере. Все его существо преисполнилось смятения и страха, не имеющего ничего общего с благоговением. И для того, чтобы сохранить хоть каплю веры в Божий промысел, ему приходилось прилагать немалые усилия. Но так или иначе, он находился в автобусе, на пути в Ассизи. Не имея, правда, ни малейшего понятия о том, что сделает или скажет, когда окажется в месте назначения.

Сидевшие на передних местах пассажиры — их было человек двадцать — разговаривали между собой, или читали, или же дремали, как и он сам, наслаждаясь прохладой, создаваемой кондиционером. Пейзажи проплывали за стеклами в мареве летнего жара, наливавшего зерна в колосьях, напитывавшего сладостью виноград и мало-помалу разрушавшего античные стены и средневековые крепости, все еще сохранившиеся здесь и то и дело попадавшие на глаза пассажирам автобуса.

Удобно устроившись на сиденье, отец Дэниел вернулся мыслями к Гарри, к своему звонку и к сообщению, которое он оставил на автоответчике брата несколько часов назад, еще до наступления рассвета. Он пытался угадать, прослушал ли уже Гарри запись. Даже если и прослушал, он мог счесть себя обиженным и не перезванивать в ответ. Вполне возможно. Отчуждение между братьями началось еще в подростковом возрасте. Последний раз они разговаривали друг с другом восемь лет назад, а виделись и вовсе десять, да и то мельком, когда приезжали в Мэн на похороны матери. Гарри тогда исполнилось двадцать шесть лет, а Дэнни двадцать три. Так что вполне можно было допустить возможность того, что за прошедшее время Гарри вычеркнул младшего брата из своей жизни и ему совершенно все равно, что с тем происходит.

Но в настоящий момент ни возможная реакция Гарри, ни причины, приведшие к их отчуждению, не значили ровным счетом ничего. Дэнни хотелось лишь услышать голос Гарри, пожаловаться ему и попросить помощи. Причинами его звонка были не только страх,

не только любовь к брату, но еще и то, что ему оказалось не к кому больше обратиться. Он накрепко влип в творящийся здесь ужас, от которого было совершенно невозможно укрыться, который мог лишь сгущаться и нарастать. И потому Дэнни хорошо знал, что почти наверняка умрет, так и не увидевшись с братом.

От мыслей его отвлекло движение в проходе. В его сторону шел какой-то мужчина. Лет сорока с небольшим, чисто выбритый, в светлой спортивной куртке и брюках защитного цвета. В автобус он сел в самую последнюю секунду, когда машина уже отъезжала от римского автовокзала. Сначала отец Дэниел подумал, что пассажир пройдет мимо, в туалет, находившийся в самом хвосте автобуса. Но незнакомец остановился рядом с ним.

— Вы ведь американец, верно? — спросил он с английским акцентом.

Отец Дэниел взглянул вперед, мимо непрошеного собеседника. Остальные пассажиры не обращали на них никакого внимания — смотрели в окна, разговаривали, дремали. Ближайший человек находился через шесть рядов кресел.

— Да...

— Я так и думал. — Мужчина широко улыбнулся. Манеры его производили приятное впечатление, он казался весьма любезным. — Меня зовут Ливермор. Я англичанин; вы, наверное, это уже поняли. Позвольте присесть рядом с вами?

И, не дожидаясь ответа, он плюхнулся на сиденье рядом с отцом Дэниелом.

— Я инженер-строитель. Решил провести отпуск в Италии. Уже две недели здесь. А на будущий год хочу съездить в Штаты. Никогда еще там не был. И сейчас пользуюсь каждой встречей с янки, чтобы расспросить, где стоит там побывать. — Его добродушная болтовня производила приятное впечатление. Этаким словоохотливый добряк. — Кстати, а вы сами из какой части страны?

— Из Мэна...

Что-то в происходящем было не так, но отец Дэниел не мог понять, что именно.

— Если по карте посмотреть, это где-то рядом с Нью-Йорком, точно?

— Да, неподалеку.

Отец Дэниел снова окинул взглядом автобус. Пассажиры вели себя точно так же, как и несколько минут назад. Были заняты своими делами. Никому и в голову не приходило оглянуться. Он опять повернулся к Ливермору и успел перехватить его взгляд, устремленный на дверь аварийного выхода, находившуюся возле предыдущего сиденья.

— А живете в Риме? — с любезной улыбкой осведомился Ливермор.

Зачем он смотрел на аварийный выход? И к чему весь этот разговор?

— Вы же сами узнали во мне американца. Почему же вы думаете, что я живу в Риме?

— Элементарно, друг мой. Я, как сел в автобус, крутил головой, пока шея не устала. А вы ведете себя так, будто хорошо знаете эту дорогу.

Правая рука Ливермора спокойно лежала на колене, а вот левой не было видно.

— И чем же вы занимаетесь, если не секрет?

Да, его болтовня только казалась невинной, но на самом деле такой не была.

— Я писатель...

— И что же вы пишете?

— Да так, всякую всячину для американского телевидения...

— А вот и неправда. — Внезапно поведение Ливермора резко изменилось. Взгляд сделался жестким, а сам он подался всем телом вперед, почти прижавшись к отцу Дэниелу. — Вы священник.

— Что?

— Я сказал, что вы священник. И работаете в Ватикане. У кардинала Марчиано.

Отец Дэниел взглянул в лицо странному англичанину.

— Кто вы такой?

Левая рука Ливермора наконец-то появилась в поле зрения Дэниела. В ней был зажат маленький пистолет. С прикрученным глушителем.

— Ваш палач, святой отец.

В это мгновение на табло электронного таймера, спрятанного в багажном отделении под полом автобуса, высветились четыре нуля. И через неуловимо короткую долю секунды прогремел взрыв. Ливермор исчез. Из окон посыпались стекла. По воздуху полетели пассажиры и обломки кресел. Вырванный откуда-то взрывом острый, как бритва, кусок стали начисто срезал голову водителю. Потерявший управление автобус понесло направо, он прижал к ограждению белый «форд», отскочил от него и вновь оказался посреди трассы. Двадцатитонное огненное ядро, в котором пылали резина и железо, смяло под колесами оказавшегося на пути мотоциклиста, ударило о задний борт громадной грузовой фуры и снова изменило траекторию. Зацепив серебристо-серую «ланчию», автобус вышвырнул ее через разделительный барьер прямо под колеса встречного бензовоза.

Водитель бензовоза среагировал моментально. Он нажал на тормоз и вывернул руль вправо. Могучий тягач, с громким визгом скользя шинами наглухо заблокированных колес по асфальту, отбил «ланчию» в сторону, как бильярдный шар, и, ударившись в горящий автобус, наконец-то спихнул его с шоссе под откос. Автобус с секунду стоял, качаясь, на двух колесах, а потом рухнул на бок и перевернулся, разбрасывая тела пассажиров — многие были изувечены до неузнаваемости — и какие-то пылающие клочья. Ярдов через пятьдесят горящая громадина остановилась, и сразу же вокруг вспыхнула пожухлая от жары трава.

Еще через несколько секунд топливный бак взорвался, и разбитый автобус охватила огненная буря, бушевавшая до тех пор, пока не осталось ничего, кроме обгорелого остова, над которым курились слабые струйки смрадного дыма.

«Дельта эрлайнс», рейс 148, Нью-Йорк — Рим.

Понедельник, 6 июля, 7 часов 30 минут

Дэнни был мертв, и Гарри летел в Рим, чтобы доставить останки брата на родину и похоронить там. Последний час, как, впрочем, и почти весь перелет, можно было бы назвать прекрасным сном. Гарри видел, как из-за Альп показалось восходящее солнце. А потом смотрел, как оно отражалось в водах Тирренского моря — после того, как самолет сделал плавный поворот и начал снижаться, приближаясь к римскому аэропорту Леонардо да Винчи, находящемуся во Фьюмичино.

«Гарри, это Дэнни, твой брат...»

Все последнее время он почти непрерывно слышал голос Дэнни, записанный на автоответчик. Слова вновь и вновь звучали в его памяти, будто записанные на закольцованную пленку. Голос, полный страха, отчаяния, а теперь умолкнувший навсегда.

«Гарри, это Дэнни, твой брат...»

Отмахнувшись от улыбчивой стюардессы, предложившей ему чашку кофе, Гарри откинулся на спинку мягкого кресла салона первого класса и вновь стал прокручивать в мыслях все события, происшедшие с того часа.

Он еще дважды пытался звонить Дэнни из самолета. И еще раз, когда приехал в отель. Но не получил никакого ответа. Владевшие им предчувствия становились все мрачнее и мрачнее. Не выдержав, он позвонил в Ватикан, его несколько раз переадресовывали из одного департамента в другой, и в конце концов некто, объяснявшийся сначала на ломаном английском, потом на итальянском, а потом на невообразимой смеси обоих языков, объяснил ему, что отца Дэниела не будет на службе до понедельника.

Для Гарри это означало, что у брата выходные. И, независимо от морального состояния Дэнни, служило вполне приемлемым объяснением того, что он не отвечал по телефону. Поэтому Гарри позвонил на собственный автоответчик и оставил на нем свой телефонный номер в нью-йоркском отеле на тот случай, если Дэнни все-таки перезвонит, как обещал.

После этого, ощутив некоторое облегчение, Гарри вернулся к своим обычным делам, ради которых и приехал в Нью-Йорк, — к «горящему» соглашению с руководителями отделов маркетинга и распространения «Уорнер бразерс» по поводу выпуска в прокат «Собаки на Луне», главного продукта студии за текущее лето. Премьеру наметили на ночь с пятницы, третьего июля, на субботу. Это был фильм о том, как собаку, доставленную на Луну в ходе эксперимента НАСА, случайно забывают там и как игроки одной из команд Малой лиги^[4] узнают об этом и умудряются найти способ привезти пса обратно. Написал сценарий фильма и поставил его Хесус Арройо, двадцатичетырехлетний режиссер, являвшийся, несмотря на свою молодость, давним клиентом Гарри.

Видный собой, похожий на кинозвезду (и пока что холостой) Гарри Аддисон не только считался в мире шоу-бизнеса весьма завидным женихом, но и входил в круг самых преуспевающих юристов, обслуживавших этот мир. Его фирма защищала интересы многих мультимиллионеров, принадлежавших к сливкам голливудского общества. Его личные клиенты либо блистали в чрезвычайно прибыльных кинофильмах и популярных телешоу последнего пятилетия, либо имели прямое отношение к их созданию. О его друзьях восторженно отзывались чуть ли не в каждом доме, их лица то и дело мелькали на обложках многотиражных журналов.

Своим успехом он, согласно недавней статье в ежедневной деловой голливудской газете «Вэрайети», был обязан «соединению ума, трудолюбия и душевных качеств, разительно несхожих с теми, которыми наделено подавляющее большинство молодых рыцарей юриспруденции и агентов, ставящих „делку“ превыше всего и руководствующихся единственным девизом: „пленных не брать“. Тогда как Гарри Аддисон, с прической, сразу выдающей выходца из „Лиги плюща“, ^[5] в темно-синем костюме от Армани и фирменной белой сорочке, твердо убежден, что выгодней всего добиваться успеха, проливая как можно меньше крови. Вот почему сформулированные им соглашения всегда прочны, клиенты любят его, кино- и телестудии его уважают, что и помогает ему зарабатывать по миллиону долларов в год».

Черт возьми, какой прок от всего этого сейчас, когда все омрачено смертью брата? И потому на передний план постоянно выходила одна и та же мысль: что же такое он должен был сделать, чтобы помочь Дэнни, и не сделал? Позвонить в посольство США в Риме или в римскую полицию и попросить их прийти к Дэнни на квартиру? Но ведь он даже не знал и не знает, где эта квартира находится. Именно поэтому и стал звонить из лимузина Байрону Уиллису, своему боссу, наставнику и лучшему другу, как только услышал сообщение Дэнни. Какие у них есть контакты в Риме, к кому можно обратиться за помощью — вот что он хотел спросить, но так и не спросил, поскольку не смог дозвониться. А если бы дозвонился, если бы они нашли в Риме нужного человека, мог бы Дэнни остаться в живых?

На этот вопрос, вероятно, следовало ответить отрицательно — слишком уж мало у них было времени. Господи!

Сколько раз за все эти годы они с Дэнни давали друг другу о себе знать? Некоторое время после смерти матери они формально обменивались поздравительными открытками к Рождеству и дням рождения. Затем кто-то пропустил один праздник, потом другой. А после переписка и вовсе закончилась. И Гарри, занятый собственной жизнью и карьерой, не обратил на это внимания, предоставив событиям идти своим чередом. Братья-антиподы. Часто ссорившиеся, иногда доходившие до вспышек ненависти, а потом оказавшиеся разделенными целым миром и, по-видимому, навсегда. Хотя каждый из них втайне надеялся, что другой сделает шаг, который поможет им вновь сблизиться. Но ни тот ни другой так и не сделали этого шага.

В субботу, поздно вечером, он находился в нью-йоркском офисе «Уорнер бразерс», где вовсю шло празднование успеха «Собаки на Луне» — только за субботу прокат принес девятнадцать миллионов долларов, а ведь впереди были еще воскресенье и понедельник, так что можно было рассчитывать на получение за неполные трое суток от тридцати восьми до сорока двух миллионов. Именно в это время ему позвонил из Лос-Анджелеса Байрон Уиллис. Гарри разыскивал священник из канцелярии католического архиепископа, не пожелавший передать свое сообщение через персонал отеля. В офисе Гарри священнику

дали телефон Уиллиса, а тот счел, что будет лучше, если он позвонит другу сам. Дэнни умер, сообщил он, погиб, по всей видимости, при террористическом акте — был взорван рейсовый автобус, шедший в Ассизи.

Потрясенный Гарри сразу же изменил свои первоначальные планы — просто-напросто вернуться в Лос-Анджелес — и заказал билеты на вечерний воскресный самолет в Италию. Он обязан был отправиться туда и лично доставить останки Дэнни на родину. Это была единственная и последняя услуга, которую он мог оказать брату.

Утром в воскресенье он обратился в Государственный департамент и попросил устроить ему через американское посольство в Риме встречу с полицейскими, расследующими взрыв автобуса. Дэнни был чем-то очень напуган и расстроен; возможно, информация о его звонке поможет пролить дополнительный свет на случившееся и облегчит поиск преступников. А после этого Гарри впервые за долгое, очень долгое время пошел в церковь. Где молился и сокрушался об участи брата.

* * *

Снизу донеслись звуки выпускаемого шасси. Посмотрев в иллюминатор, Гарри увидел взлетно-посадочную полосу и мелькающие рядом сельские пейзажи. Широко раскинувшиеся поля, оросительные каналы и снова поля. Затем колеса с отчетливым стуком коснулись бетона. Самолет замедлил бег, свернул и медленно подкатил к залитому светом восходящего солнца длинному зданию аэропорта Леонардо да Винчи.

Женщина в форменной одежде, стоявшая за стеклом стойки паспортного контроля, попросила его подождать и подняла трубку телефона. Гарри ждал, разглядывая свое отражение в стекле. Он был в темно-синем костюме от Армани и белой сорочке, точно такой, как его описали в «Вэрайети». В чемодане лежали второй костюм и сорочка, а также легкий свитер, спортивный костюм, рубашка-поло, джинсы и кроссовки. Тот самый багаж, с которым он в ночь с четверга на пятницу прилетел в Нью-Йорк.

Служащая аэропорта повесила трубку и без улыбки взглянула на него. Буквально через несколько минут к стойке подошли двое полицейских; у каждого на плече висел автомат «узи». Один зашел за барьер, глянул в паспорт, затем на Гарри и сделал приглашающий жест.

— Будьте любезны пройти с нами.

— Конечно.

Гарри обратил внимание, что второй полицейский передвинул «узи» на грудь и взялся одной рукой за рукоятку. А также и на то, что к его сопровождавшим сразу же приблизились еще двое полицейских в форме. Пассажиры поспешно расступились, освобождая путь, и, отойдя на безопасное расстояние, с любопытством оглядывались на процессию.

Достигнув дальней стены большого зала, они остановились возле железной двери. Один из полицейских набрал код на никелированной панели с кнопками. Послышался приглушенный звонок, и дверь открылась (за ней стоял еще один полицейский). Вся группа прошла вверх по одному лестничному маршу, свернула в коридор и остановилась еще перед одной дверью. Первый из полицейских постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь в комнату без окон, где оказались двое мужчин в гражданских костюмах. Одному из них вручили паспорт Гарри, после чего все полицейские в форме вышли, закрыв за собой дверь.

— Вы Гарри Аддисон, — утвердительно сказал один из сидевших.

— Да.

— Брат ватиканского священника отца Дэниела Аддисона.

Гарри кивнул.

— Спасибо, что вы так оперативно откликнулись на мою просьбу...

Мужчине, рассматривавшему его паспорт, было лет сорок пять. Высокий, атлетического сложения, смуглый, в синем костюме, голубой сорочке и аккуратнейшим образом завязанном бордовом галстуке. По-английски он говорил с сильным акцентом, но вполне разборчиво. Второй был немного старше, седоватый, почти такого же роста, но не столь плечистый. Этот был в светло-коричневом костюме с клетчатой сорочкой и галстуком точно в тон костюма.

— Я *ispettore capo* Отелло Роскани, *Polizia di Stato*.^[6] Это *ispettore capo* Пио.

— Как...

— Зачем вы прибыли в Италию, мистер Аддисон?

Гарри чуть не лишился дара речи. Они не могли не знать, зачем он приехал, в противном случае не стали бы встречать его в аэропорту.

— Чтобы отвезти домой останки моего брата... И побеседовать с вами.

— Когда вы собрались отправиться в Рим?

— Я вообще не собирался сюда.

— Отвечайте на вопрос, пожалуйста.

— В ночь с субботы на воскресенье.

— Не раньше?

— Раньше? Нет, с какой стати?

— Вы забронировали себе гостиницу? — впервые подал голос Пио.

В его английском почти не улавливалось акцента, как будто он был американцем или, по крайней мере, прожил в США большую часть жизни.

— Да.

— В субботу?

— В ночь с субботы на воскресенье. Ведь я уже вам сказал. — Гарри посмотрел поочередно на обоих полицейских. — Я не понимаю ваших вопросов. Вы же должны были знать о моем приезде. Я специально обратился в американское посольство, чтобы мне устроили встречу с вами.

Роскани опустил паспорт Гарри в карман.

— Нам придется предложить вам отправиться в Рим вместе с нами, мистер Аддисон.

— Зачем? Мы вполне могли бы поговорить и здесь. Собственно, говорить почти не о чем.

Неожиданно Гарри почувствовал, что ладони повлажнели. Эти двое что-то недоговаривали. Но что именно?

— Может быть, вы позволите нам самим решать, что делать, мистер Аддисон?

Гарри снова обвел взглядом итальянских полицейских.

— Что происходит? Все же хотелось бы знать.

— Мы просто хотим побеседовать с вами поподробнее, мистер Аддисон.

— О чем же?

— Об убийстве кардинала-викария Рима.

Чемодан Гарри положили в багажник и сорок пять минут ехали в полном молчании, не проронив ни слова, не обменявшись и взглядом. Пио за рулем серой «альфа-ромео», Роскани на заднем сиденье рядом с Гарри. Они промчались по автостраде от аэропорта, миновали пригороды Мальяна и Портуэнсе, затем проехали вдоль Тибра, пересекли его по мосту, оставив сбоку Колизей, и оказались в центре Рима.

Questura, штаб-квартира полиции, располагалась в старомодном пятиэтажном здании из бурого песчаника и гранита на перекрестке узких мощеных виа ди Сан-Витале и виа Дженова в одном квартале от центральной улицы виа Национале. Главный вход, представлявший собой сводчатый портал, охранялся вооруженными полицейскими и находился под прицелом объективов нескольких телекамер. Миновав отсалютовавших часовых, Пио ввел машину под портал и далее во внутренний двор.

Вслед за Пио Роскани и Гарри вошли в здание мимо застекленной будки, где двое полицейских в форме наблюдали не только за дверью, но и за множеством телемониторов. Пройдя по ярко освещенному коридору, они оказались перед лифтом.

В лифте Гарри мельком взглянул на своих сопровождающих и уставился в пол. Поездка из аэропорта показалась ему похожей на кошмарный сон; тяжелое впечатление усугублялось молчанием обоих полицейских. Но все же у него была возможность подумать и попытаться понять, что происходит.

Ему было известно, что восемь дней назад выстрелом из окна близлежащего дома был убит кардинал-викарий Рима — это преступление американец мог бы сравнить с убийством президента или какой-то другой чрезвычайно высокопоставленной персоны, — но, как и миллионы других людей, он знал лишь то, о чем рассказывало телевидение и писали газеты. Можно было предположить, вернее, даже сделать логическое заключение о взаимосвязи этого преступления и взрыва автобуса, при котором погиб Дэнни. Особенно если учесть смысл и настроение того сообщения, которое тот надиктовал на автоответчик брата. Как-никак он был священником и работал в аппарате Ватикана, а убитый кардинал занимал в церкви очень видное место. И полиция, несомненно, пытается понять, имеется ли на самом деле связь между убийцей кардинала и теми, на чьей совести лежит подрыв автобуса. Такой вероятности исключить нельзя. Но почему они решили, что он может что-то знать об этом?

Видимо, полицейские находятся не в лучшем положении и пытаются ухватиться за любую подвернувшуюся соломинку. Тем более что столь дерзкое преступление свершилось на глазах у многих тысяч присутствовавших на площади и миллионов телезрителей в их городе. А это значит, что каждый шаг расследования находится под самым пристальным наблюдением средств массовой информации и потому получает еще более сильный общественный резонанс, чем это было бы в ином положении. Лучше всего, решил Гарри, смирить свои чувства и постараться самым подробным образом ответить на все вопросы, которые ему будут задавать. Он не знал ровным счетом ничего, кроме того, что сам намеревался сообщить, и полицейские скоро в этом убедятся.

— Когда вы стали членом коммунистической партии, мистер Аддисон? — осведомился Роскани, наклонившись вперед и глядя в блокнот, лежавший перед ним на столе.

— Коммунистической партии?

— Да.

— Со всей определенностью заявляю, что не состою в коммунистической партии и никогда в ней не состоял.

— Как давно вступил в нее ваш брат?

— Я не знаю, вступал он в нее или нет.

— Вы отрицаете, что он был коммунистом?

— Я не отрицаю ничего. Но ведь он был священником, а за такое, если я не ошибаюсь, отлучают от церкви.

Гарри не верил своим ушам. Что они несут? Ему больше всего хотелось встать и спросить, откуда могли прийти в их головы такие дурацкие мысли и, вообще, что за чертовщина здесь происходит. Но он этого не сделал, а остался сидеть на стуле, посреди просторного кабинета, стараясь сохранить хладнокровие и дать возможность полицейским поскорее закончить допрос.

Перед ним находились два стола, расположенные под прямым углом один к другому. За одним сидел Роскани; рядом с компьютерным монитором, по экрану которого неторопливо переползали яркие картинки, стояла оправленная в рамку фотография его жены и троих ребятишек. За вторым столом сидела привлекательная женщина с длинными рыжими волосами, с невероятной скоростью вводящая во второй компьютер все вопросы и ответы — как стенографистка в суде. Сухое стакато отчетливо звучало на фоне гудения выдавшего виды кондиционера, расположенного на единственном окне, возле которого с непроницаемым лицом, скрестив руки на груди, стоял, прислонившись к стене, Пио.

— Расскажите о Мигеле Валера, — потребовал Роскани, закурив сигарету.

— Я не знаю такого человека.

— Он был близким другом вашего брата.

— Я мало знаком с друзьями моего брата.

— Он никогда не говорил о Мигеле Валера? — Роскани сделал в своем блокноте какую-то пометку.

— Мне — не говорил.

— Вы в этом уверены?

— Детектив, мы с братом вовсе не были близки. И долго не общались.

Роскани несколько секунд смотрел в пространство, затем наклонился к компьютеру, набрал что-то на клавиатуре, дождался появления информации на экране и вновь взглянул на Гарри.

— Номер вашего телефона триста десять три пятерки семнадцать девятнадцать.

— Да...

Гарри насторожился, но постарался никак не выдать этого внешне. Его номера не было в телефонных справочниках. Конечно, полиция могла его узнать. Но зачем?

— Ваш брат звонил вам в минувшую пятницу в четыре часа шестнадцать минут утра по римскому времени.

Так вот в чем дело. Они подняли список звонков, которые делал Дэнни.

— Да, звонил. И оставил несколько слов на автоответчике.

— Несколько слов? Вы имеете в виду сообщение?

— Да.

— И что же он сказал?

Гарри положил ногу на ногу, устроился поудобнее и взглянул на Роскани.

— Именно об этом я и собирался поговорить с вами.

Роскани молча глядел на Гарри, ожидая продолжения.

— Он был напуган. Сказал, что не знает, что делать. И что случится потом.

— Что значит «случится потом»?

— Я не знаю. Он этого не сказал.

— Что еще он сказал?

— Просил прощения за то, что звонит в таком состоянии. И сказал, что постарается перезвонить.

— Перезвонил?

— Нет.

— Чего он боялся?

— Я не знаю. Однако что бы это ни было, он напугался так сильно, что позвонил мне впервые за восемь лет.

— Вы восемь лет не разговаривали?

Гарри кивнул.

Роскани и Пио переглянулись.

— Когда вы видели его в последний раз?

— На похоронах нашей матери. За два года до того, как разговаривали в последний раз.

— Вы много лет не разговаривали с вашим братом. И вдруг он звонит вам и через очень короткое время после этого погибает...

— Да.

— У вас с братом были какие-то конкретные причины для раздоров?

— Конкретные причины? Нет. Просто с течением времени мы совсем отдалились друг от друга.

— Почему он решил позвонить именно вам?

— Он сказал... что ему больше не с кем поговорить.

Роскани и Пио снова переглянулись.

— Мы хотели бы услышать сообщение, записанное на вашем автоответчике.

— Я стер его.

— Зачем?

— Потому что кассета закончилась. На нее не записалось бы ничего другого.

— В таком случае получается, что у вас нет доказательств того, что такое сообщение вообще было. А также и того, что ни вы, ни кто-либо другой у вас дома не говорил с ним.

Гарри резко выпрямился.

— Что вы хотите сказать?

— Что вы, возможно, говорите нам неправду.

Гарри пришлось сделать над собой усилие, чтобы сдержать гнев.

— Прежде всего, у меня дома во время этого звонка никого не было. Я сам в это время находился в студии «Уорнер бразерс» в Бербанке, в Калифорнии, где беседовал с

режиссером, которого я представляю, о контракте на фильм и о предстоящем выходе этого фильма в прокат. К вашему сведению, это случилось как раз в минувшие выходные.

— Как называется фильм?

— «Собака на Луне», — ровным голосом ответил Гарри.

Роскани уставился в пространство, потом почесал голову и что-то пометил в своем блокноте.

— Как зовут этого режиссера? — спросил он, не поднимая головы.

— Хесус Арройо.

Роскани наконец-то оторвался от своей записной книжки.

— Испанец?

— Латиноамериканец. По-вашему — мексиканец. Родился и вырос в Восточном Лос-Анджелесе.

Терпение Гарри грозило вот-вот иссякнуть. Его допрашивали, не давая при этом никаких объяснений. Как будто считали, что Дэнни в чем-то виновен, а Гарри заодно с братом.

Роскани затушил сигарету в стоявшей перед ним на столе пепельнице.

— Почему ваш брат убил кардинала Парму?

— Что?! — Гарри эти слова совершенно ошарашили.

— Почему ваш брат убил Росарио Парму, кардинала-викария Рима?

— Что за чушь?! — Гарри взглянул на Пио; тот все так же, скрестив руки на груди, стоял с ничего не выражающим лицом, прислонившись к стене возле окна.

Роскани вынул из пачки еще одну сигарету и стиснул ее в пальцах.

— Перед тем как примкнуть к церкви, отец Дэниел служил в морской пехоте Соединенных Штатов.

— Да...

У Гарри даже закружилась голова, после того как он услышал это ужасное обвинение. Необходимо было как можно быстрее прийти в себя и восстановить ясность мышления.

— Он входил в элитное подразделение. И был известен как очень хороший снайпер.

— Хороших снайперов тысячи. Помилуй бог, он же был священником!

— Священником, который настолько хорошо владеет винтовкой, что всаживает три пули подряд в грудь человеку с двухсот ярдов. — Роскани взглянул Гарри в лицо. — Ваш брат был замечательным стрелком. Побеждал в соревнованиях. Мы получили его послужной список, мистер Аддисон.

— Но все это никак не делает его убийцей.

— Я еще раз спрошу вас о Мигеле Валера.

— Я уже сказал вам, что никогда не слышал об этом человеке.

— А мне кажется, что слышали...

— Нет, не слышал. По крайней мере, до тех пор, пока вы не назвали этого имени.

Пальцы стенографистки безостановочно плясали по клавишам, фиксируя все: вопросы Роскани, ответы допрашиваемого, любые реплики...

— В таком случае я расскажу вам о нем. Мигель Валера был испанским коммунистом из Мадрида. Квартиру на противоположной от церкви площади Сан-Джованни он снял за две недели до убийства. Из этой квартиры и были сделаны выстрелы, сразившие кардинала Парму. Когда мы туда прибыли, Валера все еще находился в квартире. Висел на трубе в ванной на собственном брючном ремне... — Роскани постучал фильтром сигареты о стол,

чтобы размять табак. — Мистер Аддисон, вы знаете, что такое «Сако ТРГ-двадцать один»?

— Нет.

— Снайперская винтовка, изготовленная в Финляндии. Из этого оружия и стреляли в кардинала Парму. Ее нашли завернутой в полотенце в той самой квартире. С отпечатками пальцев Валера.

— Только его?

Гарри откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и взглянул в лицо Роскани.

— В таком случае почему же вы обвиняете в убийстве моего брата?

— В квартире, мистер Аддисон, был кто-то еще. Человек в перчатках. Который хотел, чтобы мы подумали, будто Валера действовал в одиночку. — Роскани медленно вставил сигарету в угол рта, закурил и продолжил, держа в руке горящую спичку: — Сколько стоит «Сако ТРГ-двадцать один»?

— Понятия не имею.

— Около четырех тысяч ваших долларов, мистер Аддисон.

Взяв горящую спичку большим и указательным пальцами, Роскани помахал ею в воздухе, погасил и бросил в пепельницу.

— Аренда квартиры обходилась почти в пятьсот долларов в неделю. Валера платил за нее сам, наличными. Мигель Валера был коммунистом с большим стажем. Каменщик; правда, почти не работал. У него была жена и пятеро детей, которых он с большим трудом обеспечивал деньгами на еду и одежду.

Гарри уставился на него, словно не верил своим ушам.

— То есть вы хотите сказать, что мой брат был тем самым вторым человеком, находившимся в комнате? Что он купил ружье и давал Валера деньги на эту квартиру?

— Как же он мог бы это делать, мистер Аддисон? Ваш брат был священником. Очень небогатым. Он жил на скромную церковную стипендию. Денег у него почти не было. И даже банковского счета. Нет, он не мог заплатить пять тысяч долларов за винтовку. И даже тысячу за квартиру.

— Вы сами себе противоречите, детектив. Сами говорите, что на оружии были найдены отпечатки пальцев только Валера, а потом пытаетесь уверить меня в том, что на спусковой крючок нажимал мой брат. И в то же время очень убедительно объясняете, почему он был не в состоянии купить винтовку и снять квартиру. Не могу понять, к чему вы клоните.

— Деньги давал кто-то другой, мистер Аддисон.

— Кто же? — Гарри с яростью взглянул на Пио, затем снова на Роскани.

Полицейский несколько секунд молчал, затем вскинул правую руку с зажатой между пальцами дымящейся сигаретой и указал на Гарри.

— Вы, мистер Аддисон.

У Гарри сразу пересохло во рту. Он попытался сглотнуть, но не смог. Так вот почему они так предупредительно встретили его в аэропорту и сразу привезли в Questura. Дэнни оказался у итальянских полицейских первым подозреваемым, а теперь они пытались припугать к делу и его самого. Этого он не собирался им позволить. Гарри резко поднялся, отодвинув стул.

— Я хочу позвонить в посольство США. Немедленно.

— Объясни ему, — сказал напарнику по-итальянски Роскани.

Пио оторвался от стены и сделал несколько шагов вперед.

— Мы знали, что вы прибудете в Рим. Знали, каким рейсом прилетите, только не по той

причине, о которой подумали вы.

Пио держался вроде бы не настолько угрожающе, как его напарник, и говорил совсем с иной интонацией, хотя, возможно, дело было лишь в том, что он говорил по-английски совсем как американец.

— В воскресенье под вечер мы запросили помощи у ФБР. Но когда они выяснили ваше местонахождение, вы уже сидели в самолете и летели сюда. — Он присел на край стола Роскани. — Если вы хотите связаться с вашим посольством — ваше право. Но хочу вас предупредить, что вам сразу же придется иметь дело с атташе по правовым вопросам.

— Только в присутствии адвоката.

Гарри отлично знал, что эту должность занимают в посольствах сотрудники ФБР, обязанностью которых является поддерживать отношения с местной полицией. Но знал он также, что сдаваться перед угрозами ни в коем случае нельзя. Ошеломленный и выбитый из колеи, он все же не собирался позволить кому-либо, будь то римская полиция или ФБР, продолжать допрос, не имея рядом с собой человека, который хорошо разбирается в тонкостях итальянского криминального права.

— *Richieda un mandato di cattura?* — произнес Роскани, взглянув на Пио.

— Говорите по-английски! — гневно воскликнул Гарри.

Роскани поднялся и вышел из-за стола.

— Я предложил ему выписать ордер на ваш арест.

— На каком же основании?

— Минутку...

Пио выразительно взглянул на Роскани и кивнул на дверь. Последний словно не заметил этого жеста и продолжал разглядывать Гарри с таким видом, будто американец собственноручно убил кардинала Парму.

Пио взял его под локоть, отвел в сторону и вполголоса сказал что-то по-итальянски. Роскани явно заколебался. Пио добавил что-то еще. Роскани, по-видимому, уступил, и они вдвоем вышли из кабинета.

Гарри взглянул на закрывшуюся за ними дверь и отвернулся. Рыжеволосая красотка стенографистка не сводила с него глаз. Словно не замечая ее, Гарри подошел к окну. Просто потому, что чувствовал потребность что-то сделать. Сквозь толстое стекло он разглядел узкую, вымощенную брусчаткой улицу внизу и кирпичный дом напротив. Вдали виднелось нечто похожее на пожарное депо. А вообще, ему начало казаться, что он уже в тюрьме.

Интересно, в какую все же чертовщину он вляпался? Неужели они правы и Дэнни действительно был как-то причастен к убийству? Но ведь это же безумие! Или нет? В школьные годы у Дэнни были трения с законом. Не слишком серьезные, такие, как и у многих других подростков. Мелкие кражи, вандализм, драки, в общем, он частенько попадал в какие-нибудь переделки. Это, кстати, явилось одной из главных причин, заставивших его податься в морские пехотинцы — он решил, что необходимо как-то дисциплинировать себя. Но с тех пор прошло много лет, и смерть он встретил не просто взрослым человеком, но и священником с многолетним стажем. Представить его убийцей было просто невозможно. И все же — пусть Гарри не хотел думать об этом, но приходилось, никуда не денешься, — убивать в морской пехоте учили неплохо. А тут еще этот телефонный звонок. Что, если он звонил как раз потому, что на самом деле был убийцей? Совершил ужасное преступление, а потом обнаружил, что не может ни с кем поговорить о нем?

Раздался звук открывающейся двери, и в кабинет вошел Пио. Один. Гарри взглянул ему

за спину, ожидая увидеть Роскани, но того не было.

— Вы, кажется, говорили, что забронировали себе гостиницу, мистер Аддисон?

— Да.

— Какую именно?

— «Хасслер».

— Я распоряжусь, чтобы туда доставили ваши вещи. — Пио извлек из кармана пиджака паспорт Гарри и вручил его хозяину. — Без документов вас не поселят.

Гарри взглянул на полицейского.

— Я могу идти?..

— Вы, наверное, устали — и от переживаний, и от перелета. — Пио любезно улыбнулся. — И несомненно, от встречи с полицией, которую вряд ли ожидали. Мы, со своей стороны, убеждены в том, что такая беседа была необходима, но действительно проявили себя не слишком гостеприимно. Мне хотелось бы объяснить вам поподробнее, что произошло и что происходит в настоящее время. Просто побеседовать с глазу на глаз, мистер Аддисон. Тут поблизости есть спокойное местечко... Вам нравится китайская кухня?

Гарри долго смотрел на него. Все точно так же, как и в Штатах, — злой коп и добрый коп... И в данный момент Пио изображал из себя доброго копа, друга, находящегося всецело на стороне Гарри. Потому-то Роскани и вел весь допрос в одиночку. Но — Гарри не сомневался — они вовсе не удовлетворились тем, что он им сказал, и решили продолжить допрос, только по-другому. Но как бы там ни было, ему выбирать не приходилось.

— Да, — сказал он после долгой паузы, — мне нравится китайская кухня.

«АДДИСОНЫ ЖЕЛАЮТ ВАМ СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА».

Гарри как наяву видел перед собой эту открытку, вернее, семейную фотографию, где на фоне наряженной елки улыбались пять человек в красных колпаках Санта-Клауса. У него самого была эта карточка — лежала где-то в ящике; яркие некогда краски выцвели, сделались почти пастельными. На ней в последний раз они были все вместе. Матери и отцу под тридцать пять. Ему самому — одиннадцать, Дэнни — восемь, а Маделин — почти шесть. Шесть лет ей исполнилось первого января, а через две недели она умерла.

Это случилось воскресным днем, ясным, солнечным и очень холодным. Втроем — он сам, Дэнни и Маделин — они играли на льду замерзшего пруда неподалеку от дома. Ребята постарше сражались в хоккее. Вот сразу несколько человек в погоне за шайбой устремились прямо к ним.

Гарри до сих пор явственно слышал треск льда. Резкий, как пистолетный выстрел. Он увидел, что хоккеисты остановились. И в следующую секунду лед провалился — как раз там, где стояла Маделин. И она, не издав ни звука, рухнула в воду. Гарри крикнул Дэнни, чтобы он скорее бежал за помощью, а сам скинул куртку и кинулся к полынье. Но там не было ничего, кроме черной ледяной воды.

Водолазы из пожарной команды вытащили Маделин из воды, когда уже близились сумерки и небо за голыми деревьями сделалось красным.

Гарри, Дэнни, мать с отцом и священник неподвижно стояли на берегу, а к ним несли по льду тело утонувшей девочки. Командир пожарных, высокий мужчина с большими усами, взял Маделин у водолаза, завернул в одеяло и понес ее на берег.

Там стояли, молча глядя на происходящее, хоккеисты, их родители, братья и сестры, соседи и просто зеваки.

Гарри рванулся вперед, но отец крепко взял его за плечи и удержал на месте. Выйдя на берег, пожарный остановился, и священник прочитал, не открывая одеяла, над его ношей прощальную молитву. Когда же священник умолк, пожарный, сопровождаемый водолазами в еще не успевших просохнуть гидрокостюмах и с кислородными баллонами, пошел дальше, туда, где поджидала белая карета «скорой помощи». Маделин положили внутрь, двери закрыли, и машина уехала в сгущающуюся тьму.

Гарри провожал взглядом красные габаритные огни, пока они не скрылись из виду. Лишь после этого он повернулся. На него глядел дрожащий от холода восьмилетний Дэнни.

— Маделин умерла, — сказал он, как будто пытался сам убедить себя в этом.

— Да... — прошептал Гарри.

Это случилось в воскресенье пятнадцатого января тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Они жили в Бате, штат Мэн.

* * *

Пио не соврал — китайский ресторан Ю Юана на углу виа ди Сан-Витале и виа делле Куаттро Фонтане действительно оказался тихим местечком. По крайней мере, здесь было

тихо, когда Гарри и полицейский устроились поодаль от украшенного красными китайскими фонарями входа и суеты полуденных завсегдатаев, за сияющим свежей полировкой столиком. Перед ними стояли чайник с чаем и большая бутылка минеральной воды.

— Вам приходилось слышать слово «семтекс», мистер Аддисон?

— Да, это взрывчатка.

— Циклотриметилен, тетранитрат пентаэритритола и пластификатор. При взрыве оставляет заметные следы нитрата и частицы пластификатора. Разрывает металл на мелкие кусочки. Именно он и взорвался в автобусе, который ехал в Ассизи. Взрывотехники установили это лишь сегодня утром, а ближе к вечеру мы объявим об этом публично.

Гарри понимал, что Пио сообщал закрытую информацию и это имело некоторое отношение к его обещанию. Однако это никак (ну, почти никак) не объясняло причин, по которым полиция обвинила в убийстве кардинала именно Дэнни. Пожалуй, Пио сейчас продолжал дело, которое начал в полиции Роскани, давая собеседнику ровно столько информации, сколько необходимо для того, чтобы вводить в допрос новые направления.

— Вы установили, что взорвалось в автобусе. А кто это сделал, вам известно?

— Нет.

— И вы считаете, что цель преступления состояла в том, чтобы убить моего брата?

— Мы этого не знаем. Пока нам известно наверняка лишь то, что у нас на руках два вроде бы не связанных между собой дела. Убийство кардинала и взрыв междугороднего автобуса.

Подошел пожилой официант азиатской наружности. На Гарри он взглянул лишь мельком, а с Пио обменялся несколькими любезными фразами по-итальянски. Пио без колебаний заказал на двоих, официант коротко поклонился, сложив ладони перед грудью, и удалился. Пио вновь повернулся к Гарри.

— Круг ближайших советников Папы составляют, вернее, составляли пять высших прелатов Ватикана. Кардинал Парма был одним из них. В их число входит и кардинал Марчиано...

Пио налил себе минеральной воды и испытующе взглянул на Гарри, ожидая реакции, которой, впрочем, не последовало.

— Вам известно, что ваш брат был личным секретарем кардинала Марчиано?

— Нет...

— На этой должности он имел прямой доступ к самым потаенным секретам Святого престола. В частности, к полному расписанию поездок Папы. Со всеми подробностями — куда, когда, на какое время. Кого он примет. Через какие двери будет входить в какое-нибудь здание, а через какие выходить. Кто будет осуществлять охрану — только швейцарская гвардия, или полиция, или они вместе. Отец Дэниел никогда не рассказывал вам об этом?

— Я же говорил вам, что мы с ним не были близки.

Пио взглянул Гарри в лицо.

— Почему?

Гарри промолчал.

— Вы восемь лет не разговаривали с родным братом. Что же послужило причиной?

— Не вижу смысла вдаваться в это.

— По-моему, вполне естественный вопрос.

— Я уже все вам сказал. Такие вещи попросту случаются иногда. Старая история. В

каждой семье свои странности. Это неинтересно. И вряд ли имеет какую-то связь с убийством.

Несколько секунд Пио молчал, затем поднял стакан и сделал небольшой глоток минеральной воды.

— Мистер Аддисон, вы впервые в Риме?

— Да.

— И почему вы приехали именно сейчас?

— Я приехал, чтобы увезти домой тело брата. И никакой другой причины у меня не было. Как я уже говорил...

Гарри чувствовал, что Пио начал давить на него почти так же, как это недавно делал Роскани, несомненно рассчитывая наткнуться на что-то определенное: поймать допрашиваемого на противоречии, бегающем взгляде, колебании. На чем угодно — это дало бы ему основание считать, что Гарри что-то скрывает или попросту лжет.

— *Ispettore capo!*

Подошел улыбающийся официант. Непрерывно болтая по-итальянски, он освободил на столе место и поставил перед посетителями четыре тарелки, над которыми курился парок.

Гарри выждал, пока он отойдет, и лишь тогда вновь продолжил, в упор глядя на Пио:

— Я говорю вам правду. И все время говорил. Почему бы и вам не сдержать свое обещание и не рассказать мне о том, что вам известно? Прежде всего о том, почему вы так уверены в причастности моего брата к убийству кардинала.

От блюд исходил соблазнительный аромат. Пио жестом предложил Гарри приступить к еде, но тот отрицательно мотнул головой.

— Ладно. — Пио вынул из кармана сложенный лист бумаги и протянул его Гарри. — Это обнаружили мадридские полицейские, когда обыскивали квартиру Валера. Посмотрите.

Гарри развернул листок. Это оказалась увеличенная ксерокопия, по всей вероятности, листка из записной книжки. Слева колонкой были записаны по-испански имена и адреса, а справа шли телефоны. По большей части, похоже, мадридские. А в самом низу значился телефонный номер, сопровождавшийся слева только буквой «R».

Совершенная бессмыслица, подумал Гарри. Испанские имена, мадридские телефоны. Какое отношение это может иметь к чему бы то ни было? Остается разве что допустить, что «R» — это «Рим»... Ну и что из того? Все равно неизвестно, чей это номер... И тут до него дошло.

— Господи... — пробормотал он сквозь зубы и снова уставился на листок.

Номер, подписанный буквой «R», был тем самым, который Дэнни назвал, оставляя свою запись на его автоответчике. Гарри резко вскинул голову. Пио пристально рассматривал его.

— Дело не ограничивается телефонным номером, мистер Аддисон, — сказал Пио. — Были еще и звонки. — За три недели, предшествовавшие убийству, Валера больше десяти раз звонил со своего сотового телефона на квартиру вашего брата. Чем ближе к преступлению, тем чаще становились звонки и в то же время короче, как будто он получал дополнительные инструкции. Насколько мы можем судить, за все время пребывания Валера в Риме он не звонил больше никому.

— Говорить по телефону еще не значит быть убийцей! — скептически заметил Гарри.

Неужели они обвиняли Дэнни на основе этой единственной улики? И больше у них ничего не было?

Недавно подошедшая пара уставилась на них. Пио выждал, пока они отвернутся, и лишь

после этого продолжил, понизив голос:

— Вы ведь слышали, что в комнате был еще один человек, верно? И мы уверены, что именно этот второй, а вовсе не Валера убил кардинала Парму. Валера был коммунистическим агитатором, но нам так и не удалось установить, что он когда-либо занимался стрельбой. А ваш брат, напомню вам, был отличным стрелком, чемпионом, да к тому же прошел армейскую подготовку.

— Это факт, но вовсе не доказательство.

— Я еще не закончил, мистер Аддисон... Оружие убийства, «Сако ТРГ-двадцать один» обычно заряжается винчестерской обоймой под трехсотвосьмидюймовые [\[7\]](#) патроны. В таком случае можно использовать стопятидесятиграновые остроконечные пули «хорнади» американского производства. Они применяются охотниками и продаются в специализированных оружейных магазинах. Три такие пули были извлечены из тела кардинала Пармы. Обойма рассчитана на десять патронов. Семь так и остались в винтовке.

— Ну и что?

— Ознакомившись с содержимым телефонной книжки Валера, мы отправились на квартиру к вашему брату. Его там не оказалось. Он уже ехал в Ассизи, но мы тогда этого еще не знали. Благодаря телефонам из книжки Валера нам удалось получить ордер на обыск...

Гарри молча слушал.

— Пули «хорнади» продаются в стандартных коробках по двадцать штук... Такую коробку с десятком стопятидесятиграновых пуль «хорнади» мы обнаружили в запертом ящике в квартире вашего брата. Там же лежала еще одна обойма, точно такая же, как и та, которая осталась в винтовке.

Гарри вдруг обнаружил, что давно уже сидит не дыша, и шумно выдохнул. Ему хотелось что-то возразить, сказать что-нибудь в защиту Дэнни. Но слов не находилось.

— В том же ящике лежала и расписка на получение миллиона семисот тысяч лир наличными — это, мистер Аддисон, немного больше тысячи американских долларов. Как раз та сумма, которую Валера потратил на оплату наемной квартиры. На расписке подпись Валера. И почерк тот же самый, что и в телефонной книжке, которую я вам показывал. Вы скажете — косвенные улики? Да, так оно и есть. И если бы ваш брат был жив, мы допросили бы его обо всех этих вещах и дали бы возможность опровергнуть наши обвинения. — В голосе Пио впервые прорезались гнев и страсть. — Мы могли бы также напрямую спросить его, зачем он сделал то, что сделал. И кто еще был к этому причастен. И было ли у него намерение убить кардинала Парму, или же он хотел убить Папу... Но, по очевидным обстоятельствам, мы ничего этого не можем...

Пио откинулся на спинку стула, протянул руку к стакану с минеральной водой. Гарри видел, что он постепенно успокаивается.

— Возможно, в конце концов выяснилось бы, что мы не правы. Но я так не думаю... Я уже давно занимаюсь этими делами, мистер Аддисон, и уверяю вас, что эта версия вряд ли сильно отличается от истины. А то, что главный подозреваемый мертв, еще больше ее подкрепляет.

Гарри отвел взгляд. Помещение расплывалось перед его глазами. До сих пор он был уверен, что полицейские ошибаются, что они обвиняют невиновного, но последние слова инспектора напрочь подорвали его уверенность.

— А как же автобус?..

Он задал этот вопрос чуть слышным шепотом, не глядя на собеседника.

— А что, если за убийством Пармы стоят коммунисты и они решили убрать своего боевика, чтобы он не проболтался? Ведь мафия поступает так сплошь и рядом, верно? Какой-нибудь недовольный служащий автобусной компании вполне мог подложить взрывчатку. Впрочем, этого, мистер Аддисон, мы не знаем. Как я вам уже сказал, взрыв автобуса и убийство кардинала — разные дела.

— И когда все, что вы мне рассказали, станет известно широкой публике?

— Вероятно, не раньше окончания следствия. Тем более что решать это, по всей видимости, будет Ватикан.

Гарри положил обе руки на стол и принялся рассматривать их. Его обуревали эмоции. Наверное, именно так должен чувствовать себя человек, которому говорят, что у него неизлечимая смертельная болезнь. Можно не верить, можно спорить, но про себя ты все равно будешь знать, что рентгеновские снимки, карты томографии и магниторезонансного сканирования говорят правду.

И все же, несмотря на то что улики складываются в достаточно цельную картину, абсолютного доказательства они не дают, и Пио сам признал это. К тому же какое бы содержание полицейские ни вкладывали в слова телефонного сообщения Дэнни, он один слышал его голос. Страх, отчаяние и страдание в нем. Это был голос не убийцы, пытающегося найти спасение в последнем из доступных ему оплотов, а человека, оказавшегося в плену ужасного стечения обстоятельств и не видящего выхода.

Почему-то — Гарри не мог понять причину — сейчас он чувствовал себя намного ближе к Дэнни, чем был за все время, минувшее с детских лет. Возможно, дело было в том, что брат наконец-то сделал шаг ему навстречу. И возможно, для Гарри это оказалось даже важнее, чем он думал, — охваченный переживаниями, он в первое мгновение хотел просто встать и уйти. Но вовремя опомнился, поскольку ему в голову пришла другая мысль — он не имеет права позволить Дэнни войти в историю убийцей кардинала-викария Рима, разве что будет перевернут последний камень и собраны все доказательства, которые подтвердят его виновность совершенно неопровержимо. Но до тех пор он не признает брата виновным.

— Мистер Аддисон, процедуры опознания продлятся самое меньшее еще сутки. Останки брата вам смогут выдать, лишь когда все будет закончено. Вы намерены жить в «Хасслере» все время, которое пробудете в Риме?

— Да.

Пио вынул из бумажника карточку и протянул ее Гарри.

— Мне хотелось бы, чтобы вы ставили меня в известность о ваших передвижениях. На тот случай, если решите покинуть город. Если вы отправитесь куда-нибудь, где с вами будет затруднительно связаться.

Гарри взял карточку, опустил ее в карман пиджака и лишь после этого вновь взглянул на Пио.

— Вы сможете найти меня без всякого труда.

*Ночной поезд Женева — Рим.**Четверг, 7 июля, 1 час 20 минут*

Кардинал Никола Марчиано сидел в темноте и прислушивался к ровному стуку колес поезда, который набирал скорость на пути от Милана к Флоренции и далее к Риму. За окном тусклая луна изливала на проплывавшие мимо итальянские пейзажи слабый свет — ровно столько, чтобы можно было убедиться в том, что снаружи что-то есть. Кардинал мельком подумал о римских легионерах, которые две тысячи лет назад проходили здесь под этой самой луной. Теперь они превратились в тени, как рано или поздно случится и с ним и его жизнь, как и жизнь тех древнеримских воинов, останется лишь едва различимой точкой на полотне времени.

Поезд 311 выехал из Женевы в восемь двадцать пять вечера, пересек швейцарско-итальянскую границу через несколько минут после полуночи и прибудет в Рим лишь в восемь часов утра. Долгий путь, особенно если учесть, что на самолете он занял бы всего два часа, но Марчиано хотелось спокойно подумать и побыть некоторое время в одиночестве, без посторонних.

Будучи служителем Господа, он обычно ходил в облачении, подобающем его сану, но сегодня, чтобы не привлекать ненужного внимания, оделся в деловой костюм. С той же самой целью он приобрел билет в отдельное купе спального вагона первого класса на имя Н. Марчиано. Без всякого обмана, и в то же время позволяет сохранить анонимность. Купе было крошечным, но в нем имелось все, что ему сейчас требовалось: место, где можно поспать, если у него возникнет такое желание, и, что важнее, передвижная сотовая станция, благодаря чему он мог пользоваться своим мобильным телефоном и не бояться, что кто-нибудь его подслушает.

Сидя в одиночестве в темном купе, он старался не думать об отце Дэниеле — об обвинениях, выдвинутых против него полицией, об уликах, которые она обнаружила, о взорванном автобусе. Все это осталось в прошлом, и он боялся возвращаться мыслями к этим событиям, хотя понимал, что ему неизбежно придется разбираться с их последствиями. Они, эти последствия, должны были определить его личное будущее, будущее церкви и всего остального, что сможет каким-то образом уцелеть.

Он взглянул на часы — цифры жидкокристаллического табло отчетливо светились в темноте зеленым.

1.27

Мобильный телефон, лежавший перед ним на столике, продолжал хранить молчание. Пальцы Марчиано отбили дробь на узеньком подлокотнике кресла, пригладили полуседую шевелюру... Затем кардинал наклонился вперед и вылил в стакан все, что оставалось в бутылке «Сассикайи». Это сухое, с богатым вкусом и ароматом вино изумительного красного цвета было мало известно за пределами Италии. По той причине, что итальянцы сами держали его в секрете. Италия полна тайн. Чем старше становился человек, тем больше он видел вокруг себя тайн и тем опаснее становились эти тайны. Особенно если человек

достигал положения, обеспечивающего могущество и влияние, наподобие того, какого достиг к шестидесяти годам он сам.

1.33

Телефон все еще молчал. И кардинал уже начал тревожиться, вдруг что-то пошло не так, как надо. Но он не мог позволить себе подобных мыслей, пока не будет знать все наверняка.

Сделав маленький глоток вина, Марчиано перевел взгляд с телефона на портфель, который лежал поверх постланной постели. Внутри, в конверте, убранном под бумаги и немногочисленные туалетные принадлежности, лежал кошмар. Аудиокассета, которую передали ему в Женеве во время ланча. Она находилась в пакете с пометкой «срочно», но без обратного адреса или какой-то другой надписи, по которой можно было бы судить, кто его прислал, и была доставлена посыльным. Впрочем, прослушав запись, Марчиано сразу же понял, откуда и зачем отправили эту посылку.

Кардинал Марчиано занимал пост президента администрации Владений апостольского престола и в этом качестве принимал решения об измерявшихся в сотнях миллионов долларов капиталовложениях от имени Ватикана. И потому являлся одним из очень немногих людей, которые точно знали истинную стоимость активов и то, куда они вкладывались. Это была чрезвычайно ответственная должность, по самой своей природе подвергавшая занимавших ее той опасности, коей всегда подвержены люди высокого положения, — моральному и умственному разложению. Поддающиеся этому искушению обычно отличаются либо болезненной скупостью, либо крайним высокомерием, либо обладают обоими этими качествами. Марчиано не имел ни одного из них. Его страдания были порождены столкновением безграничной преданности церкви с жестоким обманом его доверия и любви. А его высокое положение в Ватикане усиливало страдания (если такое вообще возможно) еще во много раз.

Запись на кассете — особенно с учетом недавнего убийства кардинала Пармы и времени, выбранного для доставки, — лишь погрузила его еще глубже во мрак. И дело здесь было не только в том, что оказывалась под угрозой его собственная жизнь; самим своим существованием эта запись порождала другие, гораздо более серьезные вопросы. Кто еще знает? Кому можно доверять?

Поезд неуклонно приближался к Риму, и единственным звуком, нарушавшим тишину ночи, оставался стук колес. Почему нет звонка? Что происходит? Что-то пошло не так. Теперь он уже не сомневался в этом.

Телефон разразился звонком.

Марчиано даже вздрогнул и в первую секунду не смог пошевелиться. Телефон зазвонил снова. Заставив себя собраться, кардинал взял трубку. Чуть заметно кивая, выслушал то, что говорили. Прошептал: «Grazie»,^[8] — и нажал кнопку отключения.

Яков Фарел был швейцарцем.

А также он являлся capo dell'ufficio Centrale vigilanza^[9] — возглавлял ватиканскую полицию, причем находился на этой должности уже более двадцати лет. Он позвонил Гарри в пять минут восьмого, вырвав его из крепкого сна, и заявил, что им необходимо поговорить.

Гарри согласился на встречу, и вот спустя сорок минут один из людей Фарела вез его в машине по Риму. Они пересекли по мосту Тибр, проехали несколько сот ярдов по набережной и свернули на протянувшуюся между двумя колоннадами виа делла Кончилиационе, упиравшуюся в безошибочно узнаваемый купол собора Святого Петра. Гарри был уверен, что они направляются именно туда, в расположенные где-то в глубине Ватикана владения Фарела. Но водитель неожиданно свернул направо и через арочный портал в древней стене въехал в паутину узких улочек, по сторонам которых возвышались старые неухоженные многоквартирные дома. Миновав два квартала, он резко свернул налево и остановил машину на борго Витторио возле маленькой траттории. Выйдя из машины, шофер распахнул дверь перед Гарри и препроводил его в тратторию.

Внутри оказался лишь один человек — мужчина в черном костюме, он пил кофе, стоя возле стойки бара спиной к двери. Ростом в пять футов и восемь-девять дюймов и с тщательно выбритыми остатками волос вокруг лысины, которая в свете висевшей прямо наверху лампы сверкала как лакированная.

— Спасибо, что пришли, мистер Аддисон.

Английский язык Якова Фарела был окрашен ярко выраженным французским акцентом. Голос у него оказался хриплым, будто он всю свою жизнь был заядлым курильщиком. И лишь после первых слов он поставил чашку и повернулся. Со спины было трудно разглядеть, насколько этот человек могуч, зато, оказавшись с ним лицом к лицу, Гарри понял это с первого же взгляда. Шея толщиной с ляжку дюжего мужчины, широченная грудь, обтянутая белоснежной сорочкой. Выбритая голова и широкое лицо с приплюснутым носом еще больше усиливали впечатление неимоверной силы. А крупные кисти рук выглядели так, будто их обладатель большую часть из пятидесяти с лишним прожитых лет проработал молотобойцем. Впечатляли и его глаза — серо-зеленые, глубоко посаженные, суровые. Их взгляд лишь на мгновение обратился к водителю, и тот без единого слова отступил на шаг, повернулся и вышел, закрыв за собой дверь так, что отчетливо прозвучал щелчок замочного язычка. После этого взгляд Фарела остановился на Гарри.

— У нас с итальянской полицией разные сферы ответственности. Они охраняют город. А Ватикан — независимое государство, пусть и находящееся посреди Италии. Так что я отвечаю за безопасность целой нации.

Гарри инстинктивно оглянулся. Кроме них, в заведении не было никого. Ни официантов, ни бармена, ни посетителей. Только он и Фарел.

— Когда убили кардинала Парму, его кровь забрызгала мне лицо и рубашку. И запятнала облачение Папы.

— Я пришел сюда для того, чтобы оказать вам любую посильную помощь.

Фарел пристально взглянул на него.

— Я знаю, что у вас был разговор с полицейскими. Знаю, что они говорили вам. Я читал протокол. И рапорт, который *ispettore capo* Пио написал после вашей неофициальной беседы, я тоже читал. Меня интересует то, чего вы им не сказали.

— И что же я им не сказал?

— То, о чем они вас не спрашивали. Или же то, о чем вас спрашивали, но вы умолчали — возможно, намеренно, а возможно, и потому, что запомнили или не сочли важным.

Если в первые минуты Фарел производил просто внушительное впечатление, то теперь он уже, казалось, заполнял собой всю просторную комнату. Гарри неожиданно почувствовал, что ладони сделались липкими и на лбу выступил пот. Он снова оглянулся. Никого. А ведь уже перевалило за восемь. Когда же сюда приходит персонал? Или посетители, желающие позавтракать или выпить с утра чашку кофе? А может быть, трагедия открыта для одного лишь Фарела?

— Вам, похоже, нездоровится, мистер Аддисон...

— Наверное, я просто устал, доказывая полицейским, что ни в чем не виноват, тогда как они обращались со мной чуть ли не как с преступником. А встрече с вами я рад, потому что убежден, что мой брат не убийца. И чтобы доказать это, буду помогать вам всем, чем только смогу.

— Но ведь, мистер Аддисон, дело не только в этом...

— Что вы хотите сказать?

— Ваши клиенты. Вы должны их защищать. Вы не можете не понимать, что, если обратитесь в американское посольство, как собирались вчера, или наймете итальянского юриста для помощи в общении с полицией, шансы на то, что ваша история дойдет до средств массовой информации, будут довольно велики. Журналистам станет известно не только о наших подозрениях касательно вашего брата, но и о вас лично. О том, кто вы такой, чем занимаетесь и чьи интересы представляете. А ведь все это люди, которым вряд ли захочется оказаться хоть каким-то боком, пусть даже чисто случайно, связанными с убийством кардинала-викария Рима.

— И кого же, по вашему мнению, я...

Фарел не дал ему даже закончить фразу и с ходу назвал полдюжины имен голливудских звезд первой величины, которые и впрямь являлись давними клиентами Гарри.

— Добавить еще, мистер Аддисон?

— Откуда вам это известно?

Гарри был потрясен и разгневан. Списки клиентуры в их фирме держались в строгом секрете. А происшедшее свидетельствовало о том, что Фарел не только основательно изучил его прошлое, но и имел в Лос-Анджелесе связи, способные обеспечить его весьма труднодоступной информацией. Его знакомые, несомненно, были богатыми и могущественными людьми, что само по себе выглядело страшновато.

— Не будем сейчас касаться вопроса о виновности или невиновности вашего брата и ограничимся чисто практическими вопросами. Ведь именно поэтому вы сейчас беседуете со мной, мистер Аддисон, — с глазу на глаз и по вашей доброй воле, — и наша беседа продолжится, пока я не решу ее закончить. Ведь вам следует защищать собственный успех, верно? — Его левая рука медленно поднялась — лишь затем, чтобы почесать голый череп над левым ухом. — Сегодня отличный денек. Почему бы нам с вами не прогуляться немного?

Они вышли на улицу — лучи утреннего солнца только-только озарили верхние этажи близлежащих домов.

Фарел свернул налево, на виа Омбреллари — узкую мощеную улочку без тротуаров, по сторонам которой многоквартирные дома чередовались с барами, ресторанами и аптеками. По противоположной стороне улицы немного впереди шел в ту же сторону священник. Чуть дальше двое мужчин шумно грузили пустые бутылки из-под вина и минеральной воды в грузовой микроавтобус, стоявший возле входа в ресторан.

— О смерти вашего брата вам сообщил мистер Байрон Уиллис, ваш партнер по юридической фирме. — Это был не вопрос, а уверенное утверждение.

— Да...

Так значит, Фарел знал и это... И занимался он точно тем же самым, чем накануне Роскани и Пио, — пытался запугать его и вывести из равновесия, давая самым определенным образом понять: кто бы что ни говорил вслух, он, Гарри, все равно остается подозреваемым. И уверенность Гарри в полнейшей своей непричастности к преступлению не значила ровным счетом ничего. Да он и сам за время обучения на юриста хорошо усвоил, что на протяжении истории человечества в тюрьмах, на каторгах и даже на виселицах оказывалось множество совершенно невинных людей, мужчин и женщин, причем преступления, в которых их обвиняли, по большей части не шли ни в какое сравнение с тем, которое расследовалось сейчас в Риме. Это нервировало и даже, что уж там скрывать, пугало его. К тому же Гарри знал, что его состояние заметно со стороны, и это еще сильнее его удручало. А то, что Фарел целенаправленно углубился в его профессиональную деятельность, придало всему происходящему совершенно определенную направленность. И еще, ватиканский полицейский получил дополнительные возможности, и очень немалые, поскольку обрел доступ к самым потаенным сторонам жизни Гарри и одновременно дал ему понять, что деваться все равно некуда.

Кстати, именно об опасности огласки Гарри вчера задумался в первую очередь, как только расстался с Пио, вселился в гостиницу и позвонил Байрону Уиллису домой в Бель-Эр. В ходе разговора они почти слово в слово сформулировали те же самые, что и Фарел, причины, по которым Гарри не может ни к кому обращаться за помощью. Партнеры сошлись в одном: как бы это ни было трагично, но Дэнни мертв, и, поскольку власти до сих пор не решаются объявить во всеуслышание о его причастности или непричастности к убийству кардинала Пармы, надо позволить событиям идти своим чередом. В наше время всевластия средств массовой информации нельзя было исключить вероятность того, что клиентов Гарри так или иначе притянут к истории, а это было меньше всего на свете нужно и ему самому, и его партнеру, и компании в целом.

— Мистер Уиллис знал, что отец Дэниел пытался связаться с вами?

— Да. Я сказал ему об этом, когда он сообщил мне о случившемся.

— Вы пересказали ему, что говорил ваш брат?

— Частично... Почти все... Впрочем, все, что я ему сказал, записано во вчерашнем полицейском протоколе. — Гарри чувствовал, что гнев все сильнее и сильнее овладевает им. — А какое это может иметь значение?

— Как давно вы знаете мистера Уиллиса?

— Десять, нет, даже одиннадцать лет. Он помогал мне делать первые шаги в бизнесе. А что?

— Вы близки с ним?

— Полагаю, что да.

— Ближе, чем с большинством других своих знакомых?

— Да, наверное...

— В том смысле, что вы можете рассказать ему что-то такое, чем не станете делиться ни с кем другим.

— Куда вы клоните?

Серо-зеленые глаза Фарела уставились в лицо Гарри. Лишь через некоторое время Фарел отвел взгляд, и они пошли дальше. Неторопливо, но, по всей видимости, целеустремленно. Гарри не имел никакого понятия, куда они направляются, зачем, и гадал, есть ли определенная цель у Фарела или же это просто его стиль ведения допроса.

У них за спиной вывернул из-за поворота синий «форд», медленно проехал полквартиры и остановился. Из машины никто не вышел. Гарри взглянул на Фарела. Но тот, если и заметил машину, не подал виду.

— У вас так и не состоялось личного разговора с братом?

— Нет.

Возле ресторана двое мужчин закончили грузить пустую посуду, и их фургончик тронулся с места. Рядом с местом погрузки стоял еще и серый «фиат» с двумя мужчинами на переднем сиденье. Гарри быстро оглянулся. «Фиат» остался на месте. Квартал был коротким. Если и в той и в другой машине находились люди Фарела, значит, они заблокировали улицу с обеих сторон.

— А то сообщение, которое он оставил на вашем автоответчике... вы его, значит, стерли...

— Если бы я знал, как повернутся дела, то, конечно, не стал бы этого делать.

Фарел неожиданно остановился. Они сейчас находились совсем рядом с серым «фиатом», и Гарри отчетливо видел, как водитель и сидевший рядом с ним пассажир разглядывали его. Водитель был молодым; он всем телом подался вперед, как будто надеялся, что вот-вот случится нечто такое, что потребует его вмешательства.

— Мистер Аддисон, вы ведете себя так, будто не знаете, где находитесь.

Фарел растянул губы в ленивой улыбке, а потом указал ладонью на выкрашенный в желтый цвет, но с давно уже облупившейся краской четырехэтажный дом, находившийся прямо перед ними.

— А что, я должен это знать?

— Виа Омбреллари, сто двадцать семь. Этот адрес ни о чем вам не говорит?

Гарри окинул взглядом улицу. Синий «форд» стоял на том же месте. Гарри вновь посмотрел на Фарела.

— Нет, ни о чем.

— В этом доме жил ваш брат.

Квартира Дэнни, находившаяся на первом этаже, оказалась маленькой и поистине спартанской. В гостиной, окно которой выходило в крошечный внутренний дворик, из мебели имелись кресло для чтения, маленький письменный стол, торшер и книжный шкаф, причем все это выглядело так, будто было принесено если не с помойки, то в лучшем случае с самой дешевой барахолки. Даже книги будто прошли через много рук; по большей части они были старыми и касались истории католицизма; Гарри бросились в глаза названия: «Последние дни папского Рима, 1850–1870», «Plenarii Concilii Baltimorensis Tertii», [\[10\]](#) «Церковь в христианской Римской империи».

Спальня оказалась еще скромнее — узкая кровать, прикрытая одеялом, а рядом с ней, вместо тумбочки, низенький комод, на котором стояли лампа и телефон. Гардероб был столь же жалким, а содержание его — соответствующим. Комплект стандартного одеяния католического священника — черная рубашка, черные брюки и черный пиджак — все на одних плечиках. Рядом джинсы, рубаха в крупную клетку, поношенный спортивный костюм и стоптанные кроссовки. В выдвинутых ящиках комода можно было разглядеть белый воротничок из облачения священника, выцветшее от многочисленных стирок нижнее белье, аккуратно сложенный свитер и две футболки, одна из них с эмблемой католического колледжа в Провиденсе.

— Все осталось точно в таком же виде, как и было в день его отъезда в Ассизи, — вполголоса сообщил Фарел.

— Где лежали патроны?

Фарел провел его в ванную, где оказался еще один старенький комод. Все замки на ящиках были взломаны, по всей вероятности, полицией.

— В нижнем ящике. Возле задней стенки, за всякими туалетными принадлежностями.

Гарри несколько секунд смотрел на комод, затем повернулся и через спальню медленно прошел в гостиную. Там он увидел на верхней полке книжного шкафа незамеченную им прежде крохотную электроплитку. Подле нее стояли чашка с ложкой и банка с растворимым кофе. Вот и все. Ни кухни, ни нормальной плиты, ни холодильника. Похожую квартирку он снимал на самых первых порах своего обучения в Гарварде, когда у него совершенно не было денег; его и в университет-то приняли только потому, что он смог заработать академическую стипендию.

— Его голос...

Гарри резко обернулся. Фарел стоял в двери спальни и откровенно разглядывал его; бритая голова ватиканского полицейского неожиданно показалась Гарри непропорционально большой по отношению к телу.

— Голос вашего брата, записанный на автоответчик. Вы сказали, что он показался вам испуганным.

— Да.

— Как будто опасался за свою жизнь?

— Да.

— Он называл какие-нибудь имена? Ваших общих знакомых? Родственников? Друзей?

— Нет, никаких имен.

— Подумайте хорошенько, мистер Аддисон. Вы очень давно не слышали голоса брата.

И в этот раз он казался словно не в себе. — Фарел подошел ближе, его голос звучал уверенно и требовательно. — Людям свойственно упускать из виду подробности, когда они думают о чем-то другом.

— Если бы он называл хоть какие-то имена, я сообщил бы их итальянской полиции.

— Он сказал, зачем едет в Ассизи?

— Он ни словом не упомянул Ассизи.

— А какие-нибудь другие города, — продолжал наступление Фарел, — в которых он был или собирался побывать?

— Нет.

— Даты? Число. Или какое-то определенное время...

— Нет, — сказал Гарри. — Ни даты, ни времени. Ничего подобного.

Фарел вновь пристально уставился ему в глаза.

— Вы точно уверены, мистер Аддисон?..

— Да. Абсолютно точно.

Разговор, в котором вновь стало нарастать напряжение, прервал резкий стук в дверь. Затем она открылась, и на пороге появился тот самый водитель серого «фиата», которому не терпелось что-нибудь сделать. Фарел обратился к нему по имени — Пилжер. Он был даже моложе, чем показалось Гарри на первый взгляд, с лицом юноши, только-только вышедшего из подросткового возраста и еще не привыкшего бриться. Следом за ним вошел священник. Тоже молодой, вероятно не достигший тридцати, высокий, с темными курчавыми волосами и черными глазами за очками в черной же оправе.

Фарел обратился к нему по-итальянски, выслушал ответ, после чего вновь повернулся к Гарри.

— Мистер Аддисон, это отец Бардони. Он работает в штате кардинала Марчиано и был знаком с вашим братом.

— Я немного знаю английский, — извиняющимся тоном, со смущенной улыбкой (и сильным акцентом) сказал отец Бардони. — Позвольте мне выразить вам мои глубокие соболезнования...

— Спасибо...

Гарри кивнул, действительно испытывая искреннюю благодарность. Впервые за все время его пребывания в Италии Дэнни был упомянут вне прямой связи с убийством.

— Отец Бардони приехал из морга, куда были доставлены останки вашего брата, — вновь взял на себя инициативу Фарел. — Все необходимые документы уже оформляются. Завтра они будут готовы, и вы сможете их подписать. Отец Бардони проводит вас туда. И на следующий день в аэропорт. Для вас уже забронировано место в первом классе. Останки отца Дэниела будут отправлены тем же самолетом.

— Спасибо, — повторил Гарри.

Сейчас ему больше всего на свете хотелось избавиться в конце концов от неуместных подозрений и нескромного внимания полиции и отвезти Дэнни домой, чтобы похоронить.

— Мистер Аддисон, — вновь заговорил Фарел, — следствие еще не закончено. В Штатах к вам обратятся сотрудники ФБР. Они, несомненно, сочтут нужным допросить вас еще раз. Уверен, что они захотят поговорить и с мистером Уиллисом. У вас будут спрашивать имена и адреса родственников, друзей, знакомых по службе в армии и других людей, с которыми ваш брат был знаком или имел какие-то связи.

— Мистер Фарел, родственников у нас не осталось. Мы с Дэнни — последние в роду.

Что же касается его друзей и знакомых, то тут я ничем не могу быть полезен. Просто я почти ничего не знаю о его жизни. Но хочу сказать вам кое-что другое. Я не меньше, чем вы, стремлюсь узнать, что здесь произошло. Пожалуй, даже больше. И намерен это выяснить.

Гарри выразительно взглянул на Фарела, затем, коротко кивнув отцу Бардони, окинул комнату взглядом, желая сохранить в памяти обстановку последнего жилища Дэнни, и шагнул к двери.

— Мистер Аддисон! — резко прозвучал у него за спиной голос Фарела, и Гарри обернулся. — Я в самом начале встречи сказал вам, что меня интересует то, что вы еще не сказали. Интересует до сих пор. Как юрист, вы должны понимать, что целое может складываться из самых непримечательных кусочков. Из вещей, которые кажутся настолько незначительными, что люди попросту не обращают на них внимания.

— Я пересказал вам все слова моего брата.

— Это вы так утверждаете, мистер Аддисон. — Фарел прищурился, уставился в глаза Гарри и долго не отводил взгляда. — Меня уже окропила кровь кардинала. Я не хочу оказаться омытым и кровью Папы.

— Роскошно! Потрясающе! Я в отпаде! И что, он звонил? Нет, я вовсе не ожидал. А где он? Прячется?

Гарри стоял посреди комнаты и хохотал в голос. С телефоном в руке, без галстука, с расстегнутым воротничком рубашки и подвернутыми рукавами, без ботинок. В конце концов он был вынужден опереться на стоявший возле окна антикварный столик.

— Послушай, ему двадцать четыре года, он звезда, вот и пусть делает что хочет.

Попрощавшись, Гарри нажал кнопку отключения и положил телефон на стол, где лежали блокноты, распечатки полученных сообщений, огрызки карандашей, недоеденный сэндвич и несколько исписанных и скомканных листков. Интересно, когда он в прошлый раз смеялся или хотя бы испытывал желание смеяться? Но сейчас он насмеялся вдосталь и почувствовал себя после этого значительно лучше.

«Собака на Луне» оказалась перворазрядным хитом. Сорок восемь миллионов долларов за трое суток — пятницу, субботу и воскресенье, — что на шестнадцать миллионов превышало самые радужные надежды «Уорнер бразерс». Студийные компьютеры теперь прогнозировали сумму в двести пятьдесят с лишним миллионов. Что же касается сценариста и постановщика Хесуса Арройо, двадцатичетырехлетнего парня с восточной окраины Лос-Анджелеса (Гарри заприметил его шесть лет назад среди участников литературной школьной программы, организованной для подростков из беспокойных бедных районов, и непрерывно опекал все это время), то карьера его в результате вышла на всемирную орбиту. За каких-то три дня он сделался новым enfant terrible, перед которым открылась широкая дорога к процветанию. Впереди его ждали многомиллионные контракты на новые картины. Бесчисленные приглашения участвовать в самых популярных телевизионных ток-шоу. Но где же малыш Хесус находился сейчас? Развлекался на горных курортах в Вейле, или Аспене, или же на драгоценном побережье Монтекито? Нет. Он прятался!

Гарри снова расхохотался. Хесус, этот умный, властный и совершенно зрелый режиссер, в глубине души оставался все тем же робким провинциальным парнишкой. Потому-то в звездный час жизни его никто не мог найти. Ни журналисты, ни друзья, ни нынешняя подруга, ни даже его агент, с которым Гарри только что разговаривал. Никто на свете.

Кроме Гарри.

Гарри точно знал, где он находится. Хесус Арройо Мануэль Родригес — таково его полное имя — сейчас был в доме своих родителей на Эскуэла-стрит в Восточном Лос-Анджелесе. Со своей мамочкой, со своим отцом, продолжавшим работать сторожем в больнице, со своими родными и двоюродными братьями и сестрами, тетями и дядями.

Да, Гарри знал, где он находится, и мог позвонить ему, но не хотел этого делать. Пусть Хесус сам распоряжается своим временем, пусть побудет с семьей. Он все равно уже в курсе происходящего. Если захочет, сам свяжется с теми, с кем сочтет нужным. Пусть уж празднует свою победу по-своему, а всю прочую ерунду, включая поздравительный звонок от его юриста, оставит на потом. Бизнес еще не стал основным содержанием его жизни, как это давно уже случилось у Гарри и подавляющего большинства прочих, кто добился

процветания в индустрии развлечений.

Когда вчера он пришел наконец в бронированный номер гостиницы, его уже ждало восемнадцать звонков, на которые надо было бы ответить. Но он не стал звонить никому, а лег в кровать и проспал пятнадцать часов подряд. Он был настолько измучен и морально, и физически, что сама мысль о делах казалась ему неприемлемой. Зато сегодня, после общения с Фарелом, работа принесла ему столь необходимое облегчение. Тем более что все, с кем он говорил, поздравляли его с потрясающим успехом «Собаки», восхищались блестящей будущностью Хесуса Арройо, деликатно сочувствовали ему в связи с пережитой личной трагедией, просили прощения за то, что заставляют его заниматься делами при таких-то обстоятельствах, и после всех этих продолжительных вступлений переходили к делам.

На некоторое время это помогло Гарри, поскольку отвлекло его от самых насущных проблем. Но, закончив последний разговор, он осознал, что никто из тех, с кем он беседовал, не имеет ни малейшего представления о том, что его здесь терзает полиция и что его брат является главным подозреваемым в убийстве кардинала-викария Рима. А он не может никому об этом рассказать. Сегодняшние собеседники вроде бы считались его друзьями, на деле же их с ним связывали лишь нормальные деловые отношения и ничего больше.

И он впервые задумался о том, насколько одинока его жизнь. Кроме Байрона Уиллиса, который был давно женат, растил двоих детей и все же работал столько же, сколько Гарри, если не больше, у него не было ни одного настоящего друга, ни одной близкой души. Его жизнь протекала в таком стремительном темпе, что у него не хватало времени на налаживание и закрепление подобных отношений. То же самое касалось и женщин. Он принадлежал к самой сердцевине Голливуда, где красивых женщин было больше чем достаточно. Он использовал их, а они использовали его — таковы были правила игры. Закрытый просмотр, затем обед, затем секс, а потом снова за дела — заседания, переговоры, телефонные звонки, — и, возможно, никакого личного общения на протяжении нескольких недель. Самая продолжительная любовная связь была у него с одной актрисой и продолжалась чуть больше полугода. Слишком уж он был занят, слишком сосредоточен на делах. И до сего дня такое положение вещей казалось ему нормальным.

Отвернувшись от стола, Гарри подошел к окну и посмотрел наружу. Когда он в прошлый раз выглянул в окно, город был залит светом клонящегося к горизонту солнца. Теперь же стемнело, и Рим сиял сплошной россыпью огней. Прямо внизу лежала Испанская лестница и за ней площадь Испании, кишущая народом — проходящим, уходящим и попросту слоняющимся; тут и там виднелись группы полицейских в форме, чье присутствие убеждало в том, что положение на площади находится под их полным контролем и никаких неприятностей здесь не случится.

А дальше различалась паутина узких извилистых улочек, над которыми поднимались покрытые оранжевой и кремовой черепицей крыши жилых домов, магазинов и маленьких гостиниц, возвышающихся над древними кварталами вблизи черной ленты Тибра. На его противоположном берегу громоздился ярко освещенный собор Святого Петра; в той части Рима Гарри побывал сегодня рано утром. А далее находился Ватикан, вотчина Якова Фарела. Резиденция Папы Римского. Средоточие власти, распространяющейся по всему миру и подчиняющей себе девятьсот пятьдесят миллионов католиков. Место, где прошли последние годы жизни Дэнни.

Откуда Гарри мог знать, как его брат прожил эти годы? Чем объяснить поведение

полицейских — то ли они действительно пытались узнать что-то новое, то ли попросту выполняли все формальности, которыми полагается окружать такое важное дело... Почему Дэнни покинул морскую пехоту и ушел в священники? Этому поступка брата Гарри никак не мог понять. Ничего удивительного — ведь с тех пор они практически не общались и у него попросту не было возможности расспросить Дэнни о причинах. А сейчас, глядя на сверкающий в лучах прожекторов купол собора Святого Петра, он спрашивал себя, не могло ли быть здесь, в самом Ватикане, чего-то такого, что подтолкнуло Дэнни сделать этот отчаянный звонок, а потом отправило в поездку навстречу смерти.

Так кого или чего он так боялся? И по какой причине? Сначала Гарри казалось, что ключом к разгадке может стать взрыв автобуса. Если полиции удастся определить, кто его устроил и зачем, она сможет прийти к выводу, что мишенью этого преступления был именно Дэнни. Если это так и если полиция составит хотя бы круг подозреваемых, то ей удастся сделать заметный шаг к тому, в чем Гарри, несмотря ни на что, был в душе уверен — что Дэнни невиновен и что его подставили истинные преступники. По каким-то ведомым им одним причинам. И снова он, как наяву, услышал голос, полный страха: «Гарри, я боюсь... Я не знаю, что делать... не знаю, чего ждать. Да поможет мне Бог».

Предвидя бессонницу, Гарри вышел на улицу, пробился по запруженной народом виа Кондотти на столь же многолюдную виа дель Корсо и, влекомый толпой любителей ночных прогулок, побрел по ней, разглядывая витрины. Перед тем как покинуть номер, он позвонил в Лос-Анджелес Байрону Уиллису, предупредил его насчет возможного визита агентов ФБР после чего они обсудили еще один, глубоко личный вопрос — где похоронить Дэнни.

Эта проблема, которую Гарри совершенно упустил из виду в общей сумятице, выплыла на свет после звонка отца Бардони, молодого священника, с которым он встретился в квартире Дэнни. Из его слов Гарри узнал, что отец Дэниел, насколько известно, не оставил завещания и директору морга, для того чтобы выдать останки, требовалось согласие руководства кладбища того города, где брат будет погребен.

— А где он сам хотел покоиться? — осторожно осведомился Байрон Уиллис.

— Не знаю, — растерянно ответил Гарри.

— У вас есть фамильный участок на кладбище? — спросил Уиллис.

— Да.

Этот участок находился в их родном городе Бате. На маленьком местном кладбище над рекой Кеннебек.

— И как, по-твоему, хотел бы он, чтобы его там похоронили?

— Байрон, я... я не знаю...

— Гарри, я тебя очень люблю и понимаю, как тебе тяжело, но это не сможет решить никто, кроме тебя.

Гарри согласился, поблагодарил и почти сразу же вышел из гостиницы. Он не спешил по улицам и размышлял, пребывая в глубокой растерянности, чуть ли не в панике. Байрон Уиллис был его ближайшим другом, но и с ним Гарри никогда не разговаривал о своей семье, разве что иногда упоминал мельком. Байрон знал лишь, что Гарри и Дэнни выросли в маленьком городке в штате Мэн неподалеку от побережья, что их отец работал в порту и что учиться в Гарвард Гарри поступил семнадцати лет от роду.

Гарри никогда не рассказывал о своей семье ни Байрону, ни товарищам в колледже, ни своим женщинам — никому. Никто не знал о трагической смерти его сестры Маделин или о том, что его отец всего лишь год спустя погиб во время аварии на верфи. Или что их мать, несчастная и растерянная, меньше чем через месяц заново вышла замуж, перебравшись вместе с сыновьями в мрачный, викторианского стиля дом вдового торговца свежеморожеными продуктами, у которого было своих пятеро детей, который никогда не бывал дома и женился-то лишь для того, чтобы обзавестись нянькой для детей и домохозяйкой. Или что позднее у Дэнни — тогда еще подростка — начались почти непрерывные конфликты с полицией. Или как оба брата договорились сбежать из дому при первой же возможности и оставить эти беспросветные годы в прошлом, уехать и никогда не возвращаться — и обещали помогать в этом друг другу. И насколько по-разному оба добились своего.

И неужели он, помня все это, может согласиться с советом Уиллиса и похоронить

Дэнни там, на семейном участке? Был бы брат жив, это наверняка убило бы его! А мертвый он, пожалуй, восстанет из гроба, схватит Гарри за горло и уложит в могилу вместо себя! Так что же Гарри следует сказать завтра, когда с телом брата он прибудет в Нью-Йорк и распорядитель похорон спросит у него, куда отправлять останки? При иных обстоятельствах это могло бы выглядеть занятно, даже забавно. Но не сейчас. Он должен до завтра найти ответ. Но на сегодня у него не было никаких соображений.

* * *

Когда через полчаса, разгоряченный и взмокший от ходьбы, Гарри вернулся в «Хасслер» и остановился у стойки портье, чтобы получить ключ от номера, ответа у него все так же не было. Ему хотелось лишь одного — подняться к себе в комнату, лечь в постель и забыться глубоким сном, который позволит ему отрешиться на время от всех проблем.

— Мистер Аддисон, вас хочет видеть какая-то женщина.

— Женщина? — В Риме Гарри не знал никого, кроме полицейских. — Вы уверены?

Портье улыбнулся.

— Уверен, сэр. Чрезвычайно привлекательная, в зеленом вечернем платье. Она ждет вас в «садовом» баре.

— Спасибо.

Гарри отошел. Наверное, у кого-то из его коллег среди клиентов оказалась актриса, ехавшая в Рим, и тот посоветовал ей найти Гарри. Может быть, рассчитывая, что она сможет отвлечь его от забот. Но этим вечером ему меньше всего на свете хотелось иметь дело с незнакомой женщиной, что бы она из себя ни представляла.

* * *

Войдя в бар, он сразу понял, о ком шла речь. Его гостья сидела в одиночестве. На мгновение длинные рыжие, с темно-золотым отливом волосы и изумрудно-зеленое вечернее платье ошеломили его, но, увидев лицо, он сразу же узнал эту женщину. Он сотни раз видел ее по телевидению — с неизменной бейсболкой на голове, в камуфляжной куртке от «Л. Л. Вин», она вела, под аккомпанемент артиллерии, репортаж из Боснии, рассказывала о последствиях устроенного террористами взрыва бомбы в Париже или о положении в лагере беженцев в Африке. Это была не актриса. Это была Адрианна Холл, одна из лучших корреспондентов ВСН — Всемирной сети новостей. При любых других обстоятельствах Гарри сразу подошел бы к ней. Она была его ровесницей, может, чуть постарше, смелая, рискованная и, как заметил консьерж, очень привлекательная. Но помимо всего прочего Адрианна Холл была журналисткой, и сейчас встреча с ней Гарри совершенно не вдохновляла. Как она его нашла, он понятия не имел, но она была здесь, и он напряженно размышлял, как поступить. Или никак? Ему нужно было лишь тихонько повернуться и уйти; он так и сделал, оглянувшись по сторонам, как будто искал кого-то другого.

Он почти дошел до вестибюля, когда она догнала его:

— Гарри Аддисон?

Остановившись, он повернулся:

— Да...

— Я Адрианна Холл, Всемирная сеть новостей.

— Я знаю...

Она улыбнулась.

— Вы не желаете говорить со мной...

— Вы правы.

Она опять улыбнулась. Платье казалось чересчур строгим для нее.

— Я обедала с другом и уже выходила из гостиницы, когда увидела, что вы оставили ключ у консьержа... Узнала у него, что вы отправились немного пройтись. И рискнула предположить, что пошли не слишком далеко...

— Мисс Холл, я сожалею, но действительно не хочу общаться со средствами массовой информации.

— Вы нам не доверяете?

На этот раз она улыбнулась не только губами, но и глазами, в которых мерцали дразнящие огоньки.

— Просто мне не хочется разговаривать. Если позволите... уже поздно...

Гарри начал уже поворачиваться, но она взяла его за руку.

— Что же мне сделать, чтобы вы мне поверили — по крайней мере больше, чем сейчас? — Она шагнула ближе к нему, и он ощутил ее легкое дыхание. — Допустим, я скажу вам, что знаю о вашем брате. Знаю, что из аэропорта вас прямиком отвезли в полицию. Что вы встречались сегодня с Яковом Фарелом.

Гарри уставился на нее.

— Не удивляйтесь. Это моя профессия: знать, что происходит. Но я ни с кем не говорила об этом, кроме вас, и не стану, пока вы не дадите мне личного разрешения.

— Но вы в любом случае хотите знать о моих намерениях?

— Возможно.

Немного поколебавшись, Гарри улыбнулся.

— Спасибо, но, как я сказал, уже поздно...

— А если я признаюсь, что вы мне понравились и я решила подождать вас в первую очередь из-за этого?

Гарри постарался сдержать улыбку. Он сам не раз пользовался этим приемом: уверенный, откровенно сексуальный флирт, и мужской, и женский, мог быть воспринят второй стороной и как шутка, и всерьез — по настроению. По сути, это была такая наживка, которую забрасывают, чтобы посмотреть, что же получится.

— Во-первых, мне очень приятно это слышать. Но во-вторых, я бы сказал, что закулисные политические игры мало подходят к таким случаям.

Гарри отбил подачу и теперь ждал ее следующего действия.

— Вы серьезно?

— Серьезно.

Трое пожилых мужчин вышли из бара и остановились рядом, продолжая разговор. Адрианна Холл посмотрела на них, на Гарри и добавила, немного склонив голову и понизив голос:

— Мистер Гарри Аддисон, позвольте предложить вам другой вариант... Мне иногда позарез хочется трахнуть с незнакомым мужчиной.

Произнося это, она не отвела глаз.

Ее квартира была маленькой, опрятной, уютной. Секс — одна из тех вещей, которые возникают поистине из ниоткуда. Пожар зарождается случайно. Стоит чиркнуть спичкой — и вдруг вспыхивает бурное пламя.

Гарри все расставил по местам с самого начала — когда, отвечая ей: «Я тоже», добавил, что ни судьбу Дэнни, ни убийство кардинала-викария Рима они в разговорах затрагивать не будут, и она согласилась с ним.

Они взяли такси, а затем прошли половину квартала, разговаривая об Америке. В основном о политике и спорте. Адрианна Холл была родом из Чикаго, а когда ей исполнилось тринадцать, переехала в Швейцарию, так как ее отец, игравший защитником в «Чикаго блэкхоукс», занял пост тренера швейцарской национальной сборной по хоккею.

Она закрыла дверь, щелкнул замок. И сразу же, обернувшись в темноте к Гарри, прижалась открытым жадным ртом, просунула язык между его губами. А Гарри привычным движением провел руками по вечернему платью, нащупал грудь и почувствовал, как набухли от прикосновения ее соски. Ее руки тем временем расстегнули его брюки и приспустили трусы. Она стиснула ладонью затвердевший член, принялась мять, второй рукой задрала юбку и прижалась к нему телом, облаченным в тончайшее шелковое белье. При этом она непрерывно целовала его, тяжело дыша, как будто давно уже изнемогала от желания. Гарри поспешно сбросил одежду с себя и стащил через голову платье с женщины. Едва он успел, расстегнув крючки, снять и бросить ее бюстгальтер куда-то в темноту, как Адрианна повалила его на кушетку, нагнулась, стянула с него трусы и, быстро подавшись вперед, взяла его член в рот. Гарри расслабленно запрокинул голову, но тут же приподнялся на локтях, чтобы видеть женщину. Ему показалось, что еще никогда в жизни он не испытывал такого удовольствия. Но через несколько минут он приподнял ее голову, взял Адрианну на руки и понес через опрятную гостиную, посмеиваясь в темноте, когда она указывала ему, куда идти, и, пройдя коротким коридором, опустил женщину на кровать в спальне. Ему пришлось еще немного подождать — что донельзя обострило предвкушение, — пока она нащупывала в ящике стоявшего рядом комода презерватив, пока, тяжело дыша и чертыхаясь, рвала неподдававшуюся фольгу. Но все же справилась, извлекла презерватив и ловко надела на него.

— Повернись, — прошептал он.

Зазывно улыбнувшись ему, она повиновалась, повернулась лицом к изголовью, и он вошел в нее сзади, ощутил мягкое облегающее тепло и принялся ритмично, неторопливо двигаться взад-вперед — как ему показалось, вечно, — вслушиваясь в ее негромкие стоны.

По подсчетам Гарри, за два часа он достиг кульминации пять раз. Ну что ж, неплохо для тридцати шести лет. Сколько оргазмов испытала она и считала ли их, он понятия не имел. Единственным, что он хорошо запомнил, было ее нежелание оставить его спать у себя. В очередной раз поцеловав, Адрианна попросила его вернуться в гостиницу, потому что ей через два часа нужно встать и отправляться на работу.

Среда, 8 июля, 4 часа 32 минуты

Гарри взглянул на часы. Время еле ползло. Он даже не мог понять, спал ли вообще. Он все еще ощущал запах духов Адрианны — почти мужских, с оттенком цитрусов и дыма. Через два часа вставать и отправляться на работу, сказала она. Не то чтобы в свой кабинет в офисе, как у всех нормальных людей, нет! — в аэропорт, на самолет и в Загреб, а там — в дальний район Хорватии, чтобы проверить полученное сообщение о совершенном хорватами преступлении против человечности: якобы нескольких хорватских сербов вытащили из их домов и зарезали. Человечность, права человека... это было частью ее, этим она занималась и этим жила.

Он вспомнил, как во время одного из кратких перерывов в их забавах, нарушив собственный запрет на разговоры о Дэнни, спросил, что ей известно о расследовании взрыва автобуса в Ассизи. И она ответила напрямую, пусть не сразу, пусть даже намекнув интонацией, что он пытается использовать ее: кто это сделал, пока неизвестно...

В темноте ее блестящие глаза следили за ним, а он, глядя на ее плавно поднимающуюся и опускающуюся в такт дыханию грудь, пытался определить, правду ли она говорит. И не мог понять. И больше не возвращался к этой теме. Через пару дней она забудет о нем, и в следующий раз он увидит ее только на телеэкране, в бейсболке и камуфляжной куртке от «Л. Л. Вин», когда она будет рассказывать о вспыхнувшей где-то очередной войне. А сейчас имело значение лишь то, что он потянулся к ней, теперь уже снизу, чтобы еще раз приласкать ее грудь, с силой прижал ее сосок языком и ощутил вновь нахлынувшую волну желания. А потом у него в мыслях не осталось ничего, кроме Адрианны. Пусть эгоизм, ну и что? Да. В конце концов, не так уж все однозначно. Да ведь и затея это была ее, а не его.

Медленно проведя пальцами по внутренней части ее бедра, он добрался до липкой влажности там, где ее ноги соединялись, и услышал, как женщина сдавленно всхлипнула. Вновь почувствовав прилив сил, он сделал движение, чтобы лечь на нее, но она неожиданно повернулась, перекатываясь с ним, и, оказавшись сверху, взяла рукой его снова напрягшийся член и резко направила в себя.

Подавшись телом назад, она уперлась ногами в постель, а затем наклонилась вперед, поставив руки по обе стороны его головы и глядя на него широко открытыми глазами. И принялась медленно двигаться, скользить по нему вперед и назад. Умело. Опускаясь на него всем своим весом после каждого движения. Постепенно, словно гребец, умело ускоряющий лодку своими движениями, она стала подпрыгивать все чаще и чаще. Или как наездница, испытывающая оседланного скакуна на выносливость. Погоняя его яростно, сурово, немилосердно. Пока сама не получит то, к чему стремится. Колотясь своим лonom о торчавший в нем член. Изо всей силы напирая на его вершину, с каждым следующим мощным ударом приближаясь к завершению. В мгновение ока она вместо прежней игры начала совершенно новую. Утоление желания вдруг превратилось в состязание поистине титанического накала.

И она не ошиблась, выбрав Гарри себе в соперники. Он был опытным мастером любовного «фехтования» и, улавливая каждое ее движение, без малейшего опоздания

отвечал на него. Выпад на выпад. Зверь против зверя. Гонка с полной отдачей сил, до разрыва сердца. Победитель получает все, а побежденный все теряет...

Финишную черту они пересекли одновременно. Утробно вскрикивая, обливаясь потом. Яркая вспышка фотофиниша оргазма застала их вытянувшимися бок о бок, жадно хватающими воздух ртами, истратившими до конца все свои самые потаенные запасы сил, беспомощно трепещущими в полной темноте.

Гарри сам не понимал, как это случилось, но в эти минуты какая-то часть его существа словно стояла в стороне и пыталась угадать, почему все же Адрианна выбрала его — может быть, как одно из ведущих действующих лиц в самой занимательной истории последних дней и этот поступок являлся элементом ее тайной стратегии: заблаговременно установить личные отношения... Может быть, и впрямь потому, что ей нравился секс с незнакомыми мужчинами... хотя, возможно, тут сыграло роль и это, и какое-то иное побуждение... а может быть, потому, что она боялась предстоящей поездки в Загреб, чувствовала, что слишком уж много таких поездок выпадает на ее долю, что может в конце концов случиться что-то непредсказуемое и она умрет где-нибудь в хорватской глуши... Может быть, ей перед отлетом хотелось вдохнуть как можно больше жизни. А Гарри лишь случайно подвернулся ей на пути в этот момент...

4.36

Смерть.

В номере 403 отеля «Хаслер» было темно: ставни закрыты, портьеры опущены и занимающийся рассвет не мог проникнуть внутрь, но Гарри никак не удавалось уснуть. Вокруг него вращался мир, плясали лица.

Адрианна.

Детективы Пио и Роскани. Яков Фарел.

Отец Бардони, молодой священник, которому предстояло проводить его вместе с останками Дэнни в аэропорт.

Дэнни.

Смерть.

Хватит! Включив свет, Гарри отбросил одеяло, встал и подошел к письменному столику, на котором стоял телефон. Вынув свои записи, он принялся просматривать документы, с которыми работал перед отъездом. Контракт, продлевавший работу на съемках телевизионного сериала с целой толпой звезд при увеличении гонорара до пятидесяти тысяч за эпизод. Соглашение с главным сценаристом — он должен был за месяц навести окончательный глянец на сценарий, который переписывался уже четыре раза. Писательский гонорар — пять тысяч долларов. Наконец-то удалось договориться с известным режиссером о двухмесячной работе по съемке боевика на Мальте и в Бангкоке, за которую он получит, по своему выбору, либо шесть миллионов гонорара, либо десять процентов от кассового сбора за первый год проката. Договоренность была достигнута и уже через полчаса расторгнута, потому что один из актеров-звезд неожиданно и не объясняя причин отказался от участия в фильме. Через пару часов и полдюжины телефонных разговоров удалось убедить капризную звезду вернуться в проект, но режиссер к тому времени уже рассматривал другие предложения. Звезду удалось поймать по телефону во время ланча в шикарном лос-анджелесском ресторане, главу студии — в автомобиле где-то в долине Сан-Фернандо, следующий разговор состоялся с агентом режиссера, закончившим к тому времени селекторное совещание с четырьмя сотрудниками, а потом с самим режиссером,

находившимся у себя дома в Малибу. Через сорок минут режиссер согласился вернуться в фильм и сказал, что будет собираться в дорогу и завтра утром отправится на Мальту. К тому времени, когда с делами было покончено, Гарри заключил сделку на семь с половиной миллионов долларов. Может, чуть меньше или чуть больше. Пять процентов, то есть примерно триста семьдесят пять тысяч долларов, пошла его фирме «Уиллис, Розенфельд и Барри». А ведь еще следовало учесть, что он за последние двое суток донельзя изнервничался, пролетел полмира и почти не спал, так что работал буквально на автопилоте. Потому-то он и занимался тем, чем занимался... и ему платили столько, сколько платили, да еще и премиальные, да еще и участие в прибылях, да еще... Из родного города Гарри Аддисон выбрался на широкую дорогу. Но вдруг все это показалось ему неважным и пустым.

Резким движением он выключил свет и в темноте закрыл глаза. Как только он сделал это, явились тени. Гарри попытался отогнать их, думать о чем-нибудь другом. Но они не пожелали исчезнуть. Тени медленно двигались вдоль дальней, чуть заметно подсвеченной стены, затем поворачивались и направлялись к нему. Призраки. Один, второй, третий и за ними — четвертый.

Маделин.

Его отец.

Его мать.

А потом...

Дэнни.

Среда, 8 июля, 10 часов 00 минут

Бесшумными шагами они спускались по лестнице. Гарри Аддисон, отец Бардони и директор похоронного бюро синьор Гаспарри. Внизу Гаспарри повернул налево и повел их вниз по длинному коридору со стенами, выкрашенными в горчичный цвет и расписанными трогательными итальянскими пасторалями.

Гарри потрогал карман пиджака, где лежал конверт; Гаспарри дал ему этот конверт, как только он вошел. В нем находились те немногие из личных вещей Дэнни, которые уцелели после взрыва автобуса: обгоревшее удостоверение служащего Ватикана, почти неповрежденный паспорт, очки без правого стекла и с разбитым левым и наручные часы. Из всех четырех предметов часы давали самое яркое представление о том, какой ужас произошел на автостраде. Почти полностью сгоревший ремешок, деформированный стальной корпус, в котором погромыхивали слетевшие с осей шестеренки. Часы остановились 3 июля в 10.51 утра, через считанные секунды после взрыва семтекса, уничтожившего автобус.

Рано утром Гарри наконец-то решил, что Дэнни будет предан земле на маленьком кладбище в западной части Лос-Анджелеса. Ничего лучшего он придумать не мог. Хорошо ли, плохо ли, но Гарри давно уже поселился в Лос-Анджелесе, там проходила его жизнь, и даже нервная обстановка всей этой поездки не давала ему повода предположить, что он куда-то переедет. Больше того, при мысли о том, что Дэнни будет покоиться поблизости, ему наверняка станет теплее. Он сможет время от времени навещать брата, заботиться о могиле и — как знать? — может быть, иногда и поговорит с Дэнни. Никто из них больше не останется в одиночестве. И — какой же иронией судьбы это кажется! — такое территориальное соседство, может быть, позволит сузить пропасть, которая пролегла между ними за эти годы.

— Мистер Аддисон, прошу прощения... — В голосе отца Бардони звучало неподдельное сочувствие. — Ради собственного блага, постарайтесь сохранить его в памяти таким, каким он был прежде.

— Да, святой отец, хорошо бы, но я не могу...

Разговор о том, стоит ли открывать гроб и смотреть на останки, зашел лишь несколько минут назад, во время короткой поездки из отеля в похоронное бюро. Гарри хотелось этого меньше всего, но он знал: не сделай он этого, и будет сожалеть всю оставшуюся жизнь. Особенно когда постареет и чаще станет оглядываться назад.

Шедший впереди Гаспарри остановился, открыл дверь и пропустил их в небольшой зал с неярким светом, где перед алтарем стояли в несколько рядов стулья с прямыми спинками. Сказав что-то по-итальянски, он вышел.

— Он попросил нас подождать здесь...

В глазах отца Бардони за очками в черной оправе было все то же выражение, и Гарри знал: он хочет еще раз попросить его изменить решение.

— Я знаю, вы хотите как лучше, святой отец. Но пожалуйста, не надо...

Гарри с секунду смотрел на священника, чтобы удостовериться, что тот понял его, а

затем отвернулся и окинул взглядом комнату.

Как и все здание, она была старой, со всеми признаками возраста: штукатурка на стенах — в трещинах и неровностях, залатанных и замазанных заново тем же горчично-желтым цветом, что и коридор. По контрасту с темным деревом алтаря и стульев кафельный пол, выцветший за много лет, если не веков, казался почти белым; люди приходили сюда, усаживались, смотрели, потом уходили, с тем чтобы их сменили другие, приходящие с той же самой целью: посмотреть на умершего.

Гарри подошел к одному из стульев и сел. Жуткий процесс опoznания и последующего патологоанатомического исследования тел убитых пассажиров ассизского автобуса производился быстро и квалифицированно большим, чем обычно, штатом — так распорядилось итальянское правительство, все еще не оправившееся от потрясения после убийства кардинала Пармы. Задание выполнено, останки отправлены в морг Istituto di Medicina Legale^[11] Римского университета и в различные похоронные бюро поблизости, чтобы там их поместили в закрытые гробы для возвращения семьям и похорон. И, несмотря на расследование преступления, связанного с его именем, к останкам Дэнни отнеслись точно так же. Его тело находилось где-то здесь, у Гаспарри, в этом здании, его обезображенное тело, убранный в ящик, как и все остальные трупы, для последующей перевозки домой и окончательного упокоения.

Гарри мог позволить событиям идти своим чередом, вероятно, должен был позволить, чтобы Дэнни в закрытом и запечатанном гробу отправили обратно в Калифорнию и там похоронили. Но после того, что случилось, он не мог так поступить. Как теперь выглядел Дэнни, на что были похожи его останки — не имело значения. Он должен был увидеть его в последний раз, это был бы прощальный жест, которым он сказал бы: «Прости, что меня не было там и тогда, когда я был нужен тебе. Прости, что мы были отделены друг от друга досадой и непониманием. Что мы ни разу не поговорили об этом, не преодолели преграду, не удосужились даже понять...» Просто сказал бы ему: «До свидания, я люблю тебя и всегда любил, как бы это ни выглядело со стороны».

— Мистер Аддисон, — произнес, подойдя и остановившись перед ним, отец Бардони, — прошу, для вашего блага... Я видел, как люди, не менее сильные и решительные, чем вы, утрачивали самообладание при виде столь чудовищного... Следуйте путем Господа нашего. Ваш брат хотел бы, чтобы вы запомнили его таким, каким он был.

Громко скрипнув, открылась дверь, и в комнату вошел мужчина с коротко подстриженными полуседеыми волосами. Красивый, почти шести футов ростом, он был окружен аурой аристократизма, сочетавшегося с добротой и человеколюбием. На нем была черная сутана с красным поясом и красная кардинальская шапочка, а на шее — золотая цепь, на которой висел золотой наперсный крест.

— Ваше преосвященство...

Отец Бардони слегка поклонился. Мужчина кивнул и посмотрел на Гарри.

— Мистер Аддисон, я кардинал Марчиано. Хочу выразить вам мои глубокие соболезнования.

Марчиано прекрасно владел английским, и, кажется, ему нравилось говорить на этом языке. Естественность его манер, его взгляд, красота движений — все вселяло спокойствие и уверенность.

— Спасибо, ваше преосвященство...

Гарри, водившему знакомство и с крупными деятелями закулисной политики, и с

мировыми знаменитостями, все же ни разу не доводилось общаться с кардиналами, не говоря уже о занимающем столь высокое положение прелате, как Марчиано. Гарри был воспитан в католичестве, но вырос совершенно нерелигиозным человеком, пожалуй, даже неверующим. И все же он немного оробел. Вероятно, такое же чувство он испытал бы, посети его глава какого-нибудь государства.

— Отец Дэниел был моим личным секретарем в течение многих лет...

— Я знаю.

— Вы ожидаете в этой комнате, потому что хотите увидеть его...

— Да.

— Вы этого не знали, но отец Бардони позвонил мне, пока вы беседовали с синьором Гаспарри. Вероятно, он подумал, что у меня лучше, чем у него, получится отговорить вас. — Он позволил себе чуть заметно улыбнуться. — Я-то уже видел его. Ведь полиция обратилась именно ко мне, чтобы опознать тело. Я видел, насколько ужасной была смерть этого человека. На что только не направляет горделивое человечество устремления своего ума...

— Это не имеет значения. — Несмотря на присутствие Марчиано, Гарри не утерял твердости. Принятое им решение было глубоко личным и касалось лишь его и Дэнни. — Я надеюсь, вы меня поймете.

Марчиано долго молчал и в конце концов ответил:

— Да, понимаю.

Поколебавшись, отец Бардони вышел из комнаты.

— Вы очень похожи на него, — тихо произнес Марчиано. — Это комплимент.

— Спасибо, ваше преосвященство.

Дверь за алтарем сразу же открылась, и вошел отец Бардони в сопровождении Гаспарри и крупного человека в белоснежном халате, который толкал больничную каталку. На ней лежал маленький деревянный гроб, не больше детского. Гарри почувствовал комок в горле. Там был Дэниел, вернее, то, что от него осталось. Гарри перевел дыхание. Как можно подготовиться к такому? Кому бы то ни было... Как? Наконец он взглянул в сторону отца Бардони.

— Попросите его открыть.

— Вы уверены?

— Да.

Гарри увидел, как Марчиано кивнул. Гаспарри пару секунд постоял, словно в нерешительности, а потом одним движением, наклонившись вперед, открыл крышку гроба.

Гарри не двигался. Затем заставил себя сделать шаг вперед и заглянул. Он услышал собственное дыхание. Предмет лежал на спине. Больше части тела не было.

Там, где должно быть лицо, находилась смятая масса черепа и спутанных волос, с неровным, рваным отверстием там, где должен был быть правый глаз. Обе ноги были обрублены по колени. Он посмотрел туда, где должны были находиться руки — их не было. Но самым непристойным выглядело то, что кто-то надел на тело трусы, как будто хотел убереечь зрителя от непристойного вида гениталий, были они там или нет.

— О господи, — выдохнул он, — чтоб тебя!..

Ужас, омерзение захлестнули его. Он резко побледнел и невольно поднял руку, чтобы не потерять равновесия. Откуда-то раздалась итальянская трескотня, и это длилось с минуту, прежде чем он понял, что это говорил Гаспарри.

— Синьор Гаспарри приносит извинения за вид вашего брата, — сказал отец

Бардони. — Он хочет закрыть гроб и убрать его.

Гарри поднял глаза на Гаспарри.

— Скажите ему: нет, еще нет...

Он должен был собраться и подумать и молча сказать Дэнни то, что хотел сказать. Он увидел, что кардинал Марчиано подал знак и Гаспарри придвинулся с крышкой. И кто-то еще.

— Нет! — резко произнес он, и Гаспарри застыл на месте.

Гарри коснулся рукой своей покрывшейся ледяным потом груди и потер ладонью под левым соском. Внезапно он почувствовал, что у него подкашиваются ноги.

— Вы в порядке, мистер Аддисон? — Отец Бардони подошел к нему.

Неожиданно Гарри отпрянул от гроба и поднял глаза:

— Это не он. Это не мой брат.

Гарри сам не знал, каким образом это почувствовал. До последней минуты ему вовсе не приходило в голову, что вместо Дэнни в гробу может оказаться кто-то другой. И это после всего: работы полиции, расследования, в которое было вовлечено множество криминалистов, установления принадлежности личных предметов, опознания тела кардиналом Марчиано, заключения о смерти — по чьей недобросовестности стала возможна такая ошибка?

Кардинал Марчиано взял его за руку повыше локтя.

— Вы убиты горем, мистер Аддисон. В подобных обстоятельствах сердце и чувство мешают мыслить ясно.

— Ваше преосвященство, — резко произнес Гарри.

Все уставились на него: Марчиано, отец Бардони, Гаспарри и мужчина в коротком белоснежном халате. Да, он устал. Да, он убит горем. Но никогда в жизни не мыслил ясней, чем сейчас.

— У моего брата была большая родинка под левым соском. Ее так и звали — третья грудь. Я видел ее тысячи раз. В медицине это называется лишним соском. В детстве Дэнни выводил маму из себя, демонстрируя его посторонним. А у лежащего в этом гробу под левым соском никакой родинки нет. Это не мой брат. Это же ясно и очевидно.

* * *

Кардинал Марчиано закрыл дверь комнаты Гаспарри, жестом указал на пару золоченых стульев за столом распорядителя похорон.

— Я постою, — сказал Гарри.

Марчиано кивнул и сел.

— Сколько вам лет, мистер Аддисон?

— Тридцать шесть.

— И сколько времени прошло с тех пор, как вы видели вашего брата, не важно, без рубашки или в рубашке? Отец Дэниел для меня был не просто служащим, он был моим другом. Друзья разговаривают между собой, мистер Аддисон... Вы не виделись много лет, не так ли?

— Ваше преосвященство, этот человек — не мой брат.

— Родинку могли удалить даже у священника. Такие вещи делают очень часто. Люди вашего круга знают об этом лучше меня.

— Но не Дэнни, ваше преосвященство, только не Дэнни. Острее, чем кто-либо еще, он был не уверен в себе. Если у него находилось что-то такое, чего нет у других, это, напротив, вселяло в него уверенность. Он стремился проделывать то, что не делают другие. Маму он сводил с ума тем, что задирает рубашку и показывает свою родинку окружающим. Ему нравилось думать, что он отмечен неким тайным знаком, говорящим о благородном происхождении, и что на самом деле он принадлежит к какому-нибудь королевскому роду. И хотя он очень изменился с тех пор, родинку не удалил бы ни за что. Она была эмблемой благородства, подтверждающей его избранность.

— Люди меняются, мистер Аддисон. — Кардинал Марчиано говорил спокойно и мягко. — И отец Дэниел сильно изменился за те годы, что я знал его.

Гарри долго смотрел, не произнося ни слова. Потом заговорил тише, но не менее твердо:

— Не могло ли так случиться, что в морге перепутали? И тело Дэнни запечатали в другом гробу, не подозревая об этом? Такое нельзя исключать.

— Мистер Аддисон, останки, которые вы осмотрели, идентифицировал я. — Кардинал отвечал теперь твердо, даже сурово. — По праву, предоставленному мне итальянскими властями... — Уже ни малейшего сочувствия; тон Марчиано внезапно сделался колючим и официальным. — Мистер Аддисон, в этом автобусе находились двадцать четыре человека. Восемь выжили. Пятнадцать умерших были опознаны их родственниками. Следовательно, остается один... — На мгновение Марчиано превратился в прежнего, вернулась его мягкая, сочувствующая интонация. — Я тоже надеюсь, что могла иметь место ошибка. Что это был кто-то еще. Что, может быть, отец Дэниел был далеко оттуда и не ведал, что произошло. Но это противоречит доказательствам и фактам. — В голос вернулись металлические нотки. — Ваш брат многократно посещал Ассизи, многие знали его в лицо, есть точное свидетельство о том, что он садился в этот автобус. Всю дорогу водитель поддерживал радиосвязь с транспортной компанией. Они совершили одну-единственную остановку, чтобы заплатить дорожную пошлину. И нигде больше. Ни в одном месте, где пассажир мог бы выйти до взрыва. А его вещи, найденные среди обломков?! Его очки, которые я знаю очень хорошо, поскольку он то и дело забывал их у меня на столе, удостоверение личности, найденное в кармане его разодранного пиджака... Мы не можем изменить истину, мистер Аддисон, и, есть ли родинка или нет и хочется вам верить или нет, истина заключается в том, что он мертв... что осталось от его физического воплощения, вы видели.

Марчиано сделал паузу; и Гарри отчетливо видел, что его настроение продолжало меняться, а глаза становились все темнее и темнее.

— Вы встречались с полицией и Яковом Фарелом. Нам всем пришлось пройти через это... Был ли ваш брат участником заговора, в результате которого погиб кардинал Парма? Или, возможно, это было покушение на нашего Святейшего отца? На самом ли деле он произвел эти выстрелы? Мог ли он быть коммунистом и втайне ненавидеть и презирать всех нас? Я не могу дать ответа на все эти вопросы... Но утверждаю, что на протяжении всех лет нашего знакомства я неизменно знал его как доброго, порядочного человека, блестяще справлявшегося со своей работой.

Намек на улыбку, едва зародившись, исчез.

— Ваше преосвященство, — с нажимом произнес Гарри. — Вы помните о послании, оставленном на автоответчике за час до убийства?

— Да, мне рассказывали.

— Он был испуган, боялся чего-то, что могло случиться потом. Вы можете дать какое-то объяснение, чего именно?

Марчиано долго молчал. А потом спокойно и медленно произнес:

— Мистер Аддисон, увозите вашего брата из Италии. Похороните его в вашей земле и любите его всю оставшуюся жизнь. Считайте так же, как и я, что он обвинен ошибочно и в конце концов это будет доказано.

Из похоронного бюро Гарри подвозил в гостиницу отец Бардони. Он притормозил свой маленький белый «фиат» за туристическим автобусом, затем повернул на Понте Паллатино и пересек Тибр. Залитый солнцем полуденный Рим был шумным и кишел автомобилями. Однако Гарри всего этого не видел и не слышал, его обуревали другие мысли и чувства.

— Забирайте брата и похороните в вашей земле, — повторил Марчиано, когда садился в темно-серый «мерседес»; его сопровождал человек Фарела в черном костюме.

Не объясняя причин, Марчиано не стал беседовать ни с полицией, ни с Яковом Фарелом; на вопросы Гарри он тоже не отвечал, чуть ли не демонстративно. Его милосердие заключалось в том, что он отстранился от окончательного решения и предоставил Гарри возможность принять его самому. Кардинал был убит, и священник, который, по официальному мнению, совершил это преступление, тоже погиб. Как и предполагаемый соучастник убийства. И еще шестнадцать человек из пассажиров ассизского автобуса. И, хотел Гарри верить этому или нет, останки этого человека, найденные в автобусе, были официально и однозначно признаны останками священника, подозреваемого в убийстве, — его брата.

Чтобы убедиться, что он все понял как надо, кардинал Марчиано, спустившись по ступенькам к автомобилю, повернулся и напоследок еще раз требовательно взглянул на Гарри, его взгляд сказал больше, чем если бы он еще что-либо произнес вслух: здесь опасно, в эти двери не надо стучаться. И лучшее, что Гарри может сделать, — забрать то, что выдали, и уехать без шума и как можно быстрее. Пока это возможно.

Ispettore Capo, Gianni Pio,

Questura di Roma sezione omicidi^[12]

Сидя у себя в номере, Гарри вертел в руках визитку Джанни Пио. Отец Бардони высадил его у гостиницы почти ровно в полдень, пообещав, что следующим утром, в шесть тридцать, подъедет и отвезет в аэропорт. Гроб Дэни уже будет там, готовый к отправке. Теперь от Гарри требовалось лишь сесть в самолет. Остаться было опасно, тем более в свете предостережения Марчиано, но Гарри не мог забрать тело домой и навсегда похоронить в качестве Дэни, сердцем чувствуя, что это не его брат. Не мог он везти его домой и, похоронив, предоставить следователям возможность официально прикрыть дело об убийстве кардинала-викария Рима; такой исход, подкрепленный множеством улик и соответствующий чьим-то желаниям, навсегда заклеил бы Дэни как убийцу. После встречи с Марчиано Гарри был больше, чем когда-либо, уверен, что это ложь.

Теперь нужно было решить, что делать, и начинать действовать как можно быстрее.

В Риме двенадцать тридцать дня, значит, в Лос-Анджелесе — полчетвертого ночи. Кого он там мог позвать на помощь вот так, прямо сейчас, кто может сделать что-то, кроме как выразить сочувствие? Даже если Байрон Уиллис или кто-то еще из коллег в фирме примет меры, чтобы найти в Риме хорошего, авторитетного адвоката, все равно с ним не удастся встретиться в ближайшие часы.

А что даст встреча? Гарри объяснит, в чем дело. И все придется начинать с самого начала. Чтобы официально установить, что труп идентифицирован неверно, потребуются новое расследование, теперь уже на самом высоком уровне. В мгновение ока все они окажутся в эпицентре самого пристального внимания средств массовой информации, в ленты мировых новостей попадут он сам, его фирма, его клиенты. Нет, он должен найти другой путь. Действовать изнутри, обратиться за помощью к тому, кто уже в курсе всего.

Гарри снова взглянул на визитку Пио. Почему бы не к итальянскому детективу, который занимается расследованием этого самого убийства? У них сложились какие-то отношения, Пио сам предложил поддерживать с ним связь. Хоть кому-то он должен был доверять? Хотелось бы верить, что в Пио он не ошибся.

12.35

В офисе инспектора Пио кто-то, говорящий по-английски, сообщил Гарри, что *ispettore capo* нет, но записал его имя и телефон, сказав, что тот перезвонит.

Перезвонит — и все. Когда? Неизвестно.

12.55

А что делать, если Пио не перезвонит? Гарри не знал. Единственное, что ему оставалось, — верить в этого полицейского и его профессионализм и надеяться, что тот позвонит ему до завтра, до шести тридцати утра.

13.20

Гарри принял душ и брился, когда зазвонил телефон. Он схватил трубку, лежавшую на

полочке над раковиной, измазав ее гелем «ральф лаурен».

— Мистер Аддисон? Это Яков Фарел. — Гарри узнал голос. — Появилось кое-что новое относительно вашего брата.

— Что?

— Мистер Аддисон, хотелось бы вас увидеть. Мой шофер заедет за вами и привезет к тому самому месту, где взорвался автобус. Там и встретимся.

— Когда заедет?

— Через десять минут.

— Ладно.

* * *

Водителя звали Лестиньи или Лестини. Гарри не вполне разобрал его произношение, но не переспросил, потому что тот явно был не в ладах с английским. Гарри, одетый в очень светлую, почти белую рубашку-поло, джинсы и кроссовки, в больших солнцезащитных очках, разместился на заднем сиденье темно-бордового «опеля» и глядел в окно на римские улицы, по которым проезжали.

Встреча с Фарелом изрядно беспокоила своей неожиданностью, но еще больше его беспокоило то, что могли найти на месте взрыва. И было ясно — что бы там ни нашли, эта находка окажется не в пользу Дэнни.

Лестиньи или Лестини в черной форме фареловского охранника остановился, чтобы заплатить дорожный сбор, и, получив билет, выехал на автостраду. Город остался позади. По сторонам теперь тянулись виноградники, фермы и просторные равнины.

«Опель» двинулся на север; под шум его шин и ровный гул мотора мимо проплывали виды Фероны, Фиано и Чивителлы Сан-Паоло. Гарри думал о Пио и жалел, то позвонил Фарел, а не он. Пио и Роскани — суровые, грубоватые полицейские, но в них имелось что-то человеческое. Фарел с его грузной осанкой, хриплым голосом и манерой глядеть сквозь тебя, как через стекло, смахивал больше на животное, без жалости и без совести. Может быть, ему полагалось таким быть. Он утверждал, что отвечает за безопасность государства и лично Папы Римского. Может быть, и впрямь годы постоянного напряжения и ответственности исподволь делают из человека нечто такое, чем он по сути своей не является...

Через двадцать минут шофер Фарела расплатился на следующем посту и, свернув с автострады, поехал по грунтовой дороге мимо заправочной станции и большого склада сельхозоборудования. Теперь по сторонам потянулись кукурузные поля. Они проехали милю, вторую, третью. Автобус был взорван на автостраде, а они все больше от нее удалялись.

— Куда мы едем?! — спросил вдруг Гарри.

Водитель посмотрел на него в зеркало заднего обзора и покачал головой.

— Non capisco inglese.^[13]

Машин больше не встречалось. Гарри посмотрел через плечо, потом через лобовое стекло. Кукуруза разрослась и была выше автомобиля. На проселочной дороге машину отчаянно кидало из стороны в сторону, но они ехали все дальше и дальше. Вот уже добрых пять миль... Гарри все сильнее беспокоился. Наконец машина начала сбавлять скорость. Он смотрел на спидометр: 80 километров, 60, 40, 20. Водитель резко повернул направо, съехал с дороги и стал спускаться по длинному, совершенно разбитому пути. Гарри инстинктивно взглянул на дверцы: может ли шофер их заблокировать?

Вместо ручек он увидел лишь отверстия в ледериновой обивке. Но тут же вспомнил, что машина полицейская, следовательно, никаких замков на задних дверцах нет и не может быть, они открываются только снаружи.

— Куда мы едем?! — спросил Гарри уже громче. Он чувствовал, что его сердце бьется все сильнее и чаще, а на ладонях выступил липкий пот.

— Non capisco inglese.

Водитель снова посмотрел на него в зеркальце. Затем Гарри увидел, как его нога давит на газ. Автомобиль вновь прибавил скорость, трясаясь и подскакивая на жуткой дороге. Быстро замелькали ряды кукурузы. Позади поднялось облако пыли. Гарри уперся руками в сиденье, чтобы его не швыряло из стороны в сторону. Пот заструился по спине. Впервые в жизни ему стало по-настоящему страшно.

Поворот, не отмеченный никакими указателями. И они оказались перед опрятным двухэтажным домом.

Серый «альфа-ромео» стоял на высохшей траве рядом с какой-то трехколесной крошечной сельскохозяйственной машиной. «Опель» затормозил и встал. Шофер вышел и обошел вокруг машины, громко хрустя по гравию. Открыл перед Гарри заднюю дверцу и жестом приказал выйти.

— Черт!

Гарри перевел дыхание. Он вылезал не спеша, глядя на руки мужчины, соображая, как действовать, если тот двинется на него. Но тут увидел, что дверь дома открылась. Вышли двое. Одним из них был Фарел, вторым — Гарри наконец-то почувствовал облегчение — оказался Пио. За ними шли мужчина и двое юношей или даже подростков. Гарри взглянул подальше и почти успокоился. Дальше дома, за рядом деревьев, мелькали несущиеся по автостраде машины. Непонятно зачем, но они сделали большой крюк, чтобы подъехать к дому сзади.

— С вами поговорит *ispettore capo*.

Фарел только мельком взглянул на Гарри, отвернулся, и они вместе с Пио подошли к «альфа-ромео». Когда Пио открыл багажник, Гарри обратил внимание, что они оба были в хирургических перчатках и Пио что-то нес в чистом пластиковом пакете. Уложив это в багажник, Пио снял перчатки и достал блокнот. Заполнив какой-то бланк, он поставил свою подпись и передал Фарелу. Тот быстро расписался, оторвал часть листа, сложил и сунул в карман пиджака.

Кивнув мужчине, следовавшему за ним от дома, Фарел еще раз взглянул на Гарри и залез в «опель». Зашумел мотор, выстрелил из-под колес гравий, и Фарел с шофером, который привез Гарри, поехали в противоположную от Рима сторону, поднимая за собой хвост пыли.

— Grazie, — сказал Пио мужчине, стоявшему рядом с двумя подростками.

— Prego, — ответил мужчина и пошел с ребятами домой.

Пио посмотрел на Гарри.

— Дети — его сыновья. Это они нашли.

— Что нашли?

— Оружие.

Пио подвел его к багажнику и показал то, что туда положил. Это был пистолет, запечатанный в чистый пакет для улик. Гарри увидел через пластик маленький автоматический пистолет с глушителем, привинченным к стволу. Металл посинел от нагрева, а пластмассовая ручка оплавилась.

— Он заряжен, мистер Аддисон. — Пио смотрел на Гарри. — Вероятно, вывалился наружу, когда автобус опрокидывался; иначе патроны взорвались бы и разнесли корпус.

— И вы решили, что он принадлежал именно брату?

— Я ничего не решил, мистер Аддисон. Разве что обычные паломники ездят в Ассизи без пистолетов с глушителями... К вашему сведению, это самозарядный «ллама пятнадцать», для своего калибра очень небольшой. — Пио захлопнул багажник. — Сделан в Испании.

* * *

Они ехали молча. Через высокую кукурузу. По грунтовой дороге. Машина громыкала и подскакивала на выбоинах, вздымая пыль. С грунтовой дороги Пио повернул налево, на автостраду.

Гарри решил прервать молчание.

— Где ваш напарник?

— На конфирмации сына. Он взял выходной.

— Я звонил вам...

— Знаю. Зачем?

— Насчет того, что произошло в похоронном бюро...

Пио не отвечал, управляя машиной, как будто ждал, что Гарри продолжит.

— Так вы не в курсе?

Гарри искренне удивился. Фарел определенно должен был все знать и поставить Пио в известность.

— В курсе чего?

— Я был в похоронном бюро, видел останки брата. Это не его тело.

Пио обернулся к нему:

— Вы уверены?

— Да.

— В похоронном бюро ошиблись... — Пио слегка пожал плечами. — К сожалению, такое случается. Это особенно понятно, если учесть...

Гарри перебил его:

— Эти самые останки опознал в морге кардинал Марчиано.

— Откуда вам известно?

— Он был там и сам сказал это мне.

— Марчиано приходил в похоронное бюро?

— Да.

Судя по всему, удивление Пио было вполне искренним, реагировал он сразу и естественно. Этого оказалось достаточно, чтобы Гарри рассказал ему все остальное. В тридцать секунд он объяснил и про родинку Дэнни, и почему тот никогда бы ее не удалил, и о встрече с Марчиано у Гаспарри, и как Марчиано настаивал, что это тело его брата и ему следует признать сей факт и уезжать вместе с останками, пока еще это возможно.

Пио затормозил у пункта дорожного сбора, взял билет, и они поехали по дороге на Рим.

— А вы уверены, что не ошиблись?

— Да, — убежденно ответил Гарри.

— Но вы же знаете, что вместе с останками нашли его вещи.

— Да, они у меня здесь. — Гарри коснулся рукой пиджака. Выданный Гаспарри конверт по-прежнему был у него в кармане. — Его паспорт, часы, очки, удостоверение ватиканского служащего — все это, конечно, его, а тело — нет.

— И вы считаете, что кардинал Марчиано это знает...

— Да.

— Вы осознаете, что он один из самых могущественных, самых влиятельных людей Ватикана?

— Таким был и кардинал Парма.

Пио изучающе посмотрел на Гарри, затем взглянул в зеркальце заднего вида. Темно-зеленый «рено» держался в полумиле от них и уже какое-то время следовал с той же скоростью, что и они. Еще раз оглянувшись, Пио начал обгонять грузовик с досками, затем следующую машину.

— Знаете, что бы думал я, окажись на вашем месте? — Пио смотрел на дорогу.

— Что брат мой еще жив и если так, то где он?

Гарри взглянул на Пио и отвернулся. О том, что брат может быть все еще жив, он подумал в тот самый момент, когда понял, что труп не его. Но сразу отогнал от себя эту мысль. Дэнни был в том автобусе. Всех уцелевших знали поименно. Дэнни не мог выжить в этом аду. Как Маделин не могла столько времени оставаться живой подо льдом. Но одиннадцатилетний Гарри, дрожавший от холода в сырой, мерзлой одежде, стоял на берегу и не сводил глаз с полыньи, отказываясь идти домой и переодеться, стоял и смотрел все время, пока водолазы продолжали поиски. Да, Маделин оказалась там, подо льдом, промокшая

насквозь в черной воде, ей было так же холодно, как и ему, даже намного хуже, но она еще была жива, и он это знал. Так и Дэнни. Нет, нельзя даже допустить такую мысль — слишком уж она была нереальной. А еще — очень болезненной и угнетающей.

— Можно предполагать что угодно, мистер Аддисон, — раз факты изменились, значит, надежда есть. Что, если он остался в живых? Я бы тоже хотел это узнать... Так или иначе, почему бы не попытаться выяснить? — Пио улыбнулся каким-то своим мыслям и еще раз взглянул в зеркальце.

Они добрались до подножия большого, длинного холма, грузовик с досками отстал уже почти на милю. И тут Пио увидел, как из-за него вывернул автомобиль, обогнал грузовик и помчался вперед. Это был зеленый «рено».

В пятом часу они съехали с автострады и двинулись с потоком машин по виа Салариа к центру Рима. Пио все время настороженно высматривал в зеркало зеленый «рено». Он ждал, что эта машина последует за ними и по улицам, и был готов вызвать помощь по радию. Но этого не произошло, «рено» остался на автостраде.

Однако поведение этой машины на трассе изрядно раздражало его, и, высказывая Гарри свои соображения, он все время поглядывал назад на дорогу.

Его идея заключалась в том, чтобы воспользоваться оружием, найденным на месте взрыва, как предлогом для того, чтобы Гарри мог остаться в Риме. Уцелевших после взрыва следовало опросить, не видел ли кто из них в автобусе человека с оружием; вопрос не задали раньше, потому что тогда не было оснований предполагать, что кто-то был вооружен, и к тому же большинство пострадавших еще не отошли от шока. Конечно, существовал шанс, что оружие могли применить против кого-то из пассажиров и благодаря глушителю остальные ничего не услышали. Это был рискованный, сугубо профессиональный ход. Если не допускать ошибок, такое могло пройти. Об убитом подумали бы, что он просто спит, и все выяснилось бы лишь на автостанции, когда все остальные покинули бы салон и разошлись.

Воспользоваться этим предлогом и провести повторную тщательную проверку. Живых и мертвых. Начать с восьми уцелевших и двигаться дальше. Некоторые еще оставались в больнице, других уже отправили домой. Если отца Дэниела среди них не найдут — а Пис уверен, что так и будет, — они смогут заняться покойниками, профессионально осмотреть тела в поисках огнестрельных ранений, которые раньше могли проглядеть, учитывая состояние трупов и малый калибр оружия. Именно таким путем — тщательно исследовать все останки, причем под другим углом зрения, потому что будут искать определенного человека — отца Дэниела. И если в результате его тела не окажется, тогда можно будет уверенно предположить, что обвиняемый в убийстве кардинала-викария Рима все еще жив.

Об их истинных намерениях можно сказать Роскани, но только ему. Больше никому не сообщать, даже Фарелу.

— Мистер Аддисон, я должен честно вас предупредить. — Пио остановился на красный свет. — Мы должны продвинуться как можно дальше, до того как Фарел поймет наши намерения. Как только это случится, он все прикроет.

— Почему?

— По той же причине, о которой вам говорил кардинал Марчиано. Если случившееся имеет отношение к политике Ватикана, Фарел сразу же встрянет. Дело закроют, и у нас не будет оснований для продолжения следствия. Ватикан — суверенное государство, а не часть Италии. Нам приходится сотрудничать с папским престолом и всячески помогать ему. Но если нас туда не приглашают, мы не имеем права соваться сами.

— И что тогда?

Свет поменялся; Пио переключил скорость и сорвал автомобиль с места.

— Ничего. Разве что вы обратитесь к Фарелу. А Фарел, знаю точно, помогать вам не станет.

Гарри снова увидел, как Пио взглянул в зеркальце. Когда он поступал так на трассе, Гарри воспринимал это как само собой разумеющееся. Осторожность водителя. Но теперь они ехали по городским улицам, а детектив смотрел назад уже в третий раз за несколько

минут.

— Что-то не так?

— Не знаю...

Маленький белый «пежо» следовал через два автомобиля от них. Пио наблюдал за ним с тех пор, как он повернул на виа Салариа. Теперь он повернул налево на виа Чиана, затем направо на корсо Триесте. «Пежо», двигаясь в общем потоке, следовал за ними.

Впереди был перекресток с улицей и маленьким парком за ней. Пио быстро сориентировался и, переключив скорость, резко, без сигнала свернул направо. «Альфа-romeo» тяжело накренился, взвизгнули шины. Пио сразу посмотрел в зеркальце. «Пежо» проехал мимо, не повернув.

— Прошу прощения.

Пио снова выжал сцепление. Они оказались в тихом районе возле парка. В старую застройку кое-где были вкраплены небольшие новые дома. Высокие деревья, пышные кусты и повсюду цветущие олеандры. Пио повернул за угол и снова посмотрел в зеркальце.

«Пежо».

Он вывернул из переулка и двигался к ним. Пио инстинктивно достал из-под приборного щитка девятимиллиметровую «беретту» и положил рядом, на сиденье. Одновременно он включил рацию.

— Что происходит? — Гарри вдруг ощутил настоящий страх.

— Не знаю.

Пио смотрел в зеркало. «Пежо» приблизился почти вплотную. Ветровое стекло было тонировано настолько, что разглядеть водителя не удавалось. Полицейский нажал на сцепление и быстро переключил скорость.

— Говорит *ispettore capo* Пио, — сказал он по рации.

— Осторожно! — слишком поздно выкрикнул Гарри.

Из переулка вылетел грузовик, блокируя дорогу. Раздался резкий визг шин, и «альфа-romeo» с грохотом врезался носом в грузовик. Пио бросило вперед, голова его с силой ударилась о руль. Гарри отшвырнул обратно привязной ремень.

Дверца рядом с ним сразу же распахнулась. На мгновение он увидел незнакомое лицо, затем последовал сильный удар, и все погрузилось во мрак.

Пио смотрел на свое оружие в руке незнакомца в перчатках. Он попытался пошевелиться, но его крепко держал привязной ремень. Затем он увидел, как оружие в руке незнакомца вздрогнуло, и подумал, что сейчас раздастся оглушительный грохот. Но он ошибся. Была лишь тишина.

*Больница Святой Чечилии. Пескара, Италия.**Та же среда, 8 июля, 18 часов 20 минут*

Медсестра Елена Восо прошла мимо сидевшего у двери мужчины и вошла в палату. Ее пациент спал в том же положении, в каком она его оставила, на боку. Так она называла его состояние — сном, хотя время от времени он открывал глаза и был способен мигнуть в ответ, когда она сжимала ему палец руки или ноги и спрашивала, чувствует ли он это. Затем его глаза закрывались, и он возвращался в прежнее состояние.

Почти половина седьмого, его пора перевернуть. В этом ей помогал кто-нибудь из мужчин, поочередно дежуривших за дверью. Пациента следовало поворачивать каждые два часа, чтобы избежать разрушения мышечной ткани, которое могло привести не только к пролежням, но и к почечной недостаточности. По просьбе медсестры охранник взял больного за плечи, она — за ноги, и вдвоем они осторожно переложили его на спину, а потом на другой бок, тщательно следя, чтобы не выдернуть иглу капельницы и не потревожить сломанные и обожженные ноги, обмотанные бинтами и зафиксированные в шинах из синего стеклопластика.

«Майкл Роарк, 34 года. Гражданство: ирландское. Проживает в Дублине. Не женат. Родителей нет. Вероисповедание: католик. Пострадал в автомобильной аварии около Адриатического побережья в понедельник 6 июля. Через три дня после ужасного взрыва автобуса в Ассизи».

Елена Восо принадлежала к ордену францисканских сестер Святого сердца. В свои двадцать семь лет она уже пять лет работала медсестрой, помогая больным, которым требовался длительный уход, в больнице Святого Бернардина, находившейся в тосканском городе Сиене. А в эту маленькую католическую больницу на холме с видом на Адриатику она прибыла только вчера, получив от матери настоятельницы приказ ухаживать за поступившим пациентом. Это входило в состав новой программы ордена по подготовке сестер милосердия к деятельности за пределами монастыря, к возможным в будущем сложным ситуациям — чтобы они были готовы отправиться куда угодно и взяться за дело по первому же призыву. И хотя никто ей этого не говорил, она считала, что ее направили сюда, потому что она знает английский и сможет общаться с пациентом, когда он будет поправляться — если будет...

— Меня зовут Елена Восо. Я христианская сестра милосердия. Вас зовут Майкл Роарк. Вы в итальянской больнице. Вы попали в автомобильную аварию.

Эти слова представляли собой нечто вроде четок, которые она перебирала снова и снова, пытаясь поддержать и успокоить больного и надеясь, что он слышит и понимает ее. Этого, наверное, было недостаточно, но она знала, что ей, окажись она в подобной ситуации, такое было бы приятно. Тем более что у него нет близких и, следовательно, ни одного родного лица, которое он мог бы узнать.

Мужчину, дежурившего за дверью, звали Марко. Его смена была с трех дня до одиннадцати ночи. Старше ее на год или два, крепкий, привлекательный и очень загорелый. Он говорил, что увлекается рыбалкой и дежурит в больнице в то время, когда плохо идет клев. Она знала, что он был раньше карабинером^[14] — так он рассказывал. Днем раньше, во время короткой передышки между своими обязанностями, она видела его за беседой с карабинерами на lungomare — приморской набережной. Она заметила, как оттопыривается его белый халат, и поняла — там у него пистолет.

Повернув Майкла Роарка, Елена проверила капельницу, затем улыбнулась Марко и поблагодарила его. После чего пошла в смежную комнату, где могла спать или читать и писать письма и откуда в любой момент могла прийти на помощь больному.

Ее комната, как и комната Роарка, была больничной палатой со своим туалетом и душем, встроенным гардеробом и кроватью. За туалет и душ она была особенно признательна, здесь, в отличие от общей ванной комнаты в монастыре, она могла быть совершенно одна, с собственной жизнью, телом и своими, одному только Богу известными мыслями.

Она закрыла дверь и присела на кровать, собираясь написать письмо домой, но перед этим взглянула на красную лампочку аудиомонитора на прикроватной тумбе. Ровное дыхание пациента слышалось через чувствительный электронный монитор настолько отчетливо, что казалось, будто ирландец находится здесь, рядом. Откинувшись на подушку, она закрыла глаза, слушая его дыхание. Оно было глубоким, ровным и здоровым, ей стало казаться, что он здесь, подле нее, живой и невредимый, мускулистый и привлекательный, каким, судя по всему, был до аварии. Чем дольше она слушала, тем более чувственным, казалось ей, становилось его дыхание. Она словно наяву ощутила, как его тело давит на нее. Ее дыхание слилось с его, как будто грудь каждого поднималась и опускалась одновременно. Дыхание самой Елены стало глубже. Она осознала, что ее собственная рука легла на грудь, и протянула другую руку, чувствуя, как ей хочется прикоснуться к мужчине и исследовать его тело куда более вызывающим образом, нежели при обработке ран.

— Остановись! — прошептала она себе, тут же поднялась и пошла в ванну ополоснуть лицо и руки.

Господь снова испытывал ее, и в последние два года — все чаще и чаще. Когда точно начались эти ощущения, она не знала, но была уверена, что никакие внешние влияния в ее жизни не провоцировали их. Они возникли из ниоткуда и очень удивляли ее. Глубокие, чувственные и донельзя эротичные. Прежде она не испытывала сильного телесного голода. И ни с кем не могла поделиться — ни в семье, придерживавшейся строгих католических традиций, ни, разумеется, с другими монахинями, ни тем более с матерью настоятельницей. А зов плоти звучал вновь и вновь и ввергал ее в почти неуправляемое желание оказаться в мужских руках, раздетой, и быть женщиной в самом полном смысле этого слова. И более того, не просто быть женщиной, а предаться дикой похоти наподобие тех итальянок, каких она видела в кино.

Поначалу она принимала свои эмоции за нечто иное, за энергию духа, который всегда был слишком земным и отважным и порой слишком импульсивным. Однажды, еще подростком, посещая Флоренцию, она, к ужасу бывших с ней родителей, подбежала к автомобилю, который только что столкнулся в страшной аварии с такси, чтобы вытащить потерявшего сознание водителя за секунды до пожара и взрыва. В другой раз, уже будучи старше, на пикнике сестер милосердия ордена Святого Бернардина она вскарабкалась на

радиобашню в триста футов высотой и сняла мальчика, который полез туда на спор, но наверху ему стало так страшно и холодно, что он только и мог, что цепляться за железо и рыдать.

Но в конце концов она поняла, что обычная храбрость и сексуальное желание не одно и то же. И с пониманием этого она внезапно осознала: это от Бога!

Он испытывал ее внутреннюю силу, ее верность обетам целомудрия и послушания. И постепенно делал проверки все более суровыми. Чтобы еще труднее было побороть искушение. Но так или иначе, она всегда справлялась, ее подсознание помогало ей осознать, что происходит, давая возможность разом вернуться к реальности, удержаться в подходящих рамках. Как она сделала только что. И, поступая так, она запасалась мужеством и уверенностью, что обладает силой духа и сможет преодолеть посылаемые Всевышним испытания.

Чтобы доказать это, она мысленно перенеслась к Марко, стоящему на страже за дверью. Его статное тело, блеск его глаз, улыбка. Он не говорил, женат или нет, но обручального кольца не носил, и она вдруг задумалась, много ли времени ему приходится тратить, чтобы уговорить женщину пойти с ним в постель. Конечно, он так красив, что добьется, чего захочет. Но если и так, то с другими женщинами, а не с ней. Для нее он просто мужчина, выполняющий свою работу.

И, зная это, она мысленно может безбоязненно воображать о нем все, что ей захочется. Он сказал, что его учили оказывать медицинскую помощь, как, вероятно, и остальных. Но если обучали только этому, почему он носил пистолет? Один вопрос влек за собой другие — коренастый Лука, сменяющий в одиннадцать вечера Марко, и Пьетро, заступающий в семь утра вместо Луки. Они тоже вооружены? И если да, то почему? Какие опасности могли поджидать их в этом тихом приморском городке?

Роскани прохаживался подле автомобиля. Из-за выставленного полицией ограждения на него смотрели любопытные, пытаясь угадать, кто же он такой.

Второе тело нашли в кустах, сразу за боковой дорожкой, футах в двадцати от «альфы». Стреляли дважды.

Один выстрел в сердце, другой — выше левого глаза. Пожилой мужчина без документов.

Заниматься им Роскани поручил Кастеллетти и Скале, тоже детективам из отдела убийств. Сам же сосредоточился на «альфа-ромео». Ветровое стекло разбито, передняя часть смята ударом о грузовик, в который машина врезалась на полном ходу, совсем рядом с бензобаком, расположенным за дверью водителя.

Когда они прибыли, труп Пио все еще оставался на месте. Его исследовали, не дотрагиваясь, фотографировали, снимали на видеокамеру и лишь потом убрали; то же самое проделали с телом, лежавшим в кустах.

Там следовало находиться третьему трупу, но его не было. Вместе с Пио ехал американец, Гарри Аддисон, возвращавшийся с фермы, хозяева которой обнаружили пистолет «ллама» испанского производства. Но Гарри Аддисон исчез. И пистолет — тоже. Багажник был открыт ключом зажигания, так и оставшимся торчать в замке. Словно кто-то точно знал о существовании этого оружия и о том, где его искать.

Внутри «альфы» нашли оружие убийства, табельный пистолет Пио, девятимиллиметровую «беретту»; пистолет лежал на заднем сиденье за водителем, как если бы он сам закинул его туда случайно. На переднем пассажирском сиденье, ниже подголовника, было пятно крови. На коврике отпечатались следы обуви, не слишком отчетливо, но это не важно. Повсюду были отпечатки пальцев.

Группа специалистов посыпала все поверхности порошком для снятия отпечатков пальцев, брала образцы, маркировала, затем укладывала в пакеты для улик. Как обычно, тут же были полицейские фотоаппараты. Работали вдвоем. Один фотографировал «лейкой», другой делал видеозапись модифицированной «сони хай-8».

Здесь же находился грузовик — большой «мерседес». Как сообщили, угнанный раньше тем же днем; водитель скрылся.

Ispettore capo Отелло Роскани сел за руль своего темно-синего «фиата» и медленно поехал вдоль ограждения и смотревших из-за него зевак. Прожектора озаряли место происшествия, словно киносъёмочные софиты, обеспечивая свет также и для камер опрометью примчавшихся сюда телеоператоров и журналистов и заставляя все, что находилось за оцеплением, казаться совсем темным.

— Ispettore capo!

— Ispettore capo!

Голоса раздавались со всех сторон. Мужские и женские. Кто это сделал? Связано ли это с убийством кардинала Пармы? Кто убит? Кого подозревают? И почему?

Роскани все это видел и слышал. Но не это имело значения. В его мыслях был Пио и то,

что произошло перед самой его гибелью. Джанни Пио был не из тех, кто совершает ошибки, но в этот день он каким-то образом позволил себе сделать неверный шаг.

И сейчас — до вскрытия, до результатов лабораторных исследований — у Роскани были одни только вопросы. Вопросы и горечь. Джанни Пио был крестным отцом его детей, его напарником и другом более двадцати лет. И теперь, проезжая по улицам Рима в район Гарбателла, где жил Пио, — чтобы встретиться с его женой и детьми, к которым, Роскани точно знал, уже примчалась его жена, чтобы, насколько это возможно, поддержать их, — Отелло Роскани старался сдерживать эмоции. И как полицейский, и из уважения к памяти Пио, и еще потому, что эмоции будут только мешать тому, что стало его главной целью. Найти Гарри Аддисона.

Томас Добряк стоял в темноте и разглядывал человека, сидевшего на стуле. За его спиной стояли еще двое, в комбинезонах. Они находились здесь на тот случай, если вдруг Томас не управится один (чего быть не могло). И чтобы выполнить позже другую, достаточно простую работенку.

Томас Добряк, тридцати девяти лет, пяти футов и десяти дюймов роста, очень худой — сто сорок фунтов от силы, — находился в отличной физической форме. Черные как смоль волосы коротко подстрижены; одет в слаксы, туфли и свитер, что отличало его от прочих, но в темноте это было несущественно. Помимо бледной кожи единственным цветным пятном был ярко-синий цвет его глаз. Человек на стуле бессильно дернулся, но и только. Руки и ноги его были связаны, а рот заклеен широкой полосой скотча.

Томас Добряк шагнул ближе, посмотрел, затем обошел вокруг стула.

— Расслабься, приятель, — тихо произнес он.

Терпение и спокойствие были для него самым главным.

Так он жил день за днем. Терпение, умение дождаться подходящего момента. Таков уж он был, этот Томас Хосе Альварес-Риос, известный под кличкой Добряк, родившийся в Эквадоре от матери-англичанки; это тоже можно включить в резюме. Терпеливый. Скрупулезный. Хорошо образованный. Говорящий на многих языках. Добавьте к этому — бывший актер, а также один из наиболее известных террористов, разыскиваемый полицией чуть ли не всех стран мира.

— Расслабься, приятель, — снова услышал Гарри.

Мужской голос, тот же, что и прежде, даже более спокойный. Английский, с акцентом. Гарри почувствовал, что кто-то движется рядом с ним, но не был в этом уверен. Сильная пульсирующая боль в голове мешала понимать происходящее. Единственное, что он знал точно, — что привязан к стулу и его рот заклеен лентой. Внезапно он осознал, что вокруг полная темнота, хотя его глаза ничто не закрывало: ни мешок, ни повязка. Ничего не понимая, он крутил головой, но тьма вокруг оставалась всеобъемлющей. Ни тени, ни полоски света из дверной щели. Только мрак.

Он моргнул. Затем снова моргнул. Помотал головой из стороны в сторону, решив, что ошибается. Но никакой ошибки не было. Неожиданно он понял: что бы там ни происходило, где бы он ни находился, какой бы это ни был день, он ослеп!

— Нет! Нет! Нет! — закричал он сквозь залепившую рот ленту.

Томас Добряк шагнул ближе.

— Приятель, — по-прежнему неторопливо, спокойно произнес он. — Как там твой брат? Насколько я понимаю, он жив и здоров...

Ленту с его губ неожиданно сорвали. И он крикнул с удивлением и болью:

— Где он? — Голос его был совсем слабым. — Я не... знаю... жив он... или нет... — Горло Гарри саднило, как будто по нему прошлись наждаком. Он попытался проглотить слюну, но ее не было.

— Я спрашиваю о твоём брате. Где он?

— Можно... пожалуйста... не... много... во... ды?

Добряк поднял маленький пульт дистанционного управления. Нашупал пальцем кнопку и нажал.

Гарри вдруг увидел светящуюся точку и резко дернулся. Она вправду была или ему померещилось?

— Где твой брат, приятель?

На этот раз говоривший находился у него за спиной, слева. Свет начал медленно надвигаться на Гарри.

— Я... — Гарри попытался еще раз глотнуть. — Не... знаю...

— Свет ты видишь?

— Да.

Точка света стала еще ближе.

— Хорошо.

Палец Добряка скользнул к другой кнопке. Гарри заметил, что свет немного изменил направление, приближаясь к его левому глазу.

— Я хочу, чтобы ты сказал мне, где твой брат. — Голос переместился и шептал ему в правое ухо. — Нам очень, очень нужно найти его.

— Я не знаю.

Свет, становившийся все ярче, был теперь направлен прямо в его левый глаз. Мысль о слепоте была настолько ужасна, что Гарри забыл даже о головной боли. Но по мере того, как усиливался свет, усиливалась и она. Как ровный барабанный бой, нарастая вместе с приближающимся свечением.

Гарри дернулся в сторону, пытаясь отвернуться, но что-то крепко держало его голову. Рванулся в другую сторону. С тем же результатом. Тогда он попробовал отпрянуть назад. Но что бы он ни делал, свет продолжал бить в лицо.

— Тебе еще не причиняли боль. Но скоро ты ее почувствуешь.

— Прошу вас!..

Гарри отвернул голову, насколько это было возможно, сильно зажмурил глаза.

— Это тебе не поможет.

Тембр голоса вдруг изменился. Первый голос был мужской, второй принадлежал женщине.

— Я не имею... поня... тия... жив ли... мой... брат. Откуда мне... знать... где... он?

Острие света надвигалось, нацелившись на левый глаз, нащупывая самый центр.

— Не надо, умоляю...

— Где брат?

— Умер!

— Нет, приятель, он жив, и ты знаешь, где он...

Теперь свет был в одном дюйме от его лица и становился все ярче и ярче. Его острие стало еще тоньше. Пульсация в голове нарастала. Еще ближе, и вот игла света уколола его, проникая в мозг.

— СТОЙТЕ! — из последних сил закричал Гарри. — ГОСПОДИ! ОСТАНОВИТЕС ПЖАЛУЙСТА!

— Где он? — Мужской голос.

— Где он? — Женский.

Томас Добряк менял голос, играя роль мужчины и женщины.

— Рассказывай, и я выключу свет. — Мужчина.

— Свет погаснет. — Женщина. Голос спокойный, даже тихий.

Пульсация стала оглушительной. Ничего громче этого Гарри в жизни не слышал. Невероятная дробь в голове разрасталась. Свет подбирался к центру мозга, раскаленное добела острие искало звук, стараясь с ним слиться. Ярче, чем что-либо, ярче, чем можно вообразить. Ярче дуги электросварки. Ярче тысячи солнц. В боль превратилось все; он был уверен: даже смерти такое не остановить. Этот ужас останется в нем и за гробом.

— Я НЕ ЗНАЮ! НЕ ЗНАЮ! НЕ ЗНАЮ! НЕ ЗНАЮ! НЕ ЗНАЮ! НЕ ЗНАЮ! БО
БОЖЕ! ПРЕКРАТИТЕ! ПРЕКРАТИТЕ! ПОЖАЛУЙСТА! ПОЖАЛУЙСТА!
ПОЖАЛУЙСТА...

ЩЕЛЧОК.

Свет погас.

Рим. Номер Гарри Аддисона, отель «Хасслер».

Четверг, 9 июля, 6 часов 00 минут

Все здесь оставалось нетронутым. Портфель и рабочий блокнот Гарри лежали на телефонном столике, где он их оставил. И одежда в шкафу, и туалетные принадлежности в ванной. Единственное, что здесь добавилось, — жучки в обеих телефонных трубках, один — в кровати, еще один в ванной и крошечная камера наблюдения выше бра, направленная на дверь. Это было частью плана действий Gruppo Cardinale, специальной группы силовых ведомств, расследующей убийство кардинала-викария Рима. В ответ на гневную волну возмущения парламентариев она была создана решением министра внутренних дел Италии с участием Ватикана, карабинеров и полиции.

Убийство кардинала Пармы и взрыв автобуса в Ассизи больше не были отдельными делами и считались теперь звеньями одной цепочки преступлений. В подчинении Gruppo Cardinale находилась особая следственная бригада, в состав которой входили представители карабинеров, группы мобильного реагирования итальянской полиции и DIGOS — секретной службы специальных операций, занимавшейся в основном политическими делами. Возглавлял всю эту организацию видный сотрудник прокуратуры Марчелло Талья; однако, хотя всеми уважаемый Талья координировал действия полицейских разных ведомств, никто из сотрудников не сомневался, что на самом деле руководство деятельностью Gruppo Cardinale находится в руках *ispettore capo* Отелло Роскани.

8 часов 30 минут

Роскани лишь взглянул и отвернулся. Он слишком хорошо знал, как используется циркулярная пила при вскрытии трупа. Ею отпиливают верх черепа, чтобы можно было извлечь мозг. А потом Пио будут распиливать дальше, отделяя часть за частью в надежде найти какую-нибудь подробность, проливающую свет на случившееся. Что бы это могло быть, Роскани понятия не имел, потому что у него было вполне достаточно информации, чтобы назвать убийцу Пио, а также немало и таких сведений, которые вызывали осознанные сомнения.

Как было установлено, орудие убийства — принадлежавший Пио девятимиллиметровый пистолет «беретта»; на нем имелось несколько ясных отпечатков. Большинство принадлежало Пио, кроме двух: один кто-то оставил слева, другой — справа, на предохранителе.

Запросили лос-анджелесское бюро ФБР, они, в свою очередь, обратились к архивам Калифорнийского департамента по выдаче водительских прав в Сакраменто и отыскивали соответствующие отпечатки в документах Гарри Аддисона: Калифорния, Лос-Анджелес, Бенедикт-каньон-драйв, 2175. Меньше чем через полчаса копию отпечатков пальцев Аддисона по факсу отправили в штаб-квартиру Gruppo Cardinale в Риме. Структура и

рисунок пальцевого узора полностью совпали с отпечатком на левой стороне рукоятки оружия, из которого был убит Джанни Пио.

Чуть ли не впервые чувствуя себя выбитым из колеи после посещения анатомички, Роскани прошагал по коридору и поднялся по ступенькам Obitorio Comunale — городского морга. По роду своей деятельности ему пришлось проходить здесь не одну тысячу раз. Он видел мертвых полицейских. Мертвых судей. Трупы убитых женщин и детей. Он умел профессионально отстраняться от драматизма подобных вещей. Но не на этот раз.

Роскани был полицейским. А полицейских убивали всегда. Это было в порядке вещей, но эту правду приходилось держать при себе. И хранить только для себя, как это ни горько. И когда приходит время, нужно быть готовым подойти к случившемуся профессионально. Воздать должные почести погибшему и шагать дальше — без гнева, пристрастия и личной ненависти к убийце. Это являлось неотъемлемой частью того дела, которому ты учился, той карьеры, которую выбрал.

И думаешь, что уже натаскан и приучен, очерствел — до того дня, когда приходится стоять у тела убитого напарника и видеть его кровь, его изуродованную плоть и раздробленные кости. Потом увидишь это еще раз, когда медики примутся за свою работу в морге. Зная, что к такому ты совсем не готов. И никто не готов, несмотря на подготовку, обучение, рассказы. Чувство утраты и ярость настигают тебя, охватывая всего, как пламя. Вот почему — и всякий раз, когда убивают копа, — любой полицейский, если он только может, из любого района, откуда только можно успеть добраться, пересекая порой континент, приезжает на похороны. Вот почему до полутысячи одетых в форму мужчин и женщин, малознакомых или вовсе не знакомых между собой, едут на мотоциклах в торжественной процессии, провожая в последний путь товарища, который, случается, прослужил-то всего год в пешем патруле.

* * *

Роскани со злостью пнул боковую дверь и вышел на утреннее солнце. Под его теплыми лучами после холода, царившего в подвальных комнатах, наконец-то должно было стать легче, но этого не произошло. Он обошел все здание по большому кругу, рассчитывая немного успокоиться, избавиться от эмоций. Но и это не помогло. Наконец он свернул за угол и пошел туда, где стояла его машина. Утрата, уныние, злость давили его невыносимой тяжестью.

Выйдя из машины, он сошел с тротуара, подождал, пока не иссякнет поток машин, перешел дорогу и пошел куда глаза глядят. Он позарез нуждался в том, что называл «*assoluta tranquillita*» — полной отрешенностью, — в минутах, когда оставался в одиночестве и мог спокойно подумать о происходящем. Сейчас было самое время побыть одному, пока не удастся побороть эмоции, и тогда продумать все как следователю Gruppo Cardinale, а не как потрясенному потерей другу Джанни Пио.

Время молчаливых раздумий.

Ходить и думать, ходить и думать...

Томас Добряк, отодвинув занавеску, наблюдал, как двое в комбинезонах вышли из дома и протащили через двор Гарри Аддисона. Он получил от этого человека то, что ему требовалось, вернее, то, что удалось из него выбить; людям в комбинезонах оставалось лишь избавиться от него.

* * *

Гарри мог видеть только правым глазом. И то лишь тени, а не людей. Левый глаз не видел совсем ничего. Прочие чувства рассказали ему, что его вывели наружу и ведут по чему-то ровному; кажется, два человека. Где-то в памяти смутно маячило видение того, как он сидел на табурете или чем-то похожем, получая указания и громко повторяя вслух слова, которые говорил ему через наушники тот самый голос, который он слышал здесь прежде. Он помнил, что только после ссоры кто-то приспособил устройство для его ушей. Большинство реплик, которые он слышал, были на итальянском. Но проскальзывали и английские фразы. «Размер не тот». «Не получится». «Посмотрим».

Вдруг мужской голос позади него резко заговорил по-итальянски — тот же человек, подумал он, который спорил с другими по поводу наушников, пока пытался их наладить. Его сзади толкнули рукой, и он едва не оступился. Он достаточно пришел в себя, чтобы понять, что, хотя руки его все еще связаны за спиной, ноги свободны. Он передвигал их сам и, кажется, слышал шум транспорта. В мозгу у него понемногу прояснялось, и он уже говорил себе, что раз может ходить, значит, может и бежать. Но по-прежнему ничего не видел и не мог пользоваться руками. Его снова толкнули в спину. Сильно и резко. Он упал и вскрикнул, ударившись лицом о мостовую. Он попытался перевернуться, ему наступили ногой на грудь и так и держали. Где-то рядом послышался звук, как будто мужчина, крякнув, поднимал какую-то тяжесть. Затем его подняли за плечи и перекинули через какой-то барьер. Под ногами он ощутил металл, его волокли вниз по лестнице. Неожиданно забрезжил слабый свет, и одновременно в нос ударило зловоние.

Второй мужчина выругался, откуда-то издалека ему ответило эхо. Слышался плеск бегущей воды. Вонь стояла невыносимая. И Гарри понял. Его притащили в канализационный коллектор. Разговор перешел на итальянский.

— Preparatsi?^[15]

— Sì.

Тот самый голос, который говорил о наушниках. Гарри почувствовал, как его взяли за кисти рук. Что-то скрипнуло, щелкнуло, и руки освободились.

ЩЕЛК!

Ошибиться было невозможно: это взвели курок.

— Sparagli! — Стреляй!

Инстинктивно Гарри отшатнулся, вскинул руки, закрывая лицо.

— Sparagli!

И тут же раздался оглушительный грохот. Его ударило в руку и в голову. И отшвырнуло назад, в воду.

Гарри не видел лица стрелявшего, когда тот перешагнул через него. Как и лица другого мужчины, державшего электрический фонарик.

Гарри не мог видеть того, что увидели они: кровь залила левую часть его лица, растеклась по волосам и полилась дальше, смешиваясь с водой.

— *Morto*, — прошептал один.

— *Si*.^[16]

Стрелявший нагнулся и столкнул тело Гарри дальше, в проносящийся мимо поток, проводил взглядом уносимое водой тело.

— *I topi taranno il resto*.

Остальное доделают крысы.

На экране был Гарри Аддисон с наклейкой из лейкопластыря на левом виске, одетый в белую рубашку-поло, джинсы и в больших темных очках, в которых ушел из отеля «Хасслер» чуть позже половины второго вчера днем. Почти тридцать часов назад.

Пятнадцатисекундную видеозапись с беглым Гарри Аддисоном прислали анонимно в Sala Stampa della Santa Sede — пресс-центр папского престола — в 15.45 с запиской о том, что кассету нужно немедленно передать Папе Римскому. Однако ее положили, не разворачивая обертки, на полку, где она пролежала до 16.50, после чего ее отправили в офис Фарела, где кассету просмотрел кто-то из младшего персонала и тут же передал ему лично. К шести часам Фарел, прокурор Марчелло Талья, Роскани вместе с Каstellетти и Скала — детективами, которым поручили расследовать убийство Пио, — и еще полдюжины человек собрались в маленьком темном просмотрном зале и вместе смотрели этот ролик.

«Дэнни, умоляю тебя, перестань прятаться... Сдайся...»

Гарри говорил по-английски, и переводчик из отдела Роскани переводил для присутствующих на итальянский.

Насколько можно было разглядеть, Гарри сидел один в темной комнате на высоком деревянном табурете. Стена за его спиной была оклеена обоями с почти неразличимым рисунком. Стена и Гарри в темных очках с наклейкой на лбу — вот и все, что было видно.

«Им все известно... Прошу тебя, ради меня... Сдайся... Прошу тебя... Умоляю...»

Затем следовала пауза, Гарри делал движение, будто хотел сказать что-то еще, и запись неожиданно обрывалась.

— Почему мне не сообщили, что священник может быть еще жив? — Моргая от включенного света, Роскани посмотрел на Талью, затем на Фарела.

— Я сам узнал об этом чуть ли не за минуту до того, как получил кассету, — ответил Фарел. — Инцидент произошел еще вчера, американец потребовал, чтобы открыли гроб, и, когда это сделали, заявил, что это останки не его брата... Возможно, это правда, а может быть, вранье... Кардинал Марчиано лично находился там. Ему показалось, что американец был чересчур эмоционален. И только сегодня, узнав об обстоятельствах смерти Пио, он сообщил мне это через отца Бардони.

Роскани поднялся и прошелся по комнате. Он был раздражен. О таких вещах ему должны были сообщать незамедлительно. И кроме того, между ним и Фарелом никогда не существовало особой симпатии.

— У вас или ваших людей есть хоть какое-нибудь представление, откуда могла взяться эта запись?

— Если бы мы что-то знали, *ispettore capo*, — ответил Фарел, остановив на Роскани взгляд немигающих глаз, — мы уже что-нибудь предприняли бы, вы не находите?

Талья, художавый человек с аристократическими манерами, одетый в темный, в тонкую полосу костюм, позволил себе в первый раз вмешаться в разговор.

— Почему он так сделал?

— Попросил открыть гроб?

— Да.

— Как мне сказали, он был очень взволнован, он хотел увидеть брата, чтобы попрощаться с ним... Кровные узы крепки даже между убийцами... К тому же, увидев, что это не тело отца Дэниела, он среагировал импульсивно, совершенно не думая.

Роскани снова прошелся по комнате, намеренно игнорируя раздражение Фарела.

— Допустим, что это правда, что он действительно ошибся... Тогда почему на следующий день он полагает, что брат жив, и предлагает ему объявиться? Тем более что того разыскивают как убийцу?

— Это игра, — сказал Талья. — Они обеспокоены тем, что он жив и что разоблачит их, если его поймают. Поэтому устроили так, чтобы родной брат попросил его выйти из укрытия и они смогли его убить.

— Тот самый брат, который так эмоционально требовал показать эти жуткие останки, теперь хочет его убить?

— В этом может быть свой резон. — Фарел снова сел на стул. — Не исключено, что здесь таится более тонкий расчет. Возможно, что-то ему подсказывает, что не все в действительности так, как кажется.

— Тогда почему он говорит об этом вслух? Официально отец Дэниел мертв. Почему он этого так и не оставил? Маловероятно, чтобы полиция стала долго охотиться на покойника. Если тот жив, он мог бы спокойно искать его сам.

— А где искать? — возразил Талья. — Не лучше ли предоставить поиски полиции?

Роскани достал сигарету из пачки и закурил.

— Но они отправили видеоролик Папе Римскому, а не сюда. А ведь не могут не знать о нашем существовании и о том, чем мы занимаемся.

— Потому, — ответил Фарел, — что им необходимо, чтобы эта штука попала в СМИ. Они хотят, чтобы ее транслировали. Gruppo Cardinale может это сделать, а они — нет. Посылая это видео святому отцу, они надеются, что он вмешается лично. Попросит, чтобы я оказал давление на вас и вы это обнародовали. Вся Италия знает, как потрясло его убийство кардинала-викария и как для него важно, чтобы убийца был пойман и предан суду.

— И он обратился к вам? — закончил Роскани.

— Да.

Роскани мельком взглянул на Фарела и сразу отвел взгляд.

— Мы предположили, что они просчитывают разные ходы и возможности. Они знают: если мы не передадим этот ролик средствам массовой информации, то потеряем серьезный шанс прибегнуть к помощи общества для его поимки. А если мы это сделаем — при том, что он жив и видит всю эту историю по телику или читает о ней в прессе и решит поступить так, как его просит брат, — мы сможем заполучить его раньше, чем они. Выходит, они заинтересованы в том, чтобы дать ему возможность рассказать все нам.

— Очевидно, они хотят использовать это в своих интересах, — отозвался Талья.

— Очевидно... — Бросив сигарету, Роскани обвел взглядом Талью, Фарела, затем Кастеллетти, Скалу и остальных.

— У этой проблемы существует еще одна сторона. — Фарел встал, застегивая свой

пиджак. — Если массмедиа получают этот видеоролик, нам придется предоставить фотографию священника и, что более существенно, дать объяснения, почему до сих пор все было так засекречено... духовное лицо Ватикана, убивающее римского кардинала... Я консультировался с государственным секретарем Ватикана кардиналом Палестриной, и мы оба согласились, что, независимо от личных чувств Папы, если все это выплывет на публику, папский престол окажется замешан в таком скандале, какого не было в течение многих десятилетий. И это в то время, когда авторитет церкви и без того не очень-то высок.

— Доктор Фарел, мы говорим об убийстве. — Роскани посмотрел в упор на ватиканского полицейского руководителя.

— При всем уважении к вашим личным чувствам, *ispettore capo*, помните, что именно из-за них, помимо остального, во главе следствия поставили не вас. — Фарел посмотрел в глаза Роскани чуть дольше обычного, затем обратился к Талье: — Я уверен, вы примете верное решение...

И с этими словами вышел из комнаты.

Роскани в очередной раз пришлось сделать усилие, чтобы не ответить на вызывающее поведение Фарела. Когда ему было нужно, ватиканский полицейский становился грубым, упрямым и не обращал внимания на раздражение тех, с кем имел дело; папский престол и его благополучие он ставил превыше всего. Особенно заметно это проявлялось, когда он сталкивался с неподконтрольными ему сотрудниками иных полицейских ведомств и уж тем более с Роскани, который никому не позволял ограничивать свою самостоятельность и был совершенно не склонен к дипломатии. Смыслом повседневной жизни Роскани было отсекать все ненужное и как можно лучше делать свою работу, делать во что бы то ни стало. Такое отношение к делу он унаследовал от своего отца — кожевенника и торговца, который умер в восемьдесят лет от сердечного приступа в собственном магазине, пытаясь передвинуть стофунтовую наковальню; теперь эти же самые качества Роскани старался привить своим сыновьям.

Человек такого склада, относящийся к делу сознательно, вполне способен игнорировать людей, подобных Фарелу, и тратить свою энергию на вещи, более насущные и полезные для работы. Примером тому — первые же слова, которые произнес Скала, как только Фарел ушел. Они касались просмотренной видеозаписи, наклейки на лбу Гарри Аддисона. Скала предположил, что, скорее всего, американец поранился, когда автомобиль Пио столкнулся с грузовиком. Если так, то его раной, вероятнее всего, занимался профессиональный медик, и, если они сумеют найти его, это подскажет направление дальнейших поисков.

А Кастеллетти взял видеокассету и переписал номер и серию, напечатанные на обратной стороне. Кто знает, куда мог привести этот след? К изготовителю, оптовику, в сеть магазинов, в конкретный магазин, к продавцу, который, может быть, не забыл, кому он продал этот товар.

На этом совещание закончилось; люди стали расходиться один за другим. Остались Роскани и Талья. Талья должен был принять решение о дальнейших действиях, Роскани — выслушать его.

— Ты, наверное, хочешь предоставить запись средствам массовой информации? И через телевизионное шоу, наподобие «Разыскивается Америкой», попросить народ помочь нам? — задумчиво произнес Талья.

— Иногда это дает эффект.

— А иногда заставляет беглецов спрятаться подальше... Но есть и другие соображения. Что там говорил Фарел? Что все это весьма деликатное дело. И в результате между Италией и Ватиканом могут возникнуть дипломатические трения. Папа Римский лично может хотеть одно, но Фарел не упомянул бы кардинала Палестрину, не имея на то оснований. Ведь на самом деле в Ватикане заправляет именно Палестрина, и папский престол смотрит на мир его глазами.

— Другими словами, дипломатический скандал хуже убийства, и ты предлагаешь не обнародовать ролик.

— Да, мы этого делать не станем. Gruppo Cardinale будет вести поиски беглецов хотя и широко, но без огласки. Вся информация по этому делу будет засекречена. — Талья встал. — Извини, Отелло... Buona sera. [\[17\]](#)

— Buona sera...

Дверь за Тальей захлопнулась, и Роскани остался один. Расстроенный и измученный. Может быть, подумалось ему, жена права. Вопреки всем его усилиям мир не становится совершенной. И он в состоянии сделать очень немного, чтобы изменить его. И что лучше бы прекратить плыть, надрываясь, против течения. Лучше будет и ему самому, и его семье. Жена безусловно права. На самом деле — они оба знали это — единственное, чем можно хоть как-то переделать мир, это измениться самому. Он стал полицейским потому, что не хотел продолжать отцовское дело, и потому, что только что женился и ему нужен был стабильный заработок, чтобы обеспечивать семью, но дело было еще и в том, что эта профессия казалась ему опасной и благородной.

Но затем начались вещи непредвиденные: жизни жертв, исковерканные, напрочь сломанные совершенно бессмысленным (чаще всего) насилием, начали вторгаться в его повседневное существование. Его переход в отдел убийств все только усугубил: он почему-то стал воспринимать убитых, независимо от возраста, не как самостоятельных посторонних людей, а как чьих-то детей — чужих или своих собственных, может, трех, может, четырех, или девяти, или двенадцати лет, имеющих полное право прожить долгую жизнь до естественного конца, а не лишаться ее столь отвратительным и гнусным образом. А кардинал Парма был таким же сыном своей матери, как и Пио. Такое отношение делало для Роскани поимку преступников непререкаемой необходимостью. Их нужно было остановить, прежде чем они совершат следующее преступление. Но как же часто после того, как он ловил негодяев, суд по тем или иным причинам отпускал их на волю! Это вынуждало его вести борьбу с несправедливостью и в рамках закона, и за ними. Он вел войну без надежды на победу, но все равно продолжал бороться. И может быть, причина здесь крылась в том, что он был сыном своего отца и обладал такой же бульдожьей хваткой.

Роскани схватил пульт телевизора, направил его на большой телеэкран, нажал кнопку «Перемотка», затем «Пуск» и стал просматривать ролик заново. Смотрел на Гарри в темных очках, сидевшего на табурете, слушал, как тот говорит:

«Дэнни, умоляю тебя, перестань прятаться... Сдайся... Им все известно...
Прошу тебя, ради меня... Сдайся... Прошу тебя... Умоляю...»

Роскани видел, как он сделал в конце паузу, а затем еще какое-то неуловимое движение, прерванное с окончанием записи. Он снова перемотал пленку и пустил ее на просмотр. И еще раз. И еще. Чем больше он смотрел, тем сильнее закипала в нем ярость. Ему хотелось, подняв голову, увидеть входящего в дверь Пио с его неизменной дружелюбной улыбкой, рассказывающего о домашних делах и спрашивающего Роскани про его семью. Вместо этого ему приходилось смотреть на Гарри, на этого мистера Голливуда в черных очках, сидящего на табуретке и уговаривающего родного брата сдать, чтобы его могли убить.

ЩЕЛК.

Роскани выключил телевизор. В полумраке к нему вернулись те же мысли. Он гнал их от себя, но они возвращались снова и снова. О том, как он убьет Гарри Аддисона, когда до него доберется. А он доберется, никаких сомнений быть не может!

ЩЕЛК.

Он снова включил телевизор, зажег сигарету, с силой швырнув погашенную спичку. Он не имеет права так думать. Интересно, как в такой ситуации повел бы себя отец.

Отстраниться — вот что нужно. Он снова просмотрел запись. И еще раз. И затем, после

этого — снова. Заставляя себя оставаться хладнокровным аналитиком, опытным полицейским, отслеживающим любые мелочи, которые могли бы помочь делу.

Чем больше он смотрел, тем сильнее его внимание привлекали две вещи: текстура обоев, покрывавших стену, еле видимую за спиной Гарри, и то, что происходило в самом конце, когда Гарри приоткрывал рот, как будто продолжая говорить, но так и не успевал ничего произнести, потому что запись обрывалась. Вытащив небольшую записную книжку, он написал: «Усилить через компьютер изображение на обоях. Найти человека, умеющего читать по губам по-английски для анализа произнесенных слов(а)».

«Перемотка».

«Пуск».

Роскани нажал кнопку «Без звука» и просмотрел кассету еще раз. Когда же запись кончилась, он начал снова.

То же время

Первое после убийства кардинала-викария Рима появление на публике приближенных советников Папы произошло во время неофициального коктейля, устроенного архиепископом Джованни Беллини, папским нунцием^[18] в Италии. Кардиналы Умберто Палестрина, Йозеф Матади, Никола Марчиано и монсеньор Фабио Капицци смешались с заполнявшими зал членами Совета министров Европейского союза, съехавшимися в Рим на конференцию по вопросам экономических взаимоотношений с развивающимися странами.

Казалось, что из всей четверки лучше всего чувствовал себя государственный секретарь Ватикана шестидесятидвухлетний Палестрина. Одетый не в церковное облачение, как присутствовавшие здесь его собратья по ватиканской иерархии, а в обычный деловой черный костюм с полагающимся католическим священникам воротничком, кардинал почти безостановочно перемещался от одного гостя к другому. Обмениваясь с каждым несколькими оживленными репликами, он, казалось, совершенно не замечал наблюдавших за помещением охранников из швейцарской гвардии, одетых в штатское.

Палестрина привлекал к себе внимание уже своими габаритами — двести семьдесят фунтов весу и шесть футов семь дюймов росту. Но секрет его обаяния нельзя было свести к какому-либо одному качеству — здесь играли роль и неожиданная для столь крупного человека легкость движений, и широкая улыбка, и цепкий взгляд серых глаз, и буйная, хотя и совершенно седая шевелюра, и железное пожатие руки, одновременно с которым он обращался к человеку, как правило, на его родном языке. Все это неизменно позволяло кардиналу захватывать любого собеседника врасплох.

Окажись здесь кто-то посторонний, он, глядя на то, как этот человек возобновляет старые знакомства, завязывает новые, заговаривает со множеством людей, вероятнее всего, принял бы его за политика, готовящего почву для очередного карьерного шага, а не за вторую персону в иерархии католической церкви. Тем не менее Палестрина олицетворял здесь церковь и ее главу, Папу Римского, и присутствие его вместе с тремя сподвижниками на этом приеме говорило само за себя и напоминало, что, несмотря на недавнюю трагедию, Святой престол пристально и с неусыпным вниманием следит за жизнью и заботится о будущем Европейского сообщества.

В противоположном углу зала кардинал Марчиано отвернулся от представителя Дании и посмотрел на часы.

7.50

Подняв глаза, он увидел, как в зал входит банкир-инвестор из Швейцарии Пьер Вегген. А рядом с ним — и из-за этого умолкли едва ли не все голоса и повернулись едва ли не все головы — шли Цзян Юмэй, посол КНР в Италии, его заместитель по политическим вопросам Чжоу И и президент Народного банка Янь Е. Между Китайской Народной Республикой и Ватиканом не существовало официальных дипломатических отношений с

1949 года, когда в стране пришло к власти правительство коммунистов, и все же двое самых высокопоставленных китайских дипломатов из всех присутствовавших в Италии и один из самых влиятельных представителей новых деловых кругов Китая явились в ватиканское посольство в компании Веггена.

Почти сразу же к ним подошел Палестрина. Он склонил голову в формальном приветствии, но тут же широко улыбнулся, пожал руки всем четверым, указал на подносы с бокалами и стаканами и продолжил оживленно говорить со вновь прибывшими как со своими старыми и дорогими друзьями. Марчиано нисколько не сомневался, что говорил он по-китайски.

Расширение контактов Китая с Западом, равно как и быстрый рост его экономической мощи, почти не сказывались на подчеркнутом нежелании Рима и Пекина замечать друг друга. Но, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, Святой престол под водительством Палестрины предпринимал постоянные и настойчивые попытки приоткрыть запертую дверь. Ближайшей своей целью Палестрина считал организацию визита Папы в КНР.

Это намерение должно было иметь далеко идущие последствия, поскольку принятие предложений Палестрины означало бы, что Пекин не только согласен признать существование католической церкви, но и готов заключить ее в дружеские объятия. Но сам Палестрина был глубоко убежден, что такого намерения у Китая не было, нет и не будет ни завтра, ни даже, судя по всему, в обозримом будущем, и трудность задачи еще сильнее разжигала стремление ее разрешить. Государственный секретарь Ватикана никогда не позволял событиям идти своим чередом, не подчиняясь его контролю. И вот официальные лица коммунистического Китая на глазах широкой публики прибыли в его владения.

Впрочем, их присутствие здесь удалось обеспечить благодаря Пьеру Веггену, с которым китайцы сотрудничали уже долгие годы и которому безоговорочно доверяли. Вернее, доверяли в той степени, в какой восточный человек способен доверять представителю Запада. Семидесятилетний Вегген, высокий и элегантный человек, занимал выдающееся место среди банкиров-инвесторов международного масштаба. Его знали и глубоко уважали во всем мире, в особенности он славился искусством налаживать отношения между многонациональными компаниями, стремящимися к созданию глобальных деловых союзов. Одновременно он продолжал оказывать консультативную помощь своим давним клиентам и друзьям — людям, компаниям и организациям, которые на протяжении многих лет помогали ему заслужить нынешнюю репутацию.

Он всегда бережно хранил и продолжал хранить тайну своих взаимоотношений с клиентами. В число последних входил и Ватикан. А Никола Марчиано, на плечах которого лежала ответственность за размещение инвестиций Ватикана, провел почти весь сегодняшний день в личных апартаментах на виа Пинчина в обществе Веггена и целой толпы юристов и бухгалтеров, которых банкир привез с собой из Женевы.

На протяжении года с лишним Марчиано и Вегген организовывали портфель инвестиций Святого престола, сосредоточивая их на энергетике, транспорте, металлургии, судоходстве, тяжелом машиностроении, а также на корпорациях, фирмах и дочерних компаниях, специализировавшихся на крупных мероприятиях в области инфраструктуры развивающихся стран — строительстве и реконструкции дорог, водных путей, электростанций и тому подобных масштабных работах.

Инвестиционная стратегия Ватикана была тем краеугольным камнем, опираясь на

который Палестрина мог строить будущее Святого престола; именно ради нее сюда пригласили китайцев, и те пришли, дабы показать, что Китай — это современная держава, испытывающая по поводу экономики развивающихся стран такое же беспокойство, что и их европейские друзья. Ну а приглашение вовсе не было простым актом вежливости — появление на приеме давало китайцам возможность в частном порядке обменяться мнениями с иностранными коллегами, напомнить о себе, ну и, пожалуй, самое главное — быть обласканными Палестриной.

Развивающиеся страны как собирательное понятие мало занимали Палестрину. Интересовала его лишь одна из них, к тому же не считающая себя таковой, — Китайская Народная Республика. И никто, за исключением сузившегося круга советников Папы и Пьера Веггена, даже сам святой отец не знал, что истинной целью госсекретаря было превратить Ватикан в совершенно анонимного, но притом самого влиятельного партнера Китая, который будет определять будущее азиатского гиганта в экономической и во всех остальных областях.

Первый шаг в этом направлении был сделан сегодня, а именно в ту самую минуту, когда он пожимал руки китайским гостям. Второй предстояло сделать завтра, когда Марчиано будет представлять на утверждение возглавляемой им самим комиссии из четырех кардиналов новый проект «Стратегии инвестирования в экономику развивающихся стран».

Заседание, несомненно, будет шумным, поскольку эти кардиналы отличаются большой консервативностью и терпеть не могут всяких перемен. И Марчиано придется потрудиться, чтобы убедить их и во всех подробностях показать те выгодные точки приложения, которые удалось установить благодаря скрупулезному изучению регионов — Латинской Америки, Восточной Европы и России. Китай, естественно, тоже будет в этом списке, только скрытый за обобщающим названием Азия, наряду с Японией, Сингапуром, Таиландом, Филиппинами, Южной Кореей, Тайванем и так далее.

Беда заключалась в том, что все это было сознательно состряпанной фальшивкой. Безнравственной. Аморальной. Рассчитанной ложью, целью которой было дать Палестрине именно то, что ему требовалось, да так, чтобы все осталось шито-крыто.

Больше того, это являлось лишь самым началом плана Палестрины. Госсекретарь Ватикана отлично понимал, что Китай, несмотря на всю свою показную открытость, оставался плотно закрытым обществом, насквозь контролируемым авторитарной коммунистической властью. Но авторитарный или нет, Китай быстро изменяется, и современный Китай с четвертью всего населения мира и соответствующим экономическим потенциалом, несомненно, в достаточно скором времени превратится в главную силу на Земле.

Из этого постулата следовал очевидный вывод — тот, кто сможет контролировать Китай, будет владеть всем миром. И сутью плана Палестрины стало достижение контроля над Китаем в начавшемся столетии и восстановление влияния католической церкви в каждом городе и в каждом селении. Следующей целью на столетие являлось создание новой Священной Римской империи. Если народ Китая станет подчиняться не Пекину, а Риму, то Святой престол превратится в сверхдержаву, равной которой мир еще не знал.

Бесспорно, это было безумием — а для Марчиано еще и явственным подтверждением того, что Палестрина постепенно лишается рассудка, — но воспрепятствовать этому никто и никак не мог. Святой отец очень любил Палестрину, а о плане его не имел ни малейшего понятия. Более того, Папа, силы которого подтачивались утомительными церемониями,

возрастом и неизбежными болезнями, доверял Палестрине как самому себе и передал в руки своего государственного секретаря практически все обязанности, которые не требовали личного участия наместника святого Петра. Так что обратиться к святому отцу означало практически то же самое, что пойти к Палестрине с жалобой на него самого, — ведь даже если Папа начнет расспрашивать своего первого министра, тот без труда от всего отопрется, а вот жалобщика потихоньку переселят в какой-нибудь захудалый приход и забудут о нем навсегда.

В этом-то и состоял весь ужас. Поскольку, за исключением Пьера Веггена, доверявшего Палестрине целиком и полностью, трое из четверых наивысших иерархов католической церкви — Марчиано, кардинал Матади, монсеньор Капицци — по той или иной причине Палестрину побаивались. Из-за его физической мощи, из-за его амбициозности, из-за его невероятного умения отыскивать у каждого какую-либо слабость и беззастенчиво использовать человека в своих интересах и — наверное, это было самым главным — из-за исключительной силы его характера, которую чувствовали все, кому доводилось попасть в его поле зрения.

И еще они боялись других безумцев, работавших на кардинала. Прежде всего Якова Фарела, который являлся, с одной стороны, известным всем и каждому начальником ватиканской полиции, а с другой — глубоко засекреченным и совершенно безжалостным исполнителем воли Палестрины. И еще, конечно, террориста Томаса Добряка, который убил главного противника Палестрины, кардинала Парму, в присутствии их всех, в присутствии святого отца и самого Палестрины, приказавшего это сделать, а потом преспокойно стоявшего рядом с жертвой, когда в нее врезались пули.

Марчиано, естественно, не имел определенного представления о том, что чувствуют остальные, но был уверен, что никто из них не презирает свою слабость и свой страх больше, чем он.

Он снова взглянул на часы.

8.10

— Ваше преосвященство. — Пьер Вегген подвел к Марчиано Янь Е. Президент Народного банка Китая был низкорослым сухощавым человеком с черными с заметной проседью волосами. — Вы, возможно, помните Янь Е.

— Конечно. — Марчиано улыбнулся и крепко пожал руку банкира. — Добро пожаловать в Рим.

Они познакомились в Бангкоке; там Янь Е показался Марчиано остроумным, отзывчивым, достойным человеком, искренне заботящимся о благополучии всех людей без исключения. Правда, ту встречу немного подпортил Палестрина, намеренно провоцировавший банкира разговорами о будущем католической церкви в новом Китае, на что ему было холодным, нравоучительным и непререкаемым тоном сказано, что сейчас неподходящее время для обсуждения того, как восстановить отношения Пекина с Римом.

— Мне кажется, — сказал Янь Е и, слегка подмигнув, поднял бокал с красным вином и беззвучно прикоснулся к бокалу, который держал в руке Марчиано, — что итальянцы могли бы поучить нас, китайцев, искусству виноделия.

В следующую секунду Марчиано увидел, как в зале появился папский нунций. Он сразу же подошел к Палестрине, который разговаривал с послом и советником китайского посольства, и отвел кардинала в сторону. Они перекинулись несколькими словами, после чего Палестрина бросил короткий взгляд на Марчиано и вышел. Вряд ли кто-то еще заметил,

как Палестрина повернул голову, — кроме самого Марчиано. Но ему этот жест сказал все, поскольку он знал, в чем дело.

— Возможно, вы правы, — ответил Марчиано, вновь повернувшись к Янь Е. — Договориться об этом будет нетрудно.

— Ваше преосвященство... — Нунций деликатно прикоснулся к рукаву кардинала. Марчиано посмотрел на него.

— Да, я знаю... Куда прикажете пройти?

Марчиано на секунду-другую приостановился у подножия лестницы, а потом поднялся наверх. Там он прошел по узкому коридору и остановился у двери, украшенной изящным резным орнаментом. После еще одной секундной заминки он повернул ручку и вошел.

Падавшие в единственное окно лучи заходящего солнца освещали лишь половину богато украшенной комнаты для частных переговоров, отчего тени здесь казались еще гуще. Палестрина стоял посередине, частично на свету, частично в тени. Человек, находившийся рядом с ним, казался лишь темным силуэтом, но Марчиано не требовалось видеть его лицо, чтобы понять, кто это. Яков Фарел.

— Ваше преосвященство... Яков.

Марчиано закрыл за собой дверь.

— Присаживайтесь, Никола.

Палестрина указал на несколько кресел с высокими спинками, стоявших перед старинным мраморным камином.

Марчиано послушно пересек пятно солнечного света и уселся в одно из кресел.

И сразу же в кресло напротив него опустился Фарел, скрестил ноги в щиколотках, застегнул пиджак на все пуговицы и уставился тяжелым взглядом в глаза Марчиано.

— Никола, я хочу задать вам вопрос и рассчитываю получить на него правдивый ответ. — Палестрина легко провел ладонью по спинке одного из кресел, стиснул ее в пальцах, приподнял кресло, повернул его и тоже сел перед Марчиано. — Священник жив?

С той самой минуты, когда Гарри Аддисон заявил, что лежавшие в гробу останки принадлежат не его брату, Марчиано знал, что вскоре Палестрина задаст ему этот вопрос. Он даже удивлялся, что это не случилось намного раньше. Но отсрочка позволила ему подготовиться получше.

— Нет, — не задумываясь ответил он.

— А полиция считает, что он жив.

— Полиция ошибается.

— Его брат тоже так думает, — вмешался Фарел.

— Он всего лишь сказал, что это труп не его брата. Но он ошибся. — Марчиано старался говорить как можно спокойнее, даже небрежно.

— Gruppo Cardinale получила видеозапись, сделанную самим Гарри Аддисоном, где он просит своего брата сдать. Разве это похоже на поведение ошибающегося человека?

Марчиано ответил не сразу. А когда заговорил — тем же тоном, каким произнес предыдущую фразу, — то обращался только к Палестрине.

— Когда я опознавал его в морге, Яков стоял рядом со мной. — Лишь теперь Марчиано взглянул на Фарела. — Не так ли, Яков?

Фарел промолчал.

Палестрина всмотрелся в лицо Марчиано, а затем поднялся и подошел к окну, почти полностью загородив своим огромным телом солнечный свет. Повернувшись, он встал в тень, так что из глубины комнаты можно было разглядеть лишь его темный силуэт.

— Коробка открылась. Моль вылетела наружу и растворилась в небесных просторах... Интересно, как ей удалось выжить там, куда ее посадили? Куда она направится, оказавшись на свободе?

Палестрина вновь подошел к сидящим.

— Я рос почти что scugnizzo,^[19] простым неаполитанским уличным сорванцом. И учился только на своем собственном опыте. Мне приходилось валяться в канаве с головой, разбитой в кровь за ложь, хотя я был уверен, что говорил правду... Такие уроки крепко усваиваются. После них всегда думаешь, как бы подобное не повторилось...

Палестрина остановился перед Марчиано и посмотрел на него сверху вниз.

— Я повторяю свой вопрос, Никола: священник жив?

— Нет, ваше преосвященство. Он погиб.

— В таком случае мы закончим.

Палестрина взглянул на Фарела и быстро вышел из комнаты.

Марчиано, почти оцепенев, проводил его взглядом. Затем, сообразив, что полицейский сразу же доложит Палестрине о том, как он себя вел, заставил себя собраться.

— Яков, он погиб, — произнес он, глядя в глаза Фарелу. — Умер.

* * *

Когда Марчиано спускался вниз, у подножия лестницы стоял один из людей Фарела в штатском. Кардинал не удостоил его даже взглядом.

Вся внутренняя жизнь Марчиано была посвящена Богу и церкви. Он был сильным, не простым в своей цельности человеком, таким же, как и его тосканские предки. Такие люди, как Палестрина и Фарел, жили в ином мире, в котором он не видел для себя места, которого боялся, но вынужден был существовать в нем, поскольку туда его вынесла собственная компетентность.

«Ради блага церкви», — сказал ему Палестрина, хорошо зная, что стремление к безупречности репутации церкви — одно из самых слабых мест Марчиано, что он предан церкви почти так же, как и Богу, поскольку для него Бог и церковь неразделимы.

«Выдайте мне отца Дэниела, — сказал ему Палестрина, — и спасете церковь от суда, от позора, от публичного скандала и жестокого удара, которые неминуемо последуют, если он действительно жив и попадет в руки полиции».

И он, по-видимому, был прав — если бы отец Дэниел, уже объявленный мертвым, попался не полиции, а Палестрине, то попросту исчез бы, об этом позаботились бы либо Фарел, либо Томас Добряк. Церковь уверенно объявила бы его виновным, и дело об убийстве кардинала Пармы было бы закрыто.

Но Марчиано не мог позволить себе отдать на смерть невиновного отца Дэниела. Прямо под носом Палестрины, а также Фарела, Капицци и Матади он привел в действие свои собственные силы, чтобы совершить невозможное — объявить отца Дэниела умершим, когда тот оставался жив. Ему почти удалось добиться успеха, но в последний момент помешал родной брат отца Дэниела. Так что его план сорвался. И теперь ему оставалось только продолжать игру в надежде выиграть время. А вот на выигрыш в самой игре у него было мало шансов, в этом он почти не сомневался.

Предпринятая после ухода Палестрины попытка убедить Фарела в том, что он говорит правду, была жалкой и заранее обреченной на провал. А его собственная участь — и это он тоже знал доподлинно — была решена коротким взглядом, который госсекретарь, выходя, бросил на своего полицейского подручного. С этой секунды Марчиано утратил свободу.

Теперь за ним будут следить. Куда бы он ни пошел, с кем бы ни встречался, с кем бы ни разговаривал, по телефону ли, в коридоре ли своих служебных помещений, даже в собственном доме — все будут отслеживать, фиксировать и докладывать. Сначала Фарелу, а тот — Палестрине. Следующим шагом будет домашний арест. И всему этому он никак не мог воспрепятствовать.

Он снова взглянул на часы.

8.50

Он мог лишь молиться, чтобы не случилось осечек. В этом случае сейчас они должны были бы благополучно выбраться. Как и планировалось.

*Пескара. Все тот же четверг,**9 июля, 22 часа 35 минут*

Медицинская сестра Елена Восо сидела на откидном креслице в задней части светло-бежевого микроавтобуса без каких-либо опознавательных знаков. Даже в темноте она отчетливо видела на носилках рядом с ней Майкла Роарка. Он лежал на спине и глядел на висевший у него над головой и раскачивавшийся в такт движению машины пластиковый пакет, от которого тянулась трубочка, присоединенная к вставленной в вену иголке. Напротив Елены устроился красавец Марко, а сидевший за рулем массивный Лука уверенно вел машину по узким боковым улочкам, как будто точно знал, куда должен доставить своих пассажиров, хотя никто не называл вслух места назначения.

Елена изрядно удивилась, когда чуть больше часа назад ей позвонила мать настоятельница из обители ордена сестер-францисканок Святого сердца в Сиене и сообщила, что пациента, вверенного ее заботам, перевезут этой ночью в частную больницу и она должна будет сопровождать его и продолжать ухаживать за ним в дальнейшем. Когда она спросила, куда его перевозят и где ей предстоит теперь работать, настоятельница коротко повторила: «В частную больницу». Буквально через несколько минут подъехал на санитарном фургоне Лука, и они отправились в путь. Больницу Святой Чечилии они покинули очень тихо и поспешно, почти без слов, как беглецы, спасающиеся от опасности.

Съехав с моста через Пескару, Лука опять проехал по нескольким тихим улочкам, но в конце концов машина все же влилась в неторопливый поток автотранспорта на виале делла Ривьера, главной автомагистрали, тянувшейся вдоль побережья. Ночь была жаркой и душной, и вдоль дороги то и дело попадались прогуливающиеся мужчины и женщины в шортах и легких маечках, многочисленные посетители сидели за расставленными под открытым небом столиками пиццерий, разбросанных по краю пляжа. Сначала Елена думала, что они просто переезжают в какую-то другую больницу того же города. Но через некоторое время Лука свернул с автострады от моря, проехал, петляя по улицам, через город, миновал массивную глыбу железнодорожного вокзала, после чего машина опять оказалась на шоссе, ведущем на северо-восток и прочь из города.

Майкл Роарк время от времени переводил взгляд с болтавшейся капельницы на медсестру, на мужчин, сидевших в машине, и снова на медсестру. Глядя на пациента, Елена решила, что его мозг наконец-то заработал, что он пытается как-то свести концы с концами, понять, что с ним случилось и что происходит. Его физическое состояние, судя по всему, значительно улучшилось: давление держалось стабильным, пульс был ровным, хорошего наполнения, и дышал он без усилий. Она видела электрокардиограмму и энцефалограмму, сделанные пациенту еще до того, как ее приставили к нему; сердце было здоровым, мозг функционировал. В диагнозе говорилось, что главным заболеванием являются последствия острой травмы, осложняющиеся ожогами и переломами обеих ног, и что при повторном обследовании была выявлена еще и черепно-мозговая травма. Больной может оправиться от полученных повреждений, может выздороветь частично, а может и не выздороветь вовсе.

Задачей Елены было помогать выздоровлению его тела, ну а мозг должен был лечить сам себя.

Ласково улыбнувшись в ответ на взгляд Майкла Роарка, она подняла голову и увидела, что Марко тоже рассматривает ее. Мысль о том, что ее разглядывают сразу двое мужчин, позабавила ее, и она улыбнулась, но тут же застеснялась столь открытого проявления чувств и отвернулась. Тут-то она впервые заметила, что задние окна кузова микроавтобуса закрыты плотными занавесками, и вновь взглянула на Марко.

— А почему окна закрыты?

— Машина прокатная. Какую дали, на такой и едем.

Елена немного помолчала, а потом задала следующий вопрос:

— Куда мы едем?

— Мне не докладывали.

— Но Лука, конечно, знает.

— Вот у него и спрашивай.

Елена взглянула на сидевшего за рулем Луку и вновь обратилась к Марко:

— Нам грозит какая-то опасность?

Марко широко ухмыльнулся.

— Ух, сколько вопросов сразу.

— Ну как же: нам неожиданно, среди ночи, приказали уехать. Мы все время петляем, чтобы за нами не могли проследить. Окна в машине завешены, а у тебя еще и пистолет с собой.

— У меня?

— Да.

— Я же говорил, что был карабинером.

— Был, но ведь сейчас ты там не служишь.

— Но числюсь в запасе... — Марко вдруг резко обернулся вперед. — Эй, Лука, сестра

Елена интересуется, куда мы едем.

— На север.

Марко скрестил руки на груди, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

— Вздремну-ка я, пожалуй, — сказал он Елене. — И ты тоже поспи. Нам еще долг ехать.

Елена несколько секунд смотрела на него, потом перевела взгляд на сидевшего за рулем Луку. Тот как раз прикуривал, и огонек зажигалки на мгновение вырвал из темноты черты его лица. Еще когда он помогал выносить носилки, Елена заметила, что куртка у него оттопыривается, и утвердилась в своих более ранних подозрениях, что вооружен не только Марко. И еще она не сомневалась, хотя и об этом тоже никто не говорил, что Пьетро, дежуривший утром, сейчас ехал за ними на своей машине.

Майкл Роарк, лежавший рядом с ней, тоже закрыл глаза. Елена вдруг задумалась, снятся ли ему сны, и если снятся, то что он в них видит. И знает ли он, куда его везут. Или он точно так же, как она сама, просто едет в темноте неведомо куда в обществе двоих вооруженных незнакомых мужчин.

И еще она уже не в первый раз задумалась о том, кем же он мог быть прежде, если ему нужна такая охрана. И вообще кто он такой.

Внезапно он почувствовал, что его тела касаются сотни крохотных лапок. Очень легких и очень проворных. Похоже, принадлежавших грызунам. Сделав усилие, которое показалось ему сверхчеловеческим, Гарри открыл один глаз и увидел их. Это были не мыши. Крысы.

Они сидели у него на груди, на животе, на обеих ногах. Сразу очнувшись, Гарри закричал. Вернее, заорал. И попытался стряхнуть их с себя. Несколько действительно соскочили, а остальные лишь крепче вцепились в одежду. Задвигали ушками. И уставились на него красными точками глаз.

Лишь тогда он почувствовал вонь.

И вспомнил, как его скидывали в канализационный коллектор.

Потом до его сознания дошел плеск стремительно бегущей воды, он почувствовал, что весь мокрый, и понял, что лежит на отмели, окруженный водой. Заставив себя немного приподняться, он повернул голову и единственным своим глазом увидел, что крыс много. Сотни! Правда, они сидели чуть поодаль, на сухом берегу. И смотрели на него и ждали. Вот почему до него добралось лишь несколько штук. Им тоже не нравилась вода. Лишь самые отважные решились пуститься вплавь к человеку, лежавшему посреди маленькой тихой заводи.

Наверху круглился каменный свод, сложенный, вероятно, еще в античные времена. По бокам возвышались стены из такого же камня, с вкраплениями пятен бетона, изъеденного сыростью и временем. А мутный полумрак, благодаря которому Гарри мог хоть что-то видеть в нескольких шагах от себя, создавался светом висевших на изрядном расстоянии одна от другой слабых электрических лампочек.

Мог видеть...

Он мог видеть!

Хоть немного, но мог.

Откинувшись на спину, он чуть прижмурил правый глаз, и внезапно все вокруг расплылось. С секунду он лежал неподвижно, с закрытыми глазами, а потом, вновь собравшись с силами, открыл левый глаз.

Чернота. Ни проблеска, ни очертания.

Он сразу же открыл правый глаз и вновь оказался в мире предметов. Полумрак с пятнами тусклого света. Каменная кладка. Бетон. Вода.

Крысы.

Он заметил, что парочка из них приблизилась почти вплотную к его правому глазу. Они поводили носами. Скалили зубы. Храбрейшие из храбрых. Как будто они знали: стоит вырвать этот глаз, и он уже ничего не увидит. И окажется в полной их власти.

— Убирайтесь! — выкрикнул он и попытался подняться.

И почувствовал, как они вцепились коготочками в его одежду, чтобы удержаться на месте.

— Убирайтесь!!! Убирайтесь!!! Проваливайте к чертовой матери!!!

Он принялся ворочаться с боку на бок и продолжал вопить; его голос гулко отдавался

под бетонными сводами. Он пытался стряхнуть с себя этих тварей. А потом почувствовал, что оказался в более глубокой воде, которая сразу же поволокла куда-то его тело. Течение отрывало крыс от него. Явственно слышал слабый, но отчаянный писк, с которым они пытались перебороть поток, вылезти на берег и не утонуть. В ответ доносились повизгивания сотен других крыс, переживавших за попавших в беду товарок и сострадавших им. Он открыл было рот, испустил еще один истошный нечленораздельный вопль и попытался набрать в грудь воздуха. Но вместо воздуха глотнул воды и чуть не захлебнулся, а течением его уже несло прочь. Он отчетливо осознавал лишь одно — эта грязная вода имела вкус и запах крови. Его собственной крови.

Гарри ощутил прикосновение чьей-то руки к своему лицу, вздрогнул и застонал. Рука исчезла, но тут же вернулась и принялась осторожно протирать влажной тряпкой рану на его виске и грязное лицо. А потом так же бережно стирать запекшуюся кровь с его волос.

Где-то вдали послышался глухой рокот, пол задрожал, но тут же и звук, и сотрясение прекратились. Потом он почувствовал, что его приподняли за плечи, и открыл глаза, вернее, зрячий глаз. Когда ему удалось разлепить веки, он не без труда сфокусировал зрение. Над ним склонялась необычно большая голова; в полумраке поблескивали глаза.

— Parla Italiano?^[20]

Это был мужчина, он сидел на полу рядом с Гарри и произнес эту короткую фразу с заметным акцентом и странной певучей интонацией.

Гарри медленно повернул голову, чтобы лучше разглядеть его.

— Inglese?^[21]

— Да... — прошептал Гарри.

— Американец?

— Да... — чуть слышно повторил Гарри.

— Я тоже. Был. Из Питтсбурга. Приехал, чтобы поучаствовать в фильме Феллини. Да так и не попал. И назад не смог вернуться.

Гарри, словно со стороны, услышал свой чуть слышный шепот:

— Где я?

Человек со странным лицом ухмыльнулся:

— У Геркулеса.

Внезапно перед Гарри появилось еще одно лицо и тоже склонилось к нему. Теперь женское. Смуглой женщины лет, пожалуй, сорока, с волосами, повязанными ярким платком. Опустившись на колени, она потрогала голову Гарри, а потом наклонилась и приподняла его левую руку, обмотанную толстой повязкой. Женщина перевела взгляд на большеголового мужчину и что-то сказала на языке, которого Гарри никогда не слышал. Тот кивнул. Женщина снова окинула быстрым взглядом Гарри, резко выпрямилась, повернулась и ушла. Почти сразу же раздался звук, как будто открылась и закрылась тяжеленная дверь.

— Придется пока что обходиться одним глазом. Но скоро будешь смотреть в оба. Это она так сказала. — Геркулес снова ухмыльнулся. — Мне велено дважды в день промывать твою рану и завтра перевязать руку. А голова пускай побудет так. Это тоже она сказала.

Снова послышался странный гул, снова затрясся пол.

— Это мой дом. Здесь я живу, — сообщил Геркулес. — Заброшенный уголок метро — старый вспомогательный туннель. Я тут уже пять лет, и никто ни сном ни духом. Ну конечно, кроме нескольких, таких, как она. Клево, а? — Он рассмеялся, а потом поднял с пола алюминиевый костыль и с трудом поднялся. — Ноги у меня ни к черту. Зато плечи — дай бог каждому, да и вообще я очень сильный малый.

Геркулес оказался карликом. Трех с половиной, самое большее четырех футов росту. С огромной головой почти правильной яйцевидной формы. Плечи у него действительно

оказались широченными, а руки — могучими. Но торс составлял не менее трех четвертей всего его тела. Нижняя часть туловища была крохотной, а ноги походили на пару спичек.

Опершись на неосвещенную стену, Геркулес протянул руку себе за спину и вытащил второй костыль.

— В тебя стреляли...

Гарри тупо уставился на него. Сам он ничего не помнил.

— Тебе повезло. Пистоль оказался малокалиберным. Пуля пробила тебе руку, а от черепушки отскочила. А потом ты очутился в коллекторе. Я тебя оттуда выудил.

Гарри смотрел на него остановившимся взглядом единственного зрячего глаза, все еще ничего не понимая, мысли у него путались, как будто его разбудили во время крепкого сна и он пытался перейти от прерванного сновидения к реальности. Непонятно почему, он вдруг вспомнил Маделин, увидел, как наяву, ее волосы, раскинувшиеся по поверхности черной воды и уходящие под лед, и подумал, что́ она могла ощущать в последние минуты — возможно, она переходила от ужасающей действительности к умиротворенному полусну, от одного состояния к другому, пока не упокоилась окончательно в своем последнем беспробудном сне.

— Боль чувствуешь?

— Нет.

Геркулес оскалил зубы.

— Это ее снадобья так работают. Она цыганка и здорово умеет лечить. Я сам не цыган, но смог с ними поладить. Они мне помогают, я им помогаю, чем могу. В общем, довольны друг другом, уважаем друг друга и у своих не воруем... — Он захихикал, а потом снова посерьезнел. — И у тебя тоже ничего не поперли, святой отец.

— Святой отец?.. — Гарри недоуменно уставился на него.

— Документы были в твоём пиджаке, отец Аддисон... — Геркулес оперся подмышками на костыли и указал рукой в сторону.

Там на самодельной вешалке сохла одежда Гарри. На полу, тоже аккуратно расправленный для просушки, лежал конверт, полученный от Гаспарри. А рядом с ним — вещи, оставшиеся от Дэнни: помятые часы, искореженные очки с одним разбитым стеклом, опаленное удостоверение ватиканского служащего и паспорт.

С ловкостью акробата Геркулес отбросил костыли, опустил на пол и оказался, как и прежде, лицом к лицу с Гарри. Слово кресло придвинул.

— У нас с тобой есть проблема, святой отец. Ты небось хочешь, чтобы я кому-нибудь сообщил, что с тобой случилось? В полицию, да? Но ты сам еще ходить не можешь, ну а я никому не стану о тебе рассказывать, чтобы мой домишко не засветить. Понятно?

— Да...

— Так что лучше всего тебе будет спокойненько отдохнуть здесь. Если ничего не стрясется, завтра ты уже сможешь подняться и идти на все четыре стороны.

С этими словами Геркулес опять подхватил костыли и поднялся.

— Сейчас мне надо уйти. Спи и ничего не бойся. Здесь ты в полной безопасности.

Он резко повернулся и скрылся в темноте; лишь стук костылей и шарканье ног выдавали его присутствие. Затем послышался тот же звук, который сопровождал недавний уход женщины, — звук открывающейся и закрывающейся тяжелой деревянной двери.

Гарри откинулся навзничь и впервые с тех пор, как пришел в себя, почувствовал, что под головой у него лежит подушка, а сам он укрыт одеялом.

— Спасибо тебе, — прошептал он.

Снова в отдалении загрохотал поезд, снова затрясся пол. А потом нечеловеческая усталость взяла свое, он закрыл глаза, и все мысли — и о Геркулесе, и обо всем остальном — сразу же покинули его.

*Беверли-Хиллз, Калифорния.**Четверг, 9 июля, вечер*

Байрон Уиллис тяжело вздохнул и положил телефонную трубку. Выезжая с бульвара Сансет в сторону Стоун-Кэньон-роуд, он переключил фары своего «лексуса» на дальний свет, в котором отчетливо вырисовывались оплетенные плющом ограды просторных богатых участков, мимо которых он проезжал. То, о чем ему сообщили, просто никак не укладывалось в голове. Гарри Аддисон, его Гарри Аддисон, парень, которого он самолично привел в фирму, которого любил как брата, кабинет которого находился на другой стороне коридора против его собственного офиса, вдруг оказался беглым преступником, разыскиваемым полицией Италии за убийство римского полицейского детектива. А его родного брата обвиняют в убийстве кардинала-викария Рима. И все произошло буквально на ровном месте. Как автомобильная авария — раз, и все. Многоканальный телефон офиса уже раскалился от звонков журналистов, желающих узнать подробности у него или у кого-либо еще из партнеров.

— Сукин сын! — сердито произнес он вслух.

Однако как бы дела ни обстояли в действительности, Гарри наверняка понадобится вся помощь, какую он только будет в состоянии оказать, да и положение фирмы нужно срочно выправлять. Ночь придется потратить на организацию обороны от журналистов; необходимо будет также выяснить, что и в какой степени известно клиентам, и предупредить их, чтобы они ничего не говорили репортерам, которые будут их осаждать. Одновременно нужно будет приложить все силы, чтобы разыскать Гарри и обеспечить его наилучшей юридической поддержкой, какую только удастся организовать в Италии.

Байрон Уиллис сбавил ход. Перед воротами его дома номер 1500 по Стоун-Кэньон-роуд собралась целая толпа журналистов, рядом стояли грузовики с оборудованием. Нажав на кнопку пульта дистанционного управления, он выждал, пока люди расступятся, и медленно проехал, придав лицу совершенно безразличное выражение, но все же приветливо помахивая рукой тем, кто дожидался его, чтобы задать неприятные вопросы. Миновав ворота, он остановился и осмотрелся, удостоверившись, что никто не проник на участок вслед за ним. После этого он поехал дальше; фары пробивали туннель в темноте, освещая хорошо знакомую подъездную дорожку, ведущую к дому.

— Проклятье! — проворчал он сквозь зубы.

В одночасье вся жизнь его друга пошла кувырком. И это заставило его самого задуматься над собственным положением. Как обычно, деловые встречи до позднего вечера, как обычно, он возвращается домой в глубокой темноте. Его жены и двух сыновей нет дома, они в унаследованном им от родителей горнолыжном бунгало в Солнечной долине. Правда, когда жена и сыновья дома, он все равно с ними почти не видится, даже в выходные. А ведь одному богу известно, что может оказаться за любым поворотом его пути. У жизни множество разных сторон, и нужно относиться к ней бережно и не позволять работе подчинять ее себе целиком. И он сказал себе, что, когда история с Гарри благополучно

закончится — а она закончится благополучно и никак иначе! — он не станет впредь посвящать работе так много времени и будет наслаждаться теми простыми радостями, которые в таком изобилии предлагает жизнь.

Еще одно нажатие на кнопку дистанционного управления, и гибкая створка ворот гаража неторопливо поднялась. Обычно с открытием ворот в гараже загорался свет, но сейчас, неведомо почему, лампы не включились. Открыв дверь, он вышел из машины.

— Байрон... — послышался из темноты мужской голос.

Байрон Уиллис удивленно обернулся на звук, но разглядел лишь смутно различимый силуэт приближавшейся к нему фигуры.

— Кто вы такой?

— Друг Гарри Аддисона.

Гарри? Что еще за чертовщина? Внезапно его охватил испуг.

— Как вы сюда попали? Что вам нужно?

— Самые пустяки.

В следующее мгновение в темноте блеснул огонек и раздался негромкий звук, словно кто-то плюнул на каменный пол. Уиллис почувствовал сильный удар в грудь. Инстинктивно он нагнул голову, чтобы взглянуть, что же могло его ударить. Но тут же почувствовал, что у него подгибаются колени. Тот же звук прозвучал вновь. И еще раз. Незнакомец стоял прямо перед ним.

Байрон Уиллис поднял голову.

— Я не понимаю...

Это оказались самые последние слова в его жизни.

Томас Добряк шел по набережной Тибра, с нетерпением ожидая, когда зазвонит сотовый телефон. Террорист был в бежевом льняном костюме и синей рубашке в полоску с расстегнутым воротничком. Белую панаму он надвинул на лоб, чтобы защитить лицо от лучей утреннего солнца и, что было важнее, прикрыть его от взглядов любопытных, которые могли бы узнать его и предупредить власти.

Держась в тени раскидистых деревьев, он прошел еще десятка полтора шагов и оказался в месте, которое приглядел издали, — здесь гранитная стена набережной обрывалась в воды Тибра совершенно отвесно. Оглянувшись с непринужденным видом и не увидев ничего, кроме обычного, еще не слишком интенсивного в этот час дорожного движения на улице за деревьями, он расстегнул пиджак и извлек из-за пояса брюк некий предмет, завернутый в белый шелковый носовой платок. Все так же непринужденно он наклонился, облокотившись на парапет набережной, — обычный турист, остановившийся, чтобы посмотреть на реку сверху, — и выпустил предмет, оставив в руке пустой платок. Несколькими секундами позже неторопливо выпрямился и вытер платком шею сзади. После этого пошел дальше, оставив сделанный в Испании пистолет марки «ллама» лежать на дне реки, где он уже через несколько часов будет надежно укрыт песком и илом.

Через десять минут Добряк вошел в маленькую трагторию поблизости от пьядца Фарнезе, заказал бармену холодный кофе-эспрессо и сел за столик в глубине зала, все с тем же нетерпением ожидая звонка и той новости, которую рассчитывал получить. Вынув из кармана телефон, он набрал номер, выждал два гудка, затем набрал трехзначный код, дал отбой, откинулся на спинку стула и поднес к губам чашку. Теперь нужно было ждать ответа.

Томас Хосе Альварес-Риос по прозвищу Добряк получил известность в 1984 году, после того как убил четверых тайных агентов французской антитеррористической службы, оплошавших при проведении рейда в пригороде Парижа. После этого он сделался любимцем всех средств массовой информации и заработал глубокое уважение в террористическом подполье. Сделавшись, как прозвали его журналисты, новоявленным Карлосом Шакалом,^[22] террористом-наемником, он решил, что будет служить тем, кто больше платит. И с конца восьмидесятых до конца девяностых он успел поработать едва ли не на всех. И на остатки итальянских «Красных бригад», и на французское «Прямое действие». От Муаммара Каддафи он перешел к Абу Нидалю, а затем выполнял задания иракской разведки в Бельгии, Франции, Великобритании и Италии. Некоторое время он провел в Майами и Нью-Йорке где занимался выколачиванием денег из должников главных *traficantes*,^[23] руководителей Медельинского наркокартеля. А позднее завербовался в коза ностра, как будто ей не хватало собственных сил, вернулся в Италию и принялся истреблять борцов против мафии в Калабрии и Палермо.

В результате он с полным правом стал применять к себе слова Бонно, главаря банды убийц, действовавшей в Париже в 1912 году, позднее взятые на вооружение не кем иным, как Карлосом: «Я знаменитость». Так оно и было. На протяжении многих лет его портреты регулярно появлялись на первых страницах не только центральных газет разных стран мира,

но и таких журналов, как «Таймс», «Ньюсуик» и даже «Вэнити фэр». В программе «60 минут» ему были посвящены две передачи. Все это делало его персоной несравненно более высокого ранга, чем множество других ловцов удачи, которые с великой радостью соглашались работать на него.

Беда состояла в том, что он, по его собственному глубокому убеждению, стал психически больным. Поначалу он решил, что просто теряет контроль над собой. Ведь начинал он как самый искренний революционер, в 1976-м, будучи восторженным подростком, пробрался из Эквадора в Чили и там получил из рук Валера винтовку, чтобы отомстить солдатам фашиста-диктатора Аугусто Пиночета за кровавую расправу со студентами-марксистами. Потом был чрезвычайно идеологизированный период, когда он жил в Лондоне с семьей матери и учился в весьма престижной школе, по окончании которой отправился изучать политику и историю в Оксфорд. Там у него очень скоро состоялось тайное знакомство с лондонским резидентом КГБ, и последовало предложение переправить его в Москву для обучения на советского агента. Но по дороге в СССР он задержался в Париже. Тогда-то и случилась эта история с французскими полицейскими, после которой на него обрушилась всемирная слава.

Но в последние месяцы он стал замечать за собой, что его действиями руководят не идеологические установки, что его влечет не революция как таковая, но скорее террор или, если уточнить, сам процесс убийства. Убийства доставляли ему не просто удовольствие — приносили сексуальное возбуждение. И вскоре вытеснили из его потребностей стремление к половой жизни. И с каждым разом — как бы ему ни хотелось отрицать это — эмоции, которые он испытывал, убивая, становились сильнее и острее.

Словно он выбирал себе любовницу, выслеживал ее, а потом расправлялся с ней самым изощренным способом, какой только приходил ему на ум в этот момент.

Это было отвратительно. Он ненавидел свое состояние. Сама мысль о нем приводила его в ужас. И в то же самое время он радовался ему. И непрерывно отгонял от себя осознание того, что душевно болен. Ему больше нравилось думать, что он попросту устал или, что казалось ему ближе к истине, столкнулся с теми проблемами, с которыми встречается любой человек, достигший средних лет. Но сам-то он знал, что это неправда и что с ним что-то серьезно не так, поскольку делался все более неуравновешенным, как будто одна часть его существа намного пересиливала другую. Положение усугублялось еще и тем, что на свете не было ни одной живой души, с кем он мог бы поговорить начистоту, без опасения, что его схватят, или предадут, или навредят каким-нибудь еще способом.

К действительности его вернул негромкий щебет телефона, лежавшего на столе прямо под рукой. Быстрым движением он схватил его.

— Оуі, — сказал он по-французски, а потом лишь слушал, кивая в ответ на слова находящегося вдали собеседника.

Эта была та самая новость, которую он ждал, вернее, даже две новости. Первая состояла в том, что потенциальная проблема, которая могла бы возникнуть в США, благополучно предотвращена — если даже Гарри Аддисон намеренно или случайно сообщил какую-то опасную информацию Байрону Уиллису, об этом уже можно было не думать. Этого человека больше не существовало.

Узнать вторую новость оказалось труднее, поскольку пришлось звонить по множеству телефонов. Так что на достижение результата потребовалось куда больше времени, чем они рассчитывали.

— Да, — сказал он, заканчивая разговор. — Значит, Пескара... Я немедленно выезжаю.

— А вот горячий чай, — сказал Геркулес. — Глотать можешь?

— Да, — кивнул Гарри.

— Держи двумя руками.

Геркулес протянул Гарри кружку и даже помог взять ее — самому Гарри с туго забинтованной рукой это было бы не просто сделать.

Гарри отхлебнул и поморщился.

— Кошмар, да? Чай по-цыгански. Крепкий до горечи. Но ты все равно пей. Он поможет тебе набраться сил и вернуть зрение.

Гарри нерешительно посмотрел на кружку, а потом все же выхлебал ее содержимое в несколько больших глотков, стараясь не обращать внимания на вкус. Пока он пил, Геркулес внимательно рассматривал его, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, как художник, готовящийся взяться за портрет. Когда кружка опустела, Геркулес забрал ее.

— Ты — вовсе не ты.

— То есть?

— Ты не отец Дэниел, а его брат.

Гарри непроизвольно вскинул руку, словно пытался заслониться локтем.

— Откуда ты знаешь?

— Во-первых, понял по фотографии в паспорте. А во-вторых, потому что тебя ищет полиция.

Гарри оторопело уставился на него.

— Полиция?

— Да, по радио передавали. Тебя ловят за убийство, только не за то, за которое ловят твоего брата. Кардинал-викарий — это, конечно, не шутки. Но и твоя история тоже ничего себе.

— Что такое ты говоришь?

— Я говорю о полицейском, мистер Гарри Аддисон. О полицейском детективе по имени Пио.

— Пио умер?

— Ты провернул неплохое дельце.

— Я?..

И в следующую секунду у него словно прояснилось перед глазами. Все было так: Пио взглянул в зеркальце своего «альфа-ромео». Вынул пистолет и положил на сиденье. И в эту самую секунду Гарри увидел выехавший прямо перед ними грузовик. В его ушах, как наяву, звучал собственный вскрик: «Осторожно!»

Но сейчас это воспоминание дополнилось еще одной деталью, которая до сих пор не всплывала. Звук. Ужасающе громкий. Короткий гром, повторившийся несколько раз. Это могли быть только выстрелы.

И еще он вспомнил лицо. Оно мелькнуло и исчезло, будто выхваченное на считанные миллисекунды из тьмы лучом прожектора. Бледное лицо с жестоким выражением. И какой-

то странной полуулыбкой. А потом он, неизвестно почему, вспомнил синие глаза, самые синие из всех, какие ему когда-либо приходилось видеть.

— Нет... — чуть слышно пробормотал Гарри. Он не мог найти в себе силы пошевелиться, лишь его глаза искали взгляд Геркулеса. — Я этого не делал.

— А это, мистер Гарри, совершенно неважно — делал ты это или нет. Важно лишь одно — власти уверены, что это сделал ты. В Италии нет смертной казни, но полицейские все равно найдут возможность тебя прикончить.

Геркулес рывком поднялся с пола. Опершись на костыль, он посмотрел Гарри в лицо.

— Говорят, что ты адвокат. Из Калифорнии. Что ты делаешь денежки на всяких кинозвездах и сам очень богат.

Гарри обессиленно откинулся на спину. Так вот в чем дело. Геркулесу нужны были деньги, и он решил выжать их из него, пугая полицией. А почему бы и нет? Нищий бродяга, живет в катакомбах метро, и тут к нему в руки попадает Гарри. Неизвестно по какой причине он сначала решил спасти ему жизнь, но вдруг дело обернулось так, что, оказывается, он добыл курицу, которая несет золотые яйца.

— Да, деньги у меня есть. Но я не могу их получить — полиция сразу узнает, где я. Так что я и рад бы дать вам денег, но не могу.

— Это не важно. — Геркулес наклонился к нему почти вплотную и ухмыльнулся. — За тебя назначили цену.

— Цену?

— Полиция объявила награду тому, кто тебя выдаст. Сто миллионов лир. Это около шестидесяти тысяч долларов. Это большие деньги, мистер Гарри, особенно для того, у кого нет вообще ничего.

Подхватив с пола второй костыль, Геркулес резко повернулся и, как и накануне, решительно направился прочь. Почти сразу он скрылся в темноте.

— Я не убивал его! — выкрикнул ему вслед Гарри.

— Полицейские все равно тебя прикончат! — Голос Геркулеса раскатился эхом, которое тут же заглушил грохот поезда, проходившего мимо личного туннеля бродяги.

Когда шум стих, послышался звук открывшейся и закрывшейся двери.

И наступила тишина.

Нортон, Италия

Майкла Роарка доставили не в больницу, а в casa Альберти, отреставрированный трехэтажный каменный загородный особняк, получивший свое название в честь старинного флорентийского рода. Сестра Елена разглядела его сквозь утренний туман, когда машина въехала в железные ворота и покатила по длинной неасфальтированной подъездной дорожке.

Покинув Пескару, они сделали изрядную петлю — сначала поехали по автостраде А14, затем по А24, после чего вернулись на А14 и направились по ней на север. Проехав по Адриатическому побережью через Сан-Бенедетто и Чивитанова-Марке, вскоре после полуночи они повернули на запад, миновали Фолиньо, Ассизи и Перуджу, после чего дорога повела в холмы, и уже почти на рассвете они добрались до casa Альберти, находившегося немного восточнее старинного тосканского города Кортонь.

Марко отпер ворота, распахнул их и прошел пешком по подъездной дорожке к дому; Лука очень медленно вел за ним фургончик. Пьетро, действительно сопровождавший их на своей машине, тоже въехал во двор, запер за собой ворота, а затем первым вошел в дом, внимательно его осмотрел и лишь после этого включил свет и позволил всем остальным войти внутрь.

Уже через несколько секунд Елена, не говоря ни слова, смотрела, как Марко и Лука ловко протащили носилки на крыльцо, а затем по лестнице на второй этаж в просторную комнату, которой предстояло превратиться в больничную палату Майкла Роарка. Поднявшись вслед за ними, она открыла жалюзи на окнах и увидела, как на горизонте отделился от земли огненный диск солнца.

Внизу Пьетро вышел из дома и отвел свою машину на другое место, поставив ее перед микроавтобусом; теперь было почти невозможно ввести еще одну машину во двор, тем более сделать это незаметно. Звук мотора стих, и она увидела, как Пьетро вылез, открыл багажник и достал оттуда внушительный дробовик. Затем он зевнул во весь рот, вновь уселся в машину, оставив дверцу открытой, скрестил руки на груди и, по-видимому, сразу же заснул.

— Тебе помощь не нужна?

В дверях у нее за спиной стоял Марко.

— Нет, — улыбнувшись, ответила она.

— Лука пошел спать наверх. А я, если понадобится тебе, буду в кухне.

— Спасибо...

Марко окинул Елену взглядом и вышел, закрыв за собой дверь. И почти сразу же Елена почувствовала, как на нее навалилась усталость. Во время поездки она то и дело задремывала, однако при этом все время оставалась настороже. Но теперь они наконец-то оказались на месте, в доме, и ей внезапно и очень сильно захотелось спать.

За дверью справа оказалась большая ванная комната с отдельными ванной и душевой кабинами. Слева за внушительной ширмой располагался альков с кроватью и платяным шкафом.

А посреди комнаты крепко спал Майкл Роарк. Елена отлично понимала, что поездка

должна была вконец измучить его. Большую часть пути он бодрствовал. Его взгляд перемещался от нее к мужчинам в фургоне и за рулем и вновь возвращался к ней, как будто больной пытался осмыслить, где он находится и что с ним происходит. Если ему и было страшно, Елена этого не заметила, но, вероятно, все же было, поскольку заснул он лишь после того, как она много-много раз самым ласковым тоном повторила ему его имя, свое имя, имена мужчин, ехавших вместе с ними в машине, и говорила, что это друзья, которые везут его в такое место, где он сможет поправиться и отдохнуть. В результате он за два часа до прибытия погрузился-таки в глубокий сон, продолжавшийся до сих пор.

Открыв чемоданчик, который Марко принес и поставил на стул, Елена вынула оттуда старомодный тонометр с грушей и циферблатом, стетоскоп и измерила давление спящему. Его лицо, полускрытое бинтами, казалось изможденным, и бросалось в глаза, что он изрядно исхудал. Елена попыталась представить себе его таким, каким он выглядел прежде. Таким, каким он станет, когда будет выздоравливать, есть нормальную пищу и его силы начнут понемногу восстанавливаться.

Закончив измерение, она выпрямилась и убрала тонометр. Кровяное давление оставалось точно таким же, как и вчера и в тот день, когда она только-только приехала в Пескару. Не выше. Не ниже. Точно таким же. Она записала результат в истории болезни, а потом удалилась за ширму, сняла медицинский халат и белье, надела тонкую ситцевую ночную рубашку и легла в постель, решив, что проспит минут сорок пять. Во всяком случае, не больше часа. Перед тем как закрыть глаза, она взглянула на наручные часы.

Они показывали восемь двадцать утра пятницы, 10 июля.

Кардинал Марчиано смотрел пресс-конференцию по маленькому телевизору, установленному в его библиотеке. Передача шла в прямом эфире; выступавшие не скрывали своего гнева. Было сразу заметно, что никто из них не готовился заранее. Марчелло Талью, руководителя Gruppo Cardinale, толпа журналистов окружила и заставила отвечать на вопросы, как только он вышел из машины, подъехав к управлению полиции.

Откуда взялась видеозапись обращения американского адвоката Гарри Аддисона, он не знает, сказал Талья. Не имеет никакого представления о том, каким образом она стала доступна средствам массовой информации. И о том, как произошла утечка фотографий и материалов следствия по делу брата Аддисона, священника Дэниела Аддисона, главного подозреваемого в деле об убийстве кардинала-викария Рима, предположительно погибшего при взрыве рейсового автобуса Рим — Ассизи, ему тоже неизвестно. Однако теперь следует принять за новую версию, что он может быть жив и скрываться где-то в Италии. Да, он подтверждает, что за информацию, которая поможет арестовать и предать суду любого из американцев, назначена награда в миллион лир.

На этом передача с участием Тальи прервалась, и на экране появилась привлекательная телеведущая, сидевшая за стеклянным столом в студии. Она сказала несколько пояснительных слов, и началась трансляция обращения Гарри. Когда же этот краткий ролик закончился, на экране возникли фотографии обоих братьев, а под ними напечатанный крупными цифрами номер телефона, по которому следовало звонить тем, кто увидит кого-либо из преступников.

ЩЕЛК!

Марчиано выключил телевизор и уставился на пустой темный экран. Окружавшая его уже и без того непроглядная действительность сделалась еще темнее. Мир, в котором он жил, мог в ближайшие часы сделаться даже более ужасным, почти невыносимым.

Вскоре ему нужно будет сесть за стол перед четырьмя другими кардиналами, представлявшими собой комиссию по надзору за инвестиционными капиталовложениями Святого престола, и представить им на утверждение новый, намеренно несбалансированный инвестиционный пакет.

На половину второго был намечен перерыв, во время которого Марчиано предстояло совершить десятиминутную прогулку за пределы Ватикана в маленькую трагторию на виале Анжелико, принадлежавшую семейству неких Армари. Там в маленькой комнатке на втором этаже Палестрина будет ждать от него доклада о ходе заседания. От результата этого заседания зависела не только судьба «китайского протокола» Палестрины, но и жизнь самого Марчиано, а также отца Дэниела.

По идее, ему следовало выкинуть все это из головы, чтобы не упасть духом еще до того, как он предстанет перед кардиналами. Но чем дальше стрелка часов продвигалась по циферблату и чем старательнее он отгонял от себя удручающие мысли, тем настойчивее они завладевали им, заставляя внутренне холодеть, как будто Палестрина собственноручно управлял его эмоциями.

И в конце концов он увидел самого себя в кабинете женевского офиса Пьера Веггена вечером того самого дня, когда был взорван автобус, шедший в Ассизи. Зазвонил телефон, ему передали трубку. Это оказался Палестрина, без лишних слов проинформировавший его, что во взорвавшемся автобусе находился отец Дэниел и что он, по всей вероятности, мертв. И тут же он добавил — Боже всемогущий, Марчиано до сих пор явственно ощущал ту боль, которую испытал, услышав об этом! — что полиция нашла убедительные доказательства, подтверждающие виновность отца Дэниела в убийстве кардинала Пармы.

Марчиано хорошо помнил свое гневное восклицание и то, как Вегген молча ухмыльнулся в ответ, как будто банкир точно знал, что говорит его посетителю Палестрина по телефону. Но это было еще не все, и дальнейшие слова Палестрины ввергли его в оцепенение.

— И еще хочу добавить, ваше преосвященство, что если вы не сможете получить от комиссии кардиналов одобрения инвестиционного пакета, полиция вскоре узнает, что дело кардинала Пармы не заканчивается на его убийстве отцом Дэниелом, а выводит прямоком на вас. Могу вас заверить, что первый же вопрос полиции будет о том, давно ли вы с кардиналом-викарием стали любовниками, поскольку в защищенных от постороннего доступа файлах и его, и вашего компьютера будут обнаружены неопровержимые свидетельства такой связи — письма очень личного и чрезвычайно компрометирующего характера... А теперь подумайте, ваше преосвященство, как вы будете себя чувствовать, если ваши портреты появятся во всех журналах и газетах, на телеэкранах всего мира. Подумайте и о реакции Святого престола, и о том, какой удар такая история может нанести всей Святой церкви.

Перепуганный, дрожащий и несколько не сомневающийся в том, что точно знает, кто несет ответственность за подрыв автобуса, Марчиано, ничего не ответив, повесил трубку. Палестрина присутствовал везде. И постоянно усиливал свою хватку. Внимательный, деловитый, безжалостный. Больше того, несравненно более ужасный и отвратительный, чем Марчиано прежде мог хотя бы представить себе.

Повернувшись в своем вращающемся кресле, Марчиано посмотрел в окно. На противоположной стороне улицы стоял «мерседес», поданный для того, чтобы доставить его из дому в Ватикан. Водитель машины был новый, молодой, с чистым и по-детски невинным лицом, ватиканский полицейский, любимец Фарела, некий Антон Пилжер. Экономка, сестра Мария-Луиза, тоже появилась лишь вчера. Как и секретари, и начальник канцелярии. Из всех его прежних сотрудников остался лишь отец Бардони, да и то лишь потому, что он знал, как находить нужные компьютерные файлы и пользоваться базой данных, которая была у них общей с женевским офисом Веггена. И Марчиано несколько не сомневался, что, как только новый план капиталовложений утвердят, отца Бардони от него тоже уберут. Он последний из истинно верных людей, и после его ухода Марчиано останется в змеином гнезде, созданном Палестриной, один-одинешенек.

Гарри неуверенно брел в темноте; голова у него все еще болела после сотрясения, вызванного так удачно срикошетившей пулей, боком он касался шершавой бетонной стены, а здоровую руку выставил вперед, рассчитывая нащупать дверь, через которую можно было попасть из жилища Геркулеса в метро. Он должен был выбраться отсюда, прежде чем вернется карлик. Мало ли кого тот приведет с собой! Своих приятелей, таких же бродяг?.. Или полицию?.. Ведь для такого жалкого существа шестьдесят тысяч долларов, наверное, огромные деньги.

Где же эта дверь?! Она не может находиться очень далеко! Что, если он в темноте прошел мимо нее и не заметил?

Он остановился. Прислушался в надежде, что отдаленный гул поезда метро поможет ему сориентироваться.

Тишина.

Ему пришлось потратить очень много сил на то, чтобы одеться, собрать вещи Дэнни и приступить к поиску выхода из логова Геркулеса. Он понятия не имел, что станет делать, когда выберется наружу, но не сомневался — это в любом случае будет лучше, чем сидеть здесь и ждать какого-нибудь сюрприза, который мог приготовить для него Геркулес.

И впереди, и сзади была непроглядная темень. А потом он кое-что увидел. Крохотную светящуюся точку вдаль. Конец туннеля! Он сразу почувствовал облегчение. Продолжая прижиматься к стене, он побрел в ту сторону. Свет становился ярче. Гарри прибавил шаг. Но вот его нога задела за что-то твердое. Он остановился. Пощупал ногой. Это был рельс. Он оглянулся. Свет, похоже, приближался. И был очень похож на то приспособление, которым его пытали похитители. Но ведь такого просто не могло быть! Куда он попал? Неужели он так и не выберется отсюда?!

Тут он почувствовал, как под ним задрожала земля. Свет стремительно приближался. И тут он понял. Он оказался в действующем туннеле. А летящий на него свет был фарами поезда метро. Повернувшись, он кинулся назад; ему казалось, что он бежит со всех ног. Свет же становился все ярче и ярче. Задев левой ногой о рельс, он чуть не упал. Сзади послышался оглушительный рев гудка. Затем скрежет — это машинист нажал на тормоз.

Внезапно могучая рука ухватила его за плечо и дернула к стене. Он увидел в нескольких дюймах от себя освещенные окна вагона. Изумленные лица пассажиров. Все это прокатилось мимо. Скрежеща тормозами, поезд остановился в полусотне ярдов впереди.

— Ты спятил?!

Рядом с Гарри был Геркулес, железной рукой державший его за рукав куртки.

По туннелю разнеслись крики людей. Машинист с помощником выскочили из кабины и бежали в их сторону, размахивая фонарями.

— Сюда.

Геркулес развернул его и толкнул в узкий боковой ход. Через мгновение он почти закинул Гарри на железную лесенку и поспешно забрался следом. Костыли он держал под мышкой и вихлялся на ходу, как цирковой клоун.

Позади продолжала кричать поездная бригада. Геркулес ожег Гарри злобным взглядом и толкнул его в другой узкий лаз, по которому шли кабели и, похоже, вентиляционные короба.

Так они некоторое время и двигались — Гарри впереди, Геркулес вплотную за ним, — пока не удалились от места происшествия на добрых полмили. В конце концов они остановились под вентиляционной шахтой, откуда падал слабый свет.

Довольно долго Геркулес молчал и настороженно прислушивался, а затем, видимо окончательно удостоверившись в том, что за ними больше никто не гонится, взглянул на Гарри.

— Они сообщат в полицию. Полицейские начнут обыскивать туннели. Если они отыщут мой дом, то узнают, что ты там был. А мне будет негде жить.

— Я сожалею...

— По крайней мере, мы выяснили две вещи. Ты очухался настолько, что можешь ходить. Даже бегать. И зрение у тебя вроде бы восстановилось.

Гарри действительно мог нормально видеть. Просто у него не было времени понять это. Сначала он находился в темноте. Потом появился свет поезда, и он увидел пассажиров в вагонах. И не одним глазом, а двумя.

— Так что, — продолжал Геркулес, — ты свободен. — С этими словами он сунул Гарри в руки сверток, который держал под мышкой. — Разверни.

Гарри несколько секунд недоумевающе смотрел на карлика, но потом повиновался. Сняв обертку, он развернул содержимое. Черные брюки, черная рубашка, черный пиджак и белый воротничок католического священника. Все поношенное, но вполне пригодное.

— Сделаешься собственным братцем. Годится?

Гарри растерянно посмотрел на карлика.

— Ладно, пусть не твоим братом, но все равно священником. А почему бы и нет? У тебя уже и щетина отросла, с первого взгляда тебя не узнаешь. Кем еще стоит прикинуться в городе, где полно священников? В кармане порток несколько сот тысяч лир. Не так уж и много, но хватит, чтобы ты мог куда-нибудь зарыться, раскинуть мозгами и решить, что делать дальше.

— Но почему?... — пробормотал Гарри. — Ты же мог выдать меня полиции и получить награду.

— Твой брат жив?

— Я не знаю.

— Это он убил кардинала-викария?

— Я не знаю.

— Ну вот видишь? Если бы я продал тебя полиции, у тебя не осталось бы никаких шансов выяснить, что и как на самом деле. Жив ли твой брат. Убийца он или нет. А откуда ты это узнаешь, если сам не разберешься? Только не забывай, что тебя тоже ловят за убийство полицейского. Так что история становится вдвое интереснее, точно?

— Этих денег тебе хватило бы надолго.

— Но для этого нужно, чтобы полиция отдала их мне. А мне нельзя идти в полицию, мистер Гарри. Потому что я и сам тоже убийца... А если я поручу это дело кому-нибудь другому, вроде как предложу в долю войти, то, вероятнее всего, мой партнер прикарманит денежки и тью-тью... Ты окажешься в тюрьме, а я останусь на бобах. Сам подумай: что в этом хорошего?

— И все-таки почему?

— Я тебе помог?

— Да.

— Чтобы отпустить тебя на все четыре стороны, мистер Гарри, и посмотреть, на что ты годишься. Много ли у тебя ума и смелости. Сумеешь ли ты выжить и выбраться из этой передраги. Найти ответы на свои вопросы. Доказать, в конце концов, свою невиновность.

Гарри пристально всмотрелся в его лицо.

— И это все, да?

Геркулес поднялся, опираясь на костыли. Впервые за все недолгое время знакомства Гарри увидел печаль на его лице.

— Тот человек, которого я убил, был богатым и вдрызг пьяным. Он хотел разбить мне голову кирпичом, потому что ему было противно на меня смотреть. Мне нужно было что-то сделать, вот я и сделал. Ты здоровый, красивый, умный парень. Если сумеешь воспользоваться тем, что тебе дано, у тебя будет шанс. У меня шанса нет. Я уродливый карлик, да к тому же еще и убийца, и мне суждено до конца своих дней прятаться, словно крысе, в подземелье... Мистер Гарри, если тебе удастся выиграть свою игру, может быть, ты вспомнишь обо мне? Потратишь немного денег и сделаешь еще что-нибудь, не знаю, что уж там понадобится, чтобы вытащить меня отсюда. Если я доживу до тех пор, тебе любой цыган скажет, где меня найти.

Гарри захлестнула волна теплоты и искреннего восхищения; внезапно ему показалось, что рядом с ним находится очень незаурядный человек, чуть ли не высшее существо. Вскинув голову, он улыбнулся, подумав о том, какие причудливые коленца выкидывает жизнь. Неделью назад он совершал деловую поездку в Нью-Йорк и считался самым преуспевающим из молодых юристов всего Голливуда. Жизнь его казалась совершенно безмятежной. Он был властелином всего мира, и перед ним лежала лишь одна дорога — вперед и вверх. А спустя всего семь дней, по непостижимому стечению обстоятельств, он оказался преступником, разыскиваемым за убийство итальянского полицейского, и сейчас, грязный, с залепленной засаленным пластырем головой и забинтованной рукой, стоит в пыльной вентиляционной шахте римского метро.

Все происходящее казалось кошмаром, недостойным даже того, чтобы в него поверить, но, увы, оставалось чистейшей правдой. И в самый разгар этого кошмара перед ним оказался глубоко обиженный жизнью человек, имеющий очень мало надежды, а может, и вовсе не имеющий ее — уродливый карлик, спасший от смерти и выходивший его, — вот сейчас он стоит перед ним на костылях на расстоянии в несколько дюймов, причудливо освещенный странным слабым светом, падающим сверху, и просит о помощи. Когда-нибудь потом, если вспомнишь...

Но своими простыми словами Геркулес оказал Гарри еще одну великую услугу, о которой тот поначалу и не догадывался. Он искренне верил, что любой человек обладает уникальным жизненным опытом и может использовать его для помощи тому, кто очень в этом нуждается. Просьба его была высказана открыто, безыскусно и явно без особой надежды на то, что когда-либо ее удастся выполнить.

— Я сделаю все, что будет в моих силах, — так же искренне ответил Гарри. — Обещаю.

*Кафетерий на Stazione Termini, главном железнодорожном вокзале Рима.**9 часов 30 минут*

Роскани увидел, как он мелькнул в проходе на перрон и снова растворился в толпе. О том, чтобы уйти одновременно с ним, не могло быть и речи. Следовало не спеша допить кофе и дать ему время покинуть вокзал, чтобы ни у кого не могло возникнуть и мысли о том, что они знакомы.

Окружающие должны были увидеть в Энрико Чирелли просто одного из множества пассажиров, желающих на бегу выпить кофе. Он взял чашку со стойки и подошел к столику, за которым уже сидел с чашкой кофе и утренней газетой Роскани. Они перекинулись не более чем двумя десятками слов, но Роскани смог узнать все, что ему требовалось.

Чирелли, электрик по профессии, уезжал по работе на север и приехал оттуда только вчера. Но Роскани терпеливо ждал его возвращения и не обманулся в своих ожиданиях. Чирелли, занимавший видное положение в Демократической партии левых сил — так десятка полтора лет назад стала именоваться Итальянская коммунистическая партия, — знал все, что происходило на левом крыле римской политической жизни не хуже, чем школьные дела своих детей. И он прямо сказал Роскани, что левые радикалы не имели никакого отношения ни к убийству кардинала Пармы, ни к взрыву ассизского автобуса, ни к убийству *ispettore capo* Джанни Пио. Правда, не исключено, что за последнее время образовалась какая-то группка, о которой он еще не знает. Но если и так, скоро он все выяснит.

— Grazie, — ответил Роскани, после чего Чирелли спокойно встал и ушел.

Партийному лидеру совершенно не требовалось какое-либо одобрение его поступков. Роскани воздаст за них позднее. Когда это воздаяние потребует.

Выждав некоторое время, Роскани тоже поднялся и вышел через другие двери. К этому времени видеозапись обращения Гарри Аддисона к брату крутилась по всем каналам итальянского телевидения. Портреты братьев Аддисонов видели не менее девяноста процентов итальянцев.

Роскани намеренно держался поодаль от *Questura* и софитов телехроники. Так было решено, когда он в три часа ночи позвонил Талье домой и сообщил, что итальянское телевидение добралось до видеозаписи, до фотографии отца Дэниела и до некоторых важных подробностей следствия, которое *Gruppo Cardinale* вела по этим делам. На это Талья приказал Роскани выяснить, кто допустил утечку информации. Если расследование увенчается успехом, то виновного будет ждать суровое наказание. И дело тут не в соблюдении итальянских законов, а в необходимости сохранить единство и работоспособность *Gruppo Cardinale*. Хотя оба отлично знали, что расследовать, в общем-то, нечего и наказывать никого не придется. Поскольку утечку с согласия начальника организовал сам Роскани.

А сейчас, проходя через здание вокзала, протискиваясь сквозь плотную массу хаотически перемещающихся представителей человечества, чтобы выйти на улицу, Роскани

видел великое множество одетых в форму полицейских, которые наблюдали за этой массой. Кроме того, он хорошо знал, что то же самое происходит и в других общественных местах — в аэропортах, на прочих железнодорожных и автовокзалах и в портах — от Рима до Сицилии и на север до границ с Францией, Швейцарией и Австрией. И еще он знал, что добропорядочные жители, взбудораженные средствами массовой информации, тоже будут в оба глаза высматривать братьев-преступников.

Когда же он толкнул стеклянную дверь, оказался на ярко освещенной солнцем улице и направился к своей машине, то понял, что и сам включился в колоссальную облаву, организованную Gruppo Cardinale. Он ощутил, что его глаза без осознанного приказа от мозга сощурились, поймал себя на том, что ощупывает взглядом лица встречающих. Это означало, что чувства и эмоции, которые он считал давно погребенными под спудом лет и профессионального опыта, все еще живы. Он явственно ощущал, как они продираются наружу, обдавая все его существо внутренним жаром.

Жив отец Дэниел или мертв — вопрос пока что спорный. Но Гарри Аддисон несомненно, где-то здесь. Его непременно узнают — не сейчас, так через день. Когда это случится, его возьмут под тщательное наблюдение, которое продлится ровно столько, сколько нужно. Людей, которые окажутся в зоне предстоящей операции, осторожно, без лишнего шума, эвакуируют. И после этого, в тот час и минуту, которую сочтут подходящей, вероятно, когда уже стемнеет, за преступником отправится один-единственный человек. Одетый в бронежилет, он будет вооружен не только пистолетом, но и воспоминаниями о погибшем товарище.

Этим человеком будет сам Роскани.

Гарри Аддисон вышел из метро на залитую ярким июльским солнцем улицу на станции Манцони. На нем была та одежда, которую принес Геркулес, и он очень надеялся, что похож на священника, попавшего в какую-то передрагу. Отросшая щетина на лице, большая наклейка из лейкопластыря на лбу возле левого виска, на левой руке повязка, стягивавшая вместе большой, указательный и средний пальцы.

И сразу же ему пришлось вернуться к суровой реальности, поскольку на улице ему тотчас бросилась в глаза собственная фотография, напечатанная рядом с фотографией Дэнни на первых полосах газет «Мессаджеро» и «Република», украшавших витрину газетного киоска рядом с метро. Гарри повернулся и направился в другую сторону.

Прежде всего ему необходимо было умыться, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания. Впереди он заметил перекресток и маленькое кафе на углу. Туда он и зашел, рассчитывая, что найдет там туалет, где можно будет вымыть лицо и руки и хотя бы смочить и пригладить волосы, чтобы не иметь совсем уж неприличный вид.

В кафе оказалось с десятков посетителей; ни один из них даже головы не повернул, когда он вошел. Единственный бармен возился с кофеваркой, повернувшись спиной к залу. Гарри прошел мимо, надеясь, что туалет, если он вообще имеется в этой забегаловке, будет в глубине помещения. Так и оказалось, но в кабинке кто-то уже находился, и нужно было подождать. Отойдя на несколько шагов, Гарри прислонился к стене около окна, напряженно размышляя, что же делать дальше. И, стоя там, он заметил двух священников, которые проходили мимо по тротуару. Один с непокрытой головой, а на другом был черный берет, игриво сдвинутый вперед и набекрень, как у парижских художников из фильмов про двадцатые годы. Возможно, это был такой стиль, возможно, нет, но если один священник может так одеваться, то почему же нельзя другому?

Дверь уборной резко распахнулась, и оттуда вышел мужчина. Он взглянул на Гарри, словно вспоминая, где мог его видеть, но тут же шагнул вперед и направился в зал.

— Buon giorno, padre, ^[24] — сказал он, проходя мимо.

— Buon giorno, — ответил Гарри ему в спину и, стараясь не спешить, вошел в туалет и закрыл за собой дверь. Старательно задвинув хлипкую щеколду, он повернулся к зеркалу.

Собственный вид поразил его до глубины души. Мертвенно-бледное, изможденное лицо с отросшей куда больше, чем он мог ожидать, щетиной. Лос-Анджелес он покидал, будучи в наилучшей форме. Крепкий мужик весом в сто девяносто фунтов при росте в шесть футов два дюйма. За прошедшее время он, похоже, изрядно похудел. Трудно сказать насколько, но в черном одеянии священника он выглядел худощавым. Потеря веса и отросшая щетина здорово изменили его внешность.

Вымыв лицо и руки самым тщательным образом (насколько позволяла повязка и наклеенный на лоб пластырь), он намочил волосы и пальцами зачесал их назад. В это время в дверь, находившуюся у него за спиной, постучали, ручка задержалась.

— Momento, — инстинктивно произнес он, лишь потом задумавшись, то ли слово употребил.

В дверь опять нетерпеливо постучали, и дверная ручка задержалась совсем уже отчаянным образом. Гарри отодвинул защелку и открыл дверь. На него гневно уставилась до глубины души возмущенная женщина, на которую его католическое одеяние не произвело ровным счетом никакого впечатления. Похоже, ей было совсем уже невмоготу. Вежливо наклонив голову, Гарри протиснулся мимо нее, пересек кафе и вышел на улицу.

Только что два человека посмотрели ему прямо в лицо, и ни один ничего не сказал. И все же он побывал в общественном заведении. Там его видели и рано или поздно — через несколько часов, а может, и через несколько минут — кто-нибудь возьмет газету и узнает его. А узнав, позвонит в полицию. Так что нужно как можно скорее убраться отсюда.

Роскани бежал рысцой вдоль рельсов. Скала и Кастеллетти следовали за ним. Горели лампы дежурного освещения. Повсюду торчали полицейские в бронежилетах поверх формы и с автоматами. Тут же были и начальники метрополитена, и машинист поезда, который чуть не сшиб беглеца.

— Их было двое. Этот самый американец и еще маленький человечек на костылях. Может быть, лилипут.

Роскани позвонили, когда он отъезжал от железнодорожного вокзала и направлялся в Questura. К тому времени с момента, когда в метро видели людей, прошел почти час. «Впустую потерянное время!» — сокрушался машинист. Испугавшись, что задавил человека, он остановил поезд, вернулся назад, но ничего и никого там не нашел. Потом он доложил о случившемся диспетчеру и выкинул было событие из головы. Только потом, отправившись на перерыв, он увидел фотографию Гарри в «Мессаджеро» и понял, что, пожалуй, именно на этого человека едва не наехал в туннеле.

— Вы уверены, что это был он? — допрашивал машиниста Роскани.

— Я видел его лишь секунду-другую — в свете прожекторов. Но... да, я почти уверен. И еще, у него на голове была повязка или что-то в этом роде.

— И куда они могли пойти? — Роскани обернулся к одному из представителей руководства метрополитена, высокому усачу.

— Куда угодно. На этом участке множество старых туннелей, которые по тем или иным причинам больше не используются.

Роскани задумался. Пассажиров со станций по обеим сторонам перекрытого туннеля под пристальным надзором многочисленных отрядов полицейских выводили и рассаживали по специально выделенным автобусам. Но это была лишь полумера, и довольно скоро следовало ожидать, что метро начнет задыхаться от создавшейся пробки.

— У вас есть схемы туннелей?

— Да.

— Добудьте их. — Роскани повернулся к Скале. — Отправляйся в гостиницу, где останавливался мистер Аддисон. Найди что-нибудь такое, что он недавно носил, только нестираное. И принеси сюда. Давай поживее.

Скала вопросительно взглянул на него.

— Ты хочешь пустить собаку?

— Да.

* * *

Гарри быстро шел по тротуару. Было жарко, он уже начал потеть. Отойдя подальше от кафе, он понял, что это не решит проблемы. Его лицо смотрело с обложек газет в каждом киоске, мимо которого он проходил. Это было не просто страшно, но противоестественно и дико, как будто его вдруг перенесло на другую планету, где все до одного с любопытством разглядывали чужака. Внезапно он резко остановился: его, как удар грома, поразил звук собственного голоса. Он проходил мимо магазина электроники и видеоборудования. В

витрине было установлено множество телевизоров. От огромных до крохотных.

И на каждом из них показывали его самого, он сидел на стуле, в черных очках, в спортивной куртке, той самой, которую бросил в подземелье, когда расстался с Геркулесом. А голос раздавался из динамика, установленного над входной дверью в магазин.

«Дэнни, умоляю тебя, перестань прятаться... Сдайся... Им все известно...
Прошу тебя, ради меня... Сдайся... Прошу тебя... Умоляю...»

В следующую секунду на экранах возникла телестудия. Мужчина-диктор, сидевший за столом, говорил по-итальянски. Гарри услышал свое имя, имя Дэнни. Затем пошла видеозапись убийства кардинала-викария Рима. Множество полицейских, кареты «скорой помощи», мельком появился Фарел, затем камера проводила удалявшийся от места трагедии «мерседес» Папы Римского.

Лишь в этот момент Гарри осознал, что стоит среди множества людей, которые так же, как и он, смотрят то же самое телеизображение. Повернувшись, он пошел прочь. Он был совершенно ошарашен. Каким образом могли сделать эту запись? И тут его осенило: ему же на голову надели небольшие наушники, из которых звучал какой-то голос. И из памяти понемногу выплыло, как он повторял то, что говорил этот голос, как до него дошло, что здесь что-то не так и он попытался возразить. Но тут же на него обрушился страшный удар, и больше он ничего не помнил. Только теперь он понял, что же тогда произошло. Его пытали, чтобы он сказал, где прячется Дэнни, а когда убедились, что он и на самом деле этого не знает, заставили произнести эти самые слова, а потом вытащили, чтобы убить.

Сойдя с тротуара, он пропустил ближайший автомобиль и перешел через улицу. Мало того что его фотографии напечатали в газетах, так теперь его еще и показывают по телевизору на всю страну. А может быть, и на весь мир. Слава богу, на нем, когда его снимали, были черные очки. Они помогут ему маскироваться. Ну хоть немного.

Прямо перед ним оказалась древняя стена с арочным порталом. И Гарри вспомнил, что очень похожую стену он видел, когда ехал на ватиканской машине с водителем на встречу с главным полицейским Ватикана. И еще подумал, что если стена та самая, то он находится где-то совсем рядом с Ватиканом. Он совсем не знал Рима; попросту выбрался из метро на первой попавшейся станции и пошел пешком наугад. Ничего хорошего он от этого не ждал, тем более что когда-то слышал, будто заблудившийся человек начинает кружить по одним и тем же местам.

Неожиданно для самого себя он вошел в густую тень под аркой. Хоть ненадолго отдохнуть от ослепительного солнца и изнуряющей июльской жары. Постояв несколько секунд, он перешел на другую сторону улицы и вновь оказался на солнце. И, вторично за несколько последних минут, застыл, оторопев.

В какой-нибудь половине квартала от него стояло несколько полицейских машин. Конные полицейские образовали барьер и отесняли толпу. Чуть поодаль виднелось несколько машин «скорой помощи» и автомобили с эмблемами разных СМИ, в том числе пара больших грузовиков с оборудованием.

В этот момент толпа устремилась мимо него к месту происшествия, а он отступил назад. Нужно было понять, где он находится. Но он не мог этого сделать. Он находился возле маленькой площади, куда выходило четыре улицы. Виа ла Специя. Виа Саннио. Виа Манья-Греция. И виа Аппиа-Нуова, на которой он и стоял.

— Святой отец, что случилось? — Говорил кто-то молодой, по-английски, с ярко выраженным нью-йоркским акцентом.

Гарри обернулся. Рядом с ним стоял совсем юный парень, почти подросток в футболке с надписью «Смерти конец» на фоне портрета Джерри Гарсиа. Рядом с ним стояла столь же юная круглолицая подружка. Оба смотрели не столько на него, сколько на происходящую в отдалении суматоху.

— Я не знаю. Извините, — коротко ответил Гарри и, повернувшись, пошел дальше. На самом деле он очень даже хорошо знал, что там происходило. Полицейские искали его.

Ощущая, как в груди гулко бьется сердце, он прибавил шагу, чтобы не слишком выделяться среди прохожих, большинство из которых обгоняли его. Слева от себя, на другой стороне улицы, он увидел просторный зеленый газон, а за ним большую и, по-видимому, очень древнюю церковь.

Он быстро перешел через улицу и направился по площади к храму. В это время мимо, воя сиренами, почти вплотную одна к другой промчались две полицейские машины. Гарри шел не останавливаясь, не оглядываясь.

Перед ним возвышалась церковь. Огромная, древняя, зовущая к себе. Убежище от творившегося за его спиной хаоса. На ступеньках толпился народ, судя по всему туристы. Кое-кто оборачивался туда, откуда шел Гарри, пытаясь рассмотреть, что же происходит вдали. А кое-кто разглядывал церковь. Так ведь это большой город, чего же еще ожидать. Люди повсюду. Нужно попытаться, вдруг удастся смешаться с толпой и выиграть время, еще немного остаться неузнанным.

Он пересек вымощенную брусчаткой дорожку, поднялся по ступенькам и присоединился к толпе. Вряд ли кто-то обратил внимание еще на одного человека, который протиснулся между туристами, чтобы войти в высокие бронзовые двери.

Ему показалось, что внутри очень тихо, несмотря на жужжание множества голосов. Возле двери Гарри остановился, как и все остальные: священник-экскурсант, восхищенный открывшимся зрелищем. Лежащий прямо перед ним центральный неф имел в ширину добрых пятьдесят футов, а в длину — в пять, а то и в шесть раз больше. Покрытый позолоченной лепниной потолок вздымался на девяносто, если не больше, футов от украшенного сложным мозаичным узором каменного пола. Сквозь прорезанные под самым потолком окна вливался и падал вниз почти материальными столбами солнечный свет. Вдоль расписанных фресками стен располагались двенадцать огромных фигур, изображавших апостолов; их окружали другие статуи, тоже чрезвычайно искусной работы. Убежище, избранное Гарри, было, похоже, не просто церковью, а большим собором.

Слева от него двигалась вдоль стены группа туристов из Австралии, направлявшаяся к громадному алтарю в дальнем конце собора. Гарри поспешно пристроился к ним и шел так же неторопливо, как и они, рассматривая действительно замечательные произведения искусства. За все это время он заметил лишь одного человека, который разглядывал его, да и то это оказалась пожилая женщина, смотревшая не на самого Гарри, а на наклеенную на лбу пластырь у него на лбу.

Пока все шло нормально. Перепуганный, растерянный, измученный, Гарри отдался на волю движения толпы; он ощущал исходящую от стен эманацию многих столетий и думал о том, кто и когда мог проходить здесь по тому пути, каким двигался сегодня он, и при каких обстоятельствах.

Заставив себя вернуться мыслями к действительности, он заметил, что группа

остановилась подле алтаря и некоторые из австралийцев опустили на колени на стоявшие перед ними скамеечки и, перекрестившись, склонили головы в молитве.

Гарри последовал их примеру. И сразу же его охватили эмоции. К глазам подступили слезы, и ему пришлось напрячь всю свою волю, чтобы сдержать рыдания. Никогда в жизни он не испытывал такого страха и такого чувства одиночества, как сейчас. Он не имел никакого представления о том, куда можно пойти и что делать в следующую минуту. Внезапно ему чертовски захотелось вернуться к Геркулесу и остаться с ним.

Все еще стоя на коленях, Гарри повернул голову и бросил взгляд через плечо. Австралийская группа уже двинулась дальше, а на ее место подходили другие туристы. А с ними шли двое охранников в форме швейцарской гвардии и внимательно рассматривали посетителей. И держались они так, чтобы их присутствие было всем заметно. На них были белые рубахи с эполетами и темные брюки. Гарри не мог точно сказать издали, но ему показалось, что на поясе у каждого висел чехол с рацией.

Гарри вновь повернулся к алтарю. Стой, где стоишь, приказал он себе. Если не суетиться и не делать резких движений, они не подойдут.

Пользуйся моментом, раз уж он выдался. Подумай. Куда идти, что делать.

Думай.

Наклоняя головы к земле, собаки натягивали поводки и тащили за собой вожатых, а с ними Роскани, Скалу и Кастеллетти через лабиринт грязных, почти не освещенных туннелей и в конце концов остановились у основания вентиляционного колодца станции Манцони.

Кастеллетти, самый низкорослый из троих детективов, скинул куртку и полез в шахту. Добравшись до дальнего конца, он обнаружил, что крышка не заперта, приподнял ее, высунул голову и окинул взглядом галерею, которая вела к выходу со станции.

— Он вышел отсюда. — Голос Кастеллетти, который спускался вниз, упираясь спиной в одну стенку, а руками и коленями в другую, гулким эхом разнесся по шахте и примыкавшим к ней ходам.

— А войти здесь он мог? — прокричал Роскани.

— Нет, без лестницы — никак.

Роскани взглянул на ближайшего к нему кинолога.

— Давай-ка посмотрим, откуда он вошел.

Через десять минут они вновь оказались в главном туннеле и прошли тем путем, каким шел Гарри, выбравшись из жилища Геркулеса. Собаки уверенно вели по следу, руководствуясь запахом свитера, доставленного из номера Гарри в отеле «Хасслер».

— Он в Риме всего четыре дня. Так откуда же, черт бы его побрал, он мог узнать об этих местах?

Голос Скалы разлетелся по туннелю, фонарь в руке детектива освещал путь сразу за кинологами, тогда как те направляли лучи фонарей перед своими собаками.

Внезапно передний пес остановился, поднял голову кверху и чихнул. Остальные тоже замерли на бегу. Роскани поспешно прорысил вперед.

— Что случилось?

— Они потеряли след.

— С чего это? Шли-шли нормально, и на тебе! Мы посреди туннеля. Каким образом?..

Кинолог обошел свою собаку и сам втянул воздух ноздрями.

— Ну и что? — Роскани остановился рядом с ним.

— Принюхайтесь.

Роскани вдохнул через нос. Потом еще раз.

— Чай. Черный чай.

Сделав еще один шаг вперед, он осветил фонарем пол туннеля. Так и есть — пол был засыпан на протяжении пятидесяти, а то и шестидесяти футов. Листья чая. Сотни, тысячи. И разбросаны здесь, несомненно, с одной-единственной целью — сбить собак со следа.

Роскани подобрал с пола несколько листочков и поднес к носу. Понюхал и с отвращением бросил на пол.

— Цыгане.

Марчиано терпеливо слушал Жана Трембле, кардинала из Монреаля, нудно читавшего вслух из досье, которое лежало на столе перед ним:

— Энергетика, черная металлургия, морской транспорт, проектирование и строительство, энергетика, оборудование для земляных работ, проектирование и строительство шахт, оборудование для машиностроения, наземные перевозки, краны большой грузоподъемности, экскаваторы... — Трембле неторопливо перелистывал страницы досье, пропуская названия корпораций и зачитывая вместо этого отрасли, в которых они работали: — Тяжелое машиностроение, строительство, строительство, строительство... — В конце концов он захлопнул книгу и поднял взгляд: — Что, Святой престол теперь переключился на строительный бизнес?

— В некотором роде. — Марчиано постарался ответить кардиналу Трембле как можно тверже, преодолевая мешавшую говорить сухость во рту и стараясь не слышать отзвук собственного голоса, неприятно отдававшийся в голове. Он отлично понимал, что стоит показать свою слабость, и он проиграет. А это будет означать верную смерть отца Дэниела.

Кардинал Мазетти из Италии, кардинал Росалес из Аргентины, кардинал Бут из Австралии сидели словно члены верховного суда, в одинаковых позах, сложив руки на досье, которые они закрыли почти одновременно, и смотрели через стол на Марчиано.

Мазетти:

— Зачем понадобилось отказаться от сбалансированного пакета и перейти к этому?

Бут:

— Портфель получился чрезмерно утяжеленным и несуразным. Любой мировой спад оставит нас и все эти компании в самом буквальном смысле на бобах. Заводы встанут, экскаваторы и краны застынут, как абстрактные скульптуры, годные лишь на то, чтобы любоваться ими и думать о выкинутых на ветер деньгах.

Марчиано:

— Вы правы.

Кардинал Росалес усмехнулся, облокотился на стол, оперся подбородком на ладонь.

— Нельзя не задуматься о том, насколько экономические вопросы у нас определяются политикой.

Марчиано взял со стола стакан с водой, неторопливо отхлебнул и поставил на место.

— Вы правы, — повторил он.

— И указующим перстом Палестрины, — добавил Росалес.

Марчиано:

— Его святейшество верит, что церковь усилит поддержку наименее преуспевающих стран как в духовном, так и в практическом отношении. Поможет им занять подобающее место в развивающемся мировом рынке.

Росалес:

— Его святейшество или Палестрина?

Марчиано:

— Они оба.

Трембле:

— Получается, что мы подталкиваем мировых лидеров на оказание помощи развивающимся странам, чтобы те смогли достойно войти в двадцать первый век, а сами получаем от этого прибыль?

Марчиано:

— Ваше преосвященство, на это можно посмотреть и с другой стороны: мы действуем согласно собственным убеждениям и попутно помогаем обогащаться другим.

Заседание получилось долгим. Уже мало оставалось до пресловутой половины второго, когда следовало сделать перерыв. А Марчиано совершенно не хотелось докладывать Палестрине, что решение еще не принято. Больше того, он совершенно точно знал, что, если позволит им уйти, не приняв положительного решения, они за едой будут обсуждать то, о чем шел разговор. И чем дальше, тем меньше им будет нравиться предложенный план. Возможно, из-за неизбежного, пусть даже и не слишком четкого ощущения того, что в нем не все концы сходятся с концами, а возможно, они даже поймут, что в плане, который их призывают поддержать, истинные цели не совпадают с объявленными.

Палестрина намеренно устранился от обсуждения, он не желал, чтобы его имя напрямую связывали с новым инвестиционным планом. Но, несмотря на всю ненависть, которую испытывал к нему Марчиано, нельзя было не признавать, что он пользовался чрезвычайно сильным влиянием в церковных кругах, его уважали, а многие не на шутку боялись.

Опершись обеими руками о стол, Марчиано поднялся.

— Пора сделать перерыв. Хочу сообщить вам, что во время перерыва я встречу с кардиналом Палестриной. Он будет спрашивать меня о том, каким было ваше отношение к тем вопросам, которые мы обсуждали сегодня утром. Мне хотелось бы сообщить ему, что ваша реакция была в целом позитивной. Что вы согласились с нашими предложениями и что они, естественно с учетом частных замечаний, получат к концу дня ваше принципиальное одобрение.

Кардиналы некоторое время молча смотрели на него. Все присутствующие отлично понимали, что Марчиано сделал запрещенный ход, заставший его оппонентов врасплох. Все равно как если бы он напрямик сказал им: «Дайте мне то, что я прошу, а не то вам самим придется иметь дело с Палестриной».

— Так как же...

Кардинал Бут сложил руки, словно собирался обратиться к Богу, и опустил глаза.

— Да, — выдавил он, глядя в стол.

Кардинал Трембле:

— Да.

Кардинал Мазетти:

— Да.

Росалес некоторое время молчал. Но в конце концов и он поднял голову и взглянул Марчиано в лицо.

— Да, — резко бросил он и, поднявшись, вышел из комнаты. Даже походка выдавала владевший им гнев.

Марчиано обвел взглядом оставшихся и кивнул.

— Благодарю вас, — сказал он. — Благодарю.

Сидя в своем кабинетике в римском бюро Всемирной сети новостей, Адрианна Холл уже, наверное, в десятый раз просматривала видеозапись обращения Гарри Аддисона к брату и пыталась найти в происходящем хоть какой-то смысл.

С этим человеком она провела не более трех часов — три замечательных, исполненных страсти и удовольствия часа, — но при ее знании мужчин этого непродолжительного времени с лихвой хватило, чтобы с уверенностью сказать, что Гарри Аддисон (если, конечно, она еще не выжила из ума) попросту не мог убить полицейского. Не тот он человек. Однако полиция не сомневалась, что это сделал именно он, и в доказательство приводила отпечатки пальцев на орудии убийства. Также было известно, что из машины Пио исчез пистолет «Ллама» испанского производства, найденный рядом с местом взрыва ассизского автобуса, и полицейские были уверены, что Гарри прихватил его с собой, когда скрылся после убийства инспектора.

Она резко хлопнула обеими ладонями по крышке стола и откинулась в кресле. Она попросту не знала, что и думать. Тут зазвонил ее телефон, и она, выждав пару секунд, подняла трубку.

— Мистер Васко, — сообщила секретарша.

Это был уже третий звонок от него за последние два часа. Свой номер он не стал оставлять: сказал, что куда-то едет и потому перезвонит сам. И вот он перезвонил.

Элмер Васко был в прошлом известным хоккеистом-профессионалом, играл вместе с ее отцом в «Чикаго блэкхоукс», а позднее помогал ему тренировать швейцарскую команду. В доброе старое время он был известен болельщикам и хоккеистам под прозвищем Лось. Теперь он превратился в добродушного гиганта, а с Адрианной у него сложились отношения племянницы и дядюшки, живущих далеко друг от дружки и видящихся раз в несколько лет. И сейчас его угораздило прикатить в Рим и позвонить ей в самое неподходящее время, когда все вокруг пылало и взрывалось и у журналистов попросту не было свободного времени.

Адрианна лишь сегодня ранним утром вернулась из Хорватии — как только поднялся шум вокруг истории с Гарри Аддисоном, она решила, что ей лучше быть в Риме. Отправившись из аэропорта напрямик в Questura, она застала финальную часть импровизированной пресс-конференции Марчелло Тальи. По завершении она безуспешно попыталась перехватить Роскани, затем отправилась на его поиски — тоже неудачно.

Она вернулась домой и едва успела наскоро вымыться и переодеться, как по телевизору передали о случае в метро. Она помчалась туда с мокрыми волосами, уместившись на мотороллере за спиной своего оператора. Но прессу — и газетчиков, и телевидение — остановили возле входа в метро и не только не пустили в туннели, но и вообще не дали подойти к руководителям операции. Прождав час у дверей, она вернулась в свой кабинет и принялась составлять репортаж. Тогда-то она и увидела впервые видеозапись Гарри Аддисона. После этого она ненадолго покидала бюро, а как раз в это время ей принялся названивать Элмер Васко. И вот он позвонил снова. Ничего не поделаешь, пришлось ответить.

— Элмер? Мистер Васко? Как дела? — Она пыталась говорить так, чтобы он подумал, будто она рада его звонку, хотя на самом деле это было не так. — Мистер Васко?..

В трубке было тихо, и Адрианна совсем уже было собралась ее повесить, как голос все же раздался.

— Мне необходима твоя помощь...

— О господи!..

У Адрианны перехватило дыхание. Это был Гарри Аддисон собственной персоной.

* * *

Гарри стоял в телефонной будке возле маленького кафе на пьядца делла Ротонда, напротив древнего круглого здания, именованного, согласно табличке, Пантеоном. К этому времени он успел обзавестись головным убором, черным беретом, который без всяких ухищрений смог купить в магазинчике на углу, торговавшем шляпами, шляпками и кепками всех сортов, и сразу же нахлобучил, чтобы скрыть пластырь, наклеенный на лоб. Забинтованную руку он держал в кармане.

— Где ты? — Удивленный голос, вне всякого сомнения, принадлежал Адрианне.

— Я...

Он понятия не имел, вернулась или не вернулась она из Хорватии, но надеялся, что вернулась. Он позвонил ей, поскольку по зрелом размышлении понял, что ему просто некому больше звонить. Лишь ей одной из всех осведомленных в происходящем людей он осмелился довериться. Но теперь, когда Гарри услышал ее голос в телефонной трубке, он вдруг задумался: а может ли он доверять кому-либо вообще? Судя по ее осведомленности в делах, о которых простые смертные узнавали только из СМИ, у нее были знакомства в полиции; что, если она, согласившись встретиться с ним где-нибудь в городе, приведет с собой полицейских?

— Гарри, где ты находишься? — вновь послышался в трубке ее голос. Теперь он звучал настойчиво.

И снова он заколебался. Неуверенность мучила его. А тупая боль в затылке напомнила, что он чувствует себя далеко не так хорошо, как хотелось бы.

— Я не смогу ничем тебе помочь, если ты не скажешь.

Мимо прошли несколько школьниц, громко разговаривавших между собой, то и дело прыскавая от смеха. Гарри невольно оглянулся на них и увидел, что по площади, направляясь в его сторону, едут двое конных карабинеров. Они двигались медленно, судя по всему, это был просто патрульный объезд. Но ведь все полицейские в этой стране искали именно его, и он должен был соблюдать все возможные предосторожности, чтобы избегать встреч с ними. В нынешней ситуации ему просто следовало находиться на своем месте, пока они не проедут мимо. Переступив с ноги на ногу, он отвернулся от них и произнес в трубку:

— Я не убивал Пио.

— Скажи мне, где ты находишься.

— Я ужасно боюсь, что итальянские полицейские убьют меня.

— Гарри. Где? Ты? Находишься?

Молчание.

— Гарри, это ведь ты позвонил мне. Я думаю, потому, что ты мне доверяешь. Ты не

знаешь Рима, ты не знаешь Италии, и если я предложу тебе встретиться со мной где-нибудь, тебе придется спрашивать у людей и ты можешь влипнуть в неприятности. Если я буду знать, где ты находишься, то смогу сама прийти к тебе. Согласен?

Тем временем карабинеры подъехали ближе. Оба совсем молодые. На крупных белых лошадях. Оба при пистолетах. И они не были обычным патрулем — они внимательно оглядывали прохожих.

— Ко мне приближаются конные полицейские.

— Гарри, ради Христа, скажи, где ты.

— Я... я не...

Вновь повернувшись, стараясь не смотреть на полицейских, он лихорадочно искал глазами табличку с названием улицы, или номер дома, или название кафе — что угодно, что дало бы ему представление о том, где он находится. И наконец-то увидел. Табличка на доме футов в двадцати от него.

— Какая-то ротонда.

— Пьяцца делла Ротонда. Возле Пантеона?

— Наверное.

— Большое круглое здание с колоннами.

— Да.

Карабинеры были уже совсем рядом, их лошади лениво переступали по мостовой, взгляды полицейских прощупывали толпу на площади, людей, сидевших за столиками кафе на тротуарах. Вдруг один из полицейских слегка потянул за повод, и оба остановились в нескольких футах от телефонной будки.

— Проклятье! — чуть слышно выдохнул Гарри.

— Что случилось?

— Они стоят рядом со мной. Я могу дотянуться до лошади.

— Гарри, они смотрят на тебя?

— Нет.

— Не обращай на них внимания. Через минуту они поедут дальше. Когда они отъедут, перейди через площадь к скверу справа от Пантеона. По любой боковой улице пройди два квартала до пьяцца Навона. Около фонтана посреди площади есть скамейки. На площади будет полно народу. Сядь на любую скамейку, и я тебя там найду.

— Когда?

— Через двадцать минут.

Гарри взглянул на часы.

16.32

— Гарри!

— Что?

— Верь мне.

Адрианна положила трубку. Гарри продолжал стоять в будке, держа телефонную трубку в руке. Полицейские оставались на том же месте. Если он повесит трубку и они это увидят, ему останется лишь уйти. Если он не повесит трубку, то на телефонной станции с минуты на минуту заметят неполадку и доложат куда следует. И кто-нибудь, учитывая всеобщую тревогу, возможно и полицейский, придет посмотреть, в чем дело. Он снова оглянулся. И душа у него ушла в пятки.

К первым двум карабинерам подъехали еще двое, и они все стояли, о чем-то

переговариваясь между собой. Четверо полицейских. В паре футов от него. Гарри медленно повесил трубку на рычаг. Остаться в будке он мог лишь в том случае, если наберет еще какой-то номер, а звонить ему было некому. Нужно было что-то сделать, прежде чем один из этой четверки обратит внимание на празднично стоящего в телефонной будке человека. И он сделал. Просто вышел из будки и прошагал мимо всадников, направляясь к Пантеону.

Один из карабинеров взглянул на Гарри, даже присмотрелся, но как раз в это мгновение его лошадь дернула головой, и ему пришлось натянуть поводья. Когда же он вновь поднял голову, Гарри уже влился в кишевшую на площади толпу.

Роскани, читавший срочно переведенное на итальянский язык сообщение, пересланное по факсу из офиса Тальи, рассеянно смял окуроч в стоявшей перед ним пепельнице. Это была информация от специального агента Дэвида Харриса из лос-анджелесского управления ФБР о том, что Байрон Уиллис, старший партнер юридической фирмы из Беверли-Хиллз, в которой работал Гарри Аддисон, был минувшей ночью найден застреленным возле собственного дома. Убийца или убийцы неизвестны. Мотивом, вероятно, послужило ограбление. Исчез бумажник, обручальное кольцо и часы «роллекс». Дело расследует полиция Лос-Анджелеса. Вскрытие еще не произведено. Обо всех новых данных будут немедленно сообщать.

Роскани потер ладонью глаза. Что же это за чертовщина! При столь ограниченной информации, какой он располагал, ему оставалось лишь признать новое убийство случайным совпадением. Но согласиться с этим он не мог. Слишком уж тесно оно смыкалось с тем, что происходило здесь. И все же что могло послужить мотивом убийства партнера Гарри Аддисона? Что-то такое, что он знал о Гарри? Или об отце Дэниеле?

Роскани напечатал ответ на своем компьютере и переслал по сети секретарю, чтобы его записку перевели на английский и отправили Харрису из лос-анджелесского ФБР. В письме он благодарил ФБР за сотрудничество и просил сообщать лично ему всю новую информацию, которая будет появляться в этом деле. Еще он просил — хотя ФБР, несомненно, уже занималось этим — выявить всех близких знакомых и деловых партнеров Гарри Аддисона и выяснить, не связывает ли их какая-то общая нить, не знает ли кто-то из них, а то и многие чего-нибудь полезного. И еще чтобы им рекомендовали обратить внимание на свою личную безопасность.

Едва он успел закончить с этим делом, как телефон зазвонил. Говорила Валентина Гори, логопед и чтец по губам, которую он привлек к расшифровке видеозаписи Гарри Аддисона. Да, она несколько раз посмотрела запись. Не найдется ли у него времени заглянуть к ней?

Роскани вошел, взял Валентину за руку и поцеловал в щеку. На большом экране неподвижно застыло лицо Гарри. Валентине Гори было пятьдесят два года, она недавно стала бабушкой, но все еще оставалась рыжей и весьма привлекательной. Диплом логопеда она получила в университете бельгийского города Лувена, в семидесятых годах обучалась мимическому искусству во французском театре, после чего дублировала актрис в иностранных кинофильмах и от случая к случаю консультировала в вопросах, связанных с речью и ее особенностями, карабинеров и итальянскую полицию. Она выросла в том же районе, что и Роскани, и отлично знала всех его родных. Более того, именно она лишила его невинности, когда ей было двадцать два года, а ему пятнадцать — лишь для того, чтобы показать, что он не настолько хорошо умеет владеть собой, как пытается показать. Их дружба успешно пережила все прошедшие годы. Она была единственным на свете человеком, не считая жены Роскани, кто мог с пониманием посмотреть ему в глаза и заставить его посмеяться над собой.

— Я думаю, ты прав. Такое впечатление, что он действительно собирался или пытался что-то сказать как раз перед тем, как съемка закончилась. Но я не уверена — он так и сидел, немного наклонившись вперед.

Направив пульт дистанционного управления на видеомэгаффон, Валентина нажала на кнопку «Пуск/Стоп». Пленка на пониженной скорости поползла вперед, рот Гарри начал медленно открываться, и Роскани услышал вместо его голоса басовитый рокот. Демонстрация началась с завершающей части записи. Вот Гарри договорил, похоже, слегка расслабился, а затем сделал неожиданное и довольно резкое движение головой вперед и приоткрыл рот. На этом-то месте запись и заканчивалась.

— Мне кажется, что это похоже на «и».

Из динамиков донеслось медленное шипение; так мог бы выдыхать пьяный великан.

— Пусть «и». Ну и что? — спросил Роскани, уставившись на экран, где опять замерло изображение Гарри.

— Я не уверена, возможно, он просто устал говорить и решил перевести дух.

— Нет, он совершенно определенно пытался что-то сказать. Давай с начала, — потребовал Роскани, и Валентина запустила запись.

Неподвижное изображение. Медленное движение. Половинная скорость. Нормальная скорость. Каждый раз Гарри совершал одно и то же движение, затем слышалось шипение, и изображение со звуком исчезали.

Роскани посмотрел на приятельницу.

— Ну и что еще? Ты просмотрела множество фильмов; сколько тысяч? Не может быть, чтобы у тебя не возникало мыслей насчет того, что ты здесь видишь.

Валентина улыбнулась.

— Отелло, у меня тысячи мыслей. Сотня вариантов. Но я могу исходить лишь из того, что вижу. И слышу. А здесь я вижу лишь донельзя усталого мужчину с шишкой на голове, который делает то, что от него требуют, и больше всего на свете хочет отдохнуть. Может быть, и спать.

Роскани резко вскинул голову и в упор взглянул на нее.

— То есть как: ему приказали говорить?

— Возможно, не знаю. Это просто ощущение. — Валентина весело подмигнула ему. — Всем нам порой приходится делать то, что от нас требуют, даже если душа к этому вовсе не лежит.

— Валентина, мы же говорим не о сексе, — укоризненно произнес Роскани.

— Конечно. — Впрочем, она отлично понимала, что сейчас неподходящее время для развлечений, и поэтому не стала расширять пробоину в самообладании Роскани. — Отелло, я не психолог, а всего лишь старая тетка, кое-что повидавшая на своем веку. Я смотрю на экран и вижу измученного мужчину, который говорит вроде бы от себя, хотя по тому, как он это говорит, больше похоже, будто он делает что-то такое, что, по его мнению, хочется кому-то другому. Ну, как ребенок, который через «не хочу» убирает тарелки со стола, чтобы можно было пойти гулять.

— Ты думаешь, что его заставили сняться с этими словами против воли?

— Отелло, не заставляй меня строить предположения на пустом месте. Слишком уж все это сложно. — Валентина улыбнулась и накрыла его руку своей ладонью. — К тому же это вовсе не моя работа, а твоя.

Гарри увидел ее издали. Он смотрел на нее, пока она, в светло-голубой юбке и белой блузке, с собранными в пучок волосами, в темных очках, неспешной походкой пересекала площадь Навона, направляясь к фонтану и потягивая на ходу какой-то напиток из пластикового стакана с эмблемой «кока-колы». Ее можно было принять за секретаршу, вышедшую прогуляться в обеденный перерыв, или за женщину, как раз в этот момент решающую, стоит ли идти на назначенное свидание с любовником, но никак не за журналистку, направляющуюся на встречу с преступником, за которым охотится вся Италия. Если она и привела с собой полицейских, то их видно не было.

Вот она обогнула фонтан, почти не глядя по сторонам. Потом взглянула на часы и присела на каменную скамью шагах в двадцати от художника, писавшего акварелью вид площади. Гарри выжидал, все еще не осмеливаясь выдать свое присутствие. В конце концов он все же поднялся, бросив небрежный взгляд на художника. Описав широкую дугу, он подошел к Адрианне сзади и, будто случайно, опустился на ту же скамейку, на которой сидела и она, только лицом в другую сторону и на расстоянии в несколько футов. К его изумлению, Адрианна лишь мельком глянула в его сторону и вновь принялась разглядывать площадь. Или она решила проявить максимум осторожности, или его одеяние и щетина служили даже лучшей маскировкой, чем он думал. Несмотря на весь ужас положения, в котором он находился, мысль о том, что Адрианна может не узнать его, развеселила Гарри. Он слегка наклонился в сторону соседки.

— Не захочет ли дама соблазнить священника?

Она удивленно вскинула голову, и в первую секунду Гарри показалось, что она сейчас закатит ему оплеуху. Но она лишь взглянула ему в лицо и ответила не слишком громко, но вполне отчетливо:

— Если священник хочет говорить даме гадости, ему будет разумнее выбрать для этого такое место, где его не будут видеть и слышать посторонние.

* * *

На засаленной бирке он прочитал надпись «Piano № 12» — то есть квартира № 12. Квартира оказалась на самом верху пятиэтажного дома 47 по виа ди Монторо, в десяти минутах ходьбы от площади Навона в сторону Тибра. Она принадлежит другу, которого сейчас нет в городе, но который все правильно поймет, сказала Адрианна. С этими словами она резко поднялась и направилась прочь, оставив на скамье стакан из-под кока-колы. В стакане лежал ключ.

Гарри вошел в подъезд, поднялся в маленьком лифте на верхний этаж и нашел в конце коридора дверь с номером 12.

Оказавшись внутри, он запер за собой дверь и осмотрелся. Квартирка оказалась маленькой, но вполне комфортабельной — спальня, гостиная, тесная кухонька и ванная комната. В шкафу висели мужские вещи — несколько спортивных курток и брюк да два костюма. В ящиках комода, стоявшего напротив кровати, оказалось с полдюжины рубашек, носки, нижнее белье и несколько свитеров. В гостиной он обнаружил телефон и небольшой

телевизор, вставленный в мебельную стенку. Возле окна располагался стол, на котором стояли компьютер и принтер.

Гарри подошел к окну, встал сбоку, чтобы его не было видно, и выглянул на улицу. Там вроде бы ничего не изменилось после его прихода. По проезжей части мчались автомобили и мотороллеры, по тротуару шли редкие прохожие.

Сняв пиджак, Гарри повесил его на спинку стула и прошел на кухню. Там он взял из шкафчика, висевшего возле раковины, стакан, хотел было наполнить его водой из-под крана, но тут же поспешно поставил в раковину. У него все поплыло перед глазами, и он не без труда сумел устоять на ногах. Физическая усталость и долго сдерживаемое нервное напряжение все-таки взяли свое. Уже то, что он до сих пор не погиб, само по себе было чудом. И уйти с улицы ему удалось не иначе как благодаря покровительству богов.

Через некоторое время он смог немного успокоиться, плеснул на лицо холодной воды и вновь начал нормально дышать. Сколько времени прошло с тех пор, как он расстался с Геркулесом? Три часа, четыре? Он не знал. Чувство времени его покинуло. Он посмотрел на часы. Пятница, десятое. Десять минут шестого. Десять минут девятого утра по лос-анджелесскому времени. Он еще раз глубоко вздохнул и нерешительно посмотрел на телефон.

Нет. Ни в коем случае. Даже думать об этом и то нельзя. К этому часу ФБР поставило на прослушивание все телефонные линии, ведущие к нему домой и в офис. Стоит ему набрать один из этих номеров, как полиция через миллисекунды будет знать, где он находится. А самое главное, что даже если он и сможет дозвониться до кого-нибудь, то чем этот кто-то сможет ему помочь? Честно говоря, разве может ему хоть кто-то хоть чем-то помочь, даже Адрианна? Он угодил в самую кульминацию кошмарного сновидения, которое было вовсе не сном, а самой грубой и жестокой явью.

Не существовало ни одного места, куда он мог сунуться, где мог бы находиться без риска быть переданным в руки полиции — кроме нескольких десятков квадратных футов, ограниченных стенами этой квартиры. Да и здесь... Сколько времени он сможет в ней пробыть? Не торчать же в этих комнатухах до конца жизни!

И вдруг из соседней комнаты донесся звук. Звук ключа, поворачивающегося в замке. Почувствовав, что у него бешено заколотилось сердце, Гарри прижался спиной к стене кухни. Было ясно слышно, как открылась и закрылась входная дверь.

— Мистер Аддисон! — резко прозвучал мужской голос.

Гарри со своего места видел собственный пиджак, висевший на спинке стула в соседней комнате. И человек, вошедший в квартиру, тоже не мог не видеть его. Гарри затравленно огляделся. Кухня размером не превышала хороший платяной шкаф. И выйти из нее можно было лишь через ту дверь, в которую он вошел сюда.

— Мистер Аддисон! — повторил тот же голос.

Будь все проклято! Адрианна все же сдала его полиции. И он своими ногами пришел прямехонько в западню. Прямо под рукой Гарри красовалась подставка с несколькими разнокалиберными кухонными ножами. Но толку от них быть не могло никакого. Если он появится в двери с ножом в руке, то его прикончат в первую же секунду.

— Мистер Аддисон, вы здесь?

Пришелец, кем бы он ни был, говорил по-английски, причем без всякого акцента.

Что же делать? У Гарри не было ответа на этот вопрос, да и быть не могло. Лучше всего выйти и сдаться. Остается только надеяться, что вместе с полицейскими будет сама

Адрианна или какой-нибудь другой журналист, при котором его не убьют на месте.

— Я здесь! — громко произнес он. — Я выхожу. У меня нет оружия. Не стреляйте!

Гарри глубоко вздохнул, поднял руки и вышел из кухни в гостиную.

Но там он увидел не полицейских, а одного-единственного человека — мужчину с рыжеватыми волосами, стоявшего перед закрытой входной дверью.

— Мистер Аддисон, меня зовут Джеймс Итон. Я друг Адрианны Холл. Она решила, что вам нужно где-то укрыться, ну и...

— О боже!..

Итону было на вид лет пятьдесят. Среднего роста и телосложения. Одет в серый костюм и рубашку в полоску с серым же галстуком. Самой заметной особенностью его внешности, бросившейся Гарри в глаза с первого же взгляда, была ординарность. Он мог бы быть банковским клерком средней руки, из тех, которые регулярно ездят со всем семейством в Диснейленд и по субботам подстригают газоны около дома.

— Я не хотел вас пугать.

— Это ваша квартира?.. — Гарри, не совсем еще веря в собственную безопасность, все же рискнул опустить руки.

— В некотором роде.

— Как это — в некотором роде?

— Она оформлена не на мое имя, и моя жена не знает о ее существовании.

Гарри почему-то очень удивился.

— Так вы и Адрианна...

— Уже нет.

Итон постоял несколько секунд, словно в нерешительности поглядывая на Гарри, а потом пересек комнату и открыл дверцу над телевизором.

— Хотите выпить?

Гарри скосил глаза на входную дверь. Кто же этот парень? Агент ФБР? И сейчас обхаживает его, чтобы убедиться, что он действительно один и безоружен?

— Неужели вы думаете, что если бы я хотел выдать вас полиции, то сейчас стоял бы здесь, предлагая вам выпить? Водку или скотч?

— Где Адрианна?

Итон взял бутылку водки и налил в оба стакана на два пальца.

— Я работаю в посольстве США. Первый секретарь советника по политическим вопросам. Извините, льда нет. — Он протянул стакан Гарри, отошел и опустился на диван. — Вы попали в большую беду, мистер Аддисон. Адрианна решила, что нам с вами будет полезно поговорить.

Гарри стиснул стакан в руке. Он был измотан физически и морально. У него расшалились нервы. Но он должен был собраться. Сосредоточиться и найти в себе силы, чтобы иметь возможность хоть как-то защищаться. Возможно, Итон говорит правду и пришел, чтобы попытаться помочь ему. А возможно, и нет. Он может вести какую-то свою дипломатическую игру, чтобы потом, когда Гарри окажется в руках полиции, между Италией и США не возникло ненужных трений.

— Я не убивал этого полицейского.

— Вы...

— Нет.

— А как насчет видеозаписи?

— Меня пытали, а потом заставили наговорить все это. Вероятно, те самые люди, которые убили его. Потом меня вытащили оттуда. В меня стреляли и бросили умирать. — Гарри поднял забинтованную руку. — Вот только я не умер.

Итон откинулся на спинку дивана.

— И что же это были за люди?

— Не знаю. Я не видел их лиц.

— Они говорили по-английски?

— Иногда. Но большей частью по-итальянски.

— Значит, они убили полицейского и фактически похитили вас, а потом пытали?

— Да.

Итон отхлебнул из стакана.

— Но почему? Что им было нужно?

— Они требовали, чтобы я рассказал о брате.

— Священнике?

Гарри кивнул.

— Что они хотели узнать?

— Где он находится...

— И что же вы им сказали?

— Сказал, что не знаю. Не знаю даже, жив он или мертв.

— Это правда?

— Да.

Гарри поднял стакан и одним глотком влил в себя половину содержимого. Следующим глотком он допил водку и поставил стакан на стол перед Итоном.

— Мистер Итон, я ни в чем не виноват. И уверен, что мой брат тоже не совершал никаких преступлений... Сейчас же я до смерти боюсь итальянских полицейских. Посольство может мне помочь? Неужели совсем ничего нельзя сделать?

Итон довольно долго молча смотрел на Гарри, видимо собираясь с мыслями. В конце концов он, так и не проронив ни слова, поднялся, взял пустой стакан Гарри, вновь подошел к стенке и налил еще по одной.

— Мистер Аддисон, по всем правилам я должен был бы сразу после звонка Адрианны поставить в известность генерального консула. Но он, по тем же правилам, был бы обязан немедленно связаться с итальянскими властями. Я не оправдал бы оказанного мне доверия, а вы очутились бы в тюрьме, если не в морге. Ну, что мы с вами выиграли бы от этого?

Гарри вскинул на него изумленный взгляд.

— Что вы хотите сказать?

— Мистер Аддисон, наше дело — сбор информации, а не борьба за соблюдение законов. Советник по политическим вопросам изучает политический климат в той стране, куда его или ее назначили. В нашем случае речь идет не только об Италии, но и о Ватикане. Убийство кардинала-викария Рима и взрыв ассизского автобуса, которые, насколько мне известно, полицейские считают взаимосвязанными, касаются обеих стран. Как личный секретарь кардинала Марчиано, ваш брат занимал привилегированное положение в церкви. Если он действительно убил кардинала-викария, то следует признать более чем вероятным, что он действовал не в одиночку. Если так, есть все основания считать, что убийство было не единичным случаем, а элементом некоей крупномасштабной акции, затрагивающей высшие ступени Святого престола... — Итон отошел от шкафа и передал Гарри стакан. — Вот тут-тс

и лежат наши интересы, мистер Аддисон, внутри Ватикана.

— Ну а если мой брат этого не делал? Если он вообще непричастен к преступлениям?

— Мне, как и полиции, приходится верить, что ассизский автобус взорвали с единственной целью — расправиться с вашим братом. Виновники взрыва считали, что он погиб, но теперь усомнились в этом и ужасно боятся того, что он что-то знает и может рассказать. И потому они приложат все силы, чтобы отыскать его и заставить замолчать.

— Что-то знает... Может что-то рассказать... — И только тут до Гарри дошло. — И вы тоже хотите разыскать его?

— Совершенно верно, — спокойно отозвался Итон.

— Нет, я имею в виду: лично вы. Не посольство. Не ваше руководство. Вы сами. Вы поэтому пришли?

— Мистер Аддисон, мне пятьдесят один год, а я так и не поднялся выше секретаря. Мне отказывали в повышении столько раз, что, если я начну перечислять, вы устанете слушать. И я совершенно не хочу выйти в отставку с того же самого поста секретаря. Следовательно, я должен сделать нечто такое, что никак нельзя будет оставить без внимания. И раскрыть заговор, уходящий в самые глубины ватиканского двора, было бы самое то.

Гарри не верил своим ушам.

— Так вы хотите, чтобы я помог вам?

— Не только мне, мистер Аддисон. Но и самому себе. Тем, что известно вашему брату... Ведь никто, кроме него, не может помочь вам сорваться с крючка. И вы сами знаете это не хуже меня.

Гарри молча смотрел на дипломата.

— Если он жив, то, несомненно, боится за свою жизнь. Откуда ему знать, не фальшивая ли это запись? Единственное, что он может знать наверняка — что вы просите его сдать. Ну а когда он совсем отчаится, ему захочется кому-нибудь открыться. И кто же для этого лучше подойдет, чем родной брат?

— Возможно... Но ведь это все пустые разговоры. Потому что ему неизвестно, где я. А мне — где он. И никому это не известно.

— Неужели вы считаете, что полиция сидит сложа руки? Нет, они продолжают опрашивать всех, кто остался в живых, и тщательно изучать всех погибших. Они пытаются разобраться, действительно ли преступник умудрился сбежать и каким образом ему это удалось.

— Но мне-то что толку от этого?

— Адрианна...

— Что — Адрианна?

— Она великолепный профессионал. И знала о вас все с того момента, как вы сошли с самолета в Риме.

Гарри отвел взгляд. Так вот почему она отыскала его в отеле... Он ведь сразу заподозрил что-то подобное и попытался скрыться от нее. Но она заметила его, вернула и увела к себе. Значит, все, что между ними было, имело лишь одну цель — новый сюжет... Может быть, и не совсем так, но это главное. Да, она профессионал до мозга костей, как и он. И впредь он обязан это учитывать, поскольку именно работа составляет смысл жизни для них обоих. Профессиональная работа, и больше ничего.

— Ну а как по-вашему, с какой еще стати она сразу же после разговора с вами позвонила мне? Потому что она знает, чего хочет, знает, что нужно мне и что я в состоянии

сделать для вас. И прекрасно понимает, что, если правильно разыграть эту партию, мы все окажемся в большом выигрыше.

— Господи, что за чушь!..

Гарри провел ладонью по волосам, прошелся по комнате и вновь повернулся к собеседнику.

— Похоже, вы уже все продумали. Вот только одну вещь не учли. Даже если нам удастся узнать, где он находится, все равно ни он не сможет прийти ко мне, ни я к нему.

Итон неторопливо отпил из стакана.

— Почему же. Вы можете это сделать не хуже, чем кто-нибудь другой. Нужно лишь новое имя. Паспорт. Водительские права. Если вы будете достаточно осторожны, то сможете все, что захотите.

— И вы сумеете это устроить?

— Да.

Гарри уставился на Итона. Изумленно и не скрывая гнева, поскольку понимал, что им манипулируют.

— На вашем месте, мистер Аддисон, я прыгал бы от радости. Ведь вы уже нашли двух человек, которые хотят вам помочь. И не только хотят, но и могут.

Гарри еще некоторое время разглядывал его.

— Итон, знаете, вы просто поганый сукин сын.

— Нет, мистер Аддисон. Я просто третий государственный чиновник.

Гарри лежал на кровати в квартире Итона и без особого успеха пытался уснуть. Дверь он запер, а ручку для верности подпер спинкой стула — на всякий случай. Он лежал и пытался убедить себя в том, что все хорошо. И что Итон прав. До нынешнего вечера он оставался совсем один и был в безвыходном положении. И вдруг у него появились и убежище, и сразу два человека, пытающиеся ему помочь.

Итон ушел, пообещав принести что-нибудь поесть и порекомендовав Гарри потратить это время на мытье и самую тщательную обработку подживающих ран. Но только не бриться. Поскольку отросшая щетина, уже превращающаяся в бороду, изменила его почти до неузнаваемости.

И еще он попросил Гарри подумать, кем он хочет стать. Нужно выбрать что-то такое, о чем он мог бы свободно говорить, если спросят, — например, специальность преподавателя права из колледжа, или, скажем, журналиста, специализирующегося на индустрии развлечений и приехавшего в Италию провести отпуск, или сценариста, или писателя, знакомящегося с наследием античного Рима.

— Я останусь тем, кто я есть, — священником, — сказал Гарри, когда наутро Итон вернулся с пиццей, бутылкой красного вина, хлебом и кофе.

— Но ведь полиция ищет как раз священника-американца.

— Здесь священники на каждом шагу. И думаю, среди них немало американцев.

Итон в первый момент заколебался, но потом кивнул, вышел в спальню и вернулся с двумя рубашками и свитером. Затем он извлек из шкафа 35-миллиметровый фотоаппарат, вложил в него пленку и усадил Гарри перед пустой стеной. Он сделал восемнадцать снимков. На шести Гарри был одет в одну рубашку, на шести — в другую, а еще на шести — в свитер.

После этого Итон ушел, предупредив Гарри, чтобы тот никуда не выходил, и пообещал, что завтра к полудню его навестят либо он сам, либо Адрианна.

Почему?

Почему он решил выдать себя за священника? Неужели это было разумно? Да! Будучи священником, он сможет в любой момент превратиться в мирянина, достаточно будет переодеться. И как он предположил с самого начала, среди священнослужителей здесь, несомненно, полно американцев. Прячась на самых заметных местах, посоветовал ему Геркулес. Держись поближе к тем, кто тебя ищет. Он попробовал, и это сработало. Не один, а много раз. Однажды он даже побывал под самым носом у карабинеров.

С другой стороны, Итон был прав: полиция ищет не кого-нибудь, а Дэнни. А Дэнни священник и американец. Так что священник, говорящий по-итальянски с американским акцентом, автоматически попадает под подозрение. На него будут смотреть, о нем будут думать, невзирая даже на то, что борода делает его неузнаваемым. И еще нельзя забывать об объявленной награде. Сто миллионов лир. Это примерно шестьдесят тысяч долларов. Найдется множество народу, готового попытаться счастья и позвонить в полицию, даже понимая, что ошибка может быть чревата жестокими насмешками и оскорблениями.

Дальше: что он знал о жизни и обязанностях священника? Что, если какой-нибудь священнослужитель заговорит с ним? Если кто-нибудь попросит его о помощи? Но так или иначе, решение было принято, фотографии сделаны... Тем более что Итон пообещал вместе с документами снабдить его и весьма убедительной автобиографией.

Значит, священник...

Снаружи до Гарри доносились звуки ночного Рима. Виа ди Монторо пролегла в стороне от самых оживленных районов и была намного тише, чем улицы, проходившие рядом с его отелем, расположенным совсем рядом с вершиной Испанской лестницы. Но и здесь не было тишины. Ездили машины. То и дело с жужжанием проносились мотороллеры. По тротуарам шаркали подошвами пешеходы.

Однако мало-помалу все эти звуки слились в единый фон, в цельную симфонию мира, существовавшего вдали от него и вне его. От горячего душа, чистой постели и вообще подобия нормального порядка Гарри потянуло в сон; все убеждало его признаться самому себе, что он донельзя измотан. Возможно, именно по этой причине он и решил, что будет выдавать себя за священника. Просто потому, что принять такое решение было легче всего. И потому, что он некоторое время успешно пробыл в этом образе. Но не в последнюю очередь и по другой причине — ему подсознательно хотелось почувствовать, пусть даже таким странным образом, что же на самом деле представлял собой Дэнни. Воплотить в жизнь тот совет, который, вероятно даже не заметив того, дал ему Геркулес. Превратиться в собственного брата — пусть ненадолго.

Он закрыл глаза и почувствовал, что его уносит сон. И, засыпая, вновь увидел перед собой поздравительную открытку: на фоне украшенной рождественской елки улыбающиеся лица людей с красными санта-клаусовскими шапками на головах — мама, отец, он, собственной персоной, Маделин и Дэнни.

«Аддисоны желают вам счастливого Рождества».

Потом видение исчезло, и из темноты до него донеслись слова Пио. Тот, понизив голос, снова повторял то, что сказал в машине, когда они возвращались в Рим: «Знаете, как рассуждал бы я, если бы оказался на вашем месте?.. Правда ли, что мой брат жив?.. Если да, то где он может находиться?»

* * *

Марчиано сидел один в своей библиотеке перед темным монитором выключенного компьютера. Книжки, заполнявшие все пространство вдоль стен, от пола до потолка, сейчас, в его донельзя подавленном состоянии, казались никчемными декорациями. Единственным источником света в комнате служила галогеновая лампа, стоявшая на антикварном письменном столе. А под лампой, в середине светового пятна, лежал конверт, доставленный ему в Женеве, — без адреса отправителя, но зато с пометкой «Срочно». Этот самый конверт был при нем, когда он возвращался на поезде в Рим. Внутри лежала аудиокассета, которую он прослушал лишь один раз и больше не включал. Он и сам не знал, почему сейчас вдруг решил прослушать ее снова. Но так или иначе, ему неодолимо хотелось это сделать.

Открыв ящик стола, он достал оттуда маленький, с ладонь, диктофон, поставил его на

стол, затем открыл конверт и вложил кассету в магнитофон. Секунду-другую помедлил в нерешительности, а затем нарочито резким движением нажал кнопку «Пуск». Сначала из динамика доносилось лишь негромкое сухое шипение, а затем раздался голос, приглушенный, но совершенно четкий:

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Да поможет Господь, озаряющий все сердца, осознать твои грехи. Веруй в милосердие Господне».

«Аминь,

— отозвался другой голос и продолжил: —

Отпустите мне грехи, святой отец, ибо я грешен. Я уже давно не исповедовался, и грехи мои...»

Марчиано поспешно нажал на кнопку «Стоп» и застыл неподвижно, не в силах заставить себя слушать дальше.

Исповедь была записана втайне и от кающегося, и от священника. Кающимся был он сам, кардинал Марчиано. Исповедником — отец Дэниел.

Измученный страхом и отвращением, которыми до самых глубинных уголков наполнил его душу Палестрина, он обратился за поддержкой в единственное доступное ему место. Отец Дэниел был не только умным и полезным помощником, не только одним из ближайших друзей — он был священником, принесшим обет Господу, и потому все, что могло быть ему сказано в ходе таинства, оказывалось защищено великой тайной исповеди и не могло ни при каких обстоятельствах выйти за пределы исповедальни.

Не могло, но вышло.

Потому что Палестрина подслушал и записал исповедь. И не могло быть никаких сомнений в том, что Фарел напичкал электронными жучками все личные и служебные помещения, в которых мог появиться Марчиано или другие высшие иерархи церкви.

Одержимый все усиливающейся паранойей, госсекретарь Ватикана держал активную оборону по всем фронтам, постепенно превращаясь в того самого военного диктатора, каким он, по его собственным словам, сказанным Марчиано несколько лет тому назад, себя самого считал. Тогда он был пьян, но с величайшей серьезностью и невероятной гордостью говорил, что с тех пор, когда стал что-то понимать, он твердо знает, что является не чем иным, как новым земным воплощением Александра Македонского, великого полководца древности, покорителя Персидской империи. С тех пор он начал строить свою жизнь соответствующим образом и благодаря своему уникальному предназначению смог стать тем, кем стал, и занять то место, какое занял. И не важно, верил ли в это кто-нибудь другой, поскольку сам он верил в свои слова безоговорочно. Ну а Марчиано видел, как Палестрина мало-помалу облекался в мантию полководца.

С какой молниеносной быстротой, с какой ужасающей жестокостью он начал действовать, как только услышал запись! Марчиано исповедался поздним вечером в четверг, а рано утром в пятницу отец Дэниел отправился в Ассизи. Несомненно, он был напуган ничуть не меньше, чем Марчиано, и искал какого-то иного способа восстановить душевный покой. У Марчиано и на долю секунды не возникло сомнений в том, кто мог решиться взорвать автобус и погубить столько ни в чем не повинных людей ради того, чтобы

устранить одного священника. Это была та самая безжалостность, полностью отрицавшая всякую гуманность, являвшаяся основной чертой стратегического плана Палестрины насчет Китая. Та же самая хитроумная болезненная расчетливость параноика, заставлявшая его ни на йоту не верить не только окружающим его людям, но даже и тайне исповеди, а значит, и основополагающим канонам церкви.

Марчиано должен был это предвидеть. Потому что к тому времени Палестрина уже успел совершенно открыто продемонстрировать ему свою ужасающую сущность. И увиденное запечатлелось в памяти Марчиано, словно выжженное каленой печатью.

* * *

Наутро после торжественных, прошедших при огромном стечении народа похорон кардинала-викария Рима госсекретарь вызвал всех, кто был связан с его планом насчет Китая — Марчиано, префекта конгрегации епископов Йозефа Матади и генерального директора Банка Ватикана Фабио Капицци, — на совещание, местом для которого выбрал свою личную небольшую виллу в Гроттаферате, неподалеку от Рима. Это место Палестрина частенько использовал для собраний в самом узком кругу, именно там он впервые поставил министров Ватикана в известность о своем «Китайском протоколе».

Сразу по прибытии их провели на небольшую полянку, окруженную ухоженными кустами, поодаль от главного здания, где их поджидал Палестрина. Он сидел за кованым столиком, потягивал кофе и одновременно что-то печатал на ноутбуке. С ним был Фарел — стоял за креслом, словно верный мажордом, исполняющий заодно и обязанности телохранителя. С ними был еще один человек — мужчина привлекательной, но неброской наружности, не достигший, по-видимому, и сорока лет. Худощавый, среднего роста, черноволосый, с пронизательными ярко-синими глазами и одетый — Марчиано хорошо это запомнил — в двубортный синий пиджак при белой сорочке и темном галстуке и серые брюки.

— Вы еще не знакомы с Томасом Добряком, — сказал Палестрина, когда приехавшие сели; при этом он потирал руки, словно представлял нового члена привилегированного закрытого клуба. — Он помогает нам координировать ситуацию в Китае.

У Марчиано до сих пор явственно сохранилось ощущение ужаса и недоверия, которое он испытал в тот момент; он заметил, что и остальные почувствовали то же самое. Капицци непроизвольно поджал тонкие, всегда напряженные губы, на обычно искрившиеся юмором глаза Йозефа Матади набежала мрачная тень, когда Томас Добряк поднялся и чрезвычайно вежливо обратился к каждому из них по имени, взглядывая при этом в глаза.

— Buon giorno, монсьеор Капицци.

— ...Кардинал Матади.

— ...Кардинал Марчиано.

* * *

Марчиано помнил, что год назад, приехав вместе с отцом Дэниелом на встречу с Пьером Веггенем, уже видел Добряка, тогда в обществе низкорослого китайца средних лет.

В то время Марчиано не имел ни малейшего представления, кто это такой, да и вообще не обратил бы внимания на этого человека, если бы не китаец рядом. Но сейчас он столкнулся с Добряком лицом к лицу, к тому же знал его имя и отлично понимал, с кем имеет дело. Поэтому в тот момент, когда убийца, глядя ему в глаза, назвал его имя, кардинал испытал настоящий ужас.

А то, как Палестрина совершенно откровенно забавлялся, глядя на их достаточно красноречиво проявившуюся реакцию, сказало им так же ясно, как и произнесенные вслух слова, кто убил кардинала-викария и по чьему приказу. И приглашение их, а вернее, вызов на эту виллу был попросту предупреждением, что, если кто-нибудь из них втайне придерживается взглядов покойного кардинала, идущих вразрез с планами Палестрины насчет Китая, Томас Добряк успешно разберется и с ним. Наглость, с которой Палестрина устроил этот дивертисмент для нагнетания ужаса, была совершенно откровенной и оттого еще сильнее устрашала. Кроме того, его поступок свидетельствовал о том, что война за контроль над Китаем должна вот-вот начаться.

А потом, вероятно для того, чтобы кардиналам стало еще понятнее, на чьей стороне сила и власть, Палестрина пригладил ручищей свою пышную снежно-белую шевелюру и соизволил отпустить их.

* * *

Марчиано вновь увидел свой полутемный кабинет и карманный диктофон на столе. Во время этой исповеди он рассказал отцу Дэниелу об убийстве кардинала Пармы и о своем соучастии в великом плане Палестрины по распространению влияния католической церкви на Китай — плане, для выполнения которого потребуются не только неприглядные маневры с ватиканскими капиталовложениями, но и смерть бесчисленного количества ни в чем не повинных простых китайцев.

А получилось, что своей исповедью он, сам того не ведая, приговорил отца Дэниела к смерти. В первый раз его спас Бог, а может быть, судьба. Но теперь, когда им стало доподлинно известно, что излишне осведомленный священник жив, Томас Добряк начнет охоту за ним. А ускользнуть от такого, как Добряк, пожалуй, невозможно. Палестрина не позволит себе ошибиться дважды.

*Пескара. Виа Араньетра.**Суббота, 11 июля, 7 часов 10 минут*

Томас Добряк сидел за рулем взятой напрокат белой «ланчии» и ждал, когда же кто-нибудь откроет дверь дома под номером 1217 на противоположной стороне улицы, где помещалась фирма частной «Скорой помощи».

Посмотрев на себя в зеркало, он поправил прическу и вновь уставился на фасад дома. Контора должна была открыться в половине восьмого. Он приехал заранее и был уверен, что до открытия ничего не произойдет, тем более в субботнее утро. Так что можно спокойно ждать. Терпение — основа основ.

7.15

По тротуару перед нужным ему домом пробежал трусцой какой-то мужчина. Через семнадцать секунд в противоположном направлении проехал на велосипеде мальчик. И снова ничего.

Терпение.

7.20

Неожиданно в зеркальце заднего вида отразились двое полицейских на мотоциклах. Томас Добряк и глазом не моргнул. Полицейские медленно подъехали, а потом проследовали мимо. Дверь на противоположной стороне улицы оставалась закрытой.

Откинувшись на обтянутую кожей спинку сиденья, Томас Добряк перебрал в памяти то, что ему было на сегодня известно: бежевый микроавтобус «ивеко» последней модели с итальянским номерным знаком «РЕ 343552» выехал из больницы Святой Чечилии в четверг, точно в десять часов восемнадцать минут вечера. В нем находились мужчина-пациент, монахиня, по всей вероятности медсестра, и двое мужчин, вероятно, фельдшеры.

Из информации, которая была необходима ему для работы и которую он в конце концов все же получил от Фарела, следовало, что за последнюю неделю анонимные пациенты поступали в восемь итальянских больниц, в том числе в больницу Святой Чечилии. Важнее было то, что доставленный туда пациент, единственный из всех восьми, был мужчиной и к тому же лет тридцати с небольшим. И именно этого пациента вывезли отсюда в одиннадцатом часу позапрошлой ночью.

Поэтому вчера, чуть позже полудня, он и направился напрямиком в больницу Святой Чечилии. Быстро осмотревшись, он убедился в том, что не ошибся в своих ожиданиях: эта частная больница была оборудована системой видеонаблюдения, контролировавшей не только коридоры и залы для посетителей, но и все входы и выходы. Не приходилось сомневаться, что телекамеры стояли там не только для вида, но и эффективно использовались.

Отправившись в административный корпус, он предъявил визитную карточку, согласно которой являлся представителем миланской фирмы, изготавливающей охранные системы, и пожелал поговорить с начальником охраны.

Ему сказали, что начальника на месте нет и не будет до восьми вечера. Томас Добряк

кротко кивнул и сказал, что подойдет к этому времени.

В четверть девятого он уже вел оживленную беседу с начальником охраны в его кабинете. Без труда переведя разговор на деловые вопросы, он осведомился, насколько, в свете последних событий — убийства кардинала-викария Рима и взрыва ассизского автобуса, — которые правительство считало элементами нового широкого террористического наступления, больница готова к предотвращению подобных опасностей.

«Не беспокойтесь», — бодро ответил ему уверенный в себе и на удивление молодой начальник службы. И уже через несколько минут они оказались на пульте охранной сигнализации и уселись перед шестнадцатью мониторами, показывавшими все, что попадало в поле зрения камер, установленных по всей территории больницы. Один экран в особенности привлек внимание Томаса Добряка. Связанная с ним камера показывала дверь приемного покоя.

— Я правильно понял, что ваши камеры работают круглосуточно? — осведомился он.

— Совершенно правильно.

— И вы храните все записи?

— Вот они. — Охранник указал на небольшую узкую нишу, где в полутьме светились красные глазки включенных видеомониторов.

— Мы храним все пленки полгода, потом стираем и используем вновь. Эту систему я проектировал сам.

Томас Добряк заметил самодовольство, прозвучавшее в последних словах. Парню следовало польстить и использовать его гордость в своих интересах. И Томас Добряк прекрасно сыграл требуемую роль: он заявил, что восхищен тем, насколько продуманно и эффективно все сделано, энергично подвинул кресло ближе к пультам и попросил продемонстрировать ему, как же в действительности сохраняются данные наблюдения. Например, предложил он охраннику, можно было бы посмотреть запись работы приемного отделения, скажем, за минувшую ночь. Хотя бы часов с десяти.

Донельзя обрадованный похвалами охранник с готовностью пошел навстречу пожеланию любезного гостя и без долгих разговоров нажал кнопку на пульте управления. Засветился еще один экран. В верхнем правом углу появились цифры, обозначающие дату и время, а затем и вид помещения для приема автомашин «скорой помощи». Начальник охраны пустил пленку на ускоренную промотку, а когда в кадре появилась машина, снизил скорость до нормальной. Автомобиль остановился, из него вышли двое санитаров, извлекли носилки с больным и скрылись в помещении. Лица и санитаров, и пациента были видны очень четко. Через несколько секунд санитары вернулись, и машина уехала.

— А посмотреть стоп-кадр у вас можно? — любопытствовал Добряк. — Ну, скажем, если возникнет какая-нибудь проблема и полиции потребуется номерной знак...

— Вот, посмотрите сами.

Охранник включил обратную перемотку, и на экране вновь появилась та же самая «скорая помощь». Еще одно нажатие кнопки, и изображение застыло; цифры номерного знака были видны совершенно ясно.

— Прекрасно, — улыбнулся Добряк. — Нельзя ли посмотреть еще немного?

Пленка крутилась, а Добряк, внимательно следя искоса за экраном, занимал начальника охраны беседой. Подъехали и уехали еще несколько машин «скорой помощи», и в конце концов, когда часы показывали девять пятьдесят девять вечера, в кадре появился бежевый микроавтобус «ивеко» без опознавательных надписей.

— А это что такое? Доставка? — осведомился Добряк, глядя на коренастого мужчину, который вылез из кабины и вошел в больницу, исчезнув из поля зрения объектива.

— Частная санитарная машина.

— Тоже доставили пациента?

— Нет, наоборот, увезли. Вот смотрите.

Пленка вновь закрутилась с удвоенной скоростью, и вскоре шофер появился снова, на сей раз в сопровождении женщины в накидке монахини, по-видимому медсестры, и еще одного мужчины, вероятно фельдшера, который вез каталку с перебинтованным пациентом. На стойке для капельниц висели два пластиковых пакета с лекарствами. Коренастый открыл задние двери. Пациента поместили в машину. Оба медика вошли следом за ним. Затем водитель закрыл двери, сел за руль, и машина тронулась с места.

— И что, номер этой машины мы тоже сможем разобрать? — осведомился Добряк тоном, за которым сразу угадывался комплимент.

— Конечно.

Охранник остановил пленку и пустил ее назад. Затем изображение замерло. Номерной знак был виден как нельзя лучше: «РЕ 343552». Не менее четко, чем надпись в правом верхнем углу: «22.18/9 июля».

Добряк улыбнулся: буквы «РЕ» означали, что автомобиль был местный, из Пескары.

— «Servizio Ambulanza», Пескара. — Молодой охранник прямо-таки расплылся от удовольствия. — Видите, у нас все под контролем.

Продолжая улыбаться, Томас Добряк еще несколькими репликами приласкал охранника и узнал имя, под которым здесь лежал анонимный пациент, — Майкл Роарк.

* * *

Все остальное Томас Добряк выяснил из телефонной книги. Управление компании «Servizio Ambulanza» находилось здесь же, в Пескаре, в доме 1217 по виа Арапьетра; напротив этого дома он сейчас и сидел в машине. В телефонной книге было напечатано имя direttore responsabile, он же владелец компании Этторе Капуто, и помещена его фотография. А ниже указаны рабочие часы. С понедельника по субботу с 7.30 утра до 7.30 вечера.

Добряк взглянул на часы.

7.25

И как только он поднял голову, из-за угла показался мужчина и зашагал вдоль квартала. Томас Добряк присмотрелся и снова улыбнулся. Этторе Капуто пришел на работу на четверть с половиной минуты раньше срока.

Фотография в лежащем перед ним паспорте изображала Гарри в его новом облике, с бородой. Паспорт, потертый, с поцарапанной и помятой обложкой, как будто им пользовались уже не первый год, был выдан нью-йоркским отделением Паспортного агентства США. На внутренних страницах красовались штампы иммиграционных властей Великобритании, Франции и США, однако никакой закономерности в перемещении хозяина паспорта нельзя было заметить, поскольку там же имелись пометки ряда других западноевропейских стран.

Под фотографией значилось: Джонатан Артур Ри, родился 18 сентября 1965 года в Нью-Йорке, США.

Рядом с паспортом на столе лежали водительские права, выданные в округе Колумбия, и удостоверение преподавателя Джорджтаунского университета. В правах было указано место жительства: Малледи-билдинг, Джорджтаунский университет, Вашингтон, округ Колумбия. В этих документах тоже имелись фотографии.

Между прочим, все три фотографии были разными. На каждой из них Гарри был одет немного по-другому: то в одну, то в другую рубашку Итона, то в его же свитер. И при взгляде на эти снимки не возникало даже мысли о том, что их сделали в одно и то же время — вчера вечером — в одном и том же месте, той самой комнате, где они сейчас находились.

— Ну и остальное. — Адрианна Холл выложила на кофейный столик перед ним незапечатанный конверт. — Тут, кстати, деньги. Два миллиона лир, это около двадцати тысяч долларов. Если тебе понадобится, можно будет раздобыть еще. Да, Итон велел предупредить тебя: у священников не бывает больших денег, так что тебе придется приучаться к экономности.

Гарри взглянул на нее, открыл конверт и извлек содержимое — два миллиона итальянских лир в пятидесятитысячных банкнотах и сложенный лист бумаги с тремя аккуратно напечатанными абзацами.

— Здесь написано, кто ты такой, где работаешь, чем занимаешься, в общем, все, что нужно, — пояснила Адрианна. — Достаточно, чтобы ты не облажался, если кто-нибудь тебя спросит. Заучи наизусть все, что здесь написано, а бумагу уничтожь.

Таким образом, Гарри Аддисон превратился в отца Джонатана Артура Ри, члена ордена иезуитов и внештатного профессора права Джорджтаунского университета. Жил он в иезуитском общежитии при университете, в котором преподавал с 1994 года. Вырос в небольшом городке под названием Итака в штате Нью-Йорк. Его родители умерли. Здесь же были другие подробности биографии: школа, в которой он учился, место и время поступления в семинарию, описание Джорджтаунского университета и района, в котором он находился: Джорджтауна в Вашингтоне, вплоть до таких мелочей, что из его спальни был виден Потомак, но только осенью и зимой, когда деревья стояли голые.

Дочитав до конца, он взглянул на Адрианну:

— Похоже, что если я иезуит, то должен принять обет бедности.

— Наверное, потому-то он не дал тебе кредитную карточку...

— Наверное.

Гарри повернулся и прошелся по комнате. Итон сдержал свое обещание и снабдил его всем необходимым. Так что ему самому оставалось лишь сделать все остальное.

— Знаешь, получается нечто вроде шарады. Вдруг ни с того ни с сего оказываешься не самим собой, а совершенно другим человеком.

— Не думаю, чтобы у тебя был большой выбор...

Гарри всмотрелся в нее. Перед ним была одна из тех бесчисленных женщин, с которыми ему доводилось спать, оставаясь практически незнакомым с ними. И кроме одного мгновения в ночной мгле, когда он почувствовал, что некая часть ее сознает собственную смертность и всерьез боится не столько умереть, сколько перестать жить, он понимал, что гораздо лучше знает ту женщину, которая то и дело возникает на экранах телевизоров всего мира, чем ту, которая сейчас находилась в комнате рядом с ним.

— Адрианна, сколько тебе лет? Тридцать четыре?

— Тридцать семь.

— Что ж, тридцать семь так тридцать семь. Скажи-ка, — совершенно серьезно произнес он, — кем ты предпочла бы быть, если бы не была собой?

— Никогда об этом не думала...

— Попробуй задуматься. Так кем же?

Внезапно она резким движением скрестила руки на груди.

— Я не могла бы быть никем другим. Мне нравится быть тем, кто я есть, и делать то, что я делаю. А чтобы достичь всего этого, мне приходилось трудиться в поте лица.

— Точно?

— Да!

— А стать женой? Матерью?

— Ты шутишь? — Ее короткий смешок прозвучал и насмешливо, и вызывающе, словно Гарри затронул какой-то нерв, к которому она старалась никого не допускать.

А Гарри задел ее. Возможно, он делал не то, что следовало, но почему-то ему очень хотелось понять ее немного больше.

— Многие женщины вполне удачно совмещают оба эти качества, делают карьеру и имеют дом...

— Только не та женщина, что сейчас перед тобой. — Адрианна отнеслась к его вопросу вполне серьезно. — Я ведь уже говорила тебе, что люблю трахаться с незнакомцами. Знаешь почему? Потому что это не только удовольствие, но и самая полная независимость. А для меня это важнее всего на свете, потому что независимость позволяет мне наилучшим образом делать свое дело и добиваться в своих репортажах наивысшей правдивости. Неужели ты считаешь, что мать сможет стоять с микрофоном посреди гребаного поля боя какой-нибудь гражданской войны, когда с обеих сторон лупит артиллерия? Или же, если говорить конкретнее, идти на риск провести остаток жизни в итальянской тюрьме за то, что я помогла преступнику, которого разыскивает полиция, обзавестись фальшивыми документами? Нет, Гарри Аддисон, мне не нужно детей, потому что я занимаюсь своим делом не ради них. Я одиночка, и мне нравится одиночество... Я зарабатываю приличные деньги, сплю с кем хочу, бываю в таких местах, о которых ты можешь только мечтать, и общаюсь с людьми, недоступными даже для большинства мировых лидеров. Я ловлю от всего этого сильнейший кайф, и он дает мне силы делать перворазрядные репортажи, которые не по плечу никому, кроме меня... Скажешь, самовлюбленность? Я понятия не имею, что это такое. Но кто я есть — для меня вовсе не тайна... А если я где-то лажанусь, то никто от этого не пострадает, кроме меня самой...

— А что ты скажешь, когда тебе перевалит за семьдесят?

— Тогда и спросишь.

Гарри еще секунду-другую смотрел ей в лицо. Так вот почему у него сложилось впечатление, что телевизионную Адрианну он знал лучше, нежели живую. Вся ее жизнь, и общественная, и личная, проходила там, на экране. Такой она была и такой хотела оставаться. И она была чертовски хорошим мастером своего дела. Еще неделю назад он мог бы сказать то же самое и о себе. Свобода — превыше всего! Она открывает перед тобой самые широкие возможности, потому что ты имеешь право испытывать судьбу. Ты доверяешь своим знаниям, умениям и способностям и разыгрываешь партию как можно энергичнее и быстрее. И если проигрываешь, то проигрываешь... Но теперь он не был так уверен во всем этом. Быть может, потому, что уже не обладал прежней свободой делать что угодно. Он увидел, что за это нужно платить такую цену, какую он раньше не признавал. Возможно, все было очень просто... А возможно, и нет... И существовало во всем этом что-то еще, что-то такое, что — он это знал — ему предстоит постигнуть и понять... Но для этого необходимо совершить новое путешествие...

— Когда я уйду отсюда... там, куда я уйду... — неожиданно для самого себя заговорил Гарри, — с кем я буду поддерживать связь — с тобой или с Итоном?

— Со мной. — Открыв сумочку, Адрианна вынула маленький сотовый телефон и протянула ему. — Я знаю, что происходит в полиции, и ежедневно делаю по сотне, а то и больше звонков. Один лишний не вызовет ни у кого удивления.

— А как насчет Итона?

— Когда придет время, я дам ему знать... — Адрианна ненадолго замаялась, а потом наклонила голову точно так же, как она это делала, когда требовалось объяснить что-нибудь перед камерой. — Ты никогда не слышал имени Джеймса Итона, и он тоже не имеет никакого понятия о Гарри Аддисоне, за исключением того, что могло печататься в газетах, показываться по телевизору или проходить по дипломатическим информационным каналам через посольство... Меня ты тоже не знаешь, кроме, конечно, того раза, когда я встретила тебя в гостинице и пыталась получить у тебя информацию.

— Ну а как же насчет этого? — Гарри наклонился и ткнул пальцем в паспорт Джонатана Артура Ри, университетское удостоверение и водительские права. — Что, если я по ошибке сверну не направо, а налево и окажусь в лапах Gruppo Cardinale? Неужели ты думаешь, что я скажу Роскани, что, дескать, по привычке всегда ношу с собой второй комплект документов? Он же захочет узнать, где и каким образом я все это раздобыл.

— Гарри. — Адрианна ласково улыбнулась. — Ты уже большой мальчик. Пора бы тебе научиться различать право и лево. Если не умеешь, то учись, ладно? — Подавшись вперед, она легко поцеловала его в губы. — Старайся не ходить, куда не следует, — прошептала она.

И с этими словами ушла, задержавшись, лишь чтобы добавить, что он должен оставаться на месте и ждать и что она позвонит ему, как только что-нибудь узнает.

Гарри стоял посреди комнаты и смотрел на захлопнувшуюся дверь. В его ушах еще отдавался щелчок замка. Но затем его взгляд медленно вернулся к столу, где лежали его новые документы. Впервые в жизни он пожалел, что никогда не брал уроков актерского мастерства.

*Нортон, Италия.**Та же суббота, 11 июля. 9 часов 30 минут*

Медицинская сестра Елена Восо купила все, что нужно, и вышла из продовольственного магазина на пьядца Синьорелли с большой сумкой свежих овощей. Овощи она выбирала с величайшей тщательностью, намереваясь сварить как можно более вкусный и питательный суп. Заботили ее, конечно же, не трое мужчин, которые сопровождали Майкла Роарка и ее, а сам пациент. Пришло время, по крайней мере, попробовать перевести его на нормальное питание. Она уже смачивала ему губы, и он инстинктивно делал глотательное движение. Но когда она подносила к его губам стакан с водой, он отвечал ей таким взглядом, будто хотел сказать, что это усилие для него чрезмерно. И все же если она предложит ему теплое пюре из свежайших овощей, возможно, дразнящий аромат послужит стимулом для того, чтобы он хотя бы попытался проглотить чуть-чуть. Даже немножечко, хотя бы чайную ложечку, уже было бы лучше, чем ничего, потому что это будет означать начало, а чем скорее он начнет принимать нормальную пищу, тем скорее можно будет снять его с внутривенного питания, а ведь только после этого начнется восстановление сил.

Марко видел, как она вышла из магазина и направилась по узенькой, вымощенной брусчаткой улочке в ее дальний конец, где они оставили машину. Вообще-то ему следовало идти вместе с ней и нести сумки. Но только не сейчас, не в этот яркий солнечный день. Да, им придется уехать на одном автомобиле, но и при этом необходимо позаботиться, чтобы их не видели рядом в магазинах или на улице. Ведь такое может без особого труда всплыть в чьей-то памяти. Конечно, они итальянцы, но для Кортонны странноватые приезжие... Монахиня и молодой мужчина вместе делают покупки, а потом куда-то отправляются. Что бы это значило? Чем они занимаются? Кто-нибудь обязательно заметит их, задумается над этими праздными вопросами, а потом уверенно заявит: «Да, они здесь были. Я видел их своими глазами».

Шедшая немного впереди Елена вдруг остановилась, быстро оглянулась и вошла в небольшой магазинчик. Марко замер посреди улицы, пытаясь понять, что ей могло понадобиться. Слева от него улочка круто уходила вниз. Там, вдали, была отчетливо видна раскинувшаяся в отдалении равнина, пересеченная дорогами, которые вели из окруженных стенами древних городов умбрийцев и этрусков в то самое место, где они сейчас находились. В то время Кортонна была славной крепостью; Марко очень надеялся, что городу не придется вновь проявить себя в этом качестве.

Взглянув в сторону магазина, он увидел, как Елена вышла оттуда, быстро взглянула на него и направилась к стоявшему в отдалении автомобилю. Через пять минут она оказалась возле маленького серебристого «фиата», на котором Пьетро ехал, сопровождая их, из Пескары.

Еще через несколько минут Марко поравнялся с ней, выждал, давая возможность удалиться нескольким случайным прохожим, взял у Елены сумки и отпер дверь.

— Что это тебе понадобилось в магазине? — поинтересовался он, когда машина

тронулась с места.

— А что, нельзя?

— Конечно можно. Просто я не был готов.

— Я тоже не была готова. Потому-то и зашла туда. — Она вынула из сумки пакет. Гигиенические прокладки.

* * *

К одиннадцати часам и суп, и пюре, булькающая и распространяющая аппетитные ароматы, доходили на выключенной кухонной плите, а Елена находилась в спальне второго этажа с Майклом Роарком. Он сидел в кресле, к каждому подлокотнику было подложено по подушке; впервые с тех пор, как его доставили в больницу, он принял вертикальное положение. Марко помог снять больного с кровати и усадить в кресло, после чего отправился на улицу, так как ему до невозможности хотелось курить. Наверху, в спальне третьего этажа, спал Лука. Он нес ночное дежурство, как и в пескарской больнице, и сидел в кабине микроавтобуса с одиннадцати ночи до семи утра. Впрочем, каждые два часа он заходил в дом, чтобы помочь Елене повернуть пациента. А потом возвращался на свой пост — охранять их.

«От чего? От кого?» — снова и снова задумывалась Елена и в связи с этим не могла не думать, кто же на самом деле тот мужчина, за которым она ухаживает.

Из окна спальни она видела Марко; он расхаживал с сигаретой по южной части двора, находившейся вровень с верхом обрывающейся вниз каменной стены. Под стеной же проходило шоссе, от которого ответвлялась дорожка, ведущая через ворота к крыльцу дома. На противоположной стороне дороги располагалась ферма, ее поля тянулись, насколько хватал глаз, и сливались в отдалении со знойным маревом. По полю медленно двигался трактор, вздымая шлейф густой пыли, которую легким ветерком сносило в просторы за главным строением хозяйства.

Внезапно в поле зрения возник Пьетро, по случаю сильной жары он был в расстегнутой рубашке с засученными рукавами, на поясе теперь уже совершенно открыто болталась кобура с пистолетом. Он подошел к Марко, остановился рядом с ним, и они о чем-то заговорили. Через несколько секунд Марко взглянул на дом, как будто почувствовал, что за ними наблюдают.

Елена повернулась к Майклу Роарку.

— Вам удобно сидеть?

Он чуть заметно кивнул, вернее, почти неуловимым движением наклонил голову. Но это был совершенно определенно осознанный ответ, куда более выраженный, чем моргание в ответ на прикосновение к пальцу ноги или руки.

— Я приготовила вам кое-что поесть. Не хотите попробовать? Я думаю, что вы уже будете в состоянии глотать, если вам понравится.

На сей раз он никак не отреагировал. Он просто сидел некоторое время, глядя на нее, а потом его взгляд сместился и устремился в окно. Елена смотрела на больного. Сейчас, в падавшем из окна свете, она впервые смогла разглядеть его профиль, и даже бинты этому не препятствовали. Вдруг почувствовав растерянность, она разглядывала его еще несколько секунд, а потом прошла мимо него и удалилась в альков, где стояла ее кровать.

Да, она действительно зашла в магазин, чтобы купить для себя прокладки. Но если честно, это являлось лишь предлогом. Ее внимание привлекло нечто другое — выставленные в витрине свежие газеты, среди которых бросалась в глаза первая полоса «Республики» с двумя заголовками. Первый, набранный огромными буквами, извещал: «Скрывающийся убийца кардинала Пармы все еще на свободе», а ниже шла надпись немного мельче: «Полиция не раскрывает списки жертв взрыва в ассизском автобусе».

Она имела представление об обеих этих историях, правда, не слишком детальное. Естественно, в монастыре обсуждали и убийство кардинала, и взрыв автобуса, шедшего в Ассизи. Но почти сразу же после второго из событий ее отослали в Пескару, и с тех пор она не смотрела телевизор и не читала газет. И все же с того самого момента, когда ее взгляд упал на заголовки, она невольно углубилась в раздумья о связи между этими газетными статьями и Марко вместе с прочими вооруженными мужчинами, круглосуточно охраняющими ее самое и ее пациента. И которым, кажется, известно о происходящем гораздо больше, чем ей.

Оказавшись в магазине, как бы между делом она взяла газету и взглянула на фотографии людей, которых разыскивала полиция. Голова у нее шла кругом. Автобус взорвали в пятницу. Автомобильная авария, в которой пострадал Майкл Роарк, случилась в горах неподалеку от Пескары в понедельник. Во вторник рано утром ей велели выехать в Пескару. Разве не мог пострадавший при взрыве в автобусе сильно обгореть и находиться в коме? И ноги ему тогда же вполне могло переломать. А с пятницы до понедельника его, вероятно, перевозили из одной больницы в другую, некоторое время он мог провести и просто на квартире, пока не было принято решение отправить его в Пескару... Могло такое быть? Вполне. Недолго думая, она купила газету. И уже потом, чтобы скрыть свою покупку от Марко и получить убедительную причину, вынудившую ее зайти в магазин, купила прокладки и сунула их в тот же коричневый бумажный пакет, в который положила газету.

Вернувшись домой, она первым делом отправилась в свой альков и выложила прокладки на полку, где их будет трудно не заметить. А после этого аккуратно сложила газету и спрятала ее в чемодан под одежду.

«Помилуй бог, — то и дело обращалась она сама к себе, — что, если Майкл Роарк и есть отец Дэниел Аддисон?»

Вымыв руки и переодевшись в чистый халат, она решила достать газету и поднести ее вплотную к пациенту. Чтобы повнимательнее присмотреться к фотографии и понять, есть сходство или нет. Но тут ее позвал с лестницы Марко, и ей пришлось временно отказаться от своего намерения. Убрав газету на место, она закрыла чемодан и вышла узнать, что ему нужно.

А сейчас Марко и Пьетро гуляли во дворе, а Лука спал. Самое подходящее время.

Когда она подошла, Майкл Роарк все так же сидел спиной к ней и глядел в окно. Подойдя вплотную, она поднесла газету с фотографией отца Дэниела Аддисона почти к лицу пациента. Конечно, бинты сильно мешали, к тому же Майкл Роарк зарос густой щетиной, тогда как отец Дэниел на фотографии был чисто выбрит, но... но форма лба, скул, носа, общие очертания...

Неожиданно Майкл Роарк повернул голову и посмотрел ей прямо в лицо. Елена от неожиданности отскочила и попыталась спрятать газету за спину. Несколько долгих мгновений он пристально всматривался в глаза Елены, и она несколько не сомневалась в том, что он отлично понял, чем она сейчас занималась. А потом он медленно приоткрыл

рот.

— В-ва-ах-ды, — хрипло, с величайшим трудом выдавил он. — В-ва-аахх-ды...

Черт возьми, сколько раз Роскани решал, что сейчас же, немедленно бросает курить?! Но в этот день, в семь утра, он с необычайной остротой почувствовал, что дошел до ручки, смял в пепельнице недокуренную сигарету и твердо заявил самому себе, что больше не курит. К каким только ухищрениям он не прибегал с той минуты, чтобы чем-то заменить табак. Кофе, жевательная резинка, печенье. Снова кофе, снова резинка. На данный момент он спасался шоколадным мороженым «желато» в вафельном рожке и, надеясь, что оно к тому же поможет преодолеть июльскую жару, поглощал его, продираясь сквозь толпу на пути в Questura, слизывая с пальцев сладкие потеки. Но ни тающее «желато», ни непривычно долгое отсутствие никотина не могли отвлечь его от одной мысли — о пропавшем пистолете марки «ллама» с навинченным на ствол глушителем.

Пистолет возник в его мыслях среди ночи и не дал ему вновь заснуть до самого утра. С утра Роскани прежде всего изучил бланк «Передачи вещественных доказательств», подписанный Пио и Яковом Фарелом на той самой ферме, где Фарел отдал Пио пистолет, найденный на месте гибели ассизского автобуса. Все оформлено правильно и законно. Отсюда следовало, что пистолет определенно был у Пио и, после того как его убили, исчез вместе с Гарри Аддисоном. Но это относилось к обычной розыскной рутине, и не эта мысль разбудила Роскани среди ночи и терзала по сей момент. До минувшей ночи он был уверен, что «ллама» испанского производства принадлежал отцу Дэниелу и служил несомненным доказательством связи между ним и покойным испанским коммунистом Мигелем Валера, на которого была возложена вина за убийство кардинала-викария Рима.

Но — вот какая штука! — что, если пистолет принадлежал вовсе не отцу Дэниелу, а совсем другому человеку, ехавшему в этом же автобусе? Оказавшемуся там для того, чтобы убить священника. В таком случае все переворачивалось с ног на голову, и полиция должна была расследовать не одно, а два преступления: террористический акт со взрывом автобуса и покушение на убийство священника.

23 часа 30 минут

Знойно и душно. Жара, начавшая усиливаться еще на прошлой неделе, никак не хотела ослабевать, и даже в этот поздний час температура не опустилась ниже двадцати восьми градусов.

В поисках хоть какого-то облегчения кардинал Марчиано сменил шерстяное облачение на легкие светлые брюки и рубашку с короткими рукавами и спустился в маленький внутренний двор, где, как он надеялся, дуновение ветерка немного улучшит его настроение.

Свет, падавший из окна его библиотеки, освещал помидоры и перцы, которые он посадил в конце апреля. Плоды уже не только покраснели, но и почти созрели. Раньше времени — из-за жары. Нельзя сказать, чтобы это произошло неожиданно. Как-никак стоял июль, а в июле обычно бывает жарко. Марчиано на несколько секунд забылся и даже

улыбнулся, вспомнив маленький двухэтажный сельский дом, в котором рос в обществе родителей, четверых братьев и трех сестер. Летняя жара ассоциировалась прежде всего с двумя вещами — с чрезвычайно долгими днями, когда вся семья поднималась до рассвета и дотемна работала на полях, и еще с невыносимым количеством скорпионов. Выметать их из дому приходилось по два-три раза на дню, и все равно никто не рисковал ни забраться в постель, ни надеть штаны или рубашку, ни обуться, не встряхнув предварительно как следует простыни или одежду. Если же скорпион все-таки жалил, то оставалась болезненная красная опухоль и долгое воспоминание. Эти членистоногие оказались первыми из всех божьих тварей, которых он по-настоящему начал ненавидеть. Но это случилось задолго до того, как он познакомился с Палестриной.

Марчиано наполнил лейку водой и полил свои овощи, потом поставил лейку на место и вытер пот со лба. Здесь тоже не было ни дуновения, более того, ночной воздух казался душным, как никогда.

Жара.

Он пытался выкинуть мысли о ней из головы, но никак не мог, потому что именно с жарой связан старт китайской программы Палестрины. Каждый день Марчиано просматривал газеты, слушал обзоры погоды в мире по телевизору и просматривал сводки в Интернете, стараясь как можно лучше представить себе погодные условия в Азии. То же самое — он нисколько в этом не сомневался — делал и Палестрина. С той лишь разницей, что госсекретарь Ватикана осуществлял куда более широкий сбор информации, поскольку, еще готовясь к созданию своего «Китайского протокола», Палестрина заблаговременно прослушал курс метеорологии, отдавшись обучению со всей страстностью своей натуры. Менее чем за год он сделался вполне квалифицированным специалистом в области компьютерного прогнозирования климатических изменений. Помимо этого он наладил связи с полудюжиной известных профессионалов-метеорологов в разных странах мира и поддерживал с ними постоянные контакты, в основном по электронной почте. И не будь перед первым министром церковного государства всепоглощающей цели, он смог бы без труда сделать вторую, столь же блестящую, как и первую, карьеру и стать ведущим климатологом Италии.

Он дожидался продолжительного жаркого периода, засухи на востоке Китая. При такой погоде начинается быстрое размножение микроскопических водорослей, отравляющих своими выделениями воду в озерах и водозаборы больших и малых населенных пунктов, расположенных на берегах водоемов. При нужных условиях, когда скорость размножения водорослей станет максимальной, Палестрина отдаст приказ и его «протокол» вступит в действие. Воду в озерах будут отравлять необнаружимым ядом, а смерти будут списываться на водоросли и неспособность давно устаревших сооружений водоочистки справиться с загрязнением.

Начнется массовая гибель людей, сопровождаемая еще более массовыми волнениями. А правительственные лидеры, втайне опасаясь крупномасштабных бунтов в охваченных бедствием провинциях и обнаружив неспособность Пекина разрешить водную проблему в стране, будут угрожать разрывом с центральной властью и при этом поставят Китай на грань катастрофы наподобие той, что не так давно сокрушила Советский Союз. И тогда-то эти лидеры получают очень убедительные, хотя и чрезвычайно конфиденциальные рекомендации от своих давних и проверенных союзников: создать консорциум международных строительных компаний, многие из которых уже успешно трудятся в Китае, чтобы в

кратчайшие сроки восстановить, а во многих случаях и создать заново систему водоснабжения вместо той, что существует в этой стране с незапамятных времен. И каналы, и водохранилища, и очистные сооружения, и плотины, и гидроэлектростанции.

Самым проверенным и давним союзником станет, конечно же, Пьер Вегген. А привлекаться к работам будут, естественно, те компании и корпорации, которые давно уже втихомолку контролируются Ватиканом. Это было самой сутью плана Палестрины: возьми под контроль водные ресурсы Китая — и станешь истинным хозяином Китая.

Чтобы взять под контроль воду, требовалась жара, а в эти дни жара стояла и в Италии, и на востоке Китая. И Марчиано знал, что если не произойдет непредвиденной резкой перемены погоды в Азии, то Палестрина через считанные дни отдаст свой приказ и мир охватит ужас.

* * *

Повернувшись, чтобы войти в дом, Марчиано увидел лицо, мелькнувшее в окне верхнего этажа. Оно показалось лишь на миг и сразу исчезло — сестра Мария-Луиза, его новая домоправительница или, что вернее, надзирательница, приставленная к нему, чтобы дать понять — он находится под непрерывным наблюдением и, как бы ни пытался дергаться, ему не удастся вырваться из хватки Палестрины.

Вернувшись в библиотеку, Марчиано устало опустился за стол и принялся повторно прокручивать в памяти последние минуты вчерашнего совещания, на котором новый инвестиционный портфель Ватикана получил одобрение совета кардиналов. В понедельник утром он должен будет представить на подпись Палестрине одобренный проект, который станет неотъемлемой частью многолетнего плана.

Марчиано погрузился в работу, а из глубин его сознания выползала непроглядно темная туча из проклятых вопросов, тех, которые постоянно таятся где-то в душе, словно живые существа, и то и дело норовят, выбрав удобный момент, вылезти, чтобы терзать его. Каким образом все они допустили, чтобы Палестрина достиг своего нынешнего положения, и, что было еще тяжелее, каким образом он сам смог дойти до собственного унижительного бессилия и невозможности хоть что-то предпринять? Почему он не организовал себе личную беседу со святым отцом, почему не написал в Коллегию кардиналов тайный меморандум, в котором объяснил бы, что происходит, что из этого последует, и попросил бы помощи, чтобы предотвратить беду?

Трагедия состояла в том, что все ответы были слишком хорошо ему известны, поскольку он уже тысячу раз пережевывал эти вопросы. Святой отец был дряхл и настолько безоговорочно доверял своему государственному секретарю, что не стал бы и слушать никаких обвинений в его адрес. А кто пользовался в священной коллегии большим авторитетом, чем Палестрина? Он был невероятно влиятелен и имел союзников везде и всюду. Любое посягательство на его персону в лучшем случае подверглось бы осмеянию, а скорее всего, было бы встречено в штыки как ересь или как безумные обвинения душевнобольного.

И совсем уж невозможной делала борьбу против Палестрины угроза объявить на весь мир, что убийство кардинала Пармы организовал сам Марчиано, запутавшийся в противоестественной связи с убитым. Каким образом Марчиано сможет опровергнуть эту

клевету перед Папой или кардиналами? Ответ был: никак, поскольку у Палестрины на руках были все козыри, а к ним еще и запасная колода в рукаве.

Положение еще более усложнялось тем, что все происходило в самом средоточии узкого окружения престола и стало прямым следствием требования Папы найти в новом столетии нетрадиционные пути для расширения влияния церкви. Были проведены самые разноплановые исследования, сделано множество предложений, и в конце концов Палестрина внес свое, намеренно и подчеркнуто грубо сформулировав его. Тогда Марчиано, как и все остальные, смеялся, приняв это предложение за шутку. Но шуткой оно, увы, не являлось. Госсекретарь был совершенно серьезен.

К ужасу Марчиано, против выступил один лишь кардинал Парма. Остальные — монсеньор Капицци и кардинал Матади — промолчали. Задним числом Марчиано понял, что в этом нет ничего удивительного. Палестрина все точно рассчитал заранее. Парма, непреклонный консерватор, никогда не согласился бы на это. А вот Капицци, имевший ученые степени Оксфордского и Йельского университетов, и Матади, префект Конгрегации епископов, принадлежавший к одному из самых видных семейств Заира, были совсем иными. Они оба относились к разряду амбициозных политических хищников, из тех, которые если и не достигали поставленных перед собой высоких целей, то лишь по чистой случайности. Чрезвычайно честолобивые и хитрые до коварства, они оба имели в церкви могучую поддержку. И, что еще важнее, зная, что у Палестрины нет стремления самому занять высший пост, каждый из них всерьез рассчитывал на папство, понимая в то же время, что получить тиару может кто угодно, буде на то прихоть госсекретаря Святого престола.

Сам же Марчиано был иной породы — человек, достигший своего нынешнего положения не только благодаря уму и сознательному неучастию в политических интригах, но потому, что в сердце своем он оставался простым священником, верующим в свою церковь и в Бога. Это делало его поистине «верным»; его вера, его «святая невинность», с одной стороны, долго не позволяла ему увидеть истинную суть Палестрины и допустить, что такой человек вообще может существовать внутри нынешней церкви, а с другой стороны, облегчала первому министру манипулирование им.

Внезапно Марчиано с силой стукнул кулаком по столу и в гневе проклял себя за слабость и наивность и даже за набожность, так долго не позволявшие ему откликнуться на призыв и вступить в борьбу. Если бы осознание и гнев пришли к нему раньше, он смог бы что-нибудь сделать, но сейчас уже было слишком поздно. Папа полностью передал контроль над деятельностью Святого престола Палестрине, а единственный, кто осмеливался возражать против создавшегося положения вещей, кардинал Парма, умолк навсегда. Капицци и Матади склонились перед лидером и покорно последовали за ним. Как и он сам, Марчиано, безнадежно увязший в ловушке собственного характера. В результате Палестрина жестко взял в свои руки бразды правления и привел в действие ужасную машину, не знающую обратного хода. И теперь всем остается только ждать, когда же в Китае установится настоящая летняя жара.

Пекин, Китай. Отель «Глория плаза».

Воскресенье, 12 июля, 10 часов 30 минут

Сорокашестилетний Ли Вэнь вышел из кабины лифта на восьмом этаже и зашагал по коридору. Ему требовался номер 886, где он должен был встретиться с Джеймсом Хоули, инженером-гидробиологом из Уолнат-крик, что в Калифорнии. Сквозь стекло было видно, что дождь прекратился и сквозь облака начало проглядывать солнце. Согласно прогнозам, день предстоял жаркий, с изнуряющей влажностью воздуха, и такая погода должна была продержаться еще несколько дней.

Дверь с номером 886, находившаяся почти точно посередине коридора, оказалась полуоткрыта.

— Мистер Хоули? — вопросительно произнес Ли Вэнь.

Ответа не последовало. Ли Вэнь повысил голос.

— Мистер Хоули!

Снова молчание. Тогда он толкнул дверь и вошел.

Внутри работал цветной телевизор, показывавший новости, а на кровати был разложен светло-серый костюм для очень высокого человека. На спинке стула висели белая рубашка с короткими рукавами, галстук в полоску и трусы. Слева от входа находилась ванная. Дверь ее тоже была открыта, из-за нее доносился плеск воды.

— Мистер Хоули!

— Мистер Ли! — Сквозь шум льющейся из душа воды прорвался голос Джеймса Хоули. — Тысяча извинений. Меня срочно вызвали на совещание в Министерстве сельского и рыбного хозяйства. О чем пойдет разговор — не знаю. Впрочем, это и не важно — все, что вам нужно, находится в конверте, который лежит в верхнем ящике. Думаю, вы даже успеете на поезд. А чаю или чего-нибудь покрепче мы с вами выпьем в другой раз.

Ли Вэнь постоял секунду-другую в нерешительности, но затем подошел к комоду и выдвинул верхний ящик. Там оказался фирменный конверт отеля с написанными от руки буквами «Л» и «В». Достав конверт, он открыл его, бегло просмотрел содержимое, после чего сунул конверт в карман пиджака и задвинул ящик.

— Благодарю вас, мистер Хоули, — сказал он, обращаясь к облаку пара, выплывавшего из ванной, и быстро вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

В конверте оказалось именно то, что ему обещали, и задерживаться дольше смысла не было. Чтобы покинуть отель, пересечь проспект Цзяньгомэньнэнь и войти в вагон поезда, ему потребовалось немногим больше семи минут.

Если бы Ли Вэнь что-нибудь забыл в номере Джеймса Хоули и сразу же вернулся туда, он увидел бы выходящего из ванной комнаты приземистого коренастого китайца, одетого в строгий деловой костюм. Незнакомец подошел к окну и посмотрел вслед Ли Вэню, который поспешно переходил улицу, направляясь к железнодорожной станции.

Отвернувшись от окна, незнакомец извлек из-под кровати чемодан, быстрыми движениями убрал туда столь аккуратно приготовленную одежду Джеймса Хоули, после

чего удалился, оставив ключ от номера на кровати.

Через пять минут он уже сидел в серебристом «опеле» и сворачивал на проспект Чунвэньмэнь, держа одной рукой руль, а другой — сотовый телефон. Чень Инь довольно ухмылялся. Большинству он был известен как преуспевающий торговец цветами, но в ограниченном избранном кругу его знали как мастера имитации голосов и акцентов. В частности, ему прекрасно удавался американский английский — вот и сейчас он говорил точь-в-точь как говорил бы Джеймс Хоули, вежливый, хотя и несколько высокомерный американец, инженер-гидробиолог из Уолнат-крик, Калифорния, если бы такой человек существовал на самом деле.

*Кортона, Италия.**Воскресенье, 12 июля, 5 часов 10 минут**(11 часов 10 минут по пекинскому времени)*

— Благодарю вас, мой друг, — сказал по-английски Томас Добряк.

Затем он закрыл сотовый телефон и положил его на сиденье рядом с собой. Чень Инь позвонил в заранее оговоренный промежуток времени и сообщил вполне ожидаемую новость. Ли Вэнь получил документы и сейчас возвращался домой. Личного контакта не было. Чень Инь оказался молодцом. Вполне надежным человеком. К тому же он самостоятельно отыскал Ли Вэня, что само по себе было не просто — выявить согласную на все ничемную пешку, обладающую достаточными знаниями и личными мотивами для того, чтобы сделать то, что потребуется, да еще и такую, которую можно будет без труда заставить замолчать или попросту устранить, когда придет время.

Чень Инь уже получил аванс на счет в банке, а когда Ли Вэнь сделает свое дело, к нему поступит остаток. А потом обоим предстоит исчезнуть: Ли Вэню потому, что он больше не сможет принести совершенно никакой пользы; оставлять его в живых будет неразумно, так как он представляет собой какую-никакую, но все же ниточку, ведущую к ним. Ну а Чень Иню будет разумнее покинуть страну хотя бы на некоторое время, ведь его деньги все равно находятся не в Китае, а в отделении банка «Уэллс Фарго», находящемся на Юнион-сквер в деловом центре Сан-Франциско.

* * *

Откуда-то донесся крик петуха, сразу вернувший Томаса Добряка к его насущным заботам. В предрассветных сумерках он видел перед собой нужный дом. Дом стоял неподалеку от дороги за круто спускавшейся чуть ли не к самой проезжей части каменной стеной. Над вспаханymi полями, лежавшими напротив, стлался туман.

Он мог сделать все, что нужно, сразу же по приезде, вскоре после полуночи. Для этого было достаточно перерезать электропровод; у него имелись очки ночного видения, которые дали бы ему преимущество над противниками. Но все равно убивать пришлось бы в темноте. А в такой обстановке да против троих вооруженных мужчин он не был уверен в своей победе.

Вот он и ждал, припарковав свой взятый напрокат «мерседес» в придорожном тупичке в миле от нужного места. Там он в темноте осмотрел и подготовил оружие: два девятимиллиметровых «вальтера-МРК» — укороченных пистолета-пулемета с тридцатизарядными магазинами. После чего отдохнул перед предстоящей работой, вернувшись мыслями к несчастному случаю, произошедшему в Пескаре, когда Этторе

Капуто, владелец «Servizio Ambulanza», и его жена наотрез отказались рассказывать ему о том микроавтобусе «ивеко», который в ночь с четверга на пятницу отъехал от больницы Святой Чечилии в неизвестном направлении.

К сожалению, упрямство было присуще всем троим. Супруги не хотели ничего говорить, ну а Томас Добряк был настроен непременно получить ответ и не желал уходить ни с чем. Его вопросы были очень просты: кто были люди, уехавшие в «ивеко», и куда они направились.

Этторе согласился заговорить не раньше, чем Добряк приставил ко лбу синьоры Капуто дуло сорокачетырехдюймового «магнума-дерринджера». О пассажирах он не имел ни малейшего представления. Вел машину некий Лука Фанари, бывший карабинер, имевший лицензию водителя «скорой помощи» и время от времени подрабатывающий в его фирме. Лука оформил аренду еще в начале недели, на неопределенный срок. А куда они поедут, Лука не говорил.

Томас Добряк немного посильнее нажал дулом пистолета на лоб синьоры Капуто и повторил свой вопрос.

— Ради всего святого, позвони жене Фанари! — простонала синьора.

Через девяносто секунд Капуто положил трубку. Жена Луки Фанари сообщила ему и номер телефона, и адрес, по которому можно отыскать ее мужа, предупредив при этом, чтобы он ни при каких обстоятельствах и никому этого не говорил.

Лука Фанари, сказал Капуто, отвез своего пациента на север. В частный дом, находящийся в ближних окрестностях Кортонь.

Как только землю осветили первые солнечные лучи, Томас Добряк легко перебрался через стену и подошел к дому сзади. На нем были перчатки, темно-серые джинсы, темный свитер и черные кроссовки. Один «вальтер» он держал в руке, второй висел на ремне через плечо. Оба автомата были снабжены глушителями. Добряк сейчас больше всего походил на командос, каковым, в общем-то, и являлся.

Во дворе ему сразу бросился в глаза бежевый микроавтобус «ивеко», стоявший около боковой двери. На то, чтобы осмотреть дом, хватило пяти минут. Там не оказалось ни души.

Час назад Гарри увидел сюжет, показанный по англоязычному каналу, — несколько портретов Байрона Уиллиса из голливудских газет, свежие съемки их офиса в Беверли-Хиллз и в доме Байрона в Бель-Эр. Его друга, босса и наставника застрелили, когда он вернулся домой с работы вечером в четверг. Из-за того, что убитый был тесно связан с Гарри, и из-за событий, происходивших в Италии, полиция не разглашает подробности и лишь сообщает, что расследование продолжается. К делу подключилось ФБР, и уже к концу дня ожидается приезд в Лос-Анджелес следователей из итальянской Gruppo Cardinale.

Ошарашенный и еще больше перепуганный этой новостью, Гарри решил рискнуть, позвонил в офис Адрианны и попросил передать ей, чтобы она при первой же возможности перезвонила Элмеру Васко. И она перезвонила — часом позже, из Афин. Она была на Кипре, где снимала очередной скандал между греческими и турецкими политиками, сама только-только узнала о несчастье с Уиллисом и попыталась выведать хоть немного побольше, прежде чем звонить Гарри.

— Неужели это может иметь какое-то отношение к тому дерьму, в какое я вляпался тут, в Италии? — Гарри испытывал гнев, боль и с трудом сдерживал слезы.

— Никто пока не знает. Но...

— Ради всего святого, что — но?

— Насколько мне удалось выяснить, это выглядит как профессиональное заказное убийство.

— Боже мой, но почему?.. — прошептал Гарри. — Ведь он же ровным счетом ничего не знал...

Усилием воли заставив себя собраться, вырваться из затягивающего вихря мрачных эмоций, Гарри спросил, как продвигаются поиски его брата. В ответ он услышал, что никаких новых зацепок у полиции нет и все остается на своих местах. Собственно, потому-то она и не звонила.

Мир вокруг Гарри стремительно суживался под напором волны озверелого насилия. Ему хотелось позвонить Барбаре Уиллис, вдове Байрона. Поговорить с ней, попытаться хоть как-то успокоить ее, разделить ту ужасную боль, которую она испытывала. Позвонить старшим партнерам Уиллиса Биллу Розенфельду и Пенну Барри и спросить, что за чертовщина там творится. Но не мог сделать ничего этого. Не мог обратиться к кому-либо по телефону, или факсу, или даже по электронной почте без риска, что его засекут и отыщут. Но и просто сидеть в бездействии он тоже не мог: если Дэнни действительно жив, то они рано или поздно до него доберутся, как добрались до Байрона Уиллиса. В этот момент мысли Гарри обратились к кардиналу Марчиано и к его поведению в похоронном агентстве, когда кардинал практически открыто посоветовал ему забрать лежавшие в гробу останки как тело его брата, а потом весьма настоятельно советовал не предпринимать никаких действий. Теперь ему стало совершенно ясно, что кардинал знал гораздо больше, чем говорил. И если кому-то было известно, где находился Дэнни, то в число этих людей, несомненно, входил и кардинал.

— Адрианна, — твердо сказал он, — мне нужен домашний номер телефона кардинала Марчиано. Но не основной, а личный, по которому отвечает только он сам.

— Не знаю, смогу ли я...

— А ты попробуй.

Виа Кариссими находилась в районе престижных квартир и особняков, ограниченном с одной стороны садами виллы Боргезе, а с другой — элегантной, обсаженной деревьями виа Пинчиана.

Гарри с половины десятого присматривался к увитому плющом четырехэтажному зданию под номером 46. Он дважды набирал номер личного телефона кардинала Марчиано. Дважды ему отвечал автоответчик, и дважды Гарри нажимал кнопку отбоя. Или Марчиано не было дома, или он не отвечал на звонки. Гарри не устраивал ни тот ни другой вариант. Он не мог оставить сообщение или позволить кому-либо отправиться звать Марчиано, поскольку для того, чтобы проследить входящий звонок, требовалось совсем немного времени. Так что лучше всего было запастись терпением, по крайней мере на некоторое время. Позвонить попозже и надеяться, что кардинал все же возьмет трубку сам.

В полдень он снова набрал номер — с тем же результатом. Донельзя расстроенный, он отправился гулять по вилле Боргезе. В час дня он нашел скамейку на самом краю парка, откуда хорошо было видно резиденцию кардинала.

Наконец, уже в четверть третьего, возле дома остановился темно-серый «мерседес». Водитель вышел и распахнул заднюю дверь, через мгновение из машины выбрался Марчиано, а следом за ним отец Бардони. Оба священнослужителя поднялись по ступенькам крыльца и вошли в дом. Водитель сразу же вернулся за руль, и машина укатила.

Взглянув на часы, Гарри вынул из кармана телефон, немного выждал, давая возможность удалиться проходившей мимо молодой парочке, и нажал кнопку повторного набора номера.

— Pronto,^[25] — громко и четко послышался голос кардинала.

— Кардинал Марчиано, это говорит отец Ри. Я из Джорджтаунского университета в...

— Как вы узнали этот номер?

— Я хотел бы обсудить с вами одну медицинскую проблему...

— Что-что?

— Насчет очень необычной родинки. Их иногда называют лишними сосками.

Голос в трубке умолк, затем послышался снова, но уже другой.

— Это отец Бардони. Я помощник кардинала. Чем могу быть вам полезен?

— Монсеньор Грейсон из Джорджтаунского юридического колледжа был так добр, что дал мне номер телефона кардинала, когда узнал, что я собираюсь в поездку. Он сказал, что если мне понадобится помощь, то я всегда смогу обратиться к его преосвященству.

Гарри сидел на той же скамейке, пока не увидел, как отец Бардони спустился с крыльца и зашагал по улице в его сторону. Поднявшись, он неторопливо направился к большому фонтану, окруженному толпой людей, тщетно рассчитывавших найти отдохновение от палящей жары и изнуряющей влажности этого июльского воскресного дня. Здесь Гарри был лишь одним из многих других, бородатым священником, пытающимся уловить хотя бы глоток прохлады.

Оглянувшись, Гарри увидел, что молодой рослый священник с темными курчавыми

волосами входит в парк. Он шел неторопливой походкой, словно прогуливался. И все же Гарри заметил, как Бардони время от времени взглядывался в толпу, пытаясь различить его среди множества людей, собравшихся у фонтана. Он держался как человек, не желающий привлечь внимания к себе или своим поступкам или же просто испытывающий сильную неловкость. Но самое главное, что он пришел сюда, и это укрепило Гарри в его подозрениях. Дэнни был жив. И Марчиано знал, где он находится.

Гарри стоял за кучкой плескавшихся в фонтане детей и следил, как отец Бардони искал его в толпе. В конце концов его поиски увенчались успехом.

— Вас просто не узнать. — Отец Бардони остановился рядом с ним, но смотрел не на Гарри, а на ребяташек, которые с криком и визгом самозабвенно плескались в фонтане.

Гарри и сам знал, что казался худощавее, борода, строгий костюм священника и надвинутый на лоб черный берет делали его абсолютно непохожим на того человека, который несколько дней назад прилетел в Рим из Америки.

— Я хочу встретиться с его преосвященством.

Они разговаривали чуть слышно, глядя не столько друг на друга, сколько на детей, улыбаясь их играм и беззаботной радости бытия.

— Боюсь, что это невозможно.

— Почему?

— Он... Его расписание заполнено на большой срок вперед.

Гарри в упор взглянул на собеседника:

— Чушь собачья.

Взгляд отца Бардони переместился за спину Гарри.

— Мистер Аддисон, на холме, прямо у вас за спиной, несколько конных карабинеров. А немного ближе, справа от вас, еще двое на мотоциклах. — Он вновь посмотрел в лицо Гарри. — Вас ведь разыскивает вся итальянская полиция. Стоит мне только поднять руку, и... Вы меня понимаете?

— Святой отец, мой брат жив. И его преосвященству известно, где он находится. Так что он может сам отвести меня к нему, хотя возможен и другой вариант: вы выдадите меня полиции, и тогда уже она заставит его сделать то же.

Отец Бардони испытующе посмотрел в глаза Гарри, но в это время уловил взгляд стоящего на противоположной стороне фонтана мужчины в голубой рубашке.

— Пожалуй, нам с вами лучше немного прогуляться...

Гарри тоже обратил внимание на соглядатая; стоило им сдвинуться с места, как мужчина выбрался из толпы и, держась в отдалении, последовал за ними через открытую просторную лужайку в ту сторону, где начиналась мощеная аллея.

— Кто это? — настороженно спросил Гарри. — Парень в голубой рубашке.

Отец Бардони снял очки, протер их рукавом и вновь надел. Без очков он казался физически крепче и сильнее, и Гарри вдруг пришло в голову, что молодому священнику очки вовсе не нужны, он носит их лишь для видимости. И что он на самом деле служил кардиналу не столько секретарем, сколько телохранителем. Или даже если это было и не так, он имел ко всей истории куда более прямое отношение, чем хотел бы показать.

— Мистер Аддисон... — Отец Бардони быстро оглянулся через плечо.

Мужчина в голубой рубашке все так же шел следом за ними. И Бардони вдруг остановился. Несомненно, для того, чтобы дать возможность преследователю догнать их.

— Это человек Фарела... — чуть слышно предупредил священник.

Незнакомец приблизился и произнес, кивнув:

— Buon giorno.

— Buon giorno, — ответил ему отец Бардони и, когда он отошел, вновь повернулся к

Гарри: — Вы даже представить себе не можете, что тут происходит и во что вы ввязались.

— Так почему бы вам не рассказать мне об этом?

Отец Бардони взглянул вслед мужчине в голубой рубашке. Тот не спеша удалялся от них по аллее. Снова сняв очки, священник посмотрел на Гарри.

— Я поговорю с кардиналом, мистер Аддисон. — И, немного помолчав, отец Бардони добавил: — Я передам ему, что вы желаете с ним увидеться.

— Это больше чем просто желание, святой отец.

Отец Бардони ответил не сразу, очевидно взвешивая про себя степень решимости Гарри, потом вновь нацепил очки.

— Где вы остановились? — спросил он. — Как мы сможем с вами связаться?

— Я пока этого точно не знаю, святой отец. Лучше я свяжусь с вами сам.

Дойдя до конца аллеи, мужчина в голубой рубашке остановился и обернулся. Он увидел, как два священника пожали друг другу руки, после чего отец Бардони направился назад, в ту сторону, откуда пришел. Второй священник, с черным беретом на голове, свернул в другую аллею и тоже скрылся из виду.

Кастеллетти вынул сигарету из лежавшей на столе пачки и собрался прикурить, но увидел яростный взгляд Роскани.

— Может быть, мне выйти?

— Нет!

Роскани с хрустом откусил кусок морковной палочки.

— Раз начал, то договаривай, — бросил он, а затем, взглянув на Скалу, уставился на висевшую возле окна доску.

Они сидели в кабинете Роскани и, сняв пиджаки и засучив рукава, разговаривали под гул старого кондиционера. Детективы пришли сообщить Роскани последние новости по своим направлениям расследования.

Кастеллетти занимался видеокассетой, на которой был снят Гарри Аддисон, и сумел по номеру узнать, что она была куплена в магазине на виа Фраттина в каких-нибудь пяти минутах ходьбы от «Хасслера», в котором остановился американец.

Скала пытался выяснить, кто же наклеил на лоб Аддисону пластырь, хорошо заметный в кадре; он изучил все улицы в радиусе полумили от того места, где был убит Пио. В этой округности оказалось двадцать семь медиков и три больницы. Но в день убийства никто не оказывал помощи ни одному человеку, который подходил бы под описание Гарри Аддисона. И в довершение всего пожелание Роскани проанализировать кадры с помощью компьютера, чтобы получить детализированное изображение обоев, на фоне которых снимали Аддисона, обернулось пустой тратой времени. Рисунок на обоях так и не удалось толком различить, следовательно, нельзя было установить, где они были изготовлены и где и кому проданы.

Роскани слушал, яростно жуя морковь, нарезанную на длинные палочки, и напрягая волю, чтобы не замечать дразнящего запаха сигарет Кастеллетти. Его помощники сделали все, что от них требовалось, и не обнаружили ровно ничего полезного — это было неотъемлемой частью той игры, которую они вели. Куда интереснее казалась ему доска, залепленная маленькими — 3 на 5 сантиметров — карточками с именами двадцати трех или двадцати четырех жертв взрыва в ассизском автобусе. Над фамилиями красовались фотографии, некоторые новые, некоторые давнишние, изъятые из семейных архивов; на части снимков были запечатлены изуродованные смертью лица.

Роскани, как и Скала, и Кастеллетти, просмотрел фотографии не меньше сотни раз. Эти лица всплывали в его памяти, когда он ложился спать, когда брился, когда вел машину. Если отец Дэниел жив, то кто же здесь его заменяет? Кто из оставшихся двадцати трех?

Из восьми уцелевших и шестнадцати погибших всех, кроме одного — того самого трупа, который поначалу считали останками отца Дэниела Аддисона, — удалось совершенно определенно опознать; даже пятерых, обгоревших настолько сильно, что идентификацию пришлось проводить по записям врачей и стоматологов.

Неопознанный покойник, шедший под номером 24 — у него отсутствовала и карточка с именем, и фотография, — был тем самым изуродованным трупом, которого и сочли отцом Дэниелом Аддисоном. И до сих пор он оставался неопознанным. При патологоанатомическом исследовании не удалось обнаружить ни шрамов, ни каких-либо других примет, позволяющих провести идентификацию. По тому немногому, что осталось от рта, сделали зубную карту, но и ее было не с чем сопоставлять. Поиск по спискам без вести

пропавших ничего не дал. Но ведь кто-то совершенно определенно исчез. Мужчина европейской внешности, сорока — немного больше или немного меньше — лет. Ростом от пяти футов девяти дюймов до шести футов, весом примерно...

Вдруг Роскани резко повернулся к детективам.

— А что, если в автобусе ехали не двадцать четыре человека, а двадцать пять? Там творилось такое, что никто не мог бы назвать точное число пассажиров! Живых и мертвых развозили в две разные больницы. Вызвали множество докторов и сестер. «Скорых помощей» было как машин в центре в час пик. Там были страшно обожженные, были люди без рук и без ног... Они подолгу лежали на носилках в коридорах... Все суетились... Пытались и людей спасать, и поддерживать хоть какое-то подобие порядка. Ну и вообще, вспомните, что творилось тогда в приемных отделениях. Кому там могло прийти в голову сразу оформлять все и всех по правилам? Тут успеть бы сделать самое необходимое...

А что было потом? Чуть не целый день толковали со спасателями, рылись в больничных записях, пытались подсчитать билеты, проданные автобусной компанией... На следующий день оформляли опознание тех, кого удавалось идентифицировать. И в конце концов все — включая и нас — сошлись на том, что в автобусе было двадцать четыре человека.

В такой суматохе просмотреть одного человека ничего не стоит. Особенно если он не зарегистрировался официально. Кто-нибудь мог уцелеть и тихонько убраться оттуда. А может быть, ему и помогли убраться... Проклятье!

Прервав свой монолог, Роскани с силой грохнул ладонью по столу.

Все это время они рылись в том, что у них было, но не искали того, чего не было. А сейчас им следовало вновь заняться больницами. Проверить все записи о поступлении больных за тот день. Переговорить со всеми, кто тогда дежурил. Выяснить, что же все-таки случилось с одним из пострадавших. Куда он мог отправиться сам или куда его доставили.

* * *

Через сорок минут Роскани ехал по автостраде, направляясь на север, в сторону Фиано Романо, в тамошнюю больницу, ощущая себя не то циркачом, решившим пожонглировать слишком большим количеством шаров, не то облицовщиком, рассыпавшим мозаику сложнейшего узора. В голове у него царил сумбур, он никак не мог привести мысли в порядок. В таком случае нужно некоторое время не думать ни о чем, пусть подсознание работает само по себе. Шорох шин служит фоном для изумительной тишины, для его *assoluta tranquillita*.

Подняв руку, он повернул козырек, чтобы укрыться от лучей заходящего солнца. Боже, как же ему хотелось курить, а ведь пачка сигарет была у него в машине, лежала в бардачке. Он потянулся, чтобы достать ее, но тут же одернул себя и, запустив руку в лежавший рядом с ним на сиденье пакет из оберточной бумаги, извлек оттуда не одну из бесчисленных морковных палочек, которые заботливо нарезала ему жена, а большой *biscotto* — он сам купил себе полдюжины. И когда он уже совсем было собрался вонзить в него зубы, его мысли завершили круг и устремились в новом направлении.

Он ничего не сказал коллегам о своей идее — что пистолет «ллама», найденный в районе места взрыва, мог принадлежать не отцу Дэниелу, а кому-то другому, севшему в автобус, чтобы убить священника. Почему не сказал? Да потому, что у него не было фактов

для подкрепления этой версии, а при полном отсутствии всяких улик поиски в этом направлении были бы пустой тратой времени и сил. Но если к этой версии добавить версию о двадцать пятом человеке, то появляется неучтенный пассажир, возможно купивший билет и вскочивший в автобус в самую последнюю минуту. Водитель не отметил этот билет просто потому, что не успел, — отложил на позже, а потом произошел взрыв. Если дело было так и в том гробике лежал именно этот человек, то объяснялось, почему никто не пожелал и не смог его опознать.

И все же, остановил он себя, это всего лишь догадки. С другой стороны, он питал глубокое убеждение, что в расследовании упущена важная деталь, и чем дальше, тем крепче становилась эта уверенность. Интуиция, основанная на многолетнем опыте, говорила ему, что в автобусе был двадцать пятый пассажир и что он сел в автобус специально для того, чтобы убить отца Дэниела. «Но если это был убийца, — спросил себя Роскани, уставившись на горизонт, — то кто же взорвал автобус? И зачем?»

*Сиань, Китай.**Понедельник, 13 июля, 2 часа 30 минут*

Ли Вэнь закурил сигарету и откинулся на спинку сиденья, стараясь отодвинуться как можно дальше от спящего толстяка, развалившегося рядом с ним. Через пятнадцать минут поезд должен прибыть в Сиань. Там он выйдет, и толстяк сможет, если ему взбредет в голову, занять оба сиденья. Ли Вэнь уже проделал подобное путешествие в мае, а потом и в июне, только тогда он решил шикануть и путешествовал роскошно, экспрессом «Марко Поло», вагоны которого, выкрашенные в зеленый и кремовый цвета, пробегали две тысячи километров от Пекина до Урумчи, столицы Синьцзян-Уйгурского района, по маршруту древнего Шелкового пути, первого великого тракта, связывавшего Восток с Западом. Китайцы очень рассчитывали, что этот экзотический поезд привлечет богатых путешественников вроде тех, кто катается на знаменитом «Восточном экспрессе» из Парижа в Стамбул.

А нынче Ли ехал в набитом пассажирами жестком вагоне, и поезд опаздывал уже почти на четыре часа. Он ненавидел поездки в жестком. Ненавидел постоянную громкую музыку, ненавидел прогнозы погоды, ненавидел давно устаревшие новости, которые то и дело передавали по неумолкавшей поездной трансляции. Спавший рядом с ним толстяк изменил позу и вонзил локоть Ли под ребро. В ту же минуту сидевшая напротив него женщина средних лет откашлялась и харкнула прямо на пол, ухитрившись попасть между ботинок стоявшего в проходе рядом с ней мужчины и прижатого к нему молодого парня.

Отодвинув локоть толстяка, Ли глубоко затянулся сигаретой. В Сиане он пересядет на другой поезд, надо надеяться, не столь набитый, на котором приедет в Хэфэй, где его будет ждать номер в «Гостинице для зарубежных соотечественников». ^[26] Возможно, удастся поспать несколько часов. Так же, как было в мае, потом в июне. Сейчас. И будет еще раз, в августе. В этот период начинается сильное цветение микроскопических водорослей в озерах и реках, откуда забирают питьевую воду для населенных пунктов по всему Центральному Китаю.

В свое время Ли Вэнь был доцентом Гидробиологического института в Ухане, а сейчас занимал не слишком видный пост на государственной службе — инженера по контролю за качеством воды. Конкретная его работа заключалась в том, что он должен был следить за уровнем бактериального загрязнения воды, поступающей для общественного потребления с фильтрационных установок по всему региону. Сегодня его распорядок дня будет таким же, как и всегда. С пяти часов утра весь день и, вероятно, следующий тоже он будет осматривать очистное предприятие, брать пробы воды, затем запишет результаты анализов и рекомендации для рассмотрения в Центральном комитете и переедет на другое точно такое же водоочистное сооружение. Серая, тусклая, скучная жизнь, почти без всяких событий. По крайней мере, такой она была до сих пор.

*Озеро Комо, Италия.**Воскресенье, 12 июля, 20 часов 40 минут*

Рев моторов сменился мягким жужжанием, и медицинская сестра Елена Восо почувствовала, что катер на подводных крыльях осел носом в воду и резко замедлил ход. Впереди на самом берегу озера возвышалось сложенное из камней большое здание виллы; к нему-то и направлялся катер. В сумеречном свете Елена увидела стоявшего на причале мужчину, который держал в руке собранный в бухту канат и смотрел в их сторону.

Марко вышел из рубки и прошел на нос. За спиной Елены Лука и Пьетро стояли наготове, чтобы без лишних задержек вынуть рукоятки носилок из петель подвески, к которой их прикрепили на время двадцатиминутного водного путешествия. Катер был большим — Елена прикинула, что в него могло поместиться не менее шестидесяти пассажиров, — и обычно использовался для перевозок людей между городами по берегам озера, вытянувшегося на тридцать миль. Но в этом плавании народу на борту было всего ничего: она, Марко, Лука и Пьетро. И еще Майкл Роарк.

Из дома в Нортоне они уехали накануне, сразу после полудня. Умчались сломя голову и бросив там почти все, кроме медицинского оборудования, необходимого для ухода за Майклом Роарком. На телефонный звонок ответила Елена. Потребовали позвать Луку. Елена ответила, что Лука спит, но мужской голос велел немедленно разбудить его, и Лука взял у себя в спальне отводную трубку.

— Уезжайте немедленно! — услышала Елена, когда вернулась в кухню.

Она хотела послушать дальше, но Лука приказал ей повесить трубку. Она повиновалась.

Пьетро сразу же уехал куда-то на своей машине и вернулся через три четверти часа на другом микроавтобусе. Еще через пятьдесят минут они укатили в новой машине, бросив ту, в которой приехали, возле дома.

По автостраде А1 они направились на север, доехав до Флоренции, свернули на Милан и провели ночь и почти весь следующий день в квартире дома в пригороде. Там-то Майкл Роарк впервые за все время попробовал настоящую пищу, кусочек рисового пудинга, купленного Марко в местном магазине. Он ел очень медленно, каждый кусочек ему требовалось запивать водой, но ел, и, что самое главное, съеденное осталось у него в желудке. Но этой еды было недостаточно, и Елена продолжала ставить ему питательные капельницы.

Купленную ею газету с фотографией отца Дэниела Аддисона она второпях бросила. Ей так и не удалось понять, заметил ли Роарк, внезапно повернув голову, что именно она спрятала за спиной. Во всяком случае, ее подозрение не нашло ни подтверждения, ни опровержения.

Больной мог действительно быть священником-американцем, а мог и не быть им. Так что ее усилия пропали впустую.

Моторы коротко взревели на заднем ходу, и катер с негромким стуком коснулся пристани. Елена, отвлекшись от своих мыслей, увидела, как Марко подал швартов стоящему

на причале, а затем Лука и Пьетро подхватили носилки и понесли их вверх по ступенькам. Майкл Роарк приподнял голову и посмотрел на Елену; она решила, что ему лишь хотелось убедиться, идет ли она с ним, так как в ее присутствии ему спокойнее, и иной причины не было. Он уже начал понемногу говорить, но был все еще очень слаб и мог издавать лишь хриплые гортанные звуки. Елена понимала, что он видит в ней не только сиделку, но и отраду для души. Это породило между ними определенную тонкую взаимосвязь, чем Елена, несмотря на весь свой достаточно внушительный медицинский опыт, была тронута, как никогда прежде. Теперь она гадала, что же это могло значить. Может быть, она сама изменилась? И она не могла не задавать себе трудный вопрос: сохранится ли эта взаимосвязь, это новое для нее чувство, если он и впрямь окажется беглым священником?

Через несколько секунд мужчины вынесли больного с катера и направились вслед за Марко по сходням на берег. После них сошла на пристань и Елена. В ту же секунду взревели моторы, и когда она оглянулась, то увидела, что судно удаляется в темноту. На корме светились огни, над ходовой рубкой полоскался на ветру итальянский флаг. Через считанные секунды катер набрал скорость, встал на крылья, поднялся над водой, словно огромная неуклюжая птица, и стремительно унесся прочь. Вода смыкалась за ним, размывая след. Как будто здесь никто и не проплывал.

— Сестра Елена... — окликнул ее Марко, и она, обернувшись, последовала за мужчинами по каменной лестнице, к ярким огням возвышавшейся впереди виллы.

Гарри стоял в крохотной кухоньке квартиры Итона и смотрел на лежавший на столе сотовый телефон. Рядом с ним валялись недоеденные куски хлеба и сыра, которые он купил в одном из немногочисленных магазинов, работавших в воскресенье. К этому моменту Марчиано должен был узнать, о чем он говорил с отцом Бардони в парке. И принять решение, как поступить, когда Гарри позвонит.

Если он позвонит.

«Вы даже представить себе не можете, что тут происходит и во что вы ввязались», — вновь и вновь звучали в его памяти устрашающие слова отца Бардони.

Мужчина в голубой рубашке был сыщиком Фарела и следил за отцом Бардони, а не за Гарри. Итон высказал твердую уверенность, что на высших уровнях окружения Святого престола плетется какая-то темная интрига. И вероятно, именно ее имел в виду отец Бардони, когда предупреждал Гарри о том, что его вмешательство в происходящее не просто нежелательно, но и очень опасно. Намекая на то, что, поднимая волну, он может утопить всех.

Гарри отвел взгляд от телефона. Он не знал, что делать. Продолжая нажимать на Марчиано, он мог еще сильнее ухудшить и без того тяжелое положение. Но чье? Самого Марчиано? Людей Фарела? Всех остальных, причастных к истории? И кто же эти остальные?

Сам не зная зачем, он взял со стола нож, которым резал хлеб и сыр. Самый обычный кухонный нож с тупым, как водится, лезвием. Как оружие он не произвел бы впечатления, но для своего предназначения годился. Сжав нож в кулаке, Гарри взмахнул им, лезвие сверкнуло в свете висевшей под потолком лампы. А потом Гарри быстрым движением глубоко вонзил лезвие в хлеб. Ничего, кроме жизни и благополучия его брата, не имеет никакого значения. А все остальные, весь Ватикан с его интригами и борьбой за власть, может катиться ко всем чертям!

*Больница Святого Иоанна.**Виа дел'Амбра Арадам, 21 час 50 минут*

Гарри в полном одиночестве сидел в маленькой часовне на скамье в третьем ряду от алтаря. Черный берет он сунул в карман пиджака, а голову склонил, будто молился. Он пробыл там уже пятнадцать минут, когда дверь открылась и мужчина в рубашке с короткими рукавами и легких брюках защитного цвета, кажется от «Леви Докерс», вошел в помещение и сел неподалеку от него.

Гарри взглянул на часы и снова на дверь. Марчиано должен был явиться на встречу двадцать минут назад. Гарри решил дать кардиналу лишних пять минут, потом еще раз взглянул на вошедшего и, к своему изумлению, понял, что это и был Марчиано.

Кардинал довольно долго сидел неподвижно. Молча, склонив голову. Наконец он выпрямился, встретился взглядом с Гарри и чуть заметным кивком указал на дверь слева. Затем поднялся, перекрестился перед алтарем и вышел в ту самую дверь. Чуть ли не в тот же момент в церковь вошла молодая пара; оба преклонили колени перед алтарем, перекрестились и уселись в первом ряду.

Гарри медленно досчитал до двадцати, встал, перекрестился и направился к той же двери, через которую вышел Марчиано. За ней оказался широкий коридор, где в одиночестве стоял кардинал.

— Пойдемте со мной, — сказал Марчиано.

Кардинал провел Гарри пустым коридором, в котором отчетливым эхом отдавались их шаги по вытоптаным черно-белым плиткам, в другую, еще более древнюю часть здания. Свернув в следующий коридор, Марчиано открыл дверь, и они вошли в небольшое помещение, оказавшееся еще одним молитвенным святилищем. Тускло освещенный зал выглядел более уютным, нежели первая церковь; лишь несколько полированных деревянных скамеек стояло здесь перед прикрепленным к стене простым бронзовым распятием. По обеим сторонам располагались начинавшиеся выше уровня головы и доходившие до самого потолка высокие окна, за которыми сейчас царилла темнота.

— Вы хотели видеть меня, мистер Аддисон. Я пришел, — сказал Марчиано, закрыл дверь.

Он повернулся так, чтобы и без того неярко свет оставлял его лицо в густой тени. Намеренно или нет, но этим он как бы подчеркнул свое могущество, напомнив Гарри, что, кем бы тот ни был или мог бы стать, он, Марчиано, являлся одной из наивысших персон в иерархии католической церкви. Чрезвычайно важной и могущественной.

Но Гарри никак не мог позволить запугать себя.

— Ваше преосвященство, мой брат жив, и вы знаете, где он находится.

Марчиано промолчал.

— От кого вы его защищаете? От полиции? От Фарела?

Хотя Гарри и не мог разглядеть глаз Марчиано, он знал, что кардинал пристально изучает его лицо.

— Вы любите вашего брата, мистер Аддисон?

— Да.

— Вы... любите... вашего... брата? — повторил Марчиано. На сей раз настойчиво и почти обвиняюще. — Вы же почти незнакомы друг с другом. Вы много лет не общались.

— Он мой брат!

— Братья бывают у многих.

— Я вас не понимаю.

— Вы много лет живете в разных концах света. Почему сейчас он стал так важен для вас?

— Просто потому, что он есть.

— В таком случае зачем же вы играете его жизнью?

Гарри смерил кардинала взглядом, полным гнева.

— Вы просто скажите мне, где он находится.

— А вы подумали, что будет потом? — продолжал Марчиано, как будто не услышав его слов. — Вы останетесь с ним там, где он находится? Будете вечно прятаться? Но ведь рано или поздно вам придется вспомнить о неумолимой реальности. О полиции. А когда она вас настигнет и вам придется выйти из убежища, вас обоих убьют. Вашего брата — потому что он слишком много знает. Вас — из опасения, что он мог поделиться своими знаниями с вами.

— Что же такое страшное он знает?

Марчиано долго молчал, а потом шагнул вперед, и его глаза впервые за все время разговора оказались на свету. И перед Гарри оказался вовсе не высокопоставленный церковник, а одинокий, сломленный и измученный человек, переполненный страхом. Таким страхом, какого Гарри даже представить себе не мог. Это превращение оказалось для него совершенно неожиданным.

— Его уже один раз попытались убить. И продолжают свои попытки. По его следу идет охотник, которому поручено с ним разделаться. — Марчиано взглянул Гарри в глаза. — Виа ди Монторо, дом сорок семь. Не думайте, что вам сегодня удалось укрыться в своем убежище незаметно. Не надейтесь, что одеяние священника будет и впредь прятать вас. Заклинаю вас всем на свете: не вступайте в это дело! Потому что, если вы не послушаетесь...

— Где он находится? Что за чертовщину такую он может знать?

— ...потому что, если вы не послушаетесь, я сам скажу им, где он находится. А если я это сделаю, никто и никогда больше о нем не услышит. — Голос Марчиано упал до чуть слышного шепота. — Под угрозой поставлено слишком много...

— Церковь!

Стоило Гарри проронить это слово, как по его спине пробежал холодок от безмерности стоявшего за ним понятия.

Кардинал бросил на него короткий взгляд, затем резко повернулся, распахнул дверь и удалился по коридору; его быстрые шаги вскоре стихли.

Тремя часами позже, понедельник,

13 июля, 1 час 20 минут

Роскани, как обычно в такую жару, спал голый. Когда зазвонил телефон, он взглянул на жену, нажал кнопку удержания звонка и накинул легкий халат. Через несколько секунд он снял трубку в своем кабинете, одновременно щелкнув выключателем настольной лампы.

В Пескаре, в складском сарайчике за домом, где находилась автотранспортная компания «Скорой помощи», обнаружили трупы мужчины средних лет — владельца компании — и его жены. Люди были застрелены. Прежде чем их отыскиали встревоженные родственники, они пролежали там не менее тридцати шести часов. Местные следователи поначалу решили, что имеют дело с самоубийством, но, допросив родных и друзей, отказались от этой мысли. И, приняв во внимание маловероятную, но все же возможную версию о том, что это убийство может быть как-то связано с идущим в стране поиском опасных преступников, сочли нужным поставить в известность римскую Gruppo Cardinale.

Пескара, 4 часа 30 минут

Роскани неторопливо прошелся по месту преступления — хозяйственной кладовой во дворе дома, где располагалась компания «Servizio Ambulanza». Этторе Капуто и его жена прожили в браке тридцать два года и имели шестерых детей. В полиции Пескары ему сказали, что они постоянно ссорились по поводу и без повода. Свары всегда были яростными и громогласными. Но никто и никогда не видел, чтобы кто-то из супругов ударил другого. И к тому же у Этторе Капуто не было оружия. Никогда не было.

Сначала была застрелена синьора Капуто. Одним точным выстрелом. А затем ее муж, по всей видимости, нацелил оружие на себя, так, во всяком случае, следовало из проведенного наскоро анализа отпечатков пальцев. Оружие оказалось двухзарядным сорокачетырехдюймовым «магнумом-дерринджером». Крошечный пистолет, но с большой убойной силой. О таком оружии мало кто знает, не считая, конечно, увлеченных коллекционеров и знатоков огнестрельного оружия.

Роскани покачал головой. Почему именно «дерринджер»? Тот, кто пользуется двухзарядным пистолетом, полностью лишает себя права на промах или осечку. Единственное его достоинство — размер, потому что его легко прятать. Отступив в сторону, Роскани кивнул криминалисту, та вошла и убрала пистолет в пластиковый пакет. Затем он повернулся, вышел из сарая и через автостоянку направился в помещение фирмы. На улице, несмотря на ранний час и кромешную тьму, возле выставленного полицией ограждения уже собирались любопытные.

Роскани вернулся мыслями к вчерашнему вечеру и к тому, что он и его помощники узнали, объезжая поодиночке больницы в окрестностях Рима. А узнали они лишь то, что его догадка, похоже, была верной. Действительно, в автобусе мог оказаться

незарегистрированный двадцать пятый пассажир. Который в начавшейся суматохе скрылся, например ушел, или его увезли на машине, или — Роскани взглянул на рекламный календарь, висевший на стене офиса, — скажем, на частной «скорой помощи».

В офисе его поджидали Кастеллетти и Скала. Оба курили, но, как только увидели Роскани, поспешно погасили сигареты.

— Снова отпечатки пальцев, — сказал Роскани, демонстративно помахав рукой, чтобы разогнать табачный дым. — Отпечатки пальцев испанца на винтовке убийцы. Отпечатки пальцев Гарри Аддисона на пистолете, из которого убили Пио. А теперь отпечатки пальцев человека, который никогда не приобретал оружия — во всяком случае, легальными путями, — говорят о том, что он убил жену и сам застрелился. И каждый раз отпечатки совершенно недвусмысленно свидетельствуют о том, кто был убийцей. Допустим, что в случае с кардиналом-викарием нам известно, что это не так. А как насчет остальных? Что, если убийства совершал кто-то третий, который потом принимал меры для того, чтобы на оружии оставались чьи-то отпечатки пальцев? Каждый раз — один и тот же. Он, или она, или даже они убили кардинала-викария. Убили Пио. И поработали здесь, в «скорой помощи».

— Священник? — спросил Кастеллетти.

— Не исключено, что наш третий — совсем другой. — Роскани задумчиво вынул из кармана жевательную резинку, развернул ее и сунул в рот. — Что, если священник сильно пострадал и его перевезли на частной «скорой» из больницы возле Рима в Пескару...

— А третий об этом узнал и явился сюда, чтобы его отыскать, — негромко закончил Скала.

Роскани посмотрел на Скалу, затем аккуратно сложил обертку от жевательной резинки и сунул ее в карман.

— Почему бы и нет?

— Если принять это за версию, то возможно, что Гарри Аддисон не убивал Пио...

Продолжая медленно пережевывать резинку, Роскани прошелся по комнате. Обвел взглядом пол, потолок. Посмотрел через окно на поднимающийся над Адриатическим морем огненный шар солнца. Потом повернулся к своим помощникам.

— Может, и так...

— *Ispettore capo*...

Детективы оглянулись на следователя из пескарской полиции. Несмотря на ранний час, он уже обливался потом от жары.

— У меня для вас есть кое-что еще. Главный судмедэксперт только что закончил вскрытие женщины, сгоревшей во время пожара в своей квартире прошлой ночью...

Роскани уже знал ответ.

— Она погибла не от огня.

— Так точно, сэр. Она была убита.

Гарри, опустив голову, бездумно брел в сторону Колизея, не обращая внимания на машины, несущиеся рядом с ним по проезжей части виа деи Фори Империали. Сейчас пребывание в движении представлялось ему самым главным на свете. Единственным способом сохранить хотя бы жалкие остатки здравомыслия. Автомобили, автобусы, мотороллеры взреывали и проносились мимо. Человечество мчалось по своим личным делам, сосредоточив в неведении свои мысли и чувства на начавшемся дне — точно так же, как поступал и он сам каждое утро, вплоть до прибытия в Рим. Такой образ жизни был привычным и удобным, как старые разношенные туфли.

Подъем в шесть часов, часовая зарядка в специальной спорткомнате рядом со спальней, душ, встреча за завтраком с клиентом или потенциальным клиентом, а потом — в офис, сотовый телефон всегда на расстоянии вытянутой руки, даже в душе. Точно так же, как и сейчас. Сотовый телефон при нем, лежит в кармане. Только сейчас не так. Все не так. Сотовый телефон есть, но он не осмеливается воспользоваться им. Звонок могут засечь, его местонахождение в мгновение ока определяют по координатам ретранслятора сети, и, прежде чем он успеет что-то понять, вокруг него сомкнется кольцо полицейских.

Неожиданно для себя он заметил, что перешел с яркого солнечного света чуть ли не в полумрак. Поднял голову и обнаружил, что стоит в тени Колизея. Сразу же его глаза уловили движение там, где тень была самой густой, и он остановился. Возле колонны античной арки стояла женщина в пестром одеянии и смотрела на него. Почти сразу же рядом с ней возникла другая. И третья, с ребенком на руках. Цыганки.

Обернувшись, он увидел еще нескольких. Его окружали восемь, а то и десять цыганок. И они неторопливо приближались. Поодиночке, по две, по три. Одни женщины, причем у большинства на руках были дети. Гарри быстро оглянулся на улицу. Там не было никого. Ни прохожих. Ни туристов. Ни единой души.

Внезапный рывок за штаны заставил его опустить взгляд. Пожилая женщина задрала его штанину и разглядывала туфли. Отдернув ногу, он отшатнулся от нее. Это ничего не дало. Он наткнулся на другую женщину. Гораздо моложе. С широкой улыбкой, выдававшей отсутствие передних зубов. Одну руку она протянула за подаванием, а второй ощупывала материал пиджака. То, что они имели дело со священником, очевидно, ничего для них не значило. В следующее мгновение ему ощутимо надавили на спину, а чья-то рука полезла за пазуху с очевидным намерением извлечь бумажник.

Резким движением он вывернулся, выбросил руку и, вцепившись в первый же подвернувшийся клочок цветастой материи, подтянул к себе отчаянно завизжавшую молодую женщину. Остальные испуганно отшатнулись, не зная от неожиданности, как поступить. А женщина, которую он держал, отчаянно вырывалась и вопила так, будто ее убивали. Гарри рывком подтянул ее вплотную к себе. Так, что их лица разделяли считанные дюймы.

— Геркулес, — вполголоса сказал он. — Мне нужно увидеть Геркулеса.

Карлик сидел, положив одну ладонь на бедро, а второй подпирая подбородок, и пристально смотрел на Гарри. Дело происходило сразу после полудня; они устроились на скамейке в маленьком чахлом скверике в районе Джаниколо, на противоположном от Колизея берегу Тибра. Мимо дальнего края сквера с гулом лился дневной поток машин. Но здесь был оазис: лишь пара немолодых людей на скамейке поодаль. Правда, Гарри не сомневался, что где-то поблизости присутствовали и цыгане, наблюдавшие за ними, но их он не видел.

— Из-за тебя полиция отыскала мой туннель. Из-за тебя мне приходится жить не в метро, а на улице. Большое тебе спасибо!.. — Геркулес был в ярости, буквально вне себя.

— Я очень сожалею...

— И все равно ты снова приперся. И хотя тебе надо бы обходить меня окольной дорогой, ты наверняка опять будешь просить о помощи!

— Да.

Геркулес непроизвольно отвел взгляд.

— И чего же ты хочешь?

— Чтобы ты кое за кем проследил. Если точнее, за двумя людьми. Ты и цыгане.

Геркулес вновь уставился ему в лицо.

— За кем же?

— За кардиналом и священником. Они знают, где находится мой брат, и приведут меня к нему.

— За кардиналом?

— Да.

Геркулес резким движением выдернул из-под себя костыль и поднялся.

— Нет.

— Я заплачу тебе.

— Чем же?

— Деньгами.

— Откуда ты их возьмешь?

— У меня они есть... — После секундного колебания Гарри извлек из кармана пачку денег, которую передал ему Итон. — Сколько ты хочешь? На тебя и на цыган.

Геркулес посмотрел на деньги, потом на Гарри.

— Здесь больше, чем я тебе дал. Где ты их взял?

— Они у меня есть, и это главное... Сколько ты хочешь?

— Больше этого.

— Насколько больше?

— Ты сможешь достать еще? — Геркулес не на шутку удивился.

— Думаю, что да.

— Если у тебя так много денег, почему ты не попросишь проследить за кардиналом тех людей, которые дают их тебе?

— Это не так просто.

— Почему? Ты им не доверяешь?

— Геркулес, я прошу тебя помочь мне. Далеко не бесплатно. Я ведь знаю, что тебе нужны деньги...

Геркулес промолчал.

— Ты недавно сказал мне, что не можешь получить за меня награду, потому что

боишься связываться с полицией. А имея деньги, ты сможешь уйти с улицы.

— Если честно, мистер Гарри, я лучше уйду от тебя, да поскорее. Тебя разыскивает полиция. Как и меня. Что ты, что я — плохая компания. А когда мы вместе, компания становится вдвое хуже... Ты можешь пригодиться мне как адвокат, а не как банкир. Вот когда снова станешь адвокатом, тогда и приходи. Милости прошу. А пока — *arrivederci*.^[27]

Резким, по своему обыкновению, движением Геркулес потянулся за другим костылем. Но Гарри пинком отбросил его в сторону.

Глаза Геркулеса полыхнули гневом.

— Это была не самая лучшая твоя выдумка!

Но Гарри перехватил костыль в руку и отодвинул подальше от карлика.

— В тот раз ты сказал, что хотел бы посмотреть, на что я способен. Намного ли хватит моих мозгов и смелости. Пока что их хватило на то, чтобы сделать круг — большой круг — и вновь добраться до тебя. Что ж, я попробовал, но не сработало... — добавил Гарри упавшим голосом, а потом, долгим взглядом посмотрев на Геркулеса, медленно протянул ему костыль. — Геркулес, я не смогу сделать это сам... Мне необходима твоя помощь...

Не успел Гарри договорить последние слова, как в кармане его пиджака зазвонил сотовый телефон. От резкого звука оба вздрогнули.

— Да... — настороженно произнес Гарри, лихорадочно обшаривая взглядом сквер, — вдруг это трюк, придуманный полицией, чтобы разыскать его. — Адрианна! — Гарри поспешно отвернулся и прикрыл телефон ладонью, чтобы звук уличного движения не мешал говорить.

Геркулес с любопытством смотрел на него, покачиваясь на костылях.

— Где?! — Гарри кивнул раз, потом другой. — Отлично! Да! Я понял. Какого цвета? Прекрасно, я найду.

Закрыв со щелчком крышку телефона, Гарри сунул его в карман и взглянул на Геркулеса.

— Как мне добраться отсюда до главного железнодорожного вокзала?

— Твой брат?..

— Его видели.

— Где? — Геркулес не скрывал возбуждения.

— На севере. В городе около озера Комо.

— Это пять часов на поезде через Милан. Слишком долго. Ты можешь...

— Я не поеду на поезде. Кое-кто будет ждать меня около вокзала с машиной.

— С машиной, говоришь?..

— Да.

Геркулес окинул его пылающим взглядом.

— Так вот, раз у тебя вдруг нашлись новые друзья, я тебе больше не нужен.

— Мне нужно, чтобы ты объяснил мне, как добраться до вокзала.

— Сам найдешь.

Гарри растерянно уставился на карлика.

— Сначала ты решил не иметь со мной никакого дела, а теперь взбесился из-за того, что я смогу обойтись без тебя.

Геркулес промолчал.

— Я найду сам! — Гарри резко повернулся и зашагал прочь.

— Не туда, мистер Гарри!

Гарри остановился и оглянулся.

— Вот видишь, я тебе нужен.

Ветер взъерошил волосы Гарри и кинул пыльное облачко ему на ботинки.

— Ты прав. Ты мне нужен!

— До самого Кома!

Гарри смерил его взглядом.

— Идет.

Геркулес моментально вскочил и, раскачиваясь на костылях, быстро направился к нему.

Пройдя без остановки мимо Гарри, он крикнул через плечо:

— Сюда, мистер Гарри. Сюда!

*Озеро Комо, Италия.**Понедельник, 13 июля, 16 часов 30 минут*

Обернувшись, Роскани посмотрел на сидевших за его спиной Скалу и Кастеллетти, затем бросил взгляд на затылок пилота реактивного вертолета и вновь уставился в окно. Они уже почти три часа летели на север вдоль Адриатического побережья, миновали Анкону, Римини и Равенну, затем взяли направление в глубь суши, в сторону Милана, после чего вновь устремились на север, пронеслись над высокими холмами и над озером Комо к городу Белладжио.

Под собой он видел ярко-синюю воду озера, по которой, словно украшения на торте, тут и там были разбросаны белые крапинки — прогулочные лодки. Слева тянулось побережье с гирляндой роскошных вилл, окруженных ухоженными садами, а справа плавные склоны холмов заканчивались крутыми обрывами, ниспадавшими прямо к воде озера.

Когда они еще находились в Пескаре и работали на месте очередного преступления, замаскированного под пожар в жилом доме, Роскани срочно вызвал к телефону Талья. Руководитель Gruppo Cardinale сообщил, что человека, который мог оказаться отцом Дэниелом Аддисоном, минувшей ночью доставили на зафрахтованном судне на подводных крыльях на частную виллу на озере Комо. Капитан судна увидел по телевизору одну из регулярно повторявшихся передач о розыске преступника и почти не сомневался, что именно этот человек и был его пассажиром. Однако капитан долго не решался что-либо предпринять, поскольку хозяином виллы является какой-то очень уж важный человек, и он опасался, что может лишиться работы, если будут затронуты интересы кого-то из знаменитостей. Но уже позже, утром, жена убедила его, что нужно все же поставить власти в известность, а они пускай уж решают сами.

«Знаменитости, — подумал Роскани, когда пилот резко бросил машину влево и снизился еще ближе к воде, — кой черт думать об интересах знаменитостей, если наконец-то найден верный путь? Сейчас имеет значение только время, и ничего больше».

Найденная на пожарище мертвая женщина оказалась Джулией Фанари, женой Луки Фанари, того самого человека, который, согласно записям, взял напрокат машину у убитого владельца компании «Скорой помощи» в Пескаре. Синьору Фанари убили еще до того, как начался пожар. Убили острым предметом, по всей вероятности пикой для колки льда, которую воткнули через череп в мозг. Вернее, ее не убили, а обездвижили примерно так же, как биолог обездвиживает лягушку, перед тем как вскрыть ее еще живую.

Слово «хладнокровное» здесь явно не подходило. Исходя из увиденного, Роскани решил, что убийство совершалось скорее со страстью, что убийца испытывал упоение от каждой произвольной судороги, каждого сокращения мышц, происходивших в то время, когда он неторопливо, отлично сознавая, что делает, разрушал изнутри мозг жертвы. Что он получал наслаждение, пожалуй, чуть ли не сексуального характера. Избранный способ убийства сам по себе говорил, что такое понятие, как совесть, было абсолютно чуждо убийце. Истинный социопат, совершенно безразличный к боли, чувствам и благополучию других людей.

Имеющий только внешний облик человека, предавшийся злу с самого рождения. Этот-то социопат и был их эфемерным «третьим участником». Роскани смело мог отказаться от варианта, в котором преступников было несколько, — все говорило о том, что убийца был один как перст, и вариант с женщиной тоже не проходил — для того способа, каким была убита Джулия Фанари, требовалась недюжинная сила. И если убийца прибыл в Пескару в погоне за отцом Дэниелом и, прибегнув к пыткам, вызнал, куда его увезли, это могло с большой долей вероятности означать, что он в своих поисках подобрался к отцу Дэниелу куда ближе, чем они.

Потому-то Роскани и смотрел с таким нетерпением в окно на приближающуюся землю, на облако пыли, взметнувшееся, когда вертолет завис над лужайкой, примыкавшей к густому лесу на берегу: он молил Бога, чтобы израненный мужчина, доставленный на виллу, на самом деле оказался тем самым священником и чтобы они нашли его первыми — раньше, чем любитель острых предметов.

Через оптический прицел «Цейсс Диавари» с переменной кратностью увеличения от 1,5 до 4,5 Томас Добряк наблюдал за темно-синим «альфа-ромео», катившимся вниз по склону холма в направлении Белладжио. Перекрестье легло на середину затылка Кастеллетти, затем Роскани. Потом мелькнул сидевший за рулем карабинер, машина проехала мимо, и он смог подняться. Он не был уверен, что сегодня ему стоит называть себя С., поскольку не знал точно, каким путем и при каких обстоятельствах он обретет наконец свою жертву.

С. означало снайпер. Такое наименование он присваивал себе, когда морально и физически готовился убивать с дальнего расстояния. Основание этой практике он положил, когда начал продвигаться в высшие круги, впервые в жизни убив человека. Случилось это в 1976 году в Сантьяго, когда из окна правительственного здания он застрелил одного из тех фашистских солдат, которые открыли огонь по митингующим студентам-марксистам.

Поведя окуляром вниз и направо, он увидел командный пост карабинеров, устроенный у обочины асфальтированного шоссе, которое вело к возвышавшемуся на берегу похожему на дворец зданию, известному под названием вилла Лоренци. Еще одно движение направо, и в поле зрения возникли три полицейских патрульных катера, дрейфовавшие в сотне ярдов от берега на расстоянии в четверть мили один от другого.

От Фарела Добряк узнал, что вилла Лоренци принадлежит знаменитому итальянскому романисту Эросу Барбу и что Барбу путешествует по западной Канаде и не посещал виллу с Нового года, когда устроил там свой ежегодный бал — одно из самых великосветских событий во всей Европе. В отсутствие Барбу виллой Лоренци управлял чернокожий южноафриканский поэт по имени Эдвард Муи, который не платил за жилье, но приглядывал за домом и руководил обслуживающим персоналом из двадцати пяти работников и садовников, занятых только на этой вилле и нигде больше. И этот Муи по распоряжению Эроса Барбу позволил полицейским обыскать всю территорию.

Из официального заявления, сделанного юридическим консультантом Барбу, следовало, что ни сам Барбу, ни Эдвард Муи никогда не знали отца Дэниела Аддисона и даже не слышали о нем и что никто из обслуживающего персонала также не имеет никакого понятия о чем-либо прибытии катером на виллу Лоренци. Вернее, ни о каком человеке, нуждающемся в медицинской помощи и имеющем для этой цели сопровождение из четырех человек.

Устроившись поудобнее в своем неуютном убежище на склоне лесистого холма, возвышавшегося над виллой, Томас Добряк вновь поднес к глазу прицел и увидел, как «альфа-ромео» Роскани приблизился к командному пункту карабинеров. Почти одновременно навстречу ему со стороны главного здания подъехал Эдвард Муи на выдавшем виды трехколесном грузовичке, походившем на старенький мотоцикл «харлей-дэвидсон», к которому приделали кузов от небольшого самосвала.

Добряк улыбнулся. Поэт был одет в рубашку хаки, джинсы «вестерн» и кожаные сандалии. Его длинные волосы, собранные в лежавший на спине конский хвост и изрядно тронутые сединой на висках, придавали ему вид постаревшего хиппи или байкера-ветерана.

После короткого разговора с Роскани поэт вновь уселся в свою машину и поехал обратно. Автомобиль Роскани и два больших грузовика с карабинерами двинулись вслед за ним. Томас Добряк был уверен, что полиция ничего не найдет. Но ничуть не меньше он был

убежден, что объект его поисков находится где-то здесь или в непосредственной близости отсюда. Поэтому ему следовало выжидать, наблюдать, а потом сделать свое дело. Терпение превыше всего.

Хэфэй, Китай.

«Гостиница для зарубежных соотечественников».

Вторник, 14 июля

Ли Вэнь беспокойно ворочался в постели. Жаркий воздух был совершенно неподвижен, и он никак не мог уснуть. Прележав полминуты на одном боку, он перевернулся на другой и посмотрел на часы. Они показывали полпервого ночи. Через три часа пора подниматься. Через четыре — быть на работе. Он опять перевернулся. Этой ночью ему, как никогда, требовался сон, но уснуть не получалось. Он попытался выгнать мысли из головы, не думать о том, что ему предстоит сделать, о том, во что превратится Хэфэй через двадцать четыре часа после того, как он опустит смертоносный продукт, созданный по формуле, которую ему сообщил американский гидробиолог Джеймс Хоули, в водотоки для чистой, прошедшей все стадии фильтрации воды. Полициклический ненасыщенный спирт в такой концентрации не поддавался обнаружению, не изменяя ни цвета, ни вкуса, ни запаха питьевой воды. После того как замороженные шарики, похожие на безобидные снежки, попадут в воду и там растают, вода станет вызывать у тех, кто ее пьет, болезненные спазмы в пищеварительном тракте, переходящие в кровавый понос, и смерть наступит в интервале от шести до двадцати четырех часов. При концентрации вещества в десять частей на миллион частей воды оно будет способно убить сто тысяч человек, если каждый из них выпьет хотя бы стакан воды.

Десять частей на миллион.

Сто тысяч мертвых.

Ли Вэнь вновь попытался переключиться на мысли о чем-нибудь другом, но не смог. А потом он услышал сухой треск отдаленного грома. Почти сразу же в номере повеяло ветерком, слегка качнувшим занавески на открытом окне. Приближавшаяся гроза несла с собой ветер и теплый дождь. Но к тому времени, когда он должен будет встать, все прекратится, и предстоящий день опять будет пасмурным и еще более жарким, чем вчерашний. Невдалеке сверкнула молния, озарившая на мгновение комнату. Через восемь секунд прозвучал громовой раскат.

Ли Вэнь приподнялся на локте и окинул взглядом комнату. В углу находился небольшой холодильник, рядом с которым он поставил чемодан. Холодильники в номерах бывают лишь в редких китайских гостиницах, особенно если речь идет о таких незначительных городах, как Хэфэй, находящих вдали от крупных центров, но здесь он был, поэтому Ли и выбрал именно эту гостиницу и этот номер. Причем в холодильнике имелась и морозильная камера, что было еще важнее, поскольку в ней он держал «снежки» из смертоносной жидкости, составленной по формуле американца. Здесь они будут храниться еще три часа, до тех пор, пока ему не придет время отправляться на водоочистную станцию.

Снова сверкнула молния. Фонари, освещавшие снаружи здание гостиницы, погасли, но

через мгновение вновь вспыхнули. Теперь Ли Вэнь проснулся окончательно. Он лежал, напряженно вглядываясь в темноту. Сейчас ему меньше всего были нужны перебои с электричеством.

*Комо, Италия.**Понедельник, 13 июля, 19 часов 00 минут*

Роскани, встревоженный и озабоченный, пробирался по заполненной людьми и оборудованием комнате, находившейся в глубине здания управления карабинеров в Комо. Здесь развернули оперативный штаб Gruppo Cardinale, и сейчас с десятков полицейских в форме поспешно расставляли на дополнительных столах посреди помещения множество телефонов. Другие пристраивали, куда только можно, новые компьютеры. Остальные попросту мельтешили — кто задумчиво смотрел в пространство, кто курил, кто пил кофе — и сновали туда-сюда, скорее мешая, чем помогая. Наспех создаваемый штаб должен был управлять масштабной розыскной операцией, начатой после того, как при обыске виллы Лоренци не обнаружили никаких признаков присутствия беглого священника.

Роскани направлялся к огромной карте района озера Комо, которая закрывала всю стену. Маленькие итальянские флажки обозначали контрольно-пропускные пункты на разных шоссе, где вооруженные посты Gruppo Cardinale останавливали и осматривали все проходящие машины. Судя по этой карте, детально отражавшей ландшафт местности, КПП устроили на всех больших и малых дорогах, и на основных трассах, и на местных, по которым тоже можно было скрыться.

Городок Белладжио находился на северной оконечности треугольного полуострова, врезавшегося в озеро Комо. На других вершинах треугольника располагались еще два города: Лекко на юго-востоке и Комо на юго-западе. Неподалеку на северо-западе проходила швейцарская граница; основной проезд в сопредельную страну осуществлялся через Кьяссо.

В силу своего местоположения Кьяссо был наиболее вероятным пунктом из тех, через которые могли направиться беглецы, и потому туда отрядили особенно крупные силы. Впрочем, имелось также немало мест в пределах Италии, где беглецы могли бы укрыться и переждать розыск. Города Менаджио, Тремеццо и Ленно на запад от озера. Беллано, Джитана и Варенна — на восток. Равно как Вассена и Майсано на самом полуострове и еще несколько городов западнее.

Разворачивалась широкомасштабная операция, которая должна была затронуть все местное население и чуть ли не парализовать хозяйство всей области; дополнительную трудность представляло неослабное внимание СМИ, которые уже раструбили по миру, что предполагаемый убийца кардинала-викария Рима здесь и вот-вот будет схвачен.

Роскани нельзя было назвать новичком в подобных операциях, и он знал, что они непременно создают множество помех для населения. И еще, чем масштабнее операция, тем труднее учесть все детали. А проводить ее надо быстро, решительно и с привлечением большого числа людей.

Следовательно, ошибки неизбежны. Во время боевых действий не стоит рассчитывать на *assoluta tranquillita* — невозможно спокойно, сосредоточенно все до мелочей продумать, предусмотреть и понять, какой шаг приведет к успеху, а какой к провалу.

Неожиданно до Роскани донесся непонятный шум, и он поднял голову. Сквозь

открывшуюся дверь он мельком увидел, что дежурившие в коридоре репортеры устремились к Скале и Кастеллетти, доставившим капитана и двух членов экипажа судна на подводных крыльях, на котором, вероятно, переправили отца Дэниела и его свиту в Белладжио и дальше, на виллу Лоренци. Роскани прошел через комнату прямо к ним, в угол, который карабинеры заблаговременно отгородили занавеской, чтобы создать хотя бы подобие уединения.

— Я *ispettore capo* Отелло Роскани. Прошу прощения за этот беспорядок.

Капитан судна улыбнулся и кивнул. Ему было сорок пять лет, и выглядел он точно на свои годы. Он был в темно-синем двубортном военно-морском кителе и брюках того же цвета. А его матросы — в светло-голубых рубашках с эполетами и темно-синих брюках, как у капитана.

— Может, кофейку? — спросил Роскани, замечая их очевидную нервозность. — Или сиг... — Он оборвал себя и тоже улыбнулся. — Я собирался предложить вам сигарету, да вот сам на днях бросил курить. В таком бедламе, боюсь, если вы закурите, я не удержусь и закурю тоже, за компанию.

Роскани снова улыбнулся и увидел, что напряженность ушла. С его стороны это был рассчитанный ход, кажется подействовавший, но в достаточной ли степени — в этом он не был уверен. Однако такой прием помог людям расслабиться. Тем не менее первые двадцать минут в разговоре он касался исключительно их плавания из Комо в Белладжио, получив подробное описание трех мужчин и женщины, которые сопровождали человека на каталке. Он выяснил еще один важный момент. Катер был нанят накануне путешествия. Его заказал через турагентство в Милане некий Джованни Скарсо, который заявил, что представляет родственников человека, тяжело раненного в автомобильной аварии, и эти люди желают, чтобы пострадавшего доставили в Белладжио. Судно шло своим обычным маршрутом, и лишь на подходе к Белладжио один из мужчин, сопровождавших больного, сообщил, что нужно не сворачивать к городской пристани, а пройти немного дальше на юг, до виллы Лоренци.

Когда беседа закончилась, у Роскани не оставалось ни тени сомнений: пациент, которого экипаж судна доставил на виллу Лоренци, — отец Дэниел Аддисон.

Повернувшись к Кастеллетти с просьбой еще раз проработать детали со свидетелями, Роскани поблагодарил капитана и его экипаж и, отдернув занавеску, пересек суматошный зал оперативного штаба и выскочил в коридор.

Там он прошел в туалет, воспользовался писсуаром, затем вымыл руки и ополоснул лицо. В таких обстоятельствах думать без сигареты было просто невозможно. Он поднес к губам два сложенных пальца, будто между ними была сигарета, и с силой втянул воздух чуть приоткрытыми губами. Набрал в грудь воображаемого дыма, почти наяву ощутил, как по жилам разошелся никотин, а потом прислонился к стене и попытался достичь *assoluta tranquillita* в пустой уборной.

Не далее чем сегодня он со Скалой, Кастеллетти и двумя дюжинами карабинеров прочесал каждый дюйм на вилле Лоренци. И не нашел ничего. Никаких следов присутствия там отца Дэниела и тех, кто его сопровождал. Вариант, в котором санитарная машина просто ждала где-нибудь на территории виллы и группа погрузила своего пациента и уехала, был невозможен, потому что к вилле Лоренци вели всего две дороги, главная и хозяйственная, и обе с воротами, которые управлялись с внутренней территории. Машина не могла ни въехать, ни выехать без чьей-то помощи на вилле. Такого, по заверению Муи,

абсолютно точно не могло произойти.

Конечно, невзирая на всю видимую готовность Муи помогать, он мог и соврать. Кроме того, нельзя было исключить и возможность того, что помогал отцу Дэниелу кто-то другой, а Муи мог просто ничего не знать. И последний вариант: возможно, священник все еще скрывался там, но его так надежно спрятали, что с первого раза полиция не смогла ничего отыскать.

Роскани еще раз втянул глубоко в легкие воображаемый дым. На рассвете ему, Скале и Кастеллетти вместе с лучшими карабинерами нужно без предупреждения вернуться на виллу Лоренци и тщательно обыскать все снова. На этот раз надо взять собак, перевернуть все; если понадобится эту чертову виллу разобрать по камешкам, они так и сделают.

— Кьяссо... — сказал Геркулес, посмотрев на Гарри.

Они двигались по дороге из Милана по автостраде А9, по-летнему переполненной машинами, в темно-сером «фиате», который Адрианна оставила, как обещала, напротив железнодорожного вокзала в Риме; ключи лежали на земле, с внутренней стороны левого заднего колеса.

Гарри не ответил. Он смотрел на дорогу впереди, а мыслями сосредоточился на том, как добраться до Комо, где он должен был встретить Адрианну. Затем надо было каким-то образом переправиться через озеро в Белладжио, где, вероятно, находился Дэнни.

— Кьяссо.

Он услышал, как Геркулес повторил слово, повернулся и увидел, что карлик уставился на него.

— О чем ты еще там, черт возьми?

— Я помог тебе проехать через полстраны. Нашел бы ты сам автостраду из Рима? Разве не я заставил тебя повернуть на север, когда тебя вдруг потянуло на юг? Без Геркулеса ты сейчас подъезжал бы к Сицилии, а не к Комо.

— Да, Геркулес, ты просто молодец. Я тебе очень обязан. Но я что-то никак не пойму, о чем ты твердишь.

Гарри резко перестроился в правый ряд следом за мчащимся «мерседесом». Путешествие слишком затягивалось.

— Кьяссо на самой границе со Швейцарией... Я хотел, чтобы ты довез меня дотуда. Потому и поехал.

— Значит, мне придется везти тебя в Швейцарию? — недоверчиво переспросил Гарри.

— Мистер Гарри, полиция разыскивает меня, чтобы посадить за убийство...

— Как и меня.

— Но я не могу надеть одежду священника и выдавать себя за кого-то другого тоже не могу. Карлик не сможет проехать на автобусе или поезде и остаться незамеченным.

— А на частном автомобиле — сможет...

Гарри заговорщицки улыбнулся.

— Пока что мне не подворачивалось такой возможности...

— Геркулес, у меня не отпуск и не туристическая поездка.

— Конечно нет, ты ищешь своего брата. Полиция тоже. Но посуди сам, от Кьяссо туда немногим дальше, чем от Комо. Я выйду, и ты поедешь обратно — своим путем. Ничего сложного.

— А если я откажусь?

Геркулес негодуя выпрямился:

— Значит, ты не человек слова. Когда я принес тебе одежду, то попросил помочь мне. Что ты ответил? «Сделаю все, что только смогу, обещаю».

— Я имел в виду — в рамках закона и, разумеется, в Риме.

— Мистер Гарри, учитывая сложившиеся обстоятельства, лучше помочь мне сейчас. Оторвать от жизни какие-нибудь двадцать минут...

— Двадцать минут?..

— И мы в расчете.

— Ладно, в расчете так в расчете.

Вскоре они миновали выезд из Комо, и их соглашение стало реальностью. Когда же они отъехали на три мили к югу, в сторону Кьяссо, движение заметно замедлилось, дорога сузилась до одной полосы в каждую сторону. Затем пришлось совсем остановиться. И Гарри, и Геркулес рассматривали бесконечную вереницу красных автомобильных стоп-сигналов. А потом они увидели, что происходило довольно далеко впереди. Оттуда к ним медленно приближались, внимательно приглядываясь к каждой машине, полицейские в бронежилетах, вооруженные «узи».

— Мистер Гарри, разворачиваемся. Живей!

Гарри сдал на несколько футов назад и, рванув с места, развернул «фиат», резко взвизгнув покрывками. Он погнал назад по той же дороге, по которой они только что проехали.

— Черт подери! Что там такое творится? — Гарри взглянул в зеркальце.

Геркулес молча нажимал кнопки радиоприемника и почти сразу же наткнулся на диктора, тараторившего по-итальянски. «В Кьяссо устроили большой контрольно-пропускной пункт полиции, — переводил Геркулес. — Каждый автомобиль осматривают в надежде обнаружить беглого священника Дэниела Аддисона, который каким-то образом ускользнул от полиции в Белладжио и, как полагают власти, может попытаться перейти швейцарскую границу».

— Ускользнул? — Гарри повернулся и посмотрел на Геркулеса. — Значит, кто-то его видел?

— Этого они не сказали, мистер Гарри...

«Фиат» стоял возле съезда с автострады на шоссе, ведущее в Комо. Гарри остановился там, где попросил Геркулес. И теперь они в последний раз сидели рядом. Закатное солнце заливало автомобиль неярким желтоватым светом, совершенно не сочетавшимся с резким блеском фар проносящихся мимо машин.

— Полиция не полиция, но Кьяссо совсем рядом, так что нельзя не попытать счастья. Мистер Гарри, ты должен меня понять...

— Геркулес, я понимаю. Прости, что ничем больше не смог помочь.

— Желаю удачи, мистер Гарри! — Геркулес улыбнулся и протянул руку.

Гарри крепко пожал ее.

— И тебе.

Геркулес выбрался из автомобиля и пошел прочь. Гарри с минуту следил, как он переходил дорогу среди несущихся автомобилей. Оказавшись на противоположной стороне, карлик оглянулся, оскалил зубы в улыбке, а потом двинулся, раскачиваясь на костылях, в сгущавшуюся темноту. Он шагал, если можно было так о нем сказать, прямо в Швейцарию.

* * *

Минут через десять Гарри оставил «фиат» в переулке у железнодорожной станции и тщательно протер носовым платком руль и рукоять коробки передач, уничтожая отпечатки пальцев. Осмотревшись по сторонам, он вышел, запер дверь и направился, ориентируясь по уличным табличкам, по виа Борсиери и затем виале Варесе к озеру и пьядца Кавур. Он шел не быстрее и не медленнее, чем окружающая публика, стараясь слиться с толпой, выглядеть заурядным священником, вышедшим погулять и насладиться приятным теплом летнего вечера.

Время от времени кто-то из прохожих кивал или улыбался ему. И он приветливо улыбался в ответ, а через несколько шагов как бы случайно оборачивался, удостоверяясь, что никто не узнал его и не остановился, чтобы обсудить встречного священника с кем-нибудь другим, или не возвращается назад, чтобы получше разглядеть его лицо.

Переходя площадь и следя за указателями, он вдруг заметил, что прохожие замедляют шаги; толпа сразу сделалась гуще. Впереди люди собрались у газетного киоска. Он подошел ближе и увидел на первых полосах вечерних выпусков газет лицо Дэнни. Почти во всех изданиях портрет сопровождался одним и тем же заголовком:

«SACERDOTE FUGGITIVO A BELLAGIO?»

Беглый священник в Белладжио?

Гарри отвернулся от киоска и отошел подальше. Переходя с одной улицы на другую, он пытался выйти, руководствуясь довольно противоречивыми указателями, к набережной и

прилегавшей к ней пьяцца Кавур. Увернувшись от шедшей взявшись за руки и беззаботно болтавшей парочки, он повернул за угол и остановился как вкопанный. Улица была перекрыта полицейскими заграждениями. Сразу за ними стояли полицейские машины, возле которых торчали офицеры, судя по форме в больших чинах, рядом сгрудились микроавтобусы прессы и грузовики с оборудованием. Еще чуть подалее за ними он увидел здание полицейского управления.

— Господи Иисусе!

Гарри застыл на полсекунды и двинулся дальше, пытаясь не терять самообладания.

На перекрестке он свернул налево и теперь пошел наугад, уверенный, что окажется снова у полицейских заграждений, или у киоска, или даже у железнодорожной станции. Но вместо этого увидел озеро и тянувшийся вдоль берега бульвар, по которому катили машины. И прямо перед носом у него оказалась табличка со стрелкой и надписью «Пьяцца Кавур».

Еще полквартала, и он уже шел по бульвару. Справа возвышалось здание «Палас-отеля»; в расположившемся перед ним на тротуаре кафе были заняты все столики. Звучала веселая музыка. Люди оживленно беседовали, ели и пили, между столиками сновали официанты в белоснежных фартуках. Обычные люди в своих повседневных заботах и радостях, даже не подозревающие, насколько легко им осуществить развязку совсем иной драмы: стоит лишь кому-то из них опознать проходящего рядом бородатого священника в черном берете и забить тревогу. В минуту улицу наводнят полицейские. Это будет отличная сцена из классического американского боевика. Решающий поединок Gruppo Cardinale с убийцей полицейского, объявленным вне закона родным братом убийцы кардинала-викария Рима. Ослепительный свет прожекторов. Вертолеты. Спецназовцы в бронежилетах, с автоматами наперевес. Прямо аттракцион «Погоня за Ли Харви Освальдом»^[28] в луна-парке. Смотрите все, как плохой парень получает по заслугам. Купите билет — вы окажетесь в самом центре событий.

Но ничего такого не произошло. Гарри благополучно свернул за угол и почти сразу вышел на пьяцца Кавур; прямо перед ним стоял отель «Баркетта эксельсиор».

Гарри нажал звонок на двери с номером 525 и замер в ожидании, держа берет в руке. Он весь взмок от пота и сам не мог понять, почему потеет — от напряжения или от июльской жары. Хотя уже стемнело, температура держалась на уровне тридцати без малого градусов.

Он снова поднес руку к звонку, но в этот момент дверь неожиданно открылась и на пороге появилась Адрианна с мокрыми после душа волосами, в белом гостиничном халате, разговаривавшая с кем-то по мобильнику. Гарри поспешно вошел, закрыв дверь и повернув ключ.

— Вот и он. — Адрианна задернула шторы на окне, продолжая говорить.

Телевизор в углу у окна беззвучно показывал новости. Кто-то выступал перед Белым домом, затем на экране появился английский парламент.

Пройдя к туалетному столику, Адрианна нагнулась перед зеркалом, чтобы что-то записать в блокнот.

— Сегодня вечером, хорошо... Да, у меня...

Завершив разговор, она подняла голову. Гарри наблюдал за ней в зеркало.

— Это Итон.

— Черт возьми, где все-таки Дэнни?

— Никто не знает...

Ее взгляд постоянно обращался к экрану телевизора, чтобы не пропустить чего-то интересного — это была даже не столько привычка, а скорее хроническое заболевание репортера, — и тут же возвращался к Гарри.

— Роскани и его люди несколько часов назад обыскали виллу недалеко от Белладжио полностью, досконально, прочесали все равно что граблями... безрезультатно.

— Полицейские уверены, что это был именно Дэнни, а не кто-то другой?

— Насколько можно быть уверенным в том, чего не видел своими глазами? Роскани по-прежнему здесь, в Комо. Это кое о чем говорит. — Адрианна заложила прядь все еще влажных волос за ухо. — У тебя такой вид, будто ты вот-вот растаешь. Скидывай пиджак. Хочешь выпить?

— Нет.

— А я выпью.

Она подошла к небольшому шкафчику, достала оттуда крохотную бутылочку коньяка, перелила ее содержимое в бокал и повернулась к гостю.

— Что мне теперь делать? — спросил Гарри. — Как попасть в Белладжио?

— Ты сердисься на меня, правда? За то, что случилось в Риме, за то, что я втравила в это дело Итона?

— Наоборот, я тебе благодарен. Если бы вы с Итоном мне не помогали, я ни за что не сумел бы добраться в такую даль. Вы оба рискуете головами, вероятно, по каким-то своим причинам, но, как бы там ни было, вы помогаете мне. А если ты о сексе, то благодаря ему у меня хоть немного потеплело на душе.

— Это произошло, потому что я так захотела. И ты тоже. Потому что нам обоим это нравится... Только не говори мне, что такого у тебя никогда не бывало. Ведь ты живешь именно так, иначе у тебя уже были бы жена и дети.

— Может быть, ты все же расскажешь мне, что делать дальше?

— Ладно... — Адрианна с секунду смотрела на него, держа в руке бокал, а потом оперлась о туалетный столик. — Отправишься последним рейсом на катере на подводных крыльях, идущем в Белладжио. Прямо напротив причала находится гостиница «Дю Лак». Остановишься там. Номер забронирован на имя отца Джонатана Ри из Джорджтаунского университета. У тебя будет номер телефона человека, управляющего виллой Лоренци. Его зовут Эдвард Муи.

— Я должен позвонить ему?

— Да.

— Почему ты считаешь, что он знает, где Дэнни?

— Потому что точно так же считают и в полиции.

— Если так, значит, они его прослушивают.

— Ну а что бы ты хотел от меня услышать? — Адрианна резко подняла бокал и выпила. — Американский священник предлагает свою помощь, потому что узнал из новостей о происходящем и хотел бы помочь, насколько это в его силах...

— На его месте я бы решил, что это крючок полиции и наживка тоже их.

— Я сама бы так решила, но еще до твоего звонка он получит факс из Милана, из магазина церковной литературы. Он в курсе, что это означает — в отличие от полиции, которая, если перехватит его, увидит всего лишь обычную рекламу, — но Эдвард Муи, как человек образованный, после твоего звонка найдет факс и снова прочтет, даже если он успел его выбросить вместе с мусором. И вот когда он это сделает, он поймет.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Что за факс?

Поставив пустой бокал, Адрианна выудила из валявшейся на кровати потрепанной кожаной дорожной сумки лист бумаги и протянула его Гарри. Упершись одной рукой в бок, она снова прислонилась бедром к туалетному столику. Халат приоткрылся, немного, но достаточно, чтобы Гарри увидел один сосок и темное пятно внизу живота.

— Прочти...

Гарри немного помедлил, затем взглянул на лист.

«Прочти!

„КНИГА БЫТИЯ 4:9“

Новая книга отца Джонатана Ри».

Все. Аккуратно набрано печатным шрифтом. И ничего больше.

— Гарри, ты Библию-то помнишь?.. Бытие, четвертая глава, стих девятый.

— «Разве я сторож брату моему?»

Гарри выронил листок на кровать.

— Он человек образованный, поймет.

— А потом?

— Будем ждать... Гарри, я буду в Белладжио. Может быть, даже раньше, чем ты. — Ее голос зазвучал мягче, притягательней. Теперь Адрианна смотрела ему в глаза и не отводила взгляд. — И я знаю, как с тобой связаться. Ты же помнишь — по телефону, что у тебя в кармане. — Она выдержала паузу. — Как мы делали... в Риме...

Гарри смотрел ей в глаза, долго не произнося ни слова. Наконец он перевел взгляд на ее

грудь.

— У тебя халат раскрылся.

— Я знаю...

* * *

Он овладел ею сзади, так ей нравилось, так это было в Риме. Но на сей раз свет оставался включенным, и они занимались сексом, стоя в ванной комнате. Адрианна держалась руками за мраморный край раковины, и они оба смотрели в зеркало.

Он видел, какое удовольствие отразилось на ее лице, когда он вошел в нее. Видел, как оно усиливалось с каждым его энергичным движением. Видел позади ее лица свое лицо. Со стиснутыми челюстями. И чем чаще и сильнее делались его движения, тем выразительнее плясали желваки на его лице. Почему-то видеть себя в зеркале показалось ему непристойным. словно он занимался этим с самим собой. Но это было не так.

— Да, — звучно выдохнула она, — о, да!..

От звука ее голоса его отражение словно улетучилось, и теперь он видел только Адрианну, как она вскидывала голову с закрытыми глазами, стискивая его внутри себя потаенными мышцами, отчего ощущение от каждого его движения многократно усиливалось для них обоих.

— Еще, — шептала она. — Еще. Сильней. Да, Гарри, сильнее... еще... еще...

Он чувствовал, как учащался его пульс, как горячее и горячее становилось его тело, прижатое к ней. Их тела блестели от пота. Это было как в первый раз. В постели в ее римской квартире. В глаза стекали капли пота со лба. Сердце бешено колотилось. Ее дыхание превратилось в хрипкое рычание, заглушавшее шлепки, которые издавали их тела при каждом соприкосновении. Еще и еще. И еще раз. Вдруг она вскрикнула и бессильно уронила голову. В ту же секунду он изверг семя. Его ощущения можно было сравнить разве что с пушечным залпом. Повторявшимся вновь и вновь, снаряд за снарядом, без всякого контроля. Затем его колени подогнулись, и ему пришлось ухватиться за раковину, чтобы устоять. И он осознал, что исчерпал все свои силы.

Как и она.

Хэфэй, Китай, провинция Аньхой.

Городская станция водоочистки «А».

Вторник, 14 июля, 16 часов 30 минут

Ли Вэнь, как обычно, прошел через главный вход с тяжелым кожаным портфелем в руке, со служебным пропуском на лацкане пиджака, кивнув полусонному офицеру армейской охраны, сидящему по другую сторону стола. Войдя в следующую дверь, он сразу повернул из вестибюля налево, в помещение главной диспетчерской, где единственный инженер, женщина средних лет, одним глазом поглядывала на стену с мониторами давления, уровня замутненности и химического состава воды, а другим — в журнал.

— Доброе утро, — сказал Ли Вэнь с начальственной ноткой в голосе.

Журнал моментально исчез.

— Все в порядке?

— Да, все соответствует норме.

Ли Вэнь задержал на ней взгляд, давая понять, что журнал заметил и недоволен. Затем важно кивнул, толкнул дверь и спустился по длинному лестничному пролету на уровень ниже, к фильтрам, в длинное бетонированное помещение, где вода проходила заключительную стадию фильтрации, прежде чем ее закачивали в резервуары, откуда она поступала по водопроводным магистралям в город. Помещение находилось под землей, и здесь было заметно прохладней по сравнению с влажной жарой на улице.

Три года назад станция почти на шесть месяцев закрывалась на модернизацию, но до сих пор ни одного кондиционера так и не установили. Как объяснило начальство, кондиционеры оставили для новой станции, которую построят в начале нового века. Станция по очистке и обработке воды была точно такой же, как абсолютное большинство очистных сооружений Китая, — старой, требующей ремонта и реконструкции. Некоторые, как эта, были модернизированы, когда заскорузлый пекинский механизм наконец-то пришел в действие и преобразованный центральный комитет начал выделять деньги. Вернее, скромные средства и щедрые обещания на будущее.

По правде говоря, в отдельных местах будущее почти наступило, и строительство новых предприятий по разработанным на Западе проектам, таких как франко-китайский завод питьевой воды в Гуанчжоу, обошедшийся в сто семьдесят миллионов долларов, или грандиозный проект каскада из трех плотин в ущелье на реке Янцзы, на который выделили тридцать шесть миллиардов долларов, велось полным ходом. Но по всему Китаю система снабжения водой и водоочистные сооружения в большинстве своем были старыми, чуть ли не древними, тут и там можно было встретить водопроводы из деревянных труб, по меньшей мере не отличавшихся высоким качеством.

И в некоторые сезоны, например сейчас, в середине лета, когда долгие жаркие дни обеспечили идеальные условия для бурного размножения водорослей и массового выделения

ими биологических токсинов, станции фильтрации оказывались чрезвычайно малоэффективными и в дома китайцев поступала вода, качеством не намного превосходящая затхлую воду озер или рек.

Вот почему Ли Вэнь находился здесь: чтобы следить за качеством воды из озера Чао — основного источника водоснабжения миллионного Хэфэя. Этой работой он изо дня в день занимался почти восемнадцать лет. Восемнадцать лет, на протяжении которых ему и в голову не приходило, какие деньги он мог бы заработать на своем деле. Хорошие деньги, вполне достаточные, чтобы выбраться из этой страны и заодно расквитаться с ее властью, которую он ненавидел: в 1957 году его отца объявили контрреволюционером, когда тот осмелился выступить против коррупции и злоупотреблений внутри компартии. Он был посажен в тюрьму, а затем отправлен в трудовой лагерь, где умер три года спустя, Ли Вэню тогда было пять лет. Ли вырос, почти не помня отца, но уважая память о нем и постоянно беспокоясь и заботясь о матери, которая так и не оправилась после смерти мужа и от общественного презрения после его ареста. Ли Вэнь стал инженером-гидробиологом не столько потому, что ощущал какой-то интерес к этой науке, сколько по той причине, что в этом деле вряд ли могли возникнуть какие-либо препятствия для сына «контрреволюционера». Внешне он казался мягким и безликим, человеком не только без страстей, но даже без эмоций. Но в душе его полыхала ярость на это государство, он тайно симпатизировал тайваньскому правительству, ставящему своей главной целью ниспровержение пекинского режима и возвращение националистического правительства на материк.

Он не был женат и постоянно находился в разъездах. Ближайшим для него человеком была Тонг Кинг, раскованная двадцатипятилетняя женщина, программист-дизайнер, с которой он познакомился пару лет назад на подпольном собрании в Нанкине. Это она представила его Чень Иню, который ему сразу понравился. Благодаря знакомствам и связям семьи Чень Иня в центральном руководстве у Ли появилась возможность путешествовать по всему миру, посещая в качестве гидробиолога различные предприятия по очистке воды в Европе и Северной Америке, и видеть, как устроена жизнь и власть в других странах. Через Чень Иня он познакомился с Томасом Добряком, а тот отвез его на виллу недалеко от Рима. Там прошла короткая встреча с человеком, по заданию которого он теперь работал, — большого человека, одетого как священник (его имя при знакомстве ни разу не произнесли) и обладавшего властью и влиянием, позволяющими претворить в жизнь его уникальный проект по обеспечению будущего Китайской Народной Республики.

Единственная встреча с этим человеком окрылила Ли Вэня, подарила ему будущее, дала цель, к которой стоило стремиться, и превратила прошлый год в самый волнующий в его жизни. Наконец-то он отомстит за гибель отца, и ему еще отлично заплатят только за то, чтобы он это сделал. И затем, с помощью Чень Иня, он сумеет тайно выехать за границу, в Канаду, с новыми документами для новой жизни. И уже оттуда будет радостно следить за переменами, наблюдать, как власть, которая отняла у него детство, власть, которую он ненавидел, будет медленно рушиться — усилиями пламенного революционера из Рима.

* * *

Водрузив свой тяжелый портфель на деревянную скамейку, он обернулся, на всякий

случай окинув взглядом помещение и дальнюю дверь, в которую вошел. Убедившись, что он здесь один, Ли Вэнь подошел к одному из четырех двухфутовых квадратных смотровых люков, через которые можно было видеть воду, закачиваемую в водопроводные магистрали города. Вода неслась быстро, но вместо того, чтобы быть прозрачной и чистой, как зимой, она была мутноватой, с гнилостным запахом — результат летней жары и разросшихся под ярким солнечным светом по всему озеру Чао водорослей. Это служило наглядным примером бездействия правительства, на что он и рассчитывал. Он быстро вернулся к портфелю. Открыл его, достал и надел пару тонких хирургических перчаток и раскрыл большую изолированную внутреннюю секцию. Полдюжины замороженных серовато-белых «снежков» лежали в упаковке, походившей на пенопластовую коробку для яиц; они уже начали подтаивать и влажно поблескивали.

Еще раз взглянув на дверь, Ли Вэнь взял коробку и осторожно понес ее к ближайшему люку. Вынув первый «снежок», он подошел к самому краю, бросил его в стремительно несущуюся воду и почувствовал, как сердце триумфально заколотилось от радости. То же самое он быстро проделал со всеми «снежками», бросая их один за другим и наблюдая, как они исчезают в темном потоке воды. Так же быстро он спрятал опустевшую коробку и перчатки в портфель и закрыл его. Затем снова подошел к воде, взял с металлического стенда, прикрепленного к стенке бассейна, бутылочку, забрал пробу воды и спокойно занялся ее проверкой, нисколько не сомневаясь в том, что качество уложится в утвержденный правительством стандарт.

*Белладжио, озеро Комо, Италия.**Понедельник, 13 июля, 22 часа 40 минут*

Гарри взял кейс, который дала Адрианна, когда он уходил из ее номера в Комо, и с горсткой других ночных пассажиров сошел по трапу с катера на подводных крыльях на причал и направился наверх, к улице. Лампочка над «Навигацион лаго ди Комо» — закрытой в это время билетной кассой катеров — озаряла густую листву росших на набережной деревьев. Пройдя мимо кассы, он увидел освещенную улицу и гостиницу «Дю Лак» прямо напротив. Минута, самое большее две, и он будет там.

Поездка от Комо с заходами в маленькие городки Ардженьо, Леццено, Ленно и Тремеццо далась ему ценой большой нервозности. Перед каждой остановкой Гарри ждал, что на борт поднимутся вооруженные полицейские и начнут проверять документы и выяснять личности пассажиров. Но ни одной проверки не последовало. И под конец, после остановки в Тремеццо, последней перед Белладжио, Гарри расслабился, как и обычные пассажиры. Впервые за долгое время — он уже и не помнил, когда такое было в последний раз, — он не чувствовал опасности. Не ощущал себя затравленным зверем. А просто слушал гул моторов и плеск разрезаемой воды.

С тем же чувством он сошел на пристань вместе с остальными, как турист, как один из обычных пассажиров, выходящих с судна в засыпающий летней ночью город. Он сильно устал, и эмоционально, и физически. Хотелось лечь, отвернуться от всего этого мира и неделю не просыпаться. Но было не время расслабляться. Он находился в Белладжио. Отсюда осуществлялась поисковая операция Gruppo Cardinale. Причем искали не только Дэнни, но и его самого. И потому здесь ему следовало постоянно быть настороже.

— *Mi scusi, Padre.* ^[29]

Из темноты внезапно выступили два полицейских в форме. Оба молодые, с автоматами «узи» через плечо.

Первый полицейский решительно шагнул к нему. Гарри остановился, остальные пассажиры быстро оставили его наедине с полицией.

— *Come si chiama?* Как вас зовут? — спросил он.

Гарри переводил взгляд с одного на другого. Вот оно и случилось. Или ему удастся переступить черту и сыграть ту роль, которую определил ему Итон, или ничего у него не выйдет.

— *Come si chiama?*

Он был все еще очень худым, изможденней, чем Гарри Аддисон на видеоролике. С бородой, как на фотографии в паспорте. Хватит ли этого?

— Извините, — сказал он с улыбкой, — я не говорю по-итальянски.

— *Americano?*

— Да. — Он опять улыбнулся.

— Пройдите сюда, пожалуйста. — Вторым полицейским говорил по-английски.

Гарри следом за ними перешел аллею, и они оказались около освещенного киоска кассы.

— У вас есть паспорт?

— Да, конечно.

Гарри полез в карман и нащупал паспорт Итона. Он колебался.

— Passaporto! — резко произнес первый полицейский.

Гарри медленно вытащил паспорт. Вручил его полицейскому, говорящему по-английски. Потом смотрел, как один, а затем другой внимательно разглядывают документ. Через дорогу, рукой подать, — гостиница, на тротуаре перед ней — кафе, и все заняты своей ночной жизнью.

— Sacco.

Первый полицейский кивнул на его кейс, и Гарри спокойно протянул ему чемоданчик. Одновременно он заметил полицейскую машину, подъехавшую к гостинице и остановившуюся перед входом; полицейский в ней смотрел в их сторону.

— Отец Джонатан Ри. — Второй полицейский закрыл его паспорт, продолжая держать в руке. — Сколько вы пробыли в Италии?

Гарри задумался. Если он ответит, что был в Риме, Милане, или Флоренции, или где-то еще здесь, в Италии, они могут спросить, где он останавливался. Любое место, которое он назовет, им очень просто проверить.

— Я сегодня прибыл на поезде из Швейцарии.

Оба полицейских внимательно смотрели на него, ничего не говоря. Мысленно он взмолился, чтобы они не потребовали корешок билета или не поинтересовались, где он останавливался в Швейцарии.

Наконец второй полицейский спросил:

— Для чего вы приехали в Белладжио?

— Я турист. Давно уже хотел попасть сюда... И вот наконец, — он опять улыбнулся, — представилась возможность.

— Где вы остановитесь?

— Гостиница «Дю Лак».

— Уже довольно поздно. Вы забронировали номер?

— Номер для меня был заказан. Я, конечно, надеюсь, что это так...

Полицейские продолжали разглядывать его, словно решая, как с ним поступить. За ними он видел водителя полицейской машины, который тоже упорно продолжал смотреть на них. Момент был мучительный, ему ничего не оставалось, как стоять и ждать их дальнейших действий.

Неожиданно второй полицейский отдал ему паспорт.

— Извините за беспокойство, святой отец.

Первый полицейский вернул его кейс, и оба отступили, давая ему дорогу.

— Спасибо, — сказал Гарри.

Он положил паспорт в карман, вскинул ремень кейса на плечо и зашагал мимо них к улице. Пропустив проезжавший мотороллер, он пошел прямо в гостиницу, отлично понимая, что полицейский в автомобиле продолжает за ним наблюдать.

Когда ночной портье подошел к стойке, чтобы зарегистрировать его, Гарри рискнул оглянуться. Автомобиль с полицейским уже отъезжал.

Симпатичный мужчина с ярко-синими глазами сидел за дальним столиком кафе гостиницы «Дю Лак». На вид лет тридцати или немногим старше, он был в широких, просторных джинсах и легкой рубашке из хлопка. Он просидел там большую часть вечера, расслабившись, иногда лениво делая глоток из кружки с пивом и поглядывая на проходящих мимо него людей. Официант в белой рубашке и черных брюках остановился и указал на почти пустую кружку.

— Ja, — сказал Томас Хосе Альварес-Риос Добряк.

Официант кивнул и ушел.

Томас Добряк совершенно не походил на себя. Из жгучего брюнета он превратился в блондина, даже брови были высветлены. Он теперь выглядел как скандинав или любитель серфинга из Калифорнии, уже не первой молодости, но в хорошей спортивной форме. Однако по паспорту он считался голландцем — Фредерик Вур, торговец программным обеспечением, проживающий в Амстердаме на Блумстрат, 95, так он зарегистрировался сегодня в гостинице «Флоренция».

Несмотря на сообщение Gruppo Cardinale, часа три тому назад, о том, что беглый американский священник отец Дэниел Аддисон больше не разыскивается в Белладжио и что прежнее сообщение о его появлении там признано ошибочным, дороги в город и из города все еще тщательно проверялись. Это означало, что полиция не совсем отказалась от этой версии. И Томас Добряк тоже. Он сидел там, где, он знал это по опыту, лучше всего было видно тех, кто прибывает катером на подводных крыльях. У них не было другого пути, кроме этого. Он усвоил эти базовые знания еще в те славные времена, когда был молодым революционером-террористом в Южной Америке. Тех, кого ищешь, следует знать в лицо. И надо выбрать такое место, где разыскиваемый появится вероятнее всего. Затем, вооружившись искусством наблюдения и терпением, пойти туда и ждать. И сегодня вечером, как уже много раз, это снова сработало.

Из всех, кто за последние часы проходил мимо, конечно, самый большой интерес представлял бородатый священник в черном берете, приплывший на катере.

* * *

Немолодой, почти совершенно лысый ночной портье открыл дверь номера 327, включил свет около кровати, поставил сумку Гарри в шкаф и вручил ему ключ.

— Спасибо. — Гарри полез в карман за чаевыми.

— No, Padre, grazie.

Мужчина улыбнулся и тут же повернулся и ушел, закрыв дверь.

Заперев ее на ключ — новая необходимая привычка, — Гарри перевел дыхание и осмотрелся. Номер небольшой, с видом на озеро. Мебель когда-то приличная, но изрядно потрепанная: двуспальная кровать, стул, комод, письменный стол, телефон и телевизор.

Скинув пиджак, он пошел в ванную. Включив воду, подождал, чтобы она стала холодней, сполоснул руки, шею и наконец поднял голову и увидел себя в зеркало. Это были совсем не те глаза, что так пристально глядели в другое зеркало, кажется жизнь тому назад,

наблюдавшие, как он занимался любовью с Адрианной; теперь это были глаза одинокого, испуганного человека, но в то же время в глубине его взгляда читалась сила и решительность.

Он отвернулся и прошел обратно в комнату, взглянув по дороге на часы.

23.10

Подошел к постели и открыл кейс, который получил от Адрианны. В нем было то, что полицейские, наспех просматривавшие содержимое, пропустили. Страница, вырванная из блокнота гостиницы «Баркетта эксельсиор» в Комо, с телефонным номером Эдварда Муи.

Взяв трубку телефона рядом с кроватью, он набрал номер. Гудки в трубке: один, второй. На третьем кто-то ответил на звонок.

— Pronto, — сказал мужской голос.

— Эдварда Муи, пожалуйста. Простите, что звоню так поздно.

Молчание в ответ, и затем тот же голос:

— Эдвард Муи у телефона.

— Я отец Джонатан Ри из университета в Джорджтауне. Я американец, только что приехал в Белладжио.

— Я не понимаю... — отозвался собеседник.

— Это касается поисков священника Дэниела Аддисона... Я смотрел по телевидению...

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Я американский священник и полагаю, что сумел бы помочь там, где у других ничего не получилось.

— Извините, святой отец. Я ничего не знаю. Вы, наверное, ошиблись. С вашего позволения...

— Я остановился в гостинице «Дю Лак». Номер триста двадцать семь.

— Святой отец, спокойной ночи.

Короткие гудки.

Гарри не спеша выключил телефон.

Перед тем как Эдвард Муи повесил трубку, он услышал легкое потрескивание на линии. Его опасения подтвердились. Телефон прослушивался.

Медсестра Елена Восо стояла в центральном туннеле грота, прислушиваясь к плеску воды о гранитные стены и надеясь, что Лука и остальные вернутся.

Своды над ней высились футов на двадцать, вероятно, даже больше. Широкий коридор тянулся на целую сотню футов к каналу и лодочному причалу в дальнем конце. В каменных стенах по обеим сторонам коридора много веков назад высекли грубые скамьи, кое-где их повредила пещерная сырость. Здесь свободно могли бы рассесться две сотни людей. Елена недоумевала, с какой целью вырубili скамьи в таком месте — чтобы здесь могло спрятаться побольше народу? Если так, кто все это сделал и когда? Римляне? Или кто-нибудь еще до них или после? Но каково бы ни было происхождение этого убежища, оно представляло собой целую анфиладу пещер, переходивших одна в другую и оборудованных вполне современно — здесь были электричество, вентиляция, водопровод, телефоны, маленькая кухня и большая гостиная, возле которой устроены по меньшей мере три отдельных, роскошно оборудованных и украшенных номера с ваннами, комнатами для массажа и спальнями. Вероятно, где-нибудь здесь же, хотя сама она не видела, находился один из самых обширных в Европе винных подвалов.

В воскресенье ночью их провел туда Эдвард Муи — поэт, эрудит и сама любезность. Как только они прибыли на виллу Лоренци, он один, в плоскодонной моторной лодке, рассчитанной на мелководье, повез их в ночной темноте. Минут десять они плыли вдоль берега озера, наконец нырнули в узкий проем в сплошной на первый взгляд скальной стене, затем через путаницу скал и нависающей сверху густой листвы пробрались в самую пасть пещеры.

Только здесь он включил мощный прожектор лодки, и они плыли по водяному лабиринту, пока не причалили к суше, точнее, к тридцатифутовой каменной платформе в дальнем конце туннеля, где Елена стояла сейчас. Только здесь их высадили. Майкла Роарка и ее вместе с ним поместили в отдельные апартаменты, состоявшие из двух больших комнат, в одной из которых, спальне, устроилась она, а другую отвели Майклу Роарку; та комната представляла собой нечто вроде гостиной-кабинета; за дверью находилась вырубленная в скале ванная, роскошно отделанная мраморными мозаиками и золотом.

Пещеры, по словам Муи, тоже относились к территории виллы Лоренци и были обнаружены много лет назад знаменитым владельцем виллы Эросом Барбу. Сначала он решил сделать здесь огромный винный подвал, но затем устроил кроме него и апартаменты; над ними потрудились рабочие, специально привезенные с виллы, которая была у него в Южной Мексике, потом всех их отправили обратно, чтобы сохранить тайну существования пещеры, особенно от местных жителей. В свои шестьдесят четыре года Эрос Барбу был не только прославленным писателем, но и человеком-легендой, его личностью были заинтригованы ничуть не меньше, чем его книгами; и подземный грот стал для него укромным и безопасным местом для эротических развлечений с некоторыми из самых блестящих красавиц и знаменитых женщин мира. Но какой бы ни была история грота, для Елены он означал только страх и одиночество. Она все еще видела глаза Луки Фанари, чуть

ли не вылезшие из орбит от ужаса и бешенства, когда ему позвонили. Его жена была мертва, а на ее теле нашли следы пыток, их не смогли скрыть и ожоги, которые остались после огня, уничтожившего квартиру, где они прожили всю совместную жизнь. Он сразу решил, что все бросает и едет на похороны в Пескару, чтобы там быть вместе с тремя сыновьями. Марко и Пьетро уехали с ним.

— Да благословит вас Господь! — сказала им Елена.

На маленькой лодке с подвесным мотором — их единственным транспорте — они выехали в Белладжио, чтобы первым же катером на подводных крыльях отправиться в Комо.

И теперь она осталась одна с Майклом Роарком, спящим в соседней комнате, и молилась о том, чтобы услышать звук возвращавшейся шлюпки. Но улавливала только легкий плеск воды о каменные стены.

Она повернулась и пошла в комнату, решив позвонить настоятельнице в Сиену, чтобы рассказать ей о том, что произошло, и получить указания, как теперь поступать, и вдруг услышала отдаленный шум моторной лодки; эхо отдавалось под сводами грота.

Решив, что это вернулись Марко и Пьетро, она пошла, почти побежала по коридору к лодочному причалу и увидела яркий луч прожектора, услышала, как смолк звук выключенного мотора, а затем в поле зрения всплыл гладкий корпус другой моторной лодки. В ней был Эдвард Муи.

На причал сошли трое: Эдвард Муи, еще один мужчина и женщина, Елена их видела впервые.

— Мужчины уехали, — коротко сказала она.

— Знаю.

Муи выглядел вполне спокойным и уверенным, он представил ей прибывшую пару. Им можно доверять, они служат у Эроса Барбу давно и сюда приехали, чтобы остаться с Майклом Роарком, пока она съездит в Белладжио.

— В Белладжио?

Елена даже вздрогнула.

— Я хочу, чтобы вы встретили там одного человека, священника из США, и привезли сюда.

— Прямо сюда, в грот?

— Да.

Елена посмотрела на мужчину, затем на женщину, снова перевела взгляд на Эдварда Муи.

— Почему я, а не вы?

— Потому что в Белладжио нас знают, а вас нет.

Елена еще раз посмотрела на мужчину и женщину — Сальваторе и Марту, как Муи их представил. Они ничего не сказали, только взглянули на нее. Им было лет по пятьдесят, не меньше. Сальваторе был смуглым, Марта нет. Скорее всего, это значило, что он работал на воздухе, в то время как она — в доме. Оба носили обручальные кольца, но утверждать, что они были мужем и женой, Елена не стала бы. Но это ничего не меняло. Они оба были встревожены, даже напуганы, но в то же время готовы выполнить свои обязанности. Сделать все, что им поручит Эдвард Муи.

— И кто этот священник?

— Родственник Майкла Роарка, — спокойно ответил Муи.

— Нет, он не его родственник.

Елена сказала это, потому что приняла решение. Страха она не испытывала, лишь возмущение оттого, что эти слова не произнесли раньше Лука, или Марко, или Пьетро, или ее настоятельница.

— Майкла Роарка не существует, а если и существует, это не он. — Она махнула рукой назад, в сторону комнаты, где спал больной. — Это отец Дэниел Аддисон, ватиканский священник, которого разыскивают за убийство кардинала Пармы.

— Сестра Елена, его жизнь в опасности, вот почему он здесь, — с величайшим спокойствием ответил Эдвард Муи, — вот почему у него новое имя и его тайно перевозят с места на место...

Елена посмотрела на него в упор:

— Почему вы его защищаете?

— Потому что нас попросили.

— Кто?

— Эрос Барбу.

— Всемирно известный писатель — укрыватель убийцы?

Эдвард Муи промолчал.

— Луке об этом известно, а как насчет других? Как насчет моей настоятельницы? —

Елена недоверчиво смотрела на мужчину, ожидая ответа.

— Я не знаю... — Муи прищурил глаза. — Зато я точно знаю, что полиция следит за каждым нашим шагом. Вот почему я прошу отправиться в Белладжио вас. Если поедет кто-нибудь из нас и встретится со священником, они или арестуют всех там же, или будут выжидать и следить за нами, куда бы мы ни отправились.

— Этот священник — брат отца Аддисона, да?

— Думаю, да.

— И вы хотите, чтобы я доставила его сюда...

Эдвард Муи кивнул.

— Есть другой путь, по суше, я вам покажу его.

— А что, если я вместо этого пойду в полицию?

— Но ведь вы не знаете наверняка, является ли отец Дэниел убийцей... И я видел, как вы заботитесь о нем. — Глаза Эдварда Муи были глазами поэта, и в них одновременно можно было прочесть и решимость, и искренность, и доверие. — Он поручен вашим заботам, и вы не пойдете в полицию.

Вилла Лоренци. 6 часов 00 минут

Эдвард Муи, растрепанный, босиком и в халате, стоял в дверях дома смотрителя и лишь пожал плечами, когда Роскани, возглавлявший небольшую армию Gruppo Cardinale — специальные агенты, тяжело вооруженные карабинеры в форме и кинологическая армейская группа из пяти бельгийских овчарок малинуа с проводниками, — сообщил ему, что на вилле Лоренци будет проведен повторный обыск.

Они заново осмотрели большой особняк, смежное крыло для гостей с шестнадцатью спальнями, крыло напротив, которое было личным жильем Эроса Барбу, цокольный этаж и подвалы — все. Малинуа прошлись по всей территории, пытаясь уловить запах одежды, доставленной из Рима, — отца Дэниела из квартиры на виа Омбреллари и Гарри Аддисона из его номера в отеле «Хасслер».

Потом они прочесали большое куполообразное строение позади особняка, где размещались закрытый плавательный бассейн, теннисные корты, а на втором этаже, под золоченым куполом — просторный бальный зал. Затем собаки проверили гараж на восемь автомобилей, все квартиры служащих, одноэтажные дома, в которых размещались службы по ремонту и техническому оснащению виллы, и, наконец, оранжерею в три четверти акра.

Роскани лично руководил обыском. В рубашке с расстегнутым из-за рано начавшейся жары воротником, он осматривал комнату за комнатой, дом за домом, указывая и распоряжаясь, следя, чтобы собаки не отвлекались, открывая двери всех шкафов и съемные панели, заглядывая за мебель, кое-где даже поднимая половицы, не упуская из виду никаких мелочей. И в то же время его мысли крутились вокруг убийства в Пескаре и человека, орудовавшего острой пикой. Кто это мог быть? Роскани послал срочный запрос в штаб-квартиру Интерпола во Францию, в Лион, затребовав список убийц и террористов, находящихся, по всей вероятности, в Европе, с указанием возможного местонахождения и любыми персональными сведениями.

* * *

— *Ispettore capo*, вы уже закончили?

Эдвард Муи был по-прежнему в халате. Весь поглощенный поиском, Роскани неожиданно понял, где он находится, что они оба стоят наверху лестницы, уходящей вниз под навес для лодок. Утреннее солнце ярко окрасило мерцающую поверхность озера, в то время как в самом низу, в полумраке, две овчарки фыркали и ворчали, обнюхивая борта большой моторной лодки, пришвартованной в доке; проводники предоставили собакам относительную свободу действий, четыре вооруженных карабинера наблюдали за ними, стоя рядом, Эдвард Муи тоже смотрел на собак, а Роскани разглядывал этого жителя Южной Африки.

Наконец собакам надоело, они, одна за другой, лениво пошли вокруг дока, уже ничего не обнюхивая. Один из инструкторов наклонился к первой собаке и потрепал ее по загривку.

— Grazie, signore, — поблагодарил Роскани Эдварда Муи.

— Prego. — Муи кивнул в ответ и пошел по тропинке на виллу.

— Ладно, все.

Роскани позвал проводников и смотрел, как они вместе с собаками и четырьмя карабинерами поднялись по ступенькам и пошли к главному дому, где оставался полицейский транспорт с охраной.

Детектив медленно побрел следом. Они потратили здесь больше двух часов и абсолютно ничего не нашли. Два часа псу под хвост. Раз он был не прав, значит, не прав. Пора с этим заканчивать и двигаться дальше. Куда-то еще.

Он обернулся, посмотрел назад. Навес, лодки и за всем этим большое озеро. Справа видны собаки и вооруженные карабинеры, подходящие к вилле. Эдвард Муи уже исчез.

Что же он все-таки пропустил?

Слева от виллы, между ней и лодками — небольшой утес с балюстрадой наверху. Там пристань, на которую, по словам капитана катера, он высадил беглого священника и его сопровождающих.

Роскани снова посмотрел на лодочный причал. Рассеянно поднес пальцы к губам и мысленно сделал затяжку. Все так же рассеянно, продолжая глядеть на навес, он выбросил воображаемую сигарету, затушил ее носком ботинка и пошел к дому.

С лестницы он видел только пришвартованную ниже, к доку моторную лодку. За маленькой, почти прямоугольной бухтой — само озеро. То же, что и прежде.

Он еще раз спустился и пошел к лодке. Наклонился к корме, ниже. Для чего, он и сам не знал. Залез в нее. Осмотрел внутри. Что-то здесь собакам не понравилось, но они ничего не нашли. Лодка как лодка, он опять тратит время впустую. Он занес ногу, чтобы выбраться из нее, но одна мысль его остановила. Вернувшись на корму, он посмотрел на спаренные подвесные моторы «ямаха». Встав на колени, перегнулся через корму и провел рукой вниз по «ноге» каждого движка, до самой воды, потрогал транцевую доску, кожухи моторов. Они были теплыми.

Елена Восо пересекла площадь и направилась по ступенькам к воде. По обеим сторонам лестницы тянулись бесчисленные магазины, рассчитанные почти исключительно на туристов. Многие из них уже открылись. И торговцы, и покупатели были сейчас очень похожи между собой — все любезные, улыбчивые, полные счастливого предвкушения наступившего дня.

Прямо перед Еленой раскинулось озеро. По нему уже двигалось в разных направлениях множество лодок. У подножия лестницы, отделенная от нее улицей, лежала пристань катеров на подводных крыльях, и Елена задумалась, ушел уже первый катер или нет; если да, значит, Лука, Марко и Пьетро уже прибыли в Комо и, возможно, сейчас ожидают на станции прибытия поезда на Милан. Кроме пристани здесь располагалась гостиница «Дю Лак» — а Елена так и не решила, что будет делать, когда попадет туда.

После того как Эдвард Муи на своей моторке покинул пещеру, Елена отвела Сальваторе и Марко туда, где находился Майкл Роарк, нет, теперь она будет называть его настоящим именем — отец Дэниел. Елена объяснила ему, что Сальваторе и Марко — друзья, что они будут ухаживать за ним, пока она отлучится по делам. Хотя как раз к этому времени к отцу Дэниелу вернулась способность использовать голосовые связки и говорить длинными фразами, он не сказал ни слова ей в ответ. Лишь его глаза нашли ее зрачки и не отрывали от них взгляда, словно он каким-то образом понял, что она знает, кто он такой на самом деле.

А потом Сальваторе отвел Елену в ту часть пещеры, где она еще не бывала. Извилистые коридоры привели их к грузовому лифту, похожему на шахтную клетку, в котором они поднялись по естественной расщелине на несколько сотен футов вверх.

Оказавшись на поверхности, они попали в густую рощу и прошли по узкой тропинке к пожарной просеке. Там Сальваторе помог ей забраться в маленький грузовичок и объяснил, как нужно ехать, чтобы добраться до Белладжио, и куда идти там.

Ну вот, она попала туда, даже спустилась по лестнице на набережную, на которой размещалась гостиница «Дю Лак», и сразу же увидела полицию. Прямо перед собой — «скорую помощь», три полицейские машины и толпу любопытных, сгрудившихся на противоположной стороне набережной, возле самой пристани. Слева от Елены находился небольшой сквер и будки телефонов-автоматов, из которых ей следовало позвонить брату отца Дэниела в гостиницу.

— Кто-то утонул, — услышала она женский голос, а потом еще кучка людей быстро прошла мимо нее, стремясь попасть на набережную и стать свидетелями человеческой беды.

Елена некоторое время смотрела в том направлении, а потом вновь повернулась к телефонам. Эдвард Муи сказал, что отец Дэниел вверен ее попечению. Это, пожалуй, верно, но рассудок подсказывал ей, что сейчас, когда у нее появилась такая возможность, ей следует обратиться в полицию. Известно ли матери настоятельнице о том, что происходит, или нет, не имело никакого значения. Не ее дело было выяснять, что отец Дэниел сделал и чего не сделал. На это существовал закон. Его разыскивают как убийцу. И его брата тоже. Вот перед ней полицейские. Ей остается только подойти к ним.

И она пошла туда — отвернулась от телефонов и пошла через улицу к пристани. Когда же она достигла противоположного тротуара, толпа, собравшаяся на пристани, громко зашумела. Народ устремился к краю набережной, чтобы увидеть, что же произошло.

— Смотрите! — воскликнул кто-то, и Елена увидела, что водолазы достают из воды возле пристани тело человека.

Двое полицейских в форме, стоявшие на берегу, приняли у них труп и положили наземь. Еще один торопливо подошел с простыней, чтобы накрыть утопленника.

В эти секунды у всех зевак перехватило дыхание при виде безвременной смерти, а Елена Восо буквально остолбенела. Тело, извлеченное из воды, принадлежало мужчине.

Это был Лука Фанари.

Гарри несколько секунд смотрел из окна своего номера на полицию и на толпу, собравшуюся на той стороне улицы, а потом отвернулся и вновь уставился в телевизор. Адрианна в своей вечной бейсболке и камуфляжной куртке от «Л. Л. Вин» стояла под проливным дождем у здания женевской штаб-квартиры Всемирной организации здравоохранения. Основной сюжет передавали частями из центрального района Китая. Согласно неофициальным данным из города под названием Хэфэй на востоке Китая, там произошла страшная трагедия, связанная с централизованной системой водоснабжения. Если верить слухам, отравились многие тысячи людей, шесть тысяч из них уже скончались. Однако и китайское агентство новостей Синьхуа, и Центральное телевидение Китая в один голос заявляют, что эта информация ничем не подтверждается.

Гарри резко нажал на кнопку «Без звука», и Адрианна на экране умолкла. Какого черта ее понесло в Женеву пересказывать «необоснованную» информацию?

Все больше и больше тревожась, он опять выглянул в окно. Затем посмотрел на часы, лежавшие на тумбочке.

8.20

Никаких звонков. Вообще ничего. Что же могло случиться с Эдвардом Муи? Не проверил факс? А теперь еще и Адрианну занесло в Женеву, в то время, когда она должна быть в Белладжио. «Безумие!» — воскликнул он про себя. Весь мир летит кувырком, а он должен сидеть в крошечном гостиничном номере!

Он опять повернулся к окну. В эту самую секунду у противоположной стороны улицы остановился полицейский автомобиль. Двери открылись, из машины вышли трое мужчин в штатском и сразу же направились к причалу. Гарри почувствовал, что у него остановилось сердце. Первым шел Роскани, по-видимому возглавлявший всю группу.

— Господи... — Гарри инстинктивно отшатнулся от окна.

И чуть ли не в то же мгновение послышался стук в дверь. Гарри застыл на месте. Стук повторился.

Гарри поспешно подошел на цыпочках к кровати, открыл чемодан и выхватил оттуда листок бумаги, на котором был записан номер Эдварда Муи. Порвал бумагу на мелкие клочки, прошел в ванную и спустил их в унитаз.

Стук раздался в третий раз. Теперь уже совсем негромкий. Определенно не властный грохот кулака полицейского. Несомненно, это Итон. Почувствовав, что у него отлегло от сердца, Гарри подошел к двери и отпер ее.

На пороге стояла молодая монахиня.

— Отец Ри?

— Да... — нерешительно ответил Гарри после секундного колебания.

— Я медицинская сестра Елена Восо.

По-английски она говорила с ярко выраженным итальянским акцентом, но понять ее можно было без труда. Гарри недоверчиво уставился на нее.

— Я хотела бы войти.

Он посмотрел через ее плечо в глубь коридора. Ни души.

— Да, конечно...

Гарри отступил на два шага. Войдя, она повернулась и осторожно прикрыла за собой

дверь.

— Вы звонили Эдварду Муи, — негромко сказала Елена.

Гарри кивнул.

— Я пришла, чтобы проводить вас к вашему брату.

Гарри вновь вскинул на нее настороженный взгляд.

— Я не понимаю...

— Все в порядке. — Она явственно чувствовала его настороженность и неуверенность. — Я не из полиции.

— Простите, но я не понимаю, о чем вы говорите.

— Если вы мне не верите... можете выйти через некоторое время после меня. Я буду ждать вас на лестнице, которая ведет наверх, в деревню. Ваш брат сильно нездоров. Прошу вас... мистер Аддисон.

Гарри спустился вместе с ней по запасной лестнице. На первом этаже они оказались в боковом коридоре.

«Uscita». Выход.

Под надписью была нарисована стрелка. Гарри остановился в нерешительности — ему хотелось выйти через черный ход или запасную дверь, но только не через парадный подъезд, ведущий на улицу, где находился Роскани. Но стрелка была лишь одна, и он направился туда, куда она указывала. Через минуту они, пройдя через боковую дверь, оказались в вестибюле гостиницы. Выйти оттуда можно было лишь через главную дверь.

— Проклятье... — выдохнул сквозь зубы Гарри.

Около стойки регистрации толпились заселяющиеся и выселяющиеся постояльцы. Чуть поодаль какой-то толстяк вел оживленную беседу с портье. Гарри посмотрел по сторонам. Если запасной выход и имелся, то он понятия не имел, где его искать. В этот момент из открывшихся дверей лифта вышли две по виду супружеские пары; к ним устремился носильщик, толкавший перед собой тележку с чемоданами. Если эта компания выходит на улицу, можно будет воспользоваться ею как прикрытием.

Взяв Елену под руку, Гарри подладил шаг к носильщику и, подойдя к двери, придержал створку и жестом предложил тому пройти вперед. Носильщик кивнул и протиснулся со своей тележкой наружу. Гарри и Елена вышли сразу за ним. В первую секунду солнечный свет ослепил Гарри. Он резко свернул налево, пытаясь смешаться на тротуаре с другими пешеходами.

— Buon giorno. — Какой-то мужчина вежливо прикоснулся к шляпе.

Молодая парочка поприветствовала их улыбками и пошла дальше своей дорогой.

— Нам нужно налево, к лестнице, — очень спокойно сказала Елена.

В следующее мгновение Гарри увидел, как Роскани поднимается по дорожке, ведущей от воды, точно так же, как и он сам минувшей ночью. Он шагал быстро, двое его спутников, тоже в штатском, следовали за ним. Гарри наклонился к Елене, направляя ее так, чтобы она оказалась между ним и полицейскими.

Они почти дошли до угла, Гарри уже видел лестницу, о которой говорила Елена. И тут Роскани внезапно поднял голову. И посмотрел прямо на Гарри. В тот же миг Елена заговорила по-итальянски. Гарри представления не имел, о чем шла речь. Но принялся живо жестикулировать, как будто разговор шел о чем-то очень важном для них обоих. Около подножия лестницы монахиня взяла его за рукав, резко свернула налево, и они оба зашагали вверх по ступенькам; Елена теперь говорила явно укоризненным тоном, но все же успела улыбнуться немолодому мужчине, спускавшемуся им навстречу.

На лестнице оказалось очень многолюдно. Они шли мимо витрин магазинов и ресторанов, протискиваясь через толпу. Лишь на самом верху Гарри позволил себе оглянуться. Никого. Ни полиции. Ни Роскани. Только покупатели и гуляющие. Обычные люди.

— Те люди около пристани — они были из полиции, — сообщила ему Елена.

— Я знаю. — Гарри на ходу окинул взглядом свою спутницу. Он впервые встревожился: кто же она на самом деле и почему она это делает?

Гарри переключил передачу, свернул за угол, снова перевел, стиснув зубы, рычаг, и машина покатила по узкой улице. Старый грузовичок пребывал далеко не в лучшем состоянии, и для того, чтобы управлять ручной коробкой передач, приходилось прикладывать изрядное усилие. В очередной раз переключив скорость, Гарри свернул за угол мимо парка, и они оказались за пределами города.

— Расскажите, что с моим братом. — Гарри отвернулся от дороги и смотрел на Елену, рассчитывая таким образом понять, говорит она правду или выдумывает.

— У него сломаны ноги и сильно обожжены голова и верхняя часть туловища. И еще сильное сотрясение мозга. Но сейчас ему стало лучше, он принимает твердую пищу и начал понемногу говорить. Память то покидает его, то возвращается, но это нормально. Он еще очень слаб, но поправляется. Думаю, что все для него закончится благополучно.

Дэнни жив! Гарри почувствовал, что у него перехватило дух. Когда же известие достигло наконец его сознания, на него нахлынул целый шквал эмоций. Вдруг его словно толкнуло, и он взглянул на дорогу. Автомобили замедляли движение и останавливались.

— Карабинеры, — сказала Елена.

Гарри поспешно ухватился за рукоять, с громким скрежетом шестеренок переключил скорость, и машина остановилась в считанных дюймах от белой «ланчии», стоявшей в пробке, которая образовалась перед полицейским постом.

Два карабинера в форме с автоматами «узи» наперевес проверяли каждую из подъезжавших к ним по очереди машин. Еще двое стояли наготове чуть поодаль.

Вот постовой знаком разрешил переднему автомобилю проезжать, и Гарри снова врубил передачу. Машина взревела и дернулась вперед, да так, что одному из полицейских пришлось поспешно отскочить в сторону. Он что-то гневно прокричал.

— Господи Иисусе!

Карабинеры подошли к кабине с обеих сторон. Гарри кинул быстрый взгляд на Елену.

— Заговорите им зубы. Все равно чем.

— Buon giorno. — Карабинер изучающе глянул на Гарри.

— Buon giorno, — с улыбкой ответил Гарри, и тут же Елена взяла дело в свои руки.

Размашисто жестикулируя, указывая то на Гарри, то на самое себя, то на машину, она с пулеметной скоростью тараторила по-итальянски, обращаясь к обоим стражам порядка одновременно. Все закончилось за считанные секунды. Карабинеры понимающе закивали, отдали как по команде салют; можно было ехать дальше. Громко заскрежетала коробка, несколько раз взрывоподобно стрельнул глушитель, и автомобиль миновал полицейский кордон, оставив всех четверых постовых в густом облаке сизого дыма.

Гарри взглянул в зеркало, потом на Елену.

— Что это такое вы им сказали?

— Что грузовик нам одолжили, что мы с вами едем на похороны и уже опаздываем. Надеюсь, что это так и останется ложью...

— Я тоже.

Гарри посмотрел на шоссе, которое плавно поднималось к видневшимся вдали скалам, а потом инстинктивно вновь глянул в зеркало заднего вида. Там он не увидел ничего, кроме пропускного пункта, где карабинеры неумолимо осматривали машины одну за другой.

Гарри медленно отвел взгляд от зеркала и посмотрел на Елену. А она глядела на лежавшую впереди дорогу и сидела молча, похоже углубившись в себя. Но вдруг повернулась и взглянула на Гарри, словно знала, о чем он думает и что хочет спросить.

— Ухаживать за вашим братом мне поручили в монастыре.

— То есть вы знали, кто он такой?

— Нет.

— А в вашем монастыре?..

— Я — не знала.

— Действительно не знали?

— Нет.

Гарри вновь уставился на дорогу. Теперь-то она определенно знала, кто такой Дэнни. И кто такой Гарри, но все же шла на большой риск, чреватый многими неприятностями, помогая им обоим ускользнуть от полиции.

— Вы позволите задать вам один вопрос?.. Наверное, глупый... Почему вы это делаете?

— Мистер Аддисон, я сама себя об этом уже не раз спрашивала...

Она бросила долгий взгляд на дорогу, а потом опять повернулась к Гарри. Ее карие глаза оказались неожиданно глубокими и пронизательными.

— Признаюсь вам, что когда я приехала в Белладжио, то уже совсем было собралась отправиться в полицию. Рассказать о вас и вашем брате. И я сделала бы это... если бы не труп, который извлекли из озера прямо перед вашей гостиницей. Это был один из тех людей, которые помогли перевезти вашего брата туда, где он сейчас находится. Всего несколько часов назад он узнал, что его жену убили, и тут же отправился домой...

Елена умолкла, видимо, воспоминание оставалось еще слишком свежим и ей было тяжело говорить о случившемся. Но все же она быстро совладала с собой и продолжила рассказ:

— Сказали, что он утонул. Я сомневаюсь, что это действительно так. С ним были еще двое мужчин. Где они и что случилось с ними, я не знаю. Ну и в результате я приняла решение.

— По поводу?..

Елена ответила не сразу.

— По поводу моего будущего, мистер Аддисон. Господь вручил мне заботу о вашем брате. И не важно, что происходит вокруг — от этих забот Он меня освободил. Вообще-то решение оказалось очень даже простым... — Елена помолчала, глядя Гарри в лицо, а потом перевела взгляд на дорогу. — Видите деревья впереди? Сразу за ними направо отходит грунтовая дорога. Сверните туда.

Эдвард Муи стоял голышом с полотенцем в руке. Он только что вылез из ванны, и с него еще капала вода.

— Кто вы такой? Что вам нужно?

Он не слышал, как отворилась дверь, и не имел ни малейшего представления о том, каким образом этот блондин в джинсах и легкой куртке пробрался на второй этаж. А также как ему удалось миновать полицейские караулы Gruppo Cardinale, выставленные вокруг и внутри дома. Кстати, для того, чтобы никто не мог попасть на виллу Лоренци.

— Мне нужно, чтобы вы отвели меня к священнику, — ровным голосом ответил блондин.

— Убирайтесь, живо! Пока я не позвал охрану! — Эдвард Муи яростным движением завернулся в полотенце.

— Не думаю, что вам это удастся. — Блондин вынул что-то из кармана куртки и положил в белую фаянсовую раковину рядом с поэтом.

— И что я должен с этим делать?

Муи скосил глаза на лежащий в раковине небольшой предмет. Неизвестно что, небольшое, завернутое вроде бы в темно-зеленую ресторанный салфетку.

— Разверните.

Эдвард Муи прожег незнакомца гневным взглядом, а потом медленно взял сверток и развернул.

— О боже!

Отвратительного иссиня-бурого цвета. Перемазанный кровью. Ужасающе раздувшийся, облепленный бумажными волокнами от салфетки, ровно отрезанный человеческий язык. С трудом сдержав позыв к рвоте, Муи испуганно попятился.

— Кто вы такой?

— Водитель «скорой помощи» не захотел рассказывать мне о священнике. Даже попытался драться со мной. — Блондин говорил, неотрывно глядя в глаза Муи. — Вы не боец. Телевидение говорит, что вы поэт. Значит, разумный человек. Поэтому я не сомневаюсь, что вы выполните мою просьбу и отведете меня к священнику.

Эдвард Муи смотрел на него как зачарованный. Так значит, вот от кого прятали отца Дэниела!

— Тут слишком много полицейских. Нам ни за что не удастся пройти мимо них.

— Посмотрим, вдруг да удастся, а, Эдвард Муи?

* * *

Роскани глядел на предмет (или предметы) — бесформенную массу из человеческой плоти, крови и воды, завернутую в изрезанную одежду, — извлеченный из воды. Обнаружил находку пожилой хозяин виллы, на любовно ухоженной территории которой они сейчас

находились. А криминалисты занимались своим делом: фотографировали, записывали, опрашивали вызвавшего полицию человека.

Никто не знал, кто они, вернее, кто они были. За исключением Роскани, ну и, конечно, Скалы и Кастеллетти. Это были оставшиеся — похоже, что двое, — из тех, кто сопровождал отца Аддисона на прогулочном катере до виллы Лоренци.

Проклятье, как же Роскани хотелось курить! Взять и стрельнуть сигарету у одного из помощников. А потом у другого. Вместо этого он вынул из кармана завернутый в фольгу шоколадный бисквит, развернул, откусил кусок и отошел в сторону. Он не имел ни малейшего представления, где зарезали этих людей, знал лишь, что их зарезали, причем самым зверским образом. И еще он готов был прозакладывать годовой запас шоколадных бисквитов, что сделал это тот самый любитель орудовать пикой для колки льда.

Остановившись около самой воды, он уставился на озеро. Он что-то упустил. Все случившееся должно было что-то ему подсказать...

— Мать божья! — Роскани резко повернулся и быстро зашагал по подстриженной лужайке к машине. — Поехали! Живо!

Скала и Кастеллетти тут же покинули криминалистов и кинулись за ним.

То и дело переходя на бег, Роскани поспешил к машине. Там он схватил с приборной панели рацию.

— Говорит Роскани. Немедленно возьмите Эдварда Муи под временный арест! Мы уже едем.

Через секунду Скала, севший за руль, уже крутил баранку. Машина описала узкую дугу, щедро посыпав гравием ухоженный газон. Роскани сидел рядом с ним. Кастеллетти на заднем сиденье. Все трое молчали.

Гарри смотрел по сторонам и прислушивался. Сделанная из досок на железном каркасе клеть, поскрипывая, опускалась в щель между отвесными скалами. Яркий солнечный свет сменился полутьмой, а потом и мраком. Где-то там, внизу, находился Дэнни. Наверху остались роцца, по которой проходила грунтовая дорога, и грузовичок, спрятанный в кустах неподалеку от опушки.

Прошла минута. Потом вторая. Третья. Никаких звуков, лишь поскрипывание клетки и чуть слышное гудение электромотора вдали. А клеть все спускалась и спускалась почти в полной темноте, если не считать нескольких редких ламп, прикрепленных к скале. В их проплывающем свете Гарри видел очертания тела Елены под облачением, ее стройную высокую шею, округлость щеки, изящную переносицу и незамеченный им прежде блеск глаз. Но вдруг иное ощущение отвлекло его внимание от женщины. Запах тины и сырости. Сильный и весьма знакомый. Хотя он не чувствовал его уже много лет.

На мгновение он вернулся памятью к вечеру своего тринадцатого дня рождения. После школы он бродил в одиночестве по лесу — в лесу и стоял этот самый запах болотной сырости, в какой он погрузился сейчас. Жизнь взяла их всех в крутой оборот. На протяжении неполных двух лет они с Дэнни потеряли в результате трагических случайностей сестру и отца, оказались свидетелями поспешного нового замужества матери и были вынуждены переехать вместе с ней в неустроенный дом с нелюбящим их отчимом и еще пятью детьми. Дни рождения, как и прочие личные события, сразу же затерялись в хаосе перемен и порожденных ими растерянности и неуверенности.

И Гарри пребывал в унынии и душевном упадке. Как старший сын и старший брат, он должен был стать опорой дома. Но ни о чем таком не могло быть и речи, ибо в этом доме были два парня старше, чем он, сыновья его отчима, которые всем и заправляли.

Он замкнулся в себе и боялся любых поступков, поскольку опасался, что может случиться что-нибудь такое, в результате чего положение его еще ухудшится. В результате началось его тихое отчуждение от всех остальных. Он водил компанию лишь с несколькими учениками своей новой школы, но больше времени проводил в собственном обществе, много читал или смотрел телевизор, когда его не смотрел кто-нибудь другой, но чаще всего просто гулял в одиночестве, как в тот раз.

Этот день был для него особенно тяжелым — тринадцатый день рождения, день, когда он сменил свой официальный статус, превратился из ребенка в подростка. Он знал, что дома не будет никакого праздника, сомневался, что кто-нибудь вообще вспомнит об этом событии; лучшее, на что он мог надеяться, — это маленький сувенир, ну два, от матери и от Дэнни (на самом деле тоже от матери), которые она вручит ему втихомолку, так, чтобы никто больше не видел, в своей комнате, перед тем как лечь спать. Он понимал, что причиной такого поведения матери является такая же, как и у него, глубокая растерянность и опасение как-то выделить своих детей в этой большой семье, на глазах мужа, который, как она считала, облагодетельствовал ее. Так что празднование его дня рождения превращалось в предосудительное и запретное дело. Как будто он не заслужил праздника или же, что еще

хуже, он существовал лишь как имя, как звук. И потому лучшее, что у него оставалось, — это бродить по лесу, убивая время и стараясь не думать обо всем творящемся вокруг.

Так оно и было — пока он не увидел камень.

Ничем, в общем-то, не примечательный камень лежал в стороне от тропинки, был полускрыт кустами, но привлек его внимание тем, что на нем было что-то написано. Заинтригованный, он перебрался через преграждавшее путь бревно, раздвинул листву и приблизился к находке. И увидел, что же именно там написано — мелом, крупными четкими буквами и, по-видимому, совсем недавно.

«Я — ЭТО Я!»

Он непроизвольно оглянулся, рассчитывая, что автор надписи где-нибудь неподалеку. Но никого не увидел. Тогда он повернулся к камню и стал вновь и вновь перечитывать надпись. И чем дальше перечитывал, тем больше утверждался в мысли, что она сделана здесь исключительно для него. Весь остаток дня и весь вечер он думал о случившемся. В конце концов, уже перед тем, как ложиться спать, он записал эти слова в свою школьную тетрадь. После этого стал воспринимать их как свой девиз. Как свою Декларацию независимости. И в это самое мгновение он осознал, что свободен.

Я — ЭТО Я!

Кем он был, кем стал и кем еще станет — зависит только от него самого, и ни от кого иного. Он твердо решил, что так и будет жить, и пообещал себе никогда впредь ни на кого не рассчитывать.

Как правило, такой подход себя оправдывал.

* * *

Внезапно Гарри отвлек от воспоминаний ударивший в глаза яркий люминесцентный свет. В ту же секунду клеть довольно ощутимо ударилась о дно шахты и остановилась.

Подняв голову, он увидел, что Елена смотрит на него.

— Что?..

— Учтите, что ваш брат очень сильно исхудал. Не пугайтесь, когда увидите его.

— Ладно... — Кивнув, Гарри протянул руку и открыл дверь клетки.

* * *

Он следовал за быстро шедшей монахиней по узким коридорам, в свете ламп, подвешенных по сторонам на изящных бронзовых канделябрах; на полу была выложена дорожка из зеленого афинского мрамора, служившая путеводной нитью. Потолок то взмывал вверх, то резко опускался вниз, и Гарри не раз приходилось пригибаться.

В конце концов, преодолев непрерывно петлявший проход, они оказались в главном, по всей видимости, коридоре, длинном и широком, с прорезанными тут и там по сторонам в

древнем камне нишами, в которых стояли монолитные каменные же скамьи. Свернув налево, Елена прошла еще двадцать футов и остановилась перед закрытой дверью. Негромко постучав, женщина что-то сказала по-итальянски и толкнула створку.

Когда они вошли, Сальваторе и Марта порывисто вскочили на ноги. И Гарри тут же увидел его. У противоположной стены комнаты. Спящим в кровати лицом к нему. С трубкой, тянувшейся от руки к подвешенной на штативе капельнице. Голова и туловище обмотаны бинтами. Он оброс бородой, как и Гарри. И, как и предупредила Елена, страшно исхудал. Дэнни.

Гарри медленно подошел к кровати и посмотрел на брата. Никаких сомнений, это был он, и никто другой. Не важно, сколько лет они не видели друг друга, не важно, насколько сильно он изменился внешне. Это говорило родственное чувство, восходившее к оставшемуся далеко позади детству. Он наклонился и дотронулся до руки Дэнни. Она была теплой, но на прикосновение брат никак не отреагировал.

— Синьор... — Марта шагнула к нему, но глядела на Елену. — Я... нам пришлось дать ему снотворное.

Елена резко обернулась.

— Когда вы ушли, он очень испугался, — сказал по-итальянски Сальваторе, переводя взгляд с Елены на Гарри. — Он выбрался из кровати. Когда мы нашли его, он полз к воде. Не слушал нас. Я хотел поднять его, но он стал отбиваться. Я боялся, что, если отпустить его, он сильно пострадает или свалится в воду и утонет. Вы оставили здесь лекарства... моя жена знает, что делать в таких случаях.

— Вы все сделали правильно, — спокойно ответила Елена и перевела Гарри то, что он сказал.

Гарри оглянулся на брата, и вдруг его лицо расплылось в улыбке.

— Ты остался все тем же крепким парнем, да, малыш? — И он вновь взглянул на Елену. — И долго он пробудет в отключке?

— Сколько вы ему дали? — спросила та у Марко по-итальянски и, услышав ответ, сообщила: — Час или немного больше.

— Мы должны забрать его отсюда.

— Куда? — Елена обвела взглядом Марту и Сальваторе. — Одного из тех людей, которые доставили сюда отца Дэниела, нашли утонувшим в озере.

Оба громко ахнули. Елена повернулась к Гарри.

— Не верю, что он мог утонуть случайно. Я не сомневаюсь, что убийца его жены находится где-то здесь и ищет вашего брата. Так что пока нам лучше остаться здесь. Я точно знаю, что более безопасного места для него нет.

* * *

Эдвард Муи провел моторную лодку между скалами в разъявленную пасть малоприметного грота и включил прожектор.

— Выключите! — приказал Томас Добряк, яростно сверкнув глазами.

Эдвард Муи поспешно щелкнул выключателем, и свет погас. В следующую секунду он почувствовал, как что-то прикоснулось к его шее. Громко вскрикнув, он дернулся в сторону, вскинул руку... Кровь.

— Эдвард Муи, это бритва. Та самая, которой был отрезан язык, лежащий у вас в кармане.

Муи ощущал рукой поверхность рулевого колеса, чувствовал, как по сторонам проплывали скалы, которые он знал как свои пять пальцев. Все равно смерти не избежать. Так почему же он привез сюда этого сумасшедшего? Он мог криком привлечь внимание

полиции, мог попытаться убежать... Но ничего этого не сделал. Он подчинился приказанию этого человека из одного лишь парализующего волю страха.

Вся его жизнь была посвящена слову, стихосложению... Эрос Барбу прочитал его стихи и спас от жалкого существования регистратора в южноафриканском государственном архиве, дал ему прекрасное жилье и возможность работать. А за это просил лучше присматривать за его виллой. Он старательно выполнял эту просьбу, а стихи его мало-помалу получили известность.

На исходе седьмого года его жизни на вилле Лоренци Барбу дал ему еще одно поручение. Позаботиться о том человеке, которого совсем недавно доставили на катере. Он мог отказаться, но не сделал этого. И вот из-за того, что он не отказался, им обоим — ему самому и этому человеку — предстояло расстаться с жизнью.

Эдвард Муи во тьме направил лодку в обход очередной скалы. Сто ярдов. Еще два поворота, и перед ними появится освещенный причал. Глубокая вода была здесь совершенно неподвижной. Осторожно, медленно поэт вытянул длинный черный указательный палец и нажал на кнопку экстренного выключения двигателя. Мотор «ямаха» умолк.

Завершающий этап жизни Эдварда Муи оказался поразительно коротким. Лево́й рукой он нажал на кнопку сирены. Опираясь на правую, подскочил, чтобы перевалиться через борт. Удар бритвы по горлу показался ему мягким, как шелк. Это ничего не значило. Все его молитвы были уже произнесены.

При первом же звуке лодочной сирены Сальваторе выскочил из комнаты отца Дэниела и побежал по центральному проходу к причалу. Увидев, что в подземном канале темно, и не услышав никаких других звуков, он поспешил вернуться.

Нужно немедленно уходить, сказал он. Никто, кроме самого Эроса Барбу и Эдварда Муи, не сможет провести лодку в темноте по туннелю, а лодка не пришла. Значит, короткий вскрик сирены был сигналом, предостережением.

Будь это полиция, о возможном появлении которой их предупреждал Муи, она уже нагрянула бы сюда — Роскани и толпа народу из Gruppo Cardinale, — а по пятам за ними шли бы журналисты. Но после сирены не последовало ни звука. Значит, Муи хотел сообщить им о чем-то еще.

— Сальваторе прав. — Гарри взглянул на Елену. — Нужно уходить. Немедленно.

— Как? Мы не сможем поднять вашего брата в подъемнике. Даже если мы дотащим его туда, в клетку все равно не поместим: она слишком маленькая.

— Спросите Сальваторе, нет ли здесь еще одной лодки.

— Мне и спрашивать незачем. Ее нет. Была одна, но на ней уплыл Лука со всеми остальными.

— Все равно спросите! — Гарри чувствовал, как стремительно уходят секунды. — Плот. Корыто. Что угодно, куда мы могли бы поместить Дэни, чтобы вывезти его по воде.

Елена повернулась к Сальваторе и повторила слова Гарри по-итальянски.

— Forse, — ответил Сальваторе. — Forse. Может быть.

Это была не лодка, а действительно нечто вроде алюминиевого корыта — плоскодонка двенадцати футов длиной и пяти футов шириной; ее буксировали за катером, нагрузив какими-нибудь припасами, на ней вывозили мусор. Сальваторе обнаружил ее на втором, малом причале, в сотне ярдов от главного, совсем рядом с массивной дверью, за которой находился легендарный винный погреб Эроса Барбу. В ней лежали два весла. Гарри и Сальваторе без труда подняли ее и спустили на воду, привязав для страховки веревкой к причалу.

Гарри слез в лодку и осмотрел ее.

Она была устойчива, не протекала и свободно выдерживала его вес. Нагнувшись, он вставил в гнезда уключины и закрепил в них весла.

— Ладно, давайте теперь перенесем его.

Сальваторе подвез каталку, вдвоем с Гарри они взяли носилки и поместили их в лодку, положили поперек на борта возле кормы. Потом итальянец передал Гарри сумку с самыми необходимыми медицинскими припасами. После этого Гарри помог войти в лодку Елене и посмотрел на Сальваторе. Но и тот, и его жена отступили от края причала.

— Он говорит, что лодка слишком мала для всех нас, — перевела Елена. — И предупреждает, что на стенах высоко над водой есть пометки. Нужно следить за ними, и мы без труда выберемся из туннеля.

— А как же вы? — Гарри вопросительно взглянул на Сальваторе.

Елене вновь пришлось переводить. Сальваторе и Марта поднимутся в клетки. А потом встретят их с грузовиком в бухте, которая находится немного южнее. Сальваторе объяснил Елене, как найти нужное место, и перевел взгляд на Гарри.

— Arrivederci, — произнес он чуть ли не извиняющимся тоном, как будто чувствовал себя виноватым в том, что бросает их.

Затем взял Марту за руку, и они вдвоем поспешно скрылись в пещере.

Как и сказал Сальваторе, в каменных стенах высоко над водой тут и там были выбиты путеводные метки. Елена стояла на носу с фонарем и искала их, а Гарри греб. Неуклюжее суденышко медленно двигалось по каналу.

Гарри сидел посередине, лицом к корме, а к Елене — спиной. Все его внимание было сосредоточено на гребле, он старался как можно тише работать веслами.

— Слушайте... — негромко сказала Елена, выключив фонарь.

Гарри замер, подняв весла; лодка медленно плыла дальше по инерции. Но он не услышал ничего, кроме чуть слышного журчания воды у скал, мимо которых проплывала лодка.

— Что случилось? — полушепотом осведомился Гарри.

— Мне по... Вот!

На сей раз и он услышал то же, что и она. Отдаленный рокот, гулом отдававшийся от стен. Внезапно звук прекратился.

— Что это было?

— Подвесной мотор. Несколько секунд поработал, а потом его выключили.

— Кто?

— Не знаю, но Эдвард Муи предупреждал именно о них. Они здесь, в канале... Пытаются нас найти.

Хэфэй, Китай

Городская станция водоочистки «А».

Тот же вторник, 14 июля, 18 часов 30 минут

Ли Вэнь держался в сторонке, глядя на людей, которые застыли перед огромным пультом с циферблатами, показывающими разные характеристики воды: давление, уровень мутности, скорость течения и химический состав. Он не мог понять, почему они до сих пор торчат здесь. Стрелки всех приборов неподвижно стояли на нулях. Предприятие было полностью остановлено.

Чжу Юйбинь, губернатор провинции Аньхой, просто глядел в пространство; так же вел себя и Му Киянь, заместитель директора департамента охраны водных ресурсов и гидроэнергетики провинции. Все обвинения и гневные слова были высказаны во время официальной части, тогда же огласили и заключение: вода в озере Чао не была отравлена — ни преднамеренно, ни случайно, ни террористами, ни кем-нибудь еще. Причиной катастрофы послужило даже не загрязнение сточными водами местных ферм и промышленных предприятий, а биологические токсины, выделяемые размножившимися вследствие жаркой погоды микроскопическими водорослями. Оба чиновника уже много лет предупреждали о существовании такой опасности, говорили, что озеро представляет собой мину замедленного действия, требовали решения проблемы. Но сделано так ничего и не

было. И теперь они застыли, потрясенные ужасом случившегося. Смертоносная вода разошлась по городу, прежде чем насосные станции успели ее остановить. Количество пострадавших невозможно было даже представить.

Озеро Чао поило водой почти миллион человек. Статистика последних десяти часов: двадцать семь тысяч пять человек умерли, еще пятьдесят пять тысяч находятся в тяжелом состоянии.

О судьбе и самочувствии многих тысяч других людей, пивших эту воду, пока просто ничего не известно. Количество больных и умерших стремительно растет. И хотя задействовали и армейские части, и силы гражданской обороны, сделать почти ничего не удастся — лишь убирать умерших. А еще ждать и подсчитывать. Именно этим они занимались сейчас на глазах Ли Вэня.

* * *

Они ничего не слышали, кроме негромкого журчания воды у скал. Да еще ровного дыхания Дэнни. Елена неподвижно, как статуя, стояла на носу, лодку несло слабым течением; Гарри приходилось то и дело отталкиваться ладонью от стены, чтобы суденышко не ударилось о нее бортом, произведя опасный сейчас шум.

Тьма была кромешная. Непроглядная. Гарри был уверен, что Елена думает о том же, о чем и он. В конце концов он решил нарушить тишину.

— Закройте пальцами стекло фонаря, — прошептал он. — Сделайте самый тоненький луч, какой только сможете. И посветите на стену. Если услышите хоть что-нибудь, сразу выключайте.

Гарри не пришлось долго ждать — почти сразу же тонкий лучик прорезал мрак и принялся обшаривать стену впереди высоко над водой. Долго, очень долго — несколько секунд! — он скользил по древним камням, ничего не находя.

— Мистер Аддисон, — отрывисто шепнула Елена, и впервые Гарри услышал страх в ее голосе. — Свет дальше не достает.

Гарри сразу же оттолкнул лодку от стены, опустил весла в воду и начал осторожно грести. Суденышко вновь двинулось навстречу едва осязаемому течению.

Елена продолжала тщетно водить лучиком света по стенам. Она чувствовала, как на ладони, которой она прикрывала стекло фонаря, выступает пот.

Гарри смотрел туда же, куда и она, стараясь не думать о том, что за время остановки течение могло отнести их куда-то в глубь лабиринта. Вдруг в световом пятне возникли три характерные щербины, и Гарри услышал облегченный вздох Елены, больше похожий на еле сдержанный вскрик.

— Все в порядке, все в порядке, — прошептал он.

Они проплыли двадцать футов, потом тридцать. И вот еще три метки.

— Посветите вдоль канала.

Елена повиновалась. Широкий прямой проход в скале уходил вдаль, насколько хватал глаз.

— Потушите.

Елена щелкнула выключателем и уставилась вперед, пытаясь разглядеть свет, который означал бы конец пещеры и выход в озеро. Но впереди царила такая же непроглядная

темнота. Воздух был по-прежнему сырым и затхлым. И никаких звуков, кроме поскрипывания весел в руках Гарри.

Она задумчиво перекрестилась. Господь послал ей еще одно испытание. Но на сей раз Он испытывал не ее способность противостоять греховной тяге к мужчинам, а ее смелость, способность выдержать самые ужасные затруднения, не забывая при этом о долге перед пациентом, вверенным ее заботам.

— Если и пойду я долиною смертной тени, — чуть слышным шепотом произнесла она, — не убоюсь зла, потому что Ты... [\[30\]](#)

— Сестра Елена!.. — внезапно раздался, словно из ниоткуда, голос Сальваторе.

Елена вздрогнула. Гарри же застыл неподвижно с поднятыми веслами. Лодка опять стала замедлять ход.

— Сальваторе, — прошептала Елена.

— Сестра Елена... — вновь крикнул Сальваторе. — Все в порядке. — Он говорил по-итальянски. — Я нашел лодку. Все посторонние ушли.

Издали донесся звук запускаемого мотора, сменившийся ровным гулом. Блеснув белками глаз в темноте, Елена повернулась к Гарри и шепотом перевела услышанное.

— Сестра Елена, где вы?

Гарри резким, но осторожным движением убрал весла и, упершись ладонью в стену, затормозил лодку. Остановил совсем. Звук мотора сделался заметно громче. Лодка шла по туннелю, приближаясь к ним.

Моторная лодка медленно двигалась по каналу, звук подвесного мотора разносился здесь оглушительным эхом. Томас Добряк держал лезвие бритвы у самого горла Сальваторе. За их спинами, на скамье между кокпитом и мотором, лежала Марта, кровь еще сочилась из крохотной дырочки над ее переносицей.

Сальваторе, скосив глаза, посмотрел на Томаса Добряка. Правая щека блондина была покрыта свежей кровью из глубоких царапин, которые оставила ему ногтями Марта, когда он настиг их возле самой клетки. Схватка была короткой и совершенно безнадежной. Но все же Марта смогла оставить негодяю свою метку, и Сальваторе Белзито был чрезвычайно горд ею.

Увы, Сальваторе было далеко до своей жены. Он не обладал ни ее смелостью, ни ее отчаянной гордостью. Ему оказалось невероятно трудно лгать полиции во время обоих ее визитов на виллу Лоренци. И почти так же трудно было спуститься в грот, чтобы ухаживать там за беглым священником, когда монахиня отправилась искать его брата. Сальваторе Белзито, главный садовник виллы Лоренци, был очень мягким человеком, любящим свою жену и свою работу — чтобы все цвело и зеленело. Эрос Барбу предоставил им жилье и работу на такой срок, какой им понадобится. Так что они были перед ним в большом долгу. Но не своей же жизнью его выплачивать!

— Еще раз, — приказал Томас Добряк.

Сальваторе замялся, но потом послушно позвал Елену.

* * *

Голос Сальваторе, раскатившийся между гранитными стенами, вызвал у обоих мурашки, словно в комнате ужасов в каком-нибудь парке. Он прозвучал ближе, гораздо ближе, чем в первый раз. И почти сразу же звуки человеческого голоса сменились рокотом лодочного мотора, набравшего обороты.

— Направо, — скомандовала за спиной Гарри Елена, не выпуская из светового пятна отметки на стене.

Лодка достигла места, где туннель делал крутой поворот направо, чуть ли не в обратном направлении.

Гарри с силой навалился на правое весло, но сделал это слишком резко. Он зацепил левым веслом за стену и чуть не выпустил его из руки. Выругавшись сквозь зубы, он перехватил весло, погрузил его в воду, и поворот остался за кормой.

Гарри греб изо всех сил. Кожа на его ладонях горела, спина взмокла, пот стекал со лба и жег глаза. Ему ужасно хотелось хоть на мгновение остановиться и сорвать воротничок, придававший ему сходство со священником. Может быть, тогда он сможет дышать.

— Сестра Елена!!!

Вновь крик Сальваторе подхватило эхо, подхватило и понесло следом за беглецами по туннелю, как губительная волна.

Внезапно воду озарил яркий, чуть ли не дневной свет. Гарри ясно видел тень той стены, из-за которой они только что свернули. Он прикинул: получалось, что моторная лодка

покажется из-за нее и достигнет того отрезка подземного канала, где они находились, секунд через десять.

Испуганно обернувшись, он увидел, что канал перед ними тянется без единого изгиба ярдов на двадцать и лишь потом начинает плавно забирать влево. Было очень мало шансов, вернее, не было никаких шансов, что им удастся проскочить этот отрезок, прежде чем моторка выскочит из-за поворота и настигнет их. Разве что удастся укрыться за каким-нибудь из скальных выступов, время от времени выпиравших в канал...

— Мистер Аддисон! Смотрите! — прошептала Елена.

Она наклонилась и показала рукой куда-то вперед. Гарри увидел то, на что она показывала, — впереди, в десятке ярдов. Темное пятно, которое вполне могло быть входом в пещеру или грот. Высотой три-четыре фута и немногим шире. Впрочем, достаточно — может быть, — чтобы укрыть там лодку.

Звук мотора преследовавшей их лодки внезапно усилился. Гарри оглянулся. Свет делался все ярче и ярче. Человек, управлявший моторкой, кто бы он ни был, прибавил скорость. Изо всех сил наваливаясь на весла, Гарри греб к пещере.

— Сейчас войдем! — бросил он через плечо Елене. — Перелезайте через меня. Посмотрите, чтобы он не ударился головой.

Гарри прекратил грести лишь на секунду, чтобы дать Елене возможность перелезть через него. И сразу же вновь навалился на весла. Правое неожиданно повернулось у него в руке, и лопасть прошла над водой. Лодку резко бросило влево. С металлическим скрежетом она зацепилась о стену, и ее отбросило в канал. Быстро выровняв суденышко, он направил его в пещеру.

При этом он увидел, что Елена как зачарованная уставилась на показавшийся из-за скалы острый нос. Моторная лодка выворачивала в тот самый отрезок туннеля, где они находились. В следующую секунду она завершила поворот, и яркий луч мощного прожектора безжалостно ударил в их сторону.

Гарри отважился бросить взгляд через плечо. Их лодка уже вплывала в пещеру.

— Пригнитесь! — приказал он.

Согнувшись, Гарри убрал весла в лодку, вплывавшую по инерции в крохотную пещерку. От бортов до краев зева оставалось всего несколько дюймов. Потом он увидел, как Елена пригнулась, придерживая рукой голову Дэнни. Корма миновала свод, и они оказались в укрытии.

Гарри поспешно перевернулся на спину, уперся руками в низко нависавший потолок и принялся двигать лодку дальше. Насколько можно, в глубь пещеры. Сердце колотилось уже не так бешено, как в тот миг, когда фара лодки осветила туннель.

Вдруг рокот мотора начал стихать, и Гарри невольно задержал дыхание. И через полсекунды увидел, как катер медленно прошел мимо. Управлял им светловолосый человек с чеканным профилем, отчетливо видимым на фоне противоположной стены. Одной рукой он держал руль, а другой, похоже, стискивал горло Сальваторе Белзито. Они мелькнули и исчезли, свет померк; лодка закачалась на проникшей в пещеру волне, поднятой моторкой.

Гарри растопырил руки и уперся в стены, чтобы лодка, не дай бог, не громыхнула. Сердце вновь отчаянно затрепыхалось у него в груди. Настороженно подняв голову, он ждал. Секунда. Вторая. А потом мотор умолк. Еще через секунду волны успокоились и все стихло.

Томас Добряк направил лодку по плавной дуге и остановил ее носом в ту сторону, откуда приплыл. Он пристально обшаривал взглядом пещеру — сверкающие стены, испещренные множеством выступов и впадин, глубокую зеленовато-черную воду, в которой свет от его прожектора рассеивался на бесчисленные лучики, разбегавшиеся во все стороны.

— Сядь... — Добряк медленно отвел бритву от горла Сальваторе и кивнул на скамью, прикрепленную к фальшборту.

Итальянцу хватило одного взгляда убийцы; он незамедлительно повиновался. Опустившись на скамью, он скрестил руки на груди и задрал голову к неровному потолку пещеры. Он готов был смотреть куда угодно, лишь бы не на труп своей жены, лежавший возле его ног; он сам положил туда мертвое тело, которое Добряк заставил его принести с того места, где убил ее, от самой клетки подъемника.

Искоса взглянув на Сальваторе, Томас Добряк запустил руку в карман. Оттуда он извлек небольшой мешочек из черного нейлона. Открыв его, вынул маленькие наушники с длинным проводом, вставил их в уши, прицепил к воротнику куртки миниатюрный микрофон и присоединил провод к коробочке, прикрепленной к его поясному ремню. Что-то чуть слышно щелкнуло, и на приборе зажглась красная лампочка. Убийца повернул пальцем регулятор громкости, и сразу же в его ушах зазвучало множество разных звуков. Электроника эффективно усиливала любые шумы. Эхо в туннеле, плеск и журчание воды. Внимательно прислушиваясь, он медленно и ровно поворачивал микрофон. От левой стены к правой.

И не слышал ничего.

Обратно. От правой стены к левой стене.

И опять ничего.

Наклонившись, он выключил прожектор и оказался в непроглядной мгле. Выждал. Двадцать секунд. Тридцать секунд. Минуту.

И опять описал микрофоном полукруг. Слева направо. И обратно. И еще раз обратно.

— ...Ждите...

Он застыл — это был голос Гарри Аддисона, его шепот. Он выждал еще немного. Ничего. Он провел микрофоном еще медленнее.

— ...без капель... — сказала медсестра Елена Восо так же тихим шепотом, как говорил американец.

Они были здесь. Где-то в темноте, окутывавшей пространство перед ним.

Вилла Лоренци. То же время

Войдя в спальню Эдварда Муи, Роскани зажмурился от ударившего в глаза яркого солнечного света. Криминалисты все еще возились в ванной. В раковине обнаружили следы крови, а на полу — отпечатки босых ног.

После того как поэт вернулся в свои комнаты после утренней встречи с Роскани во время первого полицейского обыска, его никто больше не видел. Ни обслуживающий персонал виллы, ни карабинеры, которые несли охрану вокруг нее. Ни одна живая душа. Муи попросту исчез. Как и моторная лодка Эроса Барбу.

В окно Роскани видел на озере два полицейских катера. На одном находился Кастеллетти, руководивший поиском на воде. Скала, бывший армейский спецназовец, с десятком карабинеров, имевших горно-стрелковую подготовку, шел берегом к югу от виллы. Детективы сошлись во мнениях, что Муи вряд ли мог отправиться на север: в этом направлении он никак не мог миновать Белладжио; там его отлично знали, а сейчас было полным-полно полицейских в форме. Так что Скала выбрал южное направление, где многочисленные бухточки и густая растительность позволяли спрятать лодку так, чтобы она не просматривалась ни с озера, ни с воздуха.

Роскани отвернулся от окна и вышел из комнаты в широкий коридор; сразу же навстречу ему шагнул полицейский. Отсалютовав, он протянул Роскани толстый конверт и сразу же удалился. Роскани открыл конверт и быстро просмотрел содержимое лежавшей в нем папки. На ее обложке значилось: «МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ», а на каждой странице красовался штамп «Сверхсрочно».

Доставленная папка содержала ответ на его запрос по поводу предполагаемого местонахождения многих известных террористов и, отдельно, персональные данные профессиональных киллеров, находящихся на свободе и, опять же предположительно, находящихся в Европе.

Держа полученные документы в руке, Роскани вернулся и вновь оглядел комнату. Увидел халат Эдварда Муи, лежавший на кровати, где его бросил хозяин, увидел криминалистов, продолжающих скрупулезно изучать открытую дверь в ванную, и внезапно понял, что они опять опоздали. Любитель острых предметов уже побывал здесь.

Гарри услышал скрежет о скалу; он понимал, что блондин в темноте вручную продвигает лодку по каналу, приближаясь к ним. Как он мог узнать, что они здесь? Как мог выбрать этот единственный отрезок в протянувшемся на добрую милю подземном проливе? В тот краткий миг, когда Гарри бросил взгляд на проплывавшую мимо моторку, ему показалось, что Сальваторе был пленником у их преследователя, но даже если это впечатление ошибочно, если он присоединился к блондину по доброй воле, все равно ни у одного из них не было никакой возможности догадаться, где именно они находились. Но все же кто-то догадался. И сейчас преследователя отделяли от входа в их убежище какие-то ярды, если не футы.

Единственное преимущество, которым они обладали, если, конечно, они обладали хоть каким-то малейшим преимуществом, — из-за неровности стен канала зев их грота было непросто найти. Елена увидела его лишь потому, что луч прожектора лодки, начавшей выходить из-за угла, случайно лег под определенным углом. Если бы не это, они приняли бы дыру за очередную тень от выступа, темное пятно над самой водой.

Звук повторился. Ближе, чем в первый раз. Дерево или стеклопластик — по шершавому камню. И вновь, еще ближе. Потом все стихло, и Гарри нисколько не сомневался, что моторка стоит прямехонько перед отверстием, настолько близко, что Елена, скорчившаяся на корме, могла бы протянуть руку в крошечной мгле и коснуться ее.

Гарри старался не дышать, все его чувства были напряжены до предела, нервы словно наэлектризованы, а сердце в груди билось, как ему казалось, словно басовый барабан. Он нисколько не сомневался, что Елена испытывает то же самое, беспомощно выжидает, с одной лишь надеждой, что лодка и находящийся в ней человек проплывут мимо.

* * *

Томас Добряк стоял неподвижно, одной рукой удерживая лодку у гранитной стены, а второй прижимая наушник к уху, и прислушивался. Он медленно поворачивал туловище справа налево, слева направо и слушал, слушал, но ничего не слышал.

Может быть, их все же здесь не было? Может быть, он зря торчит здесь, посреди канала? И микрофон, и звукоулавливающее устройство были чрезвычайно чувствительными. А корявые каменные стены и гладкая поверхность воды делали акустику очень причудливой, действуя как множество разнонаправленных динамиков, распространяющих звуки как и куда угодно. Голоса вполне могли донестись откуда-то еще. Может, из того отрезка канала, который он только что миновал, а может, из того, где еще не был.

* * *

В темноте опять раздался скрип — совсем рядом с Еленой, — и она почувствовала, как из туннеля на нее повеяло свежим воздухом. Моторная лодка удалялась от входа в их грот. Блондин уходил. Испытывая невероятное облегчение, она перекрестилась и прошептала в

темноту:

— Он уходит...

— Дадим ему несколько ми...

И вдруг в нескольких дюймах от нее раздался громкий протяжный стон.

Елена застыла на месте. Ей хватило сил лишь в испуге поднести руку ко рту.

Стон повторился. Еще громче и протяжнее, чем в первый раз.

— О боже! — прошептал Гарри.

Дэнни начал приходить в себя.

Томас Добряк дотронулся до стартера, и в пещере разнесся резкий механический вой. Заработали спаренные подвесные моторы «ямаха», по двести пятьдесят лошадей каждый. Добряк заставил судно сделать крутой разворот, вспыхнувший прожектор озарил стены, лодка повернулась носом в сторону выхода из туннеля. Но почти сразу же он выключил моторы, и лодка вновь медленно поплыла по течению. Свет играл на стенах туннеля.

* * *

Гарри перебирал руками по потолку, до которого с трудом доставал, пытаясь продвинуть свою лодчонку глубже в пещеру. За кормой он видел пляшущий свет прожектора, неумолимо приближавшийся к горловине их убежища. Совсем рядом с ним Елена скрючилась над Дэнни, который лежал на покачивавшихся носилках, перекинутых с борта на борт возле самой кормы. Дэнни опять умолк. Он лежал неподвижно и дышал так же тихо, как и прежде.

Свет ударил в пещеру и проник дальше. За это краткое мгновение Гарри успел бросить взгляд вперед. Пещера тянулась еще на десять-пятнадцать футов, а потом ее потолок резко снижался и стены сближались. Понять, простирается ли она дальше, он не смог. Но ему не оставалось ничего иного, как толкать лодку туда. А потом уже смотреть, пролезет она через это сужение или нет.

Томас Добряк опять провел лучом прожектора по неровной поверхности стены. Он не видел ничего, кроме накладывавшихся одна на другую теней. Но теперь у него не оставалось никаких сомнений: крик, или что там оно было, прозвучал где-то здесь, около одной из стен этой части канала.

Медленно, скрупулезно он освещал прожектором стену; его глаза сощурились, не успевшая засохнуть кровь на глубоких царапинах, которые оставила ему Марта, блестела в отраженном от воды и стен свете.

Сальваторе, неподвижно сидевший за его спиной, испытывал какое-то странное состояние восхищенного ужаса. Таков уж он был, Сальваторе, и ничего иного от него нельзя было ожидать.

Вот оно!

Томас Добряк наконец-то нашел то, что искал. Большую впадину, в глубине которой низко над водой чернело отверстие. Он растянул губы в довольной жестокой улыбке и направил лодку туда.

* * *

Послышался громкий скрип, затем глухой удар, и лодка неожиданно встала.

— Фонарь! Быстро! — прошептал Гарри.

Рокот подвесных моторов стал громче, а свет — ярче, теперь он плясал на гранитных

стенах прохода, в котором они находились, и был, несомненно, направлен именно туда.

— Вот!

Елена наклонилась вперед и сунула Гарри в руки фонарь. Их взгляды на мгновение встретились, и тут же Гарри отвернулся и направил луч фонаря в глубь пещеры.

Лодка зацепилась за что-то у самой горловины прохода. Чуть-чуть подергаться туда-сюда, и пролезет. Ну а дальше что? Блондин теперь точно знает, что они здесь, и будет дожидаться их появления.

А если они попытаются двигаться дальше и отыскать другой выход? Если, конечно, он есть вообще. А если нет?

Внезапно ослепительно яркий свет прожектора моторной лодки остановился прямо на них.

— ЗА БОРТ! ЖИВО!!!

Гарри подался вперед, одновременно наклонившись в сторону, и, почувствовав в руке материю монашеского облачения Елены, резко дернул, перебросив женщину через борт. В тот же миг оглушительно прогремела автоматная очередь.

Махнув своей спутнице рукой в сторону прохода, на который указывал нос лодки, Гарри оглянулся и увидел, как сделавшаяся вдруг желто-зеленой вода вскипает под пулями возле кормы. Пули ударялись в стены, со злобным визгом отскакивали от массивной кормы. Но не было сомнений — через считанные секунды они пробьют алюминиевый лист и поразят Дэнни.

Гарри нырнул и, напрягая все силы, попытался повернуть лодку и убрать Дэнни с линии огня, от верной гибели.

Чувствуя, что ему не хватает воздуха, упираясь в стены под водой, он дергал лодку, пытаясь подать ее хоть чуть-чуть назад и направить в проход. Внезапно борт зацепился за что-то еще, и Гарри упал, но тут же подплыл обратно и уперся в стену под водой, чтобы освободить лодку.

Но не мог. В груди у него горело. Легкие готовы были разорваться. Оттолкнувшись от дна, он всплыл. Выставил голову на поверхность и оказался прямо в луче прожектора. На мгновение увидел вспышки выстрелов. Ему показалось, что он разглядел лицо человека, державшего оружие. Спокойного. Не испытывающего никаких эмоций. Бьющего короткими очередями.

Пули свистели совсем рядом с его головой, норовили продырявить тонкий алюминиевый борт. Короткий вдох. Не больше. И Гарри нырнул еще раз.

Снова он уперся в скалу, но на сей раз попытался толкать лодку плечом. И снова безуспешно. Попробовал еще. И еще. И еще. Вновь вынырнул, глотнул воздуха. Теперь вроде суденышко подалось. Чувствуя, что легкие вот-вот лопнут, он навалился еще раз. Лодка отцепилась от державшего ее препятствия и двинулась вперед. Он устремился следом, чтобы заставить ее плыть дальше. Все, пора всплывать...

Он почувствовал, как его голова пробила поверхность воды. Жадно глотнул свежего воздуха. И в тот же миг стрельба прекратилась, и луч прожектора, похоже, отошел в сторону. В пещере сразу стало темным-темно.

— Елена... — хрипло позвал Гарри сквозь мрак. — Елена! — снова крикнул он, громче, настойчивее.

Он зримо представил себе, что она, продырявленная пулями, лежит на дне с легкими, полными воды...

— Я держусь за лодку. Все в порядке... — прозвучал совсем рядом ее тоже хриплый, задыхающийся голос.

— Что с Дэнни?..

— Мы движемся! — вдруг испуганно вскрикнула Елена.

Гарри почувствовал, что вода резко сделалась холоднее, а лодка начала удаляться от него. Они каким-то образом угодили в подводное течение, и оно подхватило их.

Он кинулся во тьме вслед за лодкой, то вплавь, то отталкиваясь от стен. Едва ему удалось ухватиться за борт, как лодка двинулась еще быстрее. Его сильно зажало между бортом и гранитной стеной, и он, ощущая мощный напор воды, попытался перебраться к корме, перебирая руками по борту.

— Елена! — крикнул Гарри, перекрывая журчание воды и гулкие удары лодки о скалы.

Тишина.

— Елена!.. Где вы?.. Елена!

Томас Добряк вскинул руки к горлу. Сальваторе оказался сильнее, чем можно было подумать с виду. В руках он держал шарф, который снял с трупа своей жены. Свернутый петлей шарф охватывал шею блондина. Итальянец потянул сильнее и уперся коленом в крестец Томаса Добряка.

— Bastardo, — шипел он сквозь зубы. — Bastardo.

Такого поворота событий Добряк не ожидал; он даже представить себе не мог, что такой слабый и трусливый человек, как Сальваторе Белзито, может решиться на что-либо подобное. Он расслабился и подогнул колени, чего итальянец никак не мог ожидать. Вдвоем они упали на палубу. Томас Добряк одним движением освободился от удавки, перекатился и вскочил над не столь прытким противником. В его руке сверкнула бритва, он схватил итальянца за волосы и заставил запрокинуть голову, выставив незащитное горло.

— Это место... эта пещера, куда они спрятались... — Томас Добряк сделал паузу, глубоко вдохнул и почувствовал, как его пульс замедлился до нормального. — Куда она ведет?

Итальянец неожиданно скосил глаза и посмотрел прямо в лицо склонившемуся над ним блондину. Как ни странно, в его взгляде не было и тени страха.

— Никуда...

Добряк полоснул бритвой под носом Сальваторе. Тот вскрикнул, почувствовав, как теплая кровь внезапно хлынула ему на губы и в рот.

— Куда она ведет?

Итальянец пожевал губами, пытаясь сплюнуть собственную кровь.

— Как и все... здесь... в подземное течение... и... обратно... в озеро.

— Куда?! На север отсюда? На юг? Куда?

Окровавленные губы Сальваторе Белзито растянулись в улыбке, широкой открытой улыбке, которая на самом-то деле служила выражением всей его сущности.

— Я тебе... не скажу...

Гарри держал Елену, зажав ее между собой и транцевой доской лодки, которая неслась кормой вперед, толкая их перед собой, в шумном потоке, стремившемся вниз по все круче наклонявшемуся коридору. Кромешная тьма. Напор воды. Он ободрал руки в кровь, когда пытался хоть немного задержать лодку, хватаясь за невидимые гранитные стены. Ноги бились о дно. Он чувствовал прижатое к нему тело Елены; она с немалыми усилиями поднимала голову над водой, чтобы дышать. Как и он сам. А насчет того, оставался ли еще в лодке Дэнни — его носилки, впрочем, виднелись над кормой, — приходилось только гадать.

Внезапно под ногами оказалась пустота. Гарри услышал, как вскрикнула Елена. Лодка навалилась на них. А потом они упали. В глубокую воду. Еще чернее, чем в пещере. Ударом его толкнуло в глубину. Перевернуло, закрутило в водовороте. Затем он прикоснулся ко дну и, оттолкнувшись от него, устремился к поверхности.

Вот он достиг ее, вынырнул. Принялся откашливаться, отплевываться, хватать ртом воздух. И лишь потом увидел пробивавшийся откуда-то свет. Тонкую полоску, прорезавшую мрак.

— Елена! — услышал он собственный отчаянный крик. — Елена!

— Я здесь.

Ее голос послышался из-за его спины. И как ни странно, напугал его, заставил резко обернуться. В слабом свете он увидел, что это действительно она и плывет к нему.

Неожиданно почувствовав под ногами дно, он неуклюже устремился вперед и, вскарабкавшись на скальную полку, повалился в изнеможении и принялся хватать воздух широко раскрытым ртом. Совсем рядом он видел густой кустарник, а сквозь него — солнце, игравшее на озерной воде. Лишь потом он вспомнил про Елену, оглянулся и увидел, что она карабкается к нему, но смотрит в сторону, на воду, из которой они только что выбрались. Тут же вернувшись к реальности, Гарри проследил за ее взглядом. Когда же увидел, куда она смотрит, по его телу пробежали мурашки.

Дэнни был похож на привидение. Бледный, чуть ли не прозрачный. Тощий как скелет. Бородатый и почти голый. Повязки по большей части сорвало водой. Он лежал на расстоянии какого-то фута и смотрел на них.

— Гарри... — пробормотал он. — Господи Иисусе...

* * *

Звук голоса Дэнни давно уже замер в неподвижном воздухе прибрежного грота, а братья все еще смотрели друг на друга, просто радуясь встрече и не до конца веря тому, что они не только живы, но и вместе после стольких лет разлуки.

Наконец Гарри собрался с силами, встал, соскользнул со скалы вниз, туда, где лежал Дэнни, опустился на колени и протянул брату руку.

— Держись.

Дэнни медленно подался ему навстречу, их руки встретились, и Гарри принялся осторожно подтягивать его на карниз. Когда он вытащил брата до половины, то поспешно слез в воду, чтобы поднять изувеченные ноги, на которых каким-то чудом сохранились

голубые фиксирующие шины.

— Ты в порядке? — спросил Гарри, забравшись наверх вслед за братом.

— Да... — Дэнни слабо кивнул и попытался улыбнуться, но Гарри видел, что изнеможение уже берет свое.

А потом у него за спиной послышалось громкое всхлипывание. Братья резко повернули головы туда.

Елена сидела на скальном карнизе на том же месте, куда выбралась из воды. Ее глаза были закрыты, руками она крепко обхватила себя за плечи, а все ее тело сотрясалось от рыданий. Она пыталась сдерживаться, но безуспешно.

Гарри вскочил и, оскальзываясь на влажном камне, вскарабкался к ней.

— Все хорошо, — сказал он, опустившись на колени. А потом, осторожно обняв ее за плечи, привлек к себе и прижал.

— Простите... меня... — выдавила Елена и уткнулась лицом ему в плечо.

— Все хорошо, — повторил он. — Мы все в порядке, все.

Оглянувшись, Гарри увидел, что расprostертый на камнях Дэнни внимательно смотрит на него. Да, сейчас все было хорошо. Но долго ли это продлится? И что делать дальше?

Рим.

Посольство Китайской Народной Республики в Италии.

Тот же вторник, 14 июля, 14 часов 30 минут

Темный «кадиллак» свернул на виа Брукселлес и проехал мимо возведенной в девятнадцатом веке каменной стены, огораживающей территорию старинного парка при вилле Грациоли, ставшего теперь районом дорогих многоквартирных домов и обширных частных резиденций. Приблизившись к стоявшему возле обочины автомобилю, в котором сидели вооруженные карабинеры, лимузин замедлил ход. Немного дальше стояла еще одна такая же машина. А между ними находился дом под номером 56. К нему-то «кадиллак» и свернул и остановился перед высокими зелеными воротами. Буквально через секунду створки раздвинулись, лимузин въехал во двор, и ворота за ним закрылись.

Через несколько секунд посол Соединенных Штатов в Италии Литон Мерриуэзер Фокс уже поднимался по невысокой лестнице к парадному входу в щедро отделанное мрамором четырехэтажное здание из бежевого кирпича, где помещалось посольство Китайской Народной Республики. Посла сопровождали Николас Рид, заместитель руководителя дипломатической миссии, Хармон Олли, советник по политическим вопросам, и Джеймс Итон, первый секретарь аппарата Олли.

Посольство было погружено в уныние. Итон видел, как Фокс наклонил голову и пожал руку Цзян Юмэю, послу КНР в Италии. Николас Рид аналогичным образом приветствовал атташе по политическим вопросам Чжоу И, а Хармон Олли — заместителя последнего, Дай Жюя.

Говорили они о том же, о чем и все присутствовавшие в просторном светло-зеленом, обильно украшенном позолоченной лепниной зале для приемов — о трагедии, разыгравшейся в китайском городе Хэфэй, где количество умерших в результате отравления испорченной питьевой водой достигло ужасающей цифры в шестьдесят две тысячи и продолжало расти.

Руководство здравоохранения страны не могло даже предположить, когда все закончится и сколько еще будет погибших. Семьдесят тысяч? Восемьдесят? Предугадать было невозможно. Фильтрационные станции были остановлены. Чистую воду доставляли на самолетах, по железной дороге, в автомобилях. Но беда уже случилась. Для борьбы с бедствием привлекли армию, но она оказалась практически бессильна ввиду необъятности задачи и крайне малых возможностей оперативной перевозки больных и умерших — из-за слабого развития дорожной сети. И, несмотря на попытки Пекина дозировать информацию, весь мир уже знал о случившемся.

Литон Мерриуэзер Фокс и Николас Рид явились, чтобы выразить сочувствие и предложить помощь. Хармон Олли и Джеймс Итон — для политической оценки ситуации. То же самое происходило сейчас по всему миру: высокопоставленные дипломаты посещали

китайские посольства в странах пребывания, произносили положенные слова соболезнования и старались одновременно прикинуть политические последствия несчастья. Главным вопросом было, способен ли Пекин защитить своих подданных, или же боязнь того, что проток обычной питьевой воды может разом погубить и тебя, и твою семью, и твоих соседей, послужит причиной поспешного отделения провинций, которые вполне могут решить, что в обстановке всеобщего хаоса лучше полагаться на свои собственные силы. Все правительства понимали, что Пекин балансирует на краю пропасти. Центральное правительство может пережить события в Хэфэе, но если то же самое повторится где-нибудь еще завтра, через неделю или даже через год, произойдет катаклизм, который поставит Китайскую Народную Республику на грань полного краха. Весь мир знал, что для китайского правительства мысль о таком развитии событий была самым ужасным кошмаром, самым глубоким, хотя и затаенным страхом. Вода неожиданно сделалась главной слабостью страны.

Именно поэтому (под предлогом сочувствия страдающим жертвам трагедии) дипломаты съезжались сюда, в дом 56 по виа Брукселлес, и в посольства Китая по всему миру, чтобы проследить дальнейшее развитие событий.

Взяв с вежливым поклоном чашку чая с подноса у молодой китайки в сером жакете, Итон отправился в обход многолюдного зала, то и дело останавливаясь, чтобы пожать руку кому-нибудь из знакомых. В качестве первого секретаря политического отдела посольства он присутствовал здесь не столько для изъявления своего сочувствия китайцам, сколько для того, чтобы выяснить, кто еще прибыл сюда с этой целью. И вот когда он остановился перемолвиться несколькими словами со своим коллегой из французского посольства, у главного входа раздался негромкий гомон, и оба собеседника повернулись туда.

В зал вошел государственный секретарь Ватикана кардинал Умберто Палестрина, одетый в подчеркнуто скромный черный костюм с белым священническим воротничком; его сопровождали, в своих церковных облачениях, трое других высших иерархов Святого престола — кардинал Йозеф Матади, монсеньор Фабио Капицци и кардинал Никола Марчиано. Появление этих персон не стало неожиданностью для Итона.

Почти сразу же гул разговоров в зале стих, дипломаты расступились, а Палестрина направился к китайскому послу, поклонился и взял его протянутую руку с таким видом, будто имел дело со своим старым и очень дорогим другом. И отсутствие дипломатических отношений между Пекином и Ватиканом почти ничего не значило. Они находились в Риме, а Рим олицетворял собой девятьсот пятьдесят миллионов католиков всего мира. Именно их-то и представляли здесь от имени святого отца Палестрина и его спутники. От лица этого миллиарда людей они пришли сюда, чтобы выразить сочувствие народу Китая.

Попросив прощения у французского дипломата, Итон медленно пересек зал, почти не отрывая глаз от Палестрины и прочих высокопоставленных священников, беседовавших с китайцами. И с еще большим интересом проводил их глазами, когда они все вместе, всемером, покинули зал.

Это был второй публичный контакт Ватикана и высокопоставленных китайских дипломатов со времени убийства кардинала Пармы. И больше, чем когда-либо, Итону хотелось, чтобы отец Дэниел Аддисон оказался здесь и объяснил ему, что же все это значит.

Марчиано, опасавшийся за свой рассудок и молившийся Богу, чтобы Иисус указал путь для прекращения этого ужаса, вошел в небольшой, отделанный в бледно-зеленом и кремовом тонах кабинет и уселся там вместе с остальными — Палестриной, кардиналом Матади, монсеньором Капицци, послом Цзян Юмэем, Чжоу И и Дай Жуем.

Палестрина оказался прямо напротив него; он сидел в обтянутом золотой парчой кресле и говорил по-китайски на мандаринском наречии. Все его существо, от подошв ботинок, плотно стоящих на полу, до взгляда, до экспрессивной жестикуляции, излучало неподдельное переживание и сочувствие по поводу трагедии, разыгравшейся в городе, отделенном от него половиной мира. Излияние его чувств казалось совершенно искренним и глубоко личным, и ему не хватало лишь заявить, что, если бы не государственные обязанности, он сам отправился бы в Хэфэй, чтобы причащать больных и умирающих.

Китайцы принимали его слова с должным уважением и, пожалуй, даже с благодарностью. Но Марчиано — и, он это точно знал, Палестрина тоже — видел, что они пытаются понять истинную подоплеку сказанного. Они могли глубоко и искренне переживать за несчастных жителей Хэфэя, но в первую очередь они были политиками, и главной их заботой оставалось положение их правительства. А мир всегда, а теперь в особенности, разглядывал Пекин словно в микроскоп.

И все же даже в самых страшных кошмарах они не могли представить себе, не могли даже предположить, что главный виновник постигшего их страну бедствия — не природа, не плохо работающая система водоочистки, а вот этот седовласый великан, сидящий на расстоянии вытянутой руки от каждого из них и распинающийся в сочувственных речах на их родном языке! Или что двое из троих высокочтимых прелатов, также находившихся в этой комнате, стали верными подручными преступника.

Прежде Марчиано все же питал какие-то тайные надежды, что, когда ужас начал свое шествие и «Китайский протокол» Палестрины явился во всем своем кошмарном и немислимо гнусном обличье, монсеньор Капицци или кардинал Матади, а может, и они оба опомнятся и приложат все свои силы и влияние, чтобы остановить госсекретаря. Но его иллюзии оказались вдребезги разбиты их письмами, направленными сегодня утром с курьерами лично Палестрине (Марчиано тоже предлагали подписать такое письмо, но он отказался), в которых они заявляли о полной поддержке его действий. Они руководствовались чисто рациональным подходом: Рим уже много лет предпринимал попытки сближения с Пекином, а китайское правительство все это время отвергало любые шаги и будет отвергать, пока власть останется в его руках. Для Палестрины позиция Пекина означала одно: у китайцев свободы вероисповедания нет и никогда не будет. И Палестрина сказал, что освободит несчастный народ. Цена для него ничего не значила — ведь каждый умерший обретет на небе мученический венец.

Судя по всему, Капицци и Матади всей душой согласились с его доводами. Тем более что для каждого из них главной целью жизни была папская тиара, и отворачиваться от человека, который может обеспечить ее обретение, было бы величайшей глупостью. И потому человеческие жизни стали для них лишь одним из орудий, которые могут пригодиться для достижения вожделенной цели. Но как бы ужасно ни было происходящее, впереди ждал еще больший кошмар, поскольку в их планы входило отравление еще трех озер.

— Прошу меня извинить...

Марчиано знал, что́ должно было последовать, его тошнило от невероятного лицемерия и ханжества разыгрываемой перед ним сцены, и он не мог больше этого выносить. Он резко поднялся.

Палестрина вскинул на него недовольный взгляд.

— Ваше преосвященство нездоровы?

Неподдельное изумление Палестрины послужило для Марчиано еще одним доказательством того, насколько глубоко первый министр папского двора погрузился в пучину безумия. Он играл свою роль настолько убедительно, что и сам безоговорочно верил каждому своему слову. В этот момент другой стороны его личности попросту не существовало. Происходило поистине чудо самогипноза.

— Вы плохо себя чувствуете, ваше преосвященство? — повторил Палестрина.

— Да... — Марчиано произнес это слово очень тихо, на долю секунды поймав краем глаза взгляд Палестрины.

Тот не мог не понять глубочайшего презрения, которое он хотел выразить, но в то же время этого столкновения не заметил и не понял никто, кроме них двоих. Марчиано отвернулся от госсекретаря и низко склонил голову перед китайцами.

— Молитвы всего Рима да пребудут с вами, — сказал он, пересек в одиночестве комнату и вышел за дверь, чувствуя на себе неотрывный взгляд Палестрины.

Из комнаты, где проходили переговоры, Марчиано мог выйти один, но на этом его свобода кончалась. Протокол неумолимо заставил его дожидаться остальных, и сейчас в лимузине воцарилось гробовое молчание.

Как только зеленые ворота закрылись и автомобиль покотился по виа Брукселлес, Марчиано демонстративно уставился в окно. Он отлично понимал, что теперь, когда план инвестиций утвержден, судьбу его, как основного участника этой операции, можно считать предопределенной.

В который раз он задумался о трех озерах, оказавшихся под угрозой отравления ради осуществления плана Палестрины. Какие населенные пункты последуют за Хэфэем и когда это случится, не знал никто, кроме самого государственного секретаря. А жестокость — несомненно, патологическая — Палестрины превосходила всякое разумение. Равно как и его способность к самооправданию. Когда и при каких обстоятельствах этот умный, респектабельный и образованный человек мог настолько перемениться? Или это чудовище присутствовало в нем всегда и лишь до поры до времени дремало?

Водитель свернул на виа Салариа, и машина резко сбавила ход — приходилось плестись наравне с остальными участниками плотного послеполюденного движения. Марчиано ощущал присутствие Палестрины подле себя, а также взгляды Капицци и Матади, сидевших напротив и не отводивших от него глаз, но каким-то образом умудрялся не замечать их. Он обратился мыслями к главе китайской банковской системы Янь Е, которого он помнил не только как хитроумного дельца, каковым тот, безусловно, являлся, не только как высокопоставленного члена Коммунистической партии Китая и приближенного советника ее руководителей, но в первую очередь как друга и высокогуманного человека. Он был способен перейти от резкого обличения противников своей страны к глубоко искренним размышлениям о здравоохранении, образовании и повышении благосостояния бедняков всего мира, а через несколько минут с теплой улыбкой и добродушным смехом рассуждать о том, что итальянским виноделам стоило бы приехать в Китай и поучить его соотечественников своему ремеслу.

— Вы часто разговариваете по телефону с Северной Америкой? — неожиданно резко и громко прозвучал рядом с ним голос Палестрины.

Марчиано отвернулся от окна и увидел, что Палестрина — его громадное тело занимало три четверти сиденья, на котором они расположились вместе, — в упор глядит на него.

— Не понимаю, о чем вы.

— Например, с Канадой. — Палестрина не отрывал тяжелого взгляда от глаз Марчиано. — С провинцией Альберта.

— И все равно не понимаю...

— Десять, одиннадцать, четыреста три, три пятерки, двадцать два, одиннадцать, — без запинки произнес Палестрина. — Этот номер вам знаком?

— А должен быть знаком?

Марчиано почувствовал, как машина накренилась, поворачивая на виа Пинчиана. За окном проплывала знакомая зелень деревьев виллы Боргезе. В следующий момент «мерседес» прибавил скорость. Он двигался в сторону Тибра. Скоро машина пересечет его, свернет на лунготевере Меллини и покотится напрямиком в Ватикан. Совсем неподалеку от того

места, где они сейчас проезжали, на виа Кариссими, находился дом, в котором жил Марчиано, но он знал, что этим утром побывал там в последний раз.

— Это телефон одного из номеров «Банф-Спрингс-отеля». Утром в субботу, одиннадцатого числа, по этому номеру было сделано два звонка из вашего дома. Еще один в тот же день с сотового телефона, зарегистрированного на отца Бардони. Вашего личного секретаря. Заменившего у вас того священника.

Марчиано пожал плечами.

— Из моего дома и моего управления делают очень много звонков, даже в субботу. Отец Бардони часто работает и по вечерам, и в выходные, как, впрочем, и я сам, и многие другие. И у меня нет привычки контролировать все телефонные разговоры.

— Вы сказали мне в присутствии Якова Фарела, что священник мертв.

— Так и есть... — Марчиано взглянул прямо в глаза Палестрине.

— В таком случае кого же привезли в Белладжио, на виллу Лоренци, два дня назад? Вечером в воскресенье, двенадцатого?

Марчиано улыбнулся.

— Вы же смотрите телевизор...

— В Банф звонили в субботу, а уже в воскресенье священника привезли на виллу Лоренци. — Палестрина подался вперед, так что чуть не уткнулся лицом в лицо Николы Марчиано; пиджак у него на спине угрожающе натянулся. — Вилла Лоренци принадлежит писателю Эросу Барбу. Эрос Барбу отдыхает в Канаде и поселился в «Банф-Спрингс-отеле».

— Если вы, ваше преосвященство, хотите узнать, знаком ли я с Эросом Барбу, то да, знаком. Мы с ним старые друзья, еще с тех пор, когда оба жили в Тоскане.

Палестрина еще секунду-другую пристально вглядывался в лицо Марчиано. Потом откинулся на спинку сиденья и произнес:

— В таком случае вы, вероятно, расстроитесь, узнав о том, что он покончил с собой.

Гарри с превеликим трудом вел грохочущий, кренящийся, то и дело начинавший скользить юзом грузовичок по избитой лесной дороге, между колеями которой тут и там росли молодые кусты, туда, где, как он надеялся, его ждали Елена и Дэнни. С тех пор как он покинул их в убежище возле озера, прошло уже два часа, местность пересекли длинные предвечерние тени, и все изменилось почти до неузнаваемости.

Поездка была не только медленной и продолжительной, но и опасной: у старой машины были никудышные тормоза и совершенно «лысые» покрышки, так что с трудом удавалось управлять ею и удерживать на дороге. Почти все повороты были очень крутыми, и каждый раз Гарри ожидал, что в этот-то раз он обязательно перевернется и машина либо ляжет боком на деревья, тянувшиеся с одной стороны склона, либо камнем сорвется с отвесного обрыва, уходящего вниз на несколько сотен футов по другую сторону дороги.

Добравшись до высшей точки, он увидел севернее целую флотилию из тридцати, если не сорока лодок, стоявших на якорях или медленно курсировавших взад-вперед по озеру. Все они держались на некотором удалении от берега; ближе всех находились три судна покрупнее, по всей видимости полицейские или сторожевые катера. Не могло быть сомнений — полицейские обнаружили пещеру. А потом, когда уже спускался вниз, он увидел, как вертолет вынырнул из-за скалы и описал круг над тем утесом, на котором он находился менее двадцати минут назад.

Неожиданно панорама скрылась из виду — это грузовик заскользил вниз по сухому мелкому гравию. Гарри изо всей силы нажал на педаль тормоза и вывернул рулевое колесо в сторону дороги. Никакого эффекта. Машину продолжало нести вниз. Край обрыва неумолимо приближался. А за ним не было ничего, кроме пустоты и воды внизу. Но вдруг правое переднее колесо задело за корень. Гарри чуть не выпустил из рук баранку. И, словно решив вернуться на путь истинный, грузовик резко завернул в нужную сторону и вновь оказался на дороге, которая извивалась под кронами деревьев возле крутого склона горы, тянувшейся вдоль озера.

Еще пять минут Гарри отчаянно боролся с грузовиком и с дорогой и в конце концов успешно спустился к озеру. Там через какие-нибудь двадцать ярдов дорога заканчивалась возле самой воды, среди высоких деревьев с густым подлеском.

Убедившись, что грузовик, стоявший на невысоком пригорке, невозможно разглядеть с озера, Гарри выбрался из кабины, прошел вдоль самой воды, а потом продрался сквозь кусты туда, где угадывалось темное пятно — вход в пещеру. Издали до него доносился рокот описывавшего круги вертолета. И он взмолился про себя, чтобы вертолет оставался там, где и был.

Чтобы он кружил на одном месте.

Пещера. То же время

Роскани стоял на причале и рассматривал моторную лодку. В ней лежали двое мертвецов — мужчина и женщина. Женщине повезло — убийца расправился с ней без помощи бритвы, которой прикончил находившегося в той же лодке мужчину и Эдварда Муи, чье почти обезглавленное тело плавало в начале подземного канала.

Эдвард Муи...

— Проклятье! — вслух произнес Роскани. И повторил: — Проклятье!

Он обязан был догадаться, что именно этот человек укрывает священника. Обязан был вернуться и выжать из него правду, как только обнаружил, что моторы этой самой лодки теплые. Но он не сделал этого, потому что по телефону сообщили о найденном в озере убитом мужчине и он помчался туда.

Отвернувшись от причала — пусть криминалисты выясняют дальнейшие подробности, — он пошел обратно по главному коридору пещеры мимо древних каменных скамеек к расположенной в дальнем конце комнате, где некоторое время находился священник. Там сейчас были Скала с Кастеллетти и тело карабинера, еще одной жертвы убийцы, о котором теперь было известно, что он блондин и что на щеке у него глубокие царапины.

— Biondo, — с трудом выговорил умиравший карабинер; его глаза смотрели в пространство, но одной рукой он держал руку Скалы, а согнутыми пальцами другой провел по своей щеке. — Graffiato, — сквозь кашель выговорил он, продолжая скрести пальцами щеку. — Graffiato.

— Biondo. Graffiato. [\[31\]](#)

Блондин. Сильный. Ловкий. И как они предполагали, физиономию ему разодрала убитая им женщина, под ногтями которой уже обнаружили частицы кожи. Частицы эти пошлют в лабораторию на генетический анализ. Передовая технология, подумал Роскани. Но толк от нее может быть лишь в том случае, если есть подозреваемый, у которого можно взять анализ крови и посмотреть, совпадут признаки или нет.

Войдя в комнату, Роскани молча прошел мимо Скалы и Кастеллетти и направился в смежное помещение, где были обнаружены личные вещи монахини.

Медицинская сестра Елена Восо, двадцать семь лет, принадлежит к конгрегации францисканских сестер Святого сердца, монастырь при больнице Святого Бернардина в тосканском городе Сиене.

Вновь выйдя в главный туннель, Роскани остановился и пригладил ладонью волосы. Ему нужно было понять само это место. Об огромном состоянии Эроса Барбу знал весь мир, ну а люди, которые прятались здесь — монахиня и священник, — а также убитый, который помогал им укрыться, были совсем небогаты. Почему Барбу разрешил использовать свои владения как убежище для каких-то беглецов?

Но, увы, сам Барбу уже не мог ответить на этот вопрос. В настоящее время Королевская канадская конная полиция вела расследование предполагаемого самоубийства, совершенного на горной тропе возле озера Луиза в Банфе. Смерть наступила от выстрела в

рот. Вот только Роскани доподлинно знал, что это было вовсе не самоубийство, а убийство, совершенное — в этом он тоже был уверен — коллегами любителя острых предметов, которые знали, где находится Барбу, как его найти, и убили его или за то, что он помогал скрыться отцу Дэниелу, или, даже вероятнее, при попытке выяснить, где тот находится. Не исключено, что это сделал тот же самый коллега, который расправился с боссом Гарри Аддисона в Калифорнии. Если так, то они имеют дело с преступной организацией, куда более разветвленной и располагающей бóльшими возможностями, чем это казалось поначалу.

Издали до Роскани доносился лай ищеек, которые вели своих проводников и несколько отрядов карабинеров по лабиринту туннелей в поисках Елены Восо, беглого священника... и Гарри Аддисона. Роскани пока что ничего не знал наверняка. Интуиция, и ничего больше. Но он всем своим нутром чувствовал, что американец побывал здесь и помог своему братцу удрать.

Вынув из кармана недоеденную половину шоколадного бисквита, итальянец развернул фольгу, откусил хороший кусок и принялся жевать, задумчиво глядя по сторонам.

Высоко над скалами кружил вертолет с наблюдателем, координировавшим действия наземных команд Gruppo Cardinale, которые прочесывали скалы над пещерой. Возле шахты подъемника были обнаружены отчетливые следы ног. А также автомобиля, который подъехал, постоял и уехал прочь. Но к кому вели эти следы — к беглецам или к блондину, — пока что сказать было невозможно.

Однако из всего случившегося с пугающей ясностью вырисовывалось одно: Роскани теперь имел дело не просто с беглым священником и его братом, а с людьми, которые действовали в разных частях мира, поддерживали между собой устойчивую связь, хорошо подготовленными и не сдерживаемыми никакими моральными ограничениями по части убийств. Любой, кто мог иметь хоть малейшее представление о том, где священник находится или что ему известно, превращался в их цель и, похоже, имел очень мало шансов укрыться хоть где-нибудь.

Когда Гарри вошел в пещеру, Дэнни находился там один, он сидел рядом с входом, беспомощно вытянув сломанные ноги в синих стеклопластиковых лубках. На нем был черный пиджак Гарри поверх тонкой больничной пижамы, в которой его положили в лодку.

Гарри нервно оглянулся. Где Елена? А когда он вновь повернулся к брату, то увидел, что тот смотрит на него с таким выражением, будто не может сообразить, кто же находится перед ним. Впрочем, можно было ожидать, что их кошмарное плавание по подземным лабиринтам измотает Дэнни донельзя. Ему стало хуже, и это пугало Гарри, поскольку он не знал, насколько хуже и хватит ли у брата сил, чтобы вновь восстановиться.

— Дэнни, ты знаешь, кто я такой?

Дэнни продолжал молча смотреть на него. Неуверенным, растерянным взглядом.

— Я твой брат Гарри.

После долгой паузы Дэнни неуверенно кивнул.

— Мы с тобой в пещере на севере Италии.

Дэнни кивнул опять. Но его движение было вялым и растерянным, как будто он понимал только слова, но не их значение.

— Ты знаешь, где медсестра — та монахиня, которая ухаживает за тобой? Где она?

Несколько секунд Дэнни никак не реагировал на его слова. Потом медленно повел глазами влево.

Гарри проследил за его взглядом и увидел в глубине грота еще один выход наружу. Оставив Дэнни, он подошел туда, выглянул и замер на месте, увидев, что Елена полураздета — монашеское одеяние спущено до пояса, грудь обнажена. Увидев его, она испуганно прикрылась.

— Извините... — пробормотал Гарри и, быстро отвернувшись, удалился в грот.

Через несколько секунд туда же вошла Елена. Она была уже полностью одета, донельзя смущена и сразу принялась оправдываться:

— Я прошу прощения, мистер Аддисон. Моя одежда никак не сохла... Я попыталась просушить ее там, на камнях. И вашу куртку, и пижаму вашего брата. Он спал, когда я была... была... не одета...

— Я понимаю...

Гарри постарался улыбнуться как можно непринужденнее, и Елене, кажется, полегчало.

— Вы пригнали грузовик?

— Да.

— Гарри?.. — Дэнни вскинул голову, глядя на приближавшихся Гарри и Елену.

Да, это, несомненно, был Гарри. И Елена, отчего ему стало легче — она находилась рядом с ним все последние дни. И некоторым образом связывала его с реальностью. Однако он чувствовал себя очень слабым. Даже думать — где они находятся, откуда взялся Гарри — было чрезвычайно тяжело. Потом в его памяти возник образ Гарри, держащего его за руку и помогающего ему выбраться из воды. Так вот какой была та секунда, когда они увидели друг друга и поняли, что после стольких лет снова вместе.

— Я... — Дэнни поднес руку к голове, — я не очень ясно... соображаю...

— Дэнни, все в порядке, — ласково произнес Гарри. — Все будет хорошо.

— Да, мистер Аддисон, на это можно надеяться, — твердо сказала Елена, посмотрев на

Дэнни. — Я думаю, что нам стоит говорить со святым отцом откровенно, ему тоже следует понимать, что он был очень плох. У него началось улучшение, но из-за недавних событий лечение пошло насмарку. Думаю, что в физическом плане все обстоит неплохо. Но могут быть трудности с речью, с узнаванием, с тем и с другим... И только время покажет, насколько он восстановится.

Она перевела взгляд на Гарри.

— Мистер Аддисон, далеко отсюда до грузовика? — Она вдруг заволновалась из-за времени, из-за того, что тени за пределами грота сделались заметно длиннее. — Сколько туда идти?

Гарри замялся, поглядывая на Дэнни. Он боялся лишней раз потревожить или испугать его и потому взял Елену под руку и повел к выходу из пещеры, бросив вслух, что хочет показать ей, как намерен выбираться отсюда.

Когда они остановились возле скал, которые скрывали их от взглядов со стороны озера, Гарри повернулся к монахине.

— Полицейские нашли пещеру. Над холмом, где подъемник, кружит вертолет. Кто знает, может быть, блондин удрал тем путем... Но они наверняка знают, что Дэнни здесь был и что он жив. — Гарри помолчал, подбирая слова. — Елена, вы оставили там свои вещи. Они знают, кто вы... и, вероятно, знают о том, что я там тоже был, потому что я неосторожно прикасался к самым разным вещам. Полиция обыщет туннели и коридоры и, обнаружив нас, примется прочесывать все окрестности. Дорога здесь — хуже некуда, но если мы сможем выбраться, прежде чем они сюда доберутся, причем засветло, чтобы не пришлось включать фары, у нас может получиться. По крайней мере, мы доберемся до шоссе и вольемся в поток движения. Но надежда будет лишь на то, что к тому времени уже стемнеет и нам удастся проскочить через контрольный пункт, как получилось утром.

— И куда же мы поедем, мистер Аддисон?

— Если повезет, то по автостраде на Комо, а оттуда к северу, в Кьяссо, к швейцарской границе.

Елена взглянула ему в глаза.

— А дальше, мистер Аддисон?

— Я точно не знаю...

Внезапно Гарри почувствовал, что Дэнни пристально глядит на них из глубины грота. Гарри впервые увидел его издали и лишь сейчас понял, как же сильно брат изменился. Измученный, изувеченный... Но по-прежнему полный боевого духа; такой же, каким Гарри всегда помнил его. Порой упрямый до тупости, но никогда не сдающийся. Сейчас, однако, он был практически беспомощен.

Гарри резко повернулся к Елене. Прежде чем они куда-либо поедут, она должна уяснить одну вещь.

— Вы ведь знаете, что меня ловят по обвинению в убийстве итальянского полицейского. А Дэнни — первый подозреваемый в убийстве кардинала-викария Рима.

— Да.

Гарри пристально посмотрел ей в глаза.

— Мне очень важно, чтобы вы поняли: я не убивал полицейского. Виновен или не виновен мой брат, я не знаю и не узнаю до тех пор, пока его сознание не прояснится настолько, чтобы его можно было напрямую спросить об этом. Но и тогда не знаю, захочет он отвечать или нет... Так или иначе, кому-то очень нужно его убить. Из-за того, что он

знает и может рассказать. Поэтому и опасен блондин, а может быть, и полиция — не меньше. Теперь им точно известно, что он жив, и его станут искать не просто с удвоенной энергией; они опасаются к тому же, что он слишком много рассказал тем, кто находится с ним рядом.

— Получается, что нам с вами, мистер Аддисон...

— Именно.

— И говорил он что-нибудь или не говорил...

— Никто не станет об этом спрашивать, — закончил ее фразу Гарри.

Внезапно оба услышали стремительно приближавшийся звук летящего вертолета. Гарри схватил Елену за руку и втащил в зев пещеры, и уже в следующую секунду машина вынырнула из-за нависавшего над берегом горного хребта. Пролетев над озером, она круто развернулась и, удаляясь почти по той же траектории, по которой прилетела, исчезла за деревьями. Звук мотора сразу же затих.

Оторвав взгляд от опустевшего неба, Елена посмотрела Гарри в лицо.

— Я понимаю наше положение, мистер Аддисон, и готова ко всему, что может последовать.

Гарри лишь коротко взглянул на нее.

— Ладно... — произнес он и вернулся в грот, чтобы взять на руки Дэнни.

Роскани, сидя в вертолете, неторопливо летевшем над скалами, видел сверху воду озера и кроны деревьев. Еще разок внимательно посмотреть самому — он никогда не забывал это отцовское правило и потому частенько добивался успеха там, где у других ничего не получалось. Но не сегодня. Он не видел ничего, кроме камней, деревьев и расстилающейся слева озерной глади.

— Проклятье... — прошипел он сквозь зубы.

Они были где-то здесь, внизу, все они. Отец Дэниел, монахиня, блондин с пиками и бритвами и Гарри Аддисон. Прежняя догадка Роскани оказалась верной — американец побывал в пещере. Его отпечатки обнаружили на сумке с медикаментами в той комнате, где находился отец Дэниел.

Роскани не позволил себе думать ни о том, каким образом американец смог ускользнуть от полиции и обнаружить пещеру раньше, чем это сделала она, ни как ему и остальным удалось спастись от блондина — похоже, что удалось. Хорошим знаком следовало считать, что ведущуюся по всей Италии облаву можно сузить до площади в несколько квадратных миль. А плохим, что теперь приходилось заниматься двумя группами беглецов — Аддисонами и блондином-убийцей, причем члены обеих групп были чрезвычайно изворотливы и пользовались помощью со стороны. А может быть, им просто очень везло. Долгом Роскани было прекратить это везение, перекрыть возможные пути бегства и как можно скорее положить конец всей этой истории.

Из направлявшегося на север вертолета он видел впереди в сгущающихся сумерках мощные силы, подчиненные Gruppo Cardinale и находившиеся на указанных им позициях, чтобы выполнить его задание, — сотни солдат и офицеров итальянской армии, карабинеров, местных полицейских, внимательно смотревших вокруг с вершин утесов, окружавших пещеру и подходы к ней.

Приказав пилоту возвращаться на командный пункт, развернутый несколько часов назад в здании виллы Лоренци, Роскани переключился на другие мысли. Gruppo Cardinale вела поиск двух разных объектов. Американец и монахиня были ему известны, а вот о личности агрессивного любителя острых и режущих предметов он не знал ничего. Выяснить это было крайне важно.

Рулевое колесо то и дело норовило вырваться из рук Гарри. Грузовик подпрыгивал на всех ухабах, шины прокручивались в мелком гравии, покрывавшем склон довольно крутого холма, и машина хотя и взбиралась дюйм за дюймом наверх, но при этом постепенно сползала в сторону, с устрашающей неуклонностью приближаясь к краю обрыва, за которым на несколько сотен футов ниже простиралась озерная гладь. Затем они выехали с отрезка, покрытого каменной крошкой, на твердую почву, грузовик вновь обрел опору под колесами, и Гарри повел его дальше по середине дороги.

— Пока что все нормально...

Увидев, что Елена прижалась к противоположной двери, но старается не показывать страха, он заставил себя улыбнуться. А Дэнни, зажатый между ними на сиденье, совершенно измотанный, безучастно глядел в пространство, но, похоже, не видел ничего ни перед собой, ни вокруг. Гарри скосил глаза на примитивную приборную панель грузовика. Как там с бензином? Оставалось немногим больше четверти бака, и он понятия не имел, далеко ли им удастся уехать.

— Мистер Аддисон, вашему брату необходимы жидкость и пища, причем чем скорее, тем лучше.

К этому времени уже почти стемнело, и они ясно видели вдали свет фар машин, проезжавших по шоссе на Белладжио. Если свернуть к югу, то они проедут вдоль озера в сторону Комо, куда и намеревался отправиться Гарри. Далеко ли дотуда, сколько городов им нужно преодолеть по пути, не знал ни он сам, ни Елена.

— А что, церковь еще практикует милосердие? — вдруг спросил Гарри, вспомнив, что храмы различных религий на протяжении многих столетий считались убежищами для гонимых и преследуемых.

— Я не знаю, мистер Аддисон...

— Но согласятся они нам помочь? По крайней мере, приютить на ночь?

— В Белладжио. Возле верха лестницы... Там церковь Святой Клары. Я запомнила ее потому что она францисканская, а я сама принадлежу к конгрегации сестер-францисканок... Если где-нибудь нам и согласятся помочь, так это там.

— Белладжио...

Гарри очень не понравилось ее предложение. Слишком уж это было опасно. Лучше попытаться счастья и поехать в южном направлении вдоль озера — вдруг там еще нет полиции.

— Мистер Аддисон, — негромко сказала Елена, глядя на Дэнни, как будто она точно знала, о чем Гарри подумал, — у нас нет времени.

Гарри тоже взглянул на брата. Тот спал, бессильно уронив голову на грудь. Значит, Белладжио... Елена была права — времени у них не было.

Подняв облако пыли, на несколько секунд затмившей свет посадочных огней, вертолет приземлился на подъездную дорожку перед виллой Лоренци.

Пригибаясь, Роскани выбежал из-под продолжавших вращаться лопастей несущего винта, прошел по газону и оказался в прокуренном хаосе командного пункта, который он устроил в огромном бальном зале покойного Эроса Барбу. Сейчас можно было подумать, что это сверкающее позолотой и полировкой, озаренное множеством роскошных канделябров помещение оказалось во власти армии захватчиков, и эта мысль была бы очень близка к истине.

Пройдя среди шумной толпы и успев ответить на множество посыпавшихся с разных сторон вопросов, он остановился перед висевшей на стене огромной картой, на которой крошечными итальянскими флажками были отмечены контрольные пункты, и, как и совсем недавно, спросил себя, а не является ли то, чем они занимаются, при всей своей видимой необходимости, слишком большим, слишком шумным и слишком громоздким делом. Они представляли собой армию и потому были вынуждены мыслить и действовать по-армейски и подчиняться тем ограничениям, которые накладывает использование крупных сил, тогда как те, за кем они гонялись, были, в общем-то, партизанами и обладали гораздо большей свободой действий и возможностью для непредсказуемых решений.

Войдя в небольшой кабинет через дверь в дальнем конце бального зала, он закрыл за собой дверь и сел в кресло. Ему предстояло ответить на три телефонных звонка — от Тальи из Рима, от Фарела из Ватикана и от собственной жены из дома.

Прежде всего он позвонит жене. Затем Талье и уж в самую последнюю очередь — Фарелу. После этого он на двадцать минут закроется от всех. Это время потребуется ему для себя самого. Для *assoluta tranquillita*. Столь необходимой ему полнейшей отрешенности. Успокоиться и подумать. А потом спокойно взяться за информацию, полученную от Интерпола, и посмотреть, не найдется ли на этих страницах чего-то такого, что поможет ему установить личность блондина.

Белладжио. Отель «Флоренция». 20 часов 40 минут

Сидя за туалетным столиком в номере, Томас Добряк разглядывал себя в зеркале. Глубокие царапины на щеке, оставленные ногтями Марты, он промыл перекисью водорода и дал им хорошо подсохнуть, чтобы можно было нанести грим, который сделает их совершенно незаметными.

Он вернулся в гостиницу незадолго до пяти часов дня, удачно проголосовав на дороге двоим англичанам-студентам, путешествовавшим по Италии во время каникул. Сказал им, что поссорился со своей подружкой, она набросилась на него, расцарапала ему лицо, и он попросту взял и ушел — сегодня же ночью вернется домой, в Голландию, а она может катиться ко всем чертям. За полмили до полицейского поста он попросил их остановиться, сказав, что никак не может успокоиться и, пожалуй, прогуляется еще немного пешком. Когда же студенты покатали дальше, он сошел с дороги, пересек поле и, укрываясь под деревьями, обогнул заставу. Оттуда до Белладжио оставалось всего минут двадцать ходу.

В гостиницу он вошел с черного хода, поднялся по запасной лестнице к себе в номер и, позвонив в расчетный стол, сообщил, что выписывается, уезжает завтра рано утром, и попросил, чтобы оставшуюся задолженность вычли у него с кредитной карты, а счет отправили ему домой, в Амстердам. После этого он посмотрел на себя в зеркало и решил, что ему нужно вымыться и изменить внешность. Чем и занялся.

Склонившись к зеркалу, он нанес на ресницы тушь и подвел глаза. Удовлетворенный результатом, он поднялся и оглядел себя в большом зеркале. На нем были женские туфли на шпильках, бежевые свободные брюки, тонкая белая блузка и легкий голубой парусиновый жакет. Облик довершали небольшие золотые серьги и жемчужное ожерелье. Закрыв чемодан, он опять остановился перед зеркалом, надел широкополую соломенную шляпу, бросил ключ от комнаты на кровать, открыл дверь и вышел.

Томас Хосе Альварес-Риос Добряк из эквадорского города Кито, он же Фредерик Вур из Амстердама превратился в Джулию Луизу Фелпс, агента по продаже недвижимости из Сан-Франциско, Калифорния.

Гарри, не дыша, смотрел, как два вооруженных карабинера позволили белому «фиату» ехать в сторону Белладжио, затем взглянули на следующий автомобиль, дали водителю знак подъехать и остановиться в пятне яркого света фонарей, освещавших площадку. Напротив другая пара карабинеров осматривала машины, покидавшие город. А еще четверо стояли на обочине подле бронетранспортера и наблюдали за происходившим.

Гарри увидел свет издалека и сразу понял, почему шедшие впереди машины начали сбавлять скорость. Он знал, что им более чем повезло, когда они вдвоем с Еленой утром ехали в противоположном направлении. А теперь их было трое, и он не отваживался даже дышать, ожидая самого худшего.

— Мистер Аддисон... — окликнула его Елена, тоже напряженно смотревшая вперед.

Гарри увидел, что передний автомобиль тронулся с места. Настала их очередь заезжать на досмотр. Один из карабинеров резко махнул рукой, дескать, вперед. Сердце Гарри отчаянно заколотилось, он почувствовал, что ладони его, лежащие на руле, внезапно покрылись потом. А карабинер уже махнул вновь.

Глубоко вдохнув, Гарри выжал сцепление. Грузовик пополз вперед. Полицейский, опять же жестом, приказал остановиться. Гарри повиновался. В голубовато-белом свете фонарей карабинеры направились к машине с двух сторон, каждый держал в руке по большому фонарю.

— Господи! — чуть слышно выдохнул Гарри.

— В чем дело? — так же тихо отозвалась Елена.

— Тот же самый парень.

Карабинер тоже увидел Гарри. Да разве мог он такое забыть? Старенький грузовичок со священником за рулем, едва не переехавший его сегодня утром!

— Buona sera, ^[32] — вежливо произнес карабинер.

— Buona sera, — отозвался Гарри.

Карабинер поднял фонарь и осветил в кабину. Дэнни, одетый в черный пиджак священника с плеча Гарри, все так же спал, привалившись к Елене.

Второй карабинер подошел с ее стороны и жестом приказал опустить стекло.

Не обратив на него никакого внимания, Елена обратилась к стоявшему рядом с Гарри.

— Помните, мы ехали сегодня на похороны? — затараторила она по-итальянски.

— Да.

— Ну а теперь мы возвращаемся. Отец Дольжетта, — она указала на Дэнни и продолжила, резко понизив голос, как будто опомнилась и боялась разбудить его, — приехал из Милана, чтобы отслужить мессу. Сами видите, каков он. Больной-разбольной! Ему вообще не стоило никуда ездить, но он настоял. И что теперь? Ему опять плохо! Сами видите. Мы хотим поскорее уложить его в постель, пока не случилось чего похуже.

Несколько секунд карабинер стоял молча, переводя луч фонаря с Гарри на Дэнни и обратно.

— Что прикажете нам сделать? Выйти и встать перед машиной? Или разбудить его? И тоже заставить вылезти? — Елена гневно блеснула глазами. — Вы ведь нас уже знаете! И долго собираетесь нас здесь держать?

Позади, очень кстати, прозвучало несколько гудков. Ожидавшие в замершей очереди

понемногу теряли терпение. В конце концов карабинер выключил фонарь, кивнул своему напарнику и махнул рукой, разрешая проезд.

Роскани разломил плитку шоколада, откусил кусок от половины и закрыл интерполовскую папку.

В первом разделе на пятидесяти девяти страницах описывались двадцать семь мужчин и девять женщин, известных как активные террористы и уже действовавших в Европе. Во втором разделе на двадцати восьми страницах — убийцы, находящиеся на свободе и предположительно обитающие в Европе; этих было четырнадцать, все мужчины.

Каждый из них мог взорвать ассизский автобус. Любому из этих мужчин мог принадлежать обугленный труп, который ошибочно опознали как останки отца Дэниела. То есть каждый из них мог быть хозяином пистолета «ллама». Но интуиция подсказывала Роскани, что ни один из них не обладал такой извращенной, сладострастной и откровенно садистской тягой к убийству, как блондин с расцарапанной рожей, любитель пользоваться острой кухонной утварью и столь редкими в наш век опасными бритвами.

Расстроенный, ругая себя за то, что решил бросить курить, он поднялся, открыл дверь своего тесного святилища и вернулся в огромный бальный зал виллы Лоренци. Прошелся по шумному помещению, посмотрел по сторонам и понял, что ошибался в своих недавних размышлениях. Да, Gruppo Cardinale представляла собой армию. Она была слишком многочисленной. Слишком громоздкой. Привлекала к себе слишком много внимания. Допускала ошибки. Но, учитывая обстоятельства, он радовался, что она существовала. Ведущаяся игра была не из тех, которые можно вести в одиночку, руководствуясь отцовским убеждением, что только он, и никто другой, способен отыскать решение. На этой арене требовалась мощная сила, тысячи глаз, обладатели которых будут смотреть во все стороны, подстраховывая друг друга, которые обещут, обползают каждую пядь земли. Только таким образом можно было рано или поздно захлопнуть ловушку и гарантировать, что добыча не ускользнет в очередной раз.

Белладжио. Церковь Святой Клары. 22 часа 15 минут

Гарри сидел рядом с Дэнни в кабине припаркованной на темной улице машины и ждал Елену. Она ушла уже почти полчаса назад, и он чувствовал нарастающее беспокойство.

Через улицу перешли несколько подростков, они шутили и смеялись, один из них брэнчал на гитаре. Немного раньше в том же направлении прошел, что-то напевая себе под нос, немолодой мужчина, державший на поводках двух собачонок. Но вот молодежь удалилась, шум затих, и опять воцарилась тишина, усиливавшая чувство покинутости и нагнетавшая тревогу и опасение, что их вот-вот схватят.

Повернув голову, Гарри посмотрел на Дэнни, который спал на сиденье рядом с ним в позе эмбриона, поджав ноги в синих стеклопластиковых лубках. Во сне он казался совершенно невинным, и не верилось, что он может знать что-то опасное; так смог бы спать и ребенок. Гарри захотелось протянуть руку, потрогать брата и еще раз сказать ему, что все будет в порядке.

Гарри отвернулся от Дэнни и посмотрел туда, где немного выше на холме стояла церковь, надеясь увидеть приближающуюся Елену. Но не увидел ни души, лишь безлюдную

улицу с припаркованными по обе стороны автомобилями. Внезапно на него волной нахлынули эмоции. Они были глубокими и исходили из самой сердцевины его существа. И дали ему наконец осознание того, почему он оказался здесь. Это был возврат долга, высвобождение, осуществление кармы.

Он выполнял обещание, которое дал Дэнни много лет назад, в тот день, когда уезжал из дома, собираясь поступать в колледж. В это время Дэнни стал бунтовать больше прежнего, у него почти непрерывно происходили стычки дома и в школе и неприятности с полицией. У Гарри через два дня должны были начаться занятия в Гарварде, и, когда Дэнни вошел, он сидел в прихожей со своим чемоданом, дожидаясь брата, чтобы попрощаться. Лицо Дэнни было испачкано, волосы всклокочены, кулаки в свежих ссадинах после драки. Дэнни взглянул на чемодан, потом на Гарри и, не говоря ни слова, хотел пройти в комнаты. Гарри хорошо помнил, как протянул руку, крепко схватил брата и развернул к себе.

Он, как наяву, слышал свои слова. «Ты только закончи школу, ладно? — требовательно произнес он. — Тогда я приеду и увезу тебя отсюда. Я тебя здесь не оставлю. Обещаю».

Это было не просто обещание, а подтверждение того союза, который они заключили несколько лет тому назад, после того как смерть унесла их сестру и отца, а мать сделала страшную ошибку, чересчур поспешно выскочив замуж, — помочь друг другу развязаться с этой жизнью, с этой семьей, с этим городом и никогда сюда не возвращаться. Это был обет. Присяга. Братская клятва.

Но получилось так, что он не сдержал своего слова. И хотя они никогда не заговаривали об этом — и о том, что обстоятельства переменились настолько, что Дэнни поступил в морскую пехоту на следующий же день после окончания школы, — Гарри знал, что причиной их многолетнего отчуждения послужило то, что он не приехал, как обещал. Он дал слово и не сдержал его, и Дэнни так и не простил ему это. Что ж, теперь он выполняет свое обещание. В конце концов он все же приехал за братом.

10.25

Еще один взгляд на холм.

Улица все так же темна и безлюдна. И тротуары по обеим сторонам. Елены нет.

Внезапно тишину нарушил приглушенный звук мобильного телефона. Гарри тревожно вскинулся, оглянулся, пытаясь понять, откуда он исходит. И лишь потом сообразил, что это его собственный сотовый телефон, лежащий в бардачке, куда он его положил, когда отправился с Еленой в пещеру, к Дэнни.

Телефон немного позвонил и смолк. Потом зазвонил снова. Гарри протянул руку, открыл крышку и достал телефон.

— Да... — негромко произнес он, помня, что лишь один человек на свете знает, как его найти.

— Гарри...

— Адрианна?

— Гарри, где ты?

В ее голосе слышались настойчивость и любопытство. Ни намека на теплоту или какие-то дружеские чувства. Это был деловой звонок. Она вернулась к своему первоначальному плану, в котором были заинтересованы она сама и Итон, — поговорить с Дэнни первыми, пока он не успеет что-либо рассказать другим.

— Гарри?

— Я слушаю.

— Твой брат с тобой?

— Да.

— Скажи мне, где вы.

10.30

Быстрый взгляд вдоль улицы. Елены как не было, так и нет.

— А ты где, Адрианна?

— Здесь, в Белладжио. В «Дю Лак». Том самом отеле, где ты до сих пор числишься постояльцем.

— Итон с тобой?

— Нет. Он едет сюда из Рима.

Внезапно на холме из-за угла ударил свет фар машины, направлявшейся вниз. Полицейские на мотоциклах. Двое. Они ехали медленно — свет редких фонарей поблескивал на шлемах, — разглядывая стоявшие у обочин автомобили. Они искали его и Дэнни.

— Гарри, ты меня слышишь?

Гарри почувствовал, как Дэнни рядом с ним пошевелился. Господи! Дэнни, только не это! Не то, что случилось в пещере!

— Скажи мне, где ты. Я приеду за тобой.

Дэнни опять пошевелился. Полицейские были совсем рядом. Им оставалось проехать всего несколько метров...

— Гарри, проклятье! Говори! Скажи, где ты...

Щелк!

Гарри захлопнул крышку телефона и нагнулся, навалившись на Дэнни, чтобы его не было видно через стекло, молясь про себя, чтобы ничто не нарушило тишину. И тут же где-то под ним вновь зазвонил телефон.

Адрианна пыталась добиться своего.

— Боже! — беззвучно выдохнул Гарри.

Звонок был громким. Резким. Он звучал так, словно шел через усилитель. Беспомощно извиваясь, Гарри пошарил рукой, пытаясь нащупать телефон в темноте. Но тот запутался в складках рубашки где-то между ним, Дэнни и сиденьем. Высвободив руку, Гарри попытался приглушить звук своим телом. Оставалось лишь надеяться, что полицейские не услышат его даже в ночной тишине.

Миновала вечность, прежде чем звон прекратился. И вновь наступила тишина. Гарри хотел выглянуть, убедиться, что полицейские уехали, но не смел. Он отчетливо слышал биение своего сердца. Пульсацию крови в сосудах.

Внезапно в стекло резко постучали. Гарри весь похолодел. Он чувствовал, что не в состоянии двинуться. Стук повторился. Громче.

В конце концов Гарри, перепуганный, покоровшийся судьбе, медленно поднял голову.

На него смотрела Елена. А рядом с ней стоял священник, державший за ручки инвалидное кресло на больших колесах.

Миловидная женщина в синем жакете и большой соломенной шляпе сидела в одиночестве за столиком возле витрины бара гостинцы «Флоренция». Со своего места она хорошо видела набережную и пристань, от которой должен был отправиться катер на подводных крыльях. Она видела также возле билетной кассы и на пристани полицейских из Gruppo Cardinale, присматривавшихся к людям, которые ожидали судно.

Повернувшись спиной к толпе посетителей, она вынула из сумочки сотовый телефон и набрала миланский номер, там ее звонок был принят автоматическим коммутатором, который переадресовал его на другой номер и такой же коммутатор, находившийся в прибрежном городе Чивиттавеккья, а оттуда на незарегистрированный римский номер.

— Sì, — произнес мужской голос.

— Говорит С., — ответил Томас Добряк.

— Unmomento.

Пауза. И затем:

— Да. — Говорил уже другой мужской голос. Искаженный электроникой, чтобы его нельзя было опознать. Этот разговор велся по-французски.

С.: «Объект жив. Возможно, ранен... И, как ни досадно об этом докладывать, улизнул».

Мужской голос: «Я знаю».

С.: «Что прикажете делать? Если вы сочтете нужным, я могу уйти».

Мужской голос: «Нет. Я высоко ценю вашу отвагу и предприимчивость. Полиции известно о вашем существовании, она ищет вас, но не знает, кого именно нужно искать».

С.: «Я так и предполагал».

Мужской голос: «Вы сможете покинуть район?»

С.: «Если повезет».

Мужской голос: «В таком случае я хочу, чтобы вы приехали сюда».

С.: «Я могу продолжить поиски объекта там, где нахожусь. Несмотря даже на присутствие полиции».

Мужской голос: «Конечно, но зачем? Когда моль пробуждается от спячки, ее нетрудно поймать и бросить в огонь».

* * *

Палестрина нажал кнопку на маленькой коробочке, присоединенной к телефонному аппарату, и протянул трубку Фарелу; тот взял ее и положил на рычаги. Некоторое время государственный секретарь Ватикана сидел молча, поглядывая на щедро украшавшие его полутемный мраморный кабинет картины, скульптуры, старинные книги на полках. Эти олицетворения многовековой истории окружали его в резиденции, находившейся этажом ниже папских покоев во дворце Сикста V, тех покоев, где почивал сейчас Папа Римский, утомленный повседневными обязанностями и всецело доверяющий способностям своих

советников мудро направлять политику Святого престола.

— Вы позволите, ваше преосвященство? — произнес Фарел.

Палестрина взглянул на него.

— Ну и что же у вас на уме?

— Священник. Его не смог остановить ни Томас Добряк, ни Роскани со всеми своими неограниченными возможностями. Он вроде кошки, у которой еще не израсходованы все ее девять жизней. Да, мы рано или поздно сможем его изловить. Но что, если он заговорит раньше?..

— Вы считаете, что наше дело в Китае может провалиться из-за одного человека?

— Да. И мы ничего не сможем поделать. Только отпираться от всего. Но Китай для нас будет потерян, а подозрение закрепится на века.

Палестрина медленно повернулся вместе с креслом к находившейся у него за спиной старинной credenza^[33] и стоявшей на ней скульптуре — голове Александра Македонского, изваянной из мрамора греческим скульптором в пятом веке.

— Я рожден сыном царя Македонии. — Его слова были обращены к Фарелу, но он не сводил глаз со скульптуры. — Аристотель был моим наставником. Когда мне минуло двенадцать, отец мой был убит и я сделался царем, но со всех сторон меня окружали недруги отца моего. Через недолгое время я узнал, кто они, и казнил их всех, а потом, приблизив к себе тех, кто был мне верен, пошел и подавил начавшийся мятеж... Через два года я владел всей Грецией и переправился через Геллеспонт в Персию с армией в тридцать пять тысяч греков и македонцев.

Медленным, рассчитанным движением Палестрина полуобернулся к Фарелу так, чтобы в свете лампы, укрепленной над credenza, его голова совместилась для наблюдателя с головой Александра. Затем его взгляд остановился на лице Фарела, и он продолжил свой монолог. И Фарел вдруг почувствовал, как по его спине пробежали мурашки. С каждым словом глаза Палестрины делались все темнее, и сам он как бы отдалялся, словно погружался в ту личность, какую, по его убеждению, воплощал собой.

— Подле Трои я разбил сорокатысячное войско, потеряв лишь сто десять своих людей. Оттуда я пошел на юг и встретил царя Дария с главными силами персов, которые насчитывали пятьсот тысяч человек. Дарий бежал от нас, бросив свою мать, и свою жену, и своих детей. После этого я взял Тир и Газу и пришел в Египет, став хозяином всего южного побережья Средиземного моря. Затем я подчинил себе Вавилон и остатки Персидской империи от южных берегов Каспийского моря до Афганистана... а оттуда повернул на север, в те места, которые именуются сейчас Русским Туркестаном и Средней Азией... Это случилось, — взгляд Палестрины уплыл в сторону, — в триста двадцать седьмом году до Рождества Христова... и всего этого я достиг за три года.

Палестрина резко повернулся к Фарелу, и отсутствующее выражение на его лице сменилось деловым.

— Яков, я справился с Персией. И жив священник или нет, я совладаю с Китаем. — Палестрина вдруг прожег Фарела острым взглядом и добавил, понизив голос: — Доставьте сюда отца Бардони. И немедленно.

Елена лежала в темноте, глядя на прямоугольник света, падавшего снаружи через маленькое окошко, прорезанное высоко в стене.

Они находились в convento, жилище священников, располагавшемся за зданием церкви. Почти весь клир, кроме отца Ренато, приветливого низкорослого священника, того самого, который отправился вместе с ней за больным, и еще двоих-троих, разъехался по отпускам. Это была большая удача, благодаря которой отдельные комнатки достались и Елене, и Дэнни, спавшему за стеной, и Гарри, которому предоставили такую же келью с другой стороны коридора.

Елена продолжала сокрушаться из-за того, что так долго не возвращалась к машине, доставив тем самым Гарри столько тревог, но у нее просто не оставалось выбора. Уговорить отца Ренато оказалось очень непросто, и лишь после того, как она позвонила в Сиену матери настоятельнице, которая лично переговорила со священником, тот смягчился и отправился вместе с Еленой, захватив инвалидное кресло. А ведь им еще пришлось некоторое время прятаться в тени церкви, выжидая, пока проедет полицейский патруль.

Как только появилась возможность, они доставили отца Дэниела в церковь, напоили его чаем, накормили рисовой запеканкой и уложили в кровать. После этого отец Ренато отвел Елену и Гарри в небольшую кухню, где угостил их пастой с курятиной, оставшейся от ужина, и препроводил в комнаты, предупредив, что завтра священники вернутся и к тому времени нужно будет покинуть обитель.

«Покинуть... — размышляла Елена, не отрывая взгляда от неподвижного светлого прямоугольника на потолке. — И куда же деваться?»

От этой мысли она невольно перешла к размышлениям иного рода — о своем собственном чувстве свободы, вернее, ее отсутствия. Переломными явились те минуты, когда у нее в гроте в конце концов сдали нервы и Гарри оставил брата, подошел к ней, обнял ее и принялся успокаивать, хотя, как она хорошо знала, сам был измотан и растерян ничуть не меньше, чем она. Следующий момент оказался еще серьезнее: когда он вернулся, пригнав грузовик, и увидел ее, голую, около пещеры. С тех пор ей казалось — судя по тому, как поспешно он отвернулся и принялся извиняться, — что он испытал тогда не просто неловкость, а эротическое ощущение. Она говорила себе, что, не будь она монахиней, Гарри, несмотря на серьезность их положения и необходимость торопиться, все же позволил бы своему взгляду хотя бы ненадолго задержаться на ней — как-никак, она была еще довольно молода и считала, что у нее весьма неплохая фигура.

И тут, совершенно неожиданно, впервые с той ночи, когда она лежала на своей кровати в пескарской больнице, прислушиваясь к доносившемуся из динамика монитора дыханию Дэнни, она ощутила сексуальное влечение. Ночь вновь выдалась жаркой, и Елена сняла свое облачение и лежала под простыней нагишом. И сейчас она ощущала, как нарастает возбуждение и внутри разливается тепло. Выгнув спину, она прикоснулась к грудям.

Опять она представила себе Гарри, выходящего из пещеры, почувствовала на себе его взгляд. В этот миг она поняла истинность своего желания сделаться женщиной в самом

полном, физиологическом смысле этого слова. Но теперь она уже не боялась этого желания. Если Бог испытывал ее, Он делал это не столько для того, чтобы выяснить пределы ее внутренней крепости или способности сдерживать обеты целомудрия и повиновения, сколько чтобы помочь ей обрести себя. Узнать, кто она на самом деле и кем хочет стать. И возможно, все происходит только ради этого! И ради этого Гарри вошел в ее жизнь. Чтобы раз и навсегда помочь ей принять решение. Своей внешностью и манерами он произвел на нее такое впечатление, как никто и никогда прежде. Впечатление это было нежным, и свежим, и ободряющим и каким-то образом устранило вину и чувство одиночества, которые всегда навевало на нее то ощущение, которое она испытывала сейчас. Как будто она открыла дверь и обнаружила, что на той стороне жизнь безопасна и полна веселья, что жить, испытывая те же страсти и эмоции, что и все прочие, нормально и хорошо. Что быть Еленой Восо — правильно.

* * *

Гарри услышал негромкий стук, и дверь в темноте отворилась.

— Мистер Аддисон... — прошептала Елена.

— Что случилось? — Он быстро сел в кровати.

— Не беспокойтесь, мистер Аддисон, все в порядке... Вы позволите мне зайти?

— Да, конечно... — озадаченно отозвался Гарри после секундной запинки.

Дверь открылась чуть-чуть шире, падавший из коридора слабый свет обрисовал в проеме очертания женской фигуры, и тут же Елена беззвучно затворила дверь.

— Простите, что разбудила вас.

— Ничего, ничего.

В келье царил полумрак, но Гарри все же разглядел Елену, когда она шла к его кровати. Она была в своем облачении, но босая и казалась одновременно возбужденной и смущенной.

— Присаживайтесь, — предложил он, указывая на край кровати.

Елена быстро взглянула на кровать и тут же вновь перевела взгляд на Гарри.

— Спасибо, мистер Аддисон, я лучше постою.

— Гарри, — поправил он.

— Гарри... — повторила Елена и улыбнулась, хотя было видно, что она сильно нервничает.

— Так в чем же дело?

— Я... я приняла одно решение... и хочу поделиться им с вами...

Гарри кивнул, хотя все так же ничего не понимал.

— Я... я как-то мельком сказала вам после нашей встречи, что Господь поручил мне ухаживать за вашим братом...

— Да.

— Ну а когда я выполню это послушание, то... — Елена запнулась, и Гарри почувствовал, что она собирается с силами, чтобы сказать что-то очень серьезное, — то я намерена обратиться к своим духовным наставникам, чтобы они освободили меня от клятв и отпустили из ордена в мир.

Гарри долго молчал.

— Вы хотите узнать мое мнение? — спросил он наконец.

— Нет, я просто сообщаю вам.

— Елена... — мягко произнес Гарри, — а может быть, прежде чем принять окончательное решение, вам следует вспомнить о том, что после всего перенесенного нами за последнее время никто из нас не способен мыслить достаточно четко.

— Я помню об этом. И еще я знаю, что эти испытания помогли мне прояснить те мысли и чувства, которые посещают меня уже некоторое время. Задолго до того, как все это началось... Проще говоря, я хочу быть с мужчиной и любить его, как только можно, и чтобы он так же любил меня.

Гарри внимательно смотрел на нее, и от него не укрылось, как порывисто поднимается в такт дыханию ее грудь. Даже в темноте кельи он видел блеск и уверенность в ее глазах.

— Это очень личное...

Елена промолчала. Гарри улыбнулся.

— Я, пожалуй, не понимаю лишь одного: почему вы решили сказать это именно мне?

— Потому что я не знаю, что может случиться завтра, и хочу, чтобы об этом узнал кто-то, способный меня понять... и еще потому, что я хотела сказать это именно вам... Гарри. — Елена некоторое время смотрела на него, ловя его взгляд. — Доброй ночи, и благословит вас Господь, — прошептала она и выскользнула за дверь.

Гарри провожал ее взглядом, пока она шла через комнату, и еще раз увидел ее в слабом свете снаружи, когда она открыла дверь, чтобы выйти. Он не был уверен, что до конца понимает, почему она решила поделиться с ним столь глубоко личными мыслями. Зато он точно знал, что никогда прежде не встречал такой женщины, при этом отдавая себе отчет, что, хотя его и влечет к ней, время для этого совершенно неподходящее. Меньше всего на свете им сейчас была нужна вспышка страстей. Она поглотила бы их обоих и, следовательно, многократно увеличила бы опасность для всех троих.

Элегантная привлекательная женщина в широкополой соломенной шляпе стояла в очереди среди других пассажиров, ожидавших, когда же к причалу наконец-то пришвартуется катер на подводных крыльях, вырвавшийся из сгустившейся над озером темноты.

С набережной за пассажирами наблюдали четверо полицейских из Gruppo Cardinale в бронежилетах и с автоматами «узи». Еще четверо прохаживались по пристани и разглядывали отъезжающих, пытаясь обнаружить среди них беглецов. При выборочной проверке документов выяснилось, что почти все, кто находился на причале, были иностранными туристами. Великобритания. Германия. Бразилия. Австралия. Соединенные Штаты.

— Grazie, — произнес молодой полицейский, вернув паспорт Джулии Луизе Фелпс, прикоснулся к козырьку фуражки и улыбнулся.

Перед ним был не блондин-убийца с расцарапанной щекой, не итальянская монахиня, не беглый священник и не его брат. На пристани стояла высокая привлекательная американка, чарующе улыбавшаяся из-под широких полей соломенной шляпы. И подошел он к ней, чтобы проверить документы, не потому, что подозревал ее, а чтобы слегка пофлиртовать. Ну а она немного подыграла ему.

А потом, когда катер ошвартовался и прибывшие пассажиры сошли на причал, она убрала паспорт в сумочку, вновь одарила полицейского улыбкой и поднялась вместе с прочими пассажирами на борт. Через минуту трап убрали, взревели двигатели, и катер начал удаляться.

Полицейские на причале и набережной видели, как судно поднялось на крылья и помчалось прочь, во мрак над озером, направляясь в Тремеццо, Ленно, Леццено, Ардженьо, чтобы завершить круг в Комо. «Фреччя делле Бетулле» было последним на сегодня судном. И понятно, что полицейские с облегчением провожали его взглядами. Зная, что хорошо справились со своим делом. Уверенные, что за время их смены никто из беглецов здесь не проскользнул.

Рим. Ватикан. Среда, 15 июля, 00 часов 20 минут

Фарел открыл дверь, и в личный кабинет Палестрины вошел молодой священник отец Бардони, на лице которого и в глазах, прикрытых стеклами очков, не читалось никаких эмоций, как будто Бардони ничуть не тревожил этот вызов. Высокий начальник вызвал его, и он явился, вот и все.

Палестрина, сидевший за своим столом, жестом указал вошедшему на кресло.

— Я пригласил вас, чтобы лично сообщить, что кардинал Марчиано заболел, — сказал он, когда священник уселся.

— Заболел? — переспросил Бардони, подавшись вперед.

— Он потерял сознание здесь, в моем кабинете, вечером после того, как мы вернулись со встречи в китайском посольстве. Доктора считают, что это просто переутомление. Но не совсем уверены, и потому его решили держать под наблюдением.

— И где же он?

— Здесь, в Ватикане, — ответил Палестрина. — В гостевых апартаментах башни Святого Иоанна.

— Но почему же не в больнице? — Краем глаза отец Бардони заметил, что Фарел шагнул вперед и остановился рядом с ним.

— Потому что я предпочитаю, чтобы он находился поблизости. Поскольку догадываюсь, что может быть причиной этого «переутомления».

— Что же?

— Никак не находящая решения дилемма отца Дэниела.

Палестрина пристально смотрел на священника. Но тот пока что не выказал никаких признаков волнения, даже при упоминании отца Дэниела.

— Я вас не понимаю.

— Кардинал Марчиано был уверен, что он умер. И, судя по всему, до сих пор не может поверить, в отличие от полиции, что отец Дэниел не только жив, но и достаточно здоров, чтобы на протяжении долгого времени водить за нос разыскивающие его власти. Из всего этого можно сделать вывод, что он, вероятно, так или иначе поддерживает связь с...

Палестрина не закончил фразу и строго взглянул на священника, желая удостовериться, что тот верно поймет дальнейшие слова.

— Как же обрадуется кардинал Марчиано, когда увидит отца Дэниела живым! Но сейчас он находится под наблюдением врачей, которые настоятельно не рекомендовали ему передвигаться, и, значит, отцу Дэниелу следует прийти, или пусть его привезут, если он сам нездоров, чтобы повидать кардинала в апартаментах Святого Иоанна.

Тут-то отец Бардони и допустил промашку — бросил быстрый настороженный взгляд на Фарела; это была спонтанная, инстинктивная реакция, желание убедиться, что Фарел полностью поддерживает Палестрину и участвует в аресте Марчиано. И понял по его холодному невыразительному взгляду, что так оно и есть. Утвердившись в своем подозрении, он вновь посмотрел на Палестрину, но теперь уловил в его взгляде гнев.

— Так вы предполагаете, что мне известно, где он находится? Что я могу с ним связаться? И каким-то образом организовать его появление в Ватикане?

— Коробка открыта, — непринужденно отозвался Палестрина. — Моль вылетела наружу... Куда она направится? Многие задают себе этот вопрос и кидаются охотиться за ней. Но так и не могут изловить, потому что в последний момент она дергается в сторону, а потом еще раз и еще раз. Если с ней не все в порядке, например она ранена, ей бывает намного труднее. Разве что она получает поддержку... от каких-нибудь сочувствующих, скажем, известного писателя или кого-то из церковников... или ей дают в помощь кого-нибудь искусственного в подобных делах. Скажем, медика, или монахиню, или одного в двух лицах... ну, например, медсестру из Сиены по имени Елена Восо...

Отец Бардони снова никак не отреагировал. Просто смотрел на государственного секретаря с таким видом, будто понятия не имел, о чем шла речь. Он пытался прикрыть свою недавнюю промашку, хотя сам осознавал, что теперь сделать это невозможно.

Палестрина подался вперед.

— Отец Дэниел должен молчать. Никому не говорить ни слова... Он должен строжайшим образом придерживаться одной линии и отвечать всем, будь то полиция, или журналисты, или даже Талья и Роскани, что он просто ничего не помнит...

Отец Бардони открыл было рот, но Палестрина остановил его, подняв руку, и закончил

чуть слышно:

— Поймите меня: каждый день, который кардинал Марчиано проведет, не видя отца Дэниела, будет пагубно влиять на состояние его рассудка... Его физическое состояние ухудшается вместе с настроением, и в конце концов настанет день, — он пожал плечами, — когда уже ничего нельзя будет поправить.

— Ваше преосвященство, — ответил отец Бардони неожиданно резким тоном. — Вы говорите не с тем человеком. Я не больше вашего знаю, где находится отец Дэниел и как с ним можно связаться.

Палестрина некоторое время смотрел на него, а потом перекрестил воздух перед собой.

— *Che Dio ti protegga*, — произнес он.

Да спасет тебя Бог.

Фарел сразу же подошел к двери и открыл ее. Отец Бардони на секунду замялся, потом встал, прошел мимо Фарела и исчез в темном коридоре.

Палестрина задумчиво взглянул на закрывшуюся дверь. Не тот человек? Нет, отец Бардони как раз тот самый человек. Он был и остается курьером Марчиано. Это его усилиями после взрыва автобуса отца Дэниела забрали в суматохе у медиков и переправили в Пескару. Это он с того самого дня и до сих пор дирижирует его перемещениями. Да, его сразу заподозрили — следили за ним, прослушивали его телефон, даже решили, что именно он мог быть тем человеком, который зафрахтовал катер на подводных крыльях. Но ничего не могли доказать. А теперь он оглянулся на Фарела, и этого оказалось больше чем достаточно. Палестрина знал, что люди Марчиано были бесконечно верны ему. Но и Марчиано верил им не меньше. И если он настолько доверял отцу Дэниелу, что решился исповедаться ему, то отцу Бардони он мог доверить спасение жизни американца. И отец Бардони должен пойти на это!

Получается, что он не «не тот человек», а как раз тот.

И потому Палестрина не сомневался, что его слова дойдут по назначению.

3 часа 00 минут

Палестрина сидел за миниатюрным письменным столом в своей спальне. Его одеяние — сандалии и ярко-алый шелковый халат — в сочетании с физической мощью, огромным телом и пышной шапкой снежно-белых волос придавали ему сходство с римским императором. На столе перед ним лежали ночные выпуски полудюжины газет. В каждой на первой полосе рассказывали о продолжающейся трагедии в Китае. Стоявший по правую руку небольшой телевизор, настроенный на канал Всемирной сети новостей, показывал прямой репортаж из Хэфэя; в настоящий момент на экране была входящая в город колонна армейских грузовиков. Все солдаты, спешившие на помощь в уборке трупов, которых становилось все больше и больше, были одеты в комбинезоны с туго затянутыми манжетами на руках и ногах, в перчатках, лица закрывали ярко-оранжевые респираторы и защитные очки, которые должны были предохранить от трупных испарений и неизвестной заразы, — точно так же был одет и комментатор, который вел репортаж.

Скользнув взглядом по экрану, Палестрина посмотрел на скопище телефонов, стоявших сбоку на отдельном столике. Он знал, что Пьер Вегген сейчас в Пекине беседовал с глазу на глаз с Янь Е. Вегген должен был полуофициально — и без тени намека на то, что идея

принадлежала не ему, а кому-то другому, — изложить основные черты плана Палестрины по реконструкции китайских систем водоснабжения. Кардинал не сомневался, что авторитета швейцарского банкира и его многолетнего знакомства с президентом Народного банка Китая будет достаточно для того, чтобы китайский банкир воспринял эту идею и доложил ее напрямую генеральному секретарю Коммунистической партии.

Впрочем, при любом развитии событий, после того как встреча закончится и все подобающие случаю любезные слова будут произнесены, Вегген позвонит ему и доложит обо всем. Палестрина взглянул на кровать. Нужно было лечь спать, но он не мог. Поднявшись, он прошел в гардеробную, переоделся в свой обычный черный костюм с белым воротником священника и через несколько секунд покинул личные апартаменты.

Воспользовавшись служебным лифтом, он, никем не замеченный, спустился на первый этаж и оттуда вышел через боковую дверь в темный сад.

Он гулял с час, возможно, чуть больше — шел наугад, погружившись в раздумья. Приостановился только перед Fontana dell'Aquilone, фонтаном Орла, украшенным скульптурой, сделанной в семнадцатом веке Джованни Вазанцио. Главная часть фонтана, изваяние орла — герб рода Боргезе, к которому принадлежал Папа Павел V, — имела для Палестрины совсем иное, символическое и глубоко личное значение; уводила его в Древнюю Персию, на последний отрезок его другой жизни, затрагивая глубины его души, как ничто больше. От нее он набирался сил. А сила придавала ему волю, веру и убежденность в том, что он все делает правильно. Орел время от времени переносил его туда и в конце концов позволил ему окончательно освободиться.

Он неохотно отошел от фонтана и направился в темноте дальше. Вскоре он миновал две наземные станции «Интелсат», принадлежавшие радиостанции, а затем и башню, в которой размещалось само «Радио Ватикана», и продолжил свою прогулку по бескрайнему зеленому ковру, за которым заботливо следила армия садовников, по дорожкам, проложенным еще в древности через красивые рощи и ухоженные газоны. Мимо магнолий и бугенвиллей. Под пиниями и пальмами, дубами и оливами. Вдоль протянувшихся на мили аккуратно подстриженных живых изгородей. То и дело попадая под дождь из натканых повсеместно разбрызгивателей, приводимых в действие автоматикой — безмозглых, но точно выдерживающих время приборов.

В конце концов никак не отступавшая мысль заставила его повернуть назад. В сером свете только-только занимавшегося дня Палестрина подошел к сложенному из желтого кирпича зданию, которое занимало «Радио Ватикана». Открыв дверь, он поднялся по внутренней лестнице до верхней башни и вышел на опоясывающую ее круглую галерею.

Взявшись ручищами за перила, он стоял и смотрел, как над римскими холмами занимался день. Отсюда он видел город, Ватиканский дворец, собор Святого Петра и значительную часть ватиканских садов. Это было его любимое место, и к тому же оно обеспечивало ему ощущение физической безопасности, о которой он всегда очень заботился. Здание находилось на холме, поодаль от прочих ватиканских строений, и потому его было легко защищать. Кольцевая галерея охватывала башню целиком, с нее можно было увидеть всех, кто попытался бы приблизиться, а для него самого она могла бы стать местом, откуда удобно руководить защитниками башни.

Возможно, он что-то себе напридумывал, но в последнее время подобные идеи не выходили у него из головы. Особенно с учетом той мысли, которая привела его сюда, — о замечании Фарела, что отец Дэниел, похожий на кошку, имеющую девять жизней, является

тем единственным человеком, который может провалить его дело в Китае. До тех пор отец Дэниел был для него нежелательной помехой, раздражающей соринкой, от которой следовало избавиться. А то, что ему все это время удавалось ускользать и от Томаса Добряка, и от людей Роскани, задевало глубинные струны в душе Палестрины и пугало его — он питал тайную веру в темный языческий потусторонний мир и обитающих там злобных духов. Именно эти духи, считал он, были виновниками того приступа неизлечимой лихорадки, который привел его к мучительной смерти в возрасте тридцати трех лет от роду, когда он жил в теле Александра. И если они и направляют отца Дэниела...

— Нет! — вслух произнес Палестрина, резко отвернулся от перил и покинул галерею.

Он спустился по лестнице и вышел в сад. Он больше не позволит себе думать о духах, ни сейчас, ни впредь. Их нет на самом деле, они существуют лишь в его воображении, и он не допустит, чтобы его собственные фантазии вредили его делам.

Хэфэй, Китай.

Среда, 15 июля, 11 часов 40 минут

И скопление начальства, и всеобщая растерянность, и его собственная должность инспектора по качеству воды — все это мешало Ли Вэню покинуть водоочистную станцию. Но в конце концов он решил проблему самым простым образом — попросту выбрался из толпы переругивавшихся между собой рассерженных политиков и ученых и удалился. И теперь, держа в одной руке тяжелый портфель, а другой прижимая к лицу носовой платок в тщетной попытке отгородиться от запаха начавших разлагаться трупов, он пробирался по улице Чанцзянь-Лу. Ему то и дело приходилось сходить с тротуара на мостовую и возвращаться обратно. Было одинаково трудно продираться как через стоящие в пробках машины «скорой помощи» и всякий прочий спецтранспорт, так и через толпы перепуганных, растерянных людей. Жители тщетно пытались выбраться из города и отыскать своих родных или прислушивались к своему самочувствию, ожидая в обессиливающем страхе первого приступа озноба и насморка, которые будут означать, что выпитая недавно вода, хоть и объявленная чистой, тоже оказалась отравленной. А большинство народу пребывало одновременно в этих трех состояниях.

Еще один квартал, и он поравнялся с «Гостиницей для зарубежных соотечественников», в которой ночевал и где оставил чемодан и одежду. Гостиница теперь превратилась в Штаб провинции Аньхой по борьбе с отравлением; это случилось лишь несколько часов назад, и постояльцев попросту вышвырнули из номеров, их багаж кое-как свалили в вестибюле, несколько чемоданов оказались на улице. Но даже если бы у Ли Вэня было время, он все равно не вернулся бы туда. Слишком много там людей, которые могли бы узнать его, остановить, начать задавать вопросы и задержать еще больше. А Ли Вэнь не мог позволить себе дальнейших задержек.

Опустив голову, стараясь не смотреть в искаженные ужасом лица окружающих, он поспешно миновал несколько оставшихся кварталов и оказался возле железнодорожного вокзала, где выстроились колонны грузовиков, чтобы забрать несколько сот солдат, которые должны были прибыть поездом.

Обливаясь потом, крепко держа свой тяжелый портфель, он обошел солдат и патрули военной полиции. Каждый шаг давался ему со все большим трудом, ведь его, к сожалению находившееся далеко не в лучшей форме, сорокашестилетнее тело было измучено напряжением последних дней, постоянной жарой и невыносимым, тошнотворным трупным запахом, который теперь уже распространился повсюду. В конце концов он добрался до камеры хранения и получил оттуда сданный еще в понедельник утром потертый чемодан с химикатами, которые понадобятся ему для того, чтобы приготовить новые «снежки».

Держа вещи теперь в обеих руках, он вернулся на станцию, протиснулся сквозь ворота на платформу и преодолел еще пятьдесят ярдов до перрона, уже битком забитого беглецами, которые дожидались поездов в другие места. Его поезд должен был прийти через пятнадцать минут. Приехавшие солдаты выгрузятся, и он вместе с остальными устремится в вагон. На

правах правительственного чиновника он займет сидячее место, что ему будет очень кстати. Наконец-то можно будет спокойно откинуться на сиденье и хоть немного отдохнуть. Дорога до Уху займет два часа, там он пересядет на другой поезд, до Нанкина, где, как запланировано, переночует в гостинице «Сюаньву» на улице Чжунюан-Лу. Там он сможет отдохнуть и позволить себе ощутить удовлетворение от мести ненавистному правительству догматиков, которое когда-то убило его отца, а его самого лишило нормального детства. Погрузиться в это чувство, наслаждаться им и ждать приказа, который укажет ему следующую цель.

*Белладжио. Полевая штаб-квартира Gruppo Cardinale на вилле Лоренци.**Среда, 15 июля, 6 часов 50 минут*

Роскани, в рубашке с расстегнутым воротником, без куртки, окинул взглядом просторный бальный зал. Весь костяк его группы находился на местах, как и до полуночи, когда он, поскольку никаких событий не происходило, отпустил часть людей поспать на второй этаж, где поставили походные койки. Поисковые отряды уже вышли на местность, Кастеллетти с первыми лучами солнца возобновил облеты окрестностей на вертолете, а Скала чуть позже отправился в пещеру в сопровождении двух ищеек породы малинуа с проводниками, поскольку уверенности в том, что накануне удалось обыскать все, пока что не было.

В два часа ночи Роскани потребовал по телефону прислать еще восемьсот солдат и отправился спать. В три пятнадцать он поднялся, сполоснулся под душем и напялил ту же самую одежду, в которой ходил последние два дня. А к четырем решил, что с них, пожалуй, хватит.

В шесть утра по местному радио и телевидению транслировалось объявление, которое повторили на утренней службе в близлежащих церквях. Ровно через два часа, в восемь утра, итальянская армия начнет повальный обыск во всем районе. Обоснование было коротким и четким: беглецы где-то здесь и должны быть найдены, любой, кто их укрывает, будет признан сообщником преступников и предстанет перед судом вместе с ними.

Действия Роскани были не просто угрозой. В первую очередь они являлись попыткой обмануть беглецов, заставить их надеяться, что у них будет шанс выбраться, если они двинутся с места до объявленного срока. Поэтому полицейские и армейские силы, подчиненные Gruppo Cardinale, заняли свои позиции за добрых полчаса до объявления; они тихо выжидали и наблюдали, надеясь, что кто-нибудь из преследуемых или все они покинут свое убежище и пустятся в бег.

6.57

Роскани взглянул на изящные часы в стиле рококо, висевшие над эстрадой бального зала Эроса Барбу, потом на мужчин и женщин, которые сидели за компьютерами и перед телефонами, перераспределяя поступающую информацию и координируя действия полевых отрядов Gruppo Cardinale. Потом он допил холодный сладкий кофе и отправился на улицу, по дороге еще раз окинув взглядом помещение, где кипела работа.

Вода в озере Комо и воздух над ним были совершенно неподвижными. Подойдя к воде, Роскани обернулся и посмотрел на внушительное здание. Как человек мог заставить себя поселиться в таком месте да еще вести такой образ жизни, как Эрос Барбу, не укладывалось в мозгу, особенно в мозгу полицейского. И все же он не в первый раз задумался, каково это — быть частью подобного мира. Получать приглашения послушать здесь музыку живого оркестра, потанцевать и даже, он улыбнулся, позволить себе немножко декадентства.

Погрузившись в глубокое раздумье, скорее даже медитацию, он шагал по усыпанной гравием дорожке, тянувшейся вдоль озера, и его мысли вновь вернулись к полученной от

Интерпола папке, из которой он так ничего и не узнал о блондине, питающем нездоровое пристрастие к колющим и режущим предметам. В то же самое мгновение он ощутил сильный аромат ночных цветов. Запах был не столько приятным, сколько резким, и неожиданно Роскани перенесся памятью на четыре года назад, когда его прикомандировали к отделу по борьбе с мафией Министерства внутренних дел, расследовавшему тогда серию убийств на Сицилии. Вместе с несколькими другими следователями он неподалеку от Палермо осматривал труп фермера, лежавший ничком в канаве. Дело происходило таким же ранним утром, как и сейчас, так же резко пахли цветы. Перевернув тело и увидев, что горло перерезано от уха до уха, местные следователи в один голос назвали имя. Они точно знали, кто был убийцей.

— Томас Добряк, — вслух произнес Роскани и почувствовал, как по всему его телу пробежал озноб.

Томас Добряк. До сих пор он даже и не вспоминал о нем. Террорист не давал о себе знать самое меньшее три года, если не больше; считалось, что он или заболел, или отошел от дел, или и то и другое и ведет относительно безопасную жизнь в Судане.

— Господи!

Роскани резко повернулся и бегом устремился к вилле. На часах было без двадцати восемь утра. Через двадцать минут должен был начаться повальный обыск домов.

*Белладжио. Пристань автомобильного парома.**То же время*

Гарри смотрел, как вооруженные до зубов карабинеры проверяли документы у мужчины и женщины, сидевших в темной «ланчии», которая шла прямо перед ними. Первым делом мужчине приказали выйти и открыть багажник. Убедившись, что там ничего подозрительного нет, пару отпустили. «Ланчия» заехала на ведущую к парому эстакаду, и полицейские повернулись к ним.

— Наша очередь... — прошипел сквозь зубы Гарри, чувствуя, как резко ускорился его пульс.

Они впятером сидели в белом микроавтобусе «форд» с нанесенной на двери эмблемой церкви Святой Клары.

За рулем был отец Ренато, рядом с ним Елена, а в салоне — Гарри, Дэнни и молодой, с почти детским лицом священник отец Наталини. Елена в деловом костюме, лицо наполовину скрыто огромными солнцезащитными очками, волосы заплетены в косу, собранную в тугий узел. Священники были в своих обычных черных одеяниях с белыми воротничками. Дэнни и Гарри тоже облачились в черное, длинные пиджаки, застегнутые под горло, они оставили бороды, а на головы надели круглые шапочки — пилеолусы. Оба беглеца походили на раввинов, в чем и заключалась вся идея.

— Я их знаю, — тихонько сказал отец Ренато, взглянув на карабинеров, подходивших к машине с обеих сторон. — Buon giorno, Альфонсо, Массимо.

— Padre Renato! Buon giorno. — Альфонсо, первый из карабинеров, был утрашающего вида богатырем, но, узнав машину, отца Ренато, а потом и отца Наталини, сразу же расплылся в улыбке. — Buon giorno, Padre.

— Buon giorno, — улыбнулся в ответ отец Наталини со своего места рядом с Дэнни.

В следующие девяносто секунд, на протяжении которых отец Ренато болтал с полицейскими по-итальянски, Гарри казалось, что сердце у него вот-вот остановится. Ему удалось разобрать лишь несколько слов: «Rabbino... Israele... Conferenza Cristiano Igiudea».^[34]

Идея с раввинами принадлежала Гарри. Он позаимствовал ее из кино. Безумная и нелепая затея. И сейчас, сидя в микроавтобусе, еле дыша от страха, ожидая, что карабинеры перестанут болтать и прикажут им, как тому мужчине из «ланчии», выйти из машины, он нещадно бранил себя за то, что позволил этой чертовщине прийти ему в голову. Но ведь нужно было что-то делать, причем очень быстро, когда Елена в сопровождении отца Ренато вошла на рассвете в его келью и сообщила, что мать настоятельница нашла для них место, где можно будет остановиться — в Швейцарии, совсем рядом с границей.

Отец Ренато, получивший одобрение своего церковного начальства, согласился помочь им с переездом туда, но не знал, как это сделать. А Гарри, когда одевался, рассеянно глянул в зеркало, увидел свою бороду и вспомнил бороду Дэнни. Мысль, конечно, бредовая, но шанс на успех все же был, учитывая, во-первых, то, как им удалось накануне дважды

проскочить через контрольный пункт, и, во-вторых, что Ренато и Наталини были не просто священниками, но местными жителями и знали всех, включая полицию.

Тогда-то и родилась эта мысль, навеянная лос-анджелесским бытом. Конечно, Гарри официально был католиком, но, работая в кино- и шоу-бизнесе, нельзя не иметь среди друзей и клиентов множество иудеев. Его уже много лет подряд приглашали на пасхальные седеры, он побывал на бесчисленном количестве завтраков в «Дели Ната и Ала»^[35] в Беверли-Хиллз, этом оазисе еврейских писателей и комедиографов, регулярно навещал с клиентами их соплеменников в окрестностях Файрфокса и Беверли, Пико и Робертсона. Не единожды он удивлялся сходству ермолки с шапочкой католиков, которую в Италии называли цуккетто, черных пиджаков раввинов — с одеянием священников и епископов. И теперь, удачно или нет, но они с Дэнни превратились в раввинов из Израиля, приехавших в Италию в связи с давно уже продолжающейся дискуссией католиков и иудеев. Елена стала сопровождающим их гидом и переводчиком из Рима. Вот только не дай бог кому-нибудь захочется заговорить с ними на иврите.

— Fuggitivo, — резко бросил один из карабинеров.

И у Гарри снова душа ушла в пятки.

— Fuggitivo, — кивнул отец Ренато и добавил столь же резкую короткую фразу по-итальянски.

Судя по всему, оба карабинера согласились с ним, потому что неожиданно для Гарри отступили и одновременно взмахнули руками, разрешая машине въехать на паром.

Гарри взглянул на Елену и увидел, что отец Ренато переключил передачу. Почувствовал, как машина тронулась. Проехала вверх по погрузочной рампе и оказалась на палубе парома. Оглянувшись, он увидел, что полицейские подошли к следовавшей за ними машине. Увидел, как ее пассажиров заставили выйти, показать документы и стоять рядом, пока полицейские старательно обшаривали автомобиль.

Никто из сидевших в микроавтобусе не смел переглянуться с соседом. Все молча ждали, когда же пройдут мучительно долгие десять минут, паром заполнится машинами, въездная рампа поднимется и судно двинется в путь.

Гарри чувствовал, что весь взмок. Сколько еще раз удастся им избежать опасности? Как долго будет продолжаться их везение, если все это можно назвать везением?

* * *

Паром был первым этапом путешествия. Он отправился в Меннаджио в семь часов пятьдесят шесть минут, ровно за четыре минуты до того, как итальянская армия приступила к прочесыванию всего белладжийского полуострова, и через пятнадцать минут после того, как грузовичок покойного Сальваторе Белзито обнаружили на улице в полумиле от церкви Святой Клары. Отец Наталини отогнал его туда незадолго до шести, тщательно протер рулевое колесо и рычаг коробки передач и поспешно вернулся в храм.

Второй этап — пересечение границы из Италии в Швейцарию — должен был стать куда более трудным, если не невозможным, поскольку и отец Ренато, и отец Наталини точно знали, что не имеют знакомых среди людей пограничного поста Gruppo Cardinale. Спасло их то, что отец Наталини родился и вырос в Порлецце, маленьком городке неподалеку от Меннаджио, и знал все дороги, извиляющиеся среди предгорий и переваливающие за барьер

Альп, как может знать только местный житель. По этим узким горным дорогам они обогнули пограничный пост Gruppo Cardinale в Ории и в двадцать две минуты одиннадцатого благополучно оказались в Швейцарии.

*Ватикан. Башня Святого Иоанна.**11 часов 00 минут*

Марчиано стоял перед застекленной дверью, единственным источником дневного света в его комнате и единственным выходом из нее, если не считать запертой снаружи и охраняемой входной двери. У него за спиной, словно всевидящее око, мерцал экран телевизора, на который он больше не мог глядеть.

Конечно, можно было выключить телевизор, но Марчиано этого не сделал бы. Эту черту его характера Палестрина понимал хорошо, даже слишком хорошо, иначе не приказал бы оставить двадцатидюймовый телевизор «Нокия» в этой до недавнего времени роскошно обставленной комнате гостевых апартаментов, когда распорядился вынести отсюда все, кроме самого необходимого — кровати, письменного стола и стула, — и запереть снаружи коридор, в который выходила дверь, чтобы перекрыть доступ туда из остальной части здания.

«Количество погибших в Хэфэе достигло шестидесяти тысяч шестисот человек и продолжает увеличиваться. Никто не может предсказать, когда же трагедия прекратится».

Голос репортера, передававшего сухую информацию с места событий, раздавался за его спиной. Марчиано не было нужды смотреть на экран. Там, несомненно, красовался все тот же самый цветной график, который показывали ежечасно, чтобы продемонстрировать динамику смертности в месте бедствия, словно речь шла о социологическом опросе избирателей, отходящих от урн для голосования.

В конце концов Марчиано открыл дверь и вышел на крохотный балкончик. На него повеяло свежим воздухом, а звук, доносящийся из телевизора, к счастью, ослаб до нечленораздельного бормотания.

Вцепившись в железный поручень балкона, он закрыл глаза. Как будто если не видеть окружающее, ужас может стать меньше. Но в темноте ему явилось другое видение — холодные, заговорщицкие лица кардинала Матади и монсеньора Капицци, бесстрастно глядевших на него с противоположного сиденья лимузина, когда они возвращались в Ватикан из китайского посольства. А потом он увидел, как Палестрина поднял трубку автомобильного радиотелефона и негромким голосом потребовал позвать Фарела, как взгляд государственного секретаря уперся в глаза Марчиано и не отрывался, пока он ждал ответа начальника службы безопасности Ватикана. А потом услышал негромкие, очень спокойные слова госсекретаря: «Кардиналу Марчиано стало плохо в машине. Приготовьте для него комнату в башне Святого Иоанна».

Это устрашающее воспоминание заставило Марчиано открыть глаза и вернуться туда, где он находился сейчас. Снизу на него смотрел ватиканский садовник. Впрочем, он почти сразу же отвернулся и вновь занялся своим делом.

Сколько сотен раз, думал Марчиано, он приходил в эту башню, чтобы приветствовать высокопоставленных единоверцев из других стран, останавливавшихся в этих почетных апартаментах? Сколько раз смотрел он снизу, точно так же, как этот труженик, на забавный крохотный балкончик, на котором сейчас стоял, совершенно не догадываясь о том, что он являет собой столь зловещее предзнаменование?

Балкон, торчавший, словно платформа вышки для прыжков в воду, на высоте в сорок футов над землей, представлял собой единственный выступ на цилиндрическом теле башни от низу до верху. Выход, ведущий в никуда. Платформа, окруженная тонкой, изящной железной решеткой, была лишь немногим шире двери и выступала не более чем на два фута. Отвесная стена поднималась над ней еще на тридцать футов, до выдававшихся наружу окон верхних апартаментов. Глядя снизу, нельзя было увидеть, что делается над этими окнами, но Марчиано знал, что они под самой крышей и над ними проходит кольцевая галерея, а венчает все здание обнесенная защитным барьером крыша.

Другими словами, отсюда нельзя было выбраться ни наверх, ни вниз, ни направо, ни налево, так что оставалось совершенно непонятным, какой смысл вообще имеет этот балкон. Разве что стоять здесь, дышать римским воздухом и любоваться зеленью расстилающихся внизу ватиканских садов. И все. Этот отдаленный угол Ватикана был обнесен высокой крепостной стеной, воздвигнутой в девятом веке, чтобы воспрепятствовать проникновению внутрь варваров, а в другие времена, как, например, сейчас, служившей для того, чтобы не позволять выбираться наружу.

Марчиано медленно оторвал ладони от перил и вернулся внутрь, в замкнутое пространство своей комнаты, центром которой являлся телевизионный экран. На нем он видел то же самое, что и весь остальной мир: китайский город Хэфэй, с вертолета в прямой трансляции — сначала вид озера Чао, а потом множество огромных, похожих с воздуха на цирки-шапито шатров, установленных стройными рядами в городских парках, на открытой местности, поодаль от городских строений, а не появлявшийся в кадре корреспондент объяснял, что это такое: временные морги для умерших.

Марчиано резким движением выключил звук. Он будет смотреть на это, но слушать бесконечный комментарий — уже свыше всяких сил. Это был протокол, в котором во всех подробностях перечислялись его собственные преступления, совершенные, напоминал он себе вновь и вновь, в безнадежных попытках сохранить здравомыслие, поскольку Палестрина взял его заложником, используя его любовь к Богу и церкви.

Да, он был виновен. Как и Матади, и Капицци. Они все предоставили Палестрине свободу творить этот ужас. Но еще хуже, если, конечно, что-то могло быть хуже того, что он сейчас видел на экране, было знать, что Пьер Вегген уже принялся обрабатывать Янь Е. А китайский банкир, душевный и искренний человек, это Марчиано точно знал, должен быть глубоко напуган тем, что выглядело бунтом природы против попыток человека обуздать ее, и приложит все силы, чтобы убедить руководителей Коммунистической партии прислушаться к предложениям Веггена и немедленно приступить к масштабной перестройке всей китайской системы водоснабжения. Но даже если они и согласятся встретиться с Веггеном, для принятия окончательного решения потребуется время. Которого нет. Поскольку Палестрина уже направил своих диверсантов ко второму озеру.

Елена почти не смотрела на Гарри с тех пор, как помогла ему одеть и усадить в автобус Дэнни. Он склонялся к мысли, что она очень смущена ночным приходом к нему и своим признанием и теперь не знает, как выпутаться из создавшегося положения. Его очень удивляло, насколько сильно это событие подействовало на него и продолжало действовать до сих пор. Елена, эта умная, красивая, смелая и заботливая женщина, внезапно нашла самое себя и возжелала свободы, чтобы выразить свои чувства. А из того, как она явилась в темноте, босиком, к нему в комнату с глубоко личным признанием, он сделал однозначный вывод: она хотела, чтобы именно он помог ей в этом. Беда заключалась в том, что, как он сказал себе в тот самый момент, время было для этого самое неподходящее и ему следовало на корню пресечь все мысли о лирике — слишком уж много вокруг трудностей и опасностей. И поэтому теперь, когда машина спускалась с холмов по петляющей дороге, ведущей на север вдоль берега озера Лугано, а потом проезжала по виале Кастаньола, через реку Кассарате и по виа Серафино-Балестра до находившегося на виа Монте-Ченери небольшого, но щедро украшенного лепниной частного дома, он сознательно заставлял себя думать о том, что делать дальше.

Больше невозможно было продолжать метаться из одного места в другое в положении преследуемых преступников и рассчитывать на то, что кто-нибудь еще согласится им помочь. Дэнни требовалось тихое и безопасное место, где он мог отдохнуть и поправиться хотя бы немного, чтобы иметь возможность разумно поговорить с Гарри об убийстве кардинала-викария Рима. Не менее важно было отыскать солидное юридическое подкрепление. Гарри знал, что этими вещами он должен заняться в самую первую очередь.

* * *

— Приехали? — слабым голосом спросил Дэнни, когда отец Ренато поставил машину на ручной тормоз и выключил мотор.

— Да, отец Дэниел, — с полуулыбкой ответил отец Ренато, — слава богу.

Выходя из автобуса, Елена заметила, что Гарри, взявшись за ручку сдвижной двери, бросил на нее быстрый взгляд, но сразу же отвернулся к отцу Наталини, который уже открыл задние двери машины и достал оттуда инвалидное кресло. Отец Дэниел почти всю дорогу молчал и глядел в окно на проплывавшие там пейзажи. Елена готова была поручиться, что он никак не мог отойти после тяжелых и мучительных испытаний последних сорока восьми часов. Ему необходимо поесть, а потом выспаться, насколько возможно.

Отойдя в сторону, она смотрела, как Гарри и отец Наталини подхватили Дэнни под руки, усадили в кресло и быстро внесли по лестнице на второй этаж дома на виа Монте-Ченери. После того, что произошло минувшей ночью, она чувствовала скорее неловкость, чем смущение. В спонтанном эмоциональном порыве, который заставил ее отправиться к Гарри, она открылась сильнее, чем намеревалась, и уж, во всяком случае, намного больше,

чем позволяли принесенные ею обеты. Но сделанного не воротишь. Теперь нужно было лишь решить, как себя вести. Потому-то она весь день не могла ни смотреть на Гарри, ни говорить ему что-либо сверх самого необходимого.

Внезапно дверь, к которой вела лестница, открылась, и появилась хозяйка дома.

— Заходите, быстро! — приказала Вероника Ваккаро и посторонилась, чтобы пропустить их внутрь.

Как только приехавшие вошли, она тут же захлопнула дверь и оглядела всех, словно сравнивая их. Вероника — миниатюрная женщина средних лет в темной одежде, прямо-таки кипевшая от избытка энергии, художница и скульптор — сыпала отрывистыми фразами, в которых были самым невероятным образом перемешаны французские, английские и итальянские слова. Прежде всего она строго глянула на отца Ренато.

— Merci. Теперь можете ехать. Capisce?^[36]

Даже не предложила отдохнуть, умыться, хотя бы воды выпить с дороги! Нет, просто велела ему и отцу Наталини убираться.

— А что делает церковная машина из Белладжио перед частным домом в Лугано? Сейчас кто-нибудь звякнет в полицию и доложит, где вы есть.

Отец Ренато понимающе улыбнулся и кивнул. Вероника была права. Но когда священники уже повернулись, чтобы уйти, Дэнни, изумив всех, взялся за поручни колес и подкатил кресло вперед, чтобы пожать им руки.

— Grazie. Mille grazie,^[37] — с глубоким чувством произнес он.

Конечно же, он понимал, насколько сильно рисковали священники, взявшись перевезти его.

Затем священники ушли, и Вероника, сказав, что сейчас приготовит что-нибудь поесть, тоже удалилась сквозь одну из полдюжины абстрактных скульптур, стоявших словно гигантские иероглифы в не слишком просторной, залитой солнцем комнате, и скрылась за находившейся позади изваяния дверью.

— Отцу Дэниелу нужно отдохнуть, — заявила Елена, как только дверь за хозяйкой закрылась. — Спрошу Веронику, куда его поместить.

Гарри смотрел, как она шла по комнате. Когда она скрылась за той же дверью, что и Вероника, он еще несколько секунд смотрел в ту сторону, а потом повернулся к брату. Двое бородатых мужчин в черных одеждах и черных шапочках, точь-в-точь похожих на ермолки, выглядели как раз так, как им следовало выглядеть, — как настоящие раввины.

До сих пор Гарри сдерживался, желая дать брату как можно больше времени на физическое и умственное восстановление. Но живость, с которой брат двинулся, чтобы поблагодарить священников, заронила в Гарри подозрение, что Дэнни в несколько лучшем состоянии, чем хочет показать. И теперь, оставшись с братом наедине, он дал волю своему гневу. Ему уже пришлось немало вытерпеть ради него. И какой бы ни была правда, настало время узнать ее.

— Дэнни, ты мне звонил. Оставил запись на автоответчике... Ты помнишь? — Гарри резким движением сорвал шапочку и сунул ее в карман.

— Да.

— Ты смертельно боялся чего-то. И выбрал чертовски удачный путь, чтобы поздороваться после стольких лет, да еще и через автоответчик... Чего ты боялся?

Дэнни медленно поднял взгляд на Гарри.

— Не мог бы ты сделать для меня одно доброе дело?

— Какое?

— Убраться отсюда как можно скорее.

— Убраться отсюда?

— Да.

— Мне? По собственной воле?

— Гарри, если ты не уедешь... они тебя убьют.

Гарри пристально уставился на брата.

— Кто — они?

— Уезжай. Прошу тебя.

Гарри обвел взглядом комнату, а потом вновь посмотрел на Дэнни.

— Наверное, стоит сказать тебе одну вещь, которую ты не знаешь или забыл. Дэнни, нас обоих ловят как убийц. Тебя...

— ...За убийство кардинала-викария Рима, а тебя — за убийство детектива из Рима, — перебил его Дэнни. — Я видел газету, которая для меня не предназначалась.

Гарри замаялся, пытаясь сообразить, как вести себя дальше. В конце концов он спросил попросту:

— Дэнни, это ты убил кардинала?

— А ты убил копа?

— Нет.

— И я тоже не убивал, — решительно заявил Дэнни.

— Дэнни, у полиции куча улик против тебя. Фарел показывал мне твою квар...

— Фарел? — на полуслове перебил его Дэнни. — Оттуда-то и идут все эти улики!

— Что ты имеешь в виду?

Дэнни долго молчал, а потом отвел взгляд. Выражение его лица говорило, что он уже наболтал лишнего и больше ничего не скажет.

Гарри сунул руки в карманы и медленно осмотрел всю коллекцию скульптур Вероники. Затем вновь повернулся к брату.

— Дэнни, ты был в автобусе, который взорвался. Все решили, что ты погиб... Как тебе удалось выбраться?

Дэнни тряхнул головой.

— Не помню...

— И не только выбраться, — наседал Гарри. — Ты еще и умудрился засунуть свое служебное удостоверение, паспорт и очки в чей-то чужой карман...

Дэнни промолчал.

— Автобус шел в Ассизи. Это ты помнишь?

— Я... я часто там бываю. — Глаза Дэнни полыхнули гневом.

— Неужели?

— Да! Гарри, проваливай отсюда. Немедленно. Пока еще есть возможность.

— Дэнни, мы с тобой не разговаривали много лет. Так что не гони меня так сразу. — Взяв стул, Гарри развернул его и, усевшись перед Дэнни, откинулся на спинку. — Кого ты так боялся, когда звонил мне?

— Не знаю...

— Фарела?

— Я же сказал — не знаю.

— Знаешь, Дэнни, — чуть слышно произнес Гарри, — потому-то они и попытались

убить тебя в автобусе. Потому этот блондин отправился следом за тобой в Белладжио и полез в пещеру.

Дэнни посмотрел на потолок и покачал головой.

— Кто-то вытащил тебя оттуда и отвез в пескарскую больницу. Подключил к делу настоятельницу Елены... Она дала задание Елене, и теперь этой женщине грозит такая же опасность, как и нам с тобой...

— Ну так заведи ее с собой! — вдруг вспыхнул Дэнни.

— Дэнни, кто тебе помогает?

Дэнни словно не слышал этих слов.

— Кардинал Марчиано? — усилил натиск Гарри.

Дэнни резко вскинул голову, сверкнув глазами.

— Откуда ты знаешь о кардинале Марчиано?

— Дэнни, я виделся с ним. И не раз. Он посоветовал мне держаться подальше от происходящего. И не пытаться искать тебя. А перед тем старался убедить меня, что ты мертв. — Гарри немного помолчал и вновь пошел на приступ: — Это Марчиано, да? Он всем заправляет?..

Взгляд Дэнни, устремленный на брата, вдруг сделался пустым.

— Гарри, я тебя не понимаю. Ничего не понимаю. Когда это я тебе звонил? Когда ездил в Ассизи? Кто мне помогал? Ничего не знаю. Пусто. Кранты. Память отшибло напрочь. Тебе понятно?

Гарри снова сделал паузу, но не отступил.

— Что происходит в Ватикане?

— Гарри, — голос Дэнни внезапно сорвался, — убирайся отсюда ко всем чертям, пока тебя не пришили!

Роскани не обращал ни малейшего внимания на густой рокот двигателей вертолета, который описал широкую дугу над серым пригородом Милана и устремился дальше на юго-восток в направлении Сиены; его всецело занимал лежавший у него на коленях факс, только что пришедший из Интерпола. Почти все содержание его он знал заранее.

«ТОМАС ХОСЕ АЛЬВАРЕС-РИОС, основная кличка ДОБРЯК.

ДАННЫЕ ИНТЕРПОЛА: Один из самых знаменитых террористов мира. Впервые стал известен после убийства сотрудников французской антитеррористической полиции. Прибегает к самому жестокому насилию. Всегда ловко скрывается. При первой возможности должен быть задержан и взят под стражу. Чрезвычайно опасен.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ: Убийства, похищения, взрывы, захват заложников, угон самолетов.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ: Эквадор».

Роскани читал дальше.

«ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ: Мастер маскировки. Владеет многим языками, из них свободно: итальянским, французским, испанским, арабским, фарси, английским, американским английским. Крайний индивидуалист. Работает в одиночку. Несмотря на это, обладает широкими связями в террористическом подполье всего мира.

ПРОЧЕЕ: Своеобразная революционная идеология.

ПОСЛЕДНЕЕ МЕСТО ПРЕБЫВАНИЯ: Хартум, Судан.

РЕЗЮМЕ: Крайняя социопатия. Наемный убийца. Требует наивысшие ставки оплаты».

На этом официальная справка заканчивалась. Внизу было от руки приписано несколько строк:

«О каких-либо выездах объекта за пределы Судана неизвестно. Внешняя разведка Франции проводит по вашему запросу уточнение информации. О полученных результатах вы будете немедленно уведомлены».

— А я могу сказать тебе прямо сейчас, — проворчал себе под нос Роскани, закрыв тонкую папочку и кинув ее на соседнее сиденье, — что нет его ни в каком Судане. Он в Италии.

Запустив руку в карман куртки, он вытащил большой кусок бисквита в целлофановой обертке, перехваченной для страховки резинкой. Развернув обертку, он отхватил зубами кусок с такой же жадностью, с какой прежде затягивался, прикуривая сигарету. Его мысли вернулись в миланский городской морг, где он был всего полчаса назад.

Труп Альдо Чианетти, двадцатилетнего модельера одежды, обнаружили в подсобном помещении женской уборной станции техобслуживания на автостраде А9 на

полдороге от Комо до Милана. Ему перерезали горло и заткнули рану туалетной бумагой. Через четыре часа новый темно-зеленый «БМВ» Чианетти обнаружили на стоянке возле миланского «Палас-отеля».

— Томас Добряк... — сказал Роскани, ни к кому не обращаясь.

Другие следователи могли и не согласиться с ним, но он-то нисколько не сомневался в том, кто был этим убийцей, столь охотно и умело пользующимся острыми предметами. Ему удалось каким-то образом выскользнуть из облавы, устроенной Gruppo Cardinale, после чего он решил добраться из Белладжио в Милан, уговорил молодого Чианетти подвезти его, а потом убил. А куда же он отправился из Милана? Или он до сих пор скрывается где-нибудь там?

Но все же главным оставался вопрос, зачем он вообще вернулся в Италию, где за ним охотится вся полиция страны, когда мог без труда перебраться в относительно безопасную для него Швейцарию и оттуда улизнуть еще дальше? Почему? Что же в Италии было столь важным для него, что он пошел на такой риск?

Лугано, Швейцария. 14 часов 00 минут

Гарри подвинул Елене кресло, и она села.

— Благодарю вас, — сказала она, все так же не глядя на него.

Стол был накрыт на двоих: порезанная ломтиками дыня, ветчина и небольшой графин с красным вином. После того как они покормили Дэнни и уложили его в спальне этажом выше, Вероника выставила их на уютную бугенвиллеями крытую террасу. Приказав им садиться и есть, она сразу же умчалась в дом, и они остались наедине, впервые с того момента, когда Елена ночью пришла в комнату Гарри.

— Что произошло у вас с братом? — спросила Елена, когда Гарри уселся напротив нее. — Вы поссорились, я это заметила сразу, как только вернулась в ту комнату.

— Пустяки. Братья есть братья, вот и все. Мы давно не общались.

— На вашем месте я говорила бы о полиции. И об убийстве кардинала-вика...

— Но вы же не на моем месте, правда? — резко оборвал ее Гарри.

Тем разговором, который произошел у него с братом, он не собирался делиться с ней. Во всяком случае, сейчас.

Елена искоса взглянула на него, а потом нерешительно взяла нож и вилку и принялась за еду. В этот момент легкий порыв ветерка взъерошил ее волосы, и она подняла руку, чтобы поправить их.

— Простите... Я не хотел разговаривать с вами так резко. Просто дела обстоят...

— Мистер Аддисон, вам необходимо поесть, — сказала Елена, глядя в тарелку.

Она отрезала маленький кусочек дыни, потом такой же маленький кусок ветчины, медленно положила нож и вилку, решительно вскинула голову и заговорила о другом.

— Я хочу... хочу попросить у вас прощения за то, что прошлой ночью повела себя несколько... экзальтированно.

— Вы просто сказали то, что чувствовали, — мягко ответил Гарри.

— Для меня это действительно было экзальтированно, и я прошу у вас прощения.

— Видите ли... — начал Гарри, но вдруг резко отодвинул кресло от стола, подошел к перилам террасы и окинул взглядом скопище оранжевых и почти белых черепичных крыш

раскинувшегося внизу города Лугано. — Что бы вы ни чувствовали, — сказал он, оглянувшись на Елену, — и каким бы чувством ни отвечал вам я, мы не можем ему подчиниться. Я уже сказал это себе, — его голос сделался почти нежным, — а теперь говорю вам. Поэтому я так грубо перебил вас минуту назад. Мы в беде, в большой беде, и должны ее одолеть. Возможно, Вероника исключительная женщина, но здесь нам продолжает грозить опасность. Роскани уже должен понять, что мы ускользнули от него. Лугано находится слишком близко к итальянской границе. Очень скоро швейцарская полиция перевернет город вверх дном. Если бы Дэнни мог ходить, все было бы по-другому, но...

Он вдруг осекся.

— Но что?

— Я... я только что сообразил... — Гарри задумчиво уставился в пространство. — Сегодня среда. В понедельник я высадил одного моего друга из машины в Комо, и он отправился пешком сюда, в Лугано. Это недалеко, но ему от этого ничуть не легче, потому что его тоже ищет полиция, а он калека и передвигается на костылях. — Гарри вновь повернулся к ней. — Но он все равно пошел. Улыбнулся мне и пошел, потому что верил, что сможет, и потому что стремился к свободе... Его зовут Геркулес. Он карлик. Я всей душой надеюсь, что ему это удалось.

Елена ласково улыбнулась.

— Я тоже.

Гарри некоторое время смотрел на нее, а потом вдруг снова уставился на город. Он намеренно отвернулся от Елены, чтобы не показать, насколько сильной оказалась захлестнувшая его волна эмоций. Он сам не мог понять, почему все, что случилось за последнее время, — то, что Дэнни действительно оказался живым, и встреча и общение с Еленой, и возникший в памяти, как наяву, Геркулес, который, движимый своей неистребимой жадной жизни, долгой и нормальной жизни, смело шел, вихляясь на костылях, прочь от Комо в свете угасающего дня, — так сильно растрогало его.

До этого момента он ни разу не задумывался о том, насколько поразительными достоинствами могут обладать люди, или о том, насколько красива Елена (хотя все это время почти неотлучно находился рядом с ней). Теперь же он понял, что воспринимает ее как самого чистого, самого привлекательного и самого живого человека среди всех, кого он мог припомнить. Возможно, единственного достойного звания настоящего человека из тех, кого он знал (или считал, что знает) с детских лет. И что если он не будет постоянно настороже, все его высокопарные заявления не будут стоить ни гроша, потому что он без памяти втрескается в нее. А если это случится, их всех непременно убьют.

Неожиданно Гарри вырвал из размышлений донесшийся снизу резкий звонок. Он рывком повернулся к двери. Елена — тоже. Наступила недолгая тишина, а потом звонок прозвучал снова. Кто-то стоял внизу у парадной двери.

Спустя буквально полсекунды в коридор вылетела Вероника, схватила трубку домофона, что-то сказала, выслушала ответ и сразу же нажала кнопку, впустив пришельца в дом.

— Кто пришел? — спросил Гарри, вышедший в коридор почти одновременно с ней.

За его спиной стояла Елена.

Вероника безмятежно взглянула на них.

— Один человек к вашему брату, — преспокойно сообщила она, открывая дверь на лестницу.

— Но кто мог знать, что он находится здесь?

Гарри слышал шаги на лестнице. Одного человека, от силы двух. Мужские шаги — женщина ступала бы легче. И кто же это? Блондин? Или же священники из Белладжис решили сыграть с ними шутку — предоставить убийце оперативный простор вдали от людей Роскани. А возможно, они сговорились со швейцарской полицией и это пришли детективы, чтобы арестовать беглецов. А почему бы и нет? Священники небогаты, а за содействие поимке беглецов объявлена серьезная награда. Может быть, священники и не возьмут денег, но Веронике ничего не мешает это сделать, а потом поделиться с ними.

Гарри оглянулся через плечо на Елену и кивнул в сторону ведущей наверх лестницы. Она проскользнула мимо него и неслышно взбежала по ступенькам туда, где находился Дэнни.

Шаги звучали все громче. Пришедший (теперь было ясно, что он один), продолжал подниматься. Гарри двинулся вперед, чтобы запереть дверь.

— Все в порядке, — остановила его Вероника.

А пришелец уже почти дошел до верха. Да, мужчина, один; лицо в тени было трудно разглядеть. Точно не блондин — совсем иной человек, выше ростом. В джинсах и тонком свитере. Вот он переступил порог. И Гарри узнал темные курчавые волосы, черные глаза за очками в темной оправе.

Отец Бардони.

Преподобная мать Кармела Фенти была миниатюрной женщиной шестидесяти трех лет от роду. Во взгляде ее блестящих глаз странным образом сочетались неиссякаемый юмор и глубокое участие. Сидя в своем тесном, аскетически обставленном кабинете на втором этаже больницы Святого Бернардина в Сиене, она изливала это участие на Роскани точно так же, как несколько ранее на местных полицейских; она рассказывала ему, что ранним вечером шестого июля, это был понедельник, ей позвонила из Пескары сестра Мария Купини, администратор францисканской больницы Святой Чечилии, и сообщила, что к ней доставили пациента, пострадавшего в автомобильной катастрофе, молодого ирландца, вроде бы не имеющего родственников. У него серьезное сотрясение мозга, сильные ожоги и еще несколько опасных травм. У сестры Купини не хватает медиков. Не могла бы мать Фенти ей помочь?

Конечно, она могла. Но это было все, что мать Фенти знала о происходящем до тех пор, пока к ней не явились полицейские. Она не имела обыкновения без крайней необходимости связываться с сестрами-монахинями, откомандированными в другие больницы.

Роскани: «Вы знакомы с сестрой Купини лично?»

Мать Фенти: «Нет».

Роскани: «Матушка Фенти. — Роскани немного помолчал, присматриваясь к администраторше, а потом продолжил: — Сестра Купини сообщила полиции в Пескаре, что вовсе не звонила вам. Она также сообщила, и больничная документация это подтверждает, что не имела никакого понятия о том, что в это время в ее больницу направляли какую-либо жертву автомобильной аварии. Однако она признала, что в больницу Святой Чечилии был без ее ведома доставлен безымянный пациент, мужчина, пробывший там около семидесяти двух часов под присмотром своего собственного медицинского персонала. Что интересно, никто, кажется, не знает, кто поместил его туда и каким образом его доставка и госпитализация были организованы».

Мать Фенти: «*Ispettore caro*, я совершенно не осведомлена о порядках в больнице Святой Чечилии. Я знаю лишь то, что мне было сказано и чему я поверила».

Роскани: «Позвольте мне добавить, что полиция Пескары слыхом не слыхала о какой-либо автомобильной аварии в их районе за это время».

Мать Фенти: «Повторяю, мне известно лишь то, что мне сообщила сестра-францисканка, не верить которой у меня не было оснований. — Мать Фенти выдвинула ящик стола и извлекла оттуда потрепанный блокнот-ежедневник. Перевернула несколько страниц, отыскала то, что хотела, и протянула блокнот Роскани. — Здесь я веду полный учет всех своих телефонных разговоров. Вот тут, — она ткнула пальцем в середину страницы, — вы видите, что этот телефонный разговор начался шестого июля в девятнадцать десять и закончился в девятнадцать шестнадцать. Имя и должность звонившего отмечены в крайнем правом столбце. Сестра Мария Купини. Администратор больницы Святой Чечилии в Пескаре. Как видите, записано пером. Так что не вырубить даже топором».

Роскани кивнул. Он уже ознакомился с документами телефонной компании, содержащими ту же самую информацию.

Мать Фенти: «Но если женщина, с которой я разговаривала, не была сестрой Купини, то почему же она так назвалась?»

Роскани: «Потому что какому-то человеку, знающему порядки, понадобилось отыскать медицинскую сестру, которая ухаживала бы за беглым священником, отцом Дэниелом Аддисоном. И этой сестрой стала ваша монахиня Елена Восо».

Мать Фенти: «*Ispettore capo*, если это правда, то где же она? Что с ней случилось?»

Роскани: «Я этого не знаю. Но надеялся узнать от вас».

Мать Фенти: «Мне ничего не известно».

Роскани несколько секунд смотрел на нее, а потом поднялся и шагнул к двери.

Роскани: «Если позволите, преподобная мать, я приглашу еще одного человека, которому стоило бы послушать то, что я скажу».

Роскани открыл дверь и кивнул кому-то, ожидавшему в коридоре. На пороге тут же возник карабинер. А с ним исполненный достоинства седовласый мужчина, по виду ровесник матери Фенти. Одет он был в коричневый костюм с белой рубашкой и галстуком. И, несмотря на все его стремление казаться сильным и невозмутимым, нельзя было не заметить, что он растерян и, пожалуй, даже испуган.

Роскани: «Мать Фенти, это Доменико Восо, отец сестры Елены».

Мать Фенти: «Благодарю вас, *ispettore capo*, мы знакомы. *Vuon pomeriggio, signore*». [\[38\]](#)

Доменико Восо кивнул в ответ и сел в кресло, которое заботливо подвинул ему карабинер.

Роскани: «Преподобная мать, мы сообщили синьору Восо, в каком положении, по нашему мнению, оказалась его дочь. Она где-то занимается своим делом, заботясь об отце Дэниеле, и мы считаем, что она скорее жертва, чем сообщница. Тем не менее я хочу, чтобы вы оба поняли: ей угрожает чрезвычайно серьезная опасность. Кто-то пытается убить священника и, по всей вероятности, расправится со всеми, кого обнаружит рядом с ним. И этот человек не просто способен сделать такое, но еще и отличается чрезвычайной жестокостью».

Роскани взглянул на Доменико Восо; при этом выражение его лица и язык тела резко изменились: он вдруг превратился в отца, знающего, что он будет чувствовать, если узнает, что за кем-нибудь из его детей охотится Томас Добряк.

Роскани: «Мы не знаем, где находится ваша дочь, синьор Восо, но убийца вполне может это знать. Если вам известно, где она, очень прошу сказать это мне. Ради нее самой...»

Доменико Восо: «Я не знаю, где она. Хотя всем сердцем желаю, и вся наша семья желает знать это». При этом он бросил короткий умоляющий взгляд на мать Фенти.

Мать Фенти: «И я тоже этого не знаю, Доменико. И уже говорила об этом *ispettore capo*. — Она взглянула на Роскани. — Если мне станет это известно, если хоть кто-то из нас это узнает, мы сообщим вам первому. — С этими словами она поднялась. — Благодарю вас за то, что вы пришли ко мне».

* * *

Мать Фенти знала, где находится Елена Восо. А Доменико Восо действительно не знал. Так говорил себе Роскани, когда через двадцать минут сел за стол в комнатухе управления карабинеров в Сиене. А она знала. Но не собиралась раскрывать местонахождение монахини. Нисколько не думая, что разбивает тем самым отцовское сердце.

Несмотря на ласковое поведение и горящий любовью взгляд, настоятельница была в

душе очень жесткой и опытной, стреляной птицей, настолько суровой, что могла бы согласиться на гибель Елены Восо ради того, кому она подчиняется. А она кому-то подчинялась, потому что, хотя она и впрямь была видной персоной, на то, чтобы составить и осуществлять столь сложную интригу, ее личного влияния не хватило бы. Мать-настоятельница из Сиены не обладала реальной властью — ни церковной, ни тем более светской.

И хотя у него не осталось ни малейшего сомнения в том, что безымянный пациент, пролежавший несколько дней в пескарской больнице, был не кем иным, как отцом Дэниелом, он так же твердо знал, что сестра Купини будет придерживаться своей изначальной версии, именно той, которую приготовила для нее мать Фенти. Поскольку в этой части всем заправляла мать Фенти. А уж она-то не отступит со своей позиции. Поэтому он должен был найти путь, как обойти ее, причем чем скорее, тем лучше.

Откинувшись на спинку стула, Роскани отхлебнул холодного кофе. И в этот момент ему открылся путь; может быть, и не совсем путь, но приемлемый, в общем-то, вариант.

Джулия Луиза Фелпс чуть заметно улыбнулась мужчине, сидевшему напротив нее в вагоне первого класса, а затем повернулась к окну и погрузилась в созерцание сельских пейзажей, на смену которым вот-вот должны были прийти городские виды. Через несколько миль по сторонам от железнодорожных путей вырастут многоэтажные дома, склады и заводы. Через пятнадцать минут Джулия Фелпс, а если точнее, Томас Добряк окажется в Риме. Там он на такси доедет от вокзала до гостиницы «Мажестик» на виа Венето. И через несколько минут возьмет другое такси. Переправится через Тибр и доедет до «Амалии», пансиона на виа Джерманико, маленького и уютного, к тому же находящегося в весьма удобной близости к Ватикану.

За всю поездку от Белладжио до Рима он столкнулся лишь с одним затруднением — когда пришлось убить молодого модельера, с которым он познакомился на катере и который с легкостью согласился подвезти его на своей машине до Милана, куда направлялся сам. Но непродолжительная ночная автомобильная поездка неожиданно получилась весьма неприятной, поскольку молодой человек принялся шутить насчет бессилия полиции и ее неспособности изловить беглецов. При этом он слишком уж внимательно рассматривал Томаса Добряка, приглядывался к его широкополой шляпе, его одежде, к слишком толстому слою косметики, скрывавшему царапины на щеке, а потом заговорил о том, что кто-нибудь из беглецов вполне мог бы прикинуться женщиной. Скажем, убийца, который все время уходит из-под самого носа у полиции.

В прошлые времена Томас Добряк, скорее всего, постарался бы не обращать внимания на такие шуточки. Но не при том состоянии психики, в каком пребывал сейчас. Опасным для него свидетелем модельер не мог стать ни при каких обстоятельствах; все произошло само собой, под действием непреодолимой тяги к убийству, которая возникала в нем при первом же ощущении опасности. И того острого эротического чувства, которое приходило вместе с действием.

Это чувство, прежде очень смутное, практически неощутимое, стало стремительно усиливаться в последние недели, с убийства кардинала-викария Рима, а потом проявлялось со все большими страстью и накалом во время его операций в Пескаре и Белладжио, а потом в пещере. Сколько их там было? Семь мертвяков за несколько часов... Один за другим, один за другим...

А теперь, когда он сидел в поезде, въезжавшем в Рим, ему отчаянно захотелось прибавить к этому числу хотя бы единичку. Его эмоции, все его «я» внезапно обернулись против мужчины, сидевшего в вагоне первого класса напротив него. Мужчина улыбался, пытался слегка заигрывать с соседкой, но не делал абсолютно ничего, в чем можно было бы усмотреть хоть малейшую опасность. Боже мой, с этим надо кончать!

Он резко отвернулся от соседа и опять уставился в вагонное окно. Он болен. У него ужасное нервное расстройство. Может быть, он даже сходит с ума. Но ведь он — Томас Хосе Альварес-Риос Добряк. Черт возьми, разве он может с кем-нибудь поговорить? Разве есть на божьем свете хоть одно место, куда он мог бы обратиться за помощью, не боясь, что его

схватят и упрячут в тюрьму? Или, еще хуже, увидят его слабость и навсегда отвернутся от него и его услуг.

— Roma Termini, — сообщил из громкоговорителей металлический голос.

Поезд замедлял ход, подходя к станции, и пассажиры повставали с мест, чтобы забрать с полок над головами свои вещи. Джулии Луизе Фелпс не требовалось тянуться за своим чемоданом: мужчина, которого она одарила улыбкой, поспешил оказать любезность милой соседке.

— Большое вам спасибо, — сказал Томас Добряк совершенно женским голосом с сильным американским акцентом.

— Prego, — ответил сосед.

Почти сразу после этого поезд остановился, и они расстались. Еще раз улыбнулись друг другу. И пошли каждый своей дорогой.

Постучав в дверь спальни, Гарри отворил ее, и они с Еленой вошли. Дэнни был в комнате один; он сидел на кровати и напряженно смотрел на экран маленького телевизора, стоявшего на антикварном столике.

— А где отец Бардони? — осведомился Гарри.

Священник поднялся наверх для встречи с Дэнни уже более двух часов назад. И Гарри в конце концов надоело ждать. Он решил, что должен поговорить с отцом Бардони сам.

— Он ушел, — ответил Дэнни, не отрываясь от телевизора.

— Куда же?

— Вернулся в Рим.

— Ты хочешь сказать, что он приехал сюда из Рима и сразу же отправился обратно? Вот так просто взял и уехал?

Дэнни промолчал. Он все так же не сводил взгляда с экрана. По телевизору вели прямую передачу из Китая. В ночном Хэфэе стояла зловещая тишина. Репортеры ничего не говорили, лишь наблюдали за происходившим. Молчали и солдаты в комбинезонах противохимической защиты, респираторах и защитных очках, не пропускавшие журналистов за оцепление. А в отдалении отчетливо виднелись на фоне черного неба два тусклых оранжево-красных зарева. Никаких слов и не требовалось. А снимать крупные планы было просто невыносимо. Спасательные команды давно уже не справлялись, и был отдан приказ сжигать трупы во избежание возникновения новых эпидемий. В нижнем правом углу экрана была видна крупная надпись:

«Официальные данные — 77 606 умерших».

— Боже мой... — выдохнул Дэнни.

Он только сейчас узнал о происходящей в Китае трагедии. После ухода отца Бардони он включил телевизор, чтобы выяснить, что предпринимает полиция для его и Гарри поимки, и сразу наткнулся на репортаж из Хэфэя.

— Дэнни... — Гарри подошел к брату и взял его за плечо.

Дэнни резким движением поднял пульт дистанционного управления, лежавший рядом с ним на кровати, и направил на телевизор.

Экран потемнел.

Дэнни взглянул на Гарри, затем на Елену.

— Сестра, — негромко сказал он по-итальянски, — не могли бы вы оставить нас одних?

— Конечно, святой отец...

Елена бросила короткий взгляд на Гарри и вышла. Как только щелкнул язычок замка, Дэнни повернулся к брату.

— Кардинал Марчиано болен. Я должен вернуться в Рим. Мне нужна твоя помощь.

— В Рим? — не веря собственным ушам, переспросил Гарри.

— Да.

— Зачем?

— Я же тебе сказал.

— Нет, ты мне только сказал, что кардинал Марчиано заболел, то есть не сказал ничего.

Гарри свирепо взглянул на брата. Неожиданно для обоих они вернулись к недавнему разговору, который Дэнни так резко прервал.

— Я тебе уже говорил, что не могу сказать об этом.

— Ладно, не можешь так не можешь. Попробуем с другой стороны... Откуда отец Бардони узнал, что ты здесь?

— Мать настоятельница сестры Елены...

— Годится. Дальше.

— Что — дальше?! — вскинулся Дэнни. — Я должен попасть в Рим, только и всего. Ходить я не могу. Даже до сортира не доберусь без помощи...

— Почему ты в таком случае не отправился с отцом Бардони?

— Ему пришлось срочно вернуться. Из Милана он полетит на самолете. Ну а мне, пожалуй, не стоит лишний раз светиться в аэропорту, верно, Гарри?

Гарри потер ладонью подбородок. Дэнни не только мыслил совершенно четко, но и был очень решительно настроен.

— Дэнни, наши портреты круглосуточно передают по телевидению. Они напечатаны во всех газетах. Как ты думаешь, далеко нам удастся добраться по Италии?

— Добрались сюда, доберемся и куда нужно.

Гарри задумчиво разглядывал брата, пытаясь найти реплику, к которой тот не будет готов.

— Совсем недавно ты требовал, чтобы я убирался отсюда, пока меня не убили. А теперь уговариваешь отправиться напрямиком в пекло. С чего вдруг такие перемены?

— Тогда я не знал, что происходит.

— И что же происходит?

Дэнни промолчал.

Но Гарри не отступал:

— Что творится в Ватикане? Какая чертовщина там заварилась?

И опять Дэнни не ответил.

— Марчиано пытался заставить меня и всех остальных поверить, что ты умер, — наседал Гарри. — Он защищал тебя. Он сказал мне: «Они убьют вас обоих. Вашего брата за то, что он знает. А вас — из опасения, что он мог рассказать вам об этом». А теперь ты втянул в это еще и сестру Елену... Раз уж ты так спокойно ставишь все три наши жизни под угрозу, то можешь хотя бы рассказать, чего ради!

— Я не могу... — чуть слышным полупшепотом отозвался Дэнни.

— Объясни почему!

Гарри решительно настроился добиться ответа и был готов пойти чуть ли не на любую грубость.

— Я... — начал было Дэнни и осекся.

— Я сказал: объясни, черт бы тебя побрал!

Дэнни долго молчал, но потом все-таки заговорил:

— Гарри, в твоей профессии это называется адвокатской тайной. В моей — тайной исповеди. Теперь ты меня понимаешь?

— Марчиано исповедался тебе?

Гарри опешил от слов брата. Никогда в жизни он не воспринимал исповедь как что-то серьезное.

— Гарри, я не называл имен или званий. Я просто объяснил тебе, почему мне нельзя говорить.

Гарри отвернулся к небольшому окну, прорезанному в дальней стене. Впервые за всю свою взрослую жизнь ему захотелось, чтобы они оказались на одной стороне. Чтобы Дэнни всецело доверял ему и мог открыть всю правду. Но теперь было ясно, что этого он не сделает.

— Гарри, — чуть слышно проговорил Дэнни. — Кардинала Марчиано держат под арестом в Ватикане. Если я не приду, его убьют.

Гарри резко повернулся.

— Убьют? Кто — Фарел?

— Первый министр Ватикана. Кардинал Палестрина.

— Почему? — выдохнул Гарри.

Дэнни чуть заметно покачал головой.

— Я не могу тебе сказать.

Гарри быстро шагнул к кровати, на которой сидел Дэнни.

— Они хотят, чтобы ты явился к ним, и тогда обещают отпустить Марчиано, да?

— Да... Только ничего такого они не сделают, — добавил Дэнни. — Мы с отцом Бардони хотим вытащить кардинала оттуда. Потому-то он и отправился назад один, чтобы заняться подготовкой. И еще потому, что нам нельзя рисковать и путешествовать вместе, чтобы нас обоих не схватили.

— Так значит, ты собираешься вызволить Марчиано из Ватикана? — Гарри в полнейшем недоверии уставился на брата. — Два человека, один из которых инвалид, против Фарела и всей ватиканской службы безопасности? Дэнни, вы же собрались воевать даже не с двумя очень могущественными людьми, а с целым государством.

— Я знаю, — кивнул Дэнни.

— Ты спятил.

— Нет. Я очень тщательно и методично все продумал. Это возможно. Не забывай, я служил в морской пехоте. Меня там кое-чему научили...

— Нет! — перебил его Гарри.

— Что — нет?

— Повторяю: нет! — решительно и напористо произнес Гарри. — Верно, я тогда не приехал за тобой в Мэн, но приехал за тобой сейчас — из Нью-Йорка в Рим, в Комо, в Белладжио, в ту чертову дыру, где мы сейчас находимся. Так вот, я наконец-то приехал... и я выдерну тебя отсюда. Только не в Рим, а в Женеву. Я попытаюсь перевезти тебя туда, и мы сдадимся Международному Красному кресту. И я очень, очень надеюсь, что всеобщее внимание обеспечит нам хоть какую-то защиту.

Гарри резкими шагами подошел к двери. Взявшись за ручку, он вновь оглянулся на Дэнни.

— Брат, мне плевать на все остальное, но потерять тебя я не согласен. Ни ради Марчиано, ни даже ради самого Святого престола, я не отдам тебя ни Фарелу, ни Палестрине, ни кому-нибудь другому... — Голос Гарри дрогнул. — Я не соглашусь потерять тебя в этой заварухе, как когда-то потерял Маделин на льду.

Гарри еще пару секунд смотрел на Дэнни, чтобы убедиться, что тот понял его, а потом

открыл дверь и шагнул через порог.

— Я — это я! — громко произнес Дэнни, и Гарри словно ножом ударило в спину.

Он так и застыл на месте. Когда же он повернулся, Дэнни смотрел ему в глаза.

— Тебе исполнилось тринадцать. Ты увидел эти слова, написанные мелом на камне, когда шел из школы той самой длинной дорогой, по которой ходил, если хотел подольше не возвращаться. А в тот день тебе особенно не хотелось домой.

Гарри показалось, что его ноги превратились в желе.

— Так это ты написал?..

— Это был подарок тебе к дню рождения, Гарри. Единственное, что я мог подарить. Тебе необходимо было поверить в себя, потому что, кроме самих себя, у нас ничего не было. И ты поверил. И начал свою жизнь. На этом камне ты ее выстроил. Ты проделал адскую работу... — Дэнни не отводил взгляда от лица брата, внимательно следя за его выражением. — Гарри, попасть в Рим мне сейчас важнее всего на свете. Теперь мне необходим подарок. И никто, кроме тебя, не сможет его мне сделать.

Гарри показалось, что он очень долго неподвижно стоял в дверях. Дэнни умудрился вытащить из колоды единственную карту, которую он не мог побить, — козырного туза. В конце концов Гарри вернулся в комнату и закрыл дверь.

— И как, по-твоему, мы сможем попасть в Рим?

— Вот так!

Дэнни взял с тумбочки большой конверт из оберточной бумаги и вытряхнул на кровать его содержимое — длинные, узкие белые номерные знаки с выпуклыми черными буквами и цифрами. «SCV13».

— Гарри, это ватиканский дипломатический номер. Очень редкий. Машину с таким номером никто не остановит.

Гарри медленно поднял голову.

— Какую машину?

17 часов 25 минут

Вместо раввина опять явился священник. Вернув себе ипостась отца Джонатана Артура Ри из Джорджтаунского университета, Гарри пробирался по забитым в этот час народом улицам Лугано, отыскивая арендованный серый «мерседес», который отец Бардони должен был оставить на виа Томасо, на той стороне железной дороги, немного выше вокзала.

Следуя указаниям Вероники, он поднялся на фуникулере до пьядца делла Стацционе, перешел площадь и вошел в вокзал. Опустив голову и стараясь не смотреть на лица прохожих, пробрался через толпу пассажиров, ожидавших поезда, и принялся искать место, где мог бы перейти железнодорожные пути к лестнице, ведущей на виа Томасо.

Мысли его были заняты Римом и тем, как попасть туда, чтобы их не схватили по дороге. И еще тем, как быть с Еленой. Поэтому он оказался совершенно не готов к тому, что случилось, когда он повернул за угол.

Из толпы прямо перед ним внезапно материализовались шестеро одетых в форму полицейских, деловито направлявшихся к только что пришедшему на станцию поезду. Но дело было даже не в полицейских, а в том, что они окружали кольцом троих арестантов в наручниках, соединенных друг с другом цепями. Они сейчас проходили под самым носом Гарри, и вторым из них был Геркулес. Наручники страшно мешали ему, но он все равно шел, с трудом переваливаясь на костылях. Вдруг он заметил Гарри; их взгляды встретились. Карлик сразу же отвел взгляд, чтобы даже случайно не привлечь к Гарри внимание полицейских, которые, чем черт не шутит, могут вдруг заинтересоваться, почему этот священник знаком с их подконвойными. В следующий момент они прошли мимо, Геркулес и двое остальных, и оказались возле вагонной двери.

Еще через секунду Гарри увидел, как один из полицейских взял у калеки костыли и помог ему устроиться на сиденье у окна. Гарри протиснулся сквозь толпу, направляясь к этому окну. Геркулес увидел его приближение, коротко мотнул головой и уставился внутрь вагона.

Прозвенел вокзальный колокол, и поезд тронулся, со швейцарской точностью покинув станцию секунда в секунду по расписанию. Он шел в Италию.

Гарри отвернулся и удрученно уставился на открывшуюся взгляду лестницу, которая вела на виа Томасо. Все случившееся заняло не более шестидесяти секунд. До мгновения, когда Геркулес увидел Гарри, он был бледен и казался глубоко подавленным, но как только потребовалось что-то предпринять, чтобы защитить знакомого, он сразу переменялся. По крайней мере, на эти несколько секунд к нему вернулась жизненная энергия. А вновь появившееся на его лице отрешенное выражение было напускным.

Сиена, Италия. Управление полиции.

18 часов 40 минут

До чего же он дошел! Сначала держал в пальцах незажженную сигарету. Потом стал на минуту-другую вкладывать ее в уголок рта. Но в дальнейшем, пообещав себе Роскани, он не отступит. Не важно, насколько неприятными или сложными окажутся последующие события, он все равно не возьмется за спички. Чтобы подкрепить эту клятву — и просто на всякий случай, — он достал из кармана куртки коробок со спичками, вытряхнул их в пепельницу, чиркнул одной спичкой о коробок и поджег остальные. Ощувив мгновенный приступ острого сожаления, он тут же перевел взгляд на распечатку данных телефонной компании, лежавшую перед ним на столе. На нескольких листах бумаги были в хронологическом порядке отпечатаны даты, время и номера абонентов для всех телефонных звонков, поступивших на аппараты в кабинете и в квартире матери Фенти и сделанных с них, начиная с того дня, когда был взорван ассизский автобус, и до сегодняшнего вечера. Итого за тринадцать дней.

Двое следователей местной полиции, дежуривших в коридоре на тот случай, если вдруг Роскани что-нибудь понадобится, увидели через открытую дверь, как инспектор повернулся, снял телефонную трубку и набрал номер. Подождав несколько секунд, что-то коротко сказал и положил трубку. После этого он резко поднялся и прошелся по комнате, держа во рту незажженную сигарету, вынул ее, потом опять взял губами. Тут зазвонил телефон.

Роскани подскочил к столу, быстрым движением схватил трубку. Послушав, кивнул, записал что-то на клочке бумаги, подчеркнул, затем бросил несколько слов и положил трубку. Через полсекунды он швырнул сигарету в корзину для бумаг и зашагал к двери.

— Мне нужно, чтобы кто-нибудь немедленно отвез меня на вертолетную площадку, — заявил он, выйдя в коридор.

— Куда собрались? — осведомился один из полицейских, вскочив на ноги и следуя за стремительно шагавшим Роскани к выходу.

— В Швейцарию. В Лугано.

Темно-серый «мерседес» с номерными знаками Ватикана, в котором на переднем сиденье ехали два священника, выехал из Лугано в рано сгустившихся из-за дождя сумерках. Миновав череду гостиниц, расположенных вдоль набережной озера, он свернул на виа Джузеппе Каттори и покатил на запад, к шоссе Н2, которое вело на юг, в Кьяссо и далее в Италию.

Елена, сидя сзади, смотрела, как Дэнни разглядывал карту при свете специальной лампочки, приделанной над зеркалом заднего вида, и давал Гарри указания, куда ехать. В отношениях братьев чувствовалось напряжение. Она видела и ощущала его. Что именно между ними произошло, она не знала, а Гарри ей не рассказал; он лишь предложил ей остаться в Лугано, но она отказалась. Куда поедут братья, туда поедет и она. Тут и обсуждать было нечего, она так и сказала Гарри, напомнив ему, что она медицинская сестра, а отец Дэниел все еще является ее пациентом. Помимо всего прочего, она итальянка, а они возвращаются в Италию; кроме того, может быть, Гарри забыл, но ей уже случилось несколько раз оказаться полезной. И когда Гарри сдержанно улыбнулся ее настойчивости и решимости, у нее не осталось сомнений, что братья возьмут ее с собой.

Когда машина въехала на шоссе, Дэнни поднял руку, выключил лампочку и откинулся на спинку сиденья. Теперь Елена видела только Гарри.

Ее внимание сосредоточилось на лице Гарри, слабо подсвеченном огоньками приборной панели. На движениях его рук, держащих рулевое колесо. На его полнейшей поглощенности дорогой, расстилавшейся перед машиной. На атмосфере тревоги, ставшей особенно заметной, когда он откинулся на спинку сиденья, а потом наклонился вперед, чтобы немного ослабить привязной ремень. Он беспокоился не из-за того, что происходило в машине (здесь не происходило ничего), а из-за того, куда они ехали. Было понятно, что поездку в Рим придумал не он.

— С вами все в порядке? — негромко осведомился Гарри.

Елена увидела, что он рассматривает ее в зеркальце заднего вида.

— Да... — Она поймала его отраженный взгляд, и они несколько секунд молча смотрели друг на друга.

— Гарри, — вдруг произнес Дэнни, заглушив размеренный шорох стеклоочистителей.

Взгляд Гарри тут же перескочил с отражения Елены на дорогу. Машины, шедшие впереди, начали притормаживать. Потом вдаль показался бело-розовый отсвет ртутных ламп, особенно хорошо заметный на фоне пасмурного темного неба.

— Итальянская граница, — сказал, выпрямляясь, Дэнни.

Елена увидела, что руки Гарри, державшие руль, напряглись. Почувствовала, как «мерседес» стал замедлять ход. А потом он снова взглянул на нее — коротко, на долю секунды вскинул взгляд и опять уставился на дорогу.

Черный лимузин, в котором сидел Пьер Вегген, въехал на территорию Чжуннаньхая, чрезвычайно фешенебельного района, где жили видные деятели правительства Китая, в начале второго ночи. Через пять минут мрачный, как никогда, президент Народного банка Китая Янь Е вводил швейцарского банкира в просторную гостиную дома У Сяня, генерального секретаря Коммунистической партии Китая.

Генеральный секретарь поднялся навстречу Веггену, сердечно пожал ему руку и представил полдюжины виднейших членов Политбюро, собравшихся здесь, чтобы услышать подробности предложения; среди них были министры строительства, связи и внутренних дел. Им было необходимо узнать, каков в действительности размах плана швейцарца, каким образом он будет воплощаться в жизнь, в какие сроки и во сколько обойдется.

— Благодарю вас за любезное согласие встретиться со мной, господа, — начал Вегген по-китайски.

А потом, выразив глубокое сочувствие народу страны, который представляли находившиеся в комнате, и в особенности жителям Хэфэя, он начал излагать свои рекомендации по чрезвычайно оперативному и весьма кардинальному переоборудованию системы водоснабжения в стране.

Янь Е присел в стороне и закурил сигарету. Потрясенный до глубины души ужасом происходящего и измотанный событиями этого дня, он все же продолжал надеяться, что собравшиеся здесь в этот ночной час люди поймут, насколько предложенный Веггенем план важен для народа и безопасности страны. Он уповал на то, что они позабудут о своей гордыне, и политических расчетах, и укоренившемся недоверии к Западу, подпишут проект и возьмутся за его осуществление как можно быстрее — прежде чем подобная беда повторится в другом месте.

У него была и еще одна, глубоко личная причина желать того, чтобы вопрос разрешился положительно. Хотя об этом не говорили, но все китайцы, знавшие о трагедии Хэфэя, очень боялись водопроводной воды, особенно той, которую набирали из озер, и Янь Е, несмотря на свою близость к высшей власти, ничем не отличался от своих рядовых соотечественников. К тому же лишь три дня назад его жена с десятилетним сыном отправились навестить родителей жены, которые жили в находящемся на одном из озер городе Уси. Всего несколько часов назад он позвонил ей и сообщил, что событие в Хэфэе — это действительно единичный случай, как о том твердила официальная пресса, и что качество питьевой воды по всей стране тщательно контролируется. И что правительство склоняется к принятию рекомендованного им плана, который обещает скорую и эффективную реконструкцию всей системы водоснабжения в стране. Этот звонок Янь Е сделал прежде всего потому, чтобы просто поговорить с женой, хоть немного успокоить ее и дать понять, что любит ее. В глубине души он надеялся, что хэфэйское несчастье и впрямь единичный случай.

Но в то же время чувствовал нутром, что это не так.

Палестрина стоял у окна своей библиотеки-кабинета и смотрел на толпы народа, все еще заполнявшего площадь Святого Петра и любующегося архитектурой в последних отблесках дневного света.

Отвернувшись от окна, он окинул взглядом помещение. С credenza на него взирал не мигая мраморный Александр, и Палестрина чуть ли не с тоской ответил на его взгляд.

Затем, повинувшись внезапной перемене настроения, он подошел к столу, сел в кресло и поднял трубку телефона. Включив защиту линии, он набрал номер и немного подождал, пока автоматический коммутатор в Венеции переадресует звонок на такое же устройство в Милане, откуда вызов уйдет через Гонконг в Пекин.

* * *

Щебетание сотового телефона сразу вырвало Чень Иня из чуткого сна. К третьему звонку он уже выбрался из кровати и подошел голышом к столу в своей спальне, находившейся над цветочным магазином.

— Да, — сказал он по-китайски.

— Пришел приказ на доставку в края рыбы и риса, — сказал по-китайски же голос, измененный электроникой до полной неузнаваемости.

— Понятно, — ответил Чень Инь и положил трубку.

* * *

Палестрина позволил трубке соскользнуть в гнездо, а потом медленно повернулся вместе с креслом, чтобы в очередной раз посмотреть на мраморного Александра. Выбирая следующее озеро, он воспользовался давним знакомством Пьера Вегена с Янь Е; тот осторожно, исподволь выяснил множество подробностей о повседневной жизни китайского банкира, о его друзьях и родственниках. Плодородный, с мягким климатом, процветающий район, носящий название «край рыбы и риса», находился немного южнее Нанкина, и отравителю Ли Вэню хватило бы нескольких часов, чтобы добраться туда. Озеро называлось Тайху, а город на нем — Уси.

Гарри почувствовал, как «мерседес», отъезжавший от контрольного пункта, с готовностью отозвался на нажатие педали акселератора, и взглянул в зеркало. Позади он увидел свет ртутных ламп, множество красных огоньков тормозивших около поста автомобилей, которые двигались на север, и темные массы армейских грузовиков и бронетранспортеров карабинеров. Этот большой кордон был устроен в двух часах езды к югу от Милана. В отличие от пограничного поста в Кьяссо, где им без слов помахали, разрешая проезд, здесь пришлось остановиться, вооруженные до зубов солдаты подошли к машине с обеих сторон, но в этот момент офицер заметил номерные знаки, что-то крикнул солдатам, указал на священников, сидевших впереди, и жестом дал понять, что дорога открыта.

— Ну ты и умник, — ухмыльнулся Дэнни, когда машину окутала темнота и ее пассажиры вновь почувствовали себя в относительной безопасности.

— Ты о том, что я помахал этому парню в знак благодарности?

— Да, о том, что ты ему помахал. — Дэнни оглянулся на Елену и вновь ухмыльнулся. — А если бы ему это не понравилось и он решил бы выволочь нас наружу? Что тогда?

Гарри взглянул на брата.

— В таком случае ты объяснил бы ему, что происходит и за каким чертом нас несет в Рим. Может, тогда они послали бы с нами полк-другой.

— Гарри, ни один полк не войдет в Ватикан. Ни итальянской армии, ни любой другой.

— Ну да, только ты... и отец Бардони... — задумчиво проговорил Гарри.

Дэнни кивнул.

— Да. Я и отец Бардони.

Рим. Церковь Святого Хрисогона, район Трастевере.

Четверг, 16 июля, 5 часов 30 минут

Палестрина выбрался из задней двери «мерседеса» в туманную предрассветную тьму. Один из одетых в черные костюмы молодцов Фарела окинул настороженным взглядом пустынную улицу, пересек тротуар и распахнул перед кардиналом дверь старинной церкви. Затем он отступил к машине, и госсекретарь Ватикана вошел внутрь один.

Шаги Палестрины, направлявшегося к алтарю, гулким эхом отдавались под древними сводами. Кардинал перекрестился и преклонил колени рядом с единственным в этот час посетителем церкви — одетой в черное женщиной с четками в руке.

— Святой отец, со времени моей последней исповеди прошло уже много времени, — сказала женщина, даже не взглянув на подошедшего к ней. — Могу я исповедаться вам?

— Конечно.

Палестрина еще раз перекрестился и встал. После чего они с Томасом Добряком направились в полумрак исповедальни.

Лугано, Швейцария. Дом 87 по виа Монте-Ченери.

Тот же четверг, 16 июля. То же время.

Ясное после дождя утро

Роскани спустился по лестнице и вышел на улицу. Его одежда выглядела так, будто ее жевали, лицо покрывала густая щетина, и он страшно устал. Настолько устал, что не мог думать нормально. Но больше, чем усталость, ему мешало думать бешенство, обуявшее его из-за того, что ему все время лгут, причем лгут даже те женщины, которые, по крайней мере с виду, должны были бы являть собой образцы порядочности. Во-первых, мать Фенти, а теперь здесь, в Лугано, скульпторша и художница синьора Вероника Ваккаро, взбалмошная особа средних лет, упорно утверждавшая, что ничего знать не знает о беглецах, и напроочь отказывающаяся замечать его попытки опровергнуть ее версию.

На вертолетную площадку Лугано Роскани отвез старший следователь местной полиции; именно он первым допросил Веронику Ваккаро и теперь представил коллеге из сопредельного государства полный протокол допроса и обыска дома, который провел, не запрашивая ордера. Никаких признаков того, что в доме во время непродолжительного отсутствия синьоры Ваккаро кто-то жил, найти не удалось. Однако соседи сообщили, что накануне днем возле входа в дом непродолжительное время стоял белый микроавтобус с надписью на дверях. Двое мальчишек, вытащившие своих собак погулять во время вчерашнего ночного дождя, сказали, что видели «ба-аль-шущую машину» — «мерседес», гордо поправил приятеля мальчик постарше, — которая стояла перед этим домом, когда они выходили на улицу. Когда же они вернулись, машины уже не было. А синьора Ваккаро обладала несокрушимым алиби, заключавшемся в том, что она вернулась домой лишь за несколько минут до прибытия полиции — после поездки на этюды по Альпам.

Не лучше были успехи Каstellетти и Скалы, завершивших работу в Белладжис допросом монсеньора Жана Бернара Дальбуа, француза по происхождению, приходского священника церкви Святой Клары, и его причта, священников и мирян. Единственный результат — все наотрез отказались сознаться, что кто-то отвечал на телефонный звонок из Сиены накануне в двадцать минут пятого ночи. Звонок, сделанный с сотового телефона матери Фенти.

Лгут! Все до одного — лгут!

Но почему?!

Этот вопрос сводил Роскани с ума. Любой из них мог загреметь в тюрьму, и надолго. И все же никто не проявил ни малейшей слабину. Кого же или что они защищают?

Выйдя из дома Вероники, Роскани в одиночестве побрел по улице. Район был тихим, его жители еще спали. В отдалении раскинулось озеро Лугано, отсюда его вода казалась абсолютно гладкой, без единой рябинки. Что он тут делает? Ищет нечто такое, что могли пропустить все остальные? Пытается в очередной раз продемонстрировать унаследованную

от отца бульдожьё хватку? Топчется на месте, рассчитывая, что в голову придет подходящий ответ? Или у него возникло ощущение, что нужно выйти на улицу? Вроде того, как если поднесешь магнит к куче опилок, то из нее выскочит потерявшийся гвоздь. Отбросив прочь все догадки, Роскани сказал себе, что вышел ради свежего воздуха, ради момента *assoluta tranquillita*. Он вытащил из кармана початую пачку сигарет, снова вставил незажженную сигарету в угол рта и повернул обратно, к дому.

Роскани увидел его через пять шагов. Он лежал поодаль от проезжей части, под раскидистым кустом, который не позволил ночному дождю промочить его насквозь. Это был большой конверт из оберточной бумаги, на которой отпечатался след протектора автомобильной шины.

Отшвырнув в сторону сигарету, Роскани нагнулся и поднял находку. Конверт оказался измят сильнее, чем показалось на первый взгляд, вероятно, он прилип к мокрой шине и несколько раз провернулся вместе с ней, прежде чем его отшвырнуло в сторону. Но на бумаге сохранился и другой отпечаток, как будто внутри лежало что-то плоское и твердое.

Вернувшись к дому, Роскани вошел внутрь и отыскал Веронику Ваккаро. Ужасно разгневанная обыском, допросами и продолжавшимся присутствием полиции в ее доме, одетая в халат, она сидела в кухне и держала в одной руке чашку с кофе, а пальцами другой громко барабанила по столу, словно рассчитывала, что этот демарш вынудит власти оставить ее в покое. Роскани вежливо попросил у нее фен для волос.

— В ванной, — бросила хозяйка по-итальянски и добавила с нескрываемым ехидством: — А почему бы вам заодно не вымыться в моей ванне, а потом не вздремнуть в моей кровати?

Незаметно улыбнувшись Кастеллетти, Роскани отправился в ванную, отыскал фен и некоторое время осторожно сушил конверт.

Кастеллетти вошел следом и, стоя за спиной Роскани, глядел, как тот расправил конверт на краю раковины и принялся без нажима водить по нему карандашом — так школьники делают на бумаге отпечатки монет. Мало-помалу на конверте начало проявляться изображение того, что лежало там раньше.

— Господи Иисусе! — воскликнул Роскани, прекратив свое занятие.

На конверте появились довольно четкие буквы и цифры дипломатического номерного знака.

«SCV13».

— Ватикан, — заметил Кастеллетти.

— Да, — согласился Роскани. — Ватикан.

Время подходило к пяти утра, но было еще темно, когда Дэнни показал Гарри, где остановиться — перед старым, но пребывавшем в хорошем состоянии трехэтажным многоквартирным домом 22 на узкой улице виа Николо V. Гарри запер «мерседес», они с Еленой усадили Дэнни в инвалидное кресло и поднялись в маленьком лифте на верхний этаж; там Дэнни достал из кармана ключи, находившиеся все в том же конверте, который отец Бардони передал ему в Лугано. Выбрав один, он открыл дверь с табличкой «Рiано За», и они оказались в просторной квартире, выходившей окнами во двор.

Попав в квартиру, Дэнни, заметно уставший от долгой поездки, сразу отправился в кровать. А Гарри, наскоро осмотрев помещение и сказав Елене, чтобы она не впускала в квартиру никого, кроме него самого, удалился.

Следуя инструкциям, полученным от Дэнни, он отогнал «мерседес» за несколько кварталов, а там снял ватиканские номера и поставил прежние. Затем бросил ключи на пол, захлопнул дверь и ушел, пряча номерные знаки под пиджаком. Через пятнадцать минут он вернулся в дом 22 по виа Николо V и поднялся в лифте на третий этаж. Было почти шесть утра, до назначенного прихода сюда отца Бардони оставалось чуть больше получаса.

Гарри ужасно не нравилась вся эта затея. Мысль о том, что Дэнни в его нынешнем состоянии и отец Бардони смогут освободить Марчиано, заключенного где-то посреди Ватикана, казалась ему безумной. Но Дэнни был настроен крайне решительно, и, вероятно, отец Бардони также. Для Гарри это укладывалось в единственно возможную схему: Дэнни попытается освободить кардинала и его убьют; таков, вероятно, был план Палестрины.

К тому же если Фарел подтасовал улики, чтобы обвинить Дэнни в убийстве кардинала-викария, и если Фарел работает на Палестрину, значит, Палестрина сам и организовал это убийство. И Марчиано об этом знал, иначе не сидел бы сейчас под замком. А это значит, что исповедовал брат не кого иного, как Марчиано. И, прикончив Дэнни, Палестрина оборвет единственную ниточку, по которой можно до него добраться.

И с кем же Гарри может поделиться? С Роскани? Адрианной? Итоном? Что он им скажет? Ведь у него нет ничего, кроме подозрений. Более того, даже если бы он имел доказательства, от них не было бы толку, поскольку Ватикан суверенное государство и законы Италии на его территории не действуют. А это значило еще и то, что за пределами Ватикана никто из его подданных не имел законного права что-либо предпринимать. И все же — и это немислимо терзало Дэнни — если они ничего не сделают, Марчиано будет убит. И Дэнни был намерен сделать все возможное, чтобы этого не допустить, хотя бы и ценой собственной жизни.

— Дерьмо! — буркнул себе под нос Гарри, войдя в квартиру и закрыв за собой дверь на замок.

Ему было ничуть не легче, чем Дэнни. Не только потому, что они братья, но еще и потому, что он пообещал Дэнни, что не позволит ему погибнуть, как погибла Маделин на льду. Почему он так сказал? Кой черт тянул его за язык давать такие обещания брату?

— Я не очень хорошо знаю Рим, потому не сразу поняла, где мы находимся... — Этими

словами Елена прервала самокопание Гарри.

— Что вы имеете в виду?

— Я сейчас вам покажу.

Елена вывела Гарри в гостиную, к большому окну. В бледном свете нарождающегося утра открылось то, чего они не видели в темноте, когда приехали. Из окна была видна другая улица, по противоположному краю которой тянулась в обе стороны, насколько хватал глаз, высокая стена из желтого кирпича. За стеной находилось несколько еще плохо различимых в тени зданий, а левее над стеной поднимались верхушки деревьев, как будто стена окружала большой парк.

— Я не понимаю... — начал Гарри, действительно не догадываясь, что интересного увидела здесь Елена.

— Это Ватикан, мистер Аддисон, во всяком случае, один его угол.

— Вы уверены?

— Да. Я была на экскурсии в садах как раз в этой его части.

Гарри посмотрел по сторонам, пытаясь найти какие-нибудь знакомые ориентиры, получить представление о том, где может находиться вход для публики со стороны площади Святого Петра. Безуспешно. Он собрался спросить об этом Елену, но тут вновь посмотрел в окно и почувствовал, что по спине пробежали мурашки, — то, что он принимал за темный горизонт, оказалось огромным зданием, все еще не освещенным утренним светом, лишь на самую вершину купола упали первые лучи. Он смотрел как раз на собор Святого Петра.

— Господи... — прошептал он сквозь зубы.

Им удалось не только без всяких помех приехать в Рим, но и поселиться там в таком месте, откуда, пожалуй, можно было камнем добросить до тюрьмы, где держали Марчиано.

Гарри прислонился лбом к стеклу и закрыл глаза.

— Вы устали, Гарри...

Елена произнесла это вполголоса, ласково, как мать, обращающаяся к своему ребенку.

— Да, — кивнул он, а потом открыл глаза и посмотрел на нее.

Она была все в том же деловом костюме, какой нашли ей священники в Белладжио, волосы ее были собраны в пучок. Гарри вдруг с изумлением понял, что впервые за все время смотрит на нее не как на монахиню, а просто как на женщину.

— Я поспала в автомобиле, а вы всю ночь были за рулем, — сказала она. — Тут есть еще одна спальня. Вам нужно вздремнуть хотя бы до прихода отца Бардони.

— Да, — начал Гарри и осекся.

Потому что буквально на пустом месте понял, что у него есть еще одна серьезнейшая проблема. С Еленой. Немыслимая затея Дэнни и отца Бардони вдруг предстала перед ним во всей опасности, которой никак не должна была подвергаться Елена.

— У вас родители живы? — осторожно спросил он.

Елена вскинула голову и удивленно взглянула на него.

— А какое отношение это может иметь к вашему сну?

— Где они живут?

— В Тоскане...

— Это далеко отсюда?

— А что?

— Мне нужно это знать.

— На автомобиле — часа два. Мы проезжали мимо по автостраде.

— У вашего отца есть машина? Он умеет ее водить?

— В чем дело?

— Машина у него есть? — настойчивее спросил Гарри. — Водить он может?

— Конечно.

— Я хочу, чтобы вы позвонили ему и попросили его приехать в Рим.

От этих слов Елену будто огнем обожгло. Она оперлась на стену и вызывающе скрестила руки на груди.

— Этого я не сделаю.

— Елена, если он выедет немедленно, — ее имя Гарри произнес с сильным ударением, как будто пытаясь предотвратить протест, — то приедет в Рим к девяти. Самое позднее — к половине десятого. Скажите ему, чтобы он остановился перед домом и не выходил из машины. Как только вы его увидите, спуститесь, сядете в машину и тотчас уедете вместе с ним. Никто даже не узнает, что вы здесь были.

Елена чувствовала, что огонь в ней разгорается все сильнее и сильнее и раздражение нарастает. Да как он посмел?! У нее есть чувства и есть гордость. А уж отцу она не станет звонить ни в коем случае, кому угодно, только не отцу — не хватало еще, чтобы он приезжал за ней, как за дурехой школьницей, накануне заблудившейся в городе.

— Простите, мистер Аддисон, — сказала она с таким же нажимом, что и он, — но мой долг — ухаживать за отцом Дэниелом. И я останусь с ним, пока меня не освободят официально от этого поручения.

— Это очень просто, сестра Елена. — Гарри строго взглянул на нее. — С этой минуты вы официально освобо...

— Это. Может. Сделать. Только. Мать настоятельница! — очень медленно и четко произнесла Елена; у нее даже вены на шее вздулись от волнения.

Наступила долгая напряженная пауза. Мужчина и женщина обжигали друг дружку яростными взглядами. Ни один ни другая не отдавали себе отчета, что это их первая в жизни любовная ссора и что один из любовников только что начертил на песке линию, за которую нельзя заходить. Но им так и не удалось узнать, кто первым отведет взгляд.

ХЛОП!

Дверь кухни вдруг резко распахнулась и с силой ударилась о стену.

— Гарри!..

Из двери к ним катился на своем кресле Дэнни. Его глаза были полны тревоги, он яростно крутил обеими руками колеса инвалидного кресла, а коленями сжимал сотовый телефон.

— Я не могу дозвониться до отца Бардони. У него три номера. Один — сотового телефона, который он всегда носит с собой. Я звоню по всем номерам! Ни один не отвечает!

— Дэнни, успокойся...

— Гарри, он должен был прийти сюда пятнадцать минут назад! Если он в дороге, то на звонок по сотовому все равно ответил бы!

Гарри свернул за угол на виа дель Парионе и зашагал вдоль квартала. Его наручные часы показывали двадцать пять минут восьмого; с того времени, которое отец Бардони сам назначил для встречи в квартире, прошел уже почти час. На ходу он снова набрал номер на сотовом телефоне, полученном от Адрианны. И опять тщетно.

Здравый смысл подсказывал ему, что отца Бардони попросту что-то задержало. Какие-то житейские обстоятельства.

Он подошел к дому номер 17, в котором жил отец Бардони. За ним, сказал ему Дэнни, проходил переулок, из которого через старые деревянные ворота можно попасть к черному входу в этот дом. Слева от входа, под большим горшком с красной геранью, он найдет ключ.

Свернув в переулок, Гарри прошел двадцать ярдов. Ворота оказались как раз там, где он и ожидал. Открыл их, пересек засыпанный утоптаным гравием дворик. Горшок с цветком стоял на месте. Ключ лежал под ним.

* * *

Квартира отца Бардони, как и та, в которой они скрывались, находилась на верхнем этаже. Гарри быстро взбежал туда по черной лестнице. Пока он находился на улице, он упорно думал о том, что ничего необычного не случилось и для опоздания отца Бардони найдется простое объяснение. Но, оказавшись в доме, он почувствовал то же самое, что и Дэнни, когда тот с криком ворвался в кухню, чуть не сорвав с петель дверь.

Ужас.

Вот Гарри поднялся на верхнюю площадку, пересек небольшой холл и остановился перед дверью квартиры. Затаив дыхание, он вложил ключ в замок и начал осторожно поворачивать. Но отпирать замок не потребовалось. Дверь была не заперта и распахнулась от прикосновения.

— Святой отец!..

Ответа не последовало.

— Отец Бардони...

Гарри вошел в неосвещенную прихожую. Впереди располагалась небольшая гостиная. Очень похожая на такую же комнату в квартире Дэнни — пригодная для жизни, но и только.

— Святой отец...

И снова тишина.

Справа тянулся узкий коридор. В нем была одна дверь посередине и еще одна в дальнем конце. Обе двери были закрыты. Набрав в грудь воздуха и не осмеливаясь выдохнуть, Гарри взялся за ручку первой двери и повернул ее.

— Отец...

За дверью оказалась спальня. Маленькая, тесная, с узким окном в противоположной от двери стене. Кровать была аккуратно застелена. На крохотной тумбочке рядом с ней стоял телефон. Больше ничего здесь не было.

Гарри повернулся, чтобы выйти, и заметил на полу возле кровати сотовый телефон. Тот самый, который отец Бардони, по словам Дэнни, всегда носил с собой.

Внезапно Гарри осознал, где находится. Дела пошли совсем не так, как надо, и ему здесь было не место. Выйдя из комнаты, он медленно повернулся к следующей двери. Что могло быть за ней? Все в нем настойчиво требовало немедленно уйти отсюда, поскорее сбежать вниз по лестнице. Что угодно, только не открывать эту дверь!

Но он не мог так поступить.

— Отец Бардони, — в очередной раз позвал он.

Молчание.

Вынув из кармана носовой платок, он взялся через него за дверную ручку.

— Отец Бардони, — повторил он, слегка повысив голос, чтобы его наверняка расслышали за дверью.

Ответа не последовало.

Гарри почувствовал, как на его верхнюю губу сбежала капелька пота. Сердце громко стучало. Он медленно повернул ручку. Негромко щелкнул язычок замка, и дверь отворилась. Он увидел старенький кафель, покрывавший пол, раковину и угол ванны. Подняв руку, Гарри толкнул локтем дверь, и она распахнулась.

Отец Бардони сидел в ванне. Голый. Его открытые глаза смотрели в пространство, но не на вошедшего.

— Святой отец...

Гарри шагнул вперед. Почувствовал, как его нога задела за что-то легкое. На полу лежали знакомые очки священника в черной оправе. Гарри вновь взглянул на ванну.

Воды в ней не было.

— Святой отец... — позвал он чуть слышным шепотом, как будто могла еще оставаться надежда получить ответ. Единственное, что он мог себе представить: наверное, священник захотел принять ванну, но с ним случился сердечный или еще какой-нибудь приступ, прежде чем он успел пустить воду.

Гарри сделал еще шаг.

— О БОЖЕ!!!

Гарри почувствовал, что его сердце подскочило к самому горлу, он попятился, не сводя широко раскрытых глаз с того, что увидел. У отца Бардони не было кисти левой руки. Она была отсечена от запястья. Ровный срез почти не кровоточил...

Роскани увидел под собой взлетные полосы аэропорта Линате, и вертолет сразу же начал снижаться. Как только он покинул Лугано, к нему начала поступать важная информация, и сейчас он рассчитывал получить еще что-нибудь. Кастеллетти и Скала, сидевшие у него за спиной, тоже вели непрерывные радиопереговоры и делали пометки в своих блокнотах.

В руке Роскани держал скрученный в трубочку лист бумаги, краткую, но чрезвычайно содержательную справку, полученную наконец-то из лионской штаб-квартиры Интерпола. Она гласила:

«По данным французской внешней разведки, Томас Хосе Альварес-Риос (Добряк) не находится в Хартуме (Судан), где пребывал продолжительное время. Его нынешнее местонахождение неизвестно».

Роскани сразу же распорядился, чтобы аппарат Gruppo Cardinale в Риме немедленно направил запрос об аресте Томаса Добряка во все полицейские управления Европы. Одновременно в средства массовой информации по всему миру были направлены самые свежие фотографии убийцы, сопровождаемые комментарием, в котором сообщалось, что Добряк — скрывающийся преступник, которого Gruppo Cardinale разыскивает в связи с убийством кардинала-викария Рима и взрывом пассажирского автобуса Рим — Ассизи. О причастности Добряка к этому взрыву Роскани подумал сразу же, как только заподозрил его в убийствах. Это была характерная особенность террориста, хорошо известная полиции и разведкам всего мира, он вновь и вновь поступал так, когда не выполнял работу сам, а выступал в роли субподрядчика и нанимал убийц. Принцип был очень прост — убить убийцу. Позволить мужчине или женщине выполнить работу, а потом избавиться от него или от них как можно скорее, устранив тем самым след, по которому можно было бы выйти на Добряка или людей, дающих ему задания.

Такая версия объясняла находку пистолета с глушителем на месте гибели автобуса. Добряк отправил убийцу в эту поездку, чтобы тот устранил отца Дэниела, и взорвал автобус, рассчитывая ликвидировать убийцу и ведущий от того к нему след. Вот только убийца малость подзатянул со своим делом, и план сработал не полностью. Однако обгоревший пистолет и взорванный автобус, взятые вместе, однозначно указывали на Томаса Добряка.

А теперь, согласно новейшей информации, которую Кастеллетти и Скала получили из Милана, полиция добыла новые факты, напрочь отметававшие любые сомнения. Альдо Чианетти, модельера женской одежды, найденного убитым в уборной одной из станций техобслуживания на трассе Комо — Милан, видели среди пассажиров последнего рейса скоростного катера из Белладжио; там он беседовал с женщиной, носившей большую соломенную шляпу, — молодой полицейский из Белладжио сказал, что она показала американский паспорт и говорила с характерным акцентом, — и сошел на берег в Комо вместе с ней.

Миланская полиция тем временем разворачивала поиски от улицы подле «Палас-отеля», где был обнаружен темно-зеленый автомобиль «БМВ» Чианетти. Невдалеке находился главный миланский железнодорожный вокзал. Время смерти модельера определили довольно точно — между двумя и тремя часами ночи. И полиция, взявшаяся за билетных кассиров и контролеров, дежуривших на вокзале между двумя и пятью часами, без труда нашла словоохотливую немолодую кассиршу, продавшую билет женщине в соломенной шляпе около четырех часов утра. Женщина ехала из Милана в Рим.

Женщина? Никакая не женщина, а Томас Добряк!

Двигатели взревели громче, и вертолет с легким толчком коснулся посадочной полосы. Почти сразу же дверь отворилась, и трое полицейских, низко пригибаясь под продолжавшими мелькать над головами лопастями несущего винта, побежали по ровному асфальту к стоявшему поблизости маленькому реактивному самолету, нанятому, чтобы доставить их в Рим.

— С номером мы не ошиблись, — крикнул на бегу Кастеллетти. — Он из серии, предназначенной для машин, обслуживающих самого Папу и высших кардиналов. Ни одна из них не прикреплена ни к кому персонально. Номер «Эс-си-ви-тринадцать» приписан к «мерседесу», которого сейчас в Ватикане нет — его отправили на техобслуживание.

Церковь.

Ватикан.

Рим.

Эти три слова назойливо повторялись в мозгу Роскани. На их фоне он услышал свист турбин самолета, почувствовал, как шлепнулся в кресло, пристегнулся ремнем, и самолет сразу же покатил по полосе. Через двадцать секунд они оказались в воздухе, и под фюзеляжем звучно закрылись створки убранных шасси. Расследование, начавшееся после убийства кардинала-викария Рима, вернулось к своему исходному пункту, описав полный круг.

Ослабив привязной ремень, Роскани вынул из помятой пачки последнюю сигарету, убрал пачку в карман, сигарету взял в рот и выглянул в иллюминатор. Внизу то и дело мелькали яркие блики — это солнечные лучи отражались от чего-нибудь на земле, то от воды, то от домов. Вся Италия, казалось, грелась на солнце, поднимающемся в безоблачном небе. Древняя земля. Прекрасная и безмятежная, но при этом постоянно сотрясаемая скандалами и интригами, закручивающимися на всех уровнях. А была ли хоть какая-то страна из тех, которые знает история, свободна от этих бед? Он очень сомневался в этом. Но он был итальянцем, и внизу лежала его земля. И еще он был полицейским, ответственным за соблюдение законов и осуществление правосудия.

Он видел Джанни Пио, своего друга, крестного отца его детей, когда того вынимали из машины, залитого собственной кровью, с лицом, изуродованным прошедшей навывлет пулей. Видел изрешеченное пулями тело кардинала-викария Рима и обгоревшую громаду лежавшего на боку ассизского автобуса. Он отлично помнил, какую бойню учинил Томас Добряк в Пескаре и Белладжио. И теперь пытался понять, что же такое правосудие.

Да, преступления были совершены на итальянской территории, где он имел власть и право что-то предпринять. Но за стенами Ватикана все его права кончались. И если преступники и беглецы, которых он разыскивает, укрылись там, ему не остается ничего, кроме как передать имеющуюся у него информацию руководителю Gruppo Cardinale, чиновнику прокуратуры Марчелло Талье. И как только он сделает это, правосудие уйдет из

его рук. И окажется в руках политиков. И в конце концов дело потихоньку прикроют. Он отлично помнил слова Тальи о том, что дело об убийстве кардинала-викария крайне деликатное и что ошибки в его проведении могут повлечь за собой дипломатические осложнения между Италией и Ватиканом.

Иными словами, Ватикан может выйти сухим из воды, несмотря на свою прямую причастность ко всем этим убийствам.

Первым порывом Гарри было вернуться туда, где он оставил «мерседес», разбить окно, поднять брошенные в машине ключи и как можно скорее увезти Дэнни и Елену из квартиры на виа Николо V.

— Он мертв. Его пытали, — сказал он Дэнни, позвонив по сотовому. — Один черт знает, что он им сказал. Они могут уже ехать к вам!

Гарри шел быстрым шагом, он побежал бы, если бы не боялся привлечь к себе излишнее внимание. Он возвращался туда, откуда пришел.

— Гарри, — подчеркнуто спокойным тоном сказал Дэнни, — возвращайся сюда. Отец Бардони не сказал им ничего.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и все.

Менее чем через тридцать минут Гарри вошел в дом. Внимательно осмотрев подъезд, он взглянул на лифт, но не вошел в кабину, а быстро взбежал по лестнице. Он решил, что так будет безопаснее — в лифте слишком уж легко попасть в западню.

Когда он вошел, Дэнни и Елена были в гостинной. Гарри сразу почувствовал, насколько напряженна и нервозна атмосфера в комнате. В первые секунды никто ничего не говорил. Затем Дэнни указал на окно.

— Гарри, я хочу, чтобы ты посмотрел туда.

Гарри сначала взглянул на Елену и лишь потом шагнул к окну.

— И что я должен увидеть?

— Посмотри налево, вдоль стены, — пояснил Дэнни. — Там, вдалеке, ты увидишь верхушку круглой кирпичной башни. Это и есть башня Святого Иоанна, где держат кардинала Марчиано. Он находится в комнате посреди башни, с дальней от нас стороны. В комнате есть стеклянная дверь, выходящая на маленький балкончик. Это единственный проем в стене.

До башни было не более четверти мили, и Гарри отчетливо видел ее — высокое цилиндрическое строение с окруженной крепостными зубцами крышей, сложенное из того же древнего кирпича, что и стена, за которой оно находилось.

— Кроме нас, теперь этого никто не сделает, — негромко сказал Дэнни.

Гарри медленно повернулся.

— Кроме тебя, меня и сестры Елены...

— Чего не сделает?

— Не освободит кардинала Марчиано...

От тех эмоций, которые обуревали Дэнни, когда он недавно не мог дозвониться до отца Бардони, не осталось и следа. Отец Бардони погиб, они же должны были продолжать дело.

Гарри помотал головой.

— Нет-нет, только не Елена...

— Я так решила, Гарри, — сказала Елена, глядя ему прямо в глаза.

Не могло быть сомнений в том, что она не отступится.

— Конечно решили. А разве вы могли решить по-другому? — Он взглянул на брата. — Она такая же сумасшедшая, как и ты.

— Гарри, у нас больше никого нет... — чуть ли не извиняющимся тоном сказала Елена.

Гарри вновь резко повернулся к брату.

— Почему ты так уверен, что мы здесь в безопасности... что отец Бардони ничего им не сказал? Знаешь, Дэнни, я видел его. Будь я на его месте, я рассказал бы обо всем, что они могли захотеть узнать.

— Гарри, ты должен мне поверить.

— Но ведь это не ты. Это отец Бардони. Я не могу так безоглядно доверять ему.

Дэнни некоторое время молча смотрел на брата; когда же он наконец нарушил молчание, то заговорил таким тоном, будто хотел дать понять Гарри, что сказанное им не исчерпывается одним лишь содержанием слов, что за ними нужно увидеть более глубокий смысл.

— Этот дом принадлежит хозяину одной из крупнейших в Италии фармацевтических компаний. Как только он узнал, что кардиналу Марчиано нужно укромное место на несколько дней, он согласился, не задавая никаких вопросов...

— И какое отношение это имеет к отцу Бардони?

— Гарри, пойми, что кардинал — один из самых почитаемых людей в Италии... Кто только не помогает ему, не думая даже о том, какой опасности подвергаются сами. Я... — Дэнни вдруг замялся, но продолжил: — Я стал священником, потому что, когда уволился из морской пехоты, был таким же потерянным и никчемным, как и перед тем, как отправился служить. И пока добирался до Рима, лучше мне не становилось. А потом я познакомился с кардиналом, и он показал мне такую мою собственную внутреннюю жизнь, о какой я даже не догадывался. Год за годом он направлял меня, поощрял на поиски собственных убеждений, духовных ценностей и тому подобного... Гарри, церковь стала моей семьей... а кардинала я полюбил как отца. То же самое было с отцом Бардони. Поэтому я уверен, что его никакими пытками не могли заставить проговориться.

Образ отца Бардони, сидящего в ванне, был еще слишком свежим. Этого человека страшно пытали, и все равно он ничего не сказал. Потрясенный и растроганный, Гарри без нужды пригладил ладонью волосы и отвернулся. Но при этом он встретился глазами со взглядом Елены — нежным, любящим и безошибочно говорившим, что она поняла смысл слов Дэнни и знала, что тот прав.

— Гарри...

Резкий звук голоса Дэнни заставил его вновь повернуться к брату. И лишь в этот момент он заметил, что в глубине комнаты стоит телевизор.

— Есть кое-что еще... Я никак не мог в это поверить, но раз отца Бардони убили, значит, это правда... Ты знаешь, что творится в Китае?

— Ужасная трагедия, погибло множество народу... Но никаких подробностей не знаю. У меня как-то не было времени смотреть телевизор... И какое, черт возьми, отношение Китай может иметь к нам?

— Гарри, помнишь, в Белладжио... когда мы сидели в грузовике и ждали сестру Елену?.. Тебе позвонили по сотовому телефону... Звонок разбудил меня. Я слышал, как ты назвал два имени: Адрианна и Итон.

— Ну и что? — растерянно спросил Гарри.

— Адрианна Холл. И Джеймс Итон. Верно?

Гарри был удивлен и озадачен.

— Это они помогли мне добраться до тебя. Ну а ты-то откуда их знаешь?

— Это совсем не важно. Важно лишь то, что ты можешь быстро связаться с ними, если

понадобится. — Дэнни ухватился за колеса своего кресла и подкатился почти вплотную к брату. — Мы должны остановить то, что происходит в Китае.

— Что остановить? — опешил Гарри.

— Гарри, они отравляют озера... Одно уже отравлено. И должно быть еще два...

— Что ты несешь? Кто отравляет озера? Я мало знаю об этом, но ведь говорят, что это природное бед...

— Нет, не природное, — перебил его Дэнни, зыркнул на Елену и вновь повернулся к Гарри. — Это часть плана Палестрины — поставить Китай под контроль Ватикана.

Гарри почувствовал, что у него волосы становятся дыбом.

— Об этом была исповедь Марчиано?

— Часть исповеди...

— Матерь Божия... — чуть слышно выдохнула Елена и перекрестилась.

— Недавно Всемирная сеть новостей показала повтор репортажа из Хэфэя, — настойчиво продолжал Дэнни. — В две минуты двадцать с чем-то секунд девятого пошла запись с местной станции водоочистки — я точно знаю время, потому что посмотрел на часы. Там промелькнуло лицо человека, который если не сам отравляет воду, то, вероятно, в курсе, кто это делает.

— Откуда ты знаешь? — одними губами спросил Гарри.

— Я видел его прошлым летом на частной даче Палестрины недалеко от Рима. Он и еще один человек ждали встречи с кардиналом. Не так уж много китайцев получают приглашения в частные владения князей Ватикана.

Гарри еще никогда не видел своего брата таким решительным.

— Адрианна Холл может промотать запись с точностью до секунд и найти нужный кадр. Низенький мужчина, стоит в левой части экрана, держит в руке портфель. Когда она найдет нужный кадр, пусть сразу же сообщит Итону.

— Послушай, Итону-то что за дело до этого? Он ведь просто мелкий чиновник в посольстве.

— Гарри, он римский резидент ЦРУ.

— Что?

Поток новостей грозил окончательно вывести Гарри из равновесия.

— Гарри, я уже давно живу в Риме. И причастен к международной дипломатии такого уровня, на котором известно очень много. Кардинал Марчиано показывал мне такие закоулки, о существовании которых подавляющее большинство народу даже не догадывается...

И Гарри, и Елена видели, насколько тяжело приходится Дэнни. Он был накрепко связан тайной исповеди и, выдавая ее кому бы то ни было, ставил под угрозу свою бессмертную душу. Но на другой чаше весов лежали сотни тысяч жизней, и он не мог ничего не предпринять. Поступая так, он должен был руководствоваться не каноническими церковными правилами, а собственной верой в Бога.

Не сводя взгляда с брата, Дэнни откатил кресло немного назад.

— Я хочу, чтобы ты сейчас вышел на улицу. Сначала позвони Адрианне Холл, но только из телефона-автомата. Потом отойди подальше и позвони из другого автомата Итону. Сообщи ему то, что я рассказал тебе, и объясни, что Адрианна найдет для него нужные кадры. Скажи, чтобы он предупредил китайскую разведку — пусть ищут мужчину с портфелем. Обязательно добавь, что нельзя медлить ни минуты. В противном случае

китайскому правительству придется отвечать за гибель еще пары сотен тысяч соотечественников.

Гарри на секунду задумался, а потом поднял руку и указал пальцем на телефонный аппарат.

— Дэнни, вот рядом с тобой стоит телефон. Почему бы тебе самому не позвонить Итону?

— Он не должен знать, где мы находимся — ни ты, ни я.

— Почему?

— Потому что я остаюсь гражданином Соединенных Штатов, ну а угроза для Китая — это вопрос национальной безопасности. Он захочет выяснить у меня подробности и приложит для этого все усилия. Если потребуется, он вполне может нелегально захватить всех нас, троих, и упрятать в тайную тюрьму. А если он это сделает, — голос Дэнни вдруг упал до хриплого шепота, — кардинал Марчиано умрет.

Елена видела выражение лица Гарри. Видела, как долго он смотрел на брата, прежде чем встать и бросить: «Ладно». Она знала, что Гарри считает их план ошибочным, заранее обреченным на провал. Но видела она также, что он без единого вопроса воспринял слова Дэнни о его особом отношении к кардиналу Марчиано и понял, почему тот готов рисковать чем угодно ради его спасения.

Согласившись пойти до конца, Гарри не только показал брату, как сильно любит его, но и, пожалуй, впервые за все годы после детства взялся за одно дело с ним. И какое дело — проникнуть в город, где правит зло, освободить заточенного в страшной башне принца и ускользнуть живыми. Рыцарский безрассудный план, который было бы крайне трудно претворить в жизнь даже при участии отца Бардони. Но отец Бардони был мертв, и все, что должен был сделать он, теперь легло на Гарри. И Елена ощущала, что он прикидывает, как справиться, пытается понять, что делать сейчас и что потом. Вдруг Гарри вскинул голову, взглянул на нее и сразу же открыл дверь и вышел. На нем была все та же одежда, в которой она видела его почти все недолгое время их знакомства, — одежда католического священника.

Пекин, Китай. Район Чжуннаньхай.

Тот же четверг, 16 июля, 15 часов 5 минут

Весь день Янь Е только что не трясся от страха. Первые сообщения из Уси начали поступать незадолго до десяти утра. В Народную больницу номер четыре на протяжении пятнадцати минут доставили больше десяти человек, страдавших сильной тошнотой с рвотой и поносом. Почти одновременно похожие случаи отметили в больницах номер один и два. К половине двенадцатого Больница китайской медицины объявила о начале эпидемии. К тому времени насчитывалось уже семьсот заболевших, из которых двести семьдесят один человек умер.

Подачу воды немедленно прекратили, а все спасательные службы и полицию перевели в состояние готовности. Город находился на грани паники.

Но к часу дня отравившихся стало уже двадцать тысяч. И одиннадцать тысяч четыреста пятьдесят умерших. Среди них оказались теща Янь Е и два ее брата. Больше ничего выяснить не удалось. Он даже не знал, где его жена и сын, живы они или умерли. Не помогло даже вмешательство У Сяня, генерального секретаря Коммунистической партии. Зато случившееся оказало воздействие на иные события. Пьера Веггена вновь пригласили в район Чжуннаньхай.

И сейчас, в начале четвертого, удрученный, почти потерявший голову от тревоги за свою семью, о которой так и не поступало никаких известий, Янь Е сидел рядом со своим швейцарским другом за большим столом вместе с У Сянем и десятью другими одинаково мрачными членами Политбюро. Разговор был коротким и предельно деловым. Было решено позволить швейцарскому банкиру создать консорциум, о котором он говорил ранее, и в кратчайшие сроки приступить к осуществлению титанического проекта по планомерной полной перестройке систем водо- и энергоснабжения Китая. Главное — скорость и эффективность. Китай и весь мир должен знать, что Пекин в достаточной мере контролирует ситуацию и делает все возможное, чтобы обеспечить уже в ближайшем будущем здоровье и благополучие своего народа.

— Вомен ченме чихоу нень надао хетонь? — под конец негромко обратился У Сянь к Веггену.

Что значило: когда можно будет подписать договор?

Гарри звонил Адрианне и Итону из телефонов-автоматов, разделенных двумя улицами, и говорил очень кратко и сухо. Адрианна сказала ему, что да, она понимает, о каком репортаже он говорит. Да, она сможет отыскать нужные кадры. Да, она сможет передать копию записи Итону. Но зачем? Чем так важна эта запись? Гарри не стал ничего объяснять, лишь сказал, что это очень важно, и добавил, что если Итон сочтет нужным, то сам объяснит ей, что к чему. После этого он вежливо поблагодарил и повесил трубку, хотя Адрианна отчаянно закричала: «Скажи хотя бы, где ты находишься!»

Разговор с Итоном оказался немного труднее — тот старался задержать Гарри, задавал всякие ненужные вопросы, интересовался, с ним ли его брат и если да, то где они находятся. Гарри отлично понимал, что разведчик старается проследить звонок.

— Теперь слушайте меня! — перебил он Итона и описал ему нужный кадр из репортажа теми же словами, что Дэнни — ему, сказал, что в Китае будут отравлены три озера, что нужно искать мужчину с портфелем, появившегося в одном из видеосюжетов репортажа с хэфэйской станции водоочистки, что нужно немедленно поставить в известность соответствующие китайские службы, что Адрианна передаст ему нужные кадры.

— Откуда вы это знаете? Кто организовал отравления? Зачем? — К концу разговора Итон стал задавать прямые вопросы и сыпать ими в пулеметном темпе.

На это Гарри сказал, что всего лишь передает сообщение.

После этого, как и во время разговора с Адрианной, он просто повесил трубку, вышел из будки и зашагал дальше, приближаясь к виа делла Стасьоне Ватикана, — один из многочисленных священников, которых всегда можно встретить возле стен апостольской столицы; ничего необычного. Вот он прошел через строй арок, выглядевших как древний акведук, по которому когда-то, в далеком прошлом, в Ватикан поступала вода. Теперь же здесь проходили железнодорожные рельсы, которые он надеялся вскоре увидеть; ветка, ведущая от магистральной линии к массивным воротам и дальше, за них, на внутренний железнодорожный вокзал Ватикана.

— На поезде, — сказал Дэнни, когда Гарри спросил его, каким образом они с отцом Бардони рассчитывали вытащить Марчиано из Ватикана.

Вокзал и пути в последние годы использовались очень редко. Время от времени по ним ввозили различные тяжелые грузы, доставлявшиеся по железной дороге, и, пожалуй, все. Когда-то по этому пути выезжал поезд, на котором папы римские путешествовали по Италии, но эти времена давно ушли в прошлое. Остались ворота, здание вокзала, колея и заметно тронутый ржавчиной грузовой вагон, который давно стоял возле конца ветки, представлявшего собой тупиковый короткий бетонный туннель. Сколько времени этот вагон здесь находился, знали лишь Бог да стены.

Перед тем как отправиться из Рима в Лугано, отец Бардони позвонил начальнику железнодорожной станции и сказал ему, что кардинала Марчиано ужасно раздражает этот грязный вагон и он требует, чтобы его немедленно убрали. Вскоре после этого последовал ответный звонок от диспетчера, сообщившего, что в одиннадцать утра пятницы за вагоном придет маневровый тепловоз.

Это и являлось сутью плана. Когда вагон увезут, в нем будет находиться кардинал Марчиано. Вот и все. И поскольку звонил ему не начальник, а рядовой диспетчер, отец

Бардони не сомневался, что эту работу будут рассматривать как одно из бесчисленных мелких дел, какие вечно приходится выполнять железнодорожникам. Охрану предупредят, но лишь о том, что нужно будет впустить тепловоз, и разговор об этом опять же пойдет среди самой мелкой сошки, и все будет слишком обыденным, чтобы дойти до кабинета Фарела.

Теперь Гарри поднимался по склону холма, к верхней части акведука. Он шел ровным шагом, почти не глядя по сторонам.

Добравшись до верха, он сразу же повернул назад. Все полностью соответствовало описанию: ярко сияющие от постоянного движения рельсы магистральной линии, плавно изгибаясь, уходили налево, а боковая ветка, покрытые ржавчиной рельсы, — направо, к стене Ватикана.

Гарри повернулся и посмотрел назад, вдоль путей главной линии, уходивших к станции Сан-Пьетро. У него оставалось десять минут, чтобы добраться туда, оглядеться и решить, действительно ли он намерен сделать то, что собрался. Если он решит, что это не так, то сможет уйти, прежде чем все начнется. Но он не уйдет, он точно это знал еще в те секунды, когда набирал номер. Без четверти одиннадцать ему предстояло встретиться с Роскани в помещении станции.

— Вы хотели меня видеть, ваше преосвященство? — Палестрина стоял в двери комфортабельной камеры Марчиано, почти полностью загораживая проем своим огромным телом.

— Да.

Марчиано шагнул назад, и Палестрина вошел в комнату. Один из его одетых в черные костюмы охранников шагнул следом, закрыл дверь и остановился перед ней в позе часового. Это был Антон Пилжер, тот самый молодой человек с постоянно ухмыляющимся и в то же время напряженным лицом, который совсем недавно выполнял обязанности шофера Марчиано.

— Я хотел поговорить с глазу на глаз, — сказал Марчиано.

— Как вам будет угодно.

Палестрина поднял ручищу, и Пилжер внезапно выпрямился, резко повернулся, как солдат, а не как полицейский, и вышел за дверь.

Несколько секунд Марчиано глядел в лицо Палестрине, как будто пытался прочесть его тайные мысли; затем медленно простер руку и указал пальцем на беззвучно работавший телевизор. Транслируемое изображение до ужаса походило на то, что накануне передавали из Хэфэя, — длинная колонна грузовиков, набитых солдатами Народно-освободительной армии. На тротуарах улиц, по которым тянулась колонна, стояли толпы людей. Камера повернулась к репортеру, одетому в защитный комбинезон и почти не отличавшемуся по виду от солдат, сидевших в грузовиках. Его голоса не было слышно, поскольку звук в телевизоре выключили, но он явно рассказывал о происходящем.

— Уси находится на втором озере, — сказал пепельно-серый Марчиано. — Я хочу, чтобы второе оказалось и последним. Я хочу, чтобы вы остановились на этом.

Палестрина взглянул на него с приятной улыбкой.

— Святейший отец справлялся о вашем здоровье, ваше преосвященство. Он хотел навестить вас. Я сказал ему, что вы еще очень слабы и что лучше будет дать вам еще немного времени, чтобы оправиться.

— Хватит смертей, Умберто, — прошептал Марчиано. — Я уже в полной вашей власти. Прекратите кошмар, который творится в Китае. Прекратите его, и я дам вам то, что вы с самого начала желали заполучить.

— Отца Дэниела? — Палестрина вновь улыбнулся, на сей раз снисходительно. — Но ведь вы, Никола, говорили мне, что он мертв...

— Он жив. Если я попрошу, он придет сюда. Отмените последнее озеро и делайте с нами что хотите... Тайна вашего «Китайского протокола» умрет вместе с нами.

— Очень благородно, ваше преосвященство. Но, к сожалению, слишком поздно. В обоих смыслах. Китайцы капитулировали и уже сами просят как можно скорее заключить контракт. Несмотря на это... — теперь улыбка Палестрины была полна высокомерия, — на войне не бывает полумер; план кампании необходимо осуществить до конца... — Палестрина умолк и молчал так долго, что Марчиано стало ясно: этого человека не пронять

никакими аргументами. — Что же касается отца Дэниела... Вам ни к чему трудиться и вызывать его, он сам стремится повидать вас. Может быть, сейчас, когда мы с вами беседуем, он уже находится в Риме.

— Это невозможно! — воскликнул Марчиано. — Как он мог узнать, где я и что со мной?

И снова Палестрина улыбнулся.

— Ему рассказал отец Бардони.

— Нет! Никогда! — Марчиано почувствовал, как его захлестывают почти непреодолимые гнев и отчаяние. — Он ни за что не предал бы отца Дэниела.

— Но он это сделал, ваше преосвященство... Возможно, он понял, что я прав, а вы с кардиналом-викарием заблуждались. Что будущее церкви стоит жизни человека, независимо от того, кто он и какое положение занимает. Ваше преосвященство... — Улыбка исчезла с лица Палестрины. — Можете не сомневаться, отец Дэниел придет.

Никогда в жизни Марчиано не испытывал ненависти. Но сейчас он ненавидел, причем с такой силой, какую прежде не мог даже представить себе.

— Я вам не верю.

— Верьте кому хотите...

Палестрина сунул руку в карман своего неизменного священнического пиджака и вынул оттуда небольшой мешочек из черного бархата, затянутый тесьмой, завязанной на бантик.

— В доказательство отец Бардони шлет вам это кольцо...

Положив мешочек на письменный стол, возле которого стоял Марчиано, Палестрина еще раз взглянул на кардинала, повернулся и вышел за дверь.

Марчиано не видел ухода Палестрины. Не слышал, как открылась и вновь закрылась дверь. Его взгляд был прикован к лежавшему перед ним бархатному мешочку. Медленно, трясущимися руками он развязал тесьму и открыл его.

Трудившийся рядом с башней садовник испуганно оглянулся, услышав душераздирающий крик.

Роскани шел в одиночестве по виа Инноченцо III. Утро выдалось жарким, и, по мере того как солнце поднималось, становилось все жарче и жарче. Перед ним находилась станция Сан-Пьетро. Он вышел из машины за полквартала оттуда, приказав Скале и Кастеллетти идти на станцию. Они должны были войти порознь, с разных сторон, один до прихода Роскани, а другой сразу после него. Им надлежало выследить Гарри Аддисона, но ничего не делать, чтобы не вспугнуть его, если только он не бросится бежать. Идея заключалась в том, чтобы предоставить Роскани оперативный простор и дать возможность поговорить с беглецом наедине, в самой спокойной обстановке, насколько возможно, но при этом занять такое положение, чтобы перехватить американца, если он попытается удрать. Никаких других полицейских там не было — ни прикрытия внутри, ни оцепления снаружи. Роскани дал слово.

Гарри Аддисон действовал довольно грамотно. Он позвонил на коммутатор Questura в двадцать минут одиннадцатого и просто сказал:

— Говорит Гарри Аддисон. Меня ищет Роскани.

После этого он продиктовал номер своего сотового телефона и повесил трубку. Засечь, откуда был сделан звонок, не успели. Вообще ничего не успели.

Через пять минут Роскани перезвонил ему из того места, куда его, Скалу и Кастеллетти отвезли сразу же, как только самолет приземлился в римском аэропорту, — из квартиры убитого священника отца Бардони.

Роскани: «Это Роскани».

Гарри Аддисон: «Нам нужно поговорить».

Роскани: «Где вы находитесь?»

Гарри Аддисон: «На железнодорожной станции „Сан-Пьетро“».

Роскани: «Оставайтесь там. Я приеду к вам».

Гарри Аддисон: «Роскани, приходите один. Вы меня не узнаете. Я совсем не похож на себя. Если я замечу полицейских, то сразу уйду».

Роскани: «Где именно на станции?»

Гарри Аддисон: «Я вас отыщу».

* * *

Роскани пересек улицу. Он подходил все ближе к станции. Он хорошо помнил, как поначалу намеревался встретить Гарри Аддисона. В одиночку, с пистолетом в руке. И убить его в отместку за убийство Джанни Пио. Но с тех пор все перевернулось и невероятно усложнилось. Такого развития событий никак нельзя было предвидеть заранее.

Если Гарри Аддисон здесь, на станции, как обещал, значит, он вне стен Ватикана. Роскани надеялся, что и отец Дэниел тоже не скрывается там. Чем черт не шутит, вдруг у

него еще остается шанс закончить это дело, прежде чем Талья и политики вырвут его у него из рук...

* * *

Гарри проследил, как Роскани вошел в здание и пересек зал, а потом вышел на перрон и остановился на краю платформы. Станция Сан-Пьетро была незначительной и принадлежала к ветке, проходившей через Рим весьма долгим и невыгодным маршрутом и потому мало используемой пассажирами. Народу здесь было совсем немного. Оглядевшись по сторонам, Гарри увидел мужчину в спортивной куртке, но при галстуке, который вполне мог оказаться копом в гражданском. Этого человека он заметил, однако, немного раньше, чем в вокзал вошел Роскани, и потому не мог быть в этом уверенным.

Выйдя из вокзала через другую дверь, он обошел здание с торца и вернулся на платформу с другой стороны. Он шел не торопясь, даже лениво. Обычный священник, дожидющийся поезда; вот только этот священник позаботился о том, чтобы засунуть свои фальшивые документы под холодильник в кухне квартиры на виа Николо V.

Через открытую дверь он увидел, что в станционный зал вошел еще один мужчина. У этого воротник рубашки был расстегнут, но спортивная куртка оказалась точь-в-точь такой же, как и на первом подозрительном человеке.

Теперь и Роскани заметил его и стоял, ожидая, пока Гарри подойдет.

Гарри остановился за десяток шагов.

— Вы же обещали прийти в одиночку.

— Я так и сделал.

— Нет, с вами еще два человека.

Гарри не мог бы утверждать это наверняка, но думал, что его предположение верно. Один из этих двоих все еще находился в здании, а второй вернулся на перрон и стоял там, глядя прямо на них.

— Держите ваши руки так, чтобы я их видел, — приказал Роскани, не отводя взгляда от Гарри.

— У меня нет оружия.

— Делайте, как я сказал.

Гарри вынул руки из карманов и почему-то почувствовал себя очень неудобно.

— Где ваш брат?

Голос Роскани звучал очень ровно. Ни намека на какие-нибудь эмоции.

— Его здесь нет.

— Где он?

— Он... в другом месте. В инвалидной коляске. У него сломаны обе ноги.

— В остальном он в порядке?

— Более или менее.

— Медсестра все еще при нем? Монахиня Елена Восо?

— Да...

Когда Роскани назвал имя Елены, Гарри почувствовал неожиданное волнение. Конечно, он был прав, когда сказал, что полиция сможет установить ее личность по тем вещам, которые ей пришлось бросить в пещере. А теперь он точно узнал, что полицейские считают

ее их добровольной сообщницей. Ему ужасно не хотелось, чтобы она оказалась втянута во всю эту историю, но так уже случилось, и ничего нельзя было поделать.

Он резко оглянулся. Второй мужчина вышел на платформу и стоял поодаль, на таком же расстоянии, что и первый. За его спиной болтала и смеялась группа подростков, дожидавшихся поезда. Но полицейский был ближе.

— Вам не стоит меня арестовывать, Роскани, по крайней мере сейчас.

— Почему вы позвонили мне?

Полицейский все так же пристально смотрел на него. Он казался очень сильным физически и глубоко сосредоточенным. Как раз таким, каким Гарри его помнил.

— Я же сказал: нам нужно поговорить.

— О чем?

— О том, как освободить кардинала Марчиано из Ватикана.

Они ехали в плотном дневном потоке автомашин. Гарри с Роскани на заднем сиденье. Скала впереди, а Кастеллетти — за рулем. Они проехали по набережной Тибра, затем пересекли его и, углубившись в улицы на другой стороне, добрались до Колизея, проехали по виа Сан-Грегорио мимо руин Палатина и античного Большого цирка, потом по виа Остиенсе и через Международный выставочный комплекс — этакая экскурсия по Риму, во время которой можно было поговорить, почти не опасаясь, что их кто-нибудь выследит.

Гарри рассказывал — все, что знал, стараясь говорить как можно четче и лаконичнее.

Единственный человек, говорил он, способный пролить свет на убийства кардинала-викария Рима и напарника Роскани, Джанни Пио, а также, вероятно, и на взрыв ассизского автобуса, — это кардинал Марчиано, которого кардинал Палестрина сейчас содержит в изоляции и под реальной угрозой смерти в Ватикане.

Это было известно Гарри со слов его брата, отца Дэниела Аддисона. Этим его знание и ограничивалось — признанием, сделанным одним братом другому. Но это была лишь небольшая часть того айсберга, подробности которого содержались в исповеди, принятой отцом Дэниелом у Марчиано и тайно записанной на магнитофон Палестриной.

После того как отец Дэниел узнал страшные тайны Палестрины, тот приказал убить его, но, прежде чем это было сделано, Яков Фарел, чтобы получить дополнительную возможность для оказания нажима на Марчиано, подбросил отцу Дэниелу улики, сделавшие его первым подозреваемым в убийстве кардинала-викария. А потом, когда Палестрина заподозрил, что отец Дэниел жив, вероятнее всего, именно он через Фарела распорядился устранить Пио, поскольку одновременно с этим убийством Гарри похитили и пытали, желая выведать у него, где же находится отец Дэниел.

— Это тогда сделали запись, в которой вы просите брата выйти из укрытия и сдаться? — спокойно спросил Роскани.

Гарри кивнул.

— Я ничего не соображал после пыток и повторял все, что мне говорили в наушники.

Роскани долго молчал, задумчиво разглядывая американца.

— Но почему?.. — произнес он наконец.

Гарри тоже ответил не сразу.

— Потому что за этим есть кое-что еще. Другая часть исповеди Марчиано...

— Что еще за другая часть? — Роскани резко подался к нему.

— Она касается бедствия в Китае.

— В Китае? — Роскани тряхнул головой, как будто отгоняя непрошеную мысль. — Вы имеете в виду эту страшную эпидемию?

— Да.

— Но какое отношение она может иметь к тому, что происходит у нас?

К этому вопросу Гарри был готов с самого начала. Несмотря на то что Дэни всей душой любил Марчиано и готов был положить за него жизнь, было безумием надеяться, что втроем — он, Дэни и Елена — они смогут освободить кардинала. А вот если к этому делу подключится Роскани, у них появится шанс. И к тому же если отбросить любовь, братские чувства и прочие высокие материи, дело было еще и в том, что лишь показания кардинала Марчиано могли помочь снять обвинения с Дэни, Елены и его самого. Потому-то Гарри

решил пойти на такой большой риск и позвонил Роскани, а потом пришел на станцию.

— Учтите, *ispettore capo*, все, что я говорю, это лишь показания с чужих слов, не имеющие никакой доказательной силы. И мой брат, будучи священником, тоже не сможет ничего рассказать. А вот Марчиано известно все...

Роскани резко откинулся на спинку сиденья и вынул из кармана смятую сигаретную пачку.

— По-вашему получается, что мы попросим кардинала Марчиано, он расскажет нам то, о чем прежде говорил только на исповеди, и все сразу разрешится...

— Не исключено, — отозвался Гарри. — Сейчас его положение совсем не такое, как тогда.

— Вы говорите от его имени? — быстро спросил Роскани. — Вы уверены, что он будет говорить с нами? Что он назовет имена и сообщит факты?

— Нет, я говорю вовсе не от его имени. Я говорю только о том, что ему известно то, чего не знаем мы. И не узнаем, если не вытащим его оттуда и не предоставим ему возможность рассказать обо всем.

Роскани вновь откинулся на спинку. Его одежда была измята, лицо покрыто отросшей щетиной. Он был еще далеко не старым человеком, но сейчас выглядел очень усталым и казался Гарри старше, чем при первой встрече.

— *Gruppo Cardinale* подняла на ваши поиски полицию по всей стране, — задумчиво сказал он. — Ваши фотографии были во всех газетах, на всех телеэкранах. За вас была назначена очень внушительная награда. Так каким же образом вы смогли добраться от Рима до Комо... и вернуться обратно?

— В этой самой одежде, что на мне сейчас, — одежде священника. В вашей стране очень уважают священнослужителей. Особенно католических.

— Вам помогали?

— Да, несколько человек отнеслись к нам доброжелательно...

Роскани посмотрел на помятую сигаретную пачку, которую давно уже держал в руке, медленно смял ее и изо всей силы сдавил в кулаке.

— Позвольте, я скажу вам правду, мистер Аддисон... Все вещественные доказательства говорят против вас и вашего брата. Даже если я скажу, что верю вам, кто еще со мной согласится? — Он ткнул сжатым кулаком вперед. — Скала? Или Кастеллетти? Или итальянский суд? Или ватиканские министры?

Гарри задержал взгляд на лице полицейского, понимая, что, если он отведет глаза в сторону, это будет воспринято как неискренность.

— А теперь, Роскани, позвольте, я скажу правду вам. Кое-что такое, что знаю только я, потому что там... В тот день, когда погиб Пио, Фарел позвонил мне в отель и предложил, вернее, приказал куда-то поехать. Его водитель отвез меня за город, в тот район, где взорвался автобус. Пио приехал туда раньше нас. Там ребяташки нашли побывавший в огне пистолет. Фарел захотел, чтобы я посмотрел на него. Намекал, что он принадлежал моему брату. Как я понял, это была попытка со стороны Фарела надавить на меня, чтобы я сказал, где находится Дэнни... Только вот в то время я даже не знал, жив ли он, а уж о том, где он мог находиться...

— И где же этот пистолет? — осведомился Роскани.

— А он не у вас? — удивился Гарри.

— Нет.

— Он лежал в пластиковом пакете в сумке, которая находилась в багажнике машины Пио...

Роскани ничего не сказал. Он сидел неподвижно, глядя на своего собеседника без всякого выражения. Но его мысль напряженно работала. Да, это, вероятнее всего, было правдой. Откуда мог Гарри Аддисон вообще узнать о пистолете, если не был на месте? И его удивление, когда он узнал, что полиция не получила пистолет, было вполне естественным. И все остальное, о чем он говорил, очень хорошо сопрягалось с собственной версией Роскани — от пропавшего пистолета до интриги, разворачивающейся на высших уровнях ватиканской иерархии.

Услышанное так же хорошо объясняло, почему столь многие укрывали отца Дэниела, заботились о нем, помогали ему и беззастенчиво лгали полиции: потому что об этом попросил кардинал Марчиано.

Марчиано обладал громадным влиянием. Парень из тосканской деревни, принадлежащий к роду, глубоко уходящему корнями в итальянскую землю, человек из народа, которого любили и почитали как священника задолго до того, как он поднялся на головокружительную высоту в церковной иерархии. И потому, если такой человек попросит помощи, ее тут же окажут, не задав ни единого вопроса; причем об этом никто никогда не узнает.

А Палестрина, злой гений всех этих событий, каким-то непонятным образом причастный к массовой гибели людей в Китае, является видной фигурой во всемирной дипломатии и, несомненно, может обладать знакомствами, позволяющими наладить связь с международными преступниками и террористами, такими как Томас Добряк.

Помимо всего прочего, кардинал Марчиано контролирует финансовые потоки, исходящие из Ватикана, то есть мощную финансовую базу, которая должна понадобится Палестрине, если он действительно вынашивает какие-то грандиозные планы.

Гарри понимал, что Роскани обдумывает рассказанное им и решает, можно ли ему верить. И знал, что закрепить успех, окончательно привлечь детектива на свою сторону он сможет, лишь если сообщит ему еще что-то важное.

— Священник, работавший у кардинала Марчиано, приезжал в Лугано, где мы скрывались, — сказал Гарри, продолжая смотреть Роскани прямо в глаза, — и попросил моего брата вернуться в Рим. Он поступил так, потому что кардинал Палестрина грозил убить Марчиано, если тот откажется. Так что он приехал и рассказал нам, что происходит. Он арендовал «мерседес», добыл для него ватиканский номер и приготовил место, где мы сможем скрываться, когда вернемся в Рим... Этим утром я ходил к нему домой. Он мертв. Кисть левой руки отрезана... Я чертовски перепугался и сразу удрал. Я дам вам адрес, и вы...

— Мистер Аддисон, мы знаем, с какими номерами ехала ваша машина, и об отце Бардони тоже знаем, — перебил его Роскани.

— Что вы знаете? — еще резче возразил ему Гарри. — Знаете, что именно отец Бардони разыскал моего брата в том аду, который творился в больницах после взрыва автобуса, и умудрился вывезти оттуда? Отыскал и отвез на своей машине к знакомому врачу в пригород Рима; там брат и находился до тех пор, пока Бардони не организовал его перевозку в пескарскую больницу и не нашел людей, которые должны были его охранять там? Это вам известно, *ispettore capo*? — Гарри некоторое время смотрел на Роскани, давая ему возможность обдумать свои слова, а потом добавил более спокойным тоном: — Обо всем

остальном я тоже говорю вам чистую правду.

Кастеллетти повернул руль, и машина поехала по виале делл'Осеано Пасифико обратно, в сторону Тибра.

— Мистер Аддисон, вы знаете, кто убил отца Бардони? — спросил Роскани.

— Догадываюсь и думаю, что не ошибусь. Тот самый блондин, который пытался убить нас в пещере в Белладжио.

— Вам известно, кто он такой?

— Нет.

— Имя Томас Добряк вам что-нибудь говорит?

— Томас Добряк?! — Гарри показалось, что его с силой ударили кулаком по затылку.

— Похоже, вы знаете, кто это такой...

— Да, — выговорил Гарри.

Конечно, он знал. Это было все равно что сомневаться, знакомо ли ему имя Чарли Мэнсона, безумного хиппи, перебившего на вечеринке в Беверли-Хиллз чуть ли не десяток кинозвезд и звездочек. Томас Добряк не только был одним из самых разрекламированных через СМИ жестоких и неуловимых преступников современности; некоторые еще и воспринимали его сквозь романтическую завесу. «Некоторые» — имелся в виду Голливуд. Только за последние месяцы стартовали четыре крупных кино- и телепроекта, главным героем которых являлся как раз Томас Добряк. Гарри знал это доподлинно, поскольку участвовал в переговорах и составлении документов для двух из них — в одном случае по поводу привлечения режиссера, а во втором — актеров на главные роли.

— Даже если бы ваш брат был здоров, а не прикован к инвалидному креслу, ему все равно угрожала бы страшная опасность. Добряк славится своим умением отыскивать тех людей, которых хочет найти. Это умение он подтвердил в Пескаре и Белладжио, а теперь еще и в Риме. Я настоятельно прошу вас сказать, где находится ваш брат.

— Если вы арестуете Дэнни, он окажется в еще большей опасности, — возразил Гарри. — Стоит Фарелу узнать, где он, как они тут же убьют Марчиано, а потом отправят кого-нибудь расправиться с Дэнни, где бы он ни находился. Может быть, самого Добряка, может быть, кого-нибудь еще...

Роскани всем телом подался вперед, не сводя глаз с Гарри.

— Мы приложим все силы, чтобы этого не случилось.

— Что это значит?

Гарри показалось, что перед самым его носом на полном ходу зажегся красный сигнал светофора. Ладони сделались липкими, на верхней губе выступил пот.

— Это значит, мистер Аддисон, что вы не можете ничем доказать, что говорите правду. Зато имеются вполне весомые доказательства, позволяющие предъявить обвинения в убийствах и вам, и вашему брату.

Сердце Гарри приостановилось. Неужели Роскани собирается сейчас арестовать его? Этого нельзя было допустить ни в коем случае.

— И вы позволите убить вашего основного свидетеля, даже не попытавшись воспрепятствовать этому?

— Мистер Аддисон, я просто ничего не могу поделать. У меня нет права посылать людей на территорию Ватикана. А если я на это и пойду, все равно не смогу никого арестовать...

Из слов Роскани, вернее, из тона, которым он их произносил, следовало, что он поверил

в историю Гарри. По крайней мере, хотел в нее верить.

— Если я попытаюсь добиться экстрадиции кого-то из них, — продолжал Роскани, — хоть Марчиано, хоть кардинала Палестрины, хоть Фарела... ничего не выйдет. Законы Италии требуют доказать виновность подозреваемого, «чтобы не оставалось значительных сомнений». Обязанности следователей, мои, — он ткнул рукой вперед, — Скалы и Кастеллетти и всей остальной Gruppo Cardinale — собирать улики для прокуратуры, для Марчелло Тальи... Но, мистер Аддисон, улик нет, и, следовательно, нет оснований что-то предпринимать. А без оснований соваться не куда-нибудь, а в Ватикан... Вы же сами юрист, вы должны понять, — добавил Роскани упавшим голосом.

Все это время Роскани смотрел в глаза Гарри, и тот многое прочел во взгляде детектива: гнев, расстройство, бессилие, недовольство собой. Роскани вел борьбу с самим собой и своим служебным долгом.

Гарри медленно отвернулся от Роскани и взглянул на Скалу и Кастеллетти, вырисовывавшихся темными силуэтами на фоне яркого римского дня. В них он ощущал те же самые эмоции. Они дошли до конца отведенного им пути. Политики и законники опять возьмут верх над правосудием. Они могли лишь выполнять свои обязанности. А это означало — арестовать его и Дэнни. А также Елену.

В эту секунду Гарри понял, что оказался в крайне опасном положении. Но обязан найти выход из него, иначе они все пропадут. И он сам, и Дэнни, и Елена, и Марчиано.

Он решительно повернулся к Роскани.

— Убийства Пио и кардинала-викария... Убийства в Белладжио и прочих местах... Все эти преступления совершены на итальянской территории!..

— Да, — кивнул Роскани.

— Если вы встретитесь с кардиналом Марчиано... Если он даст вам и прокурору показания об этих преступлениях... Если он назовет имена и мотивы... Этого хватит, чтобы потребовать экстрадиции?

— Все равно это будет очень трудно.

— Но тем не менее возможно?

— Да. Вот только, мистер Аддисон, мы с ним не встретимся. И не сможем.

— А если я смогу устроить эту встречу?

— Вы?

— Да.

— Каким же образом?

Скала повернулся на сиденье. Гарри заметил, что Кастеллетти уставился на его отражение в зеркале.

— Завтра в одиннадцать утра в Ватикан войдет маневровый тепловоз, чтобы вывезти давно стоящий на внутренней ветке старый вагон. Отец Бардони организовал эту операцию, чтобы таким образом освободить Марчиано. Возможно, мне самому удастся осуществить ее. Но потребуются ваша помощь. Только здесь, за пределами ватиканских стен.

— Какую помощь вы хотите?

— Защиту для меня, моего брата и сестры Елены. Только вы троим. Больше никого. Я не хочу, чтобы Фарел что-то узнал. Вы даете мне слово, что не станете никого арестовывать до тех пор, пока это дело не окончится. А я отведу вас к нам.

— Мистер Аддисон, вы предлагаете мне нарушить закон...

— *Ispettore capo*, вы хотите узнать правду. Я тоже...

Роскани взглянул на Скалу, а потом опять повернулся к Гарри.

— Продолжайте, мистер Аддисон...

— Завтра, когда тепловоз выедет из Ватикана со старым вагоном, вы проследуете за ним, пока он не остановится. Если все получится, в вагоне будем мы с Марчиано. Вы доставите нас туда, где останутся Дэнни и сестра Елена. Дадите Дэнни и кардиналу возможность пообщаться наедине, чтобы они могли договориться. А потом придете с вашим прокурором.

— А если он откажется говорить?

— В таком случае наше соглашение теряет силу и вы поступите с нами так, как сочтете нужным.

Роскани довольно долго сидел с непроницаемым, совершенно каменным лицом, и Гарри никак не мог понять, можно рассчитывать на согласие или все пропало.

— Моя роль проста, мистер Аддисон, — сказал наконец детектив. — Но у меня есть очень серьезные сомнения насчет вашего плана. Ведь дело не только в том, чтобы посадить человека в вагон. Сначала вам нужно будет освободить его оттуда, где он есть, а для этого придется иметь дело с Фарелом и его бандой. А ведь где-то там находится еще и Томас Добряк.

— Мой брат служил в морской пехоте, — невозмутимо ответил Гарри. — Он объяснит мне, что и как делать.

Роскани понимал, что это безумие. И знал, что Скала и Кастеллетти понимают это не хуже его. Но даже если они не пойдут с этим психованным американцем сами — а они никак не могли пойти, потому что, если бы пошли и попались, разыгрался бы грандиозный дипломатический скандал, — им остается только одно: отступить в сторону и пожелать ему удачи. Это игра — рискованная и с очень малыми шансами на удачу. Но, судя по всему, другого пути у них нет.

— Ладно, мистер Аддисон, договорились, — негромко проговорил он.

Гарри почувствовал глубокое облегчение, но попытался не показывать его.

— Остаются еще три момента, — сказал он. — Во-первых, мне нужен пистолет.

— Вы умеете им пользоваться?

— Прошел полугодие курсы самообороны в стрелковом клубе Беверли-Хиллз. Меня рекомендовал туда один из моих клиентов.

— Что еще?

— Альпинистскую веревку. Длинную и такой прочности, чтобы гарантированно могла выдержать тяжесть двоих взрослых мужчин.

— Это два. Что еще?

— У вас в тюрьме есть один человек. Полицейские привезли его поездом из Лугано обратно в Италию. Он обвиняется в убийстве, но непредвзятый суд без труда установит, что это была самозащита. Мне потребуется его помощь. Я прошу вас выпустить его.

— Кто он такой?

— Карлик, передвигающийся на костылях. Его зовут Геркулес.

— Квартира три «а», — сказал Гарри.

— Хорошо, — кивнул Роскани, и Гарри вышел из машины.

Он выждал несколько секунд, проводил взглядом отъезжавший автомобиль, потом вошел в подъезд. Что сделано, то сделано. Роскани знал, где они находятся, а теперь следовало сообщить об этом Дэнни.

* * *

— Адрианна Холл предупреждена. Итон предупрежден. Все как ты...

— И полиция тоже предупреждена? — Дэнни резко развернул свое кресло, пересек комнату и уставился гневным взглядом в окно.

Гарри не пошевелился, он стоял на месте, глядя на брата и не зная, что делать дальше.

— Гарри, прошу вас, потом...

Елена взяла Гарри под локоть. Она хотела, чтобы он ушел в одну из спален, лег в кровать и поспал. Он оставался без сна уже более тридцати часов, и она ясно слышала усталость в его голосе, видела во взгляде эмоциональное перенапряжение от событий последних недель и знала, что у него больше не осталось сил. Вернувшись, он сразу же рассказал и о своих звонках Адрианне и Итону, и о встрече с полицейскими. Помощи, которую он надеялся получить, они оказать не смогут. Он рассказал и об угрозах Роскани, и о соглашении, которое ему в конце концов удалось заключить. Рассказал о Геркулесе. И о Томасе Добряке. Но Дэнни, похоже, воспринял лишь ту часть его слов, которую захотел услышать, — что полицейские и прокурор будут ждать их с Марчиано. Как будто кардинал — это какой-то шпион или лазутчик, возвращения которого из вражеского тыла с нетерпением ожидает разведка, чтобы получить сведения о противнике.

— Дэнни... — Гарри высвободил локоть из руки Елены и шагнул к отвернувшемуся от него брату; физическая усталость лишь укрепляла его решимость. — Я понимаю твой гнев и глубоко уважаю твое отношение к кардиналу. Но ради Христа, пошевели мозгами и пойми, что только один Марчиано в состоянии спасти нас от тюрьмы. Если он откажется говорить с полицейскими и с прокурорами, то все мы, — Гарри резко выбросил руку, указав на Елену, — в том числе и Елена, загремим за решетку, причем очень надолго.

Дэнни медленно отвернулся от окна и посмотрел на брата.

— Гарри, кардинал Марчиано не предаст церковь, — спокойно и очень четко проговорил он. — Ни ради тебя, ни ради сестры Елены, ни ради меня, ни даже ради себя самого.

— А как насчет правды?

— Даже ради...

— Возможно, ты ошибаешься.

— Нет.

— В таком случае, Дэнни, я думаю, — голос Гарри прозвучал точно так же, как и голос его брата, — лучше всего будет постараться вытащить его оттуда живым и невредимым, а потом пусть решает сам. Скажет — нет, значит, нет... Разумно?

Дэнни долго молчал, а потом прошептал:

— Разумно...

— Вот и хорошо, — произнес Гарри, и тут усталость окончательно взяла над ним верх. Он повернулся к Елене: — Где я могу лечь?

Кардинал Марчиано сидел в кресле с высокой прямой спинкой и словно замороженный смотрел на телевизионный экран, находившийся в пяти футах от него. Звук был все так же выключен. Сейчас по телевизору шла реклама. Двигались анимированные фигурки. Что они призывали покупать, оставалось непонятным.

Около стены лежал тот бархатный мешочек, который принес Палестрина. Его ужасное содержимое подтверждало, если, конечно, нужны были дополнительные подтверждения, что первый министр Ватикана окончательно лишился рассудка. Не в силах не то что прикоснуться к мешочку, но даже взглянуть в ту сторону, Марчиано попытался заставить своих стражей убрать его, но Антон Пилжер попросту остановился в двери и заявил, что вносить в это помещение или выносить из него ничего нельзя, если только нет прямого приказа, а такого приказа ему не давали.

— Так что извините, — добавил он издевательским тоном, вышел и закрыл за собой дверь.

Звук, с которым задвинулся с той стороны массивный засов, до сих пор звучал в ушах Марчиано.

Вдруг в телевизоре появилась занимавшая весь экран карта Китая. На ней были выделены города Уси и Хэфэй; рядом с ними шла надпись:

«22.20 по пекинскому времени:
Уси — 1700 умерших.
Хэфэй — 87 553 умерших».

Теперь на экране появился Пекин. Репортер стоял на площади Тяньаньмэнь.

Марчиано взял пульт дистанционного управления. Включил звук.

Репортер говорил по-итальянски. Он сообщил, что ожидается важное правительственное сообщение по поводу бедствий в Хэфэе и Уси. Предполагается, что будет объявлено о немедленном начале работ по полной реконструкции всей системы водоснабжения и энергоснабжения Китая.

Марчиано нащупал пальцем кнопку.

Репортер теперь молча раскрывал рот. Марчиано отложил пульт. Палестрина выиграл. Он выиграл, но все равно будет отравление в третьем городе, погибнут еще тысячи и тысячи людей. Зачем? Зачем?!

Увидев, что происходит, и заранее зная, что последует дальше, Марчиано закрыл глаза. Он вдруг пожалел, что отец Дэниел не погиб при взрыве автобуса; в таком случае ему не пришлось бы узнать, какой ужас повлекли за собой преступная слабость Марчиано и его неспособность противостоять Палестрине. Лучше бы ему умереть тогда, чем быть убитым прихвостнями Фарела здесь, когда он придет искать Марчиано — после того как китайская трагедия уже свершилась.

Отвернувшись от бесчувственно жестокого телеэкрана, Марчиано оглядел комнату.

Предвечерний солнечный свет, вливавшийся через стеклянную дверь, манил наружу. Дверь была для кардинала одной из трех спасительных отдушин, помимо молитвы и сна. Через нее он мог смотреть на сады Ватикана и видеть пасторальный мир, исполненный спокойствия и красоты.

Он раздвинул занавески и остановился у двери, не открывая ее, глядя на игру светотеней, которой забавлялся на земле пробивавшийся через кроны деревьев солнечный свет. Постояв минутку, он вернется в комнату, преклонит колени подле кровати и будет молиться, как делал очень часто за последние дни и часы, чтобы Бог ниспослал ему прощение за причастность к творившемуся в далекой стране ужасу.

Уже обратившись мыслями к молитве, он готов был отойти от двери, но вдруг всю красоту, которой он мимолетно любовался, как рукой смахнуло. А то, что явилось ей на смену, потрясло Марчиано до глубины души. Он видел эту сцену, наверное, сотни раз, но никогда еще она не вызывала у него столь глубокого отвращения.

По усыпанной чистым гравием дорожке в его сторону шли двое мужчин. Один из них, одетый в черное, был намного крупнее второго. А тот был заметно старше и носил белое. Первым был Палестрина. Второй, тот, что в белом, — святой отец Джакомо Печчи, Папа Лев XIV.

Палестрина казался очень оживленным. Он что-то непрерывно говорил и жестикулировал, от него прямо-таки исходила энергия. Как будто весь мир был преисполнен радости. А Папа, шедший рядом с ним, как всегда, полностью подчинялся его обаянию и всецело ему доверял. И потому был совершенно неспособен увидеть правду.

Когда эти двое подошли ближе, Марчиано почувствовал, как у него похолодела спина, словно сзади на него подуло ледяным ветром. Лишь сейчас он впервые осознал, кем на самом деле являлся этот уличный мальчишка из Неаполя, как любил говорить о себе Палестрина.

Не просто знаменитый, почитаемый и всеми любимый политик. Не просто человек, поднявшийся до второго по значимости поста в Римско-католической церкви. Не просто глубоко испорченное, безумное, страдающее тяжелой паранойей существо, главный организатор одного из самых страшных преступлений против человечности, какие только знала история. Этот седовласый улыбчивый гигант, прогуливающийся по залитому солнцем подобию райского сада подле святого отца, очаровывая его своими речами, был самой тьмой, законченным воплощением зла на земле.

— Мистер Гарри! — воскликнул Геркулес, когда Гарри открыл дверь квартиры 3-а и Роскани жестом предложил карлику войти.

Совершенно обалдев от неожиданности, Геркулес ввалился на костылях в квартиру, а следом за ним вошли Роскани, Скала и Кастеллетти.

Кастеллетти беззвучно закрыл дверь, повернул ключ в замке и остался у входа, а Скала, бросив быстрый, но пристальный взгляд на Дэнни и Елену, прошелся по всей квартире.

— Веревка, которую вы просили, лежит в коридоре, — сказал Роскани.

Гарри кивнул и повернулся к Геркулесу, который так и застыл на костылях подле Кастеллетти, раскрыв рот и, похоже, лишившись дара речи.

— Проходите сюда и садитесь. Это отец Дэниел, мой брат, а это сестра Елена... — Гарри, обращаясь сразу и к Роскани, и к Геркулесу, представил священника, сидевшего в инвалидном кресле, и милостивую молодую женщину, которая стояла рядом с ним с таким видом, будто принимала гостей, приглашенных на обед.

Геркулес проковылял вслед за Гарри через комнату, все еще ничего не понимая и совершенно не представляя себе, чего ждать дальше. Совсем недавно его неожиданно вывели из камеры предварительного содержания в центральной тюрьме и сказали, что переводят в другое место заключения. Через пятнадцать минут он ехал по Риму на удобном заднем сиденье темно-синей «альфа-ромео» рядом с самым главным детективом из Gruppo Cardinale.

— Никого нет, — сообщил Скала, вернувшись в комнату, и продолжил, глядя на Роскани: — Из кухни на черную лестницу выходит дверь с простым замком. Проникнуть с крыши можно, только если разобьешь стекло; будет такой шум...

Роскани кивнул, продолжая рассматривать Дэнни, как будто пытался создать для себя полное представление о нем.

— Геркулеса мы вытащили под видом перевода в другую тюрьму. Произошла небольшая путаница с бумагами... Но мне нужно, чтобы завтра в это же время он вернулся ко мне.

— Думаю, что завтра в это же время у вас будем мы все, — ответил Гарри. — Как насчет пистолета?

Роскани заколебался, но потом резко повернулся к Скале и кивнул. Младший детектив извлек из поясной кобуры полуавтоматический пистолет и протянул его Гарри.

— Девятимиллиметровый «калико-парабеллум». Шестнадцатизарядный магазин, — сообщил он по-английски с сильнейшим акцентом, а потом вынул из кармана запасную обойму и тоже отдал ее Гарри.

— Заводской номер спилен, — сухо добавил Роскани. — Если попадетесь, говорите, что не помните, как он к вам попал. Если обмолвитесь хоть словом о том, что тут происходит, мы будем отрицать все с начала до конца, а суд над вами окажется намного пристрастнее, чем вы в состоянии себе представить.

— *Ispettore capo*, мы же с вами виделись всего один раз, — ответил Гарри. — Когда вы встретили меня у трапа самолета. А остальные с вами вовсе не встречались.

Роскани обвел взглядом комнату. Посмотрел на Геркулеса. На Елену. Затем на Дэнни и вновь на Гарри.

— Завтра, — сказал он, — товарный вагон вывезут с территории Ватикана на запасные пути между станциями Трастевере и Остиенсе и там оставят, чтобы потом перегнать в другое место. Мы будем всю дорогу сопровождать его. Когда тепловоз отъедет, мы войдем внутрь. Теперь дальше... Настоятельно советую вам избегать встреч с людьми Фарела. Их много, и они постоянно поддерживают связь между собой.

Из внутреннего кармана пиджака Роскани вынул фотографию пять на семь сантиметров и протянул ее Гарри.

— Это Томас Добряк. Таким он был три года назад. Не знаю, поможет ли вам этот снимок, потому что он меняет свой облик не реже, чем другие переодеваются. Брюнет, блондин, женщина... Да еще и свободно владеет полудюжиной языков. Если увидите его — стреляйте не задумываясь. И продолжайте палить в него, пока не будете уверены, что он мертв. А потом скорее уходите. Пусть вся честь достанется Фарелу. — Роскани вновь оглядел присутствующих. — Кто-нибудь из нас будет всю ночь дежурить возле дома.

— Я подумал, что вы нам...

— На тот случай, если Томасу Добряку станет известно, где вы находитесь.

Гарри кивнул.

— Спасибо, — совершенно искренне сказал он.

Роскани в очередной раз посмотрел на всех по очереди.

— *Buona fortuna*, — сказал он и кивнул Скале и Кастеллетти.

Через несколько секунд входная дверь хлопнула, и детективы спустились вниз.

Buona fortuna. Желаю удачи.

*Уси, Китай.**Пятница, 17 июля, 3 часа 20 минут*

Еще одна вспышка!

Лио Вэня скривилось, и он попытался отвернуться от ослепительно ярких огней стробоскопа. Сильная рука удержала его голову на месте.

Вспышки, вспышки, вспышки!

Он не имел никакого понятия, кто эти люди. И где он находится. И каким образом они смогли отыскать его среди толп мечущихся перепуганных людей на улице Чэч-Лу, по которой он пробирался на железнодорожную станцию. Он всего лишь пытался покинуть Уси после отчаянного спора с чиновниками на станции водоочистки номер два. В пробах воды, взятых на рассвете им лично, была отмечена опасная концентрация токсинов сине-зеленых водорослей, примерно такая же, как и в Хэфэе. Так он и сказал. Но его предупреждение повлекло лишь нашествие местного начальства и инспекторов природ-надзора. Впрочем, к тому времени, когда дебаты закончились и станцию водоочистки вместе с системами водозабора из озера Тайху, Большого канала и реки Лянси остановили, власти уже приступили к введению чрезвычайного положения.

— Говори! — потребовал голос.

Голову Лио Вэня запрокинули, и он увидел лицо офицера Народно-освободительной армии, но тут же узнал форму и сообразил, что все не так просто. Он имел дело с Министерством общественной безопасности.

— Говори! — повторил офицер.

Лио Вэня резко развернули к столу, на котором были разложены бумаги. Он всмотрелся. Это были те самые листы с формулами, которые он получил в пекинской гостинице от американского гидробиолога Джеймса Хоули и нес в своем портфеле, когда его арестовали.

— Это рецепт, по которому ты готовил отраву! — заявил голос.

Лио Вэнь медленно поднял голову.

— Я ничего такого не делал, — сказал он.

Рим. Четверг, 16 июля, 21 час 30 минут

Скала сидел в кресле и смотрел, как его жена и теща играют в карты. Дети — одного года, трех, пяти и восьми лет — уже спали. Ему казалось, что он не был дома уже несколько месяцев, и больше всего на свете он хотел здесь остаться. Лишь затем, чтобы слушать негромкий разговор женщин, ощущать запах своего жилища и знать, что дети совсем рядом, в соседней комнате. Хотел, но не мог. В полночь ему предстояло сменить Каstellетти на посту возле дома по виа Николо V и дежурить там до семи утра, когда тот вернется вместе с Роскани. Затем он сможет поспать три часа, встретиться с коллегами в десять тридцать и ждать вместе с ними, пока маневровый тепловоз въедет внутрь, а потом вновь появится из-за

громадных железных ворот в непроницаемой для итальянской полиции стене Ватикана.

Скала совсем уже собрался подняться, пройти в кухню и приготовить свежий кофе, как зазвонил телефон.

— Sì, — сказал он, быстро подняв трубку.

— Гарри Аддисон в Риме. — Говорила Адрианна Холл.

— Я знаю.

— Его брат с ним.

— Я...

— Сандро, где они находятся?

— А этого я не знаю.

— Сандро, ты знаешь. Не надо мне врать. Тем более об этом и после стольких лет.

«Стольких лет...» Скала тут же вернулся памятью к тем временам, когда Адрианна, начинающий репортер, только-только появилась в составе римского бюро. Тогда она готовила материал, который мог обеспечить ей хороший карьерный скачок, но сорвал бы расследование убийства, которое Скала уже довел почти до самого конца. Он уговорил ее не публиковать материал, и она хоть и с величайшей неохотой, но согласилась. Но это помогло ей сделаться для Скалы *fidursi di* — доверенным лицом. Он действительно доверял ей и уже много лет втихаря снабжал ее закрытой информацией, и она тоже делилась с ним своей информацией, которая порой приносила полиции немалую пользу. Но сейчас положение было необычным. Происходящее стало слишком уж опасным, слишком велики оказались ставки. Если в прессу просочится хоть полслова о том, что они помогают братьям Аддисонам, им сможет помочь один только Бог, да и то не наверняка.

— Извини, я ничего об этом не знаю. Прости, уже поздно... — негромко пробормотал Скала и повесил трубку.

Сидя вокруг кухонного стола, они слушали Дэнни и рассматривали нарисованную им от руки схему Ватикана, которая лежала среди кофейных чашек, бутылок из-под минеральной воды и остатков пиццы, за которой Елена рискнула ненадолго выскочить на улицу.

— Вот это наш объект. А вот подступы к нему, — в двадцатый раз объяснял Дэнни, шаг за шагом показывая им, что и как делать.

Все происходило именно так, как Гарри предположил в разговоре с Роскани; брат говорил не как священник, а как хорошо обученный морской пехотинец.

— Башня здесь, а это железнодорожная станция.

Дэнни повел пальцем по схеме Ватикана, то и дело поглядывая на Гарри, Елену и Геркулеса, чтобы убедиться, что они внимательно слушают его и понимают каждую мелочь. Как будто он инструктировал их в первый раз.

— Вот тут высокая часть стены, — продолжал он, — идет на юго-восток вдоль узкой асфальтированной дороги, на расстоянии примерно шестидесяти ярдов от башни. Здесь она кончается. А справа проходит главная стена.

Дэнни резко повернулся в кресле.

— Ее хорошо видно из нашего окна.

С этими словами он вновь взглянул на собеседников.

— Возле конца стены проходит покрытая гравием аллея, которая приведет на виале дель Колледжио Этиопико — бульвар Эфиопского колледжа. Здесь вы окажетесь возле низкой части стены и чуть ли не на крыше вокзала. Главное — точно соблюдать график. Не следует пытаться слишком рано освободить Марчиано, чтобы у них не было времени устроить прочесывание территории. Но мы должны попасть в вагон до того, как в одиннадцать откроют ворота и впустят тепловоз. Это значит, что нужно выбраться из башни в десять сорок пять и оказаться в вагоне не позже десяти пятидесяти пяти, потому что начальник ватиканской станции или один-два его рабочих наверняка выйдут, чтобы посмотреть, достаточно ли открылись ворота.

— Теперь представим себе, — Дэнни опять поставил указательный палец на схему, — что вы выйдете из башни и почему-то — может, из-за людей Фарела, или Томаса Добряка, или Божий промысел вам не позволит — не сможете идти вдоль стены. В таком случае идите прямо по той дороге, которая окажется перед вами, через ватиканские сады. Через несколько сотен ярдов вы увидите другую похожую башню — «Радио Ватикана». Как только увидите ее, поворачивайте направо. Пройдете напрямик и вновь окажетесь на виале дель Колледжио Этиопико возле той стены, которая проходит над станцией. Следуйте по дороге вдоль стены ярдов тридцать — и достигнете железнодорожных путей. Нужный вам вагон будет как раз там, между станцией и тупиковым туннелем, в котором заканчиваются пути. Перейдете через пути к дальней от бульвара стороне вагона. Там будет второй путь и сразу за ним — стена. Откатите дверь — для этого, вероятно, придется приложить силу, потому что вагон старый и весь проржавел, — и залезайте внутрь. Дверь закройте. И ждите тепловоза. Вопросы есть?

Дэнни вновь оглядел своих товарищей, и Гарри не мог не восхититься его сосредоточенностью и четкостью мысли. Ни следа той меланхолии, которая одолевала брата с утра. Он имел полное право прилепить на лоб наклейку с девизом морских пехотинцев: «Нас мало, но мы горды».

— Мне нужно по-маленькому, — вдруг заявил Геркулес и, поднявшись, оперся на костыли и вышел из комнаты.

Время было неподходящее для веселья, но Гарри улыбнулся во весь рот. Таков уж был Геркулес. Бесцеремонный, комичный, но при том полностью отдававшийся делу, каким бы оно ни было. Немного раньше, как только полицейские ушли, Геркулес уставился на Гарри с ошарашенным видом и спросил:

— Что это за чертовщина?

И Гарри в присутствии Дэнни и Елены совершенно откровенно рассказал ему, как кардинала Марчиано против его воли удерживают в Ватикане, что его арест — это часть огромного заговора и что кардинала убьют, если его не удастся выволить. Что им нужен на той стороне человек, который смог бы пробраться в башню незамеченным. Они думают, что Геркулес именно такой человек, и именно для него они и припасли альпинистскую веревку. Гарри не замедлил добавить, что, согласившись участвовать, Геркулес подвергнет свою жизнь очень серьезной опасности.

Довольно долго карлик сидел с окаменевшим лицом, глядя в никуда. А потом обвел взглядом комнату. Посмотрел по очереди на обоих братьев и на Елену. И вдруг его лицо расплылось в широченной улыбке.

— Какую еще жизнь? — громко произнес он, и его глаза блеснули.

И в эту секунду он сделался одним из них.

Скала вышел из квартиры, мельком оглянулся по сторонам и перешел через дорогу к стоявшему у тротуара своему ничем не примечательному белому «фиату». Еще раз оглянувшись, сел в машину, включил зажигание и уехал.

Через несколько секунд тронулся с места и темно-зеленый «форд», который стоял за полквартала от дома детектива. За рулем сидел Итон, а рядом с ним — Адрианна Холл. Следом за Скалой они свернули налево по виа Мармората, проехали по не слишком загруженной машинами в этот час пьятца делл'Эмпорио и по мосту Субличчо пересекли Тибр. На той стороне они, удачно скрываясь в потоке автомобилей, проследовали за детективом на север по западному берегу реки. Через несколько минут Скала свернул к западу через район Джаниколо, но тут же опять взял на север по виале делле Мура Аурелие.

— Похоже, опасается, что за ним могут следить, — бросил Итон, пристраиваясь за серебристым «опелем», чтобы сохранить безопасную дистанцию между собой и «фиатом» Скалы.

Внезапный отказ итальянского детектива обсуждать с Адрианной ее информацию и делиться с нею своей послужил для нее верным признаком того, что происходят какие-то важные и чрезвычайно засекреченные события. Очень уж не похож на себя был Скала, когда отшил ее, а ведь совсем недавно именно он сообщил Адрианне о том, что отец Дэниел может быть в Белладжио за несколько часов до того, как об этом было широко объявлено, а это значило, что он не намеревался рвать с ней отношения. Его неуклюжая уклончивость вписалась в серию стремительно следовавших мелких и более крупных случаев, наводящих на мысль о том, что события в Ватикане развиваются очень быстро.

Итон и Адрианна вели тщательный учет всему:

— внезапная и никак не объясняемая болезнь кардинала Марчиано, которого в последний раз видели в прошлый четверг, когда он покидал посольство Китая, будучи вроде бы в добром здравии. Даже совместными усилиями они так и не смогли добыть никаких сведений, кроме тех, которые публиковались в официальных пресс-релизах Ватикана: кардинал нездоров и находится под наблюдением ватиканских медиков;

— столь же внезапное возвращение Роскани, Скалы и Кастеллетти в Рим из Милана;

— случившееся сегодня ранним утром убийство отца Бардони, личного помощника Марчиано (о котором, кстати, полиция так до сих пор и не объявила);

— еще одно событие этого утра — короткие телефонные звонки Гарри Аддисона, сделанные, как удалось установить, из автоматов неподалеку от Ватикана и сообщавшие совершенно неожиданные сведения о событиях в Китае. На эти звонки американцы отреагировали незамедлительно, и результатом оказался совершенный через несколько часов арест Ли Вэня, государственного инспектора по качеству воды;

— опять же этим утром — сенсационное объявление о предполагаемом возвращении в Италию давно не дававшего о себе знать террориста по кличке Томас Добряк и о том, что Gruppo Cardinale выписала ордер на его немедленное задержание при первом же появлении.

Внезапно Скала резко перестроился в левый ряд, проехал так с полквартала, свернул,

нарушая правила, направо и, отъехав немного по поперечной улице, опять повернул налево и прибавил газу. Адрианна заметила, что Итон чуть заметно улыбнулся, без труда следуя за ним. Американец переключал передачи, то прибавлял скорость, то отставал, используя всю подготовку профессионального разведчика, каким он являлся на самом деле. До этой ночи и он, и Адрианна выжидали, рассчитывая, что Гарри Аддисон в конце концов приведет их к отцу Дэниелу. Теперь их вела к цели полиция. Они понятия не имели, что и как происходит, но было очень похоже, что ужасное бедствие в Китае оказалось каким-то образом связано с ватиканскими интригами, а это значило, что они стоят на пороге таинственной истории, которая должна потрясти весь мир.

— Полиция может нам изрядно помешать, — процедил сквозь зубы Итон, сбавляя скорость.

Ехавший впереди Скала сделал очередной резкий поворот и нырнул в полутемную улицу, по обеим сторонам которой возвышались жилые дома.

Адрианна промолчала. Она знала, что при иных обстоятельствах Итон позвонил бы паре-тройке своих итальянских оперативников, которые потихоньку похитили бы отца Дэниела. Но не теперь, не в присутствии полиции, тем более что все десятилетия, прошедшие после окончания холодной войны, ЦРУ находилось, как под микроскопом, под постоянным неприязненным наблюдением и Вашингтона, и всего мира. Нет, они могли лишь продолжать делать то же, что и прежде, — ждать и наблюдать, рассчитывая увидеть, как будут разворачиваться события. И еще надеяться, что обстоятельства сложатся благоприятно и они смогут встретиться с отцом Дэниелом, когда он будет один.

Пятница, 17 июля, 00 часов 10 минут

Палестрина проснулся от собственного крика. Весь мокрый от пота, он в темноте непроизвольно выбросил руки вверх, отталкивая видения. Уже вторую ночь подряд к нему во сне являлись темные духи. Их было много, и они пытались накрыть его тяжелым нечистым одеялом, он знал, что это одеяло пропитано ядом, тем самым ядом, который вверг в болезнь и прикончил его в той давней жизни, когда он был Александром.

Лишь через некоторое время он осознал, что разбудил его не ночной кошмар, а звонок телефона, стоявшего на тумбочке рядом с кроватью. Вскоре звон прекратился, но почти сразу же начался снова; на многоканальном пульте аппарата высветился сигнал, что вызов поступил по секретному номеру, известному только одному человеку — Томасу Добряку. Кардинал быстро взял трубку.

— Si...

— В Китае произошел сбой, — небрежным тоном сказал Добряк по-французски, стараясь не слишком волновать Палестрину. — Ли Вэня арестовали. Но ситуация у меня под контролем. Вам не о чем беспокоиться, разве что о планах на завтрашний день.

— Merci, — мрачно ответил Палестрина и положил трубку.

Неожиданно для самого себя он передернул плечами от самого настоящего холода, пробравшего его до костей. Духи были не только порождениями сна, они существовали в действительности и подбирались все ближе и ближе. А что, если что-то опять сорвется и окажется, что ситуация у Томаса Добряка вовсе не под контролем? В этом не было ничего невозможного — как-никак, он не смог устранить отца Дэниела.

И эта мысль породила другую, еще более пугающую — что отец Дэниел жив не из-за благоприятного для него стечения обстоятельств, а потому, что ему покровительствуют эти духи, приславшие ему на помощь брата. Они — сама смерть и нацелились на него, на Палестрину. И не просто нацелились, как вылетевшая из коробки моль стремится в пламя. Палестрина сам призвал их в свою обитель.

00 часов 35 минут

Гарри открыл дверь в кухню и щелкнул выключателем. Подойдя, он проверил зарядные устройства и убедился, что электросеть исправно вливает жизнь в сверхтонкие аккумуляторы сотовых телефонов. Телефонов было два — тот, который Гарри получил от Адрианны, и еще один, оказавшийся в квартире. Утром им предстояло отправиться в Ватикан; один телефон возьмет Дэнни, а второй будет у Гарри. С их помощью они смогут поддерживать между собой связь, когда отправятся выручать Марчиано. Наверняка Фарелу будет крайне трудно, если не невозможно, засечь их нечастые переговоры среди бесчисленных звонков, которые делают по сотовым телефонам туристы и обслуживающий персонал Ватикана, даже если служба безопасности догадается об их приходе туда.

Удовлетворенный результатами осмотра, Гарри выключил свет и направился в коридор.

— Вам надо поспать.

Елена стояла в двери своей комнаты, расположенной прямо напротив той спальни, которую Гарри делил с братом. Ее волосы были зачесаны назад, а одета она была лишь в легкую ночную рубашку. Дальше по тому же неосвещенному коридору располагалась гостиная, откуда слышался залиvistый храп Геркулеса, спавшего на кушетке.

Гарри шагнул к ней.

— Я не хочу, чтобы вы ходили с нами. Мы с Дэнни и Геркулесом сами справимся.

— У Геркулеса свое собственное задание, а отца Дэниела все равно кто-то должен возить в кресле — ведь вы же не сможете находиться одновременно в двух местах.

— Елена... все слишком опасно, слишком непредсказуемо...

Свет падал от лампы, стоявшей возле ее кровати, и просвечивал сквозь тонкую материю ее ночной рубашки, надетой на голое тело. Елена подошла ближе, и Гарри увидел, как порывисто поднимается и опускается ее грудь, чуть прикрытая тонким кружевом.

— Елена, я не хочу, чтобы вы туда шли, — с нажимом произнес Гарри. — Если с вами что-нибудь случится...

Подавшись вперед, Елена ласково прикоснулась пальцами к его губам. И тут же почти непрерывным движением убрала руку и поцеловала его в губы.

— Гарри, у нас есть сегодня, — прошептала она. — Что бы ни случилось потом, сегодня — наше... Люби меня, Гарри...

1 час 40 минут

Дэнни опять посмотрел на часы, лежавшие рядом с ним на тумбочке. Прошло пятнадцать минут. Он сам не понимал, заснул ли на это время. Гарри только что вернулся и лег в кровать. С тех пор как он отправился проверять зарядку телефонов, прошло больше часа. Где он находился и что делал все это время, Дэнни не знал, но догадывался, что брат был у Елены.

Он заметил возникшее между ними притяжение и не сомневался, что рано или поздно сверкнет молния. И то, что она была монахиней, ничего, в общем-то, не значило. Дэнни понял чуть ли не с первого дня, когда Елена явилась в пескарскую больницу, чтобы ухаживать за ним, что она не из тех женщин, которые способны провести всю жизнь в монастырских стенах, погрузившись в религиозное самосовершенствование. Того же, что она влюбится в его брата, он не мог предвидеть даже в самых смелых предположениях, ни при каких обстоятельствах. А уж того, что нынешние обстоятельства — он ухмыльнулся в темноте — окажутся настолько невероятными, ну никак нельзя было предположить. Невероятными и — мимолетное шутливое настроение тут же покинуло его — ужасно, невысказанно трагическими. Перед его мысленным взором возник тот вооруженный пистолетом человек из ассизского автобуса, которого отбросило в сторону взрывом. Он отлично помнил взметнувшееся пламя, душераздирающие крики, зигзаги, которые выписывал автобус. Помнил, как, повинувшись какому-то неясному тогда ему самому импульсу, приподнялся и стал запихивать свои документы в карман пиджака убийцы. Вдруг это видение уступило место другому, и появился Марчиано, говоривший через проволочную сетку исповедальни: «Отпустите мне грехи, святой отец, ибо я грешен...»

Дэнни резко повернулся и уткнулся в подушку, пытаясь выкинуть это воспоминание из головы. Тщетно. Он хранил в своем сердце эту исповедь до последнего слова.

* * *

Адрианна вздрогнула от шороха и вскинула голову. Итон вышел из машины, оправил свой светлый летний пиджак и не спеша направился по тротуару в ту сторону, где стояла машина Скалы. Она видела, что он держался чуть в стороне от светового пятна, отбрасываемого уличным фонарем, и все время поглядывал на темный жилой дом, находившийся поодаль. Потом он исчез в темноте. Адрианна скосила глаза на светившийся тусклым оранжевым светом циферблат часов на приборной панели и удивилась, что так долго проспала.

2 часа 17 минут

Итон вернулся и шлепнулся на водительское сиденье рядом с Адрианной.

— Скала еще там? — спросила она.

— Сидит в машине, курит...

— В доме света нет?

— Нигде. — Итон наклонил голову и посмотрел на спутницу. — Ты бы поспала еще.

Если что-то случится, ты узнаешь.

Адрианна усмехнулась.

— Мне частенько кажется, Джеймс Итон, что я тебя люблю...

— Ты любишь мою должность, а не того человека, который ее занимает. — Итон снова взглянул на дом.

— Человека тоже. Иногда.

Адрианна поплотнее завернулась в свою просторную парусиновую куртку и, подобрав ноги, устроилась на сиденье. Некоторое время она смотрела на Итона, продолжавшего следить за домом, но в конце концов задремала.

*Пекин, Китай.**Та же пятница, 17 июля, 9 часов 40 минут*

— Джеймс Хоули. Американец. Инженер-гидробиолог, — пробормотал Ли Вэнь. В рту у него пересохло, зато одежда намочила от пота. — Он... он живет в городе Уолнат-Крик, это в Калифорнии. Рецептuru мне дал он. Я... я не знал, для чего она. Я думал... думал, что это новый тест... на токси... токсичность воды...

Через массивный деревянный стол на Ли Вэня смотрел тот же самый человек, который шесть часов назад, в Уси, требовал от него признания. Тот самый человек, который надел на него наручники, доставил военным реактивным самолетом в Пекин, вернее, в ярко освещенное здание из бетонных блоков, находящееся на территории военно-воздушной базы.

— Никакого Джеймса Хоули из Уолнат-Крика в нашей стране нет, — мягким голосом произнес офицер.

— Ну как же нет? Не может не быть. Я не знал никаких формул, это он их мне дал.

— Повторяю, никакого Джеймса Хоули нет. Мы уже проверили все, что ты нам говорил.

У Ли Вэня вдруг перехватило дыхание: он наконец-то сообразил, что все это время им манипулировали как последним дураком. И несомненно, рассчитывали, что если дело по той или иной причине раскроется, отвечать придется ему одному.

— Говори!

Ли Вэнь медленно поднял голову. Рядом с офицером на особом столике стояла видеокамера, ее красный глаз светился, извещая о том, что она записывает все происходящее. А позади видеокамеры он разглядел в полутьме лица еще полдюжины людей, одетых в форму, — из военной полиции или, что еще хуже, как и допрашивавший его следователь, из Министерства общественной безопасности.

Собравшись с духом, он кивнул и, глядя прямо в камеру, рассказал, как опускал свои «снежки» — замороженные комки смертельно ядовитого, не обнаруживаемого обычными средствами полициклического ненасыщенного спирта — в водозабор для очищенной воды. Подробно, с использованием научных терминов объяснил химический состав вещества и технологию его изготовления, его предназначение, а также и то, сколько народу, по предварительным расчетам, оно должно было погубить.

Когда же он закончил и вытер ладонью пот со лба, к нему неожиданно подошли двое из тех людей, которые стояли за спиной следователя. Двое солдат. Без лишних слов они подхватили его под руки и вывели в тускло освещенный коридор с неоштукатуренными бетонными стенами. Они успели пройти от силы двадцать-тридцать футов, как из боковой двери вышел человек. Солдаты застыли от неожиданности. А мужчина быстро шагнул им навстречу. В руке он держал пистолет с длинным глушителем. Ли Вэнь широко раскрыл глаза. Перед ним стоял Чень Инь. Он поднял пистолет и несколько раз выстрелил почти в упор.

БАХ! БАХ! БАХ!

Ли Вэня отшвырнуло назад, вырвало из рук державших его солдат, кровь от сквозных ранений хлынула на стену за его спиной.

Чень Инь взглянул на солдат, усмехнулся и двинулся к той же двери, из которой появился. Но вдруг его ухмылка сменилась выражением ужаса. Один из солдат вскинул автомат. Чень Инь метнулся в сторону.

— Нет! — выкрикнул он. — Нет! Вы не по...

Он уже дернулся, чтобы выскочить за дверь. Но тут раздался сухой треск, словно рядом бурили бетонную стену перфоратором, первая короткая очередь развернула Чень Иня, а вторая разнесла ему верхнюю часть головы от правого глаза и слегка наискосок вверх. Как и Ли Вэнь, он умер, прежде чем его тело коснулось пола.

Рим. 4 часа 15 минут

Гарри сбрасывал в ванной бороду. Это был довольно опасный шаг, ведь он выставлял на всеобщее обозрение лицо, которое Gruppo Cardinale ежедневно показывало публике с экранов телевизоров и страниц газет. Но выбора у него не оставалось. Дэни сказал, что в Ватикане бородатых садовников не было.

Геркулес сидел за столом в кухне и рассматривал струйки пара, поднимавшиеся над чашкой свежесваренного кофе, которую он держал двумя руками. Елена, тоже молча, сидела напротив, свой кофе она даже не пригубила.

Геркулес выбрался из ванной пятнадцать минут назад. Для него это было столь редкое и изысканное удовольствие, что он провел там полчаса — сначала сидел в ванне и мылся горячей водой, потом тщательно брился, как Гарри сейчас. Когда Гарри закончит приводить себя в порядок, опрятный внешний облик окажется еще одной чертой, общей для обоих. Они будут не просто смелыми и могучими рыцарями, отправляющимися на захваченные врагом земли — они выйдут в свой поход свежесбритыми. Пусть мелочь, но Геркулес сегодня воспринимал выбритые лица — свое и своего спутника — чуть ли не как воинские мундиры, и сознание этого приятно щекотало его самолюбие.

* * *

Скала увидел, как парадная дверь дома открылась и из нее вышли двое. Гарри Аддисон отличался от обычного священника, направляющегося служить раннюю мессу, лишь тем, что нес на плече большую бухту толстой веревки. Да еще тем, что его сопровождал карлик, на костылях, но с сильными и четкими, как у гимнаста, движениями.

Они вышли с виа Николо V; детектив видел, как они пересекли улицу и оказались на виале Ватикано, а потом свернули налево, направились вдоль ватиканской стены в сторону башни Святого Иоанна и скрылись в предутренней тьме. Было двадцать минут пятого.

* * *

Итон, сидевший за рулем своего «форда», тоже увидел их через монокуляр ночного видения. При виде карлика и веревки он не на шутку растерялся.

— Гарри и карлик...

Адрианна, неплохо выспавшаяся и бодрая, разглядела их, когда они на мгновение оказались на краю светового пятна, отбрасываемого уличным фонарем, прежде чем вновь раствориться во мраке.

— Но отца Дэниела с ними нет, и Скала сидит на месте, — отозвался Итон, отложив прибор.

— А зачем веревка? Неужели они...

— Идут вызволять Марчиано? — закончил фразу Итон. — И полиция им в этом способствует.

— Ничего не понимаю.

— Я тоже.

Проехал небольшой грузовичок, нагруженный дровами. Затем на улице стало по-прежнему темно, и Гарри с Геркулесом вышли из-за угла ватиканской стены, где укрывались от лучей фар.

— Знаешь, мистер Гарри, для чего эти дрова? — прошептал Геркулес. — В городе полным-полно печей для пиццы. Пицца. — Он подмигнул и, повторив: — Пицца... — резко сунул Гарри в руки свои костыли и повернулся к стене. — Подсади меня.

Окинув быстрым взглядом улицу, Гарри взял Геркулеса за пояс и поднял, чтобы тот мог дотянуться до карниза, проходившего посередине стены. Геркулес вскинул длинную руку, уцепился и в следующее мгновение уже балансировал на карнизе.

— Сначала костыли. Потом веревку.

Подняв костыли за нижние концы высоко над головой, Гарри протянул спутнику моток веревки. Геркулес схватил его, отмотал несколько футов, перекинул веревку через свою богатырскую шею и спустил свободный конец.

Гарри ухватился за него и почувствовал, что веревка натянулась. Геркулес наверху осклабился в улыбке и помахал ему рукой. Гарри чуть ли не взбежал по стене и через десять секунд уже стоял на карнизе рядом с товарищем.

— Что, мистер Гарри, пусть ног нет, но все остальное словно из гранита, точно?

— Похоже, тебе нравится эта прогулка, — с полуулыбкой ответил Гарри.

— Мы ищем истину. Разве может быть более почетное дело, а, мистер Гарри? — Геркулес взглянул на Гарри; в его глазах можно было прочесть всю боль, которая накопилась в этом человеке за годы жизни. Впрочем, он тут же перевел взгляд на верхушку стены. — Ну, мистер Гарри, пошли на второй этап. Этот будет посложнее. Прижмись спиной к стене и стой покрепче, а то мы с тобой оба загремим вниз.

Гарри как можно крепче уперся пятками в узкий каменный карниз и прильнул спиной к стене.

— Вперед, — прошептал он и тут же почувствовал, как Геркулес ухватился ладонями за его плечи, подтянулся... В следующую секунду веревка зашуршала по его груди, атрофированные ноги Геркулеса мелькнули перед лицом, а потом тяжесть, давившая на плечи, исчезла. Гарри задрал голову. Геркулес уже стоял на коленях на вершине стены.

— Костыли! — скомандовал он.

— Ну, что там? — спросил Гарри, подавая костыли.

Ухватив костыли одной рукой, Геркулес взгляделся в находящиеся по ту сторону ватиканские сады. Башня виднелась сквозь деревья в каких-нибудь тридцати ярдах. Обернувшись, он показал Гарри руку с поднятым большим пальцем.

— Желаю удачи.

— Встретимся внутри.

Геркулес опять ухмыльнулся и подмигнул.

Гарри увидел, как он перебросил веревку через выступ стены, подхватил костыли на руку и исчез из виду.

Поколебавшись лишь долю секунды, Гарри окинул взглядом улицу и спрыгнул. Коснувшись земли, он ловко перекатился и сразу вскочил. Отряхнул одежду, надвинул на лоб черный берет и быстро зашагал по виале Ватикане в ту сторону, откуда недавно пришел.

Полученный от Скалы пистолет «калико» был у него за поясом. Сотовый телефон Адрианны — в кармане. Дома перед ним вырисовывались черными силуэтами на зловещем фоне чуть посветлевшего неба.

Томас Добряк, одетый в униформу подчиненных Фарела — черный костюм и белую рубашку, — с коротко подстриженными черными волосами, облокотился на перила наружной галереи, окружавшей купол собора Святого Петра, и смотрел сверху на Рим. Два часа назад он узнал, что осложнение, возникшее в Пекине, благополучно разрешилось и что контракты с Ли Вэнем и Чень Инем можно считать расторгнутыми. Первый контракт аннулировал ничего не подозревавший Чень Инь, а со вторым, не теряя времени, хотя и за весьма солидную цену, разобрался агент из северокорейской тайной полиции, имеющей тесные связи с китайским Министерством общественной безопасности. Ли Вэня привезли на военно-воздушную базу близ Пекина для допроса. Агенту заплатили за то, чтобы он оставил нужную дверь открытой и проследил за прибытием Чень Иня. Чень Инь сделал свое дело и рассчитывал уйти без помех. В этот момент кореец закрыл его контракт, а вместе с ним и все дело.

Теперь осталось разобраться лишь с отцом Дэниелом и его сообщниками. По приказу Палестрины и с благословения Фарела Томас Добряк накануне провел почти весь день с пятью одетыми в черные костюмы представителями ватиканской *Vigilanza*, которых он подбирал сам. На первый взгляд они мало чем отличались от прочих швейцарских гвардейцев. Были католиками и подданными Швейцарии, но на этом сходство кончалось. Если остальные были в прошлом образцовыми военнослужащими швейцарской армии, то у этих в личном деле после имени следовала расплывчатая формулировка «опыт военной службы». Причину сего проясняли дальнейшие записи. Этим пятерых взял на службу лично Фарел и использовал в качестве телохранителей Палестрины и собственной персоны. Трое из них служили во Французском иностранном легионе и были уволены до истечения пятилетних контрактов по дисциплинарным причинам. Двое были, что называется, трудными подростками, до призыва на службу в швейцарской армии успели побывать в тюрьме и, как и первые трое, были уволены со службы за преступления, связанные с насилием, один из них даже за покушение на убийство. Этим одним был Антон Пилжер. Более того, вся пятерка была переведена из швейцарской гвардии в *Vigilanza* на протяжении семи последних месяцев, что навело Томаса Добряка на мысль о том, что Палестрина мог предвидеть возникновение нынешних проблем и заблаговременно позаботился об укреплении состава «черных костюмов». Но какими бы соображениями ни руководствовался Палестрина, Добряк мог лишь согласиться с результатами его действий. Так что он встретился с избранной пятеркой и, показав будущим помощникам фотографии братьев Аддисонов, изложил свои планы.

Единственной целью прихода братьев, сказал он, будет освобождение кардинала Марчиано. Суть его плана состояла в том, что башню они будут охранять издалека и позволят братьям подобраться к ней, откуда тем вздумается. А когда Аддисоны окажутся внутри, ловушка захлопнется. Братьев нужно будет расстрелять на месте, их трупы положить в багажник неприметного автомобиля и вывезти на территорию какой-нибудь фермы в окрестностях Рима, где через пару дней их найдут и объявят, что личности убитых

установить не удалось.

И сейчас со своего наблюдательного пункта близ вершины купола собора Святого Петра Томас Добряк глядел вниз на пустую пока что площадь. Примерно через час там начнут скапливаться люди. И потом с каждой минутой будет нарастать толпа людей, съезжающихся со всего мира, чтобы посетить это древнее священное место. Любопытно, подумал он, насколько спокойнее, умиротвореннее и в большем ладу с собой он сделался за то короткое время, которое провел здесь. Что, если в здешней атмосфере и впрямь присутствует какая-то святость?

А может быть, дело в том, что он сейчас осуществляет руководство издалека, дирижирует предстоящими убийствами, вместо того чтобы заниматься ими собственноручно? И он углубился в размышления о том, что если вообще перестанет убивать и отойдет от дел, то его здоровье опять придет в норму. Эта мысль пугала его, потому что означала конечное признание того, что он болен, что он пристрастился к самому процессу убийства и испытывает к нему нездоровую тягу. Но как с любым заболеванием или болезненным пристрастием, первым шагом к исцелению является постановка диагноза. А поскольку на свете не существовало такого профессионала, к какому он мог бы обратиться за помощью, ему предстоит сделаться своим собственным врачом и прописать себе необходимое лечение. Подняв голову, он позволил своему взгляду переместиться к видневшемуся поодаль Тибру. План, который он разработал для «черных костюмов», нельзя было назвать блестящим, разве что приемлемым, но вряд ли этим парням доводилось участвовать в сражениях третьей мировой войны, поэтому с учетом обстоятельств и имеющихся людей приходилось поступать именно так, а не иначе. Теперь же оставалось следить и ждать, когда же явятся братья.

И тогда начнется первый шаг к его исцелению — руководство планом, который будут претворять в жизнь другие.

В кухне звенело стекло и пахло ромом и пролитым пивом. Содержимое последней бутылки темного пива «моретти», вылитое Еленой, с громким бульканьем исчезло в стоке раковины. Подставив горлышко бутылки под кран, Елена ополоснула ее изнутри, взяла еще четыре такие же бутылки, которые уже подготовила, и поставила их на стол, за которым колдовал Дэнни.

Перед ним стояла большая керамическая чаша с длинным узким носиком. В ней были смешаны в должных пропорциях два простых ингредиента, которые можно найти чуть ли не во всякой кухне, — 75-градусный ром, используемый для кулинарии, и оливковое масло. На столе справа от Дэнни лежали ножницы и коробка застегивающихся пластиковых пакетиков, а справа готовая продукция — горка из туго свернутых кусков больших матерчатых салфеток (каждая разрезалась на четыре части), вымоченных в этой смеси рома с маслом. Эти фитили Дэнни аккуратно брал пальцами, измазанными той же смесью, и клал в пакетики, которые сразу же закрывал. Всего сорок тряпочек, по четыре в пакете, итого десять пакетов.

Покончив с этим делом, он вытер руки бумажным полотенцем и занялся пивными бутылками, которые поставила перед ним Елена. Поднял чашу и осторожно разлил оставшуюся смесь по бутылкам.

— Порежьте еще салфеток, — сказал он Елене. — Нам понадобятся пять сухих затычек из туго свернутых полосок дюймов по шесть длиной.

— Сейчас. — Елена взяла ножницы и бросила быстрый взгляд на висевшие над плитой часы.

* * *

Роскани резким движением вынул изо рта незажженную сигарету и смял ее в пепельнице «альфа-ромео». Секунду назад он поймал себя на том, что его рука потянулась к прикуривателю. Он взглянул на сидевшего рядом с ним Кастеллетти, затем в зеркало заднего вида и уставился на расстилавшийся впереди широкий проспект. Они ехали на юг по виале ди Трастевере. Роскани сейчас волновался даже сильнее, чем всю минувшую ночь, на протяжении которой совершенно не мог спать; он думал о Пио, о том, насколько сильно его не хватает, и о том, как бы ему хотелось, чтобы тот сейчас оказался рядом.

Впервые за всю свою жизнь Роскани полностью растерялся. Он совершенно не был уверен в том, что поступает правильно. Волшебное качество Пио заключалось в том, что он был способен посмотреть на любой предмет совершенно под иным углом зрения, чем все остальные, потом шло обсуждение, и в конце концов находился путь, позволяющий всем вместе добиться успеха. Но Пио больше не было, и любое магическое решение им предстояло искать самим. Он сделал резкий, аж взвизгнули шины, поворот, потом другой. Слева проходило железнодорожное полотно, Роскани окинул его рассеянным взглядом — нет ли маневрового тепловоза? Ничего не увидел. Вот они оказались почти на месте и, свернув на виа Николо V, подъехали к белому «фиату» Скалы, стоявшему в конце улицы напротив дома под номером 22.

— Роскани и Кастеллетти, — заметила Адрианна, когда голубой «альфа-ромео» притормозил и остановился рядом с «фиатом».

Дверь «фиата» сразу же отворилась, и они увидели, как Скала вышел и подошел к «альфе». Остановился у машины на несколько секунд, очевидно, чтобы обменяться несколькими словами с сидевшими в ней, потом вернулся к «фиату» и уехал.

— Время пошло, — констатировал Итон. — Гарри Аддисон вышел два часа назад и не возвращался. Теперь появился Роскани. Он наверняка будет дожидаться следующего шага отца Дэниела и будет следить, чтобы ничего не...

Его перебил резкий писк пейджера. Итон сразу же взял трубку двухстороннего радиотелефона, лежавшую между водительским и пассажирским сиденьями, и нажал кнопку разговора.

— Да...

Адрианна заметила, что, слушая, он напрягся, так что на скулах заиграли желваки.

— Когда?

Желваки стали еще заметнее, Адрианна отчетливо услышала, как Итон заскрипел зубами.

— Ни полслова никому, что мы что-то знаем об этом. Ясно? — Он резко нажал на кнопку отбоя и уставился в пространство. — Ли Вэнь признался, что отравлял озера. Через несколько минут его застрелили, а убийцу тут же, на месте, прикончил охранник. Годится? Чей почерк, а?

У Адрианны пробежал мороз по коже.

— Томаса Добряка?..

Итон повернулся к дому поодаль.

— Я не знаю, о чем, дьявол его забори, думает Роскани, но если он отпустит их в Ватикан за Марчиано, все шансы за то, что кто-то из них оттуда не выйдет, особенно если их там поджидает Томас Добряк.

— Джеймс! — вдруг негромко окликнула его Адрианна.

Ее внимание привлекла перемена обстановки на улице.

Роскани вышел из машины и осмотрелся по сторонам, прижимая к уху сотовый телефон. С другой стороны вылез Кастеллетти и неспешно пошел вдоль тротуара, держа в опущенной руке пистолет. При этом он оглядывал ближние дома с таким видом, что можно было подумать, будто он принадлежит к службе охраны какого-нибудь важного государственного лица.

А Роскани разговаривал по телефону, время от времени кивая, а потом повернулся и подал знак Кастеллетти. Оба детектива сразу же вернулись в свою машину.

Чуть ли не в ту же секунду парадная дверь дома номер 22 по виа Николо V открылась, и на освещенной первыми утренними лучами солнца улице появился одетый в гавайку бородатый мужчина в инвалидном кресле, которое везла молодая женщина в джинсах с прикрытым солнцезащитными очками лицом. У мужчины на коленях лежала сумка с видеокамерой, у женщины на плече висела такая же.

— Черт возьми, это он!.. — пробормотала Адрианна. — А женщина не иначе Елена Восо.

Резко взвизгнув шинами, Роскани сорвал машину с места. Пересек улицу почти под прямым углом, круто повернул возле тротуара, сбросил скорость, пристроился возле инвалидного кресла и потащился, подлаживаясь под шаг женщины, которая везла калеку в кресле по тротуару в сторону Ватикана. Если бы не ползущая рядом машина, их можно было бы принять за туристов, решивших выйти на прогулку до утренней жары.

— Господи! Неужели он будет пасти их до самого собора?

Итон повернул ключ зажигания и включил мотор, его рука уже лежала на рукояти коробки передач. Зеленый «форд» медленно тронулся с места и покатил по виа Николо V. Итон был расстроен, разъярен и совершенно беспомощен; самое большее, что он мог сделать, не спровоцировав международный скандал, — это не выпускать из виду «альфа-ромео».

* * *

Инвалид с женщиной и тянущийся за ними автомобиль свернули, теперь они двигались от ларго ди Порта Кавалледжери на пьядца дель Сант'Уффицио — рукой подать до южной колоннады и входа на площадь Святого Петра. Роскани инстинктивно взглянул в зеркало. Зеленый «форд» находился в двадцати-тридцати ярдах позади них. Он ехал медленно, точно так же, как и машина детектива. На переднем сиденье находились двое. Уловив его взгляд, пассажир «форда» резко наклонил голову. Тут Роскани заметил, что Елена повернула вместе с креслом налево, прямо к колоннаде. Он опять взглянул в зеркало. «Форд», оставаясь на той же дистанции, тоже начал забираться влево. Но затем сделал резкий правый поворот, набрал скорость и исчез из виду.

Итон на большой скорости проскочил два квартала, а затем повернул налево и еще раз налево, на виа делла Кончилиационе. Обогнав, не соблюдая никаких правил, туристский автобус, он бросил машину в правый ряд и остановился прямо на стоянке такси, точнехонько напротив собора Святого Петра.

В ту же секунду они с Адрианной выскочили из «форда», не обращая ни малейшего внимания на крики таксистов, протестующих против вторжения на их территорию, и, лавируя между машинами, помчались бегом на уже заполняющуюся народом площадь. Там они врезались в толпу туристов и, расталкивая их, принялись высматривать женщину, везущую инвалидную коляску. Громкий автомобильный сигнал заставил их вскинуть головы. Они увидели надвигавшийся на них небольшой автобус, судя по табличке из тех, что совершали челночные рейсы к входу в музеи Ватикана. А под табличкой красовалась другая, с изображением белого инвалидного кресла на синем фоне — международный знак транспорта, предназначенного для обслуживания инвалидов. Они поспешно отступили в сторону, чтобы дать автобусу проехать. В этот самый момент Адрианна успела заметить отца Дэниела, сидевшего возле переднего окна. Затем автобус выехал на улицу и пересек ту самую площадь, где они оставили свою машину.

* * *

В пятидесяти ярдах от них Гарри пересекал в толпе площадь, направляясь к базилике. Под ремнем у него был спрятан пистолет Скалы, черный берет заливчатски сдвинут на лоб, в кармане — просто так, на всякий случай — документы на имя священника Джонатана Ри из Джорджтаунского университета, которыми его снабдил Итон. А под одеждой священника на нем были легкие рабочие брюки и несвежая ковбойка — вещи Дэнни из квартиры на виа Николо V.

Вот он подошел к лестнице, поднялся по ней вместе со всей толпой и остановился. Впереди еще несколько сотен человек сгрудились, ожидая, когда же откроются двери базилики. Восемь пятьдесят пять. Пуск посетителей начнется в девять. Ровно за два часа до того момента, когда на территорию Ватикана въедет тепловоз. Склонив голову, молясь про себя, чтобы кто-нибудь не присмотрелся к нему и не узнал, Гарри тяжело вздохнул и приготовился ждать.

Геркулес притаился за зубцами древней крепостной стены, примыкавшей к башне Святого Иоанна. Он находился справа от башни и футов на двадцать ниже ее круглой черепичной крыши.

Почти три часа он пробирался туда по дальней стороне стены, перехватываясь руками, скрываясь в длинных утренних тенях. Но в конце концов все же выбрался на вершину и дополз туда, где находился сейчас. И не важно, что приходилось сидеть в очень неудобной позе и терпеть жажду, он был именно там, куда намечал добраться и где ему следовало быть по плану.

Внизу он видел двух фареловских людей в черных костюмах, укрывшихся в кустах неподалеку от входа в башню. Еще двое спрятались за высокой живой изгородью возле узенькой подъездной дорожки. Главный вход, находившийся прямо под ним, похоже, никто не охранял. Сколько народу в черных костюмах укрылось в башне, он никак не мог узнать. Один, двое, два десятка, ни одного? Было ясно лишь, что Дэнни не ошибся в своем предположении: «черные костюмы» будут держаться поодаль и не на виду, словно пауки, рассчитывающие, что добыча, ничего не подозревая, наткнется на их сеть и запутается в ней.

Дэнни! Геркулес ухмыльнулся. Ему нравилось называть священника только по имени, подобно мистеру Гарри. От этого он ощущал себя почти членом семьи, человеком, который находится в своем кругу. А теперь, по крайней мере сегодня, он считал, что так оно и есть. Насколько же это было важно! Уродливый, но крепкий карлик, брошенный родителями вскоре после рождения, привыкший идти по жизни своим собственным путем, принимать ее такой, какая она есть, и упорно отказывавшийся признавать себя ее жертвой, неожиданно открыл в себе страстное стремление обрести людей, среди которых он был бы своим. Чувство изумило его, потому что стремление и боль оказались куда более сильными, чем он мог себе представить. В результате Геркулес сделал открытие: он человек в гораздо большей степени, чем привык считать, и не важно, как он выглядит. Гарри и Дэнни включили его в свой круг, потому что им требовалось то, на что он был способен, но это само по себе дало ему почетную цель и позволило чуть ли не впервые в жизни испытать чувство собственного достоинства. Они доверили ему и свои собственные жизни, и жизнь Елены, и жизнь кардинала церкви. Что бы ни случилось, чего бы ему это ни стоило — он их не подведет.

Прищурившись от яркого солнечного света, он посмотрел сверху на ведущую к Ватиканскому железнодорожному вокзалу узкую дорожку, по которой им нужно будет пройти через некоторое время. Почти напротив, за теми кустами, в которых затаилась вторая группа «черных костюмов», виднелась посадочная площадка папской вертолетной станции. С другой стороны, справа, за деревьями, высилась вторая башня — радиостанция Ватикана. Он посмотрел на часы.

9 часов 7 минут

Дэнни с Еленой вошли через главный вход Ватиканских музеев в компании трех других прибывших автобусом вместе с ними пар, каждая из которых состояла из инвалида в кресле и везущего его человека. Пенсионного возраста супружеская чета: мужчина в бейсболке с

эмблемой «Лос-Анджелес доджерс», поглядывавший на Дэнни в бейсболке «Нью-Йорк янкиз» с таким видом, что нельзя было понять — или он узнал соседа, или ему осточертели музеи и не терпелось поболтать о бейсболе, и катившая кресло его пухлая, приятно улыбающаяся жена; отец с сыном лет двенадцати с ортопедическими аппаратами на ногах, по-видимому, французы; женщина средних лет, везущая седовласую старушку, вероятно, свою мать, хотя наверняка сказать было трудно — слишком уж грубо разговаривала старушка со своей спутницей; эти были, возможно, англичанами.

Выстроившись в очередь, они приобрели билеты, после чего им предложили подождать лифт, который доставит их на второй этаж.

— Встань здесь. Ближе к двери, — рявкала седая англичанка на свою дочь. — Почему ты так оделась? Знаешь ведь, что я эти твои тряпки терпеть не могу!

Елена поправила сумку, висевшую у нее на плече, взглянув при этом на такую же сумку Дэнни. У них обоих были черные, без всяких надписей, нейлоновые сумки для видеокамер — такие носили многие туристы, — но вместо камер, кассет и батареек там лежали сигареты, спички, туго свернутые тряпки, пропитанные смесью рома и масла и упакованные в пластиковые пакетики, и четыре бутылки из-под пива «моретти», по две в каждой сумке, заткнутые фитилями и содержащие ту же самую горючую смесь.

Послышался мягкий, но отчетливый звонок, зажегся свет, и двери лифта раскрылись. Инвалиды подождали, пока из кабины вышли несколько человек, и въехали внутрь во главе с седой женщиной.

— Мы первые, если вы не возражаете.

Так и получилось; по стечению обстоятельств Елена и Дэнни вошли последними, заставив остальных потесниться, и двери закрылись за их спинами. Будь они первыми или хотя бы вторыми или третьими, у них, как и у их попутчиков, была бы возможность развернуться, и тогда Дэнни, вероятнее всего, увидел бы Итона и Адрианну. Увидел бы, как Итон отвернулся от окошка кассы и бросил внимательный взгляд в закрывающуюся кабину лифта.

9 часов 25 минут

Гарри медленно вошел в базилику, держась вплотную к группе канадских туристов, и остановился вместе с ними перед микеланджеловской «Пьетой» — вдохновенным изваянием Мадонны, оплакивающей мертвого Христа. Там он отделился от канадцев и перешел в средний неф; с праздным видом оглядывая внутреннее убранство высоченного храма, он в конце концов дошел до великолепных произведений Бернини — бронзового балдахина и находящегося за ним папского алтаря.

Оттуда он, следуя указаниям Дэнни, двинулся дальше.

Свернув вправо, он миновал ряд деревянных исповедален, мельком оглядел изваяния архангела Михаила и святой Петрониллы и оказался возле монумента Папе Клименту XIII. Рядом обнаружился нужный Гарри выступ стены. Свернув за него, будто случайно, Гарри увидел драпировку, за которой на первый взгляд должна была находиться сплошная стена.

Оглянувшись и никого не увидев, он быстро раздвинул занавески и оказался в узком коридоре, в конце которого находилась дверь. Гарри открыл ее, спустился по невысокой лестнице и, выйдя через следующую дверь, прищурился от яркого света, заливавшего ватиканские сады.

9 часов 32 минуты

Елена открыла дверь аварийного выхода и, аккуратно придерживая ее ногой, наклеила на язычок полоску скотча, чтобы замок не смог защелкнуться за ее спиной.

Убедившись, что неприятного сюрприза не случится, она вышла наружу, аккуратно прикрыв дверь за собой. И пошла прочь от здания, искоса поглядывая на его второй этаж, который только что покинула, оставив Дэнни у дверей мужской комнаты у входа в Сикстинскую капеллу — туда ей предстояло вернуться через несколько минут.

Держа на плече сумку, в которой, как решил бы любой турист, находилась видеокамера, Елена быстро пересекла небольшой дворик и оказалась в точке, куда выходило несколько аллей, пересекающих ухоженные газоны и окаймленных причудливо подстриженными живыми изгородями, — это был один из многочисленных входов в Ватиканские сады. Направо уходила то разделяющаяся, то вновь сходящаяся лестница, ведущая наверх, к фонтану Таинств.

Быстро, но осторожно Елена направилась туда, то и дело оглядываясь по сторонам, как будто не была уверена в том, куда ей следует идти, и помня, что, если ее остановят, нужно будет невинно заявить, что она ошиблась в музее дверью и заблудилась.

Поднявшись по ступенькам, она оказалась возле фонтана и, опять повернув направо, увидела большую разлапистую сосну, окруженную множеством кадок с выставленными на лето на свежий воздух комнатными растениями.

Елена оглянулась еще раз, постаралась придать своему лицу такое выражение, будто она совершенно растеряна. Не увидев ни души, она вынула из сумки черную поясную

сумку-«кенгуру» и опустила ее между одной из кадок и стволом дерева. После этого выпрямилась, в очередной раз осмотрелась и удалилась тем же путем, по которому пришла, пройдя через дворик и оторвав на ходу с замка полоску скотча. Вернувшись в музей, она закрыла за собой дверь и быстро поднялась по лестнице на второй этаж.

Дэнни осторожно открыл дверь кабинки в мужской комнате и выглянул наружу. Двое мужчин стояли перед писсуарами, а еще один ковырял в зубах перед зеркалом. Распахнув дверь пошире, Дэнни подкатился в кресле к входной двери и толкнул ее, чтобы открыть. Дверь не поддавалась. Кто-то с той стороны намеревался войти. Дэнни оглянулся. Все остальные посетители находились на прежних местах. Никто на него не смотрел.

— Эй! — раздался из-за двери недовольный голос.

Не зная, чего ожидать, Дэнни откатился назад и взялся одной рукой за сумку, чтобы в случае необходимости отбросить ее в сторону.

Дверь резко отворилась, и в помещение вкатился еще один человек в инвалидном кресле — тот самый американец в бейсболке «Доджерз», который ехал вместе с ними в автобусе. Вкатился и остановился, загородив проход; оба инвалида уставились друг на друга.

— Ты что, болеешь за «Янки»? — осведомился старик, чуть ли не с бешенством разглядывая бейсболку Дэнни. — На всю голову больной, да?

Дэнни попытался выглянуть мимо него в коридор. Там сплошным потоком шли люди. Где же Елена? У них был очень напряженный временной график. Гарри должен был уже пробраться в ватиканские сады, чтобы взять там пакет.

— Я просто люблю бейсбол. У меня много разных бейсболок. — Дэнни откатил свое кресло чуть в сторону. — Заезжайте. А я выберусь отсюда.

— Ну а команды-то какие тебе нравятся? — Настырный дед никак не желал отвязаться. — Давай хоть малость о толковом деле поболтаем, а то... Какие команды, а? Из какой лиги, Американской или Национальной?

За спиной болельщика «Доджерз» наконец-то появилась Елена.

Дэнни взглянул на него и пожал плечами.

— Раз уж мы в Ватикане, то, думаю, придется некоторое время поболеть за «Падрес»... Извините, мне надо отправляться дальше.

Непрошенный собеседник широко улыбнулся.

— Ладно, парень, валяй. — Схватившись за колеса, он вкатился в уборную, и Дэнни смог выбраться.

Елена взялась за рукоятки кресла, и они двинулись дальше. Но Дэнни вдруг схватился обеими руками за колеса, замедляя ход.

— Стоп, — негромко сказал он.

В дальнем конце коридора он увидел в толпе Итона и Адрианну Холл; они двигались быстро, целеустремленно и явно кого-то искали.

Дэнни взглянул через плечо на Елену.

— Разворачивайтесь, отправимся другим путем.

Если бы поблизости оказалась телефонная будка, у Гарри были бы все шансы почувствовать себя Суперменом.^[39] Но телефонной будки не было, имелась лишь стенка, тянувшаяся параллельно асфальтированной дороге, по которой Гарри удалялся от собора Святого Петра, отделенная от нее приземистыми кустами. За этой живой изгородью он, скорчившись в три погибели, поспешно сбросил берет и костюм священника и остался в рабочей одежде.

Засунув снятую одежду в самый густой куст, он зачерпнул из-под ног горсть мелкой пыли и размазал ее по груди, а потом вытер руки о штаны. Выждал, пропуская некстати проезжавший по дороге маленький черный «фиат», и выбрался из укрытия. Он очень надеялся, что его вид достаточно натурален, чтобы случайные встречные принимали его за садовника.

Покончив с преображением, он зашагал по небольшой лужайке и, перейдя через дорогу, направился к фонтану Таинств. Стараясь не выходить из образа, он поднялся по невысокой лестнице, уходящей направо. Наверху остановился и быстро осмотрелся по сторонам. Никого. Прямо перед ним возвышалась окруженная кадками с комнатными растениями сосна, о которой говорил Дэнни. И чем ближе Гарри подходил, тем меньше оставалось от его спокойствия. Внезапно он поймал себя на том, что напряженно прислушивается к собственному дыханию, пульс резко участился, а висевший на ремне пистолет сделался очень тяжелым.

Вот он подошел к деревцам в кадках, окружавшим старую сосну. Нервно оглянулся и опустил на колени. Почти сразу же его рука прикоснулась к нейлону, и у Гарри вырвался невольный вздох облегчения. Это означало не только то, что Дэнни и Елена проникли в Ватикан, но и то, что громоздкая ноша, которую он в последний момент решил не брать с собой, опасаясь, что она вызовет подозрения швейцарских гвардейцев в соборе Святого Петра, благополучно доставлена по назначению.

В очередной раз оглянувшись, он выпрямился и шагнул туда, где, как ему показалось, дерево отбрасывало самую густую тень. Задрал рубаху, застегнул на талии ремень сумки и переложил в нее пистолет. Вновь надев рубаху и расправив ее так, чтобы со стороны сумка была не так заметна, он быстро сбежал вниз по ступенькам. На все про все ему потребовалось не более тридцати секунд.

Башня Святого Иоанна. То же время

Громко, вызывающе скрипнул отпираемый замок, дверь в комнату, где содержали Марчиано, отворилась, и вошел Томас Добряк. Сразу за дверью стоял, скрестив руки на груди, Антон Пилжер. В такой позе он и оставался, пока Добряк осматривал помещение.

— Buon giorno, ваше преосвященство, — сказал террорист. — Вы позволите?..

Марчиано молча отступил в сторону, а Добряк настороженно осмотрел комнату и

заглянул в ванную. Через секунду он вышел оттуда и направился к стеклянной двери. Открыл ее и вышел на балкончик. Опершись руками о перила, он посмотрел на расстилающуюся внизу часть садов, а потом, задрав голову, присмотрелся к отвесной стене, доходившей почти до самой крыши.

Удовлетворенный увиденным, он вернулся в комнату, закрыл балконную дверь и секунду-другую смотрел на Марчиано.

— Благодарю, ваше преосвященство, — сказал он наконец.

После чего быстро вышел, беззвучно прикрыв за собой дверь.

Марчиано содрогнулся от звука задвигаемого засова. Этот резкий скрип уже невозможно было выносить.

Отвернувшись от входной двери, он спросил себя, по какой это причине убийца посещает его уже в третий раз за последние двадцать четыре часа и каждый раз повторяет одни и те же действия.

— За дальней дверью поворачивайте направо, — сказал Дэнни, когда Елена провозила его через Зал Пап, последнюю из комнат апартаментов Борджа.

В поведении отца Дэниела появились поспешность и нервозность, которых Елена до этих минут у него не замечала. Резкий поворот в коридоре около мужской уборной, подгоняющие нотки в голосе сейчас. Эти признаки говорили не только о сосредоточенности на том, чем он занимался. За ними угадывался страх.

Елена послушно повернула и по требованию священника повезла его по длинному коридору. Посередине, по левую сторону, находились двери лифта.

— Остановитесь, — приказал Дэнни.

Елена нажала кнопку вызова.

— Что-то не так, святой отец? Случилось что-нибудь?

С секунду Дэнни всматривался в двигавшихся мимо людей, переходивших из одной галереи в другую, а потом резко вскинул голову.

— Итон и Адрианна Холл разыскивают нас по музею. Нельзя, чтобы кто-то из них нас увидел.

Двери лифта раздвинулись. Елена взялась было за ручки кресла, но тут у нее за спиной раздался ставший уже знакомым сварливый голос:

— Если не возражаете, мы войдем первыми.

Оглянувшись, они увидели бесцеремонную седую даму в инвалидном кресле и сопровождающую ее затурканную немолодую дочь. Уже второй раз они встретились с ними в одной и той же ситуации. И Дэнни готов был подумать, что это их проклятие.

— Нет, мадам, извините, не в этот раз.

Дэнни окинул старуху суровым взглядом, и Елена ввезла его в кабину.

— Знаете ли, я никогда... — Женщина задохнулась от гнева. — Я ни за что не поеду с вами в одном лифте, сэр!

— Очень вам благодарен.

Дэнни наклонился вперед, ткнул пальцем в кнопку, и двери закрылись перед самым носом разгневанной англичанки. Не успел лифт тронуться, как Дэнни достал из кармана связку ключей, которую отец Бардони привез ему в Лугано. Он вставил один из них в замочную скважину, расположенную прямо под кнопками, и повернул.

Лифт проехал мимо первого этажа и опустился ниже. Когда же он остановился, дверь открылась в тускло освещенный коридор подсобного помещения. Дэнни вынул ключ из скважины и нажал кнопку с надписью «Откл.».

— Отлично. Теперь налево, а потом по первому же коридору направо.

Через пятнадцать минут они оказались в просторном помещении, где располагались мощные приводы музейной вентиляционной системы.

Мраморный пол, невысокие скамейки, застеленные коврами, полукруглый алтарь из розового мрамора с бронзовым распятием, окна с яркими витражами. Личная часовня святейшего отца.

Сколько раз Палестрина бывал здесь? Молился наедине с Папой или с несколькими приглашенными избранными гостями. Королями, президентами, государственными мужами.

Но никогда еще его не вызывали помолиться вместе со святейшим отцом. И сейчас, войдя в часовню, он обнаружил Папу сидящим в бронзовом кресле перед алтарем и погруженным в молитву.

Услышав шаги Палестрины, он поднял голову. Протянул обе руки, задержал в ладонях руки Палестрины и при этом настороженно и обеспокоенно вглядывался в его лицо.

— Что случилось? — осведомился Палестрина.

— Сегодня дурной день, ваше преосвященство, — чуть слышно произнес Папа. — Словно я получил зловещее предзнаменование. А в сердце моем — страх и ужас. Я почувствовал их, как только открыл глаза, и они до сих пор гнетут меня, не ослабевая. Я не знаю, в чем тут дело, но это связано с вами, ваше преосвященство... вы как-то причастны к той тьме, которая их породила... — Папа помолчал несколько секунд, продолжая глядеть в глаза Палестрине. — Скажите мне: что это значит?..

— Я не знаю, ваше святейшество. По-моему, нынче прекрасный, теплый и солнечный день.

— В таком случае помолитесь вместе со мной, чтобы я ошибся, чтобы все это оказалось лишь дурным настроением и прошло бесследно... Помолитесь о спасении души...

Папа поднялся со своего кресла, и оба преклонили колени перед алтарем. Палестрина склонил голову, вторя говорившему вслух молитву Папе Римскому Льву XIV, но про себя он точно знал, что ощущения, о которых говорил Святейший отец, ничего не значат.

Гнетущий ужас, который Палестрина почувствовал в предутренний час, очнувшись от ночного кошмара, где его преследовали несущие болезнь духи, уже в следующую минуту после того, как Томас Добряк рассказал ему о благополучном разрешении затруднения с Ли Вэнем, неожиданно и необъяснимо обернулся благом.

Менее часа назад ему позвонил Пьер Вегген и сказал, что, несмотря на признание Ли Вэня в преднамеренном отравлении озер «психически больным сотрудником инспекции по качеству воды», как о том сообщили в своем официальном сообщении китайские власти, Пекин все же решил не отказываться от грандиозной работы по полной реконструкции своей системы водоснабжения. Это решение должно было успокоить и сплотить встревоженную и перепуганную нацию и одновременно показать всему миру, что правительство страны полностью владеет ситуацией. Из чего следовало, что, невзирая на сбой, «Китайский протокол» Палестрины продолжает осуществляться. Вдобавок Томас Добряк убедительно заверил его, что со смертью Ли Вэня и Чень Иня не осталось никакой возможности проследить связь между событиями в Китае и Римом. А вскоре твердая рука Томаса Добряка запишет заключительную страницу этой истории, устранив последнюю опасность утечки

информации; это будет сделано здесь, в Ватикане, куда вредная моль прилетит на свет пламени — ни отец Дэниел, ни его брат не являют собой Смерть, посланную враждебными духами, они всего лишь досадная помеха, с которой нужно разделаться.

Так что святейший отец заблуждается, и тяжесть, лежащая на его плечах, — это вовсе не тень смерти Палестрины, а лишь душевная и духовная слабость старого и боязливого человека.

10 часов 15 минут

Роскани, только что не дрожавший от волнения, закусив зубами костяшку пальца, смотрел на медленно двигавшийся в их направлении маневровый тепловоз. Локомотив был старым и потрепанным, грязные пятна масляных потеков почти сплошь скрывали его некогда ярко-зеленую окраску.

— Рановато, — заметил Скала с заднего сиденья.

— Рано, поздно... Приехал, и хорошо, — отозвался Кастеллетти, сидевший впереди рядом с Роскани.

Они вели наблюдение из синего «альфа-ромео» Роскани, стоявшего на полпути между стрелкой, от которой отходила ветка к ватиканской стене, и станцией Сан-Пьетро. Когда грязно-зеленый локомотив приблизился, до них донесся скрип тормозов, и рокочущая машина стала замедлять ход. Через несколько секунд тепловоз прополз мимо них. И вскоре остановился. Помощник машиниста спрыгнул с подножки и не спеша направился к стрелке. Детективы видели, как он отомкнул замок стрелочного механизма, наклонился и потянул за рычаг, переводя стрелку. Через несколько секунд он выпрямился и помахал рукой. Дизельный двигатель выплюнул из трубы черное облако дыма, и локомотив переполз с главного пути на ответвление. Когда он отъехал на достаточное расстояние, стоявший возле стрелки железнодорожник махнул опять, и тепловоз остановился. Помощник машиниста вернул стрелку в прежнее положение и забрался по лесенке в кабину тепловоза.

Скала перегнулся через спинку переднего сиденья.

— Если они заедут прямо сейчас, то весь график полетит к чертям собачьим.

Кастеллетти покачал головой.

— Не заедут. Это же Ватикан. Они будут стоять здесь до тех пор, пока не откроют ворота, и двинутся внутрь в одиннадцать часов, минута в минуту. Ни один итальянский железнодорожник не рискнет сделать что-нибудь раньше или позже срока — вдруг Папа разозлится.

Роскани искоса глянул на Кастеллетти и вновь уставился на тепловоз. Его все сильнее и сильнее охватывала тревога по поводу того, что он делает. Что, если он слишком рьяно стремится к правосудию и позволил одной части своего рассудка убедить другую, что Аддисоны сумеют каким-то образом его обеспечить? Но чем больше он думал о происходящем, тем сильнее укреплялся в сознании, что они все спятили. А сам он — больше всех, поскольку позволил завариться этой каше. Аддисоны могут быть сколько угодно уверены в том, что готовы ко всему, с чем могут столкнуться за этими стенами, но на самом деле это совсем не так: не справятся они ни с охранниками Фарела в черных костюмах, ни тем более с таким типом, как Томас Добряк. А хуже всего, что это откровение пришло к Роскани слишком поздно, когда дело начато и его уже нельзя остановить.

10 часов 17 минут

Дэнни выбрался из кресла на пол, его ноги в лубках из голубого стеклопластика неловко торчали в стороны. Перед ним громоздилась большая куча скомканных газет. На верхушку этой кучи он положил последнюю из восьми пропитанных смесью оливкового масла и рома скрученных тряпок, которые расположил на расстоянии примерно восьми дюймов одна от другой прямо перед жерлом большого воздухозаборника единой вентиляционной системы Ватиканских музеев.

«Ура! — мысленно воскликнул Дэнни. — Ура! Готов убивать!»

Морские пехотинцы присвоили себе боевой клич древних кельтов. Он был в равной степени воодушевляющим и устрашающим и исходил из самой глубины души. Все запланированное ими должно было начаться здесь и сейчас. Дэнни перенастраивал свои эмоции, переводил себя в иное состояние, то, в каком должен был сейчас пребывать, чтобы мыслить и чувствовать как воин.

— Ура! — выдохнул он себе под нос, закончив подготовку, и оглянулся на Елену, которая стояла возле умывальника для рабочих, держа в руке помятое ведро, наполненное мокрой ветошью. — Готовы?

Она кивнула.

— Хорошо.

Взглянув на часы, Дэнни чиркнул спичкой и поджег одну за другой несколько тряпок. Они мгновенно занялись, выбросив облако бурого маслянистого дыма, и подожгли газеты. Протянув руку влево, Дэнни подхватил еще несколько газет и бросил поверх загоревшихся. Через несколько секунд в машинном помещении образовался огненный ад.

— Пора! — скомандовал Дэнни.

Елена подскочила к нему. Морщась от жара и пламени, они принялись выхватывать мокрые тряпки из ведра и кидать их одну за другой поверх пламени.

Огонь почти сразу погас. Но повалили густые клубы серо-бурого дыма, не расходившегося по комнате, а уплывавшего в вентиляционную систему. Удовлетворенный результатом, Дэнни отполз от костра, и Елена помогла ему забраться в кресло. Устроившись на месте, Дэнни оглянулся на нее.

— Поехали дальше! — сказал он.

Гарри стоял в глубокой тени под соснами немного юго-западнее Музея экипажей и ждал, пока проедет электрокар садовника. Когда машина удалилась, он вышел из укрытия и, ругаясь сквозь зубы, продолжил борьбу с заевшей молнией поясной сумки. В конце концов ему удалось ее расстегнуть и вынуть один из пластиковых пакетиков. Открыв его, он достал пропитанный горючей смесью скрученный фитиль, а пакет закрыл и вновь убрал в сумку.

Вдалеке, подле собора Святого Петра, Гарри разглядел двоих одетых в белые рубашки патрульных, шедших по дороге от него в сторону Ufficio Centrale di Vigilanza — управления полиции Ватикана, отделенного от папского железнодорожного вокзала самое большее сотней ярдов.

— Господи... — произнес он вслух и, быстро опустившись на колени, сгреб в большую кучу осыпавшиеся сосновые иглы, сунул вниз свернутую тряпку и поджег.

Пламя занялось мгновенно и сразу охватило сухую, как порох, хвою. Сосчитав до пяти, Гарри принялся поспешно кидать в огонь новые и новые пригоршни хвои. Пламя сразу же опало, и повалил дым. Когда же язычки пламени появились вновь, он засыпал их несколькими кучками мокрых листьев, которые набрал под свежеполитыми кустами.

В этот момент до него со стороны Ватиканских музеев донеслись первые завывания сирен пожарной сигнализации. Кинув на огонь последнюю пригоршню листьев и увидев, как над ней закурился дым, Гарри огляделся по сторонам и быстро направился вверх по холму, туда, где проходила дорожка под громким названием Центральный лесной проспект.

* * *

Ожидая, пока лифт остановится, Елена растерянно глядела вперед. Она старалась не слушать завывания сирен, не думать о панике, которая, вероятнее всего, охватит публику, об ущербе, который дым нанесет бесценным шедеврам («Вовсе никакого или, в крайнем случае, очень малый», — сказал ей на этот счет отец Дэниел). Потом до нее дошло, что лифт остановился и двери открылись. И сразу ей в нос ударил запах дыма, а в уши — вой пожарных сирен и трели звонков.

— Пошли! — скомандовал Дэнни, и она поспешно выкатила кресло в коридор.

И сразу они оказались среди бегущих перепуганных туристов, подгоняемых охранниками в белых рубашках.

— К двери в дальнем конце, — сказал Дэнни.

— Хорошо, — отозвалась Елена.

Она катила кресло через толпу испуганных людей и все сгущавшиеся облака дыма и чувствовала, как от ощущения опасности ей в кровь выплеснулась новая порция придающего силы адреналина. Внезапно, без всякой причины, она подумала о Гарри и о том, как он, не говоря ни слова, посмотрел на нее, когда темной ночью выходил вместе с Геркулесом из квартиры. В этом взгляде она прочла не озабоченность предстоящим, не страх, а любовь.

Сильную, даже глубокую; Елена не могла бы описать то, как восприняла этот взгляд, но твердо знала, что это действительно была любовь, любовь к ней, и что она будет чувствовать эту любовь всю оставшуюся жизнь, что бы с ней ни случилось и где бы она ни оказалась.

— Туда! — бросил Дэнни.

Резкость его голоса сразу заставила Елену вернуться к действительности. Они направились в указанном направлении, отчаянно протискиваясь через людской поток в направлении внутреннего двора; вой сирен заглушал крики людей, стремившихся, как и они, выбежать из здания через многочисленные двери. Она увидела, как Дэнни открыл сумку, вынул оттуда еще три промасленные тряпки, три «книжечки» спичек — под их крышки Дэнни вставил сигареты с оторванными фильтрами, которые должны были сыграть роль запалов, и вновь плотно закрыл крышки, чтобы сигареты не вывалились.

— Туда. — Теперь он указывал на три больших мусорных контейнера, стоявших в двадцати футах один от другого.

Дым уже валил из всех открытых окон и дверей. И повсюду метались и вопили испуганные, растерянные люди, стремившиеся вырваться наружу.

Зажав спичечные «книжки» в промасленных пальцах, Дэнни аккуратно вставил каждую в свернутые тряпки.

— Тормозим! — приказал он, когда они поравнялись с первым контейнером.

Елена повиновалась. Дэнни чиркнул спичкой, поднес огонек к первой сигарете, убедился, что табак затлеет, и, украдкой оглянувшись, бросил свою дымовую гранату в мусорный бак.

— Отлично.

Они переместились ко второму баку и сделали то же самое. А потом повторили и у третьего.

Позади огонек первой сигареты добрался до спичек. Негромко фыркнув, они вспыхнули и подожгли тряпку, от которой сразу занялся сухой мусор в контейнере.

— Скорее назад, — рявкнул Дэнни, перекрыв воющую и трезвонящую сигнализацию.

Елена подкатила кресло к ближайшему открытому выходу, откуда продолжали выбегать люди и валил все более густой дым.

Они разглядели полдюжины облаченных в шлемы и прорезиненные комбинезоны и вооруженных топорами *vigili delfuoco* — ватиканских пожарных; те бежали по крыше, пытаясь отыскать выбивающиеся из-под кровли языки пламени. Это означало, что источник дыма пока не обнаружен. Но вдруг один из пожарных остановился, протянул руку и что-то прокричал. Остальные тоже застыли и уставились в ту же сторону. Это значило, что мусор в остальных контейнерах тоже загорелся.

Но вот они оказались в дверях.

С криками: «Scusi! Scusi!»^[40] Елена толкала кресло навстречу бегущим. Удивительно, но народу оказалось не слишком много, и им удалось протиснуться. Они вновь оказались в здании, в коридоре, и вновь их понесло людским потоком, двигавшимся к другим выходам. Елена увидела, как отец Дэниел вынул из кармана рубашки сотовый телефон и нажал кнопку набора запрограммированного номера.

— Гарри, ты где?

— На холме. Номер два сработал.

Гарри быстро шел по довольно густой хвойной роще к северо-западному углу сада, стараясь не думать о том, что они делают и как смогут втроем осуществить задуманное. Дэнни несколько раз подчеркивал, что основой успеха каждой партизанской операции являются тщательное планирование, неожиданность и настрой каждого бойца; пока что его слова подтверждались.

В пятидесяти ярдах от себя впереди он видел башни ватиканской радиостанции. Справа и ниже по склону, тоже в пятидесяти ярдах, густые клубы дыма начали просачиваться сквозь высокую живую изгородь, возле которой он только что был. А выше он отчетливо видел дым, расходившийся от первого устроенного им костра.

— Дэнни, ветра нет, — сказал Гарри в сотовый телефон. — Вся эта дрянь так и висит здесь.

— Ты должен уже подойти к водопроводу.

— Да.

Гарри пробежал сквозь прогалину в очередной живой изгороди, и перед ним оказалась поднимающаяся из-под земли и изогнувшаяся петлей труба с вентилями, служившими, по всей видимости, для того, чтобы перекрывать подачу воды в водопроводы Ватикана. Но по словам Дэнни, здесь находились только промежуточные задвижки, очень старые и практически неиспользуемые. И вряд ли кто-нибудь из технического персонала, за исключением ветеранов, вообще знал об их существовании. Как бы там ни было, перекрыть эти задвижки — значит оставить без воды все здания, подключенные к этой магистрали, в том числе собор Святого Петра, музеи, Ватиканский дворец и часть административных зданий.

— Нашел. Два больших вентиля, один напротив другого.

Пятясь задом, Елена спускала кресло с сидевшим в нем Дэнни на один лестничный пролет, в еще более густой дым.

— Сильно заржавело? — спросил Дэнни, громко кашляя от дыма.

— Не знаю, — сухо прозвучал в телефоне голос Гарри.

Елена остановилась у подножия лестницы и открыла свою сумку. Кашляя, обливаясь слезами, она вынула оттуда и развернула два заблаговременно смоченных водой платка. Одним она прикрыла рот и нос Дэнни и завязала узелок у него на затылке. Затем сделала такую же повязку себе, взялась за кресло и покатила его в Скульптурную галерею Кьярамонти. Бюст Цицерона, Геракл с сыном, изваяние Тиберия, огромная голова Августа — все это было окутано дымом, в клубах которого в обе стороны длинной узкой галереи бежали, мешая друг другу, порой сбивая встречных с ног, донельзя перепуганные люди. Все искали спасительный выход.

— Гарри... — снова произнес в телефон Дэнни.

— Первый готов. Второй...

— Перекрой его как можно скорее!

— Дэнни, как только смогу...

Гарри сморщился от напряжения — второй вентиль изрядно заржавел, и пришлось собрать все силы, чтобы сдвинуть его с места. Зато когда вентиль поддался, он пошел настолько легко, что Гарри приложился боком о трубу, содрал кожу на костяшках пальцев и уронил телефон, так что тот отлетел на десяток футов в сторону.

— Черт...

В повязках они походили на бандитов Дикого Запада времен его освоения. Елена поспешно повернула кресло, в котором сидел Дэнни, и повезла его обратно, удачно уклонившись от полудюжины японских туристов, мчавшихся навстречу, цепочкой, в затылок друг другу; впрочем, на бегу они кричали, кашляли и проливали слезы точно так же, как и все остальные. Во время маневра она выглянула в узкое окно и увидела там вбегавших во двор вооруженных винтовками мужчин в голубых рубашках и беретах.

— Святой отец... — обратилась она к Дэнни, показывая в окно.

Тот посмотрел, пробормотал: «Швейцарская гвардия» — и снова взялся за телефон. Елена повезла его дальше.

— Гарри...

* * *

— Гарри...

— Что?!

Гарри наклонился, подхватывая одной рукой упавший телефон и одновременно посасывая ободранные и ушибленные костяшки пальцев другой.

— Все нормально?

— Долбаная вода перекрыта, да?

Они добрались до дальнего конца галереи, Дэнни поднял руку, и Елена остановилась. Прямо перед ними находились закрытые двери, ведущие в следующий раздел музея. Galleria Lapidaria — хранилище древних надписей. Насколько можно было судить из-за двери, там уже никого не осталось.

Впервые они оказались наедине — торопливая, охваченная паникой, крикливая толпа умчалась в противоположном направлении.

— Сейчас буду поджигать номер три. Вы уже выбрались оттуда? — послышался в телефоне голос Гарри.

— Еще два пункта.

— Поторопись.

— Сюда подтянулась швейцарская гвардия.

— Тогда к черту эти пункты.

— Если мы этого не сделаем, на тебя насядут и гвардейцы, и молодцы Фарела.

— В таком случае кончай трепаться и займись делом.

— Гарри... — Дэнни оглянулся. Через окно он хорошо видел гвардейцев, надевавших противогазы, и пожарников с изолирующими кислородными противогазами и топорами. — Где-то здесь Итон. И с ним Адрианна Холл.

— Откуда они взялись, черт бы их...

— Не знаю.

— Господи Иисусе! Дэни, забудь об Итоне. Заканчивай свои дела и поживее выбирайся оттуда!

— Это диверсия.

Томас Добряк стоял на дорожке, проходившей прямо позади башни, смотрел на дым, поднимающийся над комплексом Ватиканских музеев, и говорил по рации, которую держал в руке. Оттуда слабо доносились вопли сирен автомобилей пожарных и других экстренных служб, спешно съезжавшихся со всего Рима.

— Что будете делать? — услышал он голос Фарела.

— Мои планы не меняются. И ваши не должны.

Не слушая дальше, Томас Добряк нажал «отбой» и повернулся к башне.

* * *

Скорчившись в своем укрытии, Геркулес заканчивал вязать узлы на веревке. Он видел, как Томас Добряк шел обратно по дороге, ведущей к башне, разговаривая по рации, которую держал в руке. За дорогой были хорошо видны двое людей в черных костюмах, укрывавшиеся под живой изгородью.

Геркулес дал Томасу Добряку пройти. Затем перебросил через плечо костыли, связанные куском веревки, переполз немного дальше, чуть поколебался и поднял веревку с навязанными на ней узлами над головой. Распрямившись с немалыми усилиями во весь рост, он раскрутил веревку и попытался забросить конец на крышу.

Веревка зацепилась было за толстые железные перила, но упала. Перехватывая ее, Геркулес оглянулся. Вдали он увидел облако дыма, курящееся над ватиканскими дворцами, и еще одно, поближе, на холме неподалеку от него.

Он опять встал и опять бросил веревку. И опять она сорвалась. Геркулес выругался и предпринял третью попытку.

С пятого раза веревка все же зацепилась. Он потянул сильнее, убедился, что веревка выдерживает его вес, ухмыльнулся и полез по ней вдоль стены башни. Костыли свисали у него за спиной. Через несколько секунд он оказался на красно-белой черепичной крыше и вновь исчез из виду.

— Проклятье!

Итон, кашляя от дыма и зажимая рот носовым платком, разглядывал из окна Галереи гобеленов двор музея, пытаясь выследить в сумятице массового исхода людей в креслах на колесах. Двое инвалидов уже проследовали, но не те. Куда, к черту, подевались в этом бедламе отец Дэниел и его сиделка, нельзя было даже предположить.

Ну а Адрианна говорила по сотовому телефону. Ни дым, ни кашель, ни слезы, ни паника не могли отвлечь ее от работы. У нее уже были две съемочные группы поблизости — одна в соборе Святого Петра, вторая возле входа в Ватиканские музеи. Еще две должны были прибыть с минуты на минуту, а с Адриатического побережья летел вертолет с группой «Скайкам», которая перед этим вела воздушные съемки учений итальянского военно-морского флота.

Неожиданно Итон схватил журналистку за плечо, развернул к себе, выхватил телефон и прикрыл его ладонью.

— Скажи, чтобы искали бородатого мужчину в инвалидной коляске, которую везет молодая женщина, — потребовал он, глядя ей в глаза. — Скажи, что его подозревают в поджоге, и что-нибудь еще соври. Скажи, чтобы, если увидят, не выпускали его из виду и сразу дали тебе знать. Иначе Томас Добряк доберется до него первым, вот увидишь.

Адрианна кивнула, и Итон вернул ей телефон.

* * *

Скривив губы от боли в сломанных ногах, Дэни приподнялся в кресле и всем весом навалился на окно. Сначала оно не поддавалось. Но в конце концов разохшиеся рамы все же с громким хрустом распахнулись. Внизу находился двор Бельведер. Прямо напротив располагалось здание пожарной команды, и бросать отсюда было очень неудобно. И все же...

Открыв сумку, он вынул одну из бутылок с горючей смесью из рома и оливкового масла, из горлышка которой торчал короткий фитиль. Потом взглянул на Елену, чье лицо было почти полностью скрыто платком.

— Как вы?

— В порядке.

Дэни отвернулся от нее, поднял горящую спичку и поднес огонек к фитилю.

Откинулся на спинку кресла, досчитал до пяти и с полузадушенным криком «ура!» метнул бутылку в открытое окно. Сразу раздался звон разбитого стекла, а потом к самому окну взметнулись языки пламени — это занялась жидкость, разлившаяся по тротуару и попавшая на росшие под окном кусты.

— На другую сторону! — приказал он и, поспешно закрыв окно, вновь откинулся в кресле.

Через три минуты вторая бутылка взорвалась на усыпанной гравием дорожке, ведущей в Треугольный двор, — наиболее близком к папскому дворцу пункте из доступных им; как и первая бомба, она залила пламенем пустое место и подожгла находившиеся поблизости

КУСТЫ.

В кабинете Фарела творилось нечто неопишное. По телефону звонил начальник пожарной службы, он орал, требуя, чтобы ему объяснили, что за чертовщина творится в Ватикане, и жаловался, что давление в водопроводе упало настолько, что из всех кранов вода не льется, а еле-еле капает, и в этот момент перед зданием пожарной команды взорвалась первая бомба. Пожарный сразу сменил тон. «Это террористический акт?» — спросил он. Он не станет посылать своих людей против вооруженных террористов. Это дело Фарела.

В отличие от пожарного Фарел отлично знал, что происходит, и уже отправил свою чернокостюмную гвардию к музеям на помощь вышедшим туда в полном вооружении швейцарцам, оставив лишь шестерых, в том числе Томаса Добряка и Антона Пилжера, в засаде возле башни. И тут взорвалась вторая зажигательная бомба.

Полагаться на удачу и дальше было нельзя. Вероятно, это Аддисоны, а если нет?

— Вода — это ваша проблема, саро.^[41] — Фарел провел вспотевшей ладонью по гладко выбритой голове и заметил, что его хриплый голос стал звучать басовитее, чем обычно. — *Vigilanza* и швейцарская гвардия обеспечат безопасность публики. А у меня одна забота — жизнь и здоровье святейшего отца. Все остальное не важно. — С этими словами он бросил трубку и направился к двери.

* * *

Геркулес видел, как занялся четвертый костер, разожженный Гарри. А потом увидел и его самого — как он, возникнув из-за дымного облака, побежал в сторону башни, нырнул за ряд древних олив и вновь исчез.

Обхватив двумя оборотами веревки железный поручень перил на крыше башни и крепко взяв оба конца в кулаки, Геркулес сполз по крутому скосу крыши к самому краю и выглянул. Футах в двадцати под собой он увидел крохотный балкончик комнаты, ставшей для Марчиано тюремной камерой. Оттуда до земли было еще футов двадцать-тридцать. Ничего сложного, правда, если по тебе не стреляют...

Вот за дорогой загорелся еще один костер. И еще один; густой дым закрыл солнце, и все сразу приобрело кроваво-красноватый оттенок. Пожары, устроенные Гарри, дым, валивший от музеев, и совершенно неподвижный, по крайней мере в последние несколько минут, воздух совместными усилиями накрыли Ватиканский холм чем-то вроде зловещего магического покрова, удушливой призрачной завесы, где предметы утрачивали форму и словно распадались на части, где вряд ли можно было рассмотреть что-то, находящееся дальше чем за несколько футов.

Под собой Геркулес слышал разноголосый хриплый кашель. Когда же дым на несколько мгновений рассеялся, он увидел, что двое «черных костюмов», карауливших возле двери, быстро перебежали через дорогу, туда, где скрывалась вторая пара, рассчитывая, что там воздух будет хоть немного почище.

В ту же самую секунду через дорогу мелькнула фигура, человек двигался в направлении Ватиканского вокзала и скрылся в высоких кустах на той стороне. Сдернув с плеча костыли, Геркулес поднялся на колени и помахал костылями над головой. Через мгновение из кустов

показалась голова Гарри. И Геркулес указал костылем туда, где затаились четверо «черных костюмов». Гарри помахал в ответ, и опять все заволочло дымом. Через пятнадцать минут на том месте, где он только что находился, вспыхнул ярко-красный огонь.

10 часов 38 минут

Роскани, Скала и Кастеллетти стояли возле синего «альфа-ромео» и, как очень многие римляне, смотрели на дым. По рации в своей машине они прослушивали все подробности информации, которой обменивались ватиканские полицейские и пожарные со своими городскими коллегами. Они узнали, что Фарел лично вызывал вертолет для того, чтобы вывезти Папу, но не на вертолетную площадку, расположенную в дальнем углу ватиканских садов, а прямо на крышу папского дворца.

И сразу же после этого старенький маневровый тепловоз тоже пыхнул дымом. Затем еще раз, и грязно-зеленая коробочка поползла по рельсам к воротам в стене Ватикана. То, что эвакуировали Папу, а с ним и важнейшие ценности Святого престола, никак не влияло на полученное железнодорожниками задание. Рядом с путями огня не было, и приказ никто не отменял. И потому машинист двинул локомотив вперед, намереваясь, несмотря ни на что, вывезти с территории Священного города ржавый грузовой вагон.

— У кого есть сигарета? — вдруг спросил Роскани, повернувшись от удалявшегося тепловоза к своим помощникам.

— Отелло, а стоит ли? — осведомился Скала. — Бросил — значит, бросил, и нечего начинать снова...

— Я же не сказал, что собираюсь ее закуривать, — огрызнулся Роскани.

Скала не мог решить, как ему поступить. Впрочем, беспокойство Роскани нельзя было не заметить.

— Ты переживаешь из-за этой истории. И боишься за американцев, да?

Роскани несколько секунд смотрел на Скалу. Потом, чуть заметно кивнув, бросил: «Да» — и отошел в сторону. Остановился возле полотна железной дороги и уставился на тепловоз, медленно подползавший к стене Ватикана.

Темный, неброский «мерседес» стоял в тени живой изгороди возле башни. Машина предназначалась для того, чтобы вывезти трупы братьев Аддисонов с территории Ватикана.

Томас Добряк сидел за рулем, закрыв окна от дыма. Что братья явились, ему стало ясно, как только вспыхнул первый огонь. Сначала он подумал, что это просто мелкая диверсия, для того чтобы отвлечь внимание, но, когда начали вспыхивать новые и новые костры и все заволокло дымом, понял, что имеет дело с человеком, обладающим специальной военной подготовкой. Он знал, что отец Дэниел был признанным снайпером и прошел службу в морской пехоте США, но быстрота создания и плотность дымовой завесы говорили о том, что священник, вероятнее всего, служил в одном из элитных подразделений этого рода войск, возможно, в «Силовой разведке». Об этом подразделении известно меньше, чем о «Морских котиках», но основные задачи у них одни — проводить диверсионные рейды в тылу врага и выполнять малыми силами то, что не под силу большим батальонам. Поэтому бойцы этих специальных сил должны полагаться прежде всего на самих себя.

А из этого следовало, что Аддисоны лучше подготовлены и более опасны, чем он ожидал. Из раздумий его вырвало внезапное появление Гарри Аддисона, который вдруг выскочил из-за живой изгороди, стремглав пробежал прямо перед машиной, направляясь к башне, и вновь исчез в дыму.

Первым порывом Томаса Добряка было броситься за Гарри и лично прикончить его. И он был готов так поступить, уже взялся за ручку двери, но заставил себя остановиться. Эта реакция не укладывалась в стратегический план, она была спонтанной и возникла под влиянием момента. Вместе с ней вернулось и прежнее чувство, и это напугало его. Очень уж тесно все это оказалось связано с его недавними мыслями — тогда он признался себе в том, что болен, и решил воздержаться от личного участия в ликвидации.

Здесь были и другие люди, с нетерпением ожидавшие, когда же им придется приступить к той работе, за которую они уже давно получали авансом деньги. Вот и пусть они поработают, а он останется в стороне. И все будет в порядке.

Резким движением он вынул из кармана рацию.

— Говорит пятый, — сказал он. «Пятый» — был его официальный позывной. — Объект Б, одетый в гражданское, движется в одиночку к башне. Дайте ему войти, а потом немедленно устраните.

* * *

Спрятавшись в кустах у самого подножия башни, Гарри поднял голову и всмотрелся в дымовую завесу. Ему удалось разглядеть Геркулеса. Карлик снова указал на находившиеся в отдалении заросли, за которыми укрылись «черные костюмы». Прикинув, что к чему, Гарри взял в руку пистолет и метнулся вперед. Через мгновение он оказался перед дверью с толстым стеклом, распахнул ее и вбежал в башню. Закрыл за собой дверь, повернул ручку

замка и быстро осмотрелся по сторонам. Он находился в небольшом вестибюле, откуда вела наверх узкая лестница, подле которой он увидел дверь лифтовой шахты.

Оглянувшись на дверь, он нажал кнопку лифта и дождался, пока створки раздвинутся. Тогда он быстро сунулся внутрь, передвинул ручку выключателя лифта в положение «Выкл.» и ударом рукояти пистолета разбил выключатель, временно приведя тем самым лифт в негодность.

После этого выскочил из кабины, снова взглянул на дверь и взбежал по ступенькам.

Когда Гарри достиг середины лестничного марша, за его спиной раздались мощные удары в запертую им дверь. У него были считанные секунды, прежде чем преследователи выбьют стекло и кинутся за ним.

Он взглянул вперед. Через десяток ступенек лестница круто поворачивала направо. Гарри в два прыжка преодолел оставшееся расстояние, остановился и, держа пистолет перед собой, готовый нажать на спуск, заглянул за угол. Пусто. Лестница здесь попросту заворачивала и шла выше, до следующего этажа оставалось ступенек двадцать.

Тут и раздался звон стекла. В следующую секунду дверь с шумом распахнулась, и Гарри, высунув голову, увидел, как по ступенькам вверх устремились с пистолетами в руках двое мужчин в черных костюмах. Он поспешно укрылся за углом, сунул пистолет за пояс и вытащил из поясной сумки пивную бутылку с горючей смесью. Преследователи, громко топая, поднимались по лестнице.

Чиркнув спичкой, Гарри поднес огонек к фитилю, сосчитал — один, два... А потом резко шагнул из своего укрытия и кинул бутылку под ноги первому из преследователей. Звон разбитого стекла и гул взметнувшегося пламени потонули в грохоте выстрелов. Пули свистели мимо Гарри и звонко рикошетировали от стен, ступенек и железных перил. И вдруг стрельба прекратилась. И раздался истошный вопль горящего заживо человека.

— На этот раз тебе не повезло, — гаркнул сверху мужской голос с сильным акцентом.

Гарри резко обернулся, выхватывая «калико» из-за пояса. По ступенькам двигалась в его сторону странно знакомая фигура. Молодой мужчина в черном костюме, с выражением нетерпения на лице и жадной убийства в глазах. Антон Пилжер. В руке он держал большой пистолет, указательный палец лежал на спусковом крючке.

Но Гарри уже нажимал на спуск, и «калико» загремел раньше. Гарри выстрелил несколько раз подряд, тело Пилжера дергалось, словно исполняло какой-то странный танец на ступеньках, пистолет ватиканского охранника тоже стрелял, но в пол прямо под ногами своего хозяина, на лице которого вдруг появилось выражение разочарования и удивления.

Потом его ноги подкосились, он упал навзничь и съехал немного вниз по ступенькам. Из кармана его пиджака послышалось характерное потрескивание, сопровождающее вызов по рации. Других звуков не доносилось. И в наступившей поистине мертвой тишине Гарри вдруг сообразил, где и когда слышал этот голос раньше. И понял, почему Пилжер заговорил о везении. Не кто иной, как он, пытался убить Гарри несколько дней назад, но не довел дело до конца. В канализационном коллекторе, после того как Гарри пытали светом, перед тем как его нашел Геркулес.

Не теряя времени, Гарри наклонился, вынул из кармана пиджака Пилжера рацию и побежал вверх по ступенькам. Он чувствовал растерянность, причем не только из-за происходящего. Дело в том, что он только сейчас окончательно понял, почему ввязался в эту историю. Потому что любил своего брата и брату позарез требовалась его помощь. Никаких других причин не было.

Услышав, что в замке поворачивается ключ, Марчиано прижался спиной к стене. Он явственно слышал стрельбу в коридоре. Слышал звон разбитого стекла и крики. Он молился о двух вещах, не зная, на которой остановиться. Чтобы отец Дэниел пришел за ним. И чтобы он не приходил.

Дверь резко распахнулась, и на пороге появился Гарри Аддисон.

— Все хорошо, — негромко сказал он и, закрыв за собой дверь, вновь запер ее на ключ.

— Где отец Дэниел?

— Ждет вас.

— Снаружи стоит охрана.

— Все равно выберемся.

Оглянувшись по сторонам, Гарри увидел ванную и юркнул туда. Через минуту он вернулся, держа три мокрых полотенца.

— Завяжите нос и рот.

Гарри протянул одно полотенце Марчиано, а затем подошел к стеклянной двери и распахнул ее. В комнату повалил густой дым. И одновременно с неба обрушилось что-то темное.

Марчиано чуть не выпучил глаза от изумления. На балконе стоял низкорослый человек с огромной головой и широченной грудной клеткой, перехваченной веревочной петлей.

— Ваше преосвященство... — Геракулес улыбнулся и почтительно склонил голову.

* * *

Когда Адрианна по своему работавшему на открытой частоте сотовому телефону переговаривалась со съемочными группами, рация Томаса Добряка оказалась включена.

— Не знаю, имеет ли это какое-то значение, но ворота на ватиканской железнодорожной ветке открыты, и в них въезжает тепловоз.

— «Скайкам», вы уверены?

Адрианна говорила с пилотом вертолета, который кружил над Ватиканом и сейчас находился на юге.

— Подтверждаю.

Адрианна отвела руку с телефоном в сторону и взглянула на Итона.

— Железнодорожные ворота Ватикана открыты, и в них въезжает тепловоз.

Итон вскинул голову.

— Господи! Так вот как они рассчитывают вывезти Марчиано!

* * *

— «Скайкам», держитесь над вертолетом. Оставайтесь там!

Томас Добряк слышал, как Адрианна нажала «отбой».

Он повернул ключ зажигания и завел мотор «мерседеса». Уже некоторое время он не получал сообщений от своих людей в башне, но ждать дольше было нельзя. Резко переключив скорость и развернув автомобиль чуть ли не на месте, он выехал с усыпанной гравием дорожки на узкий асфальтированный проезд, начинавшийся от стены башни. Дым и пепел не позволяли толком видеть дорогу, но Томас Добряк все равно прибавил газу. Внезапно за окном мелькнули кусты. Затем машина гулко ударилась боком о дерево и отскочила в густую живую изгородь. Он не мог даже представить себе, где же проскочил поворот. Чувствуя, как его охватывает ярость, Добряк дал задний ход и с силой нажал на акселератор. Громко взревел мотор, завизжали шины. Машина тряслась, но не двигалась с места. Распахнув дверь, он увидел, что колеса проворачиваются по свежесломанному кустарнику, как по льду.

Выругавшись на родном испанском, Томас Добряк выбрался из машины, закашлялся от дыма и побежал на своих двоих в сторону вокзала.

Дэнни и Елена выбрались в сплошь затянутый дымом сад через аварийный выход первого этажа Апостольской библиотеки.

— Налево, — скомандовал Дэнни сквозь носовой платок, и Елена повезла кресло по узкой дорожке, проходившей через цветники.

— Гарри! — позвал Дэнни в сотовый телефон.

Тишина.

— Гарри, ты меня слышишь?

В трубке раздавалось шипение, как будто телефон находился в режиме разговора.

А потом явственно щелкнуло. Связь прервалась.

— Проклятье! — произнес вслух Дэнни.

— Что случилось? — спросила Елена, охваченная внезапным приступом страха за Гарри.

— Не знаю...

* * *

Гарри, Геркулес и Марчиано стояли на балкончике, торчавшем на стене посреди башни, и вглядывались в дымовую пелену.

— Ты точно знаешь, что они здесь? — обратился Гарри к Геркулесу.

— Да, совсем рядом. Торчат у двери.

Во время своего молниеносного спуска с крыши на балкон Геркулес заметил, что двое «черных костюмов» расположились по обе стороны от двери. Но затем дым сгустился, и разглядеть, что происходило внизу, было невозможно.

— отошли их прочь, — вдруг сказал Гарри, протягивая Геркулесу рацию, которую забрал у Антона Пилжера.

Геркулес взял ее, подмигнул Гарри и нажал кнопку «передача».

— Они спустились по веревке с другой стороны башни! — быстро проговорил он по-итальянски. — Направляются к вертолетной площадке!

— Va bene,^[42] — последовал лаконичный ответ.

— Вертолетная площадка! — рявкнул Геркулес для пущего эффекта и отпустил кнопку.

Внизу послышался топот, и в дыму мелькнули очертания двух людей, быстро бегущих прочь от башни.

— Пора! — сказал Гарри.

— Ваше преосвященство...

Геркулес, быстро взмахнув веревкой, накинул петлю на торс Марчиано, а вторым концом обвязал себя за пояс.

В следующую секунду карлик уже перебрался через перила. Гарри помог Марчиано последовать за ним и, напрягая все силы, принялся вытравливать обернутую вокруг

железного поручня веревку, опуская обоих на землю.

— Мистер Гарри! — негромко крикнул снизу Геркулес.

Гарри увидел, как веревка вновь натянулась, понял, что Геркулес держит ее, и, перевалившись через перила, начал спускаться. Почти сразу же раздался выстрел, натяжение веревки ослабло, и Гарри камнем пролетел добрых пятнадцать футов, прежде чем канат натянулся вновь и падение остановилось. Но так он провисел лишь долю секунды — веревка оборвалась, и он рухнул наземь.

Гарри откатился в сторону, и тут раздался крик. Возле живой изгороди Геркулес схватился с одним из «черных костюмов», обвив того за шею своей могучей рукой.

— Осторожно! — завопил Гарри.

У охранника был пистолет, а Геркулес этого не видел! И сейчас оружие уже поднималось к его голове.

— Пушка! — взревел Гарри и, вскочив на ноги, кинулся к дерущимся.

Прогредел выстрел, но Геркулес то ли одновременно, то ли чуть раньше шевельнул рукой. Послышался задушенный вскрик, и оба упали.

Гарри и Марчиано подбежали к ним одновременно. Охранник с вывернутой под неестественным углом головой не двигался. Геркулес лежал на спине, с его лица стекала кровь.

— Геркулес... — Гарри опустился на колени возле карлика. — Господи Иисусе... — прошептал он, нащупывая пальцами артерию на шее, чтобы узнать, есть ли пульс.

В этот момент Геркулес открыл глаза и, подняв одну руку, стер кровь с другой. Он сел и поморгал, пытаясь что-то разглядеть сквозь заливавшую лицо кровь. Потом размазал кровь по лицу рукой. На лбу у него красовалась поверхностная рана с белым следом порохового ожога по краям.

— Так меня не убьешь, — сказал он.

Издали донесся гудок тепловоза. Геркулес нашарил костыли и поднялся.

— Поезд идет, мистер Гарри. — Глаза на залитом кровью лице Геркулеса сверкали. — Наш поезд!

Выбравшись на улицу, Адрианна увидела, как Итон со всех ног устремился по проезду, который огибал сзади собор Святого Петра и уходил в дымовую завесу.

— «Скайкам», что у вас с тепловозом? — отрывисто спросила она в сотовый телефон, взбегая по склону холма через газон в направлении Дворца правительства, где располагались гражданские службы управления Ватикана.

До здания вокзала ей оставалось три, от силы четыре минуты.

* * *

Неподалеку от церкви Святого Стефана Елене пришлось втащить кресло с Дэнни под раскидистую крону дерева и переждать, пока вертолет пролетит мимо. А потом они вновь устремились в направлении вокзала.

И тут телефон Дэнни зачирикал.

— Гарри?..

— Марчиано с нами. Как насчет тепловоза?

При звуке голоса Гарри сердце Елены радостно забило. С ним все было в порядке, по крайней мере сейчас.

— Гарри, — произнес Дэнни, — в дело вмешалась авиация. Понятия не имею, кто это может быть. Идите другой дорогой — выходите к «Радио Ватикана» и выбирайтесь через Эфиопский колледж. К тому времени и мы подтянемся, и я попытаюсь разобраться, что за чертовщина там творится.

10 часов 50 минут

— Оставайтесь здесь! — крикнул Роскани Скале и Кастеллетти и, повернувшись, побежал вдоль путей вслед замасленному грязно-зеленому тепловозу, который как раз добрался до открывшихся ворот и исчез в клубе дыма.

В первый момент детективы так и застыли с раскрытыми ртами. Роскани уже некоторое время шаг за шагом продвигался вслед за тепловозом, но его внезапный рывок застал их врасплох. Не сговариваясь, они сорвались с места и побежали следом. Но уже через полтора десятка ярдов, увидев, что их старший товарищ нырнул в ворота и тоже скрылся в дымной мгле, остановились. Оттуда, где они находились, казалось, будто весь Ватикан охвачен пожаром или пребывает в осаде.

Внезапно прямо у них над головами пролетел вертолет с опознавательными знаками итальянской армии. И тут же из рации послышался голос Фарела, требующего, чтобы вертолет ВСН «Скайкам» немедленно покинул воздушное пространство Ватикана.

* * *

— Проклятье! — воскликнула Адрианна, услышав приказ.

И сразу в небе усилился, а потом стал отдаляться гул мотора — ее «Скайкам» медленно отодвигался в сторону.

— Держитесь к югу от стены! — крикнула она в телефон. — А когда тепловоз выйдет наружу, не выпускайте его из виду!

* * *

Тепловоз почему-то остановился в самых воротах, и Роскани под его прикрытием быстро перебежал через пути и, не задерживаясь, миновал здание вокзала. И сразу же закашлялся от дыма, из глаз побежали слезы.

Расстегнув куртку, Роскани вынул из кобуры свой 9-миллиметровый пистолет «беретта». Вглядываясь в дым, он бежал по направлению к башне. То, что он делал, было полностью противозаконно, но на это он плевать хотел. Закон мог катиться ко всем чертям. Решение он принял мгновенно, когда бездумно шел рядом с рельсами и увидел, как огромные створки раздвигаются, чтобы пропустить тепловоз. Проход в стене — вот и все, чего ему не доставало, и, когда проход появился, он ринулся туда, охваченный эмоциями, как огнем, и зная, что обязан сделать хоть что-то.

И сейчас, пробиваясь сквозь дым, смаргивая слезы и задыхаясь, он молился, чтобы Господь не дал ему сбиться с дороги и позволил отыскать Аддисонов, прежде чем это сделают головорезы Фарела или сам Томас Добряк.

* * *

Томас Добряк бежал через ватиканские сады, держа в одной руке пистолет «вальтер», а другой вытирая катившиеся из глаз слезы. Он старался не кашлять, хотя едкий дым ел горло и легкие, — и без того мало что удавалось разглядеть и сохранить ориентировку было очень трудно, а сами приступы кашля еще сильнее расстраивали его чувства.

И все же, перебегая по газонам, перескакивая через живые изгороди, он утратил направление, и ему пришлось остановиться. Он словно заблудился, катаясь на лыжах в сильный снегопад. Сверху, снизу, по сторонам — все выглядело одинаково.

Слева доносился ослабленный расстоянием вой сирен. В той же стороне, но высоко раздавался низкий гул вертолета; Томас Добряк решил, что это машина армейской авиации, прибывшая, чтобы эвакуировать Папу, кружит, пытаясь отыскать крышу дворца. Вынув из кармана рацию, он произнес по-итальянски:

— Говорит С. Прием.

Молчание.

— Говорит С., — повторил он. — Прием.

* * *

Вихляясь на костылях, Геркулес все же не отставал от Гарри и Марчиано. С лицами,

замотанными мокрыми полотенцами, они торопливо шли по узкой дороге в сторону ватиканской радиостанции. Вдруг рация, которую Геркулес пристегнул к своему ремню, заговорила голосом Томаса Добряка.

— Кто это? — спросил Марчиано.

— Полагаю, тот, с кем нам меньше всего на свете хотелось бы встретиться, — отозвался Гарри.

Он никогда не слышал этого голоса, но совершенно точно отгадал, кому он принадлежит. Гарри закашлялся и посмотрел на часы.

10 часов 53 минуты

— Ваше преосвященство, — обратился Гарри к кардиналу. — У нас осталось пять минут, чтобы пройти через Эфиопский колледж к путям и оттуда к...

— Мистер Гарри! — выкрикнул Геркулес.

Гарри вскинул голову. Прямо перед ним, менее чем в пять футах, вырисовалась в дыму фигура человека в черном костюме. В обеих руках он держал по большому револьверу. Вот он сделал шаг вперед. Молодой, рослый, курчавый. Глядя на него, можно было подумать, что он изо всех сил пытается походить на Грязного Гарри ^[43] в молодости. Единственный из оставшихся здесь людей Томаса Добряка.

— Пушку на землю! — приказал он Гарри по-английски с сильным французским акцентом. — И барахло тоже.

Гарри медленно выпустил пистолет, потом расстегнул пряжку ремня, на котором висела сумка, она тоже упала наземь.

— Гарри... — послышался голос Дэнни из включенного телефона, который лежал в подсумке, пристегнутом к поясному ремню.

— Гарри!

В этот момент обстановка неожиданно изменилась, отчего все на секунду оторопели. Случайный порыв ветерка слегка приподнял дым над землей. Одновременно издали донесся гудок маневрового тепловоза, проходившего через ворота. «Черный костюм» злобно ухмыльнулся. Локомотив уже заходил на территорию, а трое, стоявшие перед ним, заведомо не попадут на него.

Охранник отвлекся разве что на долю секунды, но этого-то и дожидался Геркулес. Молниеносным движением он перенес тяжесть своего тела на левый костыль и взмахнул правым.

«Черный костюм» вскрикнул от неожиданности, когда костыль обрушился на его правую руку и выбил револьвер. Однако, не растерявшись, охранник направил второй револьвер на Гарри, его палец уже напрягся, чтобы нажать на спуск. Но тут на него обрушился Геркулес. Гарри видел, как оружие в руке «черного костюма» подпрыгнуло и громко выстрелило в то самое мгновение, когда Геркулес врезался в противника и вместе с ним повалился на землю.

Гарри нащупал ладонью на земле свой пистолет. Дальнейшее запомнилось ему как бы короткими вспышками. Долями секунды. Отдельными кадрами. Ярость. Гнев. Он оказался на земле, навалился на охранника. Обхватил его рукой за шею. Оторвал от Геркулеса. Попытался приставить пистолет к его голове. Но противник внезапно вырвался из его

захвата.

Ловко схватив Гарри обеими руками за волосы, он дернул его на себя и с яростной силой боднул в лоб. У Гарри словно искры посыпались из глаз, и он на мгновение лишился чувств. Когда же через миг сознание вернулось к нему, первое, что он увидел, был его «калико» в руке «черного костюма», смотрящий дулом прямо ему в лицо с расстояния в несколько дюймов.

— Да пошел ты!.. — выкрикнул готовый выстрелить охранник.

И раздался оглушительный выстрел. Вернее, три выстрела подряд. Гарри увидел, как голова его несостоявшегося убийцы разлетелась на части, словно в замедленной съемке взрыва. Тело охранника выгнулось дугой, и он упал навзничь, выронив «калико» в траву.

Гарри перевернулся и поднял голову.

С холма к нему быстрым шагом спускался Роскани, продолжая целиться в убитого ватиканского охранника, как будто опасался, что тот оживет.

— Гарри, тепловоз! — послышался из висевшего у него на поясе телефона голос Дэнни.

Когда Роскани подошел ближе, Гарри поднялся на ноги, открыл рот, чтобы что-то сказать, но замер, уставившись на холм за спиной полицейского, а потом выкрикнул:

— Берегись!

Роскани резко обернулся. «Черные костюмы», те двое, которых Геркулес отправил на вертолетную площадку, бегом возвращались на место и уже были в тридцати ярдах от них.

Роскани взглянул на Геркулеса. Лицо карлика стало пепельно-серым, под ладонью, которую он прижимал к животу, расплывалось кровавое пятно.

— Убирайтесь отсюда! — прокричал Роскани и, повернувшись, припал на колени.

Первым выстрелом он поразил одного из нападавших в плечо, но второй продолжал бежать.

Гарри слышал у себя за спиной грохот выстрелов. Нагнувшись, чтобы поднять Геркулеса с земли, он почувствовал, как несколько пуль просвистели совсем рядом. И лишь в этот момент вспомнил о Марчиано.

— Ваше преосвященство... — позвал он, озираясь.

Рядом с ним никого не было. Марчиано исчез.

Роскани вытянулся в траве во весь рост. Первый из «черных костюмов» стонал, лежа на спине ярдах в пятнадцати, второй упал ничком в каких-то трех шагах и, повернув голову, смотрел на Роскани, но в его глазах отсутствовала жизнь, и из дыры над переносицей текла кровь.

Вероятнее всего, их было только двое, и Роскани рискнул повернуться и посмотреть вниз, в ту сторону, куда направился Гарри, несший на руках Геркулеса. Но увидел лишь дым, который вовсе не рассеивался, а, наоборот, сделался еще гуще.

Осторожно приподнявшись, он оглянулся вокруг — нет ли других «черных костюмов» — и подошел к убитому. Забрав пистолет, Роскани сунул его за пояс и направился ко второму охраннику, который громко стонал в нескольких шагах.

10 часов 55 минут

— Дэнни! — послышался голос Гарри из телефона, работающего по открытой линии. — Где вы?

— Рядом с вокзалом.

— Забирайтесь в вагон. Со мной Геркулес, он ранен.

Елена остановилась. Они находились на краю рощи, возле живой изгороди, за которой возвышались здания гражданской администрации Ватикана и мозаичной мастерской. Прямо перед ними располагался вокзал, а справа темным пятном вырисовывался торец вагона. Затем прозвучал гудок локомотива, и в поле зрения появился замызганный, грязно-зеленый маневровый тепловоз. Он резко остановился, и из вокзала вышел седой мужчина, державший в руке что-то вроде планшетки. Задержавшись возле локомотива, он, по-видимому, записал его номер, а потом вскарабкался по лесенке в кабину машиниста.

— Не знаю, сможет ли Геркулес...

Елена взглянула на Дэнни. Они оба явственно слышали отчаяние в голосе Гарри.

— Дэнни, — вновь заговорил Гарри. — Марчиано исчез.

— Что?

— Я не знаю, куда он делся. Он ушел один...

— Где вы были?

— Возле радиостанции. Сейчас мы возле Эфиопского колледжа... Елена, Геркулесу нужна твоя помощь.

Елена наклонилась к телефону, который держал в руке Дэнни.

— Гарри, я отыщу тебя. Только, прошу, будь осторожен...

— Дэнни, здесь Роскани, и Томас Добряк тоже здесь. Я уверен, что он знает про поезд. Смотри в оба.

* * *

— Не двигаться! — приказал Роскани.

Держа «беретту» по-армейски, обеими руками, он направил ее на стонущего охранника.

Подойдя ближе, Роскани отчетливо увидел раненого. Тот лежал с закрытыми глазами, неудобно подогнув под себя ногу. Одну руку, перемазанную в крови, он прижимал к груди, вторую не было видно за торсом. Других людей поблизости не было. Вдалеке послышался гудок локомотива. Уже второй за несколько секунд. Роскани быстро обернулся, всматриваясь сквозь дым в ту сторону, откуда донесся звук. Туда должны были уйти Гарри и Геркулес. Наверное, Марчиано тоже. И отец Дэниел, и Елена Восо. А это с очень большой вероятностью значило, что Томас Добряк тоже мог оказаться там.

Инстинкт все же заставил Роскани оглянуться. Раненый «черный костюм» повернулся и приподнялся на локте, в его руке был пистолет. Оба выстрелили одновременно. Роскани почувствовал резкий удар. Его правая нога подогнулась, и он упал. Перевернулся на живот и выстрелил еще раз. Но в этом уже не было необходимости — головорез в черном костюме был мертв, пуля снесла ему верхушку черепа. Скривившись от боли, Роскани поднялся, но тут же вскрикнул и вновь упал. По его светлым брюкам быстро расплывалось пятно крови. Он получил пулю в правое бедро.

* * *

Раздался оглушительный рокот, от которого, казалось, все здание содрогнулось.

— *Va bene*, — прохрипела рация Фарела.

Фарел кивнул, и двое швейцарских гвардейцев в десантных комбинезонах распахнули дверь, ведущую на крышу. И они вышли — сначала гвардейцы, а потом Фарел, крепко державший под руку святейшего отца всю дорогу к выходу.

Еще полтора десятка вооруженных до зубов швейцарских гвардейцев оцепили крышу древнего здания, по которой Папа и Фарел торопливо шли к неустойчиво, с виду, присевшему возле края армейскому вертолету, лопасти винта его продолжали неторопливо вращаться. Возле открытой двери ждали двое армейских офицеров и двое одетых в неизменные черные костюмы людей Фарела.

— Где Палестрина? — обратился Папа к Фарелу, оглянувшись вокруг; несомненно, он был уверен, что его первый министр должен был находиться возле вертолета и улететь вместе с ним.

— Он сказал, ваше святейшество, что присоединится к вам позже, — солгал Фарел.

На самом деле он не имел ни малейшего представления о том, где находится Палестрина. На протяжении последних тридцати минут он даже не имел с ним связи.

— Нет. — Святейший отец резко остановился возле открытой двери вертолета и взглянул в глаза Фарелу. — Нет, — повторил Папа. — Он не присоединится ко мне. Я это знаю, а он знает даже лучше меня.

С этими словами Джакомо Печчи, Папа Римский Лев XIV, отвернулся от Фарела и позволил одетым в черные костюмы охранникам посадить его на ступеньку вертолета. За ним последовали сопровождающие. Дверь закрылась, Фарел попятился назад и подал знак пилоту.

Рокот мотора превратился в оглушительный гром, рванул ветер, заставивший Фарела и швейцарских гвардейцев пригнуться, и винтокрылая машина оторвалась от крыши. Пять, десять секунд она поднималась медленно. А потом устремилась прочь и исчезла из виду.

Марчиано разглядел в дыму высокую фигуру в тот самый миг, когда Геркулес ударил охранника костылем. Увидел, как она поднимается по склону холма по другую сторону от ватиканской радиостанции, направляясь прямо к ним. Тогда-то Марчиано и понял, что, когда вагон вывезут из Ватикана, его там не будет. Отец Дэниел, Гарри Аддисон со своим странным карликом, словно сошедшим со страниц какого-то романа, — тут они ничем не могли помочь. С этим должен был разобраться он сам. В одиночку.

* * *

Палестрина был одет не в свой обычный черный костюм с белым священническим воротничком; сейчас на нем было полное облачение кардинала. Черная сутана с красными кантом и пуговицами, красный кушак на поясе и красная скуфья на голове. На массивной золотой цепи висел большой золотой же наперсный крест.

По дороге туда он остановился возле фонтана Орла, который без труда отыскал даже в непроглядном дыму. Но впервые аура прославленного геральдического символа Боргезе, всегда оказывавшая на него столь глубокое и сугубо личное воздействие, из которой он черпал силу, отвагу и уверенность, не затронула его. То, на что он глядел, не обладало магией, не пробуждало тайно живущую в нем сущность царя-завоевателя, как это всегда бывало прежде. Он видел перед собой лишь старинное изваяние орла. Скульптуру. Деталь оформления фонтана. И ничего более.

Из его необъятной груди вырвался тяжелый вздох, и, прикрывая рукой рот и нос от удушающего едкого дыма, он направился к единственному прибежищу, которое у него было.

Поднимаясь на холм, он ощущал тяжесть своего огромного тела. И еще заметнее она сделалась, когда он распахнул дверь и пошел по мраморным ступенькам узкой крутой лестницы, ведущей на верхние этажи радиостанции Ватикана. В полной тишине он, напрягая силы, с тяжело бьющимся сердцем, разрывающимися легкими, в конце концов преклонил колени перед алтарем Христа в маленькой часовне, примыкающей к пустой трансляционной студии.

Ничего. В душе пусто.

Как и внутри орла...

Ватиканская радиостанция была его оплотом. Он сам его выбрал. Место для руководства обороной его царства. Место, откуда всему миру сообщали о величии Святого престола, достигшем неведомого прежде уровня. Ватикан контролировал назначение епископов, управлял бытием священства, сотворением таинств, в числе которых было и супружество, учреждение новых церквей, семинарий, университетов. В начавшемся столетии ему предстояло понемногу, деревня за деревней, поселок за поселком, город за городом, привлечь к себе новую паству, составляющую четверть мирового населения, что вернуло бы Риму положение средоточия самой могущественной религии на земле. Не говоря уже о немыслимо громадных финансовых рычагах, которые будут обретены благодаря контролю над водой и энергетикой этой страны и дадут возможность указывать, где, что и кто будет строить или выращивать. Очень скоро одряхлевшая и косная старая концепция сменится

новой, живой, и случится это только благодаря тому, что у Палестрины хватило мудрости для провидения и созидания.

Roma locuta est; causa finita est —
Рим сказал, значит, дело решено.

Вот только все складывалось не так, как хотелось бы. Ватикан оказался в осаде, в нем уже тут и там вспыхнули пожары. Святейший отец увидел тьму. Орел Боргезе не даровал ему новых сил. Да, в первый раз он был прав насчет отца Дэниела и его брата. Они и впрямь были посланцами потустороннего мира, порожденный ими дым был полон тьмой и недугом, тем самым, который некогда погубил Александра. Так что ошибался Палестрина, а вовсе не святейший отец; бремя, которое он нес на своих плечах, было вовсе не душевной и духовной слабостью боязливого человека, а настоящей смертной тенью.

Вдруг Палестрина вскинул голову. Прежде он думал, что находится здесь один. Но теперь понял, что это не так. Ему не было нужды оборачиваться. Он знал, кто тут, рядом с ним.

— Помолитесь со мной, ваше преосвященство, — спокойно сказал он.

Марчиано остановился рядом с ним.

— О чем же вы хотите молиться?

Палестрина медленно поднялся и повернулся. Посмотрел на Марчиано с кроткой улыбкой.

— Об избавлении.

Марчиано молча смотрел на него.

— Господь вмешался. Отравитель был пойман и убит. Третьего озера не будет.

— Я знаю.

Палестрина еще раз улыбнулся и так же медленно повернулся, чтобы вновь опуститься на колени перед алтарем и осенить себя крестным знаменем.

— Раз вы знаете, то помолитесь со мной.

Палестрина ощутил приближающиеся шаги Марчиано. И внезапно громко охнул. А потом увидел вспышку — ярче, чем любой свет, какой он видел дотопе. Он почувствовал, как ему в спину вонзилось острие. Почти точно посередине между лопаток. Почувствовал силу и ярость, с какой рука Марчиано вгоняла оружие все глубже и глубже.

— Третьего озера нет! — выкрикнул Палестрина.

Его грудь часто вздымалась, огромные руки с растопыренными пальцами хватили воздух, пытаясь поймать Марчиано. Но не могли.

— Сегодня нет, а завтра будет. Завтра вы нашли бы способ учинить другой кошмар. А потом третий. А потом еще и еще.

Мысленным взором Марчиано видел лишь одно искаженное скорбью и ужасом лицо, которое показали крупным планом за считанные минуты до того, как в его тюрьму вошел Гарри Аддисон. Это было лицо его друга Янь Е, снятого телеоператором в тот момент, когда главного банкира Китая вели под руки к машине, после того как он получил известие о смерти своих жены и сына, отравившихся водой в Уси.

Глядя остановившимися глазами поверх белоснежной шевелюры Палестрины на крест алтаря, Марчиано ощущал в ладонях узорную рукоять ножа для разрезания конвертов и книг. Напрягая все силы, он вдавливал лезвие глубже и глубже, понемногу поворачивая, всаживая

сталь в спину, в огромное тело, которое дергалось и извивалось, будто чудовищная змея, чающая бегства и спасения. И боялся, что эта змея и впрямь вырвется из его рук, сделавшихся скользкими от крови главы церковного правительства.

А потом он услышал, как Палестрина громко вскрикнул, почувствовал, как под ножом по его телу еще раз прошла судорога, и наконец госсекретарь Ватикана упал ничком и застыл в неподвижности. Тяжелый вздох вырвался из груди Марчиано, и он, выпустив нож, отступил назад на несколько шагов. Окровавленные руки он держал перед собой. Его сердце отчаянно билось. Он испытывал отчаянный ужас от содеянного.

— Владычица Мария, Матерь Божия, — произнес он чуть слышным шепотом, — молись за нас, грешных, ныне и в смертный час...

Внезапно он ощутил чье-то присутствие и оглянулся. За его спиной в дверях стоял Фарел.

— Вы правы, ваше преосвященство, — негромко сказал тот, закрывая дверь. — Завтра он нашел бы другое озеро... — Фарел долго неотрывно глядел на Палестрину, а потом вновь повернулся к Марчиано. — Вы поступили как должно. А у меня так не хватило смелости... А ведь он был всего лишь уличным мальчишкой, birba, ^[44] как он сам себя называл, и больше никем.

— Нет, доктор Фарел, — возразил Марчиано. — Он был человеком и кардиналом Святой церкви.

Запыхавшийся, потный Итон стоял за углом здания, носившего громкое имя Ватиканского железнодорожного вокзала, и пытался справиться с приступом кашля, одолевшим его после продолжительного вдыхания дыма. Порыв ветерка немного облегчил его состояние, однако недостаточно, разве что слегка подразогнал дым, и Итон смог увидеть то, на что глядел сейчас: Гарри Аддисон спускался по заросшему аккуратно подстриженной травой склону холма, держа на руках того самого карлика, вместе с которым рано утром вышел из дома на виа Николо V. Он шагал быстро, то и дело переходя на бег, но старался держаться под прикрытием деревьев, окаймлявших путь к вокзалу.

В пятидесяти футах от себя Итон видел зеленый маневровый тепловоз, медленно подползавший к старому, изрядно проржавевшему грузовому вагону — несомненно, тому самому, в котором должны были укрыться беглецы. Взглянув в другую сторону, он заметил две колеи ржавых рельсов, уходивших к открытым настежь воротам в стене Ватикана. И вновь оглянулся, рассчитывая увидеть отца Дэниела. Если он его отыщет, то через эти ворота выволочет наружу, пусть даже придется тащить священника на горбу.

Пройдя за зданием, Итон вышел на пути и остановился спиной к воротам. Прямо перед собой он увидел седовласого, одетого в белую рубашку дежурного по станции, который следил за тем, как тепловоз приближался к вагону. Этот человек представлял собой небольшую проблему, равно как и находившиеся в кабине машинист с помощником. Но все втроем они не составляли и половины другой проблемы, которая образовалась только что. Неожиданно, словно из ниоткуда, вынырнула Адрианна и сбежала наискось по склону холма к Гарри Аддисону и карлику.

Он наблюдал, как Гарри остановился, увидев ее. Потом что-то выкрикнул, похоже требуя, чтобы она ушла. Но на Адрианну эти слова, естественно, не подействовали. Приблизившись к ним, она пошла рядом, поглядывая то на карлика, которого Гарри нес на руках, то на самого Гарри. Неизвестно, что она говорила, что ей отвечал Аддисон, но он сразу же пошел дальше по направлению к вагону.

— Проклятье! — прошипел сквозь зубы Итон и вновь оглянулся, рассчитывая отыскать отца Дэниела.

* * *

— Адрианна, убирайся отсюда! Ты даже не представляешь, куда лезешь! — крикнул Гарри и, споткнувшись, чуть не упал вместе с Геркулесом.

— Полезу вместе с тобой, — огрызнулась Адрианна.

Они спустились до подножия холма и подошли почти к самым путям. Гарри хорошо видел зеленый тепловоз, уже соприкоснувшийся с вагоном; машинист с помощником, стоя спинами к нему, возились у сцепки.

— Твой брат в вагоне, да? Машинисты об этом не знают, но ведь он должен быть там,

верно?

Гарри промолчал. Он быстро шел дальше, моля Бога, чтобы железнодорожники не оглянулись и не увидели его. Геркулес застонал, Гарри покосился на него. Карлик через силу улыбнулся ему.

— Когда поезд остановится, его встретят цыгане... Мистер Гарри, не отдавай меня полиции... Цыгане меня похоронят...

— Никто тебя не похоронит!

В этот момент железнодорожники отошли от сцепки и не спеша направились к кабине.

— Они сейчас уедут!

Гарри крепче прижал Геркулеса к груди и шаткой рысцой побежал вперед. Адрианна держалась рядом.

Перебежка заняла десять секунд. Они пересекли пути позади вагона и порысили вдоль него, с противоположной от поездной бригады стороны.

Глаза Гарри слезились, легкие разрывались от едкого дыма и усилий, которые ему пришлось затратить, чтобы дотащить сюда Геркулеса. Черт возьми, где же Дэнни и Елена? Что случилось с Роскани? Вот они поравнялись с дверью, и Гарри остановился. Дверь была приоткрыта.

— Дэнни. Елена...

Молчание.

Локомотив громко свистнул. Гул дизельного двигателя сделался громче. Из трубы выплыло облачко темно-бурого дыма.

— Дэнни... — вновь позвал Гарри.

И снова тишина.

Тепловоз свистнул вторично. Гарри, изловчившись, глянул на часы.

Ровно одиннадцать.

Времени не осталось, нужно было немедленно забираться в вагон.

— Лезь, — скомандовал Гарри, искоса глянув на Адрианну. — Я подам его.

— Хорошо...

Ухватившись обеими руками за железную направляющую двери, Адрианна ловко подтянулась и оказалась в вагоне. Она сразу же обернулась, и Гарри поднял Геркулеса.

Когда журналистка подняла карлика, он закашлялся и скривился от боли. Но она уже положила его на пол, Гарри впрыгнул в полутемный вагон, рядом с Адрианной. И остолбенел.

Прямо перед ним стоял Томас Добряк. И прижимал к голове Елены, глядевшей широко раскрытыми от страха глазами, мерзкого вида автомат.

Скала, облокотившись на капот синего «альфа-ромео» Роскани, разглядывал ворота в бинокль. Но видел лишь слегка забиравшие в сторону рельсы, уходящие за стену, и небольшой кусок вокзального здания. А дальше все закрывала непроглядная дымовая завеса, которую пока не мог разогнать даже начавшийся легкий ветерок. Кастеллетти стоял на полдороге к воротам, тоже уставившись в открывшийся в стене проход. К отдаленному вою сирен теперь прибавилась трескотня выстрелов, и, хотя они оба знали, что их дело — дожидаться локомотива с вагоном и сопровождать его до места остановки, им требовалось приложить немало усилий, чтобы не побежать следом за Роскани. Но поступить так они не могли и прекрасно это понимали. Так что им оставалось лишь смотреть и ждать.

* * *

— Вы вооружены, мистер Аддисон. Будьте любезны, дайте мне пистолет.

Гарри повиновался не сразу. Добряк пошевелил автоматом, приставленным к голове Елены чуть выше уха.

— Мистер Аддисон, вы ведь знаете, кто я такой... И как я поступлю... — Томас Добряк говорил очень спокойно, на его губах играла чуть заметная улыбка.

Гарри медленно поднял руку и вынул из-за поясного ремня «калико».

— Положите на пол.

Гарри выполнил приказание и отступил назад.

— Где ваш брат?

— Хотел бы я сам это знать... — Гарри непроизвольно взглянул на Елену.

— Она тоже не знает, — с прежним спокойствием сообщил Томас Добряк.

Елена в одиночестве спешила к стоявшему на путях вагону, а Добряк внезапно выскочил из-за угла, схватил ее и потребовал сказать, где отец Дэниел. Она вызывающе бросила на это, что понятия не имеет. Священник отправился одним путем, а она другим. Она медсестра, и брат отца Дэниела несет сюда раненого человека. И она скорее прибежала сюда, чтобы помочь ему всем, чем сможет.

В ту самую минуту, когда Томас Добряк схватил Елену за руку и прочел в ее глазах непоколебимую решимость, борющуюся со страхом и успешно преодолевающую его, он почувствовал, что к нему вернулась владевшая им последние дни одержимость. И понял, что его отдых от дел закончился.

— Сейчас мы отправимся на поиски вашего брата, мистер Аддисон, — сухо произнес Томас Добряк, чье подчеркнутое спокойствие сменилось ледяной холодностью.

Гарри словно не слышал, сосредоточив внимание на Елене; он неотрывно смотрел на нее, пытаясь хоть немного подкрепить ее силы, и одновременно думал, каким образом можно было бы вырвать ее из лап Добряка. Но тут, словно из ниоткуда, в открытой вагонной двери появился еще один человек. Это был Итон.

— Vigili del fuoco!^[45] — коротко и властно представился он. — Что здесь происходит? — продолжал он по-итальянски.

Он говорил очень уверенно, даже не глядя на Томаса Добряка, а обращаясь ко всем вместе, как будто не видел, что Добряк угрожает женщине автоматом.

— Собираемся в путешествие, — ухмыльнувшись, ответил Добряк.

У Итона в руке вдруг оказался «кольт». Движение было в высшей степени профессиональным, молниеносным, отработанным и рассчитанным на то, чтобы сразу же всадить террористу пулю между глаз.

Томас Добряк даже не моргнул. Короткая очередь из автомата пришлась Итону точно в рот, вышвырнула его из двери, и он рухнул навзничь на соседние рельсы, обдав их фонтаном крови и раздробленных костей; «кольт» отлетел куда-то в сторону.

Елена окаменела от ужаса. Свободной рукой Добряк крепко зажал ей рот.

Адрианна тоже застыла. На ее лице не читалось никаких эмоций. Геркулес, лежавший на полу, — с одной стороны от него стояли Гарри и Адрианна, с другой — Добряк и Елена, — затаил дыхание. Все четверо понимали: одно движение пальца Добряка — и любой из них, а то и все четверо будут мертвы.

— Адрианна, — внезапно послышался голос пилота вертолета съемочной группы «Скайкам».

Звук был приглушенным и доносился из включенного по открытой линии сотового телефона, который лежал в кармане ее куртки.

— Адрианна, мы болтаемся прямо за ватиканской стеной, в ста пятидесяти футах. Поезд стоит на месте. Нам оставаться здесь? Как скажешь?

— Отпустите женщин... Пусть заберут Геркулеса... — выговорил Гарри.

Елена неожиданно дернулась к раненому. Добряк повел автоматом.

— Елена! — выкрикнул Гарри.

Елена вновь застыла на месте.

— Если ему не помочь, он умрет.

— Адрианна... — вновь позвал пилот.

— Скажите ему, чтобы оставил в покое поезд и снимал толпу на площади Святого Петра, — чуть слышно приказал Добряк. — Говорите.

Адрианна пару секунд смотрела на него, потом достала телефон и сказала то, что потребовал террорист.

Добряк шагнул к двери и выглянул наружу. Проводив взглядом вертолет, некоторое время барражировавший совсем рядом, а теперь устремившийся на восток и затем свернувший к северу, к собору и площади Святого Петра, Добряк вновь повернулся к своим пленникам.

— А теперь мы выйдем отсюда и переберемся в вокзал.

— Его нельзя переносить... — умоляюще произнесла Елена, взглянув на Добряка.

— В таком случае оставьте его здесь.

— Он умрет.

Гарри заметил, что палец Добряка, лежавший на спусковом крючке автомата, начал нервно подергиваться.

— Елена, делай, что он говорит.

* * *

Они быстро шли вдоль железнодорожных путей, впереди Добряк, прижимавший к себе Елену, следом Гарри и Адрианна. Внезапно перед тепловозом послышалось движение. Шаги убегающих людей. Похоже, двоих.

Томас Добряк сделал еще полшага. Действительно, машинист тепловоза и его помощник со всех ног мчались к открытым воротам. Добряк мотнул головой, взглядом предупредив Гарри, чтобы тот не шевелился, повел стволом автомата в ту сторону и, не целясь, дал две короткие очереди. Оба железнодорожника повалились, как брошенные мешки с мукой.

— Матерь Божия! — Елена перекрестилась.

— Вперед! — приказал Добряк, и они пересекли пути перед самым носом тепловоза. — Туда. — Он указал на окрашенную деревянную дверь, ведущую в здание.

На ходу бросил взгляд на широко открытые ворота в ватиканской стене и там, у самого конца боковой ветки, где старые рельсы соединялись с основным путем, разглядел автомобиль и рядом с ним фигурки двоих мужчин, глядевших в эту сторону.

Скала. Кастеллетти.

Значит, Роскани все еще где-то внутри. Но где же?!

* * *

Преодолевая боль в раненой ноге, Роскани кое-как ковылял, то и дело останавливаясь передохнуть, а потом ковылял дальше, изо всех сил прижимая ладонь правой руки к ране в бедре. Он думал, что идет по направлению к вокзалу, но уже давно не был в этом уверен — из-за дыма и боли в ноге он совершенно утратил ориентировку. Но все же заставлял себя идти дальше, держа пистолет в левой, свободной руке.

— Стой! Руки вверх! — неожиданно выкрикнул по-итальянски мужской голос совсем рядом с ним.

Роскани застыл на месте. В следующую секунду прямо перед ним из дымной мглы появились полдюжины мужчин, вооруженных тяжелыми штурмовыми винтовками. Они были в голубых рубашках, на головах — береты. Швейцарская гвардия.

— Я полицейский! — прокричал Роскани.

Он мог только догадываться, находятся швейцарцы в прямом подчинении у Фарела или нет, но хотел бы надеяться на то, что они действуют не заодно с «черными костюмами».

— Я полицейский!

— Руки! Руки вверх!

Роскани вздохнул и медленно поднял руки. Через секунду «беретту» вырвали из его левой руки. А потом он услышал, как один из гвардейцев говорит по рации.

— *Ambulanza!*^[46] — настойчиво требовал швейцарец. — *Ambulanza!*

* * *

Томас Добряк захлопнул за ними входную дверь, и они внезапно очутились в просторном помещении с мраморными стенами и полами, которое в былые времена служило для римских пап воротами в большой мир. В находившиеся высоко под потолком узкие окна вливался дневной свет, образуя отчетливые, словно от театральных софитов, лучи, ложившиеся в середине зала на пол. За нижними окнами, выходящими в сторону путей, было мрачно и серо, и вообще в зале было темновато и прохладно. И почти не ощущалось дыма, хотя вряд ли это имело сейчас какое-то значение.

— Итак, — Добряк выпустил Елену и шагнул в сторону, глядя на Гарри, — ваш брат должен был прийти к этому поезду. Раз поезд здесь, значит, и он еще может явиться.

Гарри медленно осматривал Добряка, как будто пытался отыскать его самые уязвимые точки. А потом за спиной убийцы он разглядел открытую дверь, за которой вдруг мелькнула белая рубашка. Беда была в том, что ему не удалось это скрыть.

— Ну? — резко бросил Добряк. — А что, если ваш отец Дэниел уже здесь... — Он вдруг повысил голос: — Эй, вы, там, выходите!

Никакой реакции не последовало. Адрианна медленно переместилась, на шаг приблизившись к Добряку. Гарри бросил на нее удивленный взгляд, не понимая, что она делает. Журналистка чуть заметно качнула головой.

— Выходите! — прикрикнул Добряк. — А не то я сам войду!

Еще секунду-другую ничего не происходило, а потом появилась снежно-белая от седины голова. Дежурный по станции вышел из своего оказавшегося столь ненадежным убежища. Белая рубашка, черные брюки. Уже под семьдесят. Добряк жестом приказал ему подойти. Рабочий медленно приблизился. Испуганно, растерянно, покорно.

— Кто там есть еще?

— Никого...

— Кто открывал ворота?

Железнодорожник молча поднял руку и ткнул себя пальцем в грудь.

Гарри заметил, как Добряк смерил взглядом фигуру старика, и понял, что он собрался стрелять.

— Не надо!

Добряк взглянул на него.

— Где ваш брат?

— Прошу, не убивайте его...

— Где ваш брат?

— Не знаю... — прошептал Гарри.

Добряк усмехнулся половиной рта, его палец надавил на курок, в помещении раздался грохот, похожий на чуть приглушенный звук работающего строительного перфоратора.

Елена, глазами, полными ужаса, уставилась на старого железнодорожника, белая рубашка которого мгновенно окрасилась алым. Он еще мгновение держался на ногах, потом качнулся назад и боком рухнул на пороге своей комнаты.

Гарри схватил Елену за руку и резко дернул к себе, пытаясь заслонить от ужасного зрелища.

Адрианна опять шевельнулась и придвинулась к Томасу Добряку еще на шаг.

— Вам нужен мой брат. Ладно, я выдам его вам, — резко бросил Гарри.

У него не оставалось сомнений в том, что Томас Добряк совершенно безумен, и если Дэнни действительно появится здесь, то он расправится со всеми одним движением пальца.

— Где он? — Томас Добряк быстрым движением сменил магазин у автомата.

— Снаружи... около ворот. Поезд должен был остановиться и подобрать его...

— Врете.

— Нет.

— Врете. Ворота раздвигаются, а не распахиваются. Там нет никаких укрытий. Негде спрятаться.

В этот момент Добряк сообразил, что Адрианна стоит гораздо ближе к нему, чем вначале.

— Осторожно... — предупредил ее Гарри.

— Что это вы делаете? — осведомился Добряк.

— Ничего...

Она сделала еще один, совсем короткий шаг. Глядя при этом в глаза Добряку.

— Адрианна, не надо... — выговорил Гарри.

Адрианна остановилась. Ее отделяло от Добряка футов пять, не больше.

— Это вы убили кардинала-викария Рима?

— Да.

— И за последние пять минут убили еще четверых человек?..

— Да.

— И когда найдете отца Дэниела, прикончите его... а потом нас?..

— Возможно...

Томас Добряк широко улыбнулся, Гарри понял, что все происходящее доставляет ему огромное удовольствие.

— Но скажите, — вдруг требовательно спросила Адрианна, — какое отношение все это имеет к событиям в Ватикане и отравлению озер в Китае?

Гарри уставился на нее, пытаясь понять, что же она делает. Почему она пристает к Добряку с этими вопросами, когда у того в руках автомат, и какой смысл это может для нее иметь?

Потом до него дошло. В ту же самую секунду, что и до Добряка.

— А-а, вы все это снимаете, вот оно что... Ходите со скрытой камерой и фиксируете все происходящее...

Добряк почти добродушно улыбнулся, очевидно, довольный своей собственной пронизательностью. Адрианна тоже улыбнулась.

— Почему бы вам не ответить на мой вопрос? А потом мы могли бы подробно обсу...

Дальнейшее свершилось в доли секунды. Томас Добряк вскинул автомат. Вновь раздался звук работающего перфоратора. На лице Адрианны вдруг появилось выражение безмерного удивления. Она пошатнулась и упала навзничь.

Елена отвернулась от Гарри, ее сковал ужас. Но Томас Добряк не видел этого движения. Он был полностью поглощен тем, чем занимался. Гарри заметил, как у него вздулись вены на лбу и шее. Он шагнул вперед и остановился над трупом Адрианны. И принялся стрелять в мертвую женщину, теперь уже не очередями, а одиночными выстрелами. Потом присел на корточки, широко улыбнулся и выстрелил еще и еще раз; глядя на него, можно было подумать, что он занимается с ней любовью.

Все произошло слишком быстро. Слишком жестоко, слишком противоестественно. У Гарри совершенно не было времени что-либо сделать. Теперь они остались втроем. Он, Елена и Томас Добряк. Посреди совершенно пустого огромного зала. Без всякой мебели. Бежать некуда. И укрыться негде.

Тогда Гарри шагнул. Прямо к Добряку. Тот увидел, повернулся и вскинул автомат.

— ГАРРИ!

Совершенно неожиданно для всех по пустому вокзалу гулким эхом раскатился голос Дэнни.

Гарри обмер.

И Добряк тоже, лишь глаза его метались в орбитах, осматривая пустое помещение.

Гарри резко двинулся в сторону и оказался на одной линии между Добряком, Еленой и дверью, находившейся у нее за спиной.

— Елена, уходи оттуда! Быстро! — приказал Гарри, впившись взглядом в зрачки Добряка.

Елена медленно, словно неохотно, повернулась.

— Уходи!!!

И она сорвалась с места. Кинулась к двери. За мгновение она пересекла половину зала и

выскочила наружу.

— Томас Добряк! — так же звучно прозвучал голос Дэнни. — Отпусти моего брата!

Добряк крепко стискивал рукоять автомата в ладони. Его взгляд продолжал шарить по залу. Темный угол, светлые пятна посреди пола, другой темный угол...

— Добряк, она ушла. Тебе все равно крышка. Если убьешь моего брата, ничего не выиграешь. Ведь тебе нужен я.

— Покажись!

— Сначала отпусти его.

— Считаю до трех, святой отец. А потом начну крошить его на фарш. Раз...

Через окно Гарри видел, как Елена карабкалась по лесенке в кабину тепловоза. И, невзирая на всю безысходность своего положения, подивился, что могло ей там понадобиться.

— Два...

Внезапно ватиканские сады огласили частые короткие свистки тепловоза. Добряк, как будто не заметив этого шума, направил дуло автомата на колени Гарри.

— Дэнни! — выкрикнул Гарри. — Какое слово? Какое слово?

Он вновь посмотрел в глаза Томасу Добряку.

— Я знаю брата лучше, чем ему кажется, — сказал он таким тоном, будто разговаривал с добрым знакомым. — Ну что, Дэнни? Слово! — Он повысил голос, и звуки разнеслись по пустому помещению, дробясь каменными стенами на тысячекратное короткое эхо.

— УРА-А-А!

И Дэнни внезапно появился в глубине зала из-за совершенно неприметной перегородки, в первое мгновение его инвалидное кресло было почти невидимо в глубокой тени. Гарри увидел, как он резко крутит колеса обеими руками. Его с трудом можно было разглядеть в круге ослепительно яркого света, льющегося через высокие окна.

— УРА-А! — заревел в ответ Гарри. — УРРА-А-А!!!

— УРА!

— УРА!

Добряк, ослепленный ударившим в глаза солнечным светом, ничего не видел. Гарри бросился к нему.

— УРА! УРА! — орал он на ходу, не сводя глаз с террориста. — УРА! УРА!

Добряк вскинул автомат в сторону Гарри. В то же мгновение Дэнни вновь двинул вперед свое кресло.

— УРРРРА-А-А-А-А-А!!!

Боевой клич древних кельтов громоподобно раскатился по мраморному залу, в этот момент кресло с сидевшим в нем Дэнни оказалось в поле зрения.

— Пора! — взревел Гарри.

Добряк повернул автомат в сторону Дэнни, но тот чуть раньше кинул в него последние из оставшихся у него бутылок с зажигательной смесью. Одну. И вторую. Они разбились у самых ног Томаса Добряка.

Томас Добряк успел почувствовать лишь один рывок отдачи автомата, а потом вновь утратил возможность что-либо видеть. Вокруг него взметнулось режущее пламя. Повернувшись, он кинулся бежать. Но чтобы бежать, нужно было дышать, и он, сам того не сознавая, втянул в себя ртом огонь, сразу опалив легкие. Прежде он и представить себе не мог, что такая боль возможна. Он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни даже закричать. Он

понимал лишь две вещи — что он горит и что он бежит. Потом само время стало для него замедляться. Он разглядел открытую входную дверь. Небо над собой. Призывно распахнутые ворота вдали. Как ни странно, невзирая на боль, пронизывавшую теперь его тело до последней клеточки, он ощутил глубочайший покой. Не важно, как он распорядился своей жизнью и что будет потом, — болезнь, которая полностью овладела душой Томаса Хосе Альвареса-Риоса Добряка, наконец побеждена. И не важно, что цена оказалась невероятной высокой, — через считанные мгновения он будет свободен.

* * *

Тепловоз продолжал свистеть, Скала с Кастеллетти пустились бегом вдоль рельсов к воротам. Стрельба, гудки, а поезд никак не показывается... Пропади все пропадом, они войдут туда. Но вдруг детективы остановились. В воротах появился охваченный огнем человек и, не останавливаясь, продолжал бежать им навстречу.

Полицейские глядели на него, затаив дыхание. Еще десять футов, пятнадцать... Потом он начал спотыкаться, кое-как пробежал еще несколько шагов и упал на рельсы. На территорию Италии он углубился не более чем на сотню футов.

Гарри услышал, как с глухим стуком соприкоснулись тяжелые створки ворот. Прямо перед ним, раздвинув толпу одетых в голубые рубахи и вооруженных большими винтовками швейцарских гвардейцев, показалась «скорая помощь», сразу же заехала на грузовую платформу и, сдав назад, остановилась у двери вагона. Врач и санитары подбежали к Елене, стоявшей на коленях возле Геркулеса. За какие-то мгновения они ввели ему в вену иглу, подсоединили капельницу и переложили карлика на носилки. Потом его подняли, поместили в машину, и «скорая помощь» уехала; гвардейцы, стоявшие в оцеплении, расступились перед ней и сомкнулись вновь.

Провожая машину глазами, Гарри почувствовал, как будто его покидает частичка души. Когда же «скорая помощь» скрылась из виду, он оглянулся и увидел, что Дэнни наблюдает за ним, сидя в своем кресле. Выражение лица Дэнни сказало Гарри, что брату привиделось то же самое, что и ему: повторение пережитого, когда очень дорогого им человека кладут в санитарную машину и увозят, а они стоят, смотрят и совершенно ничего не могут поделать. Двадцать пять лет прошло с того ужасного воскресенья, когда шеф пожарной команды положил извлеченное из-под льда замерзшего пруда тело их сестры, накрыв его простыней, в санитарную машину, которая сразу же скрылась в промозглых сумерках. Разница была лишь в том, что прошло четверть века, дело происходило не зимой, а летом, не в штате Мэн, а в Риме и Геркулес был еще жив.

И тут Гарри понял, что позабыл о Елене. Обернувшись, он увидел, что она стоит в одиночестве, прислонившись спиной к стенке вагона, и смотрит на них с Дэнни, не замечая окружавших их солдат. Казалось, будто она понимала всю важность безмолвного обмена мыслями, происходившего между братьями, и хотела бы к нему присоединиться, но не решалась, а может быть, даже боялась помешать. В эту секунду она стала для него самым дорогим человеком на всей земле.

Не задумываясь, без тени сомнения, Гарри подошел к Елене. И перед Дэнни и множеством безликих людей в голубых рубахах, которые окружали их, он поцеловал ее — ласково, со всей любовью и нежностью, какие были у него в душе.

Вторую половину дня и вечер Гарри с Еленой и Дэнни провели в маленькой отдельной комнате для родственников пациентов в больнице Святого Иоанна. Гарри почти все время держал Елену за руку, но его мысли частенько улетали вдаль. Вообще-то он старался не думать. Люди, которых убил он сам... Люди, которых убили остальные... Итон, даже Томас Добряк... Хуже всего было, когда в его мысли приходила Адрианна. В первую ночь, которую они провели вместе, он почувствовал, что она боялась смерти. Тем не менее все, что она делала, любой репортаж, который вела, так или иначе имел отношение к смерти, от войны в Хорватии до беженцев, спасающихся от кровавых ужасов гражданской войны в Африке, до странных событий в Италии и убийства кардинала-викария Рима. Что она тогда говорила ему? Что-то вроде того, что, будь у нее дети, она ни за что не смогла бы стать той, кем стала. Кто знает — может быть, на самом деле она хотела именно этого, но только не ведала, как совместить семью, детей и работу... Она не могла получить все и выбрала одно из трех, то, что, как ей казалось, давало ей наибольшую полноту жизни; возможно, так оно и было. До тех пор, пока работа не угробила ее.

* * *

Уже совсем под вечер к ним присоединился кардинал Марчиано, одетый в деловой костюм.

Часом позже санитар привез в инвалидном кресле из другого крыла этой же больницы мертвенно-бледного Роскани.

В пять минут десятого дверь открылась и вошел хирург, даже не снявший еще операционного облачения.

— Все хорошо, — сказал он по-итальянски. — Геркулес будет жить.

Переводить не пришлось. Гарри все отлично понял.

— Grazie, — сказал он, встав с места. — Grazie.

— Prego.

Окинув взглядом сидевших в комнате, хирург сказал, что более полные сведения будут у него позже, кивнул и вышел, закрыв за собой дверь.

После его ухода все долго молчали; у каждого оказались затронуты глубинные струны души. Известие о том, что карлик, бездомный бродяга из подземелья, будет жить, оказалось ошеломляюще ярким и радостным финалом долгого, трудного и смертельно опасного приключения, в котором, пусть и не с одинаковой степенью опасности для жизни, участвовали они все. Теперь оно практически завершилось, оставалось урегулировать лишь кое-какие мелочи. А вообще-то оно закончилось на самом деле, и все ненужные следы старательно затирались.

Фарел в мгновение ока взял всю ситуацию под единоличный контроль — только так он мог обезопасить и себя, и репутацию Святого престола. Через считанные часы после отмены тревоги шеф полиции Ватикана дал пресс-конференцию, транслировавшуюся в прямом эфире итальянским телевидением. На ней Фарел объявил, что этим утром известный южноамериканский террорист Томас Хосе Альварес-Риос, которого больше знали под

кликкой Добряк, учинил кровавое нападение на Ватикан, широко используя также зажигательные бомбы. По всей вероятности, он покушался на жизнь самого Папы Римского. Во время террористического акта преступник застрелил корреспондента Всемирной сети новостей Адрианну Холл и руководителя римского представительства ЦРУ Джеймса Итона, который случайно оказался поблизости и исполнил свой долг, пытаясь остановить террориста. В то же самое время со всеми любимым государственным секретарем Ватикана, кардиналом Умберто Палестриной, принимавшим все меры для спасения святейшего отца, случился обширный инфаркт, от которого он скончался. Заканчивая пресс-конференцию, Фарел кратко сообщил также, что покойный Томас Добряк к настоящему времени остается единственным подозреваемым в убийствах кардинала-викария Рима и итальянского полицейского детектива Джанни Пио, а также во взрыве автобуса, шедшего из Рима в Ассизи. И напоследок он сказал, что преступник погиб, когда у него в руках взорвалась неисправная, по всей вероятности, зажигательная бомба. О том, что Роскани находился на территории Ватикана, не было сказано ни слова.

* * *

Роскани обвел взглядом комнату. Он покинул свою палату и лично явился сюда, чтобы сообщить Аддисонам и Елене Восо о пресс-конференции Фарела и объявить, что с них сняты все обвинения. Присутствие Марчиано оказалось для него полнейшей неожиданностью, и в первый момент у него возникла надежда, что ему удастся убедить прелата хотя бы по секрету рассказать, что же именно происходило в эти дни, в частности об убийствах кардинала-викария Рима и государственного секретаря Палестрины, о том, как Томас Добряк оказался на службе у Ватикана, и о связи католической столицы с трагическими событиями в Китае. Но кардинал разрушил все эти надежды одной простой фразой: сказал, что сожалеет, однако в сложившихся обстоятельствах все вопросы, касающиеся последних событий, следует отправлять по официальным каналам. Это, в переводе на обычный язык, значило, что все, что Марчиано знал, останется на веки вечные сокрыто от всех. Так что Роскани пришлось смириться (все равно ничего другого ему не оставалось) и возвратиться к остальным.

Он немало удивился самому себе, когда, решив вернуться в палату, понял, что не может покинуть собравшихся в этой комнате. И хотя Роскани изнемог от всех испытаний последних дней, он остался, чтобы дождаться известий об участии Геркулеса. Причем поступил так не столько по обязанности, сколько по внезапному порыву. Возможно, дело было в том, что он почувствовал себя такой же частью этой компании, как и прочие ее члены.

А возможно, захотел остаться с ними, потому что Геркулес умудрился каким-то образом затронуть струны его души и он тревожился о нем не меньше, чем остальные. Да и кто из них мог сейчас, когда все они пребывали в состоянии полного душевного и физического изнеможения, сказать хоть что-то наверняка? Он сам, по крайней мере, бросил курить, и хоть это должно было принести какую-то пользу.

Роскани вновь вызвал санитаря, тот провез его в кресле по комнате, детектив пожал всем руки, сказав каждому, чтобы, если возникнут какие-то затруднения, смело обращались к нему. Потом пожелал всем доброй ночи. Впрочем, он еще не завершил намеченные дела.

Гарри он намеренно оставил напоследок и попросил американца отойти вместе с ним к двери.

— В чем дело? — насторожился Гарри.

— Прошу вас, — сказал Роскани, — это личный вопрос...

Бросив взгляд на Дэнни и Елену, Гарри вздохнул и отошел от них вслед за полицейским.

Они остановились почти на пороге.

— Хочу спросить о том видео, на которое вас записали, — сказал Роскани, — после убийства Пио.

— О чем именно?

— В самом конце тот, кто монтировал пленку, что-то отрезал. Слово или фразу. Я пытался разобрать, что именно вы говорили, даже пригласил специалиста, хорошо читающего по губам. Но и она не смогла ничего сделать. Вы, возможно, помните, что тогда сказали...

Гарри кивнул.

— Да.

— И что же?

— Меня перед этим пытали, мне потребовалось время, чтобы понять, что же на самом деле происходит. Я просил о помощи и назвал имя.

Роскани понимал ничуть не больше, чем прежде.

— Чье же имя?

Гарри ответил не сразу.

— Ваше.

— Мое?

— Вы были единственным человеком из всех, кого я знал, на чью помощь мог бы надеяться.

Роскани медленно расплылся в улыбке. И Гарри тоже.

Бат, штат Мэн

Некогда они договорились покинуть этот город и никогда сюда не возвращаться. Но через два дня после проведенных со всеми государственными почестями похорон кардинала Палестрины Гарри и Дэнни вернулись именно сюда. Гарри управлялся с багажом, а Дэнни неумело ковылял на костылях. Из Рима они прилетели в Нью-Йорк, оттуда — в Портленд и солнечным летним днем покатали дальше на взятой напрокат машине.

Елена отправилась домой, чтобы побыть с родителями и сообщить о своем намерении покинуть монастырь, затем ей предстояло поехать в Сиену, где ее должны были по всем правилам освободить от принесенных ею монашеских обетов, и лишь после этого она могла прилететь к Гарри в Лос-Анджелес.

Гарри вел прокатный «шеви» через знакомые с детства Фрипорт и Брунsvик, и в конце концов они добрались до Бата. Старый квартал если и изменился, то очень мало, совсем незаметно, беленые дома, обшитые внакрой досками, коттеджи, крытые давно выцветшей черепицей, сияли, словно бриллианты, под июльским солнцем. Большие вязы и дубы с еще не пожухшей от жары зеленью казались столь же величественными и неподвластными времени, как и прежде. Миновав большую вывеску «Батский механический завод» — ту самую верфь, на которой трудился и погиб их отец, братья медленно проехали к югу в направлении Бутбей-Харбор и вскоре свернули с Двести девятого шоссе на Хай-стрит, а оттуда взяли направо, на Кладбищенскую дорогу.

Участок, где находились могилы их родственников, располагался на травянистом пригорке, откуда открывался вид на залив. Все здесь оставалось таким же, каким они запомнили с молодости, — ухоженным, мирным и тихим, звучал лишь щебет птиц в кронах деревьев. Отец купил этот участок, потратив чуть ли не все свои сбережения, вскоре после рождения Маделин, когда узнал, что у них с женой больше не будет детей. Здесь было место для пяти могил, и три человека уже упокоились тут. Маделин, отец и мать, которая указала в своем завещании, что ее следует похоронить рядом с Маделин и отцом ее детей, а не с новым мужем. Оставшееся место предназначалось для Гарри и Дэнни, если они пожелают воспользоваться им.

До самого последнего времени обоим братьям подобное казалось невыносимым. Но многое изменилось, в том числе и они сами. Кто знает, какие еще сюрпризы могла припасти жизнь? Здесь было красиво и спокойно, и теперь столь раздражавшая прежде мысль показалась даже приятной, предполагающей возвращение на круги своя.

В таком умиротворенном и возвышенном настроении они и уехали оттуда, вроде бы споря между собой, но вроде бы и без спора, как это бывает, пожалуй, лишь между близкими родственниками.

Днем позже Дэнни улетел через Бостон в Рим, а Гарри — в Лос-Анджелес. Они оба сделались печальнее, богаче духовно, мудрее и вообще переменились до чрезвычайности. Братья вместе прошли сквозь ад и умудрились выйти оттуда живыми. Во время этого похода они к тому же умудрились сколотить невыносимую, фантастическую банду, в состав которой вошли монахиня, бездомный карлик-калека и трое прекрасных итальянских полицейских, а

сами смогли, впервые с детских лет, действовать заодно.

Герои? Возможно... Они спасли жизнь Марчиано и предотвратили гибель десятков тысяч ни в чем не повинных людей в Китае... Но ведь была и другая сторона — ужас, который они прекратить не смогли. И это навсегда останется для них причиной для печали, пустоты в душе и сердечной тоски. Хотя, как бы там ни было, все завершилось, ушло в прошлое, и теперь уже ничего не изменишь. Они могли лишь попытаться вернуть к прежнему положение там, откуда угодили в эту передрагу. И вновь наладить отношения в их до чрезвычайности увеличившихся семьях: у Дэнни это были кардинал Марчиано и вся католическая церковь, а у Гарри — тот бедлам, который являет собой Голливуд, и его чудесное дополнение, а вернее, суть и средоточие всей жизни, каким стала для него Елена. К тому же каждый из них с изумлением и радостью осознавал, что вновь обрел брата.

* * *

В пятницу семнадцатого июля, в половине четвертого дня, Джакомо Печчи, Папа Лев XIV, укрывавшийся под мощной охраной в своей летней резиденции, Кастель Гандольфо, что на берегу озера Альбано, неподалеку от Рима, был информирован о подробностях трагических событий, произошедших в стенах Ватикана и завершившихся смертью Умберто Палестрины.

В половине седьмого, почти через восемь часов после своего отбытия на вертолете, святейший отец вернулся в Ватикан на автомобиле. К семи часам он созвал своих ближайших советников на службу об упокоении души усопшего.

Воскресным полднем колокола римских церквей возвестили о начале панихиды по кардиналу Палестрине. А во вторник состоялось невероятно пышное отпевание его в соборе Святого Петра. Среди многих тысяч присутствовавших, естественно, был и вновь назначенный государственный секретарь Святого престола кардинал Никола Марчиано.

В шесть часов того же дня кардинал Марчиано имел закрытую встречу с кардиналом Йозефом Матади и монсеньором Фабио Капицци. По ее завершении он сразу же отправился для совместной молитвы со святейшим отцом в его личную часовню, а потом они проследовали вдвоем в папские апартаменты. О чем они говорили, так и осталось никому не известным.

* * *

Еще через десять дней, в понедельник двадцать седьмого июля, Геркулес поправился настолько, что его перевели из больницы Святого Иоанна в частный реабилитационный центр для дальнейшего восстановления здоровья.

Тремя днями позже с него без публичного оповещения сняли обвинение в убийстве. А через месяц его выписали окончательно, и он сразу же получил работу и маленькую квартирку в тосканском местечке Монтепульчано, где обитает и по сей день, надзирая за оливковой плантацией, принадлежащей семейству Елены Восо.

В сентябре руководитель Gruppo Cardinale, сотрудник прокуратуры Марчелло Талья объявил, что убийцей Росарио Пармы, кардинала-викария Рима, был ныне покойный террорист Томас Хосе Альварес-Риос, он же Добряк, и что он действовал в одиночку, без всяких связей с какими бы то ни было организациями или правительствами. После этого заявления итальянское правительство официально распустило Gruppo Cardinale и закрыло расследование.

Ватикан хранил полное молчание.

Первого октября, ровно через две недели после заявления прокурора Марчелло Талья, Capo del Ufficio Centrale Vigilanza Яков Фарел решил взять первый за пять лет отпуск. Когда он намеревался пересечь в своем личном автомобиле итало-австрийскую границу, его арестовали по обвинению в убийстве итальянского полицейского, ispettore capo Джанни Пiu. В настоящее время он дожидается суда.

И это событие Ватикан оставил без комментариев.

После его возвращения возобновилась бурная деятельность — разработка и подписание контракта на продолжение «Собаки на Луне» не мешали ежедневным, а то и более частым, продолжавшимся по часу с лишним телефонным разговорам с Еленой, которая в Италии готовилась телом и душой к переезду в Лос-Анджелес. В то же время Гарри стало все сильнее и сильнее тревожить воспоминание о разговоре, который состоялся у них с Дэнни, когда они возвращались из Мэна в Бостон.

Он начался с вопроса, о котором Гарри постоянно думал, но никак не мог найти на него ответ. Теперь, в свете восстановленных родственных отношений с братом после того, что они вместе перенесли, и тех секретов, которыми поделились, он считал совершенно естественным обратиться к Дэнни, чтобы тот кое-что прояснил.

Гарри: «Ты позвонил мне в пятницу рано утром по римскому времени и оставил на автоответчике сообщение, что тебе очень страшно и ты не знаешь, что делать. Ты сказал: „Да поможет мне Бог“».

Дэнни: «Верно».

Гарри: «Я так понимаю, это было связано с тем, что ты недавно выслушал исповедь Марчиано и был напуган ее содержанием и теми последствиями, которые повлекло бы за собой то, о чем ты узнал».

Дэнни: «Да».

Гарри: «А если бы я оказался дома и ответил на твой звонок? Ты рассказал бы мне об этой исповеди?»

Дэнни: «Я тогда был так растерян, что даже не могу сказать, как повел бы себя. О том, что выслушал исповедь, может быть, и сказал бы. А что в ней говорилось — нет».

Гарри: «Но ты меня не застал, ограничился словами на автоответчике и через несколько часов очутился в автобусе, шедшем в Ассизи. Почему именно туда? Вряд ли в Ассизи после землетрясения остались церкви, пригодные для молитвы».

Тогда-то Гарри и показалось, что Дэнни чувствует себя неловко от его расспросов.

Дэнни: «Это не имело никакого значения. Время было ужасное, автобус шел в Ассизи, а этот город казался мне наилучшим духовным прибежищем. Я всегда относился к нему именно так... Но ты-то к чему клонишь?»

Гарри: «К тому, что там было не просто твое духовное прибежище, что у тебя могли быть и другие причины для поездки».

Дэнни: «Например?»

Гарри: «Например, встреча с кем-то».

Дэнни: «С кем же?»

Гарри: «С Итоном».

Дэнни: «Итоном? Но с какой стати мне могло понадобиться ехать в Ассизи,

чтобы встретиться с Итоном?»

Гарри: «Ты говорил...»

Дэнни: «Гарри, это просто смешно. Ты ошибаешься. Только и всего».

Гарри: «Дэнни, он из кожи лез, чтобы добраться до тебя. Когда он снабдил меня фальшивыми документами... это же было все равно что самому сунуть голову в петлю. Если бы дело вскрылось, у него были бы колоссальные неприятности».

Дэнни: «Такая у него работа...»

Гарри: «Его убили, когда он пытался тебя разыскать. Может быть, он даже тебя защищал».

Дэнни: «Такая у него работа...»

Гарри: «Ну так я говорю, что на самом деле ты все эти годы ездил в Ассизи не за духовным утешением, а чтобы передавать информацию... Итону».

Дэнни: «Это уже просто смешно. Значит, по-твоему, я агент ЦРУ в Ватикане?»

Гарри: «Это так?»

Дэнни: «Тебе на самом деле хочется это узнать?»

Гарри: «Да».

Дэнни: «Нет. Еще какие-нибудь вопросы будут?»

Гарри: «Нет...»

На самом деле вопросы были, и в конце концов Гарри решил попытаться выяснить, как обстоят дела в действительности. Плотнo прикрыв дверь кабинета, он взял телефонную трубку и позвонил в Нью-Йорк своему приятелю из редакции «Тайм». Еще через десять минут он разговаривал с экспертом по ЦРУ, работавшим в вашингтонском отделении редакции журнала.

— Возможно ли, — спросил он, — чтобы ЦРУ имело своего постоянного агента в Ватикане? И если возможно, то велика ли вероятность того, что такой агент действительно существует?

В ответ он услышал смех. Крайне маловероятно, сказал агент. Но возможно? Да, возможно.

— Особенно, — охотно объяснял журналист, — если итальянский резидент хорошо понимает, насколько большим влиянием Ватикан обладает в этой стране, и осведомлен о подробностях скандалов с банком Ватикана, случившихся в начале восьмидесятых годов.

— Если я не ошибаюсь, — Гарри очень тщательно подбирал слова, — эти скандалы были связаны прежде всего с объектами капиталовложений, верно?

— Верно. И чем ближе такой агент окажется к источнику, тем полезнее он будет.

Гарри почувствовал, как по его спине пробежали мурашки. Кто может быть «ближе к источнику», чем личный секретарь кардинала, руководящего капиталовложениями Святого престола?

— А может ли, — продолжал он расспросы, — итальянский резидент быть легальным главой миссии ЦРУ в Риме?

— Да.

— Кто может знать об этом?

— В ЦРУ имеются чрезвычайно засекреченные люди — их обычно называют сотрудниками агентурной разведки, — действующие под очень хорошо организованной

«крышей». Но ими дело не ограничивается. Существует еще одна группа, секретная из секретных — внештатная агентурная разведка. Вероятно, в столь деликатных ситуациях, как с Ватиканом, может действовать агент из этой категории. Эти агенты настолько засекречены, что о них может не знать даже сам глава ЦРУ. Их обычно вербует руководитель местной резидентуры специально для внедрения на определенную позицию. Причем для большего правдоподобия вербовка происходит намного раньше, чтобы агент получил возможность без особой спешки дослужиться до намеченного положения.

— А может ли этот агент стать... ну, например, священнослужителем?

— Почему бы и нет?

* * *

Гарри не помнил толком, как он положил трубку телефона, как вышел из кабинета, как шел по августовской жаре, дыша густым смогом, по Родео-драйв, даже того, где и как пересек бульвар Вилшайр. Придя в себя, он обнаружил, что находится в универмаге «Нейман-Маркус» и очень привлекательная молодая продавщица показывает ему галстуки.

— Пожалуй, нет, — пробормотал он, глядя на галстук от «Гермеса». — Знаете, может быть, я лучше посмотрю сам...

— Конечно.

Продавщица улыбнулась ему призывно, примерно так, как он улыбнулся бы в такой же ситуации в былые времена. Но не теперь. Может быть, вообще никогда больше... Дело было в среду. В пятницу он должен был вылететь в Италию, чтобы познакомиться с родителями Елены. Только о Елене он думал, только ее видел во снах, только ее отсутствие ощущал с каждым вздохом. Так продолжалось вплоть до последнего часа, до той минуты, когда он вздумал позвонить корреспонденту «Тайм», а потом шел куда глаза глядят и с неожиданной ясностью видел перед собой лицо Томаса Добряка, Ватиканский железнодорожный вокзал и слышал свой собственный голос, в котором даже под дулом автомата прозвучала насмешливая нотка: «Я знаю своего брата лучше, чем ему кажется».

«Внештатная агентурная разведка. Настолько засекречены, что о них может не знать даже сам глава ЦРУ».

Дэнни. Господи боже... Может быть, на самом деле я тебя вовсе не знаю?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Послесловие

За подробности технического характера я особенно признателен Алессандро Пансе, руководителю центральной оперативной службы Итальянской национальной полиции, отцу Грегори Койро, уполномоченному по связям с общественностью Лос-Анджелесского католического архиепископства, докторам медицины Леону Бендеру и Джеральду Сведлоу, Нильсу Бонду, Мэрион Розенберг из «Имара», старшему консультанту по биологии Джин Манчини, мастер-ганнери-сержанту Энди Брауну и штафф-сержанту Дугласу Фрейзеру из Корпуса морской пехоты США, доктору философии Нортону Ф. Кристи.

Я благодарен также Алессандро Д'Альфонсо, Николе Мерчиори, Уилтону Уинну и особенно Луиджи Бернабо — за помощь, оказанную мне в Италии.

Я также в долгу перед Ларри Киршбаумом и Сарой Кричтон и, конечно, как всегда, перед Аароном Прайстом и его мудростью. В заключение хочу высказать отдельную благодарность Фрэнсис Джейлет-Миллер за прекрасные советы и неиссякаемое терпение, проявленные в работе над рукописью.

notes

Доверенные лица (ит.).

Группа «Кардинал» (ит.).

Кардинал-викарий — заместитель Папы в Римской епархии.

Малая лига — объединение, в которое входят несколько детских бейсбольных команд.

«Лига плюща» — общее название нескольких старейших и самых престижных университетов США.

Ispettore capo — старший инспектор. Polizia di Stato — государственная полиция (ит.).

В Великобритании, США и других странах, где принята английская систем мер, калибр нарезного оружия измеряется в долях дюйма, причем десятичная дробь записывается как целое число с точкой впереди, но без нуля.

Спасибо (ит.).

Глава Центральной службы охраны (ит.).

«Третья пленарная сессия в Балтиморе» (по организации богословского диалога между католической и православной церквями, 2000 г.).

Институт судебной медицины (ит.).

Полицейское управление Рима, отдел убийств.

Не понимаю по-английски (ит.).

Корпус карабинеров в Италии — отдельное полицейское военизированное формирование, обладающее общими полномочиями и выполняющее соответствующие обязанности по поддержанию общественного порядка и обеспечению безопасности. Подчиняется Министерству обороны.

Готов? (ит.).

Мертв. Да (ит.).

Доброго вечера (ит.).

Нунций — постоянный дипломатический представитель Папы Римского в иностранных государствах, приравненный по рангу к послу.

Беспризорник (ит.).

Говорите по-италъански? (ит.).

По-английски? (ит.).

Ильич Рамирес Санчес, он же Карлос по кличке Шакал — международный террорист, задержан французскими властями в 1994 году и приговорен к пожизненному заключению.

Торговец (здесь — запрещенным товаром) (исп.).

Добрый день, святой отец (ит.).

Pronto — здесь: алло; слушаю (ит.).

«Гостиница для зарубежных соотечественников» — гостиничная сеть в Китае, предназначенная для иностранцев китайского происхождения (хуацяо).

До свидания (ит.).

Ли Харви Освальд (1939–1963) — предполагаемый убийца президента США Дж. Кеннеди. Убит в тюрьме через два дня после совершения преступления (24 ноября 1963 г.), возможно, для того, чтобы скрыть следы заказчиков убийства.

Простите, святой отец (ит.).

Пс. 22, 4.

Блондин. Поцарапанный (ит.).

Добрый вечер (ит.).

Буфет, сервант (ит.).

Раввины... Израиль... Христианско-иудейская конференция (ит.).

Седер — ритуальный иудейский ужин, устраиваемый на Пасху (заимст. из иврита, означает «порядок»; «Тайная вечеря» была самым обыкновенным седером).

Дели — деликатесный магазин, гастрономический магазин, торгующий готовыми продуктами или полуфабрикатами, в том числе салатами и сэндвичами.

Спасибо (фр.). Понятно? (ит.).

Спасибо. Большое спасибо (ит.).

Добрый день, синьор (исп.).

Именно в телефонных будках герой популярных американских комиксов и кинофильмов Супермен преобразается из застенчивого очкарика в героя, то и дело спасающего мир.

Извините! (ит.).

Саро — здесь: начальник, командир (ит.).

Хорошо (ит.).

Грязный Гарри — герой одноименного американского кинофильма (в исполнении Клинта Иствуда), полицейский, не брезгающий в борьбе с преступниками никакими, даже самыми противозаконными приемами. Полиция США использует фильм «Грязный Гарри» в качестве наглядного пособия того, как не должен вести себя американский полицейский.

Вірба — здесь: мерзавец. (ит.).

Пожарная охрана (ит.).

«Скорая помощь» (ит.).